Бхагаван Шри Раджниш
(Ошо)

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Bhagwan Shree Rajneesh

BEYOND ENLIGHTENMENT

Talks given to the Rajneesh International University of Mysticism

Rajneesh Foundation 1986

Бхагаван Шри Раджниш

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Беседы, проведенные в Раджнишевском Международном университете мистицизма

Москва 1994

ББК 47
Р15

Перевод с английского

Редакторы
К. Кравчук, А. Липатов

Р $\frac{4700000000-062}{А-018(02)-94}$ Без объявл.

ISBN 5-86568-062-5

Содержание

Введение

В одной из бесед, содержащихся в этой книге, Бхагаван говорит: «Жизнь прекрасна, ибо в ней есть так много такого, что не может быть объяснено... ибо в ней есть измерения, которые вы можете все время исследовать, и все же никогда не прийти к объяснению. Вы можете переживать многое, и все же даже то, что вы пережили, не может быть переведено в слова».

Любая попытка представить одну из книг Бхагавана является в известном смысле попыткой объяснить необъяснимое. Это было бы легким делом, если бы Бхагаван был учителем в обычном понимании этого слова. Он не учитель.

Это было бы трудным, но не таким уж безнадежно невозможным делом, если бы у Западного мира было хотя бы самое смутное представление о том, что такое просветленный учитель, духовный учитель, Учитель, мастер. У него такого представления нет.

Для западного ума просветление имеет какое-то отношение к Веку Разума, а учитель – к рабам (английское *master* имеет основные значения: а) хозяин, господин; б) учитель; в) мастер, знаток своего дела). Нелепа сама идея связывания этих понятий с тем, что происходит в присутствии Бхагавана.

Тридцать две беседы в этой книге представляют тридцать два вечера, проведенных в присутствии Бхагавана. Строки на страницах этой книги полны поэзии, проникновения в сущность явлений, ясности, света. Они приправлены смехом и время от времени ударом дзэнской палки. Они безмерно прекрасны, но они не присутствие Бхагавана.

А опыт пребывания в присутствии Бхагавана принадлежит к миру того, что не может быть выражено словами. Возможно, какой-то намек может быть дан, могут быть описаны некие краски, некий аромат, некий привкус. Но если вы захотите систематизировать это и изложить в научном трактате, вы окажетесь в затруднении.

Прежде всего, если вы спросите у десяти разных людей или у ста разных людей, каждый из них скажет вам что-то свое. Для одного присутствие Бхагавана будет подобно яркому свету дня, наполненного смехом и игривостью. Для другого это будет безмолвие и покой звездной ночи. Сладкий ли он аромат жасмина или резкий запах сосен? Чашка ли он чая или бокал кока-колы? Манго или слива?

Возможно все это и даже много больше.

Бхагаван не школьный учитель. Его присутствие не имеет ничего общего с ответами на вопросы людей. Поэтому, естественно, вы не обнаружите, что его ученики имеют некоторый общий

объем знаний, который они будут повторять, когда вы будете задавать им вопросы. Но все же... Почему столь много разнообразия? Почему так много оттенков? Почему так много различных попыток описать то, что должно было бы быть одним и тем же переживанием? Это несколько сложнее... Что сказать о необъяснимом? Это принадлежит к сфере неописуемого.

Бхагаван не такой просветленный учитель, какими были другие просветленные учителя. В этой книге он говорит об этом, и чтобы показать это, он использует слова «за пределами просветления».

Я могу лишь попытаться описать то, что, как я понимаю, он имеет в виду, исходя из моего собственного переживания его присутствия... или его отсутствия, как это можно назвать по-другому. Присутствие Бхагавана позволяет мне переживать *мое* присутствие. Присутствие в смысле ощущения себя дома, в смысле гармонии с тем, что есть, в смысле наполненности и переполненности своей собственной уникальностью, своей собственной индивидуальностью, своей творческой силой.

Его отсутствие позволяет расцветать моему отсутствию. Отсутствию в том смысле, что никуда не надо идти, в том смысле, что я не отличаюсь от звезд, деревьев и океанов, в том смысле, что у меня нет никакого личного плана, который надо выполнить для того, чтобы занять свое особое место во вселенной.

С таким же успехом я могла бы сказать, что присутствие Бхагавана провоцирует мое отсутствие или что его отсутствие провоцирует мое присутствие. Каким-то образом это одно и то же.

Возможно, Бхагаван – первый просветленный учитель в истории, который оказался способным быть катализатором для трансформации жизней столь многих различных типов людей.

Он говорит: «Выйти за пределы просветления – значит выйти за пределы индивидуальности и слиться со вселенной...» В прошлом, чтобы быть с другими просветленными учителями, человек должен был каким-то образом соответствовать индивидуальности учителя. Ученик Будды должен был быть типом, соответствовавшим Будде; ученик Джалаледдина Руми должен был быть суфийским типом; ученик Сосана должен был нести в себе семя индивидуальности, которая могла расцвести в атмосфере дзэна.

Бхагаван – универсальный садовник. Роза вы или маргаритка – его присутствие достаточно богато, чтобы обеспечить как раз тот вид питания, который необходим для того, чтобы вы расцвели. Вишня вы или дуб – его отсутствие достаточно обширно, чтобы позволить вам протянуть ваши ветви в небеса настолько высоко, насколько вы отважитесь.

Ма Дэва Сарито

ноябрь, 1986

Беседа 1

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОСВЕТЛЕНИЯ ЕСТЬ ТОЛЬКО ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ

3 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,
что есть за пределами просветления?

Маниша, за пределами просветления есть только запредельность. Просветление – последняя стоянка.

За его пределами исчезают все границы, исчезают все переживания.

Переживание приходит к своему пределу в просветлении; это наивысший пик всего, что прекрасно, всего, что бессмертно, всего, что блаженно, – но это переживание.

За пределами же просветления нет никакого переживания вообще, ибо переживающий исчез.

Просветление не только пик переживания, но и тончайшее определение вашего бытия. За его пределами есть только пустота, ничто; вы не вернетесь снова к той точке, через которую нужно перешагнуть.

Переживание, переживающий, просветление – все оставлено позади.

Вы – часть огромного ничто, которое бесконечно.

Это – то ничто, из которого выходит все Существование, это утроба матери; и это – то ничто, в котором все Существование исчезает.

Наука знает нечто аналогичное; нечто аналогичное просто обязано быть. Духовное переживание относится к внутреннему миру, а наука – это исследование внешнего. Но и то и другое суть крылья одного и того же Существования, – направленное внутрь и направленное вовне, – они всегда имеют сходные основные моменты.

В этом столетии ученые пришли к странному выводу, что некоторые звезды внезапно исчезают... а звезды – вещи не маленькие; они не такие маленькие, какими кажутся вам. Они выглядят маленькими, потому что находятся так далеко, на расстоянии миллионов световых лет, но они огромны.

Наше солнце – это звезда, но заурядная, среднего размера. По сравнению с землей наше солнце огромно, но по сравнению с другими звездами оно представляет собой неболь-

шую, средних размеров звезду. Есть звезды, которые в тысячу раз больше нашего солнца.

И в этом столетии у нас впервые появились соответствующие наблюдательные приборы и мы были весьма сильно озадачены: внезапно звезда исчезает, не оставляя после себя даже следа. Такой огромный феномен – и даже никаких следов: в каком направлении он исчез? Звезда просто перешла в ничто. Это случалось неоднократно.

Потребовалось почти двадцать лет для того, чтобы разобраться с этим новым феноменом: у Существования есть черные дыры. Их нельзя видеть, но они обладают огромным притяжением. Даже самая большая звезда будет втянута в черную дыру, если окажется в радиусе ее притяжения. И как только звезда втягивается в черную дыру, она исчезает. Это абсолютная смерть. Мы можем видеть только следствие, мы не можем видеть черную дыру; мы только видим, что одна звезда исчезает.

После того как теория черных дыр стала почти общепринятой теорией, ученые стали задумываться над тем, что должно быть нечто вроде белой дыры – просто обязано быть. Если возможно, что в некой гравитации, магнитной силе, огромная звезда просто исчезает из Существования...

Мы знали, что каждый день рождаются звезды. Откуда они появляются? Никто не задавался этим вопросом раньше.

Фактически, рождение мы всегда принимаем как само собой разумеющееся; никто не спрашивает, откуда появляются младенцы. Смерть же мы никогда не принимаем, ибо мы так сильно боимся ее.

Во всей истории человечества нет ни одной философии, которая бы размышляла над тем, откуда появляются младенцы, но есть множество философий, размышляющих над тем, что значит быть мертвым, куда продолжают исчезать люди, что случается после смерти.

За всю мою жизнь я повстречал миллионы людей, и ни один человек не спросил, что происходит перед рождением, – и тысячи спрашивали, что происходит после смерти. Я всегда думал, почему рождение принимается без всяких вопросов. Почему смерть не принимается таким же образом?

На протяжении столетий, почти три столетия, мы знали, что звезды рождаются каждый день – большие звезды, огромные звезды – и никто не поднимал вопрос: «Откуда появляются все эти звезды?» Но когда мы узнали о черных дырах и

увиделн, что звезды исчезают, тогда второй вопрос стал почтн абсолютной необходимостью. Если черные дыры могут втягнвать звезды в ничто, тогда должно быть нечто вроде белых дыр, где вещн... звезды появляются из ннчего.

Это мне напомнило... Мулла Насреддин подал заявленне на вакантную должность на корабле. Его пригласили для собеседования. В комнате сидели капитан н старшие офицеры корабля. Вошел Мулла. Капитан спросил: «Если на море шторм, бушует ветер, волны вздымаются как горы, что вы будете делать, чтобы спасти корабль? Корабль бросает как щепку...»

Мулла Насреддин сказал: «Тут нет большой проблемы: я просто брошу большой якорь, чтобы придать кораблю устойчивость, несмотря на ветер и волны. Тут нет большой проблемы».

Капитан снова спросил: «Предположим, надвигается еще более высокая волна и корабль вот-вот будет потоплен; что вы будете делать?»

Мулла сказал: «Ничего – еще один большой якорь».

Капитан посмотрел на него и спросил в третий раз: «Предположим, это сильнейший тайфун и спасти корабль невозможно. Что вы будете делать?»

Мулла сказал: «Ничего, то же самое – большой якорь».

Капитал сказал: «Откуда вы берете все эти большие якоря?»

Мулла ответил: «Из того же самого места. Откуда вы берете эти огромные волны и сильные ветры? Оттуда же и я. Вы продолжаете доставать волны и ветры, а я будут продолжать доставать все больше и больше якорей».

Если в Существовании есть дыры, в которых вещи просто исчезают в не-существование, тогда должны быть и дыры, через которые вещи возникают из ничего, – нужно лишь немного воображения. Ученые еще не работали над этим.

Мое предположение таково: черная дыра подобна двери; с одной стороны это черная дверь, черная дыра – вещи попадают в нее и исчезают в ничто. А с другой стороны туннеля – это та же самая дверь: только с другой стороны – это белая дыра, вещи рождаются вновь, обновленные. Это та же самая утроба матери.

За пределами просветления вы входите в ничто.

Исчезает переживание, исчезает переживающий.

Остается только чистое ничто, предельное безмолвие.

Возможно, это цель каждого человеческого существа, которая рано или поздно должна быть достигнута.

Мы еще не знаем, есть ли белая дыра или нет, – но она должна быть.

Раз за пределами просветления вы входите в ничто, то должна быть и возможность выхода из ничто – обновленным, освеженным, светящимся – на совершенно ином уровне. Ибо вещи не уничтожаются, вещи могут только переходить в состояние покоя, вещи могут только погружаться в глубокий сон. Затем утром они снова пробуждаются. Именно так продолжается Существование.

На Западе эта идея так никогда и не возникла за две тысячи лет истории философии. Они лишь размышляют об этом мироздании: «Кто создал это?» и попадают в беду, потому что, каким бы ни был ответ, он неизбежно порождает еще больше вопросов.

У нас на Востоке есть концепция кругов существования и не-существования, подобно смене дня и ночи. За творением следует «антитворение», все погружается в ничто, подобно тому как за днем следует ночь и все погружается во тьму. И период будет таким же: сколько длится творение, столько же будет длиться и период покоя; и снова будет творение, но более высокого порядка.

И это будет продолжаться от вечности до вечности – творение, антитворение, творение, снова антитворение, – но каждый раз утро еще более прекрасно. Каждый рассвет является еще более красочным, еще более живым; птицы поют еще чудесней, цветы становятся еще больше, они источают еще больше аромата.

И Восток проявил огромное мужество, приняв идею о том, что это будет продолжаться вечно. Никогда не было никакого начала и не будет никакого конца.

После просветления вы должны исчезнуть. Мир оставляется позади, тело оставляется позади, ум оставляется позади; только ваше сознание, как индивидуальность, все еще существует.

Выйти за пределы просветления – значит выйти за пределы индивидуальности и слиться со вселенной.

Таким образом, каждый индивид будет продолжать двигаться в ничто. И в один прекрасный день все Существование переходит в ничто – и великий покой, великая ночь, глубокое, темное чрево, великое ожидание рассвета... И так случалось

всегда, и каждый раз вы рождаетесь на все более и более высоком уровне сознания.

Просветление – это цель человеческих существ. Но те, кто просветлены, не могут оставаться статичными: они должны будут двигаться дальше, они должны будут изменяться. И теперь им осталось избавиться только от одного – самих себя.

Они насладились всем. Они насладились чистотой индивидуальности, теперь они должны насладиться исчезновением индивидуальности. Они увидели красоту индивидуальности, теперь они должны увидеть исчезновение и его красоту, и безмолвие, которое следует за ним, и ту бездонную безмятежность, которая следует за ним.

Возлюбленный Бхагаван,

в тот вечер, когда Вы говорили об эго и о том, как при наличии осознанности можно увидеть, что его не существует, я поняла, что никогда не придавала особого значения осознанности. Для меня быть с Вами всегда означало любить Вас так сильно, как только я могу, стремиться к Вам и стараться быть как можно ближе к Вам.

Возлюбленный Бхагаван, пожалуйста, покажите путь, на котором влюбленная немка могла бы стать более осознающей.

Латифа, любви самой по себе достаточно.

Если твоя любовь не обычная биологическая, инстинктивная любовь, если она не часть твоего эго, если она не уловка для того, чтобы властвовать над кем-то, если твоя любовь – просто чистая радость, наслаждение бытием другого человека без всякой на то причины, настоящая радость, тогда осознанность будет следовать за этой чистой любовью, как тень. Тебе не нужно беспокоиться об осознанности.

Есть только два пути: либо ты становишься осознающей, тогда любовь является просто следствием этого, либо ты становишься такой любящей, что осознанность появляется сама по себе. Это две стороны одной монеты. Тебе не надо волноваться из-за другой стороны; просто храни одну сторону – и другая сторона не сможет ускользнуть от тебя. Другая сторона обязана появиться.

И путь любви более легкий, радостный, невинный, простой.

Путь осознанности несколько более трудный.

Тем, кто не может любить, я предлагаю путь осознанности. Есть люди, которые не могут любить, – их сердца превратились в камни. Их воспитание, их культура, их общество убили саму способность любить – ибо этим миром правит не любовь, а хитрость. Чтобы преуспеть в этом мире, вам не нужна любовь, вам нужны жестокое сердце и острый ум. Фактически, сердце вам вообще не нужно.

Я слышал об одном великом политике, у которого были большие осложнения с сердцем и которого поместили в больницу. Врачи вынули его сердце и заменили его пластиковым, так как требовалось несколько часов, чтобы очистить его. Вот уж точно, сердце политика – вы можете чистить его много часов подряд, и это не будет слишком долго. Хирурги работали в другой комнате – то была омерзительная работа, – а политик лежал на кровати.

В комнату, где лежал политик, зашел какой-то человек и потряс политика за плечо, тот открыл глаза, а этот человек сказал: «Что вы делаете здесь? Вас выбрали премьер-министром страны».

Политик вскочил с кровати. Из соседней комнаты выглянули врачи: «Что происходит?» Политик собирался уходить. Врачи сказали: «Подождите! Мы еще чистим ваше сердце».

Политик ответил: «Теперь оно мне не понадобится по меньшей мере пять лет. Вы можете чистить его, сколько хотите. Не торопитесь. К чему премьер-министру сердце? Но хорошо храните его на случай, если что-то не заладится; тогда я вернусь за ним. Если же дела пойдут хорошо, то, возможно, оно мне никогда не понадобится».

В этом мире сердце не нужно. Людей, живущих сердцем, уничтожают, эксплуатируют, подавляют. Этим миром правят хитрые, умные, бессердечные и жестокие люди. Поэтому все общество устроено таким образом, что каждый ребенок начинает терять свое сердце и его энергия начинает двигаться прямо к голове. Сердцем пренебрегают.

Я слышал одну древнюю тибетскую притчу, в которой говорится, что в начале времен сердце находилось точно посередине тела. Но поскольку его постоянно отталкивали в сторону, чтобы оно не мешало, теперь оно уже не находится посередине тела. Бедняга ждет у обочины дороги: «Если когда-нибудь я понадоблюсь вам, я – здесь», – но не получает никакого питания, никакой поддержки. Сердце осуждается всеми возможными способами.

Если вы делаете что-то и говорите: «Я сделал это потому, что так подсказало мие мое чувство», – все будут смеяться: «Чувство? Ты что, потерял голову? Где твой разум, логика? Чувство – ие логика».

Даже если вы влюбляетесь, вы должны иайти причииы, почему вы влюбились: у этой жеищииы очеиь красивый иос, ее глаза обладают такой глубииой, ее тело так пропорциоиальио. Это ие причииы. Вы же иикогда ие вычисляете все эти причииы иа вашем калькуляторе, а затем иаходите, что вот эта жеищииа кажется достойной того, чтобы в нее влюбиться: «Полюби эту жеищииу – у иее как раз такая длина носа, такой цвет волос, такая пропорция тела. Чего тебе еще надо?»

Но так иикто иикогда ие влюбляется. Вы влюбляетесь. Затем только для того, чтобы уверить идиотов вокруг вас в том, что вы не дурак, вы все вычисляете и только тогда делаете шаг. Это разумиый, рациоиальный, логичиый шаг.

Никто ие прислушивается к сердцу.

А ум так болтлив, так неудержимо болтлив – вяк-вяк-вяк, вяк-вяк-вяк, – что даже если сердце иногда говорнт что-то, это иикогда ие доходит до вас. Это не может дойтн. Базар в вашей голове так сильио шумит, что у сердца иет никаких шаисов, абсолютио иикаких.

Мало-помалу сердце вообще перестает говорить что-либо. Сиова и сиова его не слышат, снова и снова им преиебрегают, оио умолкает.

Голова правит бал в этом обществе; в противиом случае мы бы жили в совершеиио ииом мире – больше любви, меньше иеиависти, меиьше войн, никакой возможиости появлеиия ядерного оружия. Сердце ие будет поддерживать развитие методов уничтожеиия. Сердце никогда не будет на службе у смерти. Оио – жизнь, оио пульсирует для жизни, оно бьется для жизии.

Из-за всей этой обусловленности общества прнходится выбирать метод осознаваиия, ибо осозиавание кажется очень логичиым, рациональным.

Но если вы можете любнть, тогда нет никакой необходимости идти длиииым, трудным путем.

Любовь – самый короткий путь, самый естествениый, такой легкий, что он возможен даже для маленького ребенка. Он ие требует никакой подготовки. Вы от рождения обладаете нужиым качеством, если только оно не извращается другимн.

Но любовь должиа быть чистой. Она не должна быть нечистой.

Вы будете удивлены, когда узнаете, что английское слово *love* (любовь) происходнт от весьма скверного санскритского корня. Оно происходнт от корня *лобх. Лобх* означает «алчность».

И еслн речь идет об обычной любви, то это своего рода алчность.

Вот почему есть люди, которые любят деньги, есть люди, которые любят дома, есть люди, которые любят то, любят это. Даже еслн они любят женщину илн мужчину, то это просто их алчность; онн хотят владеть всем прекрасным.

Это уловка, чтобы властвовать.

Поэтому вы обнаружнте, что влюбленные постоянно сражаются друг с другом, сражаются из-за такнх пустяков, что потом нм обонм становится стыдно: «Из-за чего мы продолжаем сражаться!»

В свои тихие моменты, когда они однн, онн чувствуют: «Не вселнлся ли в меия злой дух – такие пустякн, так бессмысленно?»

Но дело тут не в пустяках; тут дело в том, кто будет обладать властью, кто будет домниировать, чей голос будет решающнм.

В таких условиях любовь существовать ие может.

Я слышал одну историю... Эта небольшая историня случилась в жизни Акбара, одного из великих императоров Индин. Он проявлял очеиь большой интерес к людям, обладавшим разнообразнымн талантами, и со всей Индии он собрал девять человек, самых талантливых геииев, которые были известны как «девять драгоценностей двора Акбара».

Однажды, когда он просто сплетинчал со своими советиикамн, ои сказал: «Вчера вечером у меня был спор с моей женой. Она настаивает на том, что каждый муж находится под башмаком своей жены. Я пытался возражать, но она говорнт: "Я знаю много семей, но никогда не встречала ни одного мужа, который не был бы под башмаком у своей жеиы". Что вы думаете об этом?» – спроснл он у своих советников.

Бирбаль, один нз советников, сказал: «Возможно, она права, ведь ты ие смог доказать обратное. Ты сам у нее под башмаком; ииаче ты бы хорошенько поколотил ее и прямо на месте доказал: "Смотри, вот – муж!"»

Акбар сказал: «Так поступать я не могу, ведь мне с ней жнть. Легко советовать другому побить жеиу. Ты-то сам можешь побнть свою жеиу?»

Бирбаль сказал: «Нет, я не могу. Я просто принимаю то, что я под башмаком у моей жены, и твоя жена права».

Но Акбар сказал: «Это надо выяснить... В столице должен быть по крайней мере один муж, который не находится под башмаком у своей жены. В мире нет такого правила, в котором не было бы исключения, а это и не правило вовсе».

И он сказал Бирбалю: «Возьми двух прекрасных арабских скакунов из моей конюшни – вороного и белого – и обойди всю столицу. И если ты сможешь найти человека, который не находится под башмаком у жены, ты можешь предоставить ему выбор: тот конь, который ему понравится, будет ему подарком от меня». То были очень ценные кони. В те времена кони ценились очень высоко, а кони Акбара были самыми прекрасными.

Бирбаль сказал: «Это бесполезно, но если ты приказываешь, я так и сделаю».

Он обошел столицу и оказалось, что каждый муж находится под башмаком у жены. Все происходило так: он вызывал из дома мужа и жену и спрашивал у мужа: «Ты под башмаком у жены или нет?»

Муж бросил взгляд на жену и говорил: «Тебе бы следовало спросить об этом у меня, когда я был один. Так неправильно. Ты создаешь ненужные неприятности. Только ради коня я не собираюсь разрушить мою жизнь. Забирай своих коней, они мне не нужны».

Но у одного дома сидел человек, которому двое слуг делали массаж. Он был борцом, чемпионом, очень сильным человеком. Бирбаль подумал: «Возможно, этот человек... он может убить любого голыми руками. Стоит попасть ему в руки – и конец!» Бирбаль сказал: «Можно я задам тебе вопрос?»

Тот сказал: «Вопрос? Какой вопрос?»

Бирбаль спросил: «Ты под башмаком у жены?»

Тот человек сказал: «Сперва давай поприветствуем друг друга, обменяемся рукопожатием». Он стиснул руку Бирбаля и сказал: «Пока ты не закричишь и на твоих глазах не выступят слезы, я не отпущу твою руку. Твоей руке – конец. Как ты посмел задать мне такой вопрос?»

Бирбаль умирал – он был почти стальным человеком, – на глазах у него стали наворачиваться слезы, и он сказал: «Отпусти меня. Ты не под башмаком. Я просто ошибся. Но где же твоя жена?»

Борец сказал: «Смотри, она – там, готовит мне завтрак». Завтрак ему готовила очень маленькая женщина.

Женщина была такой маленькой, а мужчина был таким большим, что Бирбаль подумал: «Возможно, этот человек и не находится под башмаком у жены. Он бы убил эту женщину».

И он сказал: «Теперь нет нужды продолжать расспросы. Ты можешь выбрать любого из этих двух коней: вороного или белого. Это награда от царя тому, кто не находится под башмаком у жены».

И в этот момент маленькая женщина сказала: «Не бери вороного! А то я превращу твою жизнь в ад!»

Мужчина сказал: «Нет-нет, я возьму белого. Ты только успокойся».

Бирбаль сказал: «Ты не получишь ни белого, ни вороного. Все кончено, ты проиграл. Ты под башмаком у жены».

Идет постоянная борьба за господство. Любовь не может расцвести в такой атмосфере.

Мужчина борется в мире ради осуществления всевозможных амбиций. Женщина борется с мужчиной, так как она боится – ведь он целый день находится вне дома: «Кто знает? Может быть, он завел шашни с другими женщинами». Она ревнует, подозревает; она хочет быть уверенной, что этот мужчина остается под контролем. Поэтому дома мужчина борется с женой, а вне дома он борется с миром. Где же, по-вашему, может расцвести цветок любви?

Латифа, цветок любви может распуститься только тогда, когда нет никакого эго, когда нет никакого усилия господствовать, когда человек скромен, когда человек не пытается быть кем-то и готов быть никем.

Естественно, в обычном мире такого случиться не может, но рядом с учителем такая возможность есть. Любовь к учителю не биологическая. Биология не имеет никакого отношения к учителям и ученикам. Любовь к учителю не имеет никакого отношения к господству.

Этот цветок может распуститься, ибо любовь свободна от эго.

Вы просто радуетесь присутствию учителя, совершенству учителя, удовлетворенности учителя. Вы радуетесь так, как будто это ваша удовлетворенность, ваше совершенство. В излучении учителя вы чувствуете, что это ваше излучение. Вы есть часть учителя; вы стали столь гармонирующим с ним, что его сердце и ваше сердце уже не две разные вещи.

Осознанность придет сама по себе, а путь любви – это самый прекрасный путь, самый невинный путь, путь полный цветов, путь, который проходит средь прекрасных озер, рек, рощ и лесов.

Путь же осознанности – это путь, который проходит через пустыню. Он только для тех, кто никак не может вернуться к своему сердцу.

Если вы легко можете быть сердечным, забудьте об осознанности; она придет сама по себе. Каждый шаг любви будет приносить свою собственную осознанность. Это не будет «падением в любовь»; я называю это подъемом в любовь. (Английское выражение *to fall in love*, которое обычно переводится как «влюбляться», буквально означает «падать в любовь».)

Возлюбленный Бхагаван,

во мне всегда есть две части, связанные с Вами. Одна часть меня испытывает импульс работать, носиться повсюду, организовывать, бороться, говорить с журналистами и политиками, просто провозглашать на кровлях.

Другая часть, которая за последние годы стала гораздо сильнее, хочет просто сидеть рядом с Вами и впитывать все: Вас, Ваше безмолвие и Ваши слова. Обстоит ли дело так, что я должен был быть таким активным, чтобы теперь быть в состоянии сидеть безмолвно?

Бхагаван, не могли бы Вы рассказать что-либо о Вашей внешней и Вашей внутренней работе?

В тебе нет никакого расщепления.

Если одна часть сражается во внешнем мире, чтобы распространить мое послание повсюду, а другая часть хочет просто сидеть рядом со мной, упиваясь моим безмолвием, моим присутствием, моим покоем, радуясь моему блаженству, пребывая в экстазе, ничего не делая...

Обычно может показаться, что эти две части противостоят друг другу.

Это не так.

Чем больше ты провозглашаешь на кровлях, тем больше ты будешь в состоянии сидеть безмолвно рядом со мной. И чем больше ты сможешь сидеть безмолвно рядом со мной, тем

больше у тебя будет такого, чем можно поделиться с миром, за что можно сражаться.

Человек есть внутреннее и внешнее, и осуждение одного в пользу другого – это заблуждение, очень древнее заблуждение.

На Востоке люди отрекаются от внешнего в пользу внутреннего. Они бегут от мира в гималайские пещеры, чтобы посвятить всю свою жизнь, все свое время и все свою энергию внутреннему путешествию, – но они не понимают диалектику жизни.

На Западе делается как раз противоположное. Они отрекаются от внутреннего, чтобы вкладывать всю свою энергию во внешний мир и завоевание внешнего мира.

Восток и Запад оба были неправы, и они оба были правы.

Они оба были неправы, потому что оба остались половинами; одна часть росла все больше и больше, а другая часть оставалась недоразвитой.

Вы сами можете видеть это.

На Востоке столько нищеты, столько болезней, столько смерти. Тем не менее есть определенная удовлетворенность. При всем этом, кажется, нет революционного подхода: «Мы должны изменить весь мир. Мы не можем продолжать жить в этой нищете. Мы веками жили в этой нищете, мы веками жили в рабстве. И мы принимали все: нищету, рабство, болезни, смерть – без всякого сопротивления, ведь это все внешние вещи. А все наше усилие было внутренним».

На Западе они ликвидировали нищету, они ликвидировали многие болезни, они сделали жизнь человека более продолжительной. Они сделали тело человека более красивым, они сделали существование человека более комфортабельным, но упустили самого человека, для которого предназначались все эти достижения науки и технологии, весь этот комфорт. Они совершенно забыли о том, ради кого это все делалось. Нутро пустое. Вокруг есть все, а в середине – недоразвитое сознание, почти несуществующее.

Поэтому Восток и Запад оба преуспели в том, что они делали, и оба потерпели неудачу, – ибо они выбрали только одну половину человеческой жизни.

Моя же позиция заключается в том, чтобы принимать человека в его тотальности, в его целостности.

И должно быть понято, что раз вы принимаете тотальность человека, вы должны понять закон диалектики.

Например, весь день вы упорно трудитесь – в полях, в саду – вы обливаетесь потом. Ночью вы будете прекрасно

спать. Не думайте, что из-за того, что вы целый день так тяжело работали, вы не сможете спать ночью – ведь работа противоположна сну.

Это не так. Целый день тяжелой работы подготовил вас к расслаблению, ночь будет глубоким расслаблением.

Нищие спят лучше всех. Императоры не могут спать, ибо император забыл диалектику жизни. Вам нужны две ноги, чтобы ходить; вам нужны две руки, вам нужны два полушария мозга.

Сейчас стало общепризнанной психологической истиной то, что вы можете напряженно заниматься математикой, – ибо эта работа производится одной частью вашего ума, – а затем с таким же напряжением заниматься музыкой. И поскольку здесь задействована другая часть вашего ума, это не будет непрерывной работой. Тактически, когда вы упорно работаете над математическими проблемами, музыкальная часть вашего ума отдыхает; а когда вы упорно занимаетесь музыкой, отдыхает ваш математический ум.

Во всех университетах и колледжах мира смена классных занятий происходит каждые сорок минут, так как было выяснено, что через сорок минут та часть вашего ума, которую вы используете для работы, устает. Просто смените предмет занятий – и эта часть перейдет к отдыху.

Сидя рядом со мной, собирайте в вашу чашку как можно больше сока.

Ощущайте тишину до ее предельной глубины, чтобы вы могли провозглашать на кровлях.

И здесь нет никакого противоречия.

Ваше провозглашение на кровлях – это просто часть диалектического процесса.

Ваше безмолвие и ваше провозглашение просто подобны двум вашим рукам, двум ногам, дню и ночи, работе и отдыху. Не разделяйте их как антагонистические друг другу; из такого разделения проистекают все беды мира.

Восток породил великих гениев, но мы до сих пор живем в веке воловьих упряжек, потому что наши гении просто медитировали. Их медитация так никогда и не была претворена в действие. Если бы они медитировали несколько часов, а затем использовали свое безмолвие, покой и медитативность для научных исследований, эта страна была бы самой богатой в мире – внешне и внутренне.

То же самое верно и по отношению к Западу: Запад тоже породил великих гениев, но все они занимались вещами, объек-

тами. Они полностью забыли самих себя. Время от времени какой-нибудь гений вспоминал, но было уже слишком поздно.

Альберт Эйнштейн перед смертью произнес свои последние слова – и запомните, последние слова являются самыми важными словами, которые человек когда-либо произносил за всю свою жизнь, так как они представляют собой заключение, основной жизненный опыт. Вот его последние слова: «Если бы у меня была еще одна жизнь, я бы хотел быть водопроводчиком. Я не хочу быть физиком. Я хочу быть кем-нибудь очень простым – водопроводчиком».

Уставший мозг, сгоревший мозг... и каково его достижение? Хиросима и Нагасаки.

Этот человек был способен стать Гаутамой Буддой. Если бы он обратил свой взгляд внутрь, у него бы было такое прозрение, что, возможно, он ушел бы глубже, чем любой Гаутама Будда; ведь когда он смотрел на звезды, он уходил дальше, чем любой астроном. Это та же самая сила, вопрос только в направлении.

Но зачем фиксироваться? Почему бы не оставаться открытым обоим измерениям? Что за нужда фиксироваться? «Я могу смотреть только вовне, я не могу смотреть внутрь» – или наоборот. Человек должен лишь научиться тому, как видеть глубоко, но затем использовать эту способность в обоих измерениях. Тогда он сможет подарить миру лучшую науку и лучшую технологию, и одновременно лучшие человеческие существа, лучшее человечество.

И запомните, только в руках лучшего человеческого существа более высокая технология полезна, в противном случае она опасна.

Восток умирает от нищеты. Запад умирает от могущества. Странно... Они создали такое могущество, что могут только убивать. Они ничего не знают о жизни, ибо они никогда не смотрели внутрь.

Восток же знает о жизни все, но без пищи вы не можете медитировать. Когда вы голодны и закрываете глаза, вы можете увидеть только какую-нибудь пищу, летающую вокруг.

Такое случилось в жизни одного поэта, Генриха Гейне. Он заблудился в лесной чаще и три дня блуждал голодный, измотанный. От страха он не мог заснуть: ночью в кронах деревьев скрывались дикие звери. И три дня подряд он не встречал ни одного человека, которого он мог бы спросить,

куда он идет и не движется ли он по кругу. Три дня подряд... и затем наступила ночь полнолуния.

Голодный, уставший, взобравшись на дерево, он посмотрел на полную луну. Он был великим поэтом, и он был удивлен, он просто не мог поверить себе. Он сам писал о луне, он читал о луне. О луне написано так много – столько стихов, столько картин, столько произведений искусства посвящены луне. Но Генриху было дано откровение: раньше он обычно видел в луне лицо своей возлюбленной, теперь же он увидел в небе только парящую буханку хлеба. Он старался изо всех сил, но лицо возлюбленной не появлялось.

Быть диалектичным весьма полезно.

И никогда не забывайте применять противоположности как взаимодополняющие вещи.

Используйте все противоположности как взаимодополняющие вещи, и ваша жизнь будет более полной, ваша жизнь будет целостной.

Для меня это единственная святая жизнь: целостная жизнь есть единственная святая жизнь.

Возлюбленный Бхагаван,

сегодня я наблюдал, как один канатоходец обучал маленькую девочку ходить по канату. Иногда он давал ей затрещину, иногда убеждал ее словами, но мне показалось, что предпринимать все новые и новые попытки ее вдохновляло в основном то, что она чувствовала его веру в ее потенциальную способность ходить по канату самостоятельно.

Не могли бы Вы рассказать что-либо о вере учителя в возможности своего ученика?

Сам факт, что учитель принимает ученика, показывает его веру в его потенциал. В противном случае тот не был бы принят.

Каждый человек обладает потенциалом, но все дело в правильном времени, правильном месте и правильном опыте. Иначе говоря, каждое человеческое существо способно быть просветленным и будет просветленным, но когда – в этой жизни или в другой жизни – зависит от многого: от того, насколько велик ваш опыт, ваш опыт разочарования в мире, насколько велико ваше страдание.

Вы все еще надеетесь, что завтра дела пойдут лучше, или

вы утратили всякую надежду? Дошли вы до предела отчаяния или ваше отчаяние сиюминутно? Вы пришли к учителю потому, что поругались сегодня с женой, а через пятнадцать минут все будет по-другому – гнев исчезнет?

Когда-то я жил в одном университетском городке. В первый день я поселился в отведенном мне бунгало. Я был один, а бунгало, пристроенное к моему, занимал некий профессор-бенгалец со своей женой. И стены были такими тонкими, что даже если бы вы заткнули уши, вы все равно могли бы слышать, что происходило за стеной.

Так как эти муж и жена ругались так ожесточенно, я подумал, что там вот-вот прольется кровь. Я не мог заснуть. Было уже около часа ночи, а они все ругались, ругались и ругались. И я не мог понять, что они говорили, но, должно быть, дело было серьезное, так как профессор в конце концов сказал: «Я покончу с собой!» – это он сказал по-английски.

Я сказал себе: «Ну, хорошо, по крайней мере я хоть это понял». И я вышел из моего дома, чтобы остановить его: «Подождите! Где вы собираетесь совершить самоубийство посреди ночи? Лучше отложить это дело на утро», – но он уже убежал.

Я обратился к его жене, которая даже не вышла из дома, чтобы попрощаться с ним! Я сказал: «Что мне полагается делать? Следует ли мне отправиться в полицейский участок? Надо ли сообщить кому-нибудь по телефону? Что надо делать?»

Она сказала: «Ничего делать не надо. Вы видите, его зонтик – здесь? Без своего зонтика он никуда не сможет уйти. Он скоро вернется – как только вспомнит о зонтике. В гневе он забыл свой зонтик. Бенгалец и без зонтика?»

Я сказал: «Но самоубийство – такое серьезное дело, и зонтик для этого совершенно не нужен».

Она сказала: «Вы только подождите. Посидите здесь. Я приготовлю вам кофе, ведь вы... я знала, что вы должны были слышать все это».

И через пятнадцать минут он вернулся.

Я спросил: «Что случилось?»

Он сказал: «Что случилось? Я забыл мой зонтик! И сейчас, должно быть, не меньше двух часов ночи».

Я сказал: «Вы правильно поступили. А утром возьмите свой зонтик и отправляйтесь, найдите подходящее место». Но кто отправляется на такое дело утром?

Утром я напомнил ему: «Вы еще здесь? Солнце уже взошло. Теперь вам надо идти и поискать подходящее место».

Он сказал: «Я собирался пойти, но когда я открыл зонтик, он оказался неисправным, ведь давно не было дождей».

Я сказал: «Но ведь вы каждый день ходите в университет с этим зонтиком».

Он ответил: «Это просто привычка. Поскольку не было дождей, не было и необходимости открывать его; я просто носил его с собой. Сейчас я попытался открыть его – он неисправен. А я все время говорил моей жене, что мой зонтик следует содержать в исправности на случай чрезвычайных обстоятельств. Теперь я захотел совершить самоубийство, а зонтик не готов».

Я подумал: «Вот это здорово! Каждому человеку, который хочет покончить с собой, следует кое-чему у тебя поучиться».

Однажды, должно быть, это было около трех часов пополудни, я снова услышал, что он собирается совершить самоубийство. Но на этот раз я не был так уж сильно возбужден, так как я подумал, что это – обыкновенное дело. Все же я вышел, чтобы попрощаться.

Он посмотрел на меня со странным выражением на лице. Он сказал: «Что вы имеете в виду, прощаясь со мной?»

Я ответил: «Вы собираетесь покончить с собой, и я не думаю, что мы снова встретимся, поэтому я прощаюсь с вами. Но что это вы несете с собой?» У него был с собой пакет с едой.

Я спросил: «Куда же вы несете эту снедь?»

Он сказал: «Вы же знаете эти индийские поезда – иногда они опаздывают на десять-двенадцать часов. А я совершенно не выношу голода. Я лягу на рельсы и буду ждать поезда. Если он придет – хорошо; если же нет, у меня будет с собой еда».

Я сказал: «Вы же умный и интеллигентный человек – всякий, посмотрев на вас, подумает, что вы отправляетесь на пикник».

А когда он ушел, появилась его жена. Она спросила: «Он ушел?»

Я сказал: «Ушел».

Она сказал: «Он скоро вернется. Этот идиот... всякий раз, когда он хочет отправиться на пикник... Но он такой скряга, что даже меня не хочет брать с собой, поэтому он говорит, что уходит, чтобы покончить с собой. Должно быть, он сейчас сидит неподалеку от железнодорожной станции и ест. Вы можете пойти и убедиться в этом прямо сейчас».

Железнодорожная станция находилась не очень далеко, поэтому я пошел туда и увидел его. Он наслаждался бенгальскими сластями и другими закусками.

Я сказал: «Чаттарджи, поезд стоит на платформе. Оставьте вашу еду, бегите! Скорее ложитесь перед поездом!»

Он сказал: «Слишком поздно. Во-первых, я должен доесть все, что принес с собой: так что сегодня я уже не успею. Ведь поезд останавливается на этой станции только один раз в сутки», – то была небольшая станция и поезд приходил туда только раз в сутки ради университета, так как университет находился за пределами города. Итак, он сказал: «На сегодня все кончено».

Но я сказал: «Вы же говорили, что будете ждать прихода поезда. А сейчас еще не время ужина, сейчас всего лишь три часа дня».

Он сказал: «Когда под рукой такие сласти, удержаться нельзя. А сейчас я пойду домой вместе с вами».

Есть люди, которые хотели бы стать саньясинами, которые хотели бы стать учениками. Но это может быть просто эмоциональным, сентиментальным, временным явлением – желание пришло и через две минуты исчезло.

У них есть потенциал, но их время еще не пришло.

Даже если они принимают саньясу, даже если они становятся учениками – поскольку ни один учитель не бывает настолько жестоким, чтобы сказать «нет» кому-то, кто хочет стать учеником, – они предадут его. Рано или поздно они уйдут, так как это не было нечто очень глубокое, исходящее из самого их сердца. Это было нечто весьма поверхностное, нечто настолько поверхностное, что если бы они подождали несколько минут, они бы передумали.

Это было от ума, а ум никогда не бывает стабильным, он постоянно меняется.

Вы не можете удерживать одну мысль в уме даже несколько секунд. Как-нибудь попробуйте: только одна мысль и вы пытаетесь удерживать ее – вы будете удивлены, что не больше, чем через тридцать секунд вы забудете о ней и ум уйдет куда-то еще. А затем вы внезапно вспомните, что пытались придерживаться одной мысли и могли удерживать ее всего лишь тридцать секунд.

Гурджиев обычно давал это задание каждому, кто приходил к нему, чтобы стать учеником. Он давал человеку свои собственные карманные часы и говорил: «Держите часы перед

собой, следите за секуидной стрелкой и выберите любое слово – например, ваше имя. Просто удерживайте это имя в вашем уме, а затем скажите мие, как долго вам удавалось удерживать его», – пятнадцать секунд, тридцать секуид, самое большее – сорок секунд, даже одну полиую минуту никто ие мог удержать одиу мысль.

Ум пребывает в постояииом измеиеиии.

Поэтому те, кто желает стать учеииком по каким-то соображеииям ума, не остаиутся с учителем. Нет иикакой иужды говорить им «иет», оии уйдут самн.

Но учитель прекрасио зиает, когда приходит кто-то с побуждеиием, исходящнм из самого сердца, с таким побуждеиием, что он может поставить иа карту всю свою жизнь, ио не поверият назад. Только эти немногие люди достигают самореализации.

Потенциал есть у каждого, ио не каждый является созревшим в этот момент – возможно, когда-иибудь в другое время, в какой-иибудь другой жизин, с каким-то другим учителем.

Но в жизии каждого наступит такой день, который стаиет поворотной точкой, поворотом иа сто восемьдесят градусов, н тогда учеиичество будет прекрасным ростом.

Тогда вся энергия будет двигаться в одном направленин, с одиим устремлением, без всяких отклонений. Тогда расстояние до цели будет уменьшаться.

Чем более интеисивным будет ваше побуждение, тем меньше будет расстояние. Если ваше устремление будет тотальиым, то расстояния вообще не будет.

Тогда вам не надо будет идти к цели, цель сама придет к вам.

Беседа 2

САМА ПО СЕБЕ НЕВИННОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ СВЕТОМ

4 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

у меня есть вопросы, но они никогда не бывают завершенными, и я не знаю, как спрашивать.

Ни однн вопрос нпкогда не бывает завершенным, нбо завершенность вопроса будет означать, что он заключает в себе ответ.

Вопрос по самой своей прнроде является незавершенным. Это – желание, стремленне, понск, так как нечто нуждается в завершенни.

Это часть человеческого сознання, которая требует завершення. Оставьте что-лнбо незавершенным – н это становнтся наважденнем; завершите это – н вы свободны от него. Завершенне прнносит свободу.

Следовательно, не только твон вопросы являются незавершенными. Ты более бдителен, раз увидел незавершенность каждого вопроса.

Во-вторых, ты не знаешь, что спрашивать. Нпкто ие знает. Все нашн вопросы пронсходят из нашего невежества, нз нашего бессознательного, из нашей темной душн.

Никто не знает точно, каков его вопрос, что иадо спросить, – нбо как только вы узнаете, каков ваш вопрос, вы сразу же обнаружнте ответ внутрн себя.

Быть абсолютно уверенным в вопросе – значит, что ответ не очень далеко. Он очень близко, так как уверенность прнходит нз ответа, а не из вопроса.

Но все же человек должен спрашнвать.

Хотя все вопросы являются незавершенными и вы не зиаете, что спрашнвать, все же человек должеи спрашивать, потому что человек не может оставаться безмолвиым. Можно и ие спрашивать, – но это не означает, что у вас иет вопросов; это просто означает, что вы не выпускаете их наружу. Возможно, вы бонтесь разоблачения, так как каждый вопрос будет указывать на ваше иевежество.

Есть мнллноны людей, которые инкогда не задают вопросов по той простой причине, что молчаливый человек, по крайней мере, кажется мудрым. Задать вопрос – значит

показать свои раны, показать все темные пятна в своем существе. Для этого требуется мужество.

Во-вторых, есть вопросы, которые исходят не из вашего невежества, а из заимствованного знания, – это наихудшие вопросы, какие только могут быть.

Вопрос, который исходит из невежества, невинен, обладает чистотой. Это незагрязненный, неизвращенный вопрос; он показывает ваше мужество, ваше доверие.

Но бывают вопросы, которые исходят из заимствованного вами знания. Вы много слышали, вы много читали, вы получали информацию от родителей, школьных учителей, священников, политиков, всевозможных демагогов, всевозможных претендентов на знание – и вы собирали весь их мусор.

Пурна прислал мне прекрасный подарок: очень красивую, художественно исполненную корзинку для ненужных бумаг с запиской: «Бхагаван, если Вы считаете, что мои вопросы – просто мусор, бросайте их в эту корзинку. Вы можете не отвечать на них».

Вопросы, исходящие из знания, – мусор.

Вы ничего не знаете о Боге, вселенной; вы ничего не знаете о душе, перевоплощении, будущих жизнях, прошлых жизнях. Все, что вы знаете, – это просто слухи. Люди вокруг вас болтают, а вы собираете всевозможную информацию, которая кажется вам важной. Почему же она кажется важной? Она кажется важной потому, что она прикрывает ваше невежество. Она помогает вам чувствовать себя так, как будто вы знаете. Но помните, что это очень большое «как будто». Вы не знаете, это только «как будто».

Все священные писания, все книги по философии и теологии следует свести в одну категорию: «как будто». Они говорят о всевозможных невозможных вещах, о которых их авторы ничего не знают; но их авторы – это интеллектуалы с бойким языком и богатым воображением, которые могут создавать системы на ничего.

Вот почему ни один философ не соглашается ни с одним другим философом. И каждый философ думает, что он нашел именно ту систему, которая объясняет все в мире, – а все другие философии смеются над ним, они обнаруживают тысячи несоответствий в его системе. Но что касается их самих, они совершают ту же ошибку: они претендуют на то, что их система

является завершеииой и теперь ие может быть и речи о дальиейших исследованиях.

И самое страниое то, что имеиио эти люди весьма прооиицательиы в обиаружении ошибок других, ио оии ие могут увидеть ошибки своей собствеииой системы. Возможио, они не хотят видеть. Ошибки есть, всякий другой может увидеть их; просто невозможио, чтобы оии сами не видели их. Оии игнорируют их, иадеясь, что никто их ие увидит.

Все философии потерпели неудачу, все религии потерпели иеудачу.

В своем уме вы иесете руины всех философий и всех релнгий, и нз этнх руин возникают вопросы. Этн вопросы бессмыслеииы, вам ие следует задавать их. В действительиости оии показывают вашу глупость.

Но вопросы, возиикающие из вашего невежества, – подобиые вопросам ребеика – эти вопросы являются незавершеиными, ие очень возвышенными, но чрезвычайно важиыми.

Одиажды Д.Г.Лоуренс гулял в саду с одним маленькнм мальчиком, который все время задавал всевозможиые вопросы. А Лоуренс был одиим из самых искреннних людей этого столетия; из-за его искреииости его осуждали правительства и священиики, потому что ои говорил только правду, ие желал быть дипломатичным, лицемером, ие шел иа компромнссы. Даже перед этнм маленькнм мальчиком ои проявнл такую подлиииую искренность, какую не проявляли даже вашн великие святые.

Ребеиок спросил: «Почему деревья зеленые?» Очень простой вопрос, но очень глубокнй. Все деревья зеленые – почему? Когда есть столько много цветов, когда нмеется целая радуга цветов – некоторые деревья могли бы быть желтыми, некоторые деревья моглн бы быть краснымн, некоторые деревья могли бы быть сннимн – почему же все деревья выбрали быть зелеными?

На месте Лоуренса любой родитель, любой школьный учитель, любой священник, кто угодно – x, y, z – сказал бы какую-нибудь ложь, напрнмер: «Бог сделал их зелеными, потому что зеленое приятно глазу». Но это было бы обманом, ложью, так как Лоуренс ничего не знал о Боге, не знал, почему деревья зеленые.

На самом деле, этого не знает ни однн ученый, который нсследует деревья, хотя он может объясннть, что деревья являются зелеиымн благодаря определенному элементу, хло-

рофиллу. Но это не ответ для ребенка. Он просто спросит: «А почему они выбрали хлорофилл – все деревья?» Этот ответ не является удовлетворительным.

Д.Г.Лоуренс закрыл глаза, задумался на минуту... что же сказать этому ребенку? Он не хотел быть обманщиком перед невинным ребенком, хотя вопрос был обыкновенным и сгодился бы любой ответ.

Но вопрос возник из невинности; следовательно, он был очень глубоким.

И Лоуренс открыл глаза, посмотрел на деревья и сказал ребенку: «Деревья зеленые, потому что они зеленые».

Мальчик сказал: «Правильно. Я тоже так подумал».

И Д.Г.Лоуренс вспоминал в своих мемуарах: «Для меня это было великим переживанием – та любовь и то доверие, которые ребенок проявил по отношению ко мне в ответ на полную искренность. Мой ответ не был ответом; с точки зрения логики, это была тавтология. "Деревья зеленые, потому что они зеленые" – разве это ответ?»

Фактически, Д.Г.Лоуренс признает: «Дитя мое, я такой же невежественный, как и ты. Простая разница в возрасте вовсе не означает, что я знаю, а ты не знаешь. Различие в возрасте – это не различие между невежеством и знанием».

Зелень деревьев – это часть тайны всего Существования. Вещи таковы, каковы они есть. Женщина есть женщина, мужчина есть мужчина. Роза есть роза; как бы вы ее ни называли, она все равно остается розой.

В том небольшом происшествии в саду скрыто нечто потрясающе прекрасное.

Задавайте вопросы, – но не из знания, ибо все это знание заимствовано, не обосновано, чистая чепуха.

Задавайте вопросы из вашего невежества.

Запомните, невежество ваше, гордитесь им.

Знание же не ваше. Как вы можете гордиться им?

И вопрос не должен прикрывать невежество. Вопрос должен привносить немного света, чтобы невежество исчезало.

Я не могу дать вам ответ, который был бы лучше, чем ответ Лоуренса; но я могу дать вам нечто иное, в отношении чего у Лоуренса не было никакого понимания.

Я могу дать вам пространство, безмолвие, в котором вы можете сами осознать тайну.

Задавайте вопросы, какими бы они ни были. Только

помните: не спрашивайте из знания, спрашивайте из вашей собственной подлинной невежественности.

И, фактически, мои ответы не ответы. Мои ответы – убийцы, они просто убивают вопрос, они убирают вопрос, они не дают вам никакого ответа, за который можно было бы ухватиться.

И в этом разница между Учителем и школьным учителем: школьный учитель даст вам ответы, чтобы вы могли держаться за эти ответы и оставаться невежественными – красиво разукрашенными на поверхности, полные библиотеки ответов, но внутри, под поверхностью, бездонное невежество.

Настоящий учитель же просто убивает ваши вопросы.

Он не дает вам ответ, он убирает вопрос.

Если убрать все ваши вопросы...

Внимательно вслушайтесь в то, что я говорю...

Если убрать все ваши вопросы, ваше невежество обязано исчезнуть, и то, что остается, есть невинность.

А невинность – сама по себе свет.

В этой невинности вы не знаете никаких вопросов, никаких ответов, так как вся область вопросов и ответов оставлена позади. Она стала неуместной, вы превзошли ее.

Вы свободны от вопросов и свободны от ответов.

Это состояние есть просветление. И если вы достаточно отважны, вы можете даже выйти за его пределы.

Это даст вам все те прекрасные переживания, которые описывались мистиками прошлых веков: ваше сердце будет танцевать в экстазе, все ваше существо станет прекрасным рассветом... тысячи лотосов распустятся в вас.

Если вы захотите, вы можете устроить здесь свой дом.

В прошлом люди останавливались здесь, ведь где можно найти лучшее место? Гаутама Будда назвал это место «Лотосовым Раем».

Но если вы прирожденный искатель...

Вот что я предлагаю: отдохните немного, насладитесь всеми красотами просветления, но не оставайтесь в нем навсегда.

Двигайтесь дальше, ибо путешествие жизни нескончаемо и случится еще много такого, что абсолютно неописуемо.

Переживание просветления тоже не поддается описанию, но описывалось всеми, кто испытал его. Они все говорят, что оно не поддается описанию и тем не менее описывают его: изобилие света, изобилие радости, предел блаженства. Если это не описание, тогда что же такое описание?

Я говорю это в первый раз: на протяжении тысячелетий

люди, которые становились просветленными, говорили, что просветление не может быть описано, и в то же время описывали его, воспевали его всю свою жизнь.

Но за пределамн просветлеиия вы входите в мир, который, безусловно, неописуем.

Ибо в просветлении вы все еще есть; если бы это было не так, то кто бы испытывал блажеиство, кто бы видел свет? Кабнр говорит: «... как будто взошли тысячи солнц». Кто видит это?

Просветление – это предельное переживание, но все же пережнвание и там есть переживающий.

При выходе за пределы просветлення переживающего нет.

Вы растворились.

Раньше вы пытались растворить ваши проблемы, теперь растворяетесь вы – ибо экзнстеициальио вы и есть проблема. Ваша отдельность от Существования – это единственный вопрос, который надо решить.

Вы теряете ваши граиицы, вас больше нет. Кому испытывать переживание?

Вам требуется огромная отвага, чтобы отбросить эго для достижения просветления.

Вам потребуется в мнллион раз больше отваги, чтобы отбросить себя самого для достижения запредельного, – а запредельное есть реальное.

Возлюбленный Бхагаван,

после нескольких лет пребывания рядом с Вами мне знакома связь учитель-ученик.

Не могли бы Вы дать характеристику связи ученик-ученик?

Такой вещи иет.

В прошлом учеиикн создавалн оргаиизации. Вот что было их связью: «Мы – христнане», «Мы – мусульмане», «Мы принадлежим к одной религин, к одному вероисповеданию; и поскольку мы принадлежим к одиому вероисповеданию, мы – братья и сестры. Мы будем жить ради нашей веры и умрем за нашу веру».

Все организацнн возннклн из связей между учениками.

Фактнческн же, два ученика совершенно не связаиы друг с другом.

Каждый ученик связан с учителем в своем индивидуальном качестве.

Учитель же может быть связан с миллионами учеников, но эта связь является личной, а не организационной.

Между учениками нет никакой связи.

Да, между ними есть определенное дружелюбие, определенная приязнь.

Я избегаю слова «связь», потому что оно предполагает нечто обязательное.

Я даже называю это не дружбой, а дружелюбием, потому что все они – попутчики, идущие по одной дороге, влюбленные в одного учителя, но они связаны между собой только через учителя.

Они не связаны друг с другом непосредственно.

Самым злополучным явлением в прошлом было то, что ученики становились организованными, связанными между собой и все они были невежественными.

А невежественные люди могут только причинять неприятности, как ничто иное в мире. Все религии делали именно это.

Мои люди связаны со мной индивидуально. И поскольку они находятся на одном и том же пути, они, разумеется, знакомятся друг с другом. Возникает дружелюбие, атмосфера приязни, но я не хочу называть это какой-то связью.

Мы слишком много страдали из-за того, что ученики становились непосредственно связанными друг с другом, создавали религии, секты, культы, а затем дрались. Они не могут делать ничего другого.

Запомните, что со мной, по крайней мере, вы никоим образом не связаны друг с другом.

Только текучее дружелюбие, но не крепкая дружба, – этого достаточно, и в этом гораздо больше красоты и нет никакой возможности причинить вред человечеству в будущем.

Возлюбленный Бхагаван,

с тех пор как я здесь, я разрываюсь между желанием задать Вам вопрос – желанием раскрыть себя – и стремлением любой ценой избежать этого. У меня такое чувство, как будто я уже годы торчу в этом положении.

Что это за страх, Бхагаван?

Есть только один основной страх.

Все остальные маленькне страхи являются побочными продуктамн одного основного страха, который каждое человеческое существо несет в себе.

Это страх потерять себя. Будь то в смертн, будь то в любвн, но страх один н тот же: вы бонтесь потерять себя.

И самое странное то, что боятся потерять себя только те людн, которые не обладают собой. Те же, кто обладает собой, не боятся.

Поэтому это действнтельно вопрос разоблачення.

Вам нечего терять; вы просто вернте, что вам есть что терять.

Как-то я ехал в поезде с Муллой Насреддином... н появился контролер. Я показал ему мой билет, а Мулла стал нскать свой. Он открыл однн чемодан, затем другой, провернл все свон карманы – пнджак, брюки, рубашка, – но я заметил, что он намеренно пропускает однн карман.

Даже контролер, глядя на него, сказал: «Не волнуйтесь. Вы нзвестный человек. Не может быть, чтобы вы ехалн без бнлета; он, должно быть, где-то у вас лежит. У вас столько багажа. Скоро я буду делать второй обход. К тому временн вы, наверное, найдете его».

Он ушел, а Мулла все потел н нскал свой бнлет.

Я сказал: «Мулла, я могу вндеть только одно: ты нщешь повсюду, но не заглядываешь в однн карман».

Он сказал: «Даже не поднимай этот вопрос, ведь я н так уже в такой беде».

Но я сказал: «А какое отношение к этой беде имеет этот карман?»

Он сказал: «Он имеет к ней самое прямое отношенне. Это еднственное место, в котором, как я надеюсь, может быть билет, н я не хочу потерять эту надежду. Позволь уж мне сперва просмотреть все остальное. Это моя последняя надежда; я тоже знаю, что пропускаю этот карман. Контролер смотрел на этот карман, ты тоже смотрншь на этот карман. Тут дело не в моей невнимательности. Я совершенно сознательно пропускаю его, потому что, если билета там нет, тогда его нет нигде».

Страх приближения к учнтелю – это страх разоблачения.

Кто знает? Когда вы приближаетесь к учителю, то в его прнсутствнн, в его свете вы можете обнаружить, что вы не существуете. И это будет почти смертью... больше, чем смертью.

Поэтому люди соблюдают определениую дистанцию.

Наблюдая за дикими животными в джунглях, в горах, ученые пришли к открытию: у животных есть территориальные владения, каждое животное имеет свою собственную территорию. Если вы не заходите на его территорию, животное не будет вас беспокоить, но если вы заходите на его территорию, вы оказываетесь в опасности, животное может броситься на вас. Фактически, животное чувствует опасность: вы находитесь на его территории, приближаетесь слишком близко, и кто знает, друг вы или враг?

И у животных есть весьма странный способ создания демаркационной линии вокруг своей территории. Вы видели, как мочатся собаки? Это они помечают свою территорию. Каждая собака имеет свою собственную территорию; она создает ее не при помощи видимых стен и оград, а при помощи запаха. Другие собаки сразу же улавливают этот запах: «Эта территория принадлежит какой-то собаке – надо быть осторожным».

И то же самое делают даже львы, они обходят большую территорию и помечают ее своей мочой. А их моча имеет очень сильный запах; ни одно животное не бывает настолько нечувствительным, чтобы не учуять его. И раз учуяв этот запах, оно будет избегать этого места – это запретная зона.

Ученые, изучавшие все это дело, пришли к определенному выводу. Почему эти животные так сильно заинтересованы в том, чтобы удерживать свое определенное пространство и не позволять никому заходить туда? Ученые сочли, что это – страх. Другое животное может оказаться смертью. Лучше предупредить его, и лучший способ защитить себя – это атаковать первым, прежде чем атакуют тебя. Поэтому, если кто-то заходит на твою территорию, ты атакуешь его, прежде чем он атакует тебя; и тот, кто атакует первым, имеет больше шансов победить.

В зоопарках, где человек держит животных в небольших пространствах...

Психологи были поражены, узнав, что в дикой природе животные никогда не сходят с ума, никогда не совершают самоубийства, никогда не становятся гомосексуальными, никогда не нападают на других животных своего собственного вида. Но в зоопарке они начинают делать странные вещи: они становятся гомосексуальными, они начинают нападать на животных своего вида. В любых других обстоятельствах ни одно животное, за исключением человека, не нападает на

представителей своего вида. Это прерогатива человечества – только человек убивает другого человека. Лев никогда не убивает другого льва.

Но в зоопарке случается так, что они теряют весь свой природный инстинктивный разум; они начинают сходить с ума, становиться помешанными. И, странное дело, они даже начинают совершать самоубийства; и причина заключается в том, что у них была отнята их территория и они живут в постоянном страхе. Так много животных и так близко – они не могут спать, они не могут расслабиться, ведь могут напасть другие животные.

Они утратили свою свободу, они утратили свой сон, они утратили свою нормальную психику. И при таких условиях жизни наступает момент, когда лучше совершить самоубийство, чем жить в таких мучениях. Вы не видите их муки, так как вы не знаете, что они страдают по особой причине: им нужно пространство.

И по мере того как человечество увеличивается в численности, растет количество убийств, преступлений, гомосексуалистов и лесбиянок. Люди вовсю совершают самоубийства. Война кажется единственным делом, к которому мы готовимся; кажется, война – это единственное, для чего мы родились.

Возможно, это – из-за потребности в пространстве. Возможно, человек утратил свое чувство пространства.

Только посмотрите, какая потребность в пространстве имеется в пригородном поезде. Посмотрите, какая потребность в пространстве имеется на дороге. Если вы понаблюдаете внимательно, то даже в пригородном поезде люди стоят таким образом, чтобы никто не касался их, они все еще предпринимают последнее усилие держать определенную дистанцию. Это может быть очень маленькая дистанция, всего лишь несколько дюймов, но и она дает им пространство для дыхания.

Психологически человек боится приближаться к кому бы то ни было, чье присутствие может стать разоблачением, чьи глаза могут оказаться слишком проницательными, подобными рентгеновским лучам, кто может увидеть вас насквозь.

И вы боитесь, что, может быть, ничего не будет обнаружено – никого нет, дом пуст.

И то же самое верно в отношении вопросов: вы боитесь задавать подлинные вопросы, исходящие из вашего невежества, потому что тем самым вы будете давать возможность разоблачать вас как невежественного человека.

Каждый претендует на то, что он знающий.

В моем родном городке жил один человек... слегка тронутый, поэтому я проявлял к нему очень большой интерес. Я всегда интересуюсь людьми, у которых мозги слегка набекрень; они – особые люди.

Его имя было Сундерлал, но я стал называть его «доктор Сундерлал». Сперва он не мог поверить в это – почему я называю его доктором? Он спросил меня: «Ты сказал *доктор*»?

Я ответил: «Ты и есть "доктор". В этом городке нет более знающего человека, чем ты».

Он сказал: «Это верно».

Я сказал: «В этом городке ты – "Доктор литературы", "доктор"».

Он сказал: «Ты шутишь?»

Я сказал: «Зачем мне шутить? Факт есть факт. Если хочешь, я могу привести несколько человек в качестве свидетелей».

Он сказал: «Нет, нет, в этом нет необходимости. Я доверяю тебе; если ты говоришь это, то, должно быть, так оно и есть».

На следующий день я увидел, что он прикрепил на двери своего дома табличку: «Доктор Сундерлал, Д-р лит.»

Весь городок пришел в возбуждение... вдруг этот сумасшедший... «Какой университет дал ему степень доктора литературы?»

Я пришел к нему домой и сказал: «Вы поступили правильно. Никакие университеты не имеют к этому отношения – какое у них право давать вам степень доктора литературы? Это ваше заявление».

Он сказал: «Правильно. А мой отец говорил мне: «Ты – идиот. Ты написал "Доктор Сундерлал, Д-р лит." – придет полиция! У тебя будут неприятности; не слушай этого парня».

Я сказал: «Тут не может быть никаких вопросов; это – твое заявление: "В этом городке я – самый знающий человек. Если у кого-то есть какие-то сомнения – я готов принять вызов!"»

Он спросил: «Следует ли написать это под табличкой?»

Я сказал: «Да, это следует написать под табличкой».

Итак, была изготовлена табличка, на которой он написал: «Это заявление о том, что в этом городке я являюсь самым знающим человеком. Если у кого-то есть какие-то сомнения, я готов принять вызов на дискуссию».

Но кто хотел вести дискуссию с этим человеком? Ведь он был сумасшедшим; никто не бросил ему вызов. А он сидел себе

в кресле как раз под табличкой, поджидал кого-нибудь, кто решился бы поспорить с ним.

Два или три раза я справлялся: «Решился кто-нибудь?»

Он говорил: «Никто... люди приходят, читают надпись и уходят! Даже мой отец говорит, что в этом, кажется, что-то есть, так как никто не делает никаких возражений. Даже полицейский инспектор пришел, прочитал написанное и ушел: «Если это является заявлением...»

Несколько лет назад этот человек умер, и он умер как «Доктор Сундерлал, Д-р лит.». В газетах было напечатано: «Скончался Доктор Сундерлал, Д-р лит.». И никто не поднял шума, так как никто не был готов принять вызов. Все боялись, ведь спорить с этим сумасшедшим... он мог сказать, что угодно. Он мог поднять вопросы, на которые вы не смогли бы ответить; он мог подвергнуть критике все, что угодно.

И они все знали, что я поддерживаю его. Я сказал ему: «Не беспокойся. Если кто-нибудь примет вызов, я буду рядом с тобой, чтобы помочь тебе».

Он сказал: «Я и не беспокоюсь. Я победил в споре мою жену, моего брата, моего двоюродного брата. Я победил всю мою семью. А я знаю, что в этом городе они являются средними людьми: значит, я победил весь город. А не стоит ли мне попытаться немного расширить территорию?»

Я сказал: «Нет, тебе не следует расширять твою территорию за пределы этого города. Этого достаточно – ведь ты имеешь степень доктора литературы, ты заявил об этом. Теперь нет никакой нужды расширять твою территорию, так как это может принести неприятности. В этом городке ты являешься единственным человеком с мозгами набекрень. В других городах тоже могут найтись люди с мозгами набекрень – возникнут ненужные неприятности. Так что лучше помалкивай».

И люди стали называть его «Доктор Сундерлал». И мало-помалу люди забыли... он был признан как «Доктор Сундерлал, Д-р лит.». Это почти стало его именем.

Ваше знание... заявляете вы о нем или нет, но глубоко внутри вы верите, что знаете так много. Но все, что вы знаете, не является вашим.

Приближаясь к человеку, в свете которого ваше знание начинает таять, исчезать, испаряться, оставлять вас голым в вашем невежестве, вы боитесь даже задать вопрос.

За свою жизнь я встречал много людей, тысячи людей,

которые задавали вопросы и говорили: «Это вопрос одного нз моих друзей».

И когда я нмел обыкиовение встречаться с людьмн лично, я говорил им: «Лучше всего будет, если вы пришлете сюда вашего друга. И он может сказать то же самое: «Это вопрос одного их моих друзей».

Человек говорил: «Что вы имеете в виду?»

Я говорил: «Вы прекрасно поиялн... это – ваш вопрос. Но у вас кишка тонка даже сказать: «Это – мой вопрос». Все знание, на которое вы претендуете как на ваше собствениое, взято вами у других. А вопрос, – о котором вы говорите, что это вопрос какого-то вашего друга, – является вашнм».

Я говорил: «Приведите вашего друга. Завтра приходнте с вашим другом. Я бы хотел увидеть этого друга, так как вопрос очень важен».

Человек говорил: «Вопрос важен?»

Я говорил: «Это очень важный вопрос, и я хотел бы увидеть человека, задавшего его».

Он говорил: «Простите меня... на самом деле, это – мой вопрос».

Люди боятся раскрывать себя.

Но одно нз основных правил пребывания с учителем заключается в том, что вы должны отбросить ваши страхи и предстать голым в вашем невежестве, ибо из этого невежества можно достичь вашей невнниости.

Из вашего знаиия ни одна дорога не ведет к невнниостн.

Только из вашего невежества есть путь к невинности.

Поэтому я снова повторяю: огромное знанне, которое заимствоваио, не имеет никакого значения.

Но небольшое иевежество, которое ваше, является сокровищем, ибо из этого невежества открывается дверь к вашей иевинностн.

И именно невинность становится светом, становится благоуханнем и ароматом.

Возлюбленный Бхагаван,

однажды Вы сказали мне, что весна пришла, но меня тревожит то, что я утратил все, я полностью набит всяким хламом и не могу оставаться открытым Вам как ученик, если не нахожусь непрерывно в Вашем присутствии.

Не могли бы Вы поведать что-либо о семени духовного роста, которое Вы сажаете в нас, и о том, может ли оно умереть?

Панкаджа, семя бессмертно, оно не может умереть.

Но оно может оставаться спящим; оно может оставаться спящим на протяжении многих жизней.

Если не обеспечивается надлежащая почва, надлежащий полив, надлежащая открытость солнечному свету, оно будет оставаться спящим, потенциальной возможностью, ожиданием, – но оно не может умереть.

Вы можете умирать много раз, но семя, однажды посаженное в вас, будет продолжать следовать за вашим сознанием, где бы вы ни были.

Если вы не уделяете ему вашего внимания, не подпитываете его, не проявляете к нему заботы и любви, оно не может стать живым ростком. Из него не могут появиться свежие зеленые листки.

Только ваша любовь и ваше сознание могут сотворить это чудо... и недалек будет тот день, когда появятся цветы.

Здесь есть люди, которые несут в себе семена, посаженные другими учителями. Мне не нужно сажать в них новые семена; все, что мне нужно, – это помочь их спящим семенам открыться.

Вы здесь не в первый раз. Вы были здесь всегда: может быть – с Заратустрой, может быть – с Пифагором, может быть – с Гераклитом, может быть – с Гаутамой Буддой.

Очень редко ко мне приходит человек, которому нужно новое семя, ибо все вы – древние люди. Почти невозможно не вступить в контакт с одним из волшебников души, эти люди – магниты. Так что в какой-то жизни, где-то, вы, быть может, встретились с Мансуром аль-Халладжем, Джалаледдином Руми, Кабиром или Нанаком.

Очень редко я обнаруживаю человека, который не был бы уже беременным, – но семя осталось семенем, вы не были для него садовником. Кто-то, имеющий огромное сострадание, должно быть, посадил семя, но вы были недостаточно добры к самому себе.

Семя никогда не умирает.

И, Панкаджа, ты прекрасно понимаешь, что твой ум наполнен мусором. Самого этого понимания достаточно, чтобы избавиться от мусора.

Но, кажется, проблема в том, что этот мусор приносит тебе доход; неким образом он ублаготворяет твое эго.

Панкаджа – романнст, он хорошо известен как романист.

Я работал со всевозможными знаменнтостямн; для работы они оказываются самыми третьесортнымн людьми по той простой причине, что их знамеиитость стала частью нх эго. Онн ие могут отброснть эго, так как еслн онн отбрасывают эго, знаменитость нсчезает. А знаменнтость, слава, их имя сталн столь важиымн для них... это стало тем, с чем оии отождествляют себя в мире. Там, где мнллионам людей не с чем себя отождествлять, им есть с чем себя отождествлять. Для ннх отбросить эго очеиь трудио – и это понятно; нм чрезвычайио трудно.

Человек, который не является знаменитостью, нмеет маленькое эго. Фактически, иметь эго илн не иметь – не очень большая разница; ои уже иикто. Он может отбросить эго; и, отбросив эго, он может получить все прекрасное Существование и все его благословение. Становясь ннкем, он может открыть дверь во вселенную и ее блаженство.

Но все прославившиеся в различных областях люди, которые прнходят ко мне, терпят неудачу. Они отнимают больше всего времени, но у иих есть проблема, ибо их эго связаио с их именем и славой. Даже если они поннмают, что это – мусор, этот мусор приносит им такой большой доход, что им хочется попрндержать его еще немного – возможно, завтра илн послезавтра оии отбросят его. Оии поиялн суть, но просто отбросить этот мусор прямо сейчас – это для них чересчур.

Это напомиилo мие об одиом величайшем мыслителе, Вольтере. Он был знаменит в своей страие, а там существовало общее убеждение, что если вам удалось заполучить иебольшой лоскуток, вырезаииый из одежды прославленного человека, такого как Вольтер, вы можете сделать из иего прекрасный медальон, который будет служить амулетом, предохраияющим от опасностей, болезией и смерти.

Когда Вольтер выходил на улицу, ои возвращался домой почти голым, так как за ним следовали толпы людей, которые рвали на ием одежду – и не только одежду, его тело было все исцарапано. Ему приходилось просить защиту у полиции, если ему иадо было отправиться иа вокзал или в какое-то другое место. Без защиты полиции это было иевозможио, ведь прийти иа вокзал голым, исцарапаииым, в крови – это не выглядело бы иормальио... хотя ои в глубиие души наслаждался этим, ибо ои был едииственым человеком во всей

стране, которого так глубоко уважали. Это было уважение, оказываемое народом.

Но в этом мире все меняется. Имя и слава – просто мыльный пузырь. Он может становиться очень большим, – и чем больше он становится, тем больше опасность, что он лопнет.

И пришел день, когда Вольтер был забыт; кто-то другой стал знаменитостью. Теперь не было никакой нужды в полицейской защите. Люди даже забыли, что он жив. В своих записных книжках он написал: «Те дни доставляли мне наслаждение. Но в то время я думал, что было бы лучше не быть известным, лучше просто быть никем, жить себе тихо, так как моя жизнь стала кошмаром. Но когда я стал никем, я впал в отчаяние, оттого что я утратил уважение, имя, славу».

И в своих заметках он не говорит, что это было то, чего он хотел – быть никем. Теперь он стал никем, но радости в том не было, то было поражение.

Он написал: «Я умираю побежденным человеком». И когда он умер, только четверо сопровождали его тело на кладбище. Из этих четверых одним был его пес, а трое были его соседи – и эти трое вынуждены были доставить его тело на кладбище, иначе оно начало бы разлагаться и жить рядом стало бы невыносимо. Надо было как-то спровадить его в могилу. Так что на самом деле только пес преданно сопровождал его.

И это был человек, за которым следовали тысячи людей, куда бы он ни пошел.

Панкаджа, твой мусор приносит тебе доход.

Ты можешь выбрать его, нет никаких проблем.

Но делай выбор сознательно: ты выбираешь мусор потому, что он приносит тебе доход.

При сознательном выборе его хватит ненадолго. Не борись с ним, борьба не поможет.

Или, если ты достаточно мужественен, уясни себе одну простую вещь: даже если ты написал сотню романов, но внутри ты – сплошная рана, которая болит двадцать четыре часа в сутки, то вся твоя жизнь растрачена на страдания только для того, чтобы ублажить несуществующее эго. Завтра ты умрешь, а послезавтра никто не вспомнит о тебе. Сколько романистов было в мире? И кому сегодня до них есть дело? И все они, должно быть, страдали таким же образом, ибо то, что они делали, было мусором.

Ты можешь быть большим мусоровозом. Неважно, большим или маленьким, – но если ты можешь найти в себе немного мужества и выбросить весь этот мусор, очистить себя, то, возможно, из тебя выйдет нечто прекрасное, что может оказаться полезным для человечества, что может запомниться на века; и не только запомниться, но и оказать определенное трансформирующее воздействие на людей.

Но тот мусор, который ты пишешь, – это просто журналистика. Сегодняшняя газета завтра никого не будет волновать.

Когда-то я жил в одном месте, где был один немного эксцентричный старик... Люди, ушедшие на покой, становятся эксцентричными, поскольку им нечего делать. И никто не хочет становиться бесполезным – это причиняет боль. Никто не хочет быть в тягость.

А в семье никому нет дела до стариков. Фактически, все хотят отделаться от стариков, так как они доставляют ненужные хлопоты. У молодых есть своя собственная жизнь, свои наслаждения, свои развлечения, а эти старики все время вмешиваются, порицают, заставляют молодых чувствовать себя виноватыми или постоянно раздраженными. А старикам нечего делать; двадцать четыре часа в сутки они сидят себе где-нибудь. Естественно, им нужна какая-то работа; вот они и становятся великими критиками, они критикуют все.

Этот старик имел обыкновение приходить ко мне. Я работал в университете – один или два часа я преподавал в университете, а затем возвращался к себе. Он приходил ко мне, и мне нравилось слушать его. Он был очень счастлив со мной, ибо он говорил: «Вы – единственный человек, у которого есть терпение слушать меня; и больше никому нет до меня дела. Я говорю такие важные вещи, а никому это не интересно». Но как долго я мог выносить его?

Поэтому я стал давать ему газеты и журналы, чтобы он читал их, увлекался чтением и оставлял меня в покое. Иногда случалось так, что я по ошибке давал ему старую газету. Он начинал читать ее – и очень увлекался ею, – а затем мне на глаза попадалась дата. Я говорил себе: «О Боже, я дал ему старую газету». И я говорил ему: «Это старая газета. Я дам вам новую, свежую».

Он говорил: «Не имеет значения – почти на девяносто процентов новости те же самые. А из-за десяти процентов стоит ли беспокоиться? Для меня это все равно. Когда вас нет дома, я прихожу и обращаюсь за разрешением к садовнику. Он не

пускает меня в ваш кабинет, но он приносит газеты, и я сижу в саду. И иногда он приносит газеты годичной давности! Но я говорю, что мне все равно; продолжают происходить те же самые вещи, поэтому я читаю любые газеты. Даже ваш садовник говорит мне: «О, Боже, этой газете уже год. Подождите, скоро придет мой хозяин; тогда я принесу свежие газеты». А я говорю: «Не стоит беспокоиться, я просто наслаждаюсь чтением». И это все одно и то же – кто-то был убит, на кого-то совершено нападение, кто-то совершил самоубийство, где-то сменилось правительство. Мне безразлично, кто правит в Бразилии, – какая мне разница?»

Мой садовник сказал мне: «Этот старикан – философ».

Я сказал: «С чего ты взял, что он – философ?»

Он ответил: «У него философский склад ума; он читает газету годичной давности и читает ее с такой концентрацией. И когда я спрашиваю его об этом, он говорит: "Какая разница? Время проходит. Всего лишь год назад это было новым, а то, что ново сегодня, будет старым через год. И что касается меня, то это лишь вопрос проходящего времени, поэтому то, что я читаю, не имеет значения..."»

Панкаджа, я бы хотел, чтобы ты прежде всего был чистым, невинным, безмолвным.

И тогда, если из этого безмолвия родится нечто, это будет вкладом во вселенную.

В противном случае, из этого мусора ты можешь продолжать черпать материал для написания романов, и они будут продаваться, ибо людям нужно что-то, что они могли бы почитать, а затем выбросить. Но они не знают, что кто-то вложил в это свою жизнь, потратил свою жизнь на написание этих романов. Кто-то упустил свою буддовость.

Выбор за тобой.

Его нельзя никому навязать.

Я могу лишь дать тебе намек, что время пришло.

И ты достаточно зрел: ты написал все эти твои романы, и ты знаешь, что все это мусор.

Это ясно, ведь люди любят читать что угодно. Для книжных киосков на вокзалах и в аэропортах нужен мусор; и мусор нужен везде, так как люди нуждаются в мусоре. Но почему ты должен попусту тратить свою жизнь?

А у тебя есть возможность дать рождение чему-то действительно значительному, – но нужен прорыв. Тебе нужен разрыв непрерывности.

Ты забываешь то, что ты делал, забываешь имя и славу и все, что она приносит тебе.

Просто будь никем, наслаждайся бытием никем.

И я говорю тебе, что в бытии никем есть свобода.

И тогда в один прекрасный день ты обнаружишь, что семя, которое пребывает в тебе, начало прорастать. И тогда, если что-то из твоего собственного переживания окажется записанным тобой, это будет значительным для тебя, это будет значительным для других. Все, что действительно может сделать жизнь немного более красивой, немного более музыкальной, немного более поэтичной, будет помощью и тебе тоже. И это возможно только благодаря твоему росту.

Ты можешь собирать всевозможную информацию – прочитать десять романов и получится одиннадцатый – это один путь, по которому идут все писатели, поэты, художники. Но они оказываются третьесортными, и они будут забыты.

Нечто значительное появляется только из твоего внутренней сущности.

Но перед этим ты должен выбросить весь мусор; мусора так много, а семя такое маленькое, что оно затерялось в мусоре.

Я надеюсь, что ты сможешь сделать то, что я говорю; иначе я бы этого не говорил.

Беседа 3

НИКАКОГО ДРУГОГО ПУТИ, КРОМЕ ЖИЗНИ

5 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,
как получается, что все идет так хорошо?

Гандхарадж, этот вопрос не повод для смеха.

Он касается чего-то чрезвычайно ценного в человеческом несчастье, в человеческом страдании, в человеческой реальности. Он вызывает смех, так как кажется абсурдным спрашивать, почему дела идут так хорошо.

Мы привыкли к тому, что дела никогда не идут хорошо.

Нам хорошо знакомы страдание, боль, тьма, бессмысленность, вся трагедия человеческого существования. Это вошло в наши кости, плоть и кровь; мы принимаем это, как будто это и есть наша природа.

Если дела идут плохо, это кажется естественным!

Если же дела не идут плохо, тогда, должно быть, что-то не так – как получается, что дела идут так хорошо? Мы забыли язык благополучия, мы забыли вкус блаженства.

Мы забыли нашу собственную природу.

А по природе дела *должны* идти хорошо; для того, чтобы они шли хорошо, не нужно никакой причины.

Вы здоровы – вы же не идете к врачу, чтобы спросить его: «Что со мной? Я здоров». Вы идете к врачу, когда вы нездоровы, когда вы больны.

Когда люди молоды, они не спрашивают: «В чем смысл жизни?» В их молодости, в бьющей ключом энергии есть достаточно смысла, достаточно значительности. Они пока еще способны любить. Они пока еще способны танцевать, петь, праздновать. Смерть еще не простерла свою тень над их жизнями.

Как только человек начинает спрашивать: «В чем смысл жизни?» – это означает, что он стал старым – неважно в каком возрасте. Его вопрос ясно показывает, что он утратил контакт с жизнью, утратил контакт с любовью, утратил контакт с жизненной силой, и куда он ни посмотрит, повсюду – пустота. Для него стал важным вопрос – зачем он живет? На самом деле он умер; его жизнь является посмертной.

Как только человек спрашивает: «В чем смысл жизни?», это уже вопрос мертвеца, который все еще дышит, сердце которого все еще бьется, но все это как у робота. Вся поэзия,

все радуги исчезли... никаких рассветов. Кажется, что ночь вечна. Кажется, что ему, должно быть, приснились все те дни, когда он видел свет; они не были реальны.

Старость, когда смерть стоит совсем рядом с вами, порождает вопрос: «В чем смысл жизни?»

Но когда вы живы, когда смерть далеко за горизонтом вашего видения, кто беспокоится о смысле жизни? Вы *живете* ею, вы *имеете* ее, вы *поете* ее, вы *танцуете* ее. Она в каждом вдохе, в каждом ударе вашего сердца.

Надо ясно понять одно: люди, которые задают так называемые великие вопросы о смысле жизни, о смысле самого Существования, о смысле любви, о смысле красоты, считаются великими философами, но они уже одной ногой в могиле. И как раз перед тем как соскользнуть в свои могилы, они поднимают все эти вопросы.

Кроче, один из великих эстетиков, великий философ эстетики, посвятил всю свою жизнь одному-единственному вопросу: что такое красота? В этом столетии он стоит особо, как одинокая вершина, ему нет равных. Его приверженность вопросу красоты тотальна. Он писал о красоте, он говорил о ней, он читал о ней лекции, он видел о ней сны; вся его жизнь была сплетена вокруг вопроса: что такое красота?

Я просматривал написанное им и на каждом шагу чувствовал, что, должно быть, этот человек был слеп – только слепой может спрашивать: «Что такое красота?»

И почти целое столетие никто не поднимал вопроса о том, был ли Кроче слепым или нет. Я говорю, что он несомненно был слепым. У него, возможно, и были глаза, как у вас, но у него не было никакой способности восприятия, никакой чувствительности. Он задавал вопрос: «Что такое красота?» – и продолжал искать ее, – а все Существование наполнено красотой.

Даже самая маленькая травинка прекрасна. Повсюду вокруг есть цветы и звезды, птицы и деревья, реки и горы, и прекрасные человеческие существа.

Как мог человек с таким интеллектом, как у Кроче, не увидеть одну простую вещь: красоту надо чувствовать, а не размышлять о ней? Вы должны *видеть* ее, вы должны переживать ее. Вы способны творить ее.

Но это такая тайна, что она не поддается объяснению.

Ее нельзя втиснуть в определение.

Но дело всей жизни Кроче показывает только одно: бедняга так никогда и не пережил ни единого мгновения красоты; в противном случае, все его вопрошание изменилось бы. Он бы, пожалуй, посвятил всю свою жизнь творению

красоты, переживанию красоты, ликованию вместе со звездами и луной, цветами и птицами. Но он попусту растратил всю свою жизнь.

И к какому выводу он пришел в конце концов? Красота неопределима. Это всякий мог бы сказать ему в самом начале. Не было никакой нужды попусту растрачивать прекрасную жизнь, драгоценный подарок Существования.

И нельзя быть уверенным, что жизнь будет дана вам еще раз; вы даже не можете быть уверенными относительно того, почему она была дана вам в этот раз. Вы достойны ее? Вы заслужили ее? Похоже, что это самый настоящий подарок, подарок от изобильного Существования, которое не беспокоится о том, заслуживаете ли вы его или нет. Оно не спрашивает о ваших достоинствах, не интересуется вашим характером, вашей нравственностью... не предъявляет никаких требований, а просто дает вам жизнь без всяких условий. Оно дает вам жизнь не на деловой основе, а без ожидания получить от вас что-либо взамен; дает ее и предоставляет вам полную свободу делать с ней все, что вам заблагорассудится.

Гандхарадж, все и должно идти прекрасно, легко, благополучно. Это естественно.

Если же дела не идут хорошо, это означает, что есть что-то нездоровое, что-то больное.

Но все великие моралисты мира, все теологи, все пророки и посланцы Бога совсем сбили вас с толку. Они предъявляют к вам всякие требования. Они отняли всю вашу свободу. Они требуют, чтобы вы делали невозможные вещи, а вы, естественно, терпите в этом неудачу.

Это оставляет в вас раны – раны неудачи, неполноценности, недостойности – и вы живете со всеми этими ранами.

Естественно, все идет плохо.

Это не природа виновата, а ваши великие благодетели – люди, которые обещают вам: «Мы – спасители».

Фактически, именно эти люди создали больное человечество, нездоровый человеческий ум, психику, которая не является нормальной.

Требование чего-то неестественного обязательно создает чувство вины. Если вы не выполняете это требование, вы чувствуете себя виноватым в том, что вы на самом деле не являетесь человеческим существом, что вы ведете себя как недочеловек, животное, что вы являетесь грешником, что вы поступаете вопреки пророкам и посланцам, которые представляют Бога.

А если вы пытаетесь следовать им, вы попадаете в

ловушку. Если вы следуете им, вам прнходится идти против природы, а природа есть все, что вы собой являете.

Вы не можете идтн против самого себя, поэтому на каждом шагу терпнте неудачу. С каждым шагом вы становитесь все более и более шнзофреничны: малая часть становится священииком, осуждающнм всю вашу прнроду. Все, что вы делаете, оказывается порочным.

Жнзнь становнтся кошмаром.

И вот так человек жил тысячи лет: жнзнь, которая могла бы быть прекрасным переживаиием, была превращеиа в иевыиосимую пытку, кошмар.

Даже если вы хотите пробудиться, вы ие можете. Кошмар глубок и продолжнтелеи – он не только ваш, ои ндет от иаших предков; поколенне за поколеинем культивировали его. Корин его такне же древние, как и само человечество; вы ие можете бороться с инм.

Вы разрываетесь иа части. Вы ие можете бороться с вашей природой, вы не можете бороться с вашнм больным наследием.

И я заявляю, что иа всей земле каждый человек живет под бремеием больного иаследня. Не нмеет зиачения, является ли ои хрнстнаниимом, или индусом, или мусульманиимом – все это различиые иазвания одиой и той же болезин.

Если вы следуете вашей прнроде, вы сами осуждаете себя. Все общество осуждает вас. Весь мир против вас, и вы сами тоже протнв себя.

Но вы должиы жить согласно вашей природе.

У Фрндриха Ницше есть прекрасиое прозреиие. Ои говорнт, что все релнгии мира выступают против секса, но оии ие преуспели в уинчтожеиии секса; в противиом случае, откуда бы продолжали появляться все этн люди? Весь этот демографический взрыв... если бы вашн священннки преуспели, церкви были бы пустыми. Но имеется семьсот мнллиоиов католиков – несомиеино, католическне священиики потерпели полную неудачу.

Ницше прав. Религии ие преуспели в уиичтожеиии секса. Но оии преуспели в одном: оии сделали секс отравой, сделалн его губительным. Ои уже не радость, ои уже ие явлеиие красоты, он уже не священеи. Им удалось создать нз иего огромное чувство вины. И то, что верио по отиошеиию к сексу, верно и по отиошеиию ко всем вашим природиым иистинктам, ио все было отравлено.

Поэтому, когда дела ие ндут хорошо, вы чувствуете себя совершеиио иепрннуждеиио.

Когда же дела идут хорошо, вы начинаете чувствовать беспокойство: «Что случилось?»

Если идут войны, это совершенно нормально. Если происходят столкновения между индусами и мусульманами, если мусульмане и иудеи убивают друг друга, это совершенно нормально. Но если вдруг иудеи и мусульмане начинают танцевать, петь и радоваться вместе, весь мир будет потрясен: «Что происходит? Что они, с ума сошли?»

Мы страдаем от дурного иаследия, и, если мы не освободимся от прошлого, мы не сможем жить мирно.

Гандхарадж, люди, которые собрались здесь вокруг меня, и мои люди во всем мире отбросили прошлое. Они больше не индусы, не христиане, не буддисты; они просто человеческие существа. И онн пытаются жнть по своей природе цельно, естествеиио, без какого-либо чувства вины и греха.

Все идет изумительно хорошо.

Они живут в свободе.

Прошлое – это наше рабство; и если прошлого слишком много, тогда оно создает наше будущее. Мы зажаты прошлым и будущим, н будущее есть не что иное, как воспроизведение прошлого.

И краткое мгновение настоящего почти бессильно перед двумя вечностями, давящими на него с двух сторон.

И как только вы освобождаетесь от прошлого, случается потрясающее осознание: вы свободны и от будущего тоже.

А ваша свобода от будущего означает, что теперь вы свободны творить ваше будущее, оно не будет создаваться прошлым. Оно будет твориться вашей природой, вашим разумом, вашей медитацией, вашим безмолвием, вашей любовью.

Гандхарадж, у моих санньясинов дела просто обязаны ндти легко, ибо среди них иет иикакого греха, никакого чувства вины, никакой навязаниой нравствеиности.

Я развращаю людей настолько сильно, что они становятся невинными.

Люди живут невинно. У них нет никаких моральных кодексов, никаких десяти заповедей, никаких святых библий. У ннх есть только их собственная способность к пониманию и свобода творить свое будущее, жить согласно своей природе без всякого страха. Ибо нет иикакого ада и нет никакого Бога, который бы решал, праведны вы или иеправедиы.

Если вы праведны, ваша жизнь будет жизнью радости; если вы неправедны, ваша жизнь будет жизнью страдания.

Нет иужды ни в каком Боге. По сути, каждое ваше действие является решающим.

Поэтому вы можете определять ваш путь: если вы движетесь правильно, ваша жизнь будет приносить все больше и больше цветов, у нее будут вырастать все более и более мощные крылья. Ваш полет к звездам будет становиться более легким.

А если вы делаете нечто неправильное, сама ваша природа скажет, что это неправильно, так как вы будете страдать от последствий ваших неправильных действий «здесь и сейчас». Вам не придется ждать судного дня.

Что за дурацкая гипотеза – «судный день»: однажды все восстанут из своих могил! Только представьте себе: все скелеты, вот это будет толпа! Там, где вы сидите, под вами находятся, по крайней мере, десять скелетов. Когда все эти скелеты восстанут, яблоку некуда будет упасть; и будут такие крики, вопли и стенания! Даже бедняге Богу будет весьма трудно разобраться, кто есть кто – ведь там будут только скелеты.

А еще рассудить, кто отправится в рай, а кто – в ад... неужели вы думаете, что с этим можно справиться за один день? На счету у каждого человека миллионы поступков, хороших и плохих, которые надо взвесить, а есть только один Бог – и, к тому же, не очень-то умный.

Джордж Бернард Шоу как-то сказал: «Только одна толпа наводит меня на мысль, что судить будет трудно. Но, к тому же, половину толпы будут составлять женщины... которые сделают это почти невозможным!»

Возможно, именно поэтому судный день не случился и не случится. Ведь Иисус говорил своим ученикам: «Скоро, в этой жизни, вы увидите, как наступит судный день», – то есть в жизни его учеников. Это значит, самое большее, семьдесят лет.

Прошло две тысячи лет, и с каждым днем количество скелетов продолжает увеличиваться.

Я думаю, что Бог передумал.

Судный день стал невозможен.

По-моему же, каждое деяние выносит свой собственный приговор, и это более научно. Зачем продолжать накапливать деяния к определенному дню, а затем решать? И зачем решать извне, когда есть возможность решать изнутри? Каждое деяние имеет свое внутреннее следствие.

Вы можете это вычислить: если ваша жизнь несчастна, то вы делаете что-то неправильное; а если ваша жизнь – вихрь веселья, то вы делаете все то, что и следует делать.

Так что вам решать, сделаете ли вы вашу жизнь вихрем веселья или вихрем страдания; больше некому решать. Вы есть деяние, и вы есть судья. И это представляется более научным, простым.

Гандхарадж, если все идет хорошо, будь счастлив. И помни о том, почему дела идут хорошо, чтобы они продолжали идти все лучше и лучше, ибо благоденствие тоже имеет глубину.

Просто выясни, что именно делает твою жизнь блаженной, мирной, тихой, счастливой – простая арифметика, – и твоя жизнь может стать святой жизнью.

По-моему, если ты живешь радостно, ты – святой человек.

Ты должен сделать только одно: умри для прошлого, чтобы ты мог возродиться в свежем настоящем и свободном будущем.

Возлюбленный Бхагаван,
есть ли другой путь – без смерти и небезопасности?

Прежде всего, смерти нет.

Смерть – это иллюзия.

Умирает всегда кто-то другой, вы же никогда не умираете. Это значит, что смерть всегда видится извне, это взгляд со стороны.

Те же, кто видели свой внутренний мир, единодушно заявляют, что смерти нет. Ведь вы не знаете, что составляет ваше сознание; оно не состоит из дыхания, оно не состоит из сердцебиения, оно не состоит из кровообращения.

Поэтому, когда врач говорит, что некий человек мертв, это является заключением стороннего наблюдателя; он говорит только одно: «Этот человек больше не дышит, его пульс остановился, его сердце не бьется». Эквивалентны ли эти три явления смерти? Нет.

Сознание – это не ваше тело, не ваш ум, не ваше сердце.

Поэтому, когда человек умирает, он умирает для вас, не для себя самого. Для себя самого он просто меняет местожительство, возможно, переезжает на более подходящую квартиру. Но поскольку старая квартира оставлена, а вы ищете его в старой квартире и не находите его там, вы думаете, что бедняга умер. Вам бы следовало сказать только одно: «Бедняга бежал. А куда он делся, мы не знаем».

Фактически, медицинская наука выходит за пределы своей компетенции, когда заявляет, что некий человек мертв. У медицинской науки нет еще такого права, ибо у нее нет еще определения того, что составляет смерть. Она может только сказать: «Этот человек больше не дышит. Его сердце остановилось. Его пульс больше не прослушивается». Сделать вывод,

что он мертв, – значит выйти за пределы того, что вы видите. Но поскольку у науки нет никакого представления о сознании, смерть тела становится смертью существа.

Те же, кто познал существо... а чтобы познать его, вам вовсе не обязательно умирать, вы можете просто двигаться внутрь. Вот что я называю медитацией – просто двигайтесь внутрь и выясните, что является вашим центром, а в вашем центре нет никакого дыхания, никакого сердцебиения, там нет никакого мышления, никакого ума, никакого сердца, никакого тела, и все же вы есть.

Как только человек испытывает переживание самого себя, – что он есть не тело, не ум, не сердце, а чистое сознание, – он познает, что для него нет смерти, ибо он не зависит от тела.

Сознание не зависит от кровообращения. Оно не зависит от того, бьется сердце или нет; оно не зависит от того, функционирует ум или нет. Это совершенно иной мир, его не составляют какие-либо материальные вещи, он нематериален.

Поэтому прежде всего надо понять, что смерти нет – ее так и не удалось обнаружить.

А если смерти нет, то какая может быть небезопасность?

Для бессмертной жизни не может быть никакой опасности. Ваше бессмертие не зависит от вашего банковского счета; нищий столь же бессмертен, как и император.

Что касается сознания людей, то это – единственный мир, где существует подлинный коммунизм: все люди имеют одинаковые качества, и у них нет ничего такого, что может быть утрачено или отнято. У них нет ничего такого, что может быть уничтожено, сожжено.

Небезопасности нет.

Все небезопасность – это тень смерти.

Если вы всмотритесь поглубже, то увидите, что любое чувство небезопасности коренится в страхе смерти. Но я говорю вам, что смерти нет: следовательно, не может быть никакой небезопасности. Вы – бессмертные существа, *амритасья путра*.

Вот что говорили провидцы на древнем Востоке: «Вы – сыны бессмертия».

И они не были скупцами, как Иисус Христос, который говорил: «Я – единственный сын Бога». Странная идея... стыдно даже говорить такое. «Я – единственный сын Бога», – а что же остальные? Они все ублюдки? Иисус осуждает весь мир! Он – единственный сын Бога, а чьими сыновьями и дочерьми являются все эти люди? И это странно – почему Бог остановился, дав рождение только одному ребенку? Что, его

хватило только на одного ребенка? Или он сторонник контроля над рождаемостью?

Я спрашиваю папу римского и Мать Терезу: «Ваш Бог, должно быть, является сторонником контроля над рождаемостью; он, должно быть, пользуется теми штуками, которые вы запрещаете – презервативы и все такое, как может быть иначе? Раз он произвел сына, тогда, по меньшей мере, одна дочь – вот естественная тенденция».

И за всю вечность... не поразвлечься?

Психологи говорят, что бедные люди производят больше детей по той простой причине, что у них нет никаких других развлечений. Чтобы пойти в кино, вам нужны деньги; чтобы пойти в цирк, вам нужны деньги; чтобы пойти на пляж Чоупатти, вам нужны деньги. Везде, где есть развлечения, вам нужны деньги. Поэтому быстрей в кровать – это единственное развлечение, для которого не требуются деньги.

А что делает Бог? Он не может пойти ни в кино, ни в цирк, ни на пляж Чоупатти. Сидит себе вечно, скучает... Породил только одного сына? Это намекает на многое; возможно, он так разочаровался в этом одном сыне, что принял целибат: «Я не собираюсь больше производить идиотов».

Иисус учил на земле всего лишь три года. Когда ему было тридцать три, его распяли – великий спаситель, который не смог спасти самого себя. Бог, должно быть, испытал огромное разочарование: «Кончено! Больше никаких сыновей, никаких дочерей!»

Но реальность такова, что в пребывании единственным, без соперников, есть определенный элемент эгоизма.

Кришна может быть воплощением Бога, но он не сын, а просто фотокопия.

Мухаммед может быть посланником – он просто почтальон.

Но Иисус – особый, он является единственным сыном Бога. В этом есть определенный эгоизм.

Древние провидцы не были столь эгоистичными. Они называли все человечество – прошлое, настоящее, будущее – *амритасья путра:* вы все есть сыновья бессмертия. Они не ставят себя над вами; они не претендуют на то, что они более святы, чем вы. В том, что касается сознания, они делают все человеческие существа абсолютно равными – вечными.

Нет никакой небезопасности.

Нет никакой нужды в каком-либо другом пути, – да и нет никакого другого пути.

Жизнь – вот путь, который проходит через врата смерти.

Вы можете пройти через эти врата сознательно. Если вы

достаточно медитативны, то вы можете пройти через смерть, прекрасно зная, что вы перебираетесь в другой дом; вы можете войти в утробу другой матери, прекрасно зная, что вы въезжаете в новую квартиру, – и она всегда лучше, ибо жизнь всегда эволюционирует. И если вы можете умереть сознательно, то, несомненно, ваша новая жизнь будет с самого начала на очень высоком уровне.

И я не вижу никакой небезопасности.

Вы приходите в этот мир без ничего, поэтому достоверно одно: вам ничего не принадлежит.

Вы приходите абсолютно голыми, но с иллюзиями. Вот почему каждый ребенок рождается со стиснутыми кулаками, веря, что он несет сокровища, – а кулаки-то пусты. И каждый умирает с раскрытыми ладонями. Попробуйте умереть со сжатыми кулаками – до сих пор это еще никому не удавалось. Или попробуйте родиться с раскрытыми ладонями – это тоже никому не удавалось.

Ребенок рождается со сжатыми кулаками, с иллюзиями, что он приносит в мир сокровища, но в кулаках ничего нет. Вам ничего не принадлежит, так какая же небезопасность? У вас ничего нельзя украсть, ничего нельзя отнять.

Все, чем вы пользуетесь, принадлежит миру.

И в один прекрасный день вам придется оставить все здесь.

Вы не сможете взять что-либо с собой.

Я слышал, что в одном городе жил некий богач, который был таким скрягой, что никогда не подавал милостыню нищим. Вся община нищих знала об этом, поэтому всякий раз, когда они видели какого-то нищего перед домом этого богача, они знали: «Кажется, это новый человек, из какого-то другого города. Надо сказать ему, что здесь он ничего не получит».

Жена богача умирала, но он не хотел посылать за врачом. У него был только один друг, поскольку иметь много друзей означает ненужную небезопасность – кто-то может попросить денег, кто-то может попросить еще что-то. У него был только один друг, и этот друг тоже был таким скрягой, что между ними не было никаких проблем. Они оба понимали психологию друг друга – никаких конфликтов, никаких просьб, так что не возникало никаких затруднений.

Этот друг сказал: «Сейчас такой случай, что надо позвать врача – твоя жена умирает».

Богач сказал: «Все в руках Бога. Что может сделать врач? Если ей суждено умереть, она умрет. Ты хочешь доставить мне ненужные хлопоты – платить врачу за лекарство, то да се. Я

– религиозиый человек, и если ей ие суждеио умереть, оиа выздоровеет без всяких врачей. Настоящий врач – Бог, и иикто другой. И я верю в Бога, потому что ои иикогда не просит вознаграждения».

Жена богача умерла.

Его друг сказал: «Видишь, ты пожалел немного деиег и не позвал врача...»

Он сказал: «Немного денег? Деньги есть деньги, и никаких "иемного" тут быть ие может. А смерть приходит к каждому».

Друг иемиого рассердился. Ои сказал: «Это уж слишком. Я тоже скуп, ио если будет умирать моя жена, я пошлю хотя бы за аптекарем, – но позову хоть кого-то. Ты же действительно безжалостен. Что ты собираешься делать со всеми этими деньгами?»

Богач сказал: «Я собираюсь взять их с собой».

Друг сказал: «Никто никогда не слышал о таком».

Богач сказал: «Но иикто иикогда и ие пытался». Это тоже было верно. Он сказал: «Вот увидишь. У меня есть собственный план – я возьму все с собой».

Друг сказал: «Расскажи мне твой секрет, ведь мие тоже когда-иибудь придется умереть, а ты все-таки мой друг».

Богач сказал: «Дружба дружбой, но этот секрет я раскрыть не могу. И секрет этот такой, что ты не сможешь воспользоваться им, когда будешь умирать, – им надо воспользоваться раньше, поскольку тебе надо будет отнести все твои деньги, все твое золото и бриллианты к реке».

Друг сказал: «Что ты имеешь в виду?»

Богач сказал: «Ты садишься в лодку, добираешься до середииы реки, прыгаешь со всем твоим богатством в воду и тоиешь – получается, что ты взял с собой богатство. Попробуй! Никто еще не пробовал сделать это. Если ты потерпишь неудачу, особой беды не будет, ведь все уходят из жизни с пустыми руками. Если же ты преуспеешь в этом, тогда ты будешь первопроходцем, первым человеком, который достигнет рая с полным мешком денег. И все эти святые будут смотреть иа тебя широко раскрытыми глазами: "Этот человек совершил нечто небывалое!"»

Друг сказал: «Но это означает, что надо умереть».

Богач сказал: «Естественно, и надо быть в добром здравии. Когда ты будешь умирать, тебе будет очень трудно нести такой большой груз. Я сам собираюсь сделать это скоро, ведь моя жена умерла и теперь у меня никого больше нет».

Но даже если вы прыгнете в океан со всеми вашими

деньгами, деньги останутся в океане, ваше тело останется в океане.

Вам придется идти налегке, просто как созиание. Вам иичего ие принадлежит, ведь вы иичего сюда ие принесли и ничего ие сможете взять с собой отсюда.

Жизнь – это едииствеииый путь.

Смерть – это единствеиная иллюзия, которую иадо поиять.

Если вы можете жить полиостью, тотальио, поиимая смерть как иллюзию – и ие потому, что я говорю это, а благодаря вашему собствеииому переживанию в глубокой медитации, – то живите жизнь полностью, настолько тотально, иасколько это возможио, без всякого страха. Нет иикакой небезопасиости, ведь даже смерть иллюзорна.

Реальио только живое существо в вас.

Очищайте его, оттачивайте его, делайте его полностью осозиающим, чтобы даже малая часть его не была погружена во тьму, чтобы вы полиостью светились, чтобы вы стали пламеием.

Это едииствеииый путь: другого выбора нет.

Да ои и ие нужен.

Возлюбленный Бхагаван,
быть открытым и быть свидетельствующим – две разные вещи. Так ли это, или это дуальность, созданная моим умом?

Ум всегда создает дуальность; в противном случае, быть открытым и быть свидетельствующим ие было бы двумя разиыми понятиями.

Если вы открыты, вы будете свидетельствовать.

Не будучи свидетелем, вы не можете быть открытым; или, если вы свидетель, вы будете открытым – ибо быть свидетелем и при этом оставаться закрытым невозможио. Поэтому это просто два слова.

Вы можете иачинать со свидетельствования, – тогда раскрытие придет само по себе, или вы можете начинать с раскрытия вашего сердца, всех окон, всех дверей, – тогда обиаружится свидетельствование, оно придет само по себе. Но если вы просто думаете, не делая ничего, тогда оии выглядят отдельиыми.

Мы ие можем думать без дуальности. Дуальность – это способ мышлеиия.

В безмолвии все дуальиости исчезают.

Единство – вот переживание безмолвня.

Например, день н ночь являются весьма наглядной дуальностью, но они не являются двумя различиымн сущностямн. Есть животиые, которые вндят иочью. Их глаза более чувствительиы, способиы видеть в темиоте. Для иих темиоты нет. Эти животиые ие могут открыть глаза дием, поскольку нх глаза настолько чувствительны, что солиечный свет прнчиняет боль. Поэтому то, что для вас является днем, для этих животных является ночью, глаза закрыты, сплошная тьма. Когда для вас ночь, для иих деиь. Весь день оии спят, всю иочь они бодрствуют.

И если вы спросите ученого и логика, вы увидите разницу. Если вы спросите логика: «Что такое день?», – он скажет: «То, что не есть ночь». А что такое ночь? Это порочный круг. Если вы спрашиваете: «Что такое ночь?», – логик скажет: «То, что не есть день».

Вам нужен деиь, чтобы определнть иочь; вам нужиа иочь, чтобы определить деиь. Странная дуальность, страииое противопоставление... Если нет дия, мыслима лн иочь? Еслн нет иочи, мыслим ли день? Это невозможио.

Спросите у учеиого, который блнже к реальиости, чем логик. Для учеиого темнота – это меиьше света, а свет – это меньше темноты. Теперь это одии феиомен, совсем как термометр. У кого-то температура поднялась до сорока двух градусов, ои готов перейти в мнр иной. У кого-то температура тридцать шесть и шесть, иормальиая температура для человеческнх существ; а у кого-то еще температура падает ниже трндцати четырех градусов, ои тоже готов уйтн из этого мира.

Ваше существование ие очеиь-то велико, только между тридцатью четырьмя и сорока двумя градусамн. Всего лишь восемь градусов... ниже – смерть, выше – смерть; только узкая щель посредине, маленькое окошко жизии.

Если бы у нас был термометр для света и темиоты, то ситуация была бы такой же, как с теплом и холодом – одии и тот же термометр годится для измерения как тепла, так и холода. Холод – это меньше тепла, а тепло – это меньше холода, ио это один феномен; иет никакой дуальностн.

Так же обстоит дело с темиотой и светом.

И это же верно в отиошеннн всех противоположностей, которые создает ум. Открытость, свндетельствование... если вы мыслите интеллектуальио, онн выглядят очень разными. Оии кажутся несвязаиными, как они могут быть одиим? Но в пережнваннн они суть одно.

Возлюбленный Бхагаван,

я Ваш ученик вот уже два с половиной года и все это время я стремился быть в Вашем присутствии. Теперь я встретил Вас впервые, и все изменилось. Мне хочется бежать от Вас. Я в полном замешательстве.

Пожалуйста, прокомментируйте.

Это почти нормально.

Ты влюбляешься в меня. Твоему интеллекту нравятся мои слова. Твой разум чувствует себя удовлетворенным, и тогда возникает желание быть, по крайней мере некоторое время, со мной.

А затем огромное потрясение... ибо я не человек слов. Хотя я произнес больше слов, чем кто-либо другой во всем мире, все же я говорю, что я не человек слов.

Мои слова подобны сетям, забрасываемым для ловли рыбы.

Мое откровение бессловесно.

Когда ты приближаешься ко мне, ты видишь суть: я не разумный, рациональный, логичный человек; ты пришел к иррациональному мистику.

Ты пришел с определенным рациональным убеждением, а здесь ты обнаруживаешь, что разум должен быть оставлен. Ты должен совершить прыжок в неизвестное, для которого я не могу дать тебе никакой логики, никакого доказательства... за исключением моего собственного присутствия.

Каждый, кто пришел сюда, пойманный моими словами, будет испытывать желание бежать. Ибо он пришел по одной причине, а здесь он находит совершенно иную ситуацию – и не просто иную, а диаметрально противоположную.

Я не школьный учитель. Я не философ. Я не интересуюсь созданием систем и гипотез.

Мой интерес – в уничтожении тебя такого, каков ты есть, чтобы ты мог возродиться в твоем экзистенциальном потенциале.

Я здесь, чтобы разрушить твою личность, чтобы дать рождение твоей индивидуальности.

Это естественная реакция, это случается с каждым. Но убежать ты тоже не можешь. Самое большее, ты можешь дойти до вокзала Дардар и вернуться назад. Ты можешь попробовать, и точно от Дардара ты повернешь назад; таков радиус.

Раз ты попался в мои сети, тебе не уйти.

Но я не буду препятствовать тебе; попытка бежать будет полезной. Если ты попытаешься бежать и затем будешь вынужден вернуться, то в следующий раз желание бежать

возннкиет, ио оно ие окажет на тебя ннкакого воздействия. Ты просто отброснщь его, так как нз этого ничего не получается. Теперь тебе надо пройтн весь путь, что бы это нн означало. Это может означать смерть эго, лнчности; тогда тебе придется пойтн на рнск.

Еслн бы ты не пршел ко мне, ты бы продолжал наслаждаться монмн словамн, нбо для тебя это было просто заимствованное знанне. А здесь я хочу, чтобы ты отброснл все занмствованное знание, включая то, которое ты занмствовал у меня.

Я хочу, чтобы ты стал знающнм, провидцем.

Коиечно, тебе прндется пройтн через огонь. Но этот огонь только нздалека похож на огонь. Чем блнже ты будешь подходить, тем прохладнее ты будешь находнть его. И как только ты пройдешь через огонь, ты будешь удивлен, что огонь тоже может быть таким прохладным, таким освежающим.

В жнзнн Монсея есть одна история, которую нуден не могут объяснить вот уже четыре тысячи лет.

На горе Сннай Монсей столкнулся со странным феноменом, который он принял за Бога. Безусловно, то был весьма таннственный фeиомен: куст, охваченный пламенем, но он не горел; он был таким же зеленым, как любой другой куст. Его цветы былн такнмн же свежимн н яркимн, как любые другне цветы. Испытывая естественное любопытство, Моисей захотел посмотреть на происходящее с более блнзкого расстояння. Куст был в огне. Монсей ннкогда не думал, что такое может быть: языкн пламенн подннмались над кустом, а куст оставался зелеиым!

Моисей стал прнблнжаться, и когда он подошел совсем блнзко, раздался голос: «Сними свон туфли, Моисей! Ты вступаешь на святую землю, на священное место». Дрожа, он снял туфли. Он ннкого не вндел, но, несомненно, то было чудесное переживанне. Он подумал, что то был голос Бога.

Мое собственное объясиенне этой историн заключается в том, что каждый, кто проходит через трансформацню, прнходит к такому же пылающему кусту, но этот огонь прохладен. Он питает куст, а не уннчтожает его. Это только выглядит как огонь; это прохладное пламя жнзни. Монсей назвал жизнь словом «Бог» – вот н вся разница. Это языковое различне, ннчего больше.

Ты пришел сюда, ты увидел пламя. И первая мысль была: «Бежать как можно быстрее, а то можно сгореть».

Не беспокойся. Еслн я ие сгорел, еслн не сгорели все эти люди, сндящие здесь, то ты тоже не сгоришь.

Этот огонь прохладен, он трансформирует.

Он срывает твою маску и помогает тебе обнаружить твое подлинное лицо.

Но, тем не менее, твоя свобода простирается до вокзала Дардар.

Возлюбленный Бхагаван,

я слышала, как Вы рассказывали о том шриланкийском мистике, который попросил своих последователей встать, если они хотят пойти кратчайшим путем к просветлению.

Я хочу, чтобы Вы знали, что я жду случая встать, как только услышу Ваш призыв, – зная, что, вероятнее всего, ноги мои будут дрожать, тело покроется потом, а сердце будет бешено биться.

Дэва Прэм, сперва необходимо, чтобы я повторил эту историю.

На Шри Ланке умирал один мистик. У него были тысячи последователей, все они собрались. Как раз перед тем как закрыть глаза, он сказал: «Если кто-нибудь хочет пойти со мной, я могу взять его с собой – и это самый короткий путь. Вам ничего не надо будет делать. У меня мало времени. Любой, кто хочет пойти самым коротким путем... в противном случае, для достижения просветления требуется так много жизней. Я же могу взять вас с собой через черный ход. Кто хочет, встаньте!»

Воцарилась абсолютная тишина, слышно было, как муха пролетит. Люди смотрели друг на друга, думая: «Этот человек слушал его сорок лет; возможно, он готов». А тот смотрел на кого-то другого, ведь ему самому надо было решить еще столько проблем: «Дела идут не очень хорошо».

У каждого были проблемы: кому-то надо было выдать замуж дочь, у кого-то был беспутный сын, у кого-то в суде рассматривалось дело, и не время было становиться просветленным; сперва надо было выиграть дело в суде и так далее и тому подобное.

Но один человек поднял руку. Он сказал: «Я не могу встать, так как я еще не готов, но я не могу устоять перед искушением узнать, где находится черный ход – ведь, если когда-нибудь я буду готов, я смогу пойти кратчайшим путем. Прямо сейчас я не готов – пусть вам будет совершенно ясно, что я не пойду с вами, – но просто скажите нам, где находится черный ход».

Старец сказал: «Этот черный ход таков, что вы можете

войти только с вашим учителем, не в одиночку. Это очень узкий проход; только один может войти за один раз. Если вы готовы раствориться в существе учителя, тогда нет никаких проблем – один или тысяча, все пройдут через этот ход как одно существо. В одиночку вы не сможете отыскать этот ход».

Итак, Дэва Прэм хочет, чтобы я в один прекрасный день пригласил ее пройти через черный ход. И она думает, что она готова и что она встанет – хотя даже при мысли об этом она покрывается потом, у нее дрожат ноги, а сердце бьется быстрее.

У меня такое чувство, Дэва Прэм, что ты – тот человек, который поднял руку!

И в один прекрасный день я приглашу, и я знаю, что в этот раз тоже ты лишь поднимешь руку... или, возможно, ты даже и руку-то не поднимешь. Ибо я – человек иного типа. Тот старец был очень сострадательным.

Я бы взял даже того человека – по крайней мере, он поднял руку. Этого достаточно – зачем заставлять его вставать? Одного поднятия руки достаточно.

Поэтому, когда я приглашу вас... запомните: я попрошу вас просто поднять руку.

На этот раз будьте бдительны и готовьтесь – ибо с дрожащими ногами и потным телом будет трудно войти в этот черный ход.

Для этого черного хода нужны люди, которые могут исчезнуть в ничто, танцуя, распевая и празднуя.

Поэтому учитесь петь, учитесь танцевать, учитесь праздновать.

В любой день я могу пригласить вас.

И я терпеть не могу запах пота. Я подвержен сильной аллергии – потение вам придется прекратить.

И если вы будете дрожать, этот ход вас не пропустит; он сразу же увидит, что людей – двое. Вы должны быть абсолютно спокойны и быть одним целым со мной... никакого дрожания.

И на этот раз я не попрошу вас встать. В прошлый раз это было моей ошибкой.

Беседа 4

В КОНЦЕ НЕТ НИКАКОГО СЛОВА

6 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

сидя перед Вами, чувствуя, как Ваши слова текут ко мне из Вашего великого сердца, я обнаружила, что мое сердце раскрывается и воспринимает солнце и луну Вашего существа. Вскоре великий покой снизошел на меня, затем наступила небывалая безмятежность, так что я чувствую, что покоюсь на руках у самого Существования. Я склоняюсь перед Вами в благодарности, чтобы поцеловать землю, которая дала Вам жизнь. Я возношу руки к звездам и пою: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Возлюбленный Учитель, благодаря Вам я живу, чтобы осознавать красоту, радость, чистоту любви, которая есть сама безбрежность Существования. Эти слова, кажется, неспособны выразить те самые подлинные чувства, которые возникают из глубины моего существа. Но я склоняюсь перед Вами сейчас, чтобы снова, снова и снова танцевать, петь, кричать: спасибо Вам, возлюбленный Учитель, спасибо Вам, спасибо Вам, спасибо Вам. Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

Джнвен Марня, предстоит случиться гораздо большему. То, что случилось с тобой, – огромно.

То, что случится с тобой, будет еще больше, но помнн одно: случившегося *никогда* не бывает достаточно.

Существование – это такое изобилие... мы не можем истощить его. Оно неистощимо в своей красоте, в своем блаженстве, в своем благословении.

Ты испытываешь трудности с выраженнем того, что происходит с тобой. А это только иачало – только подумай о трудиостях тех, кто ушел далеко вперед. Наступает момеит, когда невозможно даже сказать, что это не может быть высказано, ибо сказать, что это ие может быть высказаио – значит все же высказать иечто об этом. Это все же определение очень отрицательным способом.

Наступает момент, когда только безмолвие, полное безмолвие, остается вашим выражеиием. Это ваша благодарность, это ваша признательность, это ваше аллилуйя... таиец, который иевидим, песня, которая иеслышна, красота, которая не может быть изображеиа, описаиа.

И только тогда, когда мы приходим к той точке, где слова

должны быть оставлены позади, начинается то, что я называю «религиозность».

Я не говорю, что надо отречься от мира, но я определенно говорю, что надо двигаться к тому моменту, когда вы вынуждены будете отречься от слова.

Библия говорит: «В начале было слово». Никто не знает о начале. Никто не может знать о начале, так как никто не может быть свидетелем начала. Если бы кто-то был свидетелем начала, тогда это не было бы началом, поскольку там уже кто-то был.

В отношении начала *Библия*, может быть, права, а может – нет, но я говорю вам: «В конце нет никакого слова», – и это было засвидетельствовано тысячами мистиков за прошедшие тысячелетия.

И как только вы приходите к осознанию, что слова ускользают от вас, что вы пересекли границу языка... потрясающая невинность, новое детство.

Впервые вы можете понять то, что не может быть высказано. Вы можете понять послание ветра, шумящего в верхушках сосен; вы можете понять поэзию журчания ручья.

Освободиться от языка – значит освободиться от всех человеческих ограничений.

Язык – это величайшее заточение.

Я счастлив, что вы испытываете большие трудности в выражении того, что вы переживаете. Мало-помалу будет становиться все более и более ясно, что нет слов, нет языка, нет понятий, чтобы объяснить это, выразить это.

Только безмолвие, тишина – вот единственный ответ на все ваши вопросы, единственная встреча с Существованием без всяких барьеров, без всяких стен.

Когда исчезает язык, ум становится бесполезным. Впервые вы вступаете в контакт с Существованием прямо, без посредничества ума – и это переживание есть просветление.

И никто не находится далеко от него, оно в пределах досягаемости каждого.

Но люди ищут свое счастье там, где его нет. Они ищут живую воду в пустынях. И когда приходит неудача, разочарование, отчаяние, они сердятся на жизнь, они не сердятся на самих себя.

Что может сделать жизнь? Она доступна, но каким-то образом вы ухитряетесь искать ее в том направлении. Возможно, глубоко внутри вы боитесь, что жизни может оказаться слишком много, что любви может оказаться слишком много, что вы можете утонуть в Существовании.

В определенном смысле, ваш страх оправдан: чем ближе вы подходите к реальности, тем меньше вас останется.

В тот момент, когда вы встретитесь с реальностью лицом к лицу, вас не будет совсем.

Я много раз говорил, что никто не видел Бога – ни Моисей, ни Иисус, ни Кришна. И, естественно, люди понимали меня неправильно. Каждый раз когда я говорил, что никто не видел Бога, я не говорил, что Бога нет; я просто говорил, что как только вы подходите к Богу достаточно близко, чтобы видеть, – вас больше нет. Кто же будет видеть Бога? Пока вы есть – чтобы видеть, чувствовать, говорить, спрашивать, исследовать – Бога нет.

И Бог – это другое название реальности. Это не личность, это только качество, аромат, сладость, музыка.

Дживен Мария, придет день, когда ты окажешься в состоянии «аллилуйя», но ты не сможешь сказать это слово, ибо слово отступает перед Существованием.

Возлюбленный Бхагаван,

за пять лет связи с Вами я никогда не чувствовал, чтобы дела шли так быстро, как сейчас! Когда я заканчиваю писать письмо или вопрос Вам, я сразу же решаю не посылать его, так как чувствую, что он нелеп.

Иногда я принимаю вызов и посылаю его, тогда я чувствую, как будто у меня идиотское лицо: беспокойство, раскаяние, стеснительность... Я чувствую, что не стоит представать перед Вами «наряженным» в разумность, скромность, медитативность или во что-либо другое, во что мне удается облечься, чтобы покрасоваться перед Вами. Несмотря на все мои усилия, у меня по-прежнему есть чувство, что я наряжаюсь, использую своего рода маску.

Пожалуйста, Учитель, скажите мне, как быть перед Вами полностью искренним и «раздетым».

Эта проблема не только твоя – каждый рядится во что-то.

Каждый показывает миру свою лучшую сторону.

Сердце может быть полным слез, но люди улыбаются.

Так нас воспитало лицемерное общество. Мы – дети лицемерного общества. Вместо того, чтобы учить каждого ребенка быть просто самим собой – искренним, честным, открытым, – мы помогаем каждому ребенку стать совсем противоположным.

Как раз два дня назад меня приехал повидать один из

моих старых друзей. У него есть сын, которого все считают сумасшедшим, ненормальным, – все, за исключением меня. Поэтому первым делом я спросил моего друга о его сыне, и он сказал: «Оставим эту тему. Это меня так удручает, ведь ему уже восемнадцать лет, а он по-прежнему ходит голым по всему городу. Это такой позор для семьи».

Я сказал: «Разве он трогает кого-то? Он же не буйный. Он просто наслаждается своей наготой».

Родственники заставляют его одеваться, а на улице он сбрасывает одежду и отправляется на рынок. А они бегут за ним и кричат: «Пожалуйста, надень хотя бы нижнее белье».

А он говорит: «Никакого нижнего белья... ветерок так освежает».

И этот юноша очень разумен. Конечно, толпа не может принять его. Он никогда не лжет, он всегда абсолютно честен. Что бы он ни делал, он делает это с полной самоотдачей. Он никогда не ходил в школу, так как он спрашивает у тех, кто ходил в школу, что же они там приобрели. Его отец выпускник университета, он спрашивает его: «Что ты приобрел? Всего лишь диплом». Он говорит: «Я хочу жить своей жизнью. Я не хочу, чтобы кто-либо мне диктовал что-либо, правильное или неправильное. Я просто хочу быть самим собой».

Он усердный работник. Когда он работает в саду, каждый может увидеть, как упорно он трудится; но он делает только ту работу, которая ему нравится. Он прекрасно играет на флейте, но весь город считает, что он безумен.

Я старался изо всех сил выяснить, в чем же заключается его безумие. И я не смог ни в чем обнаружить у него безумие. Он просто не желает быть частью психологии толпы. Толпа не может признать, что он в здравом уме, потому что, если он в здравом уме, тогда как насчет всей толпы?

Даже мой друг, его отец, не может признать, что он в здравом уме. Он говорит: «За исключением тебя, никто не признает, что он в здравом уме».

Я сказал ему: «Ты же его отец, ты любишь его. В чем ты видишь его безумие?»

Он сказал: «Чего ты еще хочешь? Тебе мало, что он разгуливает голым по улицам? Ему уже восемнадцать лет, а он может подойти к какой-нибудь женщине и сказать: "Ты так прекрасна. Можно я поцелую тебя?"»

Естественно, общество не может принять такого человека, – хотя он абсолютно честен. А ведь он почтительно относится к женщине, воздает должное ее красоте, просит у нее позволения. Он же очень сильный – живет обнаженным,

занимается тяжелым трудом, никогда не ходил в школу; он действительно сильный – он мог бы поцеловать любую женщину без всякого позволения.

Но собирается толпа, женщина начинает кричать, что он пристает к ней, дурно ведет себя с ней.

Много раз, когда я был в том городе, мне приходилось пробираться в середину толпы и говорить людям: «Вы поднимаете ненужную суету. Этот юноша в одиночестве, это верно, но он не ненормальный. Он представляет собой меньшинство из одного человека, а вы – многочисленное большинство; уж не думаете ли вы, что вы правы только потому, что вас много?» Никто ещё не смог указать мне, что же все-таки с ним не так. А его таскают по врачам.

И он говорит: «Что со мной не так? Я не болен. Врач не может установить у меня ничего особенного».

Истина в том, что болен врач. Врач не честен.

Этот юноша очень разумен в понимании вещей. Он обладает необычной ясностью мысли.

Он говорит: «Я наблюдаю за этим врачом, – врач живет как раз напротив его дома, и там же находится амбулатория, – и вижу, что бедняки выздоравливают быстро, а богатые люди лечатся месяцами. А я сижу себе на веранде и наслаждаюсь всем этим спектаклем – в каком же обществе мы живем? Бедняк поправляется, так как врач хочет отделаться от него; ведь на бедняке много не заработаешь. Наоборот, бедняк начинает просить: "Дайте мне немного денег; я верну позже, когда буду расплачиваться за лекарства. Вы советуете фрукты и молоко, но для этого вы должны будете дать мне немного денег". Но богачу, раз уж он заболел, не дают выздороветь. Его посылают к одному специалисту для рентгенологического обследования, к другому специалисту для чего-то еще. Такое впечатление, что существует своего рода заговор специалистов, эксплуатирующих богатых больных».

Итак, я спросил моего друга, как идут дела у его сына. Он сказал: «Из-за него мне стыдно выходить из дома. И я всегда хотел, чтобы ты помог мне, но ты думаешь, что он прав, а мы неправы. Ты хочешь, чтобы я тоже разгуливал голым и не мог поднимать вопрос: "Что с ним делать?"»

Я сказал: «С ним ничего не надо делать, от него никому нет вреда. Давай ему работу; он всегда готов работать, он наслаждается работой. Но он не готов носить маску. Он не желает постоянно быть актером, рядиться во что-то».

Но все общество, которое мы создали, – это почти драматический спектакль. Здесь каждый повторяет диалоги из

книг, киинофильмов. Никто ие открывает свое собственное сердце.

Я могу поиять твою проблему: ты боишься задавать аутентичиые вопросы, так как оии будут разоблачать тебя. Люди задают те вопросы, которые дают им чувство, что оии многое знают. Они хотят задавать вопросы, но не для того, чтобы получнть ответ, а только для того, чтобы показать свое знание.

Каждый раз, когда ты задаешь умный вопрос, ты не чувствуешь себя вниноватым, ты чувствуешь себя великолепно.

Но я безумный человек: я никогда не отвечаю на те вопросы, которые нсходят нз твоего зиания. Я просто отбрасываю их прочь.

Я отвечаю только иа те вопросы, которые открывают твои раны, ибо, еслн твои раны открыты, есть возможность исцелеиия. Как только ты разоблачишь себя, ты окажешься на путн трансформации.

Когда ты будешь искренним в задаванин вопроса, ты будешь вслушиваться в ответ, ибо он тебе иужен, это твоя пища. Твой вопрос – это твоя жажда, а ответ может утолить ее.

Поэтому всегда надо помиить: это не философская ассоциация, не теософское общество, где каждый старается доказать, что он знает больше, чем знаешь ты. Это место трансформации, прохождения через революцию. И еслн ты не показываешь свое иастоящее лицо, невозможно произвести какие-либо изменения в твоей жизин, какие-лнбо трансформации в твоем сознанин.

Самое большее, что я могу сделать, – это раскрасить твою маску; но, раскрашивая маску, я не могу измеиить твое иастоящее лицо. Маска должиа быть сброшеиа. Следовательно, нужиы любовь и доверие, – чтобы ты мог быть полностью обиаженным, без всякого страха.

Тебя здесь не осудят. Ты будешь принят таким, какой ты есть; и от этого приятия мы начнем двигаться к более высокой стадии, к росту.

Но этот рост – не осужденне твоего нынешиего состояния. Этот рост основывается на твоем нынешнем состоянии, оно должно быть приинято.

Но религии мнра действительно отравилн умы людей. Ннкто не готов открыться н показать, кто он есть, ибо веками многие вещи осуждалнсь, люди вынуждены скрывать нх. Никто не хочет, чтобы его осуждали. И есть вещи, которые восхвалялись, поэтому их надо выставлять напоказ – неважно, есть они у тебя или нет.

Это так по-человеческн н так естествеино; ты хочешь, чтобы тебя любнлн н прнзнавали.

И общество установило правила игры: вот эти вещи должны осуждаться; поэтому, если у тебя есть эти вещи, скрывай их, загоняй их настолько глубоко, чтобы даже ты сам перестал осознавать их. А если у тебя нет того, что общество восхваляет и почитает, тогда притворяйся и притворяйся настолько хитро, чтобы это казалось почти настоящим.

Иногда бывает так, что притворщик может выглядеть более настоящим, чем настоящий человек, ибо настоящий человек никогда не репетирует. Притворщик же практикуется, дисциплинирует себя.

Мне всегда нравился один прекрасный случай в жизни Чарли Чаплина. Приближался его день рождения – кажется, пятидесятилетний юбилей, – и все его друзья и поклонники хотели отпраздновать его каким-то особенным образом. И вот что они придумали: по всей Англии, в каждом графстве, предполагалось провести конкурсы на лучшее исполнение роли Чарли Чаплина. На этих конкурсах должен был быть произведен отбор, а победители должны были встретиться в финальном конкурсе в Лондоне, где должно было быть принято решение о присуждении первой премии.

Чтобы устроить своим друзьям сюрприз, Чарли Чаплин сам принял участие в конкурсе в одном из графств. Он вышел в финал, а там сюрприз ожидал не столько его друзей, сколько его самого: он занял второе место. Кто-то исполнил его номер лучше, чем он сам; он и подумать не мог, что такое возможно.

И это случилось потому, что тот человек упражнялся, репетировал, а Чарли Чаплин просто предстал таким, каким он был. Ему не было нужды репетировать – он же и был Чарли Чаплин. Но занял второе место...

И когда люди узнали, что он занял второе место, ему было так стыдно. Он сказал: «Каким же идиотом я был, когда решил участвовать в этом конкурсе! Я решил участвовать потому, что думал, что безусловно буду первым».

Поэтому существует возможность изображения притворщиками тех качеств, достоинств, характеров, которые не являются подлинными. Внутри же они являются людьми как раз противоположного сорта. Преступники становятся святыми – это легко: надо только практиковать определенную дисциплину, определенные добродетели, которых люди ожидают от святого. Кого волнует то, что ты несешь внутри себя тысячу и одну криминальную тенденцию? Люди видят только твое лицо, никто не погружается вглубь тебя.

Поэтому все общество стало весьма странным феноменом, почти потусторонним, и каждый страдает.

Человек, притворяющийся святым, не может наслаждаться этим, так как все его существо против этого, вся его природа против этого. Он непрерывно ведет бой с самим собой, и нет большего несчастья, чем непрерывная борьба с самим собой. Поэтому тех, кто является уважаемыми, почтенными гражданами, нельзя увидеть радостными, беззаботными, ликующими. Они всегда пребывают в тоске, и чтобы скрыть факт тоски, они называют ее «серьезностью» – мол, они относятся к жизни очень серьезно.

А другая часть человечества, которая решила следовать своим естественным чувствам, осуждается; они становятся преступниками. В глазах религий они – грешники, им уготовано место в аду. В жизни никто их не уважает, и после жизни – тоже. Даже их Бог неспособен принять свое собственное творение.

Если кто-нибудь и несет ответственность, так это – Бог. Только одна личность несет ответственность за всех грешников. Нет нужды отправлять всех в ад – просто бросьте в ад Бога, и этого будет достаточно, ибо он есть единственная причина.

И эти лицемеры, эти фальшивые люди, которые демонстрируют нечто, что не является тем, что они демонстрируют, могут ли они обмануть и Существование тоже? Могут ли они обмануть и Бога тоже? Здесь они будут уважаемыми, но будут ли они после этой жизни наслаждаться всеми удовольствиями в раю?

Мы поставили бедные человеческие существа под такой огромный гнет, чтобы разрушить их целостность, создать в них раскол.

Мой подход совершенно иной.

Прежде всего я хочу, чтобы ты принял самого себя таким, каков ты есть.

Ты являешься таким, каким желает Существование. Ты не создавал самого себя; естественно, вся ответственность переходит к Существованию. По всей видимости, имеется потребность в таком человеке, как ты; в противном случае ты не существовал бы.

Существование нуждается в тебе в таком, какой ты есть.

Первый принцип подлинно религиозного человека заключается в том, чтобы принимать себя таким, какой ты есть, без какого-либо суждения – и только с этой отправной точки начинается твое подлинное паломничество.

Задавайте мне вопросы без всякого страха, потому что я никогда никого не осуждаю.

Вся моя любовь и все мое уважение направлены на человека, который принимает себя тотально, таким, как есть.

У него есть мужество. У него есть мужество противостоять всему давлению общества, которое стремится расщепить его на части – на хорошего и плохого, на праведника и грешника. Он, в действительности, является смелым, отважным существом, противостоящим всей истории человечества и его морали, придерживающимся своей реальности, какой бы она ни была.

С учителем, во всяком случае, ученик должен быть абсолютно чистым и ясным, чтобы учитель мог начать работать с вашей реальностью, а не с вашими фальшивками. Потому что все, что делается с вашими фальшивыми лицами, является напрасной тратой времени.

Только будучи реальным, вы можете расти, можете расцвести.

Возлюбленный Бхагаван,

я всегда желал тотальных изменений в своей жизни, потому что я чувствовал себя таким неудовлетворенным, таким стесненным, таким разочарованным.

Когда я услышал, как Вы сказали: «Подойдите ближе», это глубоко затронуло мое сердце. Я увидел, что я всегда устраивал свою жизнь благоразумным образом при участии своего ума, что я жил жизнью, наполненной ложью, и все время откладывал на потом возможность быть реально живым.

Я решил остаться здесь, с Вами, дольше, чем я ранее предполагал, несмотря на все доводы рассудка и проблемы, которые могут возникнуть. Но я не чувствую себя спокойно, я не знаю, не является ли это снова чем-то, идущим от ума.

Не могли бы Вы что-то рассказать о чуде трансформации и о том, как в большей степени жить сердцем?

Прежде всего запомните: никогда не требуйте невозможного.

Начинайте медленно, постепенно, шаг за шагом.

Только продвигаясь пешком, шаг за шагом, вы легко сможете покрыть десять тысяч миль.

Но если вы с самого начала начинаете думать, что вы должны пройти десять тысяч миль, то ваши ноги могут начать дрожать, ваше сердце может начать испытывать огромный страх. Ваш ум скажет: «Ты хочешь слишком многого; это неразумно».

Вы маленькое человеческое существо. Десять тысяч миль… и просто шагать по шагу за раз – потому что никто не может сделать сразу два шага за раз. Десять тысяч миль кажутся таким огромным расстоянием.

Ставьте перед собой небольшие цели.

Вы желаете тотального изменення. Вы не видите невозможностн этого *из данного состояния.* Из какого-то другого состояння это не будет невозможным, но из данного состояния невозможно желать тотального изменения, потому что под этнм предполагается очень многое.

Почему бы не идтн немного медленнее? Почему бы не взять одну часть вашего существа и не очистить ее? Направьте всю свою энергию на очистку одной части вашего существа, а затем переходите к другой части. И, конечно же, в конце концов вы будете нметь возможность полностью изменить себя.

Но ум очень коварен: еслн он хочет чего-либо нзбежать, то с самого начала создает определенную ситуацию – он требует невозможного. Так что вы остаетесь в том же состояннн, в каком были, еще более разочарованный, еще в большем отчаяннн, поскольку тотальное изменение не случнлось.

Ум поставнл перед вами цель и обманул вас.

Тотальное нзменение действнтельно является целью, но не пытайтесь достнгнуть ее за однн шаг.

Двигайтесь путем, более свойственным человеку, изменяя малые частн.

Я жил рядом с однныи человеком в теченне многих лет. Он был богатый человек, н он очень любнл меня. У меня было уннверситетское бунгало, но он не позволял мне жить там. Он был владельцем прекрасного особняка в городе. Он сказал: «Еслн ты хочешь, ты можешь располагать всем особняком. Я переецу в другой дом». У него было много домов.

Я сказал: «Нет, в этом нет необходнмостн. Что мне делать с этнм особняком? Мне нужна только одна комната. Вы можете жнть здесь н заботиться обо всем доме, и о саде, н о моей комнате, потому что я леннв. Такой большой особняк – кто будет его убнрать?»

Когда я учился в уннверситете н жил в общежитин, я обычно ставил свою кровать около дверн и располагал около нее все мон книги, так что мне не нужно было входить в комнату, – потому что там за два года накапливался такой толстый слой пылн. Я никогда не входил в комнату – зачем без необходимости беспокоить установнвшнеся вещи? Так что прямо нз двери я прыгал на свою кровать, а все мои кннгн былн рядом, так что я мог пользоваться нми. Это было идеальное решение проблемы: нн пыль не беспокоила меня, ни я не беспокоил ее.

Поэтому я сказал ему: «Мне не нужен весь особняк. Мне достаточно только одной комнаты». Так что мы жили вместе.

Он был очень богатый, но очень скупой. Наверное, слово «скупой» недостаточно полно опнсывает его.

По утрам он обычно ходил со мной на прогулку и собирал все, что попадалось ему на обочинах дороги. Как-то раз, когда он подобрал выброшенный кем-то руль от велосипеда, я спросил: «Что ты будешь делать с этим?»

Он ответил: «Ты не понимаешь. Пойдем со мной, я покажу тебе».

И мы пошли с ним в дом, в его часть особняка, и он показал мне. Я действительно был поражен! Он сказал: «Все эти части велосипеда я нашел на улице. Не хватает лишь нескольких деталей... и я надеюсь еще достаточно долго жить. Я не нашел еще цепь. Два колеса здесь, сиденье здесь, руль я нашел сегодня. Крылья, защищающие от грязи, не обязательны, нужна только цепь. И я не требую слишком многого. Зачем, ты думаешь, я гуляю с тобой?»

Я сказал: «Я никогда не думал, что ты гуляешь в поисках велосипедной цепи!»

Он сказал: «Цепи или чего-нибудь другого...»

Его дом был полон странных вещей... только один ботинок. Я спросил: «Где другой?»

Он ответил: «Когда-нибудь я найду его, потому что должен же он где-то быть».

А сам он был настолько умен, что, когда он ходил в храм, он ставил один ботинок в один угол, а другой – в другой, чтобы никто не мог украсть их, потому что кому нужен один ботинок? Кто захочет искать в куче обуви другой ботинок? Ведь вор торопится.

Он говорил: «Я единственный прогрессивный человек, который во время богослужения никогда не оглядывается назад. Все же другие смотрят назад: не произошло ли что-либо с их обувью? Их отправление обрядов неискренне. Кому они поклоняются – Богу или своей обуви? Я единственный человек, который никогда не оглядывается в храме. Я вычислил все это, такого никто, кроме меня, не смог сделать... И я каждый день хожу в храм, потому что ищу другой ботинок. Этот ботинок... где-то же должен быть другой».

И в его доме было много вещей, которые он нашел; люди выбрасывали их, а он подбирал.

Но когда я увидел его велосипед, я был действительно поражен тем, что ему удалось... почти удалось; не хватало только цепи. Ее-то уж можно было бы купить. Но он был таким скрягой, он не собирался покупать ее, он ждал. Он сказал: «Точно как ты говоришь... доверие! Я доверяю судьбе, я верю, что в один прекрасный день найду цепь».

В Джабалпуре самое большое количество велосипедов в

Индии. Поэтому он сказал: «Это как раз тот год, в котором невозможно не найти велосипедную цепь. Я найду ее». И в один прекрасный день он ее нашел.

Как-то он разбудил меня посреди ночи. Я сказал: «В чем дело? Случилось какое-нибудь несчастье?»

Он сказал: «Нет, я нашел цепь!»

«Посреди ночи? Где ты был?»

Он сказал: «Мне не спалось, поэтому я подумал, почему бы мне не поискать цепь в парке? И случилось чудо – я нашел ее. Возможно, именно поэтому я не мог заснуть. Теперь я могу спать спокойно. Меня все время угнетала одна мысль, что смерть может прийти раньше, чем я найду цепь».

И через три дня я увидел, как он едет в свой магазин на велосипеде без защитных крыльев и без багажника. Я сказал ему: «Я все время говорю людям, что надо доверять, – и, кажется, доверие работает! Ты доказал, что я прав».

А он сказал: «В этом велосипеде вот что еще хорошо: у него нет тормозов. И он производит такой шум, что его слышно почти за полмили. Поэтому, когда я возвращаюсь домой, моя жена узнает об этом и начинает готовить мне ужин. К тому времени, когда я добираюсь домой, все уже готово, и нет необходимости тратить время на ожидание. И никто другой не может сидеть на моем велосипеде».

Я спросил: «Почему?»

Он сказал: «У него такое седло – на нем очень больно сидеть. Так что не может быть и речи о том, что его могут украсть. Я оставляю его где угодно, иду по своим делам и всегда нахожу его там, где оставил. Люди пытались – и я узнал, что люди пытались украсть его, – но они возвращались и ставили его на место, так как это обещало ненужные неприятности. Во-первых, велосипед производит такой шум, что все будут знать, кто его украл. Во-вторых, на нем так больно ездить. В-третьих, у него нет тормозов, так что в любое время может произойти несчастный случай...»

Я сказал: «Но как же ты управляешься с ним?»

Он сказал: «У меня нет проблем. Как раз перед моим магазином есть большое манговое дерево. Я еду прямо на него; чтобы остановить этот велосипед, необходимо дерево».

А вокруг особняка, в котором я жил у него, было много больших старых деревьев, так что с этим у него не было проблем. Он сказал: «Мне не нужны тормоза: я еду к моему магазину, там есть дерево; я еду домой, и там есть дерево. Если у вас нет очень старого дерева, вам не справиться с моим велосипедом».

Итак, продвигайся медленно... часть за частью... и доверяй.

Полное изменение тоже случится, но не требуй слишком многого с самого начала.

Всегда будь бдителен: ум хитер и он ставит перед тобой невозможные цели, чтобы ты продолжал стремиться к ним.

Но все становится возможным, если ты движешься медленно, если ты делаешь много остановок в пути и не спешишь. Неважно, происходит ли полное изменение или нет. Даже небольшие изменения в жизни драгоценны, ибо полное изменение будет просто накопленным следствием всех небольших изменений.

Полное изменение – это не единое целое, это просто следствие всех небольших изменений, назревшая революция, которая случается в тебе.

Поэтому всегда ставь перед собой цели, достижимые для человека.

Прошлое человечества сконцентрировано на том, чтобы ставить перед тобой цели, которые недостижимы. Это делается только для того, чтобы унизить тебя, ибо ты не можешь осуществить их – ты чувствуешь себя таким ничтожным, таким маленьким, таким слабым, у тебя столько недостатков.

Я не хочу, чтобы ты думал о невозможных вещах. Я хочу, чтобы ты продвигался очень медленно, изменяя небольшие части твоей жизни, что вовсе не трудно.

И в один прекрасный день ты обнаружишь, что произошло полное изменение.

Возлюбленный Бхагаван,

раньше я так боялся ударов или осмеяния. С тех пор как я здесь с Вами и растворяюсь в Вас, я желаю этого с небывалым нетерпением. Я стремлюсь устранить препятствия с пути, покончить с «этим препятствием», чтобы двигаться дальше к следующей скале на моем пути. Страх кажется просто несущественной старой привычкой.

Я воспринимаю Вас как беспредельное приглашение. Нет никаких барьеров, которые я мог бы использовать для того, чтобы рационалистически обосновать отсутствие мужества. Я испытываю благодарность за отсутствие организации вокруг Вас; больше нет страха, что получение удара от Вас может быть использовано сильными людьми для того, чтобы питать их собственные суждения, подавлять меня или заставлять меня чувствовать себя виноватым.

Возлюбленный Бхагаван, я так устал от моего «я», «я» и «я». Это здоровое или нездоровое нетерпение?

Так обстоит дело с большиииством саиньясинов: если оии получают удар, им это не иравится, их эго чувствует себя задетым. Вместо того, чтобы поиять удар, оии обижаются, сердятся.

Если же их ие бьют, оии иачииают чувствовать, что я ие забочусь о иих, что я не уделяю им внимания: других бьют, а о иих забыли. У них такое чувство, как будто оии недостаточно важиы.

Вот так человеческий ум создает иесчастье из любой ситуации. Если ты получаешь удар, тебе больно; если ты ие получаешь удар, тебе все равно больио.

Но что касается меия, то я не заиитересоваи в том, чтобы наиести тебе удар, или причииить тебе боль, или игнорировать кого бы то ии было.

Для меия все в равиой степеии важиы.

Одио и то же стремление привело их ко мие, одна и та же жажда привела их ко мие.

С твоей стороиы будет очень любезно, если ты предоставишь все мие: когда удар будет необходим, ты его получишь, ибо удар – это медицинская помощь, своего рода хирургическое вмешательство.

Но ие думай, что если тебя не оперируют, то это озиачает, что тебя игиорируют. Если госпиталиэируют кого-то другого, то это ие озиачает, что до тебя иикому иет дела... Нет, как только тебе потребуется госпитализация, ты будешь госпитализирован; каждому по потребности.

Когда удар будет необходим, чтобы помочь твоему росту, ты ие премииешь получить его. Но когда в этом иет иеобходимости, иеиужные удары только сделают твою голову тупой. И когда придет время иаиести тебе удар, ты уже иастолько привыкиешь получать удары...

Когда я учился в школе, я почти всегда опаздывал к началу уроков, так как иа пути в школу столь миогое вызывало у меия иитерес. Я всегда выходил из дома загодя, чтобы добраться до школы вовремя, ио мие это никогда ие удавалось, так как на моем пути происходило так миого иитересного – какой-то фокусник проделывает свои трюки, такое искушение было иепреодолимо. Оставить фокусника и пойти учиться... какой-то глупый учитель будет рассказывать о географии...

Поэтому меия постоянно иаказывали, но в конце концов до моих учителей дошло, что иаказывать меня бесполезно. Сперва в иаказание оии приказывали мие семь раз обойти вокруг здаиия школы. Я спрашивал: «А можно обойти одиннадцать раз?»

Они говорили: «Ты спятил! Это же наказание!»

Я отвечал: «Я знаю, что это – наказание, но сегодня я не успел сделать мою утреннюю зарядку. Так что, если я засчитаю это за мою утреннюю зарядку, вы ничего не потеряете. Ваше наказание покрыто, моя зарядка сделана, никто ничего не теряет, обе стороны только выигрывают».

Они прекратили, так как это их не устраивало. Они начали выставлять меня из класса. Я сказал: «Это хорошо, так как я люблю свежий воздух. В классе темно и грязно, а на дворе так прекрасно. И, честно говоря, когда я сижу в классе, я все время смотрю в окно. Мне не интересно то, чему вы учите. На дворе поют птицы, цветут деревья... там так прекрасно!»

Каждый день директор школы совершал свой обход, и каждый день он видел меня стоящим во дворе. Однажды он спросил: «В чем дело?»

Я ответил: «Ни в чем. Я люблю находиться на открытом воздухе; так лучше для здоровья, более гигиенично. Да и вы сами можете видеть, как здесь прекрасно».

Но он сказал: «Я поговорю с твоим учителем. Как это получается, что он позволяет тебе стоять во дворе?»

Я сказал: «Я не знаю, но он сам каждый день говорит мне: "Выйди и постой за дверью". Поэтому теперь я даже не спрашиваю его. Это стало рутиной, поэтому я просто прихожу и стою здесь».

Он спросил у учителя. Учитель сказал: «Но ведь это было почти месяц назад! Я только один раз сказал ему выйти из класса – и с тех пор он в класс не входил. Я думал, что это было наказанием, а он наслаждается этим. И не только это, он распространяет среди учеников слух, что это полезно для здоровья, гигиенично. И теперь они спрашивают у меня: "Сэр, можно и нам тоже выйти и посмотреть во дворе?" Что мне теперь делать? Может быть, тоже выйти и стоять во дворе?»

Тут дело в том, как ты все воспринимаешь.

Поэтому, прежде всего, не беспокойся. Если ты не получаешь удара, то, может быть, он тебе не нужен, или, может быть, еще не пришло время. А если ты получишь удар, не обижайся, так как я бью не тебя, я всегда бью твое эго – то, что является твоей болезнью, что должно быть отброшено.

Но предоставь это дело мне. Я не оправдаю твои надежды, ведь ты хочешь получить удар – самый сильный удар, чтобы хвастаться перед всеми: «Смотрите, я получил самый сильный удар...» В таком случае эго воспользуется ударом. Не удар разрушит эго, а эго примет удар как питание.

Итак, предоставь все это мне.

Это не твое дело.

Как только я почувствую, что тебе нужен удар, ты его получишь – и ты получишь его в той мере, которая тебе необходима. Не хвастайся полученным ударом и не огорчайся из-за него; просто попытайся его понять.

Это школа понимания.

Возлюбленный Бхагаван,

двадцать пять лет на то, чтобы добраться до Вас; три года на то, чтобы поколачиваться вокруг Вас; четыре года на то, чтобы убежать от Вас, вступив в любовную связь, которая была подобна катанию на американских горах. Четыре года на то, чтобы притащиться назад к Вам; одиннадцать лет на то, чтобы передать Вам вопрос, – а Вы даете ответ этому немецкому парню, Гунакару, и хотите отправить меня назад в ад, к какой-нибудь трудной женщине. И через двадцать восемь лет, быть может, Вы уже ускользнете, когда я приползу назад, чтобы спросить у Вас: «Что на этот раз?»

Бхагаван, Вы хотите убить меня или что-то в этом роде?

Гунатит, ты прав.

Вопрос был твой, – по крайней мере, написан тобой, – но в ответе больше нуждался Гунакар. Никакого недоразумения не было.

Он тоже был удивлен, ведь он не задавал этого вопроса. Но это был его вопрос. И он поверить не мог, как кто-то другой мог написать точно тот вопрос, который он собирался задать.

А твое время для этого вопроса еще не пришло. Возможно, ты воспринял вибрацию немца Гунакара и записал вопрос; то был не твой вопрос.

И я могу понять твое затруднение: тебе потребовалось одиннадцать лет, чтобы задать вопрос, и теперь ты встревожен тем, что я отправляю тебя назад к своей старой жизни и трудной женщине.

В этом ты неправ. Раз у тебя появляется женщина, это всегда тяжело. Если же у тебя нет женщины – это просто сливочное мороженое. Как только ты связываешься с женщиной, она внезапно становится твердой как сталь.

Но без женщин в этом мире не было бы просветления.

Только подумай... мир без женщин.

Тогда невозможно было бы найти никакого Гаутаму Будду, так как не от кого было бы бежать. Нет женщин – нет проблем.

Женщины – вот настоящий стимул.

Говорят, что за спиной каждого великого человека стоит женщина; это, может быть, верно, а может – нет. Но за спиной каждого *просветленного* человека стоит много женщин – одной будет недостаточно.

Просветление – это несколько трудный предмет. Когда много женщин продолжают обращаться с тобой как с футбольным мячом, тогда в конце концов ты становишься просветленным. Ты скажешь: «Хватит! Прекращаем эту игру, я иду домой».

Женщины – это благословение этого мира. Без них ничего бы не было. Поэтому будь благодарен твоей трудной женщине; возможно, ты находишься здесь из-за нее.

И ты говоришь, что в следующий раз ты придешь через двадцать восемь лет и спросишь: «Что на этот раз?»

Это напомнило мне две истории.

Мулла Насреддин находился со своей женой на пляже Чоупатти. Внезапно он спросил у жены: «Может быть, ты хочешь еще один *бхелпури?*»

Жена сказала: «Еще один? Но мы же не ели никаких бхелпури».

Он сказал: «Любимая, кажется, ты теряешь память. Всего пятьдесят лет назад, когда мы поженились и пришли сюда в первый раз, мы ели бхелпури. Вот почему я спрашиваю: «Не хочешь ли попробовать еще раз?»

Возвращение назад к твоей старой жизни, к твоей жене, к твоей работе... но ты не будешь тем же самым человеком. Ты возьмешь с собой нечто от меня. Может быть, я не ответил тебе, но ты почувствовал меня.

Вопросы и ответы поверхностны.

Ты отведал моей любви, моего присутствия.

Поэтому, если через двадцать восемь лет мы случайно встретимся снова, я спрошу: «Хочешь отведать еще раз?»

Вероятнее всего, тебе не нужно будет спрашивать меня снова, так как семя посеяно.

Ты знаешь точно, что нужно делать, – ты направил свои энергии от ума к сердцу. Эти энергии, нисходящие к сердцу, подобны падающему дождю, и семя даст росток.

Возможно, через двадцать восемь лет, если на то будет воля Существования, не ты будешь спрашивать, что делать дальше. Я спрошу тебя: «Что дальше?» Ты уже расцветешь. Ты придешь только для того, чтобы выразить свою благодарность.

Это хорошо, что ты не немец.

Немецкая почва немного тверда. У нее есть свои положительные и свои отрицательные особенности, свои достоинства

и недостатки. Она тверда, семени очень трудно устроиться в ней, – но если оно устроилось, то очень трудно не расти.

Твой вопрос был умственным вопросом, и он был нужен Гунакару.

Тебе он не нужен. У тебя мягкое сердце. И семя уже в твоем сердце, и ты знаешь, что оно растет.

Это почти как с беременной женщиной: когда ребенок начинает расти, она знает, что ребенок растет. Опытная мать, имеющая двух или трех детей, знает даже, является ребенок мальчиком или девочкой – так как мальчик начинает бить ножками, а девочка остается центрированной, тихой и спокойной.

В конце концов, мальчишки есть мальчишки. С самого начала они доставляют беспокойство.

На третьем или четвертом месяце беременности опытная мать может сказать, будет ли ее ребенок мальчиком или девочкой, так как мальчик проделывает в утробе всевозможные гимнастические упражнения, а девочка просто сидит себе тихо, выжидая удобного случая. Позже гимнастику будет проделывать она, а мальчик будет сидеть и читать газету. У каждого бывает свой собственный удобный случай.

Вторая история, которую я хотел рассказать, – это история об одном очень богатом американце, миллиардере. Он пресытился деньгами, роскошью, всевозможными удовольствиями. И, естественно, он начал искать – есть ли что-то еще, или это все? Ибо, если это – все, тогда ему не было больше смысла жить: все это ему уже надоело. Это был вопрос жизни и смерти.

И он стал странствовать от одного учителя к другому – тибетские ламы, суфийские мистики, дзэнские мастера. Затем он приехал в Индию и посетил многих святых. Все они говорили: «В Гималаях есть один очень мудрый старик, только он может помочь тебе».

Итак, он отправился в Гималаи, и там ему пришлось идти пешком и нести свой багаж. За всю свою жизнь он никогда не носил свой багаж. Он никогда не ходил пешком в гору. Было очень холодно, но как-то ему удалось добраться до нужного места. Измученный, он упал к ногам древнего старца и сказал: «Наконец-то, я нашел тебя! Я хочу знать – в чем смысл жизни?»

Старец сказал: «Сперва самое важное. У тебя есть гаванская сигара?»

Человек сказал: «Как это... гаванская сигара? Да, у меня есть одна. Но, по правде говоря, я заядлый курильщик, и я сохранил одну штуку на тот случай, если ты сделаешь меня просветленным. Перед просветлением – последняя гаванская

сигара... Я бы хотел несколько минут поиаслаждаться ею, а потом делай меня просветленным. Я полагал, что после просветления курить не разрешается, так как я никогда ие видел курящего Будду...»

Старец сказал: «Забудь все об этих старых хрычах. Давай сюда сигару». И старец начал курить.

Измученный американец посмотрел на иего и сказал: «А как насчет моего вопроса?»

Старец сказал: «Время еще не пришло. Уходи. Приходи снова через иесколько лет».

Американец сказал: «Это странно. Никакого откровеиия?»

Старец сказал: «Когда ты будешь возвращаться сюда, захвати с собой как можио больше гаваиских сигар, поскольку, как только ты станешь просветлеиным, мы оба будем курить. На этой горе больше нечего делать. Быстрей уходи и возвращайся назад, – но принеси сигары. Я посылаю тебя специально за гаванскими сигарами. Просветление – очень простая вещь, а вот достать гаванские сигары в Гималаях очень трудио».

Не беспокойся, я не курю! Тебе не надо будет прииосить гаваиские сигары, просто приходи. Не жди двадцать восемь лет. Как только ты почувствуешь, что цветок раскрыл свои лепестки в тебе, возвращайся назад.

Я бы только хотел увидеть тебя светящимся, лучистым, экстатичиым.

И я говорю, что это возможно, потому что твое сердце, Гунатит, готово дать росток в любой момент. Никакая трудная женщина не может помешать этому, она может только помочь.

Поэтому уходи, и как только придет весна и появится цветок, возвращайся иазад, чтобы я мог увидеть, что цветок реализовал свою потенциальную возможиость и ты стал благоухающим.

И тем временем ты можешь выкурить столько гаванских сигар, сколько тебе захочется.

Беседа 5

ВАШИ ВОПРОСЫ ПОКАЗЫВАЮТ ВАШ ПУТЬ ОТ НЕВЕЖЕСТВА К НЕВИННОСТИ

7 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

когда я впервые встретился с Вами, в ответ на Ваш вопрос, есть ли у меня вопрос, я сказал «нет», и за все эти восемь лет я не задал ни одного вопроса.

Сейчас мой ум, кажется, вот-вот взорвется от вопросов, из которых трудно выбрать какой-нибудь один, удовлетворительный для немца, стремящегося во всем к совершенству; к тому же я почти в панике – я не хочу упустить этот шанс.

Бхагаван, откуда этот постоянный страх опоздать на поезд?

Есть люди, у которых действительно нет вопросов. У них есть искание, но нет вопросов. У них есть жажда, глубокая потребность быть и еще больше быть, но нет желания собирать и накапливать знание. Поэтому у них нет никаких вопросов. Это наилучшая разновидность учеников.

Есть и другие люди, которые не задают вопросов, но это не означает, что у них нет вопросов. Они не задают их, так как это не по нраву их эго.

А если эго немецкое, тогда проблема становится еще более трудной.

Это вовсе не случайно, что Германия дала миру великих философов – философов, которые готовы дать ответы на любой вопрос. Но Германия не дала миру искренних исследователей, искателей, жаждущих ответа. Она не производит учеников; она производит только учителей, и эти учителя – всего лишь великие интеллектуалы, не мистики.

Что касается знания, Германия сделала большой вклад – Гегель, Кант, Фейербах, Карл Маркс, – но она не дала миру ни единого мистика. За всю историю ни единого Кабира, ни единого Нанака, ни единого Фарида – весьма странно, но это не случайно.

Немецкое эго готово дать ответ, неважно – знает оно или нет; но оно весьма неохотно задает вопрос, неважно – есть у него вопрос или нет.

Такова же и твоя ситуация. Восемь лет ты подавлял, возможно, бессознательно, но всему есть предел. Ты можешь подавлять только до какого-то предела, а затем наступает момент, когда ты оказываешься сидящим на вулкане. Сейчас

твой ум вот-вот взорвется от вопросов. Откуда они взялись? Восемь лет их не было, и вдруг – неизвестно откуда – они создают в тебе почти состояние помешательства: вопросов так много, что ты не можешь даже решить, какой из них стоит задать.

Тебе надо будет оглянуться назад: за эти восемь лет, на протяжении которых ты подавлял вопросы, ответственность несешь ты сам. Если бы ты позволял им появляться, то за эти восемь лет ты мог бы полностью очиститься от всех вопросов, ты мог бы стать невинным ребенком.

Но поскольку спрашивать – значит показывать свое невежество, ты продолжал подавлять.

И всегда есть надежда: кто-то другой из сидящих здесь может задать такой же вопрос, так зачем раскрывать себя?

Но запомни, вопрос каждого человека обладает своей собственной индивидуальностью. Хотя слова могут быть одинаковыми, язык – тем же самым, построение вопроса может ничуть не отличаться, но поскольку спрашивает другой человек, это создает такое различие, которое почти неустранимо.

Каждый человек рос по-своему, жил по-своему, имел свои взлеты и падения. Ты не можешь найти другого человека, который прошел бы через те же самые переживания. Следовательно, вопрос может казаться тем же самым, но он не может быть тем же самым.

Поэтому никогда не жди, думая, что кто-то непременно задаст этот вопрос и избавит тебя от необходимости раскрыть твое невежество, чтобы ты мог оставаться молчаливым и выглядеть мудрым.

То, что ты не задаешь вопрос, вовсе не означает, что ты знаешь. Это только означает, что ты недостаточно отважен; это только означает, что ты боишься показать свою темную сторону. Но пока ты не покажешь свою болезнь, пока ты не сообщишь что-то о ней, врач ничего не может сделать.

У меня был друг профессор. Он был великим знатоком древнего санскрита. И не только был он знатоком древнего санскрита, но и его ум тоже был очень старым и гнилым.

Однажды он почувствовал себя плохо, и, когда я выходил из аудитории, он сказал мне: «Я чувствую себя очень слабым и больным. Я не знаю, что со мной происходит, но ты должен отвезти меня к ближайшему врачу». Итак, я отвез его к одному другу, который был лучшим врачом в окрестностях университетского городка.

А надо сказать, что по традиции древней индийской медицины больной ничего не говорит врачу, это считается

оскорбительным. Врач берет больного за запястье и щупает у него пульс – вот и все. И он определяет болезнь и лекарство, которое надо дать больному.

И индийская медицина *аюрведа* очень гордится этим.

Итак, этот знаток древнего санскрита не захотел сказать врачу, что его беспокоит. Он сказал: «Вы – врач, вы учились в Англии, вы получили наилучшее образование – вы должны выяснить, какая у меня болезнь».

Врач сказал: «Это странно. Я лечу не животных, я лечу людей. Конечно, что касается животных, то они не могут сказать, что их беспокоит, поэтому ветеринару приходится выяснять, вычислять, что болит у осла...»

А иногда дела принимают совсем дурной оборот.

Я вспомнил один случай. В моем родном городке у одного из наших соседей был осел, очень хороший осел. Внезапно среди ослов возникла какая-то эпидемия, и в городе сдохло много ослов. Врачи в ветеринарной лечебнице не знали, что делать, так как ослы не могли сказать, что с ними происходит. Врачи не могли ничего обнаружить. Казалось, что это была какая-то совершенно новая болезнь.

Наш сосед очень боялся за своего осла. Он сказал: «Пока ничего не случилось, я хочу принять все меры предосторожности».

И мы с ним – так как я любил кататься на его осле, это был лучший осел в городе – отвели его осла к ветеринару. И ветеринар сказал: «Осел совершенно здоров».

Мы сказали: «Мы знаем, – и он знает тоже, – так как он не хотел идти сюда, мы привели его силой. Но мы хотим принять меры предосторожности. Другие ослы умирают, а этот осел – такой чудесный парень. Поэтому, если можно, дайте ему для профилактики какое-нибудь лекарство, чтобы эпидемия не затронула его».

Ветеринар дал нам какую-то микстуру, а также небольшую бамбуковую трубку и сказал хозяину осла: «Вам придется набирать это лекарство себе в рот».

Хозяин осла сказал: «Что вы такое говорите? Я должен буду набирать ослиное лекарство себе в рот?»

Ветеринар сказал: «По-другому нельзя заставить осла принять лекарство, так как он доставит вам тысячу и одну неприятность. Надо вставить другой конец трубки в рот ослу и выдуть туда лекарство».

Хозяин осла сказал: «Странный способ...»

Но ветеринар сказал: «Вы просто не знаете, как надо обращаться с животными».

Но случилось нечто неожиданное. Когда наш сосед совсем было приготовился дать ослу лекарство, осел отколол такую великолепную штуку... Он сделал такой сильный выдох через рот, что его хозяин проглотил все лекарство! И он сказал: «Что же теперь будет? Случилось что-то ужасное, этот дурацкий осел... как раз тогда, когда я собирался дать ему лекарство, он умудрился протолкнуть его в мое тело. Давай вернемся к врачу. Лекарство может мне повредить – это была мера предосторожности для осла, а не для меня».

Я сказал: «Нет уж, я не пойду, иди один».

Тот знаток санскрита хотел, чтобы врач сказал ему, что у него не в порядке, просто пощупав у него пульс.

Врач сказал: «Я знаю, что таким был древний метод, но в те времена не было других средств. В те времена люди не были такими разумными, сознательными и восприимчивыми к своим собственным телесным ощущениям. Они приходили к врачу почти из мира животных. Когда возникла аюрведа, человеческие существа только-только вышли из животного царства; вот почему щупанье пульса было единственным способом».

Но знаток санскрита не был удовлетворен.

Он сказал: «Все дело в том, что вы не разбираетесь в тонких вибрациях пульса. Вы не хотите признать свое невежество».

Я сказал ему: «Ты пришел сюда не для того, чтобы обсуждать, является ли аюрведа более совершенной системой лечения, чем современная медицина. Ты пришел сюда по поводу твоего недомогания. Не отнимай время у меня и у врача – он не невежда. Ни один современный врач не скажет тебе, что у тебя болит, это должен сказать ему ты. Человечество повзрослело».

Ты можешь сидеть здесь тихо на протяжении восьми лет, не задавая вопросов, просто прячась за этой тишиной, – которая не есть подлинная тишина, так как внутри кипят вопросы.

Но немецкий ум не готов так легко признать, что он невежествен.

Это хорошо, что сейчас ты готов – ибо твой ум вот-вот взорвется от вопросов – и что ты не боишься, что тебя сочтут за невежду.

Никто не собирается считать тебя невеждой.

Невежество – это наше естественное состояние, в нем нет ничего дурного. Точно так же, как каждый остается нагим под одеждой – какой бы толстой ни была твоя одежда, сколько бы

слоев одежды ни было на тебе, твоя нагота все равно присутствует. В этом нет ничего постыдного.

Мы рождаемся нагими, мы рождаемся невежественными.

И будет полезно поскорее признать факт невежества, чтобы ты не умер невежественным.

Невежественными мы рождаемся, но если мы сможем умереть невинными, жизнь будет удачным путешествием.

И единственный способ стать невинным – это избавиться от всех твоих вопросов. Ничего не скрывай, ибо все, что ты скрываешь, рано или поздно выйдет наружу. Лучше самому вынести это на свет.

И назначение учителя заключается не в том, чтобы дать тебе ответ, а в том, чтобы уничтожить твой вопрос.

Никто не может дать тебе ответ.

Ответ возникнет в тебе, вырастет в тебе. Он будет твоим ростом, твоим просветлением. Он не может быть дан извне.

А вопросы могут быть уничтожены.

Поэтому это хорошо, что ты начал, хотя ты попусту потратил восемь лет. И именно поэтому твой ум постоянно беспокоится и боится только одного: «Не опоздаю ли я на поезд на этот раз?» Восемь лет ты опаздывал, каждый день, каждое мгновение.

И встречаются люди, которые являются большими специалистами в запаздывании на поезда.

Я слышал, что однажды на железнодорожной платформе стояли три человека, все они были университетскими профессорами, двое пришли провожать третьего. Поезд должен был вот-вот отойти, а они были увлечены обсуждением какого-то глубокого вопроса.

Вдруг проводник поднял флажок и поезд отправился, а они были настолько увлечены, что не заметили этого. Они заметили только тогда, когда поезд уже почти отошел от платформы. Все трое бросились догонять поезд – двоим это удалось, а одному нет. И тот, кому не удалось догнать поезд, начал смеяться.

Собралась толпа, его спросили: «В чем дело?»

Но он так сильно смеялся, утробным смехом, что не мог сдержать себя.

Он сказал: «Погодите минутку... я опоздал на поезд».

Ему сказали: «Но это не повод для смеха».

Он сказал: «Подождите, вы не знаете всю историю: те двое, которые догнали поезд, пришли провожать меня. Но в спешке...»

Есть люди, которые всегда опаздывают. Опаздывание становится их привычкой на всю жизнь.

Каждое мгновение – ты должен быть бдительным, чтобы не упустить его.

Но тебя нет здесь, ты находишься где-то в другóм месте. Естественно, ты продолжаешь упускать.

Ты подумаешь об этом мгновении, когда оно уйдет. Ты скажешь: «Боже мой, я упустил удобный случай».

Один журналист спросил у Генри Форда: «В чем секрет вашего успеха?» Он имел в виду, что тот был бедным человеком, родился бедным, но стал богатейшим человеком в мире.

Форд сказал: «Мой секрет прост, я готов поделиться им со всеми: я никогда не упускаю удобного случая».

Но журналист сказал: «Все равно это остается тайной. Никто не хочет упустить удобный случай, но люди продолжают упускать. Поэтому расскажите более подробно, как вы ухитряетесь – ведь люди осознают удобный случай только тогда, когда он миновал, а к тому времени уже слишком поздно».

Генри Форд сказал: «Чтобы не упустить удобный случай, надо просто все время прыгать. Так что, когда бы ни появился удобный случай, вы прыгнете и оседлаете его. Не надо стоять и ждать, а то вы вовлечетесь в другие мысли и другие дела. Я все время прыгаю. Пусть удобный случай появится когда угодно – я не упущу его».

В одном лондонском музее есть прекрасная картина, которая называется «удобный случай». Очень странная картина... Когда почти сто лет назад музей приобрел эту картину, сам художник был еще жив и он присутствовал на церемонии представления картины. Музей пригласил его прийти, чтобы объяснить картину людям – так как картина была прекрасная, но несколько сложная, несколько странная. На ней изображено лицо человека, но вы никогда не встречали такого лица: волосы растут на лбу, а голова выбрита наголо. И название картины – «Удобный случай».

Художника спросили: «Что это за человек... где вы нашли этого человека?»

Он сказал: «Это и есть удобный случай. Когда он приближается, вы не можете увидеть его, так как лицо закрыто волосами. Когда он проходит как раз рядом с вами, вы не можете видеть его, так как лицо закрыто: а к тому времени, когда вы узнаете его и говорите: «Иисус!»... ваша рука соскальзывает, – так как голова выбрита наголо. Он ушел. И

нн одно мгновенне не возвращается иазад; когда оио уходит, оно уходнт навсегда».

Ты боишься опоздать иа поезд.

Каждый опаздывает на поезд, бонтся ои или нет. Это хорошо, что ты бонщься, так как это может помочь тебе понять, почему ты опаздываешь.

Ты пребываешь не в этом мгновенни. Ты лнбо в прошлом, либо в будущем – и то и другое ие существует. Ты ннчего не можешь сделать с прошлым, и ты иичего не можешь сделать с будущнм. Все, что ты можешь сделать, ты можешь сделать только с настоящнм, а настоящее – это такая малая доля секунды, что, если ты заият чем-то другим, оио просто ускользает и ты опоздал на поезд.

Учись быть в иастоящем.

Забери твою энергию нз прошлого. Не трать попусту свое время на воспомниання; что ушло, то ушло – скажи ему «прощай» н завершн эту главу.

Что еще не пришло, то еще не пришло; не трать попусту свое время и энергию иа воображение, так как воображение никогда ие осуществляется. Именио поэтому во всех языках существует пословнца «Человек предполагает, а Бог располагает» – ты воображаешь иечто в будущем, а так никогда не получается.

Устраняя себя из прошлого и будущего, ты стаиешь потрясающе огромной энергией, сфокуснрованиой в настоящем, сконцентрнрованной в настоящем, как стрела. Ннкакой поезд не сможет отойти от платформы без тебя.

Каждое мгновение быть осознающнм, бдительным, наблюдательным, здесь и сейчас – вот как можно не опоздать на поезд. Каждое мгновение иуждается в твоем прнсутствии здесь, в это мгиовение.

И это простой секрет, но он открывает двери Существования, всех тайн, всего того, что стоит знать, стоит испробовать, стоит прочувствовать, стоит пережить.

Возлюбленный Бхагаван,

выискивать вопрос – это такая радость, он приходит слово за словом и удивляет меня по мере того, как появляется на бумаге.

Пребывание здесь с Вами – это нечто более от мгновения к мгновению и менее запланированное, чем любое другое время в моей жизни.

Вопрос таков: откуда берутся эти вопросы? Как выискивание их опустошает наши умы и очищает наше существо?

Я люблю Вас вне моего понимания. Благодарю Вас снова и снова.

Мы рождаемся, ничего не зная.

Вопросы не приходят извне.

По мере того как ты растешь, как ты попадаешь в различные ситуации, как ты входишь во все новые мгновения, сталкиваясь с различными обстоятельствами, твое невежество продолжает и продолжает становиться вопросами.

Это правильные вопросы.

И если ты настойчиво продолжаешь задавать только правильные вопросы, которые возникают из твоего невежества при столкновении с Существованием, ты сможешь избавиться от них без всякого труда. Проблема возникает из-за того, что у тебя есть много вопросов, которые возникли не из твоего невежества, а из заимствованного тобой знания. Ты прочитал что-то в книге – и вопрос возник; если бы ты не прочитал эту книгу, вопрос никогда бы не возник; ты мог бы жить от вечности до вечности.

Например, я постранствовал по миру, и за исключением джайнов, – которых совсем немного, всего три с половиной миллиона, и только в Индии, – никто не может задать вопрос, который может задать джайн. Только джайн может задать его, ибо этот вопрос дают ему его священные писания; в противном случае, если бы это был естественный вопрос, он возник бы у каждого человеческого существа.

Например, вам никогда не мог прийти в голову вопрос, что такое *нигод*. Только джайн может спросить, что такое нигод. И для джайнизма это очень важный вопрос; он так же важен, как Бог для других религий. Фактически, это замена Бога, так как джайнизм не верит в Бога. Тогда возникает вопрос: откуда взялась эта вселенная?

У джайнизма есть простой, научный ответ на этот вопрос: вселенная ниоткуда не взялась, она всегда пребывает здесь. Но одна проблема смущает джайнов, так как население продолжает увеличиваться; откуда берутся все эти люди, если никто их не создает?

Во времена Махавиры в Индии было всего лишь два миллиона человек – только в Индии. Сейчас в Индии живет семьсот миллионов человек. Откуда появляются эти люди? Где они скрывались все это время? Что управляет всем этим цирком? Кто решает, когда они должны появляться и когда

оин не должны появляться, почему они должны появляться в какое-то одно время и не появляться в какое-то другое время?

Джайнизму пришлось придумать одну гипотезу. И эта гипотеза называется *нигод;* нигод – это пассивное состояние человеческих душ. Точно так же, как вы отправляетесь спать и утром пробуждаетесь, есть миллионы душ, которые спят на протяжении вечности, и из этих спящих душ некоторые пробуждаются и начинают входить в Существование.

Но все подобные гипотезы столь же сомнительны, как и Бог.

Я спрашиваю джайнских монахов, сколько же душ являются спящими – ведь придет день, когда *нигод* окажется пустым, все души пробудятся. Тогда население будет оставаться статичным, не будет никакой необходимости в контроле над рождаемостью. Что бы вы ни делали, вы не сможете произвести на свет ребенка. Но у них нет никакого ответа. Они говорят: «Мы не знаем. Священные писания говорят, что есть бесконечное количество душ».

А я говорил им: «Это просто обман людей. Кто считал эти души? У кого есть право говорить, что их число бесконечно? Это можно сказать только тогда, когда они подсчитаны. Если же они подсчитаны, то их число не бесконечно. Вы видите простую логику? Если вы говорите, что они были подсчитаны, тогда их число может быть большим, но не бесконечным. А если вы говорите, что они не были подсчитаны, вы не можете сказать, что их число бесконечно».

Но никто в мире никогда не спросит: «Что такое нигод?» Это надуманный вопрос, это книжный вопрос.

И джайны никогда не спрашивают о Боге. Во всем мире последователи всех других религий задают вопросы о Боге, так как с самого детства им рассказывали о Боге. И, естественно, возникает любопытство: что такое Бог? Как он выглядит?

Весьма странно – различные религии имеют различные представления о Боге, и никому нет дела до того, что Бог не может иметь столь много обликов, разве что у него есть много масок. Он показывает одно лицо христианам, другое лицо – иудеям, третье лицо – индуистам... но зачем ему идти на такие хлопоты? И никто из этих парней, которые говорят о Боге, никогда его не видел.

Но проходят столетия, а люди все обсуждают, спорят и задают вопросы, и все вопросы, касающиеся таких вещей, абсолютно бесполезны.

«Сколько рук у Бога?» И это вопрос, который действи-

тельно что-то значит для вас? Имеет ли он две руки, или четыре руки, или тысячу рук – вам-то что за дело до этого? Но есть люди, которые верят, что Бог имеет тысячу рук, так как для того, чтобы заботиться об этом огромном мире, двух рук недостаточно. Но кто сказал вам, что тысячи рук будет достаточно? Мир все-таки огромен. Если двух рук недостаточно, то и тысячи рук тоже недостаточно.

И только подумайте о боге, который имеет тысячу рук...

Я думаю, что двумя руками можно управиться лучше, чем если бы у человека была тысяча рук. Он обязательно запутается.

И носить на себе тысячу рук... вес тысячи рук будет слишком большим.

Был один очень знаменитый индуистский монах, Свами Шивананда, который стал известен во всем мире. Встретившись с ним, я отбросил идею о тысяче рук, так как он не был в состоянии нести свои две руки. Его руки были такими толстыми, что он не мог поднять их. Два человека поддерживали его руки, тогда он был в состоянии двигаться, иначе две его руки были слишком большим грузом... И никому никогда не приходило в голову, – а ведь он был врачом, прежде чем стать махатмой, – что с медицинской точки зрения он живет неправильной жизнью; иначе как же могли его руки стать такими толстыми? Во-вторых, он считался великим йогом, – а согласно йоге он вел неправильный образ жизни; иначе как же могли его руки утратить всякую пропорцию? И он до сих пор почитается как великий святой.

Когда я увидел его, я сказал ему: «Одно стало для меня ясным: Бог не может иметь тысячу рук. Увидев вас... вам нужны два человека, чтобы перебраться с одного места на другое. Если бы у вас была тысяча рук, вам бы было действительно туго».

Возможно, потребовались бы грузовики, пришлось бы позвать Сураджа Пракаша: «Давайте сюда весь ваш транспорт, Свами Шивананда собирается в ванную комнату», – а то как ему туда добраться? Одну руку на один грузовик... потребовалось бы по меньшей мере тысяча грузовиков. И для транспортной компании это было бы проблемой: как разместить тысячу грузовиков вокруг него? Возникла бы проблема с парковкой...

Но это всего лишь гипотезы... и есть тысячи вещей, которые продолжают вовлекать людей в создание вопросов.

И всегда находятся так называемые мудрые люди, которые готовы отвечать на них. Они – враги человечества. Вместо

того, чтобы сказать, что ваш вопрос ложен, так как он не имеет никакого отношения к вашему росту, что он не имеет никакого отношения к вашей собственной духовности, что не имеет значения – есть ли Бог или нет, или сколько у него голов... У индуистского бога есть три головы; естественно, он превосходит остальных. Он может смотреть в трех измерениях; трехмерный бог, он смотрит во всех измерениях. Другие боги – одномерные.

Индуистского бога нельзя обмануть, а мусульманского бога или христианского бога можно – ему можно нанести удар сзади, он не увидит. Индуистскому богу удар нанести нельзя. Три головы, тысяча рук... если попасться к нему в руки, потребуется вечность, чтобы выбраться из этого леса рук.

На протяжении столетий в воздухе носятся все бесполезные, воображаемые, бессмысленные вещи. Они порождают в тебе много вопросов.

Итак, ты должен запомнить одну основную вещь: любой вопрос, который не имеет отношения к твоему индивидуальному росту, не имеет для тебя никакого смысла, никакого значения. Только тогда ты сможешь отобрать те немногие вопросы, которые могут помочь тебе.

И тогда задавай их, раскрывай себя. Тогда не жди ни единого мгновения – и не сомневайся, не стесняйся. Задать вопрос – твое право. Это сама природа требует, чтобы ты задал вопрос, ибо, как только вопрос будет разрешен – или лучше, растворен, – ты почувствуешь себя легко, тяжесть исчезнет.

Тот день, когда у тебя не будет никаких вопросов, будет днем великого торжества, ибо ты будешь чувствовать себя так легко, что ты даже представить себе не можешь.

И тогда Существование станет просто чистым танцем – никаких больше вопросов.

Существование станет доверием – никаких больше вопросов.

В уме не будет больше никакого напряжения – жизнь станет всеприятием, огромным расслаблением.

Ты станешь частью деревьев, и гор, и океана, и рек, и звезд; ты не будешь больше отдельным – тебя отделяют твои вопросы.

Твое несомненное доверие к Существованию позволит тебе влиться в него.

Возлюбленный Бхагаван,
просветление Говинды Сиддхарты показало мне, что я

совсем не связана с просветлением. Я не могу представить себе, как бы я чувствовала себя, став просветленной. Я ясно поняла, насколько просветление далеко от меня и что на самом деле я не ищу его.

Что касается меня, то я большей частью забываю о состоянии, называемом просветлением. Я вижу, что стремлюсь к нему только тогда, когда испытываю боль, чувствую себя потерянной и не знаю больше, что делать. Но в моменты счастья и удовлетворенности для меня просветления совсем не существует.

Не могли бы Вы прокомментировать это?

Локита, просветление – это нечто абсолютно негерманское. Я читал всех великих философов Германии, ни у кого из них нет никакого представления о просветлении.

Поэтому тебе не нужно беспокоиться. Это просто показывает, что ты являешься чистокровной нордической немкой, связавшейся с еще одним немцем, Никрией. Один немец является достаточным препятствием на пути к просветлению, а два немца вместе... это невозможно. Вы оба будете хватать друг друга за ноги и не позволите друг другу стать просветленными!

И идея просветления возникла у тебя из-за просветления Говинды Сиддхарты. Это не твое стремление или твой поиск.

Это то, что я называю *заимствованным.*

Если желание чего-то вызвано в тебе не природой, если это не стремление, исходящее из самой твоей души, из самих твоих корней, тогда не трать на это время.

Вот почему, когда ты испытываешь боль, страдание, тоску, ты думаешь о просветлении, а когда ты счастлива, довольна и наслаждаешься собой, ты никогда о нем не думаешь.

На самом деле, если ты довольна, счастлива и наслаждаешься собой, а я предложу тебе просветление, то ты откажешься от него. Ты скажешь: «Бхагаван, когда мне будет больно, я приду сама. А сейчас не нарушайте мое счастье. Быть счастливой с Никсрией так трудно, а тут вы еще пришли с этим просветлением...»

Запомни: все, что исходит из боли, страдания и тревоги, является, самое большее, попыткой избежать всех этих тягостных переживаний.

Слыша снова и снова, что просветление исполнено блаженством, ты думаешь, что чем страдать от боли, лучше быть просветленной. Но когда ты довольна и чувствуешь себя

счастливой, радостной, не ссоришься с Ннскрней – ведь я прекрасно знаю, что два немца в одной комнате должны бороться друг с другом, по крайней мере, двадцать трн часа в сутки. Один час, естественно, им нужен на отдых н умнротворенне. И еслн в это время кто-то прнходит н говорит: «Давай! Вот оно просветленне», ты скажешь: «Нет, не сейчас. Я едва добнлась одного часа покоя, а вы пришли, чтобы нарушить и этот покой тоже».

Ты должна понять одно: просветленне – это не бегство от страдання, а поннманне страдання, поннманне своего мучення, понимание своего несчастья – не прнкрытне, не замена, а глубокое прозренне: «Почему я несчастна, почему так много страдання, почему так много мучеиия, какие прнчнны во мне создают его?» А ясно вндеть эти причнны – значит быть свободным от них.

Только глубокое прозрение твоего страдання прнносит свободу от страдания. А то, что остается, есть просветление.

Просветленне – это не нечто такое, что приходит к тебе. А вот когда боль н страдание, тревога и беспокойство полностью поияты и нспарилнсь, так как теперь у иих нет причин для существовання в тебе, – это состоянне и есть просветление.

Впервые оно прннесет тебе настоящую удовлетворенность, настоящее блаженство, подлнннный экстаз. И только тогда ты сможешь сравнивать.

То, что ты раньше называла «удовлетворенностью», не было удовлетворенностью. То, что ты раньше называла «счастьем», не было счастьем. Но прямо сейчас тебе не с чем сравннвать.

Как только просветление даст тебе вкус настоящего, ты увндишь, что все твои удовольствия, все твое счастье было просто тем материалом, из которого делаются сновидения: все это не было настоящим. А то, что пришло сейчас, пришло навсегда.

Вот определеиие настоящего: удовлетворенность, которая прнходнт и ннкогда не оставляет тебя, есть настоящая удовлетворенность. Удовлетворениость, которая приходнт н снова уходит, не есть удовлетворенность; это просто промежуток между двумя страданнями.

Точно так же мы называем промежуток между двумя войнамн «мирным временем» – это ие мирное время, а просто подготовка к следующей войне. Еслн война – положнтельная война, то время между двумя войнами – отрицательная война, холодная война. Она продолжается скрыто, вас подготавливают к горячей войне.

Все, что приходит и уходит, есть сновидение.

Пусть это будет определением.

Все, что приходит и никогда не уходит, есть реальность.

Не беспокойся по поводу слова «просветление». Не имеет значения, как ты это называешь; ты можешь называть это озарением, ты можешь называть это блаженством, ты можешь называть это самореализацией, ты можешь называть это актуализацией всех твоих потенциальных возможностей – как тебе будет угодно.

Но помни об одном качестве: оно знает только начало, оно не знает конца. Все, что приходит и уходит, просто иллюзорно; это всего лишь промежуток, так как ты устаешь.

Нискрия тоже устает, а когда человек устает, он думает: «Надо быть любящим, надо быть миролюбивым». Так что на час или два появляется любовь, но она не длится долго; какой-нибудь пустяк, что угодно, – и начинается ссора. И через день вы готовы расстаться. Только посмотри, сколько раз за неделю вы решаете расстаться.

Ты не знаешь, что я удерживаю вас вместе. Нискрия – очень послушный последователь. Я говорю ему: «Нискрия, пусть все будет, как оно есть. Одна женщина абсолютно необходима для твоего просветления; просто оставайся...»

И то же самое верно и для тебя: он необходим для твоего просветления.

Расставшись – поскольку не будет ссор, страдания, боли – вы можете начать думать, что жизнь совершенно безмятежна, к чему еще просветление? И это не будет покоем, это будет покой кладбища.

Я же хочу, чтобы был покой сада, а не покой кладбища. Должны петь птицы, так как их пение углубляет покой. Должны цвести цветы, так как их краски, их ароматы делают покой живым – листва, зелень, все переполнено жизнью.

На кладбище тоже есть тишина и покой, так как все мертвы. Они ждут судного дня; тогда они выйдут из своих могил, и ты увидишь такую ссору, какой еще никогда не видела. Поскольку лежа в своих могилах, они задавлены, то когда они выйдут... одни скелеты будут колошматить друг друга!

Ты увидишь эту сцену, судный день; никому не будет дела до того, кто кого колотит, – само нанесение ударов будет такой радостью. Столь многое подавлено – ведь кое-кто находился в могиле тысячи лет. Только представь, что ты сама находишься в могиле тысячи лет, – сколько ярости должно накопиться в тебе! И все это выплеснется только за один день, за двадцать четыре часа. Больше времени не будет дано; возможно, Бог

боится дать больше времеин. Ибо, если дать вам больше времеии, скандал иикогда не кончнтся, ои будет продолжаться вечно. Поэтому иа иего дается только двадцать четыре часа.

А за двадцать четыре часа в такой толпе ты ие сможешь иайти, где твой враг или где твой друг, где твой сосед. Поэтому ие теряй времени – бей первых попавшихся! Кто-то, должио быть, бьет твоего друга, поэтому ты колотишь друга кого-то другого – это ие имеет значения, тут главное – бнть.

На кладбище покой есть. Если люди живут отдельно...

И именио так думают все религии; отречься от мира и удалиться в пещеры, там будет покой. Это будет покой кладбища, твоя пещера будет твоей могилой. Ибо там не будет никого, чтобы провоцировать тебя, оскорблять тебя. Находясь в одииочестве, что ты можешь делать, кроме как быть тихим? Но это не тот покой, который выходит за пределы поинмания, это мертвениость, самоубийство.

Попытайся поиять свое страдаиие. Живи им, погружайся в него на всю его глубину, найди причину, почему оно есть.

Пусть поиимание будет твоей медитацией.

И попытайся поиять также и свою удовлетвореиность, свое счастье, и ты увидишь их поверхностность.

Как только ты узнаешь, что твое счастье поверхностио, а твое несчастье очеиь глубоко – это окажется в твоих руках, – ты сможешь изменить весь твой стиль сознания.

Твоя удовлетворенность может стать всем твои существом, даже маленького местечка ие остается для иедовольства.

Твоя любовь может стать самой твоей жизнью. И оиа останется. Время будет проходить, но то, чего ты достигла, будет продолжать углубляться. Все больше и больше цветов, все больше и больше песен будет появляться из этого.

Вот что мы называем просветлением.

Это слово восточиое, ио само переживанне ие имеет никакого отношеиия ии к Востоку, ни к Западу.

Возлюбленный Бхагаван,

я хочу рассказать одну историю.

Это случилось во второй половине июня 1983 года, когда я жил в Раджнишпураме. Однажды утром, вскоре после пробуждения, я помочился в туалете и почувствовал, что на меня накатывается приливная волна, как это иногда случается на последней стадии Ваших медитационных техник. Меня охватило расслабление, мои веки размягчились и мгно-

венно закрылись. Я не мог пошевелиться или прекратить ощущение этой приливной волны.

Когда мои глаза закрылись, появились Вы во всей Вашей красе. Ваше физическое присутствие было таким реальным и пьянящим – как будто видишь и чувствуешь Вас во время даршана, сидя в первом ряду. Но через мгновение Вы стали исчезать, начиная со всех сторон Вашего тела, и Ваше место стала занимать глубокая чернота. Вскоре осталась только глубочайшая чернота, какой я никогда не видел раньше. Это вызвало у меня чувство ужаса, которое длилось пару минут.

Когда я вышел из этого переживания, я был ошеломлен, поражен, почти опустошен. Я был полон глубокой внутренней боли: меня трясло и я был очень встревожен, поскольку смысл, который каким-то образом открылся мне, заключался в воздействии этого переживания. Это означало физическую смерть для Вашего тела или, по крайней мере, смертельную опасность. Я пытался заставить себя быть нормальным, но не мог разговаривать с людьми. Когда моя подруга заметила, что я встревожен, и спросила меня, что стряслось, я рассказал ей о том, что произошло. Я продолжал чувствовать, что надвигается нечто угрожающее.

В конце дня, когда я работал, внезапно меня снова охватила огромная приливная волна расслабления, взявшаяся из ниоткуда. Мои глаза закрылись, и повсюду передо мной возник ярко-пурпурный свет, посреди которого снова появились Вы во всем великолепии, сияющий. Повсюду вокруг Вас, как пузыри, внезапно возникали прекрасные цветы – это было нечто психоделическое! Теперь я почувствовал полную уверенность, что никакая настоящая беда не грозит Вашему телу. Какие бы опасности ни возникли, они минуют, и последует еще более великолепная фаза для Вас и Ваших людей.

Через несколько месяцев большая опасность нависла-таки над Вашим телом в виде Вашего незаконного ареста ослепленным властью правительством США – что было физической угрозой для Вашей жизни.

Сейчас в свете того, что первая часть моей истории стала реальностью, для меня вполне естественно чувствовать, что и вторая часть истории мало-помалу уже начала становиться реальностью.

Возлюбленный Учитель, не могли бы Вы прокомментировать?

Пратап, ты поведал свою историю с абсолютно верной интерпретацией.

Она не иуждается ии в какнх комментариях.

Это добрый зиак. Мало-помалу то же самое случнтся н с другнми саньяснНамн тоже. Онн придут к некому переживанию, н онн тоже смогут нитерпретировать его правильно.

Я могу только сказать, что блажен ты, раз твой ум не вмешался, не ввел тебя в заблужденне, а твое сердце сохранило полный контроль над восприятием этого переживання н его интерпретацией.

Возлюбленный Бхагаван,

взгляд Ваших глаз, вспышка тотальной любви – это случается за секунду, но остается навсегда.

Бхагаван, как могло это случиться?

Это простое явление.

Момент любви – это.момент вечности. Его глубина столь велнка, что время не может стереть его.

Хотя все пронсходнт за единое мгновение, это подобно тому, как женщина становится беременной: событие происходит за единое мгновение, но оно дает рожденне ребенку, который может прожить семьдесят, восемьдесят лет, который может дать рождение еще многим детям.

Это может стать деревом: много ветвей, и каждая ветвь дает начало новым ветвям.

Это напомиило мне... Если вы отправнтесь в Бодх-Гаю, где Гаутама Будда стал просветленным, то найдете то дерево, под которым он сндел, хотя это и не то дерево, а продолжение того дерева, дитя того дерева.

Когда Ашока был императором Индии, он послал свою дочь Сангхамитру, которая стала санньяснном, на Шри-Ланку с ветвью от того дерева. Сангхамнтра распространила ндеологию Гаутамы Будды на Шри-Ланке, а эта ветвь была посажена там и стала большим деревом.

В Индин же после Гаутамы Будды случилась странная трагедня: буддизм нсчез нз Индии и индуисты сожгли то дерево, под которым Гаутама Будда стал просветленным. И только тогда, когда Индия стала иезависнмой, всего лишь сорок лет назад, ветвь от дерева на Шри-Ланке была доставлена назад.

Теперь вы видите, как в Бодх-Гае снова цветет прекрасное дерево, хотя это не то же самое дерево, но все же это есть то же самое дерево.

Момент глубокой любви уходит настолько глубоко в ваше

существо, что время не может стереть его. Он продолжает и продолжает давать рождение самому себе внутри вас.

Поэтому я говорю, что момент любви – это момент вечности.

Возлюбленный Бхагаван,
большая часть человечества живет, чтобы есть и спать, работать, накапливать власть и богатство или размножаться.
Возлюбленный Учитель, для чего живете Вы?

Миларепа, я сообщу тебе действительный исторический факт: в Греции был один великий философ, Ксенон. Он прожил долгую жизнь – для тех времен его жизнь была действительно долгой, так как средняя продолжительность жизни в те времена не превышала двадцати пяти лет. Ксенон прожил девяносто лет.

И он был странным философом, в некотором смысле уникальным, так как его учение сводилось к тому, что жизнь не имеет смысла; она настолько бессмысленна, что любой разумный человек должен покончить с собой, самоубийство – единственный разумный поступок, который можно совершить.

И многие из его учеников совершили самоубийство. На протяжении девяноста лет тысячи учеников продолжали совершать самоубийство – он умел убеждать людей. То, что он говорил, было совершенно правильным, ибо обычная жизнь, несомненно, так бессмысленна, – если только вы не знаете, как превратить ее в божественный феномен, она бессмысленна.

И он был великим логиком; он спорил и убеждал людей, и люди совершали самоубийство, молодые люди совершали самоубийство.

Когда он умирал, кто-то спросил его: «Ксенон, нас всегда беспокоила одна вещь. В соответствии с твоей философией тысячи людей совершили самоубийство. Почему же ты продолжал жить?»

Он сказал: «Я должен был передавать людям учение о самоубийстве; если бы я сам совершил самоубийство, кто бы проделал мою работу? Я вынужден был жить».

Миларепа, люди живут абсолютно бессмысленной жизнью. Я тоже учу их своего рода самоубийству – не совсем, правда, тому, какому учил Ксенон. Я учу их такому самоубийству, в котором они возрождаются к более светлой жизни, исполненной великолепием и божественным экстазом.

Я должен жить, так как было бы абсолютным бессердечием, зная путь трансформации, не сообщить о нем людям, которые нуждаются в этом.

Беседа 6

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ИСТИНОЙ НАПОЛОВИНУ

8 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

я прошу Вашего наставления относительно моего ответа на то, что я услышал от Вас, – но чего Вы никогда на самом деле не говорили. Во время моего посвящения в санньясу Вы долго говорили со мной о том, что случилось с учением Будды после того, как Будда оставил свое тело. Я услышал от Вас, что ученики Будды пошли на компромисс в отношении учения Будды. Они создали безопасные религии, а, значит, пошли на компромисс. Вы сказали мне: «Не иди на компромисс».

В то время как Вы говорили мне эти слова, я услышал еще одно сообщение. Безмолвная просьба, которую я услышал, была такова: «Не дай этому случиться со мной». С того дня я все время искал, что я мог бы сделать для того, чтобы выполнить эту просьбу. К моему великому удивлению, я знаю, что делать, я знаю, как выполнить эту невысказанную просьбу, – но я хочу Вашего наставления.

Не дадите ли Вы мне Ваше особое наставление?

То, что случилось с Гаутамой Буддой и его учением, – это почти правило, а не исключение.

Как только учитель оставляет свое тело, ученики начинают идти на компромисс с окружающим миром, чтобы выжить, продолжать существовать.

А истина – это нечто такое, в отношении чего нельзя идти на компромисс.

Только учение Гаутамы Будды... через пятьсот лет во всей Индии не было ни единого буддиста. Величайший человек, который когда-либо ходил по земле, самое утонченное учение и самое ясное восприятие истины просто исчезли, как сон.

Тут есть над чем задуматься – такого не случилось с христианством, такого не случилось с исламом, такого не случилось с джайнизмом. Поэтому сложность этого феномена должна быть понята.

Люди, которые последовали за Гаутамой Буддой, отказались пойти на компромисс. Это и было причиной исчезновения буддизма в Индии. Буддистов убивали, сжигали заживо или

насильственно обращали в индуизм, а те, кому повезло, бежали в соседние страны.

В определенном смысле это было скрытое благо, так как буддисты, которые бежали из Индии, рассеялись по всей Азии и распространили учение Гаутамы Будды по всему континенту.

Но проблема была в том, что они узнали нечто, чего ученику никогда не следует узнавать: в Индии они узнали, что если настаивать на истине, результатом будет распятие. Если хочешь выжить, надо идти на компромисс со всевозможными обманами, которые распространены среди людей.

То, чего они не сделали в Индии, они сделали в Китае, они сделали в Японии, они сделали в Корее, они сделали на Цейлоне. Во всей Азии они пошли на компромисс с местным населением, его предрассудками, его древним мировоззрением, основанным не на истине, а просто на страхе.

Но поскольку они пошли на компромисс с местным населением, они выжили. И они не только выжили, они стали весьма уважаемыми. Буддизм стал религией всей Азии, *за исключением* Индии.

Это очень странный феномен, ведь Будда родился здесь; все его великие ученики родились здесь. Сотни людей стали просветленными под его руководством. Сознание этой страны достигло наивысшего пика в присутствии Гаутамы Будды. И все же, как только Будды не стало, этот огромный опыт исчез, испарился – ибо ученики, которые остались после него, не были еще готовы предать своего учителя. Они были готовы умереть, но не предать; они не хотели идти на компромисс.

И индуизм отыгрался с огромной мстительностью – ведь в присутствии Гаутамы Будды... у индуизма кишка была тонка, чтобы противостоять этому человеку. Попытки предпринимались... Индуистские ученые, пандиты, пытались спорить с ним, но они были простыми попугаями. В присутствии Гаутамы Будды их заимствованное знание оказывалось совершенно не отвечающим требованиям человеческого роста.

Самого присутствия Гаутамы Будды было достаточно, чтобы убедить их в том, что этот человек пережил нечто такое, чего они не переживали. Все, что они говорили, было просто повторением старых писаний. А то, что он говорил, было действительным индивидуальным опытом – его собственным.

А когда опыт является вашим собственным, он обладает авторитетом.

Индуизму пришлось ждать смерти Будды. В его присутствии было невозможно приводить аргументы в защиту пред-

рассудков. Им пришлось ждать пятьсот лет, ибо после Будды его непосредствеииые ученики – Шарипутта, Моггальяна, Махакашьяпа, Ананда и сотии других – были преисполиеиы тем же светом, той же тишииой. Оии творили новых просветлеиных людей. Это продолжалось пятьсот лет.

Но мало-помалу все это сошло иа нет. Вместо просветлениого человека мало-помалу более важным стал ученый, пандит. Имеиио тогда для индуизма пришло время мести – и, безусловно, индуизм был гораздо более древией религией. У иего были великие ученые. Буддийские ученые были любителями, оии не могли выстоять перед индуистской учеиостью; оии были побеждены очень легко.

Теперь это был ие их собственный опыт.

Имеиио эти люди иаписали буддийские писания. Вы будете удивлены, узиав, что каждое буддийское писаиие начинается со слов «Я слышал». Эти люди ие видели, эти люди не переживали иа собствениом опыте. Эти люди просто услышали от других о сокровеииой реальиости, но то были лишь слухи.

Индуисты были более изощренными учеными, за их плечами было почти десять тысяч лет; они были весьма утонченными логиками, рациоиалистами.

Несчастным буддийским ученым не удавалось ничего доказать. Их поражеиие было настолько полным, что им пришлось вернуться иазад в лоно индуизма.

Те же буддийские моиахи, которые бежали из Индии, получили хороший урок: «Если у тебя нет твоего собственного опыта, тогда лучше пойти на компромисс, чтобы выжить». Оии обожгли себе пальцы, отстаивая чужой опыт.

Они оставили споры. Оии начали говорить о ситезе всех религий; они иачали распространять идею о том, что все религии верны. Все правы, нет повода для споров.

И оии первыми привели в мир идею о правильности всех религий. Естествеино, все религии уважали этих людей – они ие были сварливыми. До той поры все религии были сварливыми, каждая пыталась доказать: «Мы обладаем истиной: мы правы, а вы иеправы».

А эти люди первыми сказали: «Все правы. Есть миллионы путей, ио цель одна. Нет нужды спорить. Может быть, мы и идем разными путями, но мы движемся к одной и той же цели».

В Индии то же самое случилось с джайнизмом – религией,

современником которой был Будда. Джайны до сих пор существуют в Индии.

Это тоже странный факт, что Махавира, их величайший учитель, и Будда были современниками. В присутствии Гаутамы Будды Махавира не мог оказать никакого воздействия на страну. Да, у него было небольшое число последователей, но Будда представал таким огромным, он был таким большим деревом, что на протяжении трехсот лет британские ученые, историки и философы думали, что Махавира и Будда были одним и тем же лицом, что Махавира было другим именем Гаутамы Будды. Ибо это – титул, точно так же, как и «Будда» является титулом. «Будда» означает «пробужденный»; «Махавира» означает «победитель». И они оба получили еще титул «Джайна» – «Джайна» тоже означает «победитель». Поскольку им обоим принадлежал один и тот же титул, считалось, что Махавира и Будда были одним и тем же человеком.

Только недавно ученые начали сознавать, что это не так, что Махавира и Будда – это два разных человека.

Будда оказал такое огромное воздействие на страну, он затмил всех, – но через пятьсот лет он исчез.

А последователи Махавиры все еще существуют в Индии, так как последователи Махавиры пошли на компромисс с индуистами. Их не сжигали заживо, их не убивали. Они настолько далеко зашли в компромиссах с индуистами, что особой-то разницы и не найти.

И они вынуждены были пойти на компромиссы, так как они во всем зависят от индуистов. Они не образуют полную культуру. Если им нужны туфли – им нельзя делать туфли, а туфли им, конечно, нужны, – им приходится обращаться к индуистам. Если им надо вычистить отхожие места – им нельзя этого делать, – они вынуждены обращаться к индуистам.

Это странный феномен, что буддизм и джайнизм оба возникли как бунт против индуизма. Махавира весьма сильно настроен против индуизма, но джайны пошли на компромисс по всем пунктам – ведь надо же было где-то доставать одежду? Ткачами были либо индуисты, либо мусульмане. Как построить дом? Как добыть пищу? Ведь джайнам нельзя даже культивировать растения. Это запрещено их религией, так как растения обладают жизнью, а если вы выращиваете растения, вам придется срезать их и вы будете совершать насилие.

Поэтому все насилие должны совершать индуисты; тогда, естественно, вам приходится зависеть от них, вы не можете

спорить и настаивать на том, что вы обладаете истиной. Вам приходится говорить, что все обладают истиной; отличаются только языки, пути и способы, но основное переживание одно и то же.

Джайнизм выжил.

То же самое можно сказать и об исламе и христианстве – они пошли на компромисс с местным населением.

Всего лишь несколько месяцев назад нынешний папа римский посетил Индию.

Индийские христиане – это индуисты низшей касты, ставшие христианами из-за бедности. Нет никакой другой причины их обращения – они бедны, необразованны, а христианство обещает им...

Но папа римский столкнулся с большими трудностями, так как обращенные индуисты не могут просто так отбросить свои тысячелетние привычки. В церкви они воскуривают благовония перед Иисусом Христом. Епископы и кардиналы говорили папе римскому: «Что делать? Мы пытаемся препятствовать этому, но они не слушают. Они приносят цветы, они приносят благовония... и не только это, в церкви они повторяют мантру *омкар*.

И папа римский согласился, что им следует позволить делать это, иначе они отступятся от христианства.

В них это сидит настолько глубоко... они не могут представить себе, что звук *ом* может быть чем-то другим, кроме самого духовного явления. Они христиане, а *ом* не имеет никакого отношения к христианству – они, по существу, индуисты. А позволение папы римского – это компромисс, хитрость.

Завтра эти люди начнут раскрашивать Иисуса Христа красной краской, и вам придется принять это, ведь без красной краски ни один камень не может стать Богом. В Индии такого никогда не случалось.

Когда британская администрация начала прокладывать в Индии дороги и устанавливать дорожные указатели, они понятия не имели, что они делают. Они выкрасили дорожные столбы в красный цвет, так как красный цвет виден издалека, он выделяется на фоне зеленого цвета растительности.

Итак, они выкрасили столбы в красный цвет, и они были удивлены, когда увидели, что индийцы стали поклоняться каждому столбу. Крестьяне приходили с цветами, благовониями... каждый дорожный столб стал обезьяньим богом Хануманом.

Британские инженеры пытались объяснить: «Это не боги, это дорожные столбы».

Крестьяне отвечали: «Вы не знаете. Мы делали это тысячи лет. Любой камень, выкрашенный в красный цвет, становится божественным». Они были очень счастливы – их радовали не дороги, а дорожные столбы.

Христианство с самого начала шло на компромиссы в каждой стране. Это был его способ выживания.

Вы будете удивлены, узнав, что индийское христианство древнее Ватикана. Индийское христианство – самое древнее в мире, так как оно возникло, когда в Индию пришел Фома, один из ближайших учеников Иисуса.

Обратить индийцев в какую-то другую религию очень трудно. Они так много видели, они так много слышали о религии, у них было так много верований... Вначале Фома растерялся, но в конце концов он нашел компромисс.

Он начал одеваться как индуист. Если вы увидите изображения Фомы, вы будете удивлены тем, что он брил себе голову, совсем как индуистский *шанкарачарья*. И он стал носить шнур, который носят индуисты, а также деревянные сандалии, которые носят индуистские монахи, чтобы не пользоваться кожей. И он носил только небольшое дхоти без рубашки сверху, совсем как старые брамины. Он изучил санскрит.

И видя, что он выглядит совсем как брамин – и, стало быть, все, что он говорит, должно быть правильным, – многие люди последовали за ним. Они были первыми христианами.

Но это уж слишком деловой подход, это коммерческая сноровка. Это не настоящее обращение, это обман, эксплуатация невинных людей.

В каждой стране христианство шло на компромисс с местным населением. Какой бы ни была его религия, христианство шло на компромисс с ней, принимало ее принципы, ее манеру поведения. Именно благодаря этой установке на компромисс христианство стало самой распространенной религией в мире – почти полмира является христианским.

Истина не может быть такой дешевкой. И истина не может быть такой привлекательной для такой большой толпы.

Психология толпы такова, что все, во что она верит, должно приниматься как истинное; тогда есть возможность пойти на полуистину: «Вы поверьте во что-то наше, мы возьмем что-то от вас».

Но истина не может быть истиной наполовину.

Она должна быть на сто процентов чистой; в противном случае она хуже, чем ложь.

Поэтому, когда я сказал тебе: «Не иди на компромисс», я тем самым говорил тебе многое.

Во-первых, согласие на компромисс означает, что выживание и удобства для тебя важнее истины.

Во-вторых, это означает, что истина – это не революция, а бизнес, не трансформация твоего существа, а социальный конформизм.

В-третьих, это означает, что ты никогда не окажешься на нужном пути. Научившись идти на компромисс, ты начнешь сбиваться с пути.

Не идти на компромисс – это один из основных, существенных принципов, которым надо следовать, если ты хочешь найти истину во всей ее чистоте и во всем ее великолепии.

И когда я сказал это тебе, ты, безусловно, правильно услышал кое-что еще, что не было сказано: «Пожалуйста, не поступай так со мной».

Все мои усилия направлены на то, чтобы сделать из вас индивидов, достаточно отважных даже для того, чтобы противостоять всему миру. Если ты чувствуешь, что ты прав, и если ты переживаешь истину в твоей сокровенной сердцевине, тогда пусть хоть весь мир будет против тебя – это не имеет значения. Тогда даже распятие будет не чем иным, как печатью подлинности.

Человек, который может идти на распятие смеясь, доказал, вне всяких сомнений, что ему известно нечто большее, чем смертное тело.

Иисус кажется капризным. После распятия, находясь на кресте, он не был радостным, он не улыбался, не смеялся. Наоборот, он жаловался. Он кричал Богу: «Почему ты оставил меня?» Ибо он ожидал не распятия, он ожидал коронования. Он – единственный сын Бога, как же может Бог позволить распять его? Обязательно должно случиться чудо.

Но чуда не случилось, так как чудеса не приходят извне. Чудо случилось бы, если бы он улыбался и смеялся, зная: «Вы можете распять только мертвое тело, вы не можете распять мое сознание».

Чудо произошло в случае Мансура аль-Халладжа. Он смеялся, – а его распятие было более жестоким, чем распятие Иисуса, так как мусульмане более неистовы, более фанатичны, чем иудеи. Они резали его на куски, они не прикончили его одним ударом. Сперва они отрубили ему ноги, затем они

отрубили ему руки, затем они ослепили его и сделали его глухим. Они убивали его по частям, и, все же, до самого конца он улыбался.

И кто-то спросил его: «Прежде чем тебе отрежут язык, мы хотим узнать, почему ты улыбаешься?»

Он сказал: «Я улыбаюсь потому, что казнят кого-то другого. Тело, которое казнят, не есть я».

Это и есть чудо.

Оно не зависит от Бога, оно не зависит от кого-то другого.

Оно зависит от твоего переживания.

Только благодаря такому простому действию, аль-Халладж оказывается гораздо ближе к истине. Он не сетует, он не говорит Богу: «Это несправедливо, что со мной обращаются таким примитивным образом, а ты просто молчишь». Он вообще не говорит о Боге.

Он просто наслаждается всем происходящим и смеется над глупостью людей: «Вы казните кого-то другого. И я всегда говорил вам, что вам не удастся наказать меня, вы не можете даже коснуться меня. О наказании не может быть и речи».

Когда ты услышал: «Не поступай так со мной», – хотя я тебе этого не сказал, ты услышал правильно. Я как раз собирался сказать это, но, увидев, что ты это услышал, я не стал говорить это.

Все эти годы тебя преследовала мысль, что ты услышал это, а я этого не говорил – было ли это твоим воображением или я действительно сказал нечто, не говоря этого?

Нет, это не было твоим воображением. Я говорил это, не говоря этого.

Я сообщаю тебе многие вещи, не говоря о них. Говоря о многих других вещах, я просто создаю такую атмосферу, в которой ты можешь услышать несказанное.

Ибо есть некоторые вещи, которые можно сообщить только шепотом, но не криком. И есть некоторые вещи, которые нельзя сообщить даже шепотом; на них можно только указать непрямым способом, только тогда они прекрасны.

Возлюбленный Бхагаван,

в последнее время со мной стало происходить вот что: когда утром я первым делом начинаю открывать глаза, я могу увидеть видение, как сцену из кинофильма – и через несколько дней эта сцена случается в действительности, совсем как повторение.

До того как я приехал сюда в Бомбей, у меня было видение отеля «Голден Мэнор» – окружающая обстановка, сад, люди – и когда я прибыл сюда, все оказалось точно таким же, как в моем видении. Ранее я написал Вам об этом письмо, но у меня не хватило мужества отправить его. Сейчас это случается часто, и я не знаю, хорошо это или плохо. Кроме того, когда Вы были в Уругвае, а я был в Бразилии, у меня возникло внезапное побуждение отправиться в мою комнату, сесть на пол и закрыть глаза. Я так и сделал, и, подобно вспышке, я увидел Вас, сидящим за столом, радостно смеющимся. Я мог видеть только спину другого человека, который казался немного серьезным или печальным. Затем Вы увидели меня и пригласили подойти, а этот человек повернул голову, чтобы взглянуть на меня. Он был красив, очень красив... сцена была так полна светом! Я уверен, что он не был Иисусом – борода была иной и глаза были более глубокими и ясными. Через несколько часов по радио сообщили, что за несколько часов до этого умер Кришнамурти.

Бхагаван, с того дня я полностью уверен, что Вы живете на двух уровнях одновременно, и я не знаю, на каком уровне Вы пребываете большую часть времени в Вашей повседневной жизни. Вы ответили Турье, что Вы не приходите в наши сны. Но разве не верно, что Вы так близки к ученикам, что мы суть одно с Вами все время, не только в наших снах?

Должна быть понята одна очень фундаментальная вещь: сновидение и видение кажутся похожими, но они являются двумя разными феноменами.

Сновидение – это проекция ума. У него нет собственной действительности. Это всего лишь мысль в образной форме.

Маленькие дети не умеют думать мыслями, но они могут понимать образы; поэтому в их книжках вы можете увидеть большие картинки, яркие краски и совсем мало текста. Мало-помалу, по мере того как ребенок подрастает, в его книгах картинок становятся все меньше и меньше, а количество текста увеличивается. В конце концов, когда он оказывается в университете, картинки исчезают и остается только текст. Может быть, вы не задавались вопросом, почему это так...

Если ребенку в детском саду дать книгу без картинок, она его совсем не заинтересует, так как он еще не научился думать словами.

Но он может видеть сны более совершенно, чем вы; он видит сны настолько совершенно, что время от времени

случается так, что ребенок просыпается утром и начинает плакать: «Только что у меня был велосипед? Куда он делся?» Ему снилось, что он едет на велосипеде, а когда он открывает глаза, он оказывается в своей постели, а велосипед пропал.

Его сновидение настолько ясно, что ему очень трудно провести различие между реальным велосипедом и велосипедом в сновидении; они выглядят почти одинаково.

Мы – взрослые люди, но наше бессознательное никогда не взрослеет, оно остается ребенком.

Поэтому во сне, когда ваш сознательный ум – который выучился языку, понятиям, словам – крепко спит, ваше подсознательное начинает видеть сновидения. Оно – ребенок, поэтому каждая мыслительная форма должна быть переведена бессознательным умом в образную форму.

Это одно из великих открытий Зигмунда Фрейда – выслушивание ваших сновидений. И он проделывает обратный процесс, переводит ваше сновидение из образной формы снова на язык, в понятия, в слова. Для этого требуется большая компетентность.

Тем не менее, тут никто не может быть уверен в чем-либо.

Если вы обратитесь к Зигмунду Фрейду, то каждое сновидение будет сведено к чему-то сексуальному – ибо такова была его идея: весь секс подавляется.

Это верно, что большая часть сексуальности подавляется, но есть много других вещей, которые тоже подавляются. Подавляется не только секс.

Но такова уж проблема с изобретателями и особенно с первооткрывателями: они становятся настолько одержимыми своими открытиями, что не обращают внимание на другие возможности.

Адлер, собственный ученик Фрейда, ушел от него только потому, что Адлер считал, что секс может быть частью подавляемого, но это не все. Его собственная идея заключалась в том, что амбиция, воля к власти, является гораздо более важной и что основная часть ваших сновидений имеет отношение к воле, к власти.

Например, вам снится, что вы стали птицей и летите.

Для Зигмунда Фрейда это будет символизировать только то, что вы хотите пользоваться такой же сексуальной свободой, как птицы и звери, и ничего более.

Но для Адлера полет вверх означает, что вы амбициозны, что вы хотите стать премьер-министром.

Но это все догадки.

Карл Густав Юнг, другой ученик Фрейда, тоже ушел от него, так как его больше интересовали древние мифологии и он думал, что наши сновидения являются частью ваших предыдущих жизней. Поэтому, если вам приснилось, что вы – летящая птица, он истолкует это так, что в какой-то из ваших прошлых жизней вы были птицей.

Так что же делать с этими людьми и как решить?

Язык образов не может быть точным. Это почти как живописное полотно: многие люди могут увидеть и понять ее смысл по-разному.

Как у ребенка есть образный язык, точно так же и у вашего бессознательного есть образный язык.

Мне не интересно толковать ваши сновидения, так как это такая пустая работа.

Вы можете продолжать толковать сновидения годы и годы, а сновидениям не будет конца – каждый день, по шесть часов каждую ночь вам приходится видеть сны. И у вас есть неисчерпаемые источники сновидений.

И сновидение очень стремительно – время в сновидении не такое же, как ваше обычное время. Просто читая газету, вы можете заснуть на минуту и увидеть сновидение, которое охватывает годы; и когда вы просыпаетесь, вы смотрите на часы, а прошла только одна минута. Вы говорите: «О боже, за одну минуту я увидел сон, который продолжался целый год, или даже годы».

Время в сновидении совершенно иное.

До сих пор еще не смогли изобрести часы для сновидений, и, может быть, такой возможности никогда и не будет, так как есть ленивые люди и есть прыткие люди; одни люди быстро бегут, а другие люди просто сидят.

И в сновидениях существуют те же различия: у ленивых людей бывают ленивые сновидения, у прытких людей бывают стремительные сновидения; ваше сновидение отражает вас. Поэтому я не думаю, что есть какая-то возможность создать часы для сновидения, которые могли бы работать для всех. Это невозможно, так как скорость сновидения у каждого человека иная.

Видение кажется похожим на сновидение, но оно не сновидение.

Видение – это объективный феномен, это не проекция вашего ума. Вы видите нечто, вы не проецируете. В определенной ясности ваш ум способен видеть некие вещи.

Например, как-то я путешествовал с одним из моих

друзей. Он – поэт. Мы ехали в автобусе с кондиционированием воздуха, и, должно быть, было около десяти часов вечера. И внезапно он услышал: «Мунна, Мунна». Никто другой не услышал этого. Я сидел рядом с ним, и он спросил меня: «Ты слышал? Кто-то зовет: "Мунна, Мунна"».

Я сказал: «Я ничего не слышал. Должно быть, тебе приснилось».

Он сказал: «Нет, я не спал. Я курил, мне не приснилось. И только мой отец зовет меня Мунной. Никто другой не называет меня Мунной, это мое детское имя. Моя мать, которая звала меня Мунной, умерла. Мой отец – единственный живой человек, который зовет меня Мунной, и никто другой даже не знает этого имени. А этот голос был очень похож на голос моего отца».

Я сказал: «Давай доедем до места назначения, и оттуда мы сможем позвонить тебе домой, чтобы узнать, не случилось ли чего-нибудь».

Мы приехали в Нагпур около полуночи, позвонили и узнали, что его отец умер точно в десять часов вечера. Возможно, в момент смерти он вспомнил своего единственного сына и вспомнил имя, которым всегда его называл.

Так вот, это не сновидение. Он ничего не увидел, но он услышал; это объективно. И его отец был далеко, между ними почти шестьдесят миль, а умирающий человек не может крикнуть так, чтобы его можно было услышать за шестьдесят миль. И даже если бы он и крикнул так громко, тогда все в автобусе услышали бы это. Но услышал только мой друг. Даже я не осознавал, что его отец позвал его: «Мунна».

Это и есть видение... не визуальное, это аудио-видение – не видео, Нискрия!

Я не могу прийти в твои сновидения, а если я прихожу, то это – твоя проекция, я за нее ответственности не несу. Если я делаю что-то в твоем сновидении, я за это не отвечаю!

Но я могу прийти в видение, и тогда вся ответственность лежит на мне. Разница здесь очень тонкая.

Сновидение всегда случается, когда ты спишь.

Видение же всегда случается, когда ты не спишь. Это первое различие: ты полностью бодрствуешь. И видение всегда предстает приходящим извне, достигающим тебя. И рано или поздно ты обнаружишь его подлинность, его реальность.

Реальности же сновидения ты никогда не обнаружишь. Это просто мусор; на самом деле, это раскручивание ума.

Целый день уму приходится работать, он закручивается,

и он нуждается в раскручивании для того, чтобы быть свежим к завтрашнему дню. Так что это раскручивание. С тобой продолжают происходить несообразные вещи: ты разговаривал с кем-то, ты хотел что-то сказать, но не сказал. Теперь это висит на тебе, тебе нужно от этого освободиться – в сновидении ты от этого и освободишься.

Сновидение – это огромная помощь, очищение. Оно не против тебя, оно удерживает тебя в здравом уме; в противном случае, все бы сошли с ума. На протяжении шести часов твой ум продолжает очищать себя от любого впечатления, которое осталось в нем незавершенным – отбрасывает его, подготавливает себя к завтрашнему дню, к завтрашней работе. Но у сновидения нет больше никакого другого значения.

Видение – это некая реальность.

Сновидение – это нечто от ума.

А видение имеет некую связь с сердцем.

Эти вещи тебе придется прочувствовать, так как различия здесь очень и очень тонкие.

Всякий раз, когда ты будешь чувствовать, что нечто приходит к тебе как видение, приводи себя в медитативное настроение, будь тихим. Позволяй этому случаться, будь восприимчивым, не вмешивайся, не интерпретируй. И, прежде всего, пусть видение будет завершенным, чтобы ты мог увидеть его с самого начала до самого конца.

Вполне вероятно, не будет никакой нужды в интерпретации. Просто увидеть видение в его завершенности – этого будет достаточно, у тебя будет понимание. И вскоре последуют некие события, которые подтвердят твое видение.

Твои сновидения никогда не будут подтверждены Существованием. Поэтому то, что ты видел, было видением – ты бодрствовал.

И если ты спокоен, ты можешь видеть вещи, происходящие за тысячи миль. Расстояние не имеет значения. И ты можешь видеть вещи, которые происходят не на материальном уровне, а на уровне сознания. Это то, о чем ты говоришь, – два уровня.

Да, верно. Мне приходится работать на двух уровнях: один – это уровень, на котором живешь ты, на котором пребываешь ты, а другой – это уровень, где пребываю я и куда я хочу поднять тебя.

С вершины холма мне приходится опускаться в долину, где пребываешь ты; иначе ты не будешь слушать, ты не поверишь в залитую солнцем вершину. Я вынужден взять твою

руку в свою и убеждать тебя, – а по пути рассказывать истории, которые ие соответствуют истине!

Но оии увлекают тебя, и ты не упираешься; ты продолжаешь идти за мной, увлечениый историей. И когда ты окажешься иа вершине холма, ты узнаешь, почему я рассказывал длинные истории, и ты почувствуешь благодариость за то, что я рассказывал эти истории, иначе ты ие смог бы идти так долго, так далеко в гору.

Это иадо запомнить: все учителя мира рассказывали истории, притчи – почему? Истииу можио просто сказать, нет никакой иужды рассказывать тебе столько историй. Но ночь длиниа, а надо, чтобы ты не спал; без историй же ты обязательио заснешь. Пока не наступит утро, есть абсолютиая необходимость держать тебя заинтересованным, а истории, которые рассказывают учителя, – это самые интригующие вещи, какие только возможны.

Истину нельзя высказать, но тебя можно привести к той точке, где ты сможешь увидеть ее. Итак, вопрос в том, как привести тебя к той точке, откуда ты сможешь увидеть ее.

В жизни Сармада случилась одна история. Он обучал своих учеников, своих последователей, и внезапно ои сказал: «Давайте выйдем из класса, на улице что-то происходит». И оии все вышли на улицу.

Там какой-то человек тащил быка, ио бык был очень сильиым. Человек тоже был сильным, но бык есть бык. Так что, хотя человек тащил быка... на самом деле, бык тащил человека! Сармад указал своим ученикам: «Смотрите, такова ситуация».

Оии сказали: «Что вы имеете в виду?»

Он сказал: «Такова ситуация между мной и вами, но я не такой глупец, как этот человек».

И он сказал тому человеку: «Послушай! Ты, видимо, в первый раз имеешь дело с быком?»

Человек сказал: «Я новый слуга, я сам из города, и я не знаю, что делать... я протащу его на один фут, а он протащит меня иа четыре фута! И это продолжается несколько часов; я не знаю, будет ли этому конец».

Сармад сказал: «Оставь это! Ты не понимаешь деревенских обычаев, и, в частности, – язык быков».

Он сорвал немного травы, зеленой и сочной, и просто пошел перед быком, даже не касаясь его, а бык последовал за ним.

Сармад стал идти быстрее, и бык пошел быстрее.

Тот человек сказал: «Великолепно! Он даже не тащит быка, бык идет сам по себе».

И Сармад сказал: «Возьми эту траву. Но не давай ему съесть ее, а то окажешься в беде. Если бык начнет доставлять тебе неприятности, начинай бежать – он побежит вместе с тобой, но ты доберешься домой».

И он сказал своим ученикам: «Это то, что я делаю с вами. Все притчи, все истории есть не что иное, как зеленая трава».

Видения не следует делать объектом размышления. Тебе надо просто ждать, и жизнь предоставит тебе нужное подтверждение. Тогда прими его с благодарностью.

Но то, что ты увидел, было видением, и оно было подтверждено самой жизнью. Теперь нет нужды думать об этом.

Если ты начнешь думать, ты создашь путаницу. А если ты не будешь думать об этом, ты позволишь другим видениям случаться с тобой.

И человек, у которого бывают видения, начинает двигаться с более низкого уровня, из долины, к более высокому уровню, к вершине, без особых усилий.

Это верный признак того, что ты готов.

Возлюбленный Бхагаван,

чем дольше я у Вас в учениках, тем меньше я знаю и понимаю.

Магическая сила привлекла меня в Бомбей, а сидение в Вашем присутствии стало как бы возвращением домой – проблески двух сердец, бьющихся вместе, мгновения любви и чуда, дни радости и игривости.

Там, в Голландии, в моем сердце оставалось только одно огромное желание: сидеть у Ваших ног снова, снова и снова. Возлюбленный учитель, мой ум теряет контроль, а мое сердце начинает петь. Что происходит?

Ум – это привычка.

Даже если бывают моменты, когда сердце поет, а все существо исполнено радости, ум не может оставить свои старые привычки.

Он непременно спросит, что происходит.

Разве ты не можешь позволять вещам случаться, не спрашивая что и почему?

Ты понимаешь, почему мы задаем такие вопросы?

Ум задает эти вопросы, потому что он хочет контролировать твой образ жизни, он хочет знать все, что происходит. Не должно случаться ничего такого, что было бы выше его понимания; все должно быть под его контролем.

Ум – великий контролер. И если все будет оставаться под его контролем, это будет трагедия, так как с тобой не сможет случиться ничего великого.

Все великое и великолепное выше понимания ума.

И ум никогда не может получить ответ на вопросы: Почему? Что? Как?

Тебе надо усвоить одну вещь: вовсе не обязательно удовлетворять ум относительно каждого переживания.

Переживания сердца, переживания бытия, переживания трансцендентального не следует делать объектом расследования. Тебе не надо спрашивать о них, тебе надо наслаждаться ими.

Тебе не следует спрашивать, что происходит, ибо если ты будешь упорствовать в этих вопросах, происходящее прекратится. Эти вопросы не твои друзья.

Пусть ум задает вопросы только тогда, когда что-то идет не так. Ты плохо себя чувствуешь, у тебя болит голова, у тебя колики в животе – пусть ум задает вопросы, это как раз подходящая сфера интересов для ума.

Но твое сердце танцует – какое ум имеет к этому отношение?

Просто скажи уму: «Успокойся, это не твой мир. Занимайся своими делами. Ты не должен все время совать свой нос повсюду».

Сердце – это более высокая реальность.

Ваше бытие еще выше; и есть реальности, которые выше, чем ваше бытие.

Ум не может задавать о них вопросы, и никакой ответ невозможен.

Тебе придется научиться некоторым новым приемам, тебе придется отбросить некоторые старые привычки.

Итак, поставь себе за правило такую простую вещь; если что-то не так, если ты страдаешь... страдание – это как раз та область, где нужен ум. Без ума нельзя создать страдание, это мир ума – тогда задавай вопросы.

Но странно – никто не приходит, чтобы спросить: «Почему я страдаю?» Но когда сердце танцует, люди спрашивают: «Почему? Что происходит?»

Причина в том, что, поскольку твое сердце не танцевало на протяжении веков, это переживание оказывается настолько

новым, что тебе становится страшно. Ты начинаешь чувствовать, что, возможно, ты немного не в своем уме, стареешь, впадаешь в маразм. Что происходит? Просто это переживание является новым.

Но запомни, сфера интересов ума находится только там, где что-то не в порядке. У ума есть право задавать вопросы, доискиваться до истинной причины и приводить вещи в порядок.

Но ликование, радость, экстаз – к ним ум не имеет никакого отношения.

Просто скажи уму: «Успокойся. Все идет прекрасно, тебе не нужно беспокоиться».

Если ты научишь ум задавать правильные вопросы и не вмешиваться в те сферы, которые выше его понимания, ты подготовишь себя для все более и более великих и возвышенных переживаний.

Возлюбленный Бхагаван,

мне кажется, что с тех пор, как я стал Вашим саньясином, проблем у меня становится все больше и больше. Это Ваша работа?

Это моя работа.

Моя работа состоит в том, чтобы делать тебя все более и более осознающим, а когда ты становишься все более осознающим, ты осознаешь все больше проблем.

Эти проблемы были и раньше.

Не я создаю твои проблемы; просто ты не осознавал их, ты не обращал на них никакого внимания. Эти проблемы были.

Это напоминает дом, погруженный во тьму, там плетут свои сети пауки, живут и наслаждаются змеи и скорпионы – и внезапно ты приносишь туда свет. Свет не создает пауков, змей и скорпионов, но он заставляет тебя осознать их.

И это хорошо – быть осознающим, так как тогда дом можно очистить, тогда ты можешь избавиться от змей.

У тебя есть много проблем, которых ты не видишь – которых, на самом деле, ты не хочешь видеть. Ты продолжаешь откладывать. Ты так боишься увидеть эти проблемы, потому что тогда тебе придется решать их. Но, откладывая, проблем не решишь; это не так легко.

Проблемы – это не письма, которые получал Джордж Бернард Шоу.

Джордж Бернард Шоу имел обыкновенне собнрать письма, не открывая нх.

Он открывал нх первого числа каждого месяца, так что за месяц у него накапливалнсь тысячн пнсем со всего мира. У него была фикснрованная дата: первого числа каждого месяца он открывал пнсьма. И он продолжал выбрасывать нх, так как большинство из них уже ответнли сами на себя. Редко случалось, чтобы оставалось какое-то пнсьмо, которое не ответнло само на себя.

Кто-то сказал ему: «Это весьма странный способ...»

Он сказал: «Это не странный, а самый простой способ. Когда кто-то не получает ответное пнсьмо в течеиие двух илн трех недель, он тем самым получает ответ: "Этот человек не собнраетсх отвечать", – и перестает надеяться. И в любом случае большннство этих писем бесполезны. Я не собнраюсь тратить на ннх целый месяц. Я выделяю для них только однн день – и на каждое действительно оригинальное письмо, которое заслуживает моего вннмания, я отвечаю. Таким образом я экономлю мое время и экономлю их время, ведь в противном случае им бы пришлось читать мой ответ... а это такой трудный мир, что они не только бы прочитали мой ответ, но и ответнли бы на иего... и мне сиова пришлось бы читать его. Лучше покончить с этим в самом начале. Это цепная реакция, это может продолжаться бесконечно. И чем больше вы допускаете это, а затем прекращаете, тем больше вы их обижаете. Первое же письмо, и все кончено – никаких обид. Онн прссто понимают, что попали не иа того человека, который отвечает на письма».

Но проблемы – не письма, а жизнь – не Джордж Бернард Шоу. Нельзя откладывать.

Но люди все-таки откладывают. Они продолжают скрывать проблемы, запихивая их туда и сюда и думая, что случится некое чудо... Все устроится, и проблемы будут решены. Этого не произойдет. Наоборот, у этих проблем появятся дети.

Проблемы начнут находить дружков и подружек – две проблемы встречаются, и получается третья проблема, а ты окажешься в еще большем затруднении. Лучше все время обращаться лицом к каждой проблеме, как только она возникает.

Не саннься создала все твои проблемы. Санньяса просто дала тебе иемножко больше осознаваиия.

Твои проблемы всегда были с тобой.

Саннъяса дала тебе возможность решить их.

И человек должен наслаждаться решением своих проблем. Это оттачивает его интеллект. Каждая проблема – это вызов. Каждая проблема делает его более разумным.

И в тот день, когда у тебя не будет никаких проблем, твой ум придет к своей предельной ясности – ведь нет пыли, нет проблем. Твой ум станет зеркалом, насколько чистым, что будет отражать реальность.

Да, это моя работа.

Но не думай, что я создаю твои проблемы.

Я просто даю тебе прозрение, осознавание, тишину, чтобы ты мог увидеть свои проблемы и решить их.

Беседа 7

ВАША СОЦИАЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ – РАСЩЕПЛЕНИЕ НА ЗОРБУ И БУДДУ

9 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

когда я приехал в Грецию, чтобы увидеть Вас, все отражало больше «зорбу».

Сейчас же, когда мы находимся здесь в Индии, все вокруг вас отражает больше будду.

Бхагаван, зависит ли это от того, где мы находимся: в Греции или в Индии?

Человеческая история – это трагедия.

И причина этой трагедии не очень сложна. Не надо идти очень далеко, чтобы найти ее; она заключена в каждом человеке.

Все прошлое человечества создало разрыв в человеке; в каждом человеческом существе идет постоянная гражданская война.

Если ты не чувствуешь себя легко, то причина этого не является личной. Твоя болезнь является социальной,

Проводилась такая стратегия, чтобы разделить тебя на два враждебных лагеря: зорбу и будду, материалиста и спиритуалиста.

В действительности ты не разделен. В действительности ты есть гармоничное целое. Но в твоем уме обусловленность такова, что ты не являешься единым целым: ты должен бороться со своим телом. Если ты хочешь быть духовным существом, тело должно быть покорено, побеждено, его надо истязать, умерщвлять всеми возможными способами.

Это было и остается общепринятой идеологией во всем мире. В различных культурах, в различных религиях формулировки могут быть разными, но основное правило остается одним и тем же: разделить человека, создать в нем конфликт, чтобы одна его часть начала чувствовать себя более возвышенной, стала святой, начала осуждать другую часть как грешную.

Но беда в том, что ты есть единое целое, нет способа разделить тебя.

Любое разделение будет создавать в тебе страдание, любое разделение будет означать, что одна половина твоего существа

борется с другой половиной. И если ты борешься с самим собой, то как ты можешь чувствовать себя легко?

Все человечество до сих пор живет шизофреническим способом. Каждого рассекают на куски, на фрагменты. Ваши религии, ваши философии, ваши идеологии не являются целительными процессами, они являются коренными причинами внутреннего конфликта и войны. Ты наносил раны самому себе. Твоя правая рука наносит раны левой руке, твоя левая рука наносит раны правой руке; обе твои руки покрыты ранами.

Запад в конце концов выбрал идти с зорбой. Не было другого способа остаться в здравом уме – одна часть должна быть полностью уничтожена, забыта. Запад отверг внутреннюю реальность человека, его сознание: человек есть лишь тело, нет никакой души, а единственная религия – это есть, пить и веселиться. Это было просто способом обрести хоть какой-то покой ума, выйти из конфликта, прийти к какому-то решению и заключению – ибо это означает признание того, что ты есть одно: только материя, только тело.

Восток выбрал другой путь, но основная проблема остается той же: Восток считает, что ты есть душа, а тело – иллюзия. Материи не существует, мир сотворен из того же, из чего сделаны сновидения, поэтому не стоит о нем беспокоиться. Отрекись от него, забудь о нем – на него не стоит обращать внимания.

На первый взгляд кажется, что Восток и Запад делают разные вещи, но, по сути, они поступают одинаково. По сути, они пытаются найти рациональный способ, как человеку быть единым. Ибо быть раздвоенным означает постоянную болезнь, конфликт – лучше отбросить саму идею об одной из половин.

Восток говорит, что тело иллюзорно, оно всего лишь видимость, тень, у него нет никакой реальности.

Запад говорит, что сознание – побочный продукт, оно не существует само по себе, оно является видимостью. Когда тело умирает, ничего не остается; тело есть все, а сознание, которое ты чувствуешь, является просто комбинацией всех элементов тела.

Например, если ты разберешь на части свой автомобиль или свои часы, неужели ты думаешь, что нечто вроде души будет высвобождено из часов? Кто заставлял часы идти? Только благодаря определенному сочетанию частей идут часы, двигается автомобиль, работают все машины; это следствие наличия всех этих частей. Собери все части снова вместе, и

часы начнут тикать – душа никуда не уходила, прежде всего потому, что никакой души и не было.

Что касается меня, то я вижу основную причину в том, что так или иначе выбирается одно и решается, что другое является иллюзорным, чтобы можно было обрести покой, чтобы не было нужды бороться, мучиться и пребывать в постоянном страхе потерпеть поражение.

Почему же Восток и Запад выбрали различные пути? Это тоже должно быть понято.

Восточный ум в поисках единой сущности попытался выяснить: что же такое это внутреннее сознание, о котором говорят восточные мистики, святые и мудрецы, называя при этом тело иллюзорным? Для нас тело кажется реальным, а сознание – это просто слово. Но поскольку на Востоке все святые настаивали на том, что это слово «сознание» и есть наша реальность, Восток попытался выяснить, что же такое эта реальность, прежде чем решить в пользу тела.

Естественной тенденцией будет решить в пользу тела, так как тело – вот оно, оно уже представляется реальным, – а сознание надо искать, надо отправиться во внутреннее паломничество.

Из-за таких людей, как Гаутама Будда и Махавира, Восток не мог отрицать, что эти люди были искренними. Их искренность была столь явной, их присутствие было столь впечатляющим, их слова были столь авторитетными... невозможно было отрицать это. Не хватало никаких аргументов, ибо эти люди сами были своим собственным аргументом, своим собственным подтверждением.

И они были такими спокойными и такими радостными, такими расслабленными, такими бесстрашными. У них было все, чего желает каждое человеческое существо... и в известном смысле у них не было ничего. Несомненно, они нашли внутри самих себя некий источник, сокровище. И нельзя просто отвергнуть это, уделив достаточно времени поиску. Пока ты не обнаружишь, что никакого сознания нет, ты не можешь просто отрицать его.

У нас были такие благоухающие люди – мы не могли видеть их розы, но было столько благоухания, что Восток попытался заглянуть внутрь и обнаружил, что душа гораздо более реальна. Тело – это просто видимость.

И, кстати, тут важно напомнить вам, что современная наука пришла к выводу, что материя иллюзорна, что материи не существует, она нам только представляется.

Ученые пришли к этому выводу совсем другим путем.

Направив свой поиск в глубь материи, они обнаружили, что по мере того, как они углубляются в материю, она становится все менее и менее субстанциальной. И в некой точке после атома вообще нет никакой материи: есть только электроны, которые являются частицами электричества, – а это не материя, а энергия.

Всего лишь сто лет назад Ницше заявил: «Бог умер», – совершенно не представляя себе, что через столетие вся наука согласится с тем, что Бог то, возможно, и жив, а вот *материя* умерла.

Восток двинулся внутрь и обнаружил, что тело, то есть материя, относительно несубстанциально. Конечная реальность принадлежит сознанию.

На Западе развитие происходило по-другому. И есть причины, почему это случилось именно так.

Восток древен. По меньшей мере, десять тысяч лет постоянного, последовательного поиска внутренней реальности человека – и все гении Востока целиком отдавали себя ему.

Когда на Востоке писались *Упанишады*, приблизительно пять тысяч лет назад, Запад вовсе не существовал как человеческое общество.

В Индии у нас есть Мохенджодро, Харрапур – города, которые существовали семь тысяч лет назад, с таким высоким развитием... там были улицы такие же широкие, как в Бомбее. В домах были спальни с пристроенными к ним туалетами.

Может возникнуть удивление, почему я говорю об этом: а потому, что всего лишь сто лет назад в Америке было судебное разбирательство по поводу туалетов, которое дошло до Верховного суда.

Первый человек, который пристроил туалет к своей спальне... Христианство было против этого, так как это грязно – устраивать туалет рядом со спальней. Это не по-христиански; чистота – рядом с Богом. И вот, пожалуйста, туалет рядом со спальней!

Всего лишь сто лет назад... и Верховный суд должен был принять решение, что в этом нет ничего нечистого, и если кто-то хочет иметь туалет рядом со спальней, это его личное дело и не имеет никакого отношения к религии.

Но церковь боролась с этим.

А жители Харрапура, семь тысяч лет назад, имели туалеты рядом со спальнями, у них были ванны, и у них была особая система для циркуляции воды в городе. Холодная и

горячая вода в ванной комиате – это нечто новое, но и это уже было в Харрапуре и Моханджодро. У них были плавательные бассейны. Должио быть, это было общество с очень высокой культурой.

Даже во времена Гаутамы Будды, всего лишь две с половиной тысячи лет иазад, Запад ие был очень-то развит. И это можио видеть. Мы ие распяли Гаутаму Будду, а Запад пятьсот лет спустя распял Иисуса Христа.

А то, что говорил Инсус, не шло ни в какое сравнение с тем, что говорил Гаутама Будда. Гаутама Будда говорил, что иет иикакого Бога: тем не менее, никто и не подумал о том, чтобы распять его. Иисус Христос иичего ие говорил против иудаизма; иаоборот, он просто говорил, что он – ожидаемый ими пророк. И он повторял все, что было написано в Ветхом Завете – ои ие говорил иичего, что противоречило бы старой религии. А Гаутама Будда опровергал все в индуизме – он сказал, что *Веды* – это идиотизм; он сказал, что нет ннкакого Бога; он сказал, что все жрецы – самые хитрые люди в мире. А в Индии жрецы, брамины, являются высшей кастой. Но ннкто и не подумал о том, чтобы распять его.

Люди вызывали его на дискуссии, люди спорилн, и поскольку онн не могли победнть его в споре... Они не могли победить его. Когда они оказывались перед ним, они были достаточно искреиинмн, чтобы осознать и признать, что он знает иечто большее, что их зиаиие было всего лишь киижным, а его знаиие было подлинным переживанием.

Развитие Запада является детским по сравнению с развитием Востока. Оио иачалось в Греции.

Но даже такой человек, как Сократ, который не отрицал н не утверждал существованне Бога, был отравлен. Он просто говорил: «Я еще ие убедился на опыте, поэтому я не могу говорить о том, чего не знаю, – я не могу сказать, существует Бог или нет. И я бы хотел, чтобы каждый был искренним в этом вопросе. Пока вы не узнаете по опыту, не говорите "да", ие говорите "нет", оставайтесь агностикамн, попридержнте ваши окоичательные выводы».

Очень разумный человек, но н его отравили. Он не отрицал традицию, ои не отрицал прошлое, он ничего не отрицал – ои просто высказывался за более рациональный подход, более логичный подход. Это ие преступленне. И вот награда, которую он получил: его отравили; общество решило, что ои – опасный человек.

Тех людей, которые могли бы направить западное общес-

тво к внутренней реальности, распинали или отравляли. Естественно, талантливые люди стали опасаться даже разговоров о внутренних вещах, о таинствах. Они стали говорить только об объективных вещах, о материи, так как материю нельзя отрицать. И нет никаких проблем с тем, чтобы углубиться в исследование материи.

Распятие Иисуса и смерть Сократа закрыли перед западным гением дверь для движения внутрь. Всякий, кто обладал какой-то разумностью, стал осознавать, что это просто игра со смертью, лучше уж использовать свои таланты и гений таким образом, чтобы общество не могло осудить это.

Поэтому весь гений западного общества стал служить созданию все больших удобств для тела – больше технологии, больше машин, больше знаний о материи – и все были счастливы.

Но если даже в этих вопросах возникало нечто, что противоречило религии, церковь была начеку и сразу же старалась пресечь это.

Например, когда Галилей написал, что Солнце не вращается вокруг Земли, как это кажется, а в действительности Земля вращается вокруг Солнца, что вовсе не кажется очевидным, папа римский вызвал его на свой суд – Галилею было тогда семьдесят пять лет, он был стар, болен и стоял почти на краю могилы – и сказал: «Ты должен переделать свою книгу, ибо она противоречит *Библии*. В *Библии* утверждается, что Солнце вращается вокруг Земли, и мы не собираемся выслушивать какие-либо аргументы. Ты просто переделаешь свою книгу, в противном случае твоим наказанием будет смерть».

Такая идиотская церковь, которая даже не готова выслушивать какие-либо аргументы, которая умеет только повелевать: «Поступай так или приготовься к смерти!»

У Галилея, должно быть, было большое чувство юмора. Он сказал: «Вам нет нужды причинять себе такое беспокойство, чтобы убить меня. Я и так скоро умру. Что же касается моей книги, то я переделаю ее, но я хочу, чтобы вы запомнили, что, оттого что я переделаю мою книгу, Солнце и Земля не изменятся. Земля будет по-прежнему вращаться вокруг Солнца, так как Солнце и Земля не читают мои книги и им нет дела до того, что я пишу».

Итак, он вычеркнул это утверждение из своей книги. А в примечании он написал: «Я вычеркиваю это утверждение, прекрасно зная, что это не имеет никакого значения. Реальность остается той же самой».

Когда Коперник обнаружил, что Земля не плоская, как говорится в *Библии*, а круглая, у него тут же начались неприятности.

Сейчас эти вопросы не имеют никакого отношения к религии. Какое религии дело до того, круглая Земля или плоская? Она может иметь любую геометрическую форму – религия не имеет к этому никакого отношения.

Но христианство, ислам – это весьма примитивные религии. У них нет того культурного, изощренного подхода, какой есть у индуизма, джайнизма, буддизма, даосизма. Они не умеют аргументировать, они умеют только сражаться. Их единственный аргумент – меч; на острие меча должно быть решено, кто прав.

Именно церковь, как это ни странно, воспрепятствовала Западу двигаться в направлении внутреннего поиска. Она заставила Запад обратиться к материи.

Внутреннее было абсолютной монополией церкви, и она решала все вопросы, связанные с ним: не было никакой нужды в исследованиях, не было никакой нужды в открытиях, не было никакой нужды в медитации. От вас требовалось только одно: верить в Бога. Но если вы могли заниматься чем-то, связанным с материей, то никаких проблем не возникало, пока это не входило в противоречие с *Библией*.

Коперник сказал папе римскому: «Это же пустячное дело, и у меня есть все доказательства того, что Земля является круглой. Это работа всей моей жизни, и она не затрагивает вашу религиозность».

Папа римский сказал: «Ты не понимаешь. Дело не в том, затрагивает это нашу религиозность или нет; дело в том, что *Библия* – Божья книга, Священная книга. Если будет доказано, что одно утверждение в *Библии* является неверным, то из этого могут быть сделаны далеко идущие выводы: прежде всего, то, что Бог может ошибаться. Мы не можем принять это».

Они не могут принять даже то, что папа римский может ошибаться, что же говорить о Боге? Папа римский является далеким представителем. Иисус представляет Бога, а папа римский представляет Иисуса – и не непосредственно, а через сотни пап, которые умерли до него. Через них он связан с Иисусом, а Иисус имеет прямую телефонную связь с Богом. Только одно утверждение, противоречащее *Библии*, если доказана его справедливость, лишает Бога непогрешимости. А это не может быть принято – это одно.

Во-вторых, если доказано, что одно утверждение в *Биб-*

лии является неверным, где гарантия в отношении других утверждений? Это порождает подозрение. Это разрушает саму основу веры – «Поэтому мы не можем признать, что в *Библии* что-то может быть неверным. Ты можешь делать все, что не противоречит Библии».

Естественно, остается только материя. Вы можете проводить исследования в области физики, химии, биологии, зоологии, геологии. Вы можете всем этим заниматься, вы свободны.

Церковь стала Великой китайской стеной, препятствующей людям двигаться внутрь.

Это выглядит странно, но это факт: христианская церковь оказалась величайшим врагом религии на всей земле. Другие культы тоже оказались ее врагами, но не такими сильными.

Гению оставалось работать только с материей.

На Востоке же гений в первую очередь отдавал предпочтение внутреннему путешествию. Только второсортные, посредственные люди работали ради внешнего, материальных вещей; подлинный разум всегда двигался в медитативность.

Мало-помалу расстояние становилось все большим. Запад становился материалистическим – и вся ответственность ложится на христианскую церковь, – а Восток становился все более и более спиритуалистическим. Это разделение, расщепление, которое было создано в каждом человеке, стало расщеплением в более крупном масштабе: на Восток и Запад.

Один великий поэт написал: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». А этот человек, лорд Киплинг, очень интересовался Востоком. Он много лет прожил в Индии, он был на правительственной службе.

Но видя это различие... что все восточное сознание движется внутрь, а западное сознание движется наружу – как им сойтись?

Вся моя работа состоит как раз в том, чтобы доказать, что лорд Киплинг неправ.

Я бы сказал: «И Запад не Запад, и Восток не Восток, вместе они уже сошлись».

Что вы подразумеваете под «Востоком»? В Бомбее Калькутта является востоком, в Калькутте Бомбей является западом. Это все вздор, эти слова относительны. Нельзя сказать, что определенное место является востоком и определенное место является западом; это все относительно. Для жителей Калькутты востоком является Токио – и именно так думают японцы. Они называют свою страну «страной восходящего солнца», а своего императора они называют «единственным

сыном бога солнца». Истинный бог – это бог солнца, а Хирохито, император Японии, является его единственным сыном.

На самом деле, когда японцы потерпели поражение во второй мировой войне, они не могли поверить в это. Тысячи солдат покончили с собой только из-за позора: «Как могло случиться, что сын Бога потерпел поражение? Теперь нет смысла жить, все пошло прахом».

Они верят, что они и есть настоящий Восток.

Никто не является Востоком, и никто не является Западом.

Но эти позиции можно понять, они просто бросаются в глаза. И весь мой подход заключается в том, чтобы навести мост в каждом индивиде и сделать его единым целым.

Не будь против своего тела; это твой дом.

Не будь против своего сознания, ибо без сознания твой дом может быть весьма разукрашенным, но в нем не будет хозяина, он будет пустым. Вместе же они создают красоту, более полную жизнь.

Символически, я выбрал имя Зорба для тела и Будда – для души.

Твой вопрос сводится к тому, что когда я был в Греции, я говорил больше о Зорбе, а здесь в Индии атмосфера кажется более близкой к Будде. Твое наблюдение верно.

В Греции я говорил о Зорбе. Тем не менее, меня депортировали. Если бы я говорил о Будде, ты бы никогда больше меня не увидел!

Я говорил о Зорбе, ибо это – основа. Но я разъяснил, что один только Зорба – это всего лишь основание дома, но не сам дом.

В Индии я говорю о Будде, но я не забываю о Зорбе.

Каждое высказывание, которое я делаю, будь оно о Зорбе или о Будде, автоматически подразумевает другого из них, ибо для меня они неразделимы. Это только вопрос выделения. Чтобы быть понятым греческому уму, я выделял Зорбу.

Посол Шри Ланки в Америке написал мне письмо, в котором он говорил: «Ваши последователи во всем мире открывают рестораны, дискотеки и называют их "Зорба-Будда". Это весьма оскорбительно для Будды. И если вы сделаете такую вещь в такой стране, как Шри-Ланка, это может привести к насилию. Я советую вам отказаться от этого имени».

Я сказал моему секретарю написать ему следующее: «Прежде всего, никто не обладает монополией на Зорбу или на

Будду. Во-вторых, мы ие имеем отиошения к Гаутаме Будде; «будда» – это не личное имя, а качество. Это слово означает «пробужденный». Каждого, кто пробудился, можно иазывать «буддой». Гаутама Будда – это только одии из миллионов будд, которые уже приходили и еще будут приходить. И вы не можете помешать Зорбе стать буддой. На самом деле, вам следовало бы помогать мие превращать зорб в будд, ибо это едииствеииая настоящая революция – материалист, зорба, который иичего не знает о высшем сознаиии, становится буддой».

Ои так и не ответил.

Зорба имеет свою собствеиную красоту. И греческий остров, иа котором я жил, – это место, где родился Казаидзакис, писатель, который создал роман «Грек Зорба»... Зорба – это вымышленное имя, зто ие историческая личиость. Но остров, на котором я жил, – это остров, на котором родился Казандзакис.

А Казандзакис – один из лучших романистов этого столетия, и он ужасно пострадал от рук церкви. В конце коицов, когда он иаписал «Грека Зорбу», ои был отлучеи от церкви. Его принуждали: «Отрекись от своей кииги "Грек Зорба", ииаче ты будешь отлучен от церкви». Поскольку он не отрекся от этой книги, он был отлучен от христиаиства н осужден на муки в аду.

На самом деле Зорба – это собствеиная индивндуальность Казандзакиса, которую подавило христиаиство, которой он не мог жить, которой он хотел жить. В Зорбе он выразил всю непрожитую часть своей жизни.

Зорба – прекрасный человек: он ие боится ада, ие алчет рая, живет от мгновеиия к мгновению, наслаждается малымн вещами... еда, вино, женщины. После трудового дня он берет свой музыкальный нниструмент и часами танцует на пляже.

А другая часть Казандзакиса, которой он жил в «Греке Зорбе»... Зорба – слуга. Другая часть – хозяин, который нанял Зорбу в слуги. Ои всегда печален, сидит в своей конторе, корпит иад своими бумагами, никогда не смеется, никогда ие иаслаждается, никуда не ходит и всегда глубоко внутри завидует Зорбе, так как тот зарабатывает мало, ио живет как император, не думая о завтрашнем дне, о том, что случится. Он с удовольствием ест, с удовольствием пьет, с удовольствием поет, с удовольствием танцует. А его хозяин, который очеиь богат, лишь сидит себе в печали, напряжении, тоске и страдании.

Однажды Зорба говорит своему хозяину, который является самим Казандзакисом: «Хозяин, только одно с тобой неладно: ты слишком много думаешь. Пошли со мной». То была ночь полнолуния.

Казандзакис сопротивлялся: «Нет, нет. Что ты делаешь?»

Но Зорба вытащил его на пляж и начал танцевать, играя на своем музыкальном инструменте.

И он сказал Казандзакису: «Попробуй. Прыгай! Если ты не умеешь танцевать, делай что-нибудь». И под воздействием энергии Зорбы и его вибрации Казандзакис тоже начал танцевать. Впервые в жизни он почувствовал, что он живой.

Зорба – это непрожитая часть каждого так называемого религиозного человека.

И почему церковь была так против «Грека Зорбы», когда эта книга была издана? Это был всего лишь роман, церкви нечего было беспокоиться о нем. Но было так ясно, что это книга о непрожитом христианине в каждом христианине, эта книга могла быть опасной. И это действительно опасная книга.

Но Зорба потрясающе прекрасен. Казандзакис посылает его купить кое-что в городе, а он обо всем забывает. Он пьянствует, таскается по проституткам и наслаждается, и время от времени он вспоминает, что, кажется, прошло много дней, но у него все еще есть деньги. Пока все деньги не потрачены, как может он вернуться? Хозяин будет сильно гневаться, но тут уж ничего не поделаешь – это его проблема.

И через три недели он возвращается, – а уезжал он всего лишь на три дня, – и не привозит ничего из того, за чем его посылали. Он приезжает со всеми своими историями: «Что за поездка это была! Тебе следовало бы поехать со мной. Я нашел таких красивых девок... и такое хорошее вино!»

А хозяин сказал: «Но как же с покупками? Три недели я сижу здесь, кипя от негодования».

Зорба ответил: «Когда доступно так много прекрасных вещей, кто беспокоится о таких пустяках? Ты можешь каждую неделю делать вычет из моего жалования и постепенно вернуть свои деньги. Мне жаль, что я не смог вернуться раньше. И ты должен быть доволен, что я вернулся, – поскольку все деньги вышли, мне пришлось возвращаться. Но в следующий раз, когда я поеду, я вернусь с покупками».

Хозяин сказал; «Ты никогда больше не поедешь. Я пошлю кого-нибудь другого».

Вся жизнь Зорбы – это жизнь простого физического

наслаждеиия, ио без всякого беспокойства, без всякого чувства виiы, без всякой озабочениости грехом и добродетелью...

Я бы хотел, чтобы этот человек Зорба был жив в каждом, ибо это ваше природиое иаследне. Но ие иадо останавливаться иа Зорбе.

Зорба – это только начало.

Раио или поздно, если вы допустите полиое выражение вашего Зорбы, вы обязательно станете думать о чем-то лучшем, более высоком, более великом.

Это придет не из мышления; это придет из ваших переживаиий – ибо эти мелкне пережнваиия станут скучными.

Сам Будда стал Буддой потому, что жил жизиью зорбы. Восток ие обратил внимаиия на это обстоятельство – двадцать девять лет Будда жил так, как никакому Зорбе и ие снилось. Зорба был так беден.

Отец Гаутамы Будды распорядился так, чтобы во всем царстве отбирались все прекрасные девушки для ублажения Будды. Для разиых времен года ои приказал построить три прекрасиых дворца в трех разиых местах. По его приказу были созданы прекрасные сады и озера. Вся жизнь Будды была просто роскошью, чистой роскошью. Но ему стало скучно.

Одио из самых значительных переживаний, с которым ои столкиулся, случилось тогда, когда как-то вечером перед ним таицевали прекрасиые девушкн... он пил вино, они пили виио, а затем, опьянев, все засиули. Посреди иочи ои проснулся и посмотрел вокруг, н он был поражен; и этот шок был одной из поворотиых точек в его жизнн. Какая-то девушка храпела... оиа выглядела так отвратительно, с уголка ее рта стекала слюиа... у кого-то еще текло нз носа. И ои сказал: «Бог мой! Так вот она красота!»

Он был готов. На следующее утро он отослал всех девушек из дворца: «Я не хочу больше видеть никаких девушек. Чего достаточно, того достаточно». Фактически, это было более, чем достаточно. За двадцать девять лет он прожил столько, сколько обычиому человеку ие прожить и за четыре нли пять жизней. Посреди всей этой роскоши он вскоре обнаружил, что ему скучно, и в его уме гвоздем засел вопрос: «И это все? Тогда ради чего мне жить завтра? Жизнь должна означать нечто большее, ииаче она бессмысленна».

Имениo из зорбы начался поиск Будды.

Не каждый становнтся буддой; и основная причиииа в том, что зорба остается непрожитым.

Ты улавливаешь мой аргумент? Мой аргумент таков:

живи Зорбой в полной мере, и ты естественным образом войдешь в жизнь будды.

Казандзакис написал «Грека Зорбу». Он умер. Если бы ему позволили пожить подольше... Он был болен, он был очень напряженным, он оставался очень несчастным, так как он всегда боялся греха. И затем он был отлучен от христианской церкви, – а это означает осуждение на муки в аду; только христиане могут попасть в рай... и это был такой удар, который он не смог пережить. На самом деле, этим отлучением христианская церковь убила его.

Если бы он был жив, я бы сказал ему: «Ваша книга – это только одна половина. Вам надо написать другую книгу, "Зорба-Будда". Тогда это будет завершенный феномен. Но написать другую книгу вы можете только в том случае, если будете жить своим зорбой. Вы даже не жили зорбой, как же вы можете жить буддой?»

Наслаждайся своим телом, наслаждайся своим физическим существованием. В этом нет никакого греха. За этим скрыт твой духовный рост, твое духовное блаженство.

Когда ты устанешь от физических удовольствий, только тогда ты задашь вопрос: «Есть ли еще что-нибудь?»

Этот вопрос не может быть только интеллектуальным, он должен быть экзистенциальным: «Есть ли еще что-то?» И когда этот вопрос будет экзистенциальным, ты обнаружишь внутри себя нечто еще.

Там много чего будет. Зорба – это только начало.

Как только будда, пробужденная душа, овладеет тобой, ты познаешь, что удовольствие не было даже тенью. Будет столько блаженства... Это блаженство не против удовольствия. Фактически, именно удовольствие приведет тебя к блаженству.

Между Зорбой и Буддой нет борьбы. Зорба – это стрела; если ты правильно последуешь за ней, ты достигнешь Будды.

Безусловно, в Греции атмосфера иная, чем в Индии. Греческая личность осталась материалистической.

В Индии основная атмосфера – это атмосфера пробужденной души.

Даже если ты продолжаешь спать, это не имеет значения, ведь вокруг тебя атмосфера восхода солнца. Поют птицы, распускаются цветы, и отовсюду поступают указания, что пора просыпаться.

Я поеду в Грецию снова, так как я наслаждался всеми этими депортациями. И в следующий раз мне придется гово-

рить о Будде – ведь я там говорил только о Зорбе, а я никогда ничего не оставляю незавершенным.

И министр внутренних дел Греции уже пригласил меня: «Мы все устроим, приезжайте».

Я ответил: «Я приеду, но по крайней мере в течение трех недель не депортируйте меня», – так как ни одна страна, кажется, не в состоянии терпеть меня более трех недель. И есть страны настолько идиотские, что они не могут потерпеть меня даже тридцать шесть часов.

Англия оказалась наихудшей. Мне не дали и шести часов поспать в аэропорту – я даже не был на территории страны, а оставался в аэропорту, в комнате для отдыха. Но и там мне не позволили поспать хотя бы шесть часов.

Я спросил: «Какие у вас основания?»

Служащий аэропорта ответил: «У нас нет никаких оснований. Вот бумага, информация от премьер-министра, в которой говорится: "Этот человек опасен, его нельзя впускать в страну"».

Но я сказал: «Я не собираюсь въезжать в Англию, из этой комнаты для отдыха нет возможности попасть в Англию. И вы хорошо меня проверили – у меня нет с собой никаких бомб и всякого такого. И если я посплю часов шесть в аэропорту, какую опасность я буду представлять? Вы только подумайте...»

Он сказал: «Не втягивайте меня в неприятности, так как завтра этот вопрос будет обсуждаться в парламенте, и тогда мне придется отвечать за вас».

Так что мне пришлось на шесть часов отправиться в тюрьму. Мне сказали: «Единственное место, где мы можем позволить вам оставаться, – это тюрьма».

А на следующий день этот вопрос обсуждался в парламенте, и я всегда удивляюсь, когда поднимается этот вопрос и дается один и тот же ответ: «Этот человек очень опасен», – но ни у кого в парламенте не хватает ума спросить: «Какая опасность в том, что он просто поспит в аэропорту? Может быть, он и опасен, но какую опасность он представляет, спящим в аэропорту?» Никто в парламенте не задал такой вопрос.

Итак, я сообщил греческому министру, что приеду. Я должен поехать туда.

На самом деле, я думал остаться там еще на некоторое время, и моя виза позволяла мне оставаться в Греции еще пятнадцать дней, но архиепископ Греции пригрозил правительству, что если меня немедленно не депортируют, они

сожгут дом, в котором я остановился, сожгут заживо меня и всех, кто был со мной, подорвут дом динамитом.

И правительство перепугалось, оии подумали: «Может возникнуть проблема, лучше немедлеиио выслать этого человека».

Я спал, когда меня пришли арестовывать. Обычно людей не арестовывают, когда оии спят.

И у иих ие было никаких осиоваиий, так как я пятнадцать дней не выходил из дома. Я сказал: «Вы должны представить какие-то основания, почему вы депортируете меня».

Они сказали: «У иас иет иикаких осиоваиий, только приказы сверху». И все эти приказы были основаиы иа угрозе архиепископа.

Это был тот самый архнепископ, который отлучил Казаидзакиса от церкви.

И эти люди живут, как бы отстав от времени. Они не наши современники.

Ведь в тот деиь, когда меня депортировалн с того острова, жители острова, которые ие имели никакого представления обо мие, они слышали только слухн... Но когда они узиали об угрозе архиепископа, им всем стало стыдно. И онн спросили меня: «Мы бедные люди, чем мы можем помочь?»

Я сказал: «Отправляйтесь все в аэропорт, чтобы показать архиепископу, сколько людей с иим и сколько со мной – хотя я пробыл здесь только пятиадцать дней, а они здесь находятся вот уже две тысячи лет». И в церкви с архиепископом было только шесть старух, а в аэропорту было три тысячи человек, весь остров.

Тем не менее, оии не понимают, что они больше не нужны, что их время кончилось. И они говорят о том, что надо любить врага своего и надо любить соседа своего, что Бог есть любовь, – а сами пригрозили человеку, который иичего не сделал, что сожгут его заживо, со всеми его друзьями. А в том большом особняке иаходилось по меиьшей мере двадцать пять человек.

Это показывает, что так или иначе западный ум ие рос по направлению к духовности, любви, иенасилию. Весь их подход материалнстичеи.

Через две тысячи лет после распятия Иисуса этот человек угрожает мне – представитель Иисуса Христа в Греции угрожает мне, – что он сожжет меия заживо. Представляет он Иисуса Христа или тех раввинов, которые распяли Иисуса Христа?

Ум западного священника был препятствием на пути Запада к медитации. Но пришло странное время революции – по крайней мере для нового поколения, так как новое поколение не с этими старыми священниками и этими старыми церквами.

И новое поколение Запада смотрит на Восток. Это великая надежда.

Это Зорба, ищущий Гаутаму Будду.

Возлюбленный Бхагаван,

мысли о смерти стали частыми гостями во время моего ученичества. Как может ученик умереть в присутствии учителя, особенно когда физически учитель находится далеко?

Бхагаван, является ли Махакашьяпа единственным ответом?

Вопрос не в том, находишься ты в присутствии учителя или нет, а в том, полон ли ты любовью и доверием к учителю или нет.

Физическая близость ничего не значит. Значение имеет только духовная близость.

Достаточно твоей любви, твоего доверия. Ты можешь быть на луне, и учитель будет рядом с тобой – в действительности учитель будет внутри тебя, – так как по мере углубления твоей любви нечто от учителя, его энергия, начнет переходить в тебя и растворяться в тебе.

Боязнь физического расстояния – это боязнь отсутствия любви и доверия.

Махакашьяпа не является единственным ответом. Каждый должен быть ответом самому себе.

Махакашьяпа оставался рядом с Буддой, и после смерти Будды он умер; он не смог продолжать жить отдельно от него.

Но в этом уникальность Махакашьяпы. Это не единственный ответ.

Я расскажу тебе несколько других историй о Будде, чтобы ты мог понять.

Ананда прожил рядом с Буддой сорок два года. Никто другой не жил рядом с Буддой так долго, никому не было позволено оставаться с ним так долго. Но была одна проблема. Ананда был двоюродным братом Будды и был старше Будды, а по восточной традиции... Перед тем как принять посвящение, Ананда, как старший брат, сказал Гаутаме Будде: «Сид-

дхарта, – так Будду звали в семье, – выслушай меня: «После посвящения я должен буду исполнять все, что ты скажешь. Я буду твоим учеииком, ты будешь моим учителем. Сейчас же я твой старший брат, а ты мой младший брат; ты должен исполнять все, что я говорю. Ты должен запомнить три вещи – ие забывай о них, когда я стану учеником». Это прекрасная история.

Будда спросил: «Что это за три вещи?»

Ананда сказал: «Во-первых, я всегда буду жить вместе с тобой, ты никуда не отошлешь меня для распространения твоего учения. Во-вторых, если я захочу, чтобы ты принял кого-то – даже посреди ночи – ты не скажешь "нет", это будет моей личной привилегией. И, в-третьих, я буду спать в той же комнате, где будешь спать ты. Даже во время сна мы должны быть вместе».

Будда дал обещание, и эти условия соблюдались на протяжении сорока двух лет.

Но Ананда не стал просветленным. Можно понять его боль и отчаяние – люди, которые пришли гораздо позже, чем он, становились просветленными, а он оставался в своем невежестве точно таким же, каким был раньше.

В тот день, когда умер Будда, он сказал: «Что случится со мной? Я не смог стать просветленным, хотя я был с тобой сорок два года, изо дня в день, двадцать четыре часа в сутки. Без тебя я не вижу никакой надежды».

Будда сказал: «Ты не понимаешь динамики жизни. Возможно, ты станешь просветленным только тогда, когда я уйду; я и есть препятствие. Ты принимаешь меня как нечто само собой разумеющееся. В тот день, когда ты поставил три своих условия, я подумал, что эти условия будут для тебя препятствием. Даже сейчас ты не можешь забыть о том, что ты мой старший брат. Ты не можешь забыть о том, что имеешь определенную привилегию перед другими. Ты не можешь забыть о том, что я согласился на эти три условия только для тебя и ни для кого больше. Возможно, моя смерть поможет тебе».

Будда умер. И через двадцать четыре часа было созвано великое собрание всех просветленных учеников, чтобы записать все, что Будда когда-либо говорил за эти сорок два года. Но проблема была в том, что никто не был с ним непрерывно в течение сорока двух лет, за исключением Ананды, – а он не мог быть допущен на собрание, так как он не был просветленным. Невежественный человек, непросветленный – на его

слова нельзя было положиться: он мог что-то вообразить, он мог что-то забыть, он мог привнести свое собственное толкование. Дело было трудное.

И сцена действительно трагическая. Собрание происходит в большом зале, а Ананда сидит снаружи на ступеньках и плачет, ведь он жил рядом с Буддой сорок два года и он знает больше, чем кто-либо другой. Он помнит каждый отдельный момент, но он непросветлен.

Когда он сидел на ступеньках и плакал, с ним что-то произошло. За всю свою жизнь он никогда не плакал. С появлением слез исчезло его эго; он стал подобным ребенку.

Они открыли дверь, чтобы посмотреть, сидит ли еще Ананда на ступеньках, – так как они сказали ему: «Сиди здесь. Если нам понадобится от тебя какое-то подтверждение, мы у тебя спросим, но тебе нельзя присоединиться к собранию».

Они увидели преображенное существо. Старый Ананда, старый эгоист исчез. Невинное существо со слезами радости на глазах… и они все могли видеть окружающий его свет.

Они пригласили его: «Входи. Теперь нам нет нужды беспокоиться. Но это странно… ты не смог стать просветленным за сорок два года и вот всего лишь через двадцать четыре часа ты достиг этого состояния», – и это постоянно подчеркивалось Гаутамой Буддой.

Ананда сказал: «То была моя вина. Его смерть стала смертью моего эго».

Все существующие писания записаны со слов Ананды. Были же другие просветленные ученики, которые не умерли вместе с Гаутамой Буддой. Их спрашивали – когда умер Махакашьяпа, это стало очень важным вопросом – у других просветленных учеников спрашивали: «Если Махакашьяпа умер, почему вы живете?»

Один из учеников, Моггальяна, сказал: «Теперь я должен жить ради откровения моего учителя. Я больше не живу – я умер вместе с ним; теперь он живет во мне. То был один путь, путь Махакашьяпы – раствориться в Гаутаме Будде. Это другой путь. Я тоже растворился, но смерть никому не поможет. А в мире столько слепых людей, которым нужны глаза; столько людей во тьме, которым нужен свет. Я буду жить. Я буду жить, пока это будет возможно; я буду жить ради Будды».

Итак, дело тут не в том, что путь одного человека является определяющим. Каждый человек должен быть по-своему уникальным. Кто-то умирает ради учителя, кто-то живет ради

учителя, и нельзя сказать, кто из них более велик, – возможно, никакое сравнение не будет правильным. Каждый из них является самим собой.

Помни только об одном – о твоей любви.

Тогда, где бы ты ни был, пространство и расстояние в пространстве не имеет значения. И при определенной глубине даже время не имеет значения.

А когда время и пространство оказываются несущественными, тогда ты действительно коснулся ног учителя.

Тогда, что бы ни происходило с тобой – жизнь ради его откровения или смерть, все что приходит естественно и спонтанно, – пусть случается.

Беседа 8

БЕЗРАЗЛИЧИЕ К УМУ ЕСТЬ МЕДИТАЦИЯ

10 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

мне часто хотелось задавать Вам вопросы, но, выждав какое-то время, я всегда обнаруживал, что Вы ответили на мои вопросы. И в то же время я обнаруживал, что все эти вопросы были просто дурацкими вопросами, исходившими из моего ума, без всякой связи с моим сердцем. Мое сердце хочет только плакать, а мой ум хочет только разузнавать, несмотря на любой ответ.

Не могли бы Вы прокомментировать то, как относиться к постоянно вопрошающему уму, который в любом случае не заинтересован ни в каком ответе? Или я просто греческий осел?

Ученнк, который умеет ждать, в должиый момент обнаружнт, что на все его вопросы получеи ответ.

Но умение ждать – это великое качество: это глубокое терпенне, это великое доверне.

Ум не умеет ждать, он всегда в спешке. Он иичего не знает о терпеинн, поэтому ои продолжает нагромождать вопросы на вопросы, не получая ответа.

Здесь требуется очень тонкое понимание: важен не ответ, а правильиый выбор времеии, твоя готовность воспринять ответ, ииаче ои просто не дойдет до твоего сознаиия. Нетерпеливый ум слишком занят расспрашиванием. Он забывает о том, что расспрашнваиие само по себе является бессмыслеииой деятельностью – подлинной цениостью является ответ, ио для ответа тебе нужна определенная тишина, покой, открытость, восприимчивость. Ум ие способен обладать этими качествами; поэтому на протяжении тысячелетий ум все спрашивает и спрашивает, но не находит ответа.

В мире ума есть только вопросы.

А в мире сердца есть только ответ, ибо сердце умеет не спрашивать, оно умеет ждать: пусть весна приходит сама по себе; жди, подобио жаждущей земле... дождевые облака придут, они всегда приходили. Нет нужды сомневаться, ибо нет ни единого нсключения, когда бы доверие подвело, когда бы ожидание не оправдалось, когда бы терпение не было вознаграждено сторнцей.

Работа сердца и работа ума совершенно различны; не только различны, но диаметрально противоположны. Ум создает философии, теологии, идеологии – все это вопросы, на которые нет никакого ответа. Сердце же просто ждет. И в надлежащий момент ответ расцветает сам по себе.

У сердца нет никакого вопроса, и, тем не менее, оно получает ответ.

У ума есть тысяча и один вопрос, и, тем не менее, он никогда не получает никакого ответа, ибо он не умеет воспринимать.

Твой ум полон вопросов, тем не менее ты стал замечать, что мало-помалу получаешь на них ответ. Это должно создать в тебе новое видение, новое доверие. Открывается новое измерение: тебе надо только ждать, быть бдительным и бодрствующим, и, если ответ нужен, он придет к тебе.

Ты также видишь, что большинство вопросов, которыми наполнен ум, являются дурацкими.

Они такие и есть – не большинство из них, а все они являются дурацкими по той простой причине, что ум не проходит через дисциплину восприимчивого вопрошания. Он больше озабочен вопросами. Даже в то время, как дается ответ, ум уже перешел к другому вопросу. Быть может, выслушивая ответ, он уже создал из самого этого ответа еще десять вопросов.

Вопросы появляются в уме, как листья на деревьях. И мало-помалу они становятся все более и более дурацкими – ведь очень трудно найти много значительных вопросов, а ум не удовлетворяется малым количеством вопросов. Он жаден. Он хочет спросить обо всем, он хочет знать все, не будучи при этом готовым понять что-либо.

Значительных вопросов мало.

И есть только один действительно фундаментальный вопрос.

Но это малое количество не удовлетворяет алчность ума.

Ты удивишься, узнав, что английское слово «greed» (алчность, жадность) происходит от весьма странного санскритского слова – и если ты хочешь увидеть тех людей, в среде которых возникло это слово, то в Бомбее их полно. По-санскритски «гриф» – «гиддха», а от «гиддха» происходит «greed». А в Бомбее самое большое количество грифов во всем мире, так как в Бомбее живет самое большое количество парсов. Есть определенная связь между парсами и грифами.

У парсов весьма страиный обычай разделываться со своимн покойииками: оии ие сжигают их, как индуисты, буддисты и джайны, они ие закапывают их в землю, как христиане, мусульмане н иудеи. У них есть свой собствеиный уникальиый способ, н у иих есть для него определенное разумное объяснение.

На их кладбище... а в Бомбее оно самое большое, так как в Бомбее живет самая большая общииа парсов... На их кладбище есть большой колодец.

Сверху колодец забраи железными прутьями. На эти железиые прутья укладывается мертвое тело, а между прутьями есть промежутки. Вокруг растут большие старые деревья, а иа иих сидят тысячи грифов, ожидая смерти какого-иибудь бедняги-парса – грифам пища нужиа каждый день. Парсы поставляют пищу. Мертвое тело парса укладывается на эти прутья сверху колодца, и грифы поедают все, что съедобно. А все, что оказывается иесъедобным – кости и прочее – проваливается в колодец через промежутки между прутьями.

На первый взгляд это выглядит очеиь странно: «Что вы делаете?» Но у парсов есть свое разумное объясиение. В этом мире у каждого имеются разумные осиоваиия для любого предрассудка. Они говорят: «Поскольку мы все поедали, теперь иаш долг – быть съедеииыми». Прекрасиая логика; всю свою жизнь ты ел. Если ты мясоед, ты поедал животных. Если ты вегетариаиец, тогда ты ел овощи, а это тоже жизнь. Всю свою жизнь ты ел, и вполне естествеино для тебя, позволив себя съесть, стать частью того же круга. По миению парсов, это самая естественная вещь.

И я думаю, что люди, которые верят в природу, поддержат их идею: ведь сжечь тело – зиачит уиичтожить пищу, без нужды убить иесколько грифов или заставить их голодать.

В ннлуистской деревне грифов иет. Что им там делать? Самое большее, время от времеии сдохнет корова или буйвол, которых можно съесть.

Сейчас во всем мире среди интеллектуалов широко распространеио движеиие за то, чтобы нам иигде не нарушать природных циклов. Всю свою жизнь мы ели – теперь пришло время и иам быть съедениыми. Мертвому все равно, зачем же без иужды уничтожать хорошую пищу для грифов? Приезжайте сюда в Бомбей, вы увндите прекрасную сцену – вы не увндите такого иигде в мире – такое множество собравшихся вместе грифов, которые ждут смерти бедных парсов и молятся

Богу: «Прикончи кого-нибудь сегодня!» И, кажется, Бог прислушивается к грифам; обязательно притащат какого-нибудь перса.

Английское слово «greed» происходит от того же корня, от которого происходит и санскритское «гиддха», гриф.

Гриф – это одна из самых отвратительных птиц, каких только можно себе представить. А алчность – это, несомненно, одна из самых отвратительных вещей в человеке, какие только можно придумать.

Но ум – это гриф. Его *никогда ничто* не удовлетворяет. Ты продолжаешь давать ему, он продолжает брать, и он продолжает требовать еще большего. Он никогда не чувствует благодарности; он всегда жалуется, что этого недостаточно. Для ума ничто не бывает достаточным.

Вопрос за вопросом – осмысленные, бессмысленные, уместные, неуместные – и даже ни малейшего пространства в твоем уме, чтобы туда мог проникнуть какой-то ответ. Он так переполнен вопросами.

Сердце же не знает никаких вопросов.

И это одна из тайн жизни: ум всю жизнь задает вопросы и никогда не получает никакого ответа, а сердце никогда не спрашивает, но получает ответ.

Но надо запомнить одну вещь: ум шумен, стоит бешеный галдеж. Сердце, может быть, получает ответ, но из-за шума ума ты можешь не почувствовать, что ответ получен, что ты несешь его в себе, что ты беремен им.

Ум не только нарушает твой покой, твою тишину; он нарушает ее в такой мере, что сердце, – которое способно слушать тишину, идущее, восприимчивое, – оказывается без всякой связи с твоим существом.

Ум монополизирует твое существо; он просто отталкивает сердце в сторону.

И поскольку сердце молчит и ведет себя по-джентельменски, оно не ссорится; оно просто выходит на улицу и ждет у обочины дороги. Ум хочет занять все пространство.

Ученик должен понять всю эту ситуацию – что диктатура ума должна быть уничтожена, что ум является лишь слугой, а не хозяином. Хозяином является сердце, ибо все прекрасное произрастает в сердце, все ценное исходит из сердца – твоя любовь, твое сострадание, твоя медитация.

Все ценное произрастает в саду сердца.

Ум – это пустыня, там ничего не растет: только песок и

песок, и неплодородная почва. Он ннкогда не прнносил ннкаких плодов, ннкакнх цветов. Ты должен понять это: уму не следует оказывать ту поддержку, которую ты оказывал ему до сих пор. Ум надо поставнть на надлежащее ему место.

Трон прннадлежнт сердцу.

И это та революцня, благодаря которой ученнк становнтся преданным; когда сердце становится хозяином, а ум становится слугой.

Это надо запомннть: как слуга ум совершенен. Как хозяин... он наихудшнй хозяин, какой только возможен; а как слуга он самый подходящнй.

А сердце – где бы оно ни было: либо на троне, лнбо на улнце – является твоей едннственной надеждой, едннственной возможностью для тебя соедниться с твоим существом, соедниться с Существованнем. Это едннственная возможность для того, чтобы в тебе возникали песни, чтобы в тебя опускались звезды, чтобы твоя жизнь стала весельем, танцем.

Ты спрашиваешь меня, как остановить этот ум, его постоянное вопрошаиие, его дурацкий поток вопросов.

Именно здесь каждый н делает неверный шаг. Если ты пытаешься остановить ум, ты никогда не сможешь остановить его. Не обращай на него вннмания. Будь безразличен к нему. Пусть он себе болтает.

Будь отстраненным, равнодушным – как будто тебе дела нет до того, болтает он или нет, есть вопросы или нет. Только эта отстраненность, это игнорирование – Будда дал этому правильное название *упекша* – это безразличие мало-помалу приводит к тому, что случается чудо.

Невозможно борьбой добиться того, чего ты хочешь, ибо, когда ты борешься с кем-то, ты отдаешь энергию врагу. Ты уделяешь внимание, а внимание – это пища; ты втягиваешься в борьбу с умом, и ум наслаждается хорошей дракой. Никогда еще не случалось, чтобы кому-то удалось остановить ум посредством борьбы с ним. Вот самое важное, что надо понять: не делай ни шага к борьбе.

Просто не обращай внимания, просто будь отстраненным, просто позволяй уму делать все, что ему угодно. Когда ум чувствует себя нежеланным, когда ум видит, что ты больше не интересуешься им, что бессмысленно продолжать кричать, так как ты даже не слушаешь его, что тебе вовсе не хочется знать, что происходит в уме, – он останавливается.

Так случилось... и я вспомнил об этом потому, что этот мальчик сегодня находится здесь. Он сын моей сестры.

Он был совсем маленьким, лет шести от роду. Мы отправились на встречу с главным министром штата Мадхья-Прадеш, и его отец вел машину. Когда мы приехали, его отец вышел из машины, чтобы выяснить обстановку, сказать, что я прибыл, и узнать, дома ли главный министр или нет.

В этот самый момент – мальчика, должно быть, разморило в машине, мы проделали большой путь – он заснул и стукнулся головой о приборную доску машины. Он взглянул на меня. Я же не обратил на него никакого внимания, я выглянул из окна машины. Он собирался расплакаться и поднять шум – он снова посмотрел на меня, а я снова выглянул наружу.

Затем появился его отец. Я пошел в дом на встречу с главным министром, которая продолжалась около получаса. Затем мы отправились домой. И почти через два часа, когда мы приехали домой, мальчик начал плакать.

Как только он увидел свою мать, он сразу же расплакался. Я сказал: «Что случилось?»

Он сказал: «Я ударился головой о машину».

Я сказал: «Это же случилось два часа назад!»

Он сказал: «Я знаю, но тогда не было смысла плакать, так как я дважды посмотрел на тебя, а ты выглядывал в окно. Какой смысл плакать перед таким человеком? Ты даже не спросил, что случилось... а ты видел, что я ударился головой. Теперь здесь моя мама и я могу поплакать».

Даже этот маленький ребенок смог понять, что когда есть безразличие, нет смысла поднимать шум; дело обстояло так, как будто в машине никого больше не было.

Когда ты безразличен, ум начинает чувствовать себя так, как будто никого нет, – какой же смысл во всех этих вопросах? Ведь когда ты проявляешь интерес, любопытство, ты вовлекаешься, ты даешь уму питательный сок.

Безразличие к уму есть медитация.

И все эти вопросы исчезнут, поскольку они оказываются абсолютно бессмысленными.

И когда болтовня ума прекращается, наступает тишина, покой, так что ты можешь услышать тихий голос твоего сердца.

Только сердце знает ответ... оно уже знает его.

И если ты находишься рядом с учителем, сердце просто говорит учителю «да», так как сердце уже знает ответ.

Возможно, учитель излагает его лучше, более ясно, но сердце пребывает в полном согласии. И это согласие растворяет все расстояние между учителем и учеником.

Тогда безмолвие не только безмолвие, но также и причастие. Тогда не говорят, но слышат; тогда не говорят, но показывают.

И когда сердце полностью согласно, жизнь оказывается таким простым, несложным феноменом, что ты представить себе не можешь что-либо более простое.

Именно ум создает сложности, все время порождает сложности и вопросы. Все умение ума состоит в том, чтобы создавать сложности.

Если ты хочешь жить простой, прекрасной, тихой, радостной, блаженной жизнью, пусть ум игнорируется и пусть сердце будет восстановлено в его статусе хозяина. В этом заключается вся работа религиозного искателя; ничего больше не нужно.

Возлюбленный Бхагаван,

я никогда не обладал хорошей способностью вспоминать свои сновидения. Кажется, они бывали у меня только во времена эмоционального кризиса. Раз или два в год я видел «важный» сон, который скорее походил на видение, – и это все. В последние годы дело пошло хуже, и теперь совсем сошло на нет. Считая сновидения важными для моей работы в качестве психотерапевта, я упорно работал со всевозможными методами, но безуспешно.

Недавно я примирился с этим. Поскольку у меня возникает множество вспышек интуиции в дневное время или перед тем, как я засыпаю, я подумал, что, может быть, это тоже неплохо. После вчерашней беседы, в которой Вы сказали, что высвобождение подсознательного – это путь к сверхсознательному, я снова стал беспокоиться и задавать себе вопросы. Неужели я так склонен к подавлению? Какой страх делает меня неспособным вспоминать мои сновидения?

Пурна, процесс сновидения и процесс вспоминания сновидения – это две разные вещи.

Очень мало людей помнят свон сновидення; но это не означает, что у ннх не бывает сновндений.

Сновидения бывают у всех, но вспомннанне сновидения – это совершенно иное дело. Даже люди, которые помнят свон сновндення, помнят только последнне сновидення, сновидення раннего утра, когда человек как раз просыпается, нбо механнзм памятн является частью сознательного ума. Сновндення же пронсходят в бессознательном, а бессознательное ие нмеет никакого механизма памятн. Только сознательный ум нмеет механизм памяти.

Поэтому, еслн сновидение пронсходит в бессознательном уме, но очень блнзко к сознательному уму, тогда последний смутно помннт его.

Утром, когда ты как раз пробуждаешься, ты двнжешься к сознательному уму – нз бессознательного назад к сознательному уму. Запомнится последнее сновиденне, кончик хвоста, потому что оно будет смыкаться с твоим пробуждением. Поэтому даже люди, которые помнят, помнят только последние сновидення. Они видят сны на протяжении почти шести часов, всю ночь напролет; если онн спят восемь часов, то шесть часов они вндят сны.

Ты можешь уловить лишь смутное отражение последнего сновидення, но если ты не уловншь его за несколько секунд, оно нсчезнет. По мере пробуждения ты все дальше уходишь от бессознательного.

Поэтому у разных людей это пронсходит по-разному.

Есть людн, которые просыпаются очень медленно; онн не просыпаются быстро, однмм махом.

Людн, которые просыпаются быстро, однмм махом, будут нметь не такой внд памятн, как люди, которые просыпаются очень медленио. У ннх будет ниой вид памятн.

Это также зависнт от того, какого рода сны ты вндишь. Поскольку ты являешься терапевтом – и не просто терапевтом, а монм терапевтом, – твое сновнденне ие может быть поверхностным. Ибо все мое учение гласнт: не подавляй, пережнвай каждый ннстинкт, каждое чувство, каждую эмоцню. Еслн ты переживаешь свон эмоции, свон чувства, тогда у тебя не будет поверхностиых сновидеиий; твои сновндення будут очень глубокнмн. Онн будут происходнть не столько в бессознательном, сколько в коллективном бессознательном – настолько глубоко, что ты будешь ие в состоянни вспомнить нх. Еслн не предпрннимаются специальные усилия, их иельзя

вспомнить. И единственным усилием, которое возможно, является гипноз.

Если ты загипнотизирован и твой гипнотизер вводит тебя глубоко в твое бессознательное и спрашивает: «Что там происходит? Что за сновидение разворачивается?», то только тогда ты будешь в состоянии рассказать ему об этом. Когда ты проснешься, то не сможешь вспомнить, что ты рассказывал. Потребуется длительная работа между тобой и гипнотизером: во время каждого сеанса гипноза он должен внушать тебе, что ты будешь помнить свои сновидения, когда проснешься. Он должен подчеркивать это каждый раз настолько сильно, чтобы это стало глубоко укоренившимся впечатлением. Тогда, может быть, ты будешь способен вспоминать свои сновидения.

Но в этом нет нужды. Если только ты не работаешь специально со сновидениями для какой-то особой цели, никакой нужды в этом нет.

Я подчеркиваю, что тебе следует игнорировать ум. Так вот, бессознательное, коллективное бессознательное, космическое бессознательное – это все части ума, и ты пытаешься вспомнить их. Одного сознательного ума тебе для мучений недостаточно – зачем тебе нужно вспоминать и бессознательный ум?

На Востоке мы осознали, что сознательный ум не является единственным умом. Ниже его есть бессознательный ум, еще ниже – коллективный бессознательный ум и еще ниже – космический бессознательный ум. Над сознательным умом есть сверхсознательный ум, еще выше – коллективный сверхсознательный ум и еще выше – космический сверхсознательный ум. И когда я говорю «ум», я имею в виду весь этот диапазон – они суть одна сущность, одна радуга.

Игнорируй их все.

Нет никакой нужды вспоминать.

Многие люди находятся в сумасшедших домах потому, что по какой-то случайности их коллективное бессознательное вскрылось и высвободило свои воспоминания. Теперь их сознательный ум не в состоянии удерживать эти воспоминания, вес слишком велик, и именно это делает их невменяемыми.

Например, в твоем коллективном бессознательном уме женщина, которая сейчас является твоей женой, могла быть твоей матерью в твоей прошлой жизни. Если это воспоминание приходит в твой ум, тогда тебе грозит беда. Тогда как ты будешь вести себя с твоей женой – как с матерью или как с

женой? Просто быть твоей женой было достаточно, просто быть твоей матерью было достаточно тоже, – а теперь она и то и другое. И ты будешь раздавлен, ведь тебе нельзя иметь сексуальные отношения с женщиной, которая является твоей матерью... все эти тысячелетние запреты. И как ты управишься с твоей женой? Ведь она-то этого не помнит, она скажет: «Ты спятил, забудь все об этом», – но ты не можешь забыть об этом.

Природа устроила все прекрасным образом: после каждой смерти толстый слой забвения покрывает твои воспоминания. Ты несешь в себе все воспоминания всех твоих жизней. Но маленькому человеческому существу и так трудно жить с маленьким сознательным умом, принадлежащим одной жизни, – если же такое множество жизней обрушится на него, он обязательно спятит. Это естественная защита.

Случилось так...

Я был в Джабалпуре, и ко мне привели одну девочку. В то время ей было, должно быть, лет девять. Она помнила свою прошлую жизнь полностью – настолько реалистично, что для нее она была не воспоминанием, а непрерывностью. По какой-то случайной ошибке природы между ее прошлой жизнью и этой жизнью не было никакого барьера. В милях восьмидесяти от Джабалпура есть место, которое называется Катни. Она родилась в Катни, и она помнила, что прежняя ее семья жила в Джабалпуре. Она помнила имена, она помнила своего мужа, она помнила своих сыновей, дом – она помнила все. Один из моих друзей привел ее ко мне.

Я сказал: «Это странно, ибо люди, которых она помнит, живут всего лишь в трех или четырех кварталах от моего дома». У них была бензоколонка, и я часто заправлялся у них бензином. Но я сказал: «Подождите. Вы подождите в моем доме, а я позову их – братьев Патхак – я позову их и мы увидим, помнит их эта девочка или нет».

Итак, они пришли со своими слугами и несколькими соседями. Всего в группе было двенадцать или тринадцать человек, так что можно было увидеть, узнает ли она кого-либо... Она сразу же вскочила и сказала: «Брат, ты узнал меня или нет?» Среди тринадцати человек она узнала обоих братьев, и она стала расспрашивать о матери и о детях..., а отец уже умер, и она заплакала. То было не воспоминание, то была непрерывность. Они отвели ее к себе домой, и тогда возникла проблема: девочка разрывалась на части, она не могла решить,

остаться ли ей жить в Джабалпуре с этой семьей или вернуться в Катни к новой семье, в которой она родилась.

Конечно, в этой семье она прожила семьдесят лет, поэтому тяга была сильнее к семье из прошлой жизни. А в новой семье она родилась всего лишь девять лет назад, тяги не было, – но то была ее семья, ее настоящая семья. Эта другая семья была всего лишь воспоминанием, но для нее это была такая душераздирающая проблема. И обе семьи пришли в беспокойство и не знали, что делать: если она останется в Джабалпуре, она будет постоянно помнить о другой семье, беспокоиться о них и чувствовать, что ей хочется быть с ними. Позже она вернется туда, она будет думать о семье в Джабалпуре.

В конце концов я предложил единственный выход, – а это был каприз природы, в этом не было ничего духовного, – который заключался в том, чтобы на протяжении нескольких дней вводить ее в состояние глубокого гипноза и таким образом создать барьер. Ее надо было загипнотизировать, чтобы она забыла прошлое. Если бы не удалось заставить ее забыть прошлое, вся ее жизнь была бы страданием.

Обе семьи были готовы признать, что что-то надо было делать. По меньшей мере десять дней ее непрерывно гипнотизировали, чтобы она забыла. Потребовалось десять сеансов для создания барьера, чтобы воспоминания прошлой жизни не проникали в новую жизнь.

Я наводил справки о ней. Сейчас с ней все в порядке – она вышла замуж, имеет детей, полностью забыла прошлую жизнь. Даже когда эти люди из Джабалпура приезжают навестить ее, она не узнает их. Но ее барьер является очень тонким и искусственным. Любая случайность – и барьер может быть разрушен, или любой гипнотизер легко может разрушить его за десять сеансов; или какое-то большое потрясение – и барьер может быть разрушен.

Тебе нет никакой нужды вспоминать. Все идет хорошо.

Мы должны освободиться от ума.

Восток познал все слои ума, но Восток выделяет совершенно иной аспект, нежели Запад: игнорируй ум – ты есть чистое сознание, скрытое за всеми этими слоями.

Западная психология еще не вышла из детского возраста, она родилась в конце прошлого столетия. Ей еще не исполнилось и ста лет. Они ухватились за желание проникнуть в

сновидения, покопаться поглубже и выяснить, что есть в уме. Там ничего нет.

Они будут находить все больше и больше воспоминаний, все больше и больше сновидений, и они уничтожат человека, ибо сделают его беззащитным от ненужного бремени, которое должно быть стерто.

Надо двигаться за пределы ума, а не внутрь ума.

И у тебя нет никакого воспоминания о состоянии за пределами ума.

Просто отбрось саму идею ума. Не надо соваться в него, это принесет ненужные беды и кошмары. Ты должен превзойти ум, ты должен выйти за пределы ума.

Все твое усилие должно быть нацелено на одно, а именно на то, как быть не-умом: никаких сновидений, никаких воспоминаний, никаких переживаний.

Тогда ты будешь в самом центре своего существа.

Только тогда ты вкусишь нечто от бессмертия.

Только тогда, впервые, ты познаешь, что есть разум.

Возлюбленный Бхагаван,

только сейчас я обнаружил, что отношение учитель – ученик – это на самом деле двустороннее дело, в котором ученику нужно открыто отвечать учителю, чтобы учитель мог делать свою работу.

Я же, наоборот, всегда пассивно наблюдал, держал дистанцию и делал свои собственные выводы.

Пожалуйста, прокомментируйте.

Учитель никогда ничего не делает.

И если ты остаешься отстраненным, с тобой никогда ничего не произойдет.

Твоя восприимчивость и открытость не нужны учителю для того, чтобы делать что-то; твоя восприимчивость и открытость нужны для того, чтобы само присутствие учителя могло спровоцировать нечто в тебе, – а это две разные вещи.

Делать что-то – это очень позитивное усилие, а просто предоставить свое присутствие для того, чтобы нечто случилось в тебе, – это совершенно иная вещь. Нет никакого позитивного усилия.

Усилие предпринимается со стороны ученика.

Поэтому то, что ты обнаружил, неверно: это не двусторон-

нее дело, не дорога с двусторонним движением; это улнца с односторонннм двнженнем. От тебя завнсит, быть лн тебе открытым, готовым, доступным.

Прнсутствне учнтеля есть, совсем как свет – ты открываешь глаза и свет есть.

Свет не направляется специально к твонм глазам. Ты можешь держать глаза закрытымн, н свет ие постучнт в твон векн: «Пожалуйста, открой глаза». Ты можешь держать глаза закрытымн; свет очень демократнчен, он не будет навязываться. Но если ты откроешь глаза, ты увндишь свет; и не только свет, в свете ты увидишь также н многое другое – цветы, людей, весь мнр.

Тем не менее, ты не можешь сказать, что свет что-то делает с тобой. В тебе нечто происходнт. Это не будет пронсходить без света, поэтому, несомненно, прнсутствне света необходнмо, – но необходнмо только присутствне, не действне.

С твоей стороны необходимо не только присутствие, но и действне, нбо ты можешь прнсутствовать здесь и быть закрытым – нз этого нничего не получнтся.

Все должно делаться учеником. И в этом красота всего этого явления.

В противиом случае ты стаиешь марнонеткой в руках учнтеля. Тогда он будет делать то, что ему угодно; тогда он сделает тебя такнм, какнм захочет – идеальным, по шаблону. Он уннчтожит твою индивидуальность, он уничтожит твою свободу. Нн однн учнтель, достойиый так называться, не может пойтн на это.

Учнтель может отдать тебе все свое существо, может сделать его доступным, – но только как прнсутствне, ие как действне.

Действие необходимо со стороиы ученнка. Ты должен быть восприимчивым, ты должен быть тнхнм, ты должен быть медитатнвным, ты должен быть доверяющим во всем, ибо это твоя жизнь н ты должен иести за иее ответственность. Ты не картнна, которую мастер-художник может изменнть, как ему вздумается.

Я слышал, что в одной маленькой щколе показывалась прекрасная картина, написанная школьным учителем рнсования. Он демонстрировал ученикам искусство живопнсн. И он сказал: «Это такой тонкий феиомен. Посмотрите на картину».

И онн сказалн: «Да, мы виднм на ней человека с печальным лнцом».

Художник подошел к картине и нанес всего лишь один или два мазка кистью, и вся картина изменилась – лицо улыбалось. И из-за того, что лицо улыбалось, все остальное – деревья, цветы и звезды – теперь выглядело по-иному. Это произвело очень сильное впечатление на всех: на учителей... на родителей, которые пришли в школу. Только один маленький мальчик не проявил никакого интереса.

Художник спросил: «Тебе не интересно?»

Мальчик ответил: «Интересно. Но в этом нет ничего особеииого; моя мать делает это каждый день».

Художник спросил: «Что ты имеешь в виду? Оиа художница?»

Мальчик сказал: «Она не художница. Но я прихожу домой улыбаясь, а от одной затрещины весь мир превращается в слезы и плач. И если вы хотите, чтобы я показал вам это, я могу сделать это здесь, так как я тоже стал специалистом. Это происходит каждый день».

Он просто взял и ударил девочку, сидевшую рядом, и девочка расплакалась. А она только что улыбалась и наслаждалась, но вдруг удар – и из глаз ее полились слезы, она заплакала. И под воздействием ее плача и мастерства этого мальчика среди присутствующих воцарилась тишина.

И даже учитель рисоваиия сказал: «Это верно. Я думал, что владею неким великим искусством. Твоя мать продвинулась дальше. Без кисти, без красок, только удар – и все меняется, весь мир меняется».

Учитель может изменить тебя, но это изменение очень дорого стоит. Он может сделать многое, но ты все больше и больше становишься рабом. Ты пришел, чтобы стать свободным, а такой путь ие ведет к свободе.

Ни один подлинный учитель никогда ничего не делал. Учитель открывает доступ к себе многими способами. Он учит тебя, как быть доступиым, как быть открытым, как быть восприимчивым, – и тогда, каким бы ни был твой потенциал, он начиет расти. Под блаженным дождем присутствия учителя твой потенциал будет расти, ио ои будет расти в соответствии со своими собствеииыми внутреиними качествами. Ничего не навязывается извне.

Поэтому, пожалуйста, заметь себе: твое иаблюдение неверио, это не двустороннее движение. Со стороиы учителя вообще нет никакого движения.

Делать нечто должен ты. Конечно, учитель присутствует

и доступен, его любовь доступна. В его тени, в его любящем излучеиии, ты начнешь расти. Но он не будет прикасаться к тебе; он будет позволять тебе быть тем, чем ты можешь быть. Какой бы ии была твоя судьба, тебя не следует уводить от нее.

Учитель – это просто безмолвная помощь: ие касаясь тебя, он трансформирует тебя. Это и есть чудо учителя.

Возлюбленный Бхагаван,

когда сидишь в Вашем присутствии, медитация действительно идет наилучшим образом. Если бы меня спросили почему, я бы сказала, что это происходит потому, что Ваше блаженное присутствие заразительно и каким-то образом побуждает меня быть настолько тотальной, насколько это возможно.

Возлюбленный Бхагаван, не объясните ли Вы еще раз, как можно пребывать в такой прекрасной медитации, когда не находишься в Вашем присутствии?

Мое присутствие должно быть только уроком.

Как только ты обучишься искусству раскрываться, искусству быть безмолвной, иеважио будет, присутствую я или иет. Если ты действительно иаучишься этому, это будет происходить где угодио. Может быть, вначале будет немиого трудно, но вскоре ты овладеешь секретом этого искусства.

Это почти как плавание. Учитель, который обучает плаванию, просто придает тебе мужество и уверенность и находится рядом, чтобы все шло как надо. Через каких-иибудь три или четыре дня, затратив по часу в день, ты начнешь плавать. И как только ты поплывешь, ты будешь удивлена – почему ты не поплыла с самого иачала? В этом же нет иичего особенного. Дело просто в том, что сиачала движеиие твоих рук не было ловким, оно было беспорядочным. Всего лишь за три-четыре дия ты научилась двигать руками более плавно, более гармоиично; теперь в учителе нет нужды. Теперь ты можешь плыть куда угодно, иа любое расстояние, так как глубина под тобой не имеет значеиия, ты плывешь на поверхиости. Под тобой может быть тысяча футов, десять тысяч футов, пять миль глубины; это неважно, так как ты всегда плывешь на поверхиости. И раз научившись... за всю историю человечества еще иикто не слышал, чтобы кто-то, научившись плавать, забыл это умение.

Ты можешь не плавать пятьдесят лет, и все же, когда кто-то столкнет тебя в плавательный бассейн, ты поплывешь. Ты не можешь сказать: «Я пятьдесят лет не практнковалась», – это вовсе не вопрос практики. Это уменне: раз ты его позиала, ты его познала; теперь для тебя иет способа не уметь плавать.

Медитация – это тоже умение.

Ты не должна привязываться к присутствию учнтеля, нбо ты будешь обучаться не тому, чему надо. Ты должна научиться тому, как ты открываешься. Забудь об учителе; это его дело – присутствовать или не присутствовать. Твое же дело в том, чтобы увидеть, как ты открываешься, что случается, когда ты открываешься, а затем попытаться самостоятельно, когда ты будешь одна, увидеть, может ли это случиться или иет. Это обязательно случится.

Может быть, виачале ты будешь чувствовать, что это немного трудно; бессозиательно вырастает определениая привязанность. Но ты не можешь требовать, чтобы учитель следовал за тобой повсюду, куда бы ты ии отправилась плавать. Это ие годится. Тогда для каждого пловца потребовался бы одии учитель, это было бы уж слишком. Если каждому медитирующему потребуется иметь рядом с собой одиого учителя, это будет слишком большой роскошью, и в этом вовсе нет иужды. Тебе иадо только увидеть, что происходит в тебе, и позволять этому же происходить, когда учитель ие будет присутствовать.

Или ты можешь визуализировать. Учитель будет находиться где-то в другом месте, в иескольких милях от тебя. Здесь же расстояиие всего лишь иесколько футов. Это только вопрос визуализации – просто представь себе, что твой учитель иаходится в иескольких футах от тебя...

Расстояиие ие играет иикакой роли, ио ты должиа узиать, что происходит в тебе, чтобы ты могла повторять это в отсутствие учителя. В противном случае можио привязаться к вещам, которые предиазиачались для помощи тебе... а теперь они будут мешать тебе. Присутствие учителя должио было помочь тебе; теперь же оио стало помехой – поскольку учителя нет, ты уже не можешь медитировать.

Запомии: ие должио вырастать иикакой привязанности, иикакого цепляиия. Любая привязаниость препятствует твоей независимости, твоей свободе, твоей иидивидуальиости. И все, что происходит здесь, может происходить где угодио; требуется лишь небольшое понимание того, как это происходит здесь.

Просто попробуй. Даже если ты несколько раз потерпишь неудачу, не беспокойся. Это умение, которое придет к тебе.

И как только это случится без какой-либо поддержки со стороны – даже малейшей поддержки, такой как присутствие учителя, – ты почувствуешь великую радость, ибо случится великая свобода.

Теперь для тебя нет никаких препятствий. Где бы ты ни была, ты можешь пребывать в медитации, ты можешь пребывать в безмолвии, ты можешь быть спокойной. Теперь ты можешь нести свой рай внутри себя.

И пока этого не случилось, ученик еще не созрел.

Беседа 9

УЧИТЕЛЬ – ЭТО ЗЕРКАЛО

11 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

что превращает меня в истеричного, непоследовательного ребенка в Вашем присутствии или даже при одной мысли о пребывании в Вашем присутствии? Это нечто присущее отношению учитель – ученик, или моя психологическая незрелость, или и то и другое?

Панкаджа, человечество еще не достигло зрелости. Мы имеем лица человеческих существ, но наши умы далеко отстали.

В обычном мире ты легко управляешь своей маской, своим притворством, своим лицемерием. Но когда ты приходишь к учителю... само побуждение прийти к учителю показывает, что в тебе есть огромное желание познать свое изначальное лицо, познать самого себя.

Лицо, которое ты носишь сейчас, не является твоим изначальным лицом, это не ты.

Я говорю, что ты не есть ты, и ты знаешь это.

Учитель – это только зеркало.

Ты не можешь обмануть зеркало, оно просто отражает твою реальность.

Есть древняя притча об одной очень некрасивой женщине, которая очень враждебно относилась к зеркалам, так как она думала – как думаете все вы, – что именно зеркало создает в ней уродство: ведь когда зеркала не было, она не была уродливой. Она была такой неистовой противницей зеркал, что когда бы ей на глаза ни попадалось зеркало, она тотчас же разбивала его.

Эта притча многозначительна. Именно это мы все и делаем в наших жизнях разными способами. От всего, что отражает нашу реальность, мы хотим избавиться, так как это не доставляет нам удовольствия.

Панкаджа, здесь в моем присутствии, или даже когда ты думаешь обо мне, если ты чувствуешь себя незрелым, отсталым ребенком, не пытайся отделаться от этого какими-то объяснениями. Такова истина.

И это истина не только о тебе, это истина обо всем человечестве. Тебе просто повезло, что ты стал осознавать ее.

Ты случайно натолкнулся на зеркало.

Если разбить зеркало, это не поможет.

Отравление Сократа не помогло грекам – он был зеркалом. Распятие Иисуса не помогло иудеям – он был зеркалом. Убийство Мансура аль-Халладжа не помогло мусульманам – он был зеркалом.

Наоборот, они остались отсталыми, незрелыми, ибо нет никого, кто бы показал им, где они есть, кто они есть. Они находятся в толпе одного и того же вида отсталых детей.

После первой мировой войны в Германии впервые попытались вычислить средний умственный возраст солдата. Тысячи солдат прошли через обследование, через многочисленные эксперименты, и результат был потрясающим и убийственным для всей человеческой гордости. Результат показал, что средний умственный возраст у солдат был всего лишь четырнадцать лет.

И средний умственный возраст у тех, кто не является солдатами, не может быть намного больше. Человеку может быть семьдесят лет – его тело состарилось, но его ум остался на уровне четырнадцатилетнего возраста. И иногда вы можете увидеть это в самом себе; в определенных ситуациях вы можете увидеть это в других людях.

Каждая женщина знает моменты, когда у нее бывают вспышки раздражения; они не могут быть результатом зрелости. Каждый мужчина знает, что когда он нервничает, он начинает курить. А ведь курение никоим образом не может помочь, но оно отвлекает ваш ум от нервозности.

Курят только нервные люди. И вы можете понаблюдать... в какие-то дни вы курите больше, в какие-то вы курите меньше. Дни, когда вы курите больше, – это дни, когда вы очень напряжены, беспокойны, чем-то сильно мучаетесь. Мир невыносим. Вы так сильно нервничаете, что вам хочется отвлечь ваш ум на что-то простое, на что-то, не связанное ни с кем другим – иначе могли бы возникнуть новые сложности.

Сигарета же так невинна – и так успокаивает, ведь в ней имеется то же самое химическое вещество, которое содержится в чае и в кофе и которое в данную минуту оказывает определенное успокаивающее воздействие.

И более специфически, курение имеет сходство с глубоко укоренившимся воспоминанием о сосании молока из материнской груди. Материнская грудь почти такая же теплая, молоко такое же теплое, как дым вашей сигареты или сигары. Сигарета или сигара вызывает у вас на губах такое же ощущение, как соски вашей матери, а дым течет внутрь вас, совсем как молоко из соска. Вы впадаете в детство – те золотые

дни, когда не было никаких забот, никаких проблем, никаких тревог. Поэтому всякий раз, когда вы нервничаете, вы тянетесь к сигарете.

Когда же вы не нервничаете – когда вы испытываете счастье, блаженство и радость, – вы полностью забываете о сигаретах.

Все курильщики – это отсталые в своем развитии люди, поэтому отсталые люди находятся в большинстве в этом мире. И есть другие заменители. Вы можете не курить и при этом думать: «Я не отсталый, ведь я употребляю жевательиую резинку». А это еще хуже, чем сигареты – жевательная резинка! Вы не только отстали в своем развитии, вы еще и глупы; вы вовлечены в деятельность, которая абсолютио бесполезна, ничего не дает, а только без нужды утомляет ваш рот и зубы.

Но это доказывает, что Чарлз Дарвин был прав. Хотя ученые многими способами пытаются опровергнуть теорню эволюции, выдвинутую Чарлзом Дарвином, эта теория имеет такое психологическое значение, что даже если будет доказано, что она неверна, ее значение нельзя будет уничтожнть.

Только понаблюдайте за обезьяной. Она не может усидеть в одной позе, она не может усидеть на одной ветке. Она непрерывно жует то или это, ест то или это – целый день. С утра до ночи она что-то жует. Возможно, человек еще не полностью свободен от своего животиого наследия – хотя он ходит иа двух ногах, это не имеет большого значения.

Насколько я знаю, обезьяны не считают, что вы эволюционировали, ушли вперед по сравнению с ними. Они смеются над самой этой идеей. Они полагают, что вы сорвались с деревьев. И на то у иих есть существенные доводы. Вы уже не такие сильные, как обезьяны; вы не можете жить на деревьях, вы не можете продолжать прыгать с одного дерева на другое, миля за милей. Вы утратили красоту тела, которой обладают обезьяны. Только потому что вы начали ходить на двух ногах...

Обезьяны думают: «Бедолаги... это те обезьяиы, которые не могут жить на деревьях, – ведь это очень рискованная жизнь, полная испытаний и опасностей; эти трусишки спустились на землю и стали ходить на двух ногах! И мало того, чтобы скрыть свою трусость, они выдвигают теорию эволюции!»

Ни одна обезьяна не согласна с теорией эволюции.

Панкаджа, если в моем присутствии ты ощущаешь в себе

ребячливость, ум, который еще ие стал зрелым, то это осознавание надо приветствовать.

Как только ты осознаешь, что ты где-то отстал, что что-то блокирует твое сознание, тогда эти блоки могут быть устранены. Фактически, осознавать, что есть какие-то блоки... само осознавание устраияет их.

Есть вещи, которые надо просто осознать. Само осознавание приносит трансформацию; дело обстоит не так, что после осознания тебе надо что-то делать, чтобы вызвать изменение.

Увидев, что твой ум инфантилен, ты можешь также увидеть, что ты не есть ум, – иначе кто же видит, что ум инфантилен? Есть нечто вне ума – наблюдатель на холме.

Ты только смотришь на ум!

Ты полностью забыл, кто смотрит иа него.

Наблюдай за умом, но ие забывай о наблюдателе – ибо твоя реальность сосредоточена в наблюдателе, а не в уме. И наблюдатель – это всегда полиостью взрослое, зрелое, концентрированное сознание. Ему не нужен рост.

И стоит тебе осознать, что ум – это только инструмент в руках твоей свидетельствующей души, и тогда нет никаких проблем; ум можно использовать правильным образом. Теперь хозяин проснулся, и слуге можно приказать делать то, что нужио.

Обычно хозяин спит. Мы забыли наблюдателя, и слуга стал хозяином. А слуга есть слуга – ои, безусловио, не очень разумен.

Тебе надо иапомнить один осиовополагающий факт: интеллект принадлежит иаблюдающему сознанию, память принадлежит уму.

Память – это одно, память не есть интеллект. Но на протяжеиии столетий все человечество обманывали и непрямо уверяли, что память есть интеллект, разум. Ваши школы, ваши колледжи, ваши университеты не стараются обнаружить ваш интеллект; они стараются выяснить, кто способен запомнить больше.

И сейчас мы прекрасно знаем, что память – это механическая вещь. Память может быть у компьютера, но у компьютера ие может быть иителлекта, разума.

И у компьютера память может быть лучше, чем у вас. Недалек тот деиь, когда люди будут иосить в карманах малеиькие компьютеры вместо того, чтобы тратить годы иа изучение истории, географии, химии и физики. Все это может быть заключено в маленький компьютер, который можио носить в кармане; компьютер может иемедленно выдавать

любую необходимую информацию – и она будет абсолютно правильной.

Человеческая память не столь надежна. Она может забывать, она может что-то перепутать, она может оказаться заблокированной. Иногда вы говорите: «Я сейчас вспомню это, это вертится у меня на языке». Странно, если это вертится у вас на языке, то почему же вы не произносите это?

Но вы говорите, что у вас не получается: «Это вертится у меня на языке... Я знаю, что я знаю, и это не очень далеко – совсем рядом». Но тем не менее какая-то преграда, какая-то очень тонкая преграда – это может быть просто завеса – не позволяет этому выйти на поверхность.

И чем больше вы стараетесь, чем больше напрягаетесь, тем меньше шансов вспомнить это. В конце концов, вы забываете об этом, вы начинаете заниматься чем-то другим – готовите чай или копаете яму в саду – и внезапно это приходит, так как вы расслабились, вы совсем забыли об этом, не было никакого напряжения. Это вышло на поверхность.

Напряженный ум становится узким. Расслабленный ум становится широким, гораздо больше воспоминаний может проходить через него. Напряженный ум становится настолько узким, что лишь очень мало воспоминаний может пройти через него.

Но тысячи лет бытовало и до сих пор бытует недоразумение, что память и есть интеллект, разум. Это не так.

Вы найдете людей, которые имеют великолепную память, но никакого интеллекта, и вы также можете найти людей, которые имеют великий интеллект и совершенно никакой памяти.

О Томасе Алва Эдисоне рассказывают... возможно, он единственный человек, которому приписывают по меньшей мере тысячу изобретений, но памяти у него не было никакой.

Во время первой мировой войны он стоял в очереди, чтобы получить продовольственную карточку. Как раз впервые были введены продовольственные карточки. Мало-помалу очередь становилась все меньше и меньше, наконец он оказался впереди и клерк выкрикнул: «Томас Алва Эдисон!» Он посмотрел по сторонам, так как он забыл свое имя. Ведь это было так давно... Когда его отец и мать еще были живы, они называли его по имени. Теперь же он был так известен, он стал великим ученым, знаменитым профессором – никто не звал его по имени, люди, обращаясь к нему, говорили «профессор». И он забыл свое имя.

К счастью, какому-то человеку в очереди показалось, что

этот тип, который стоит и оглядывается по сторонам, похож на Томаса Алва Эдисона. Этот человек спросил: «Как ваше имя?»

Эдисон сказал: «Боже мой, мне придется сходить домой и спросить жену».

Человек сказал: «Насколько я знаю, вы и есть Томас Алва Эдисон».

Эдисон сказал: «Кажется, я где-то слышал это имя раньше. Возможно, это мое имя. Если никто другой не претендует на него, тогда это карточка моя».

А он обладал таким великим интеллектом. Вам не найти много людей с таким интеллектом.

Но однажды, отправляясь в поездку для чтения лекций, прежде, чем сесть в автомобиль, он попрощался с женой, поцеловал ее и помахал рукой горничной. А жена сказала: «Вы все перепутали. Я – ваша горничная, а она – ваша жена!»

Он сказал: «Целыми днями я так занят экспериментами – я прихожу домой только ночью. Я уже давно не видел мою жену при солнечном свете, поэтому, пожалуйста, простите меня – кто бы из вас ни был моей женой, я ее целую, и, кто бы ни был горничной, я машу ей рукой. Но позвольте мне покинуть вас, так как поезд уже подан на платформу».

Абсолютно никакой памяти.

Его жена обычно записывала его мысли... так как иногда ему в голову приходила идея, но она была незавершенной. И пока он ее не забыл, он говорил кому-нибудь, кто был поблизости: «Пожалуйста, запишите это и сохраните для меня. И когда мне это понадобится, просто напомните мне – так как недостает половины. Она появится, но я боюсь, что когда появится другая половина, эта половина может оказаться утраченной».

Кто-то предложил: «Вы ведете себя странно. Почему бы вам не завести записную книжку?»

Он сказал: «В том-то и беда. Я завожу записные книжки, но затем я все время забываю, куда я их положил. Тогда проблемой становится записная книжка! А так гораздо лучше. По крайней мере, кто-то ответственен за половину идеи и он будет напоминать мне: «Вот половина вашей идеи. Если другая половина уже пришла вам в голову, возьмите эту и избавьте меня от этого бремени».

В Индии – как и в Аравии, Китае, Греции, Риме, во всех древних странах – все древние языки обусловлены памятью, а не разумом, не интеллектом. Можно стать великим знатоком санскрита, не имея ни капли разума, – в разуме нет никакой нужды, только память должна быть совершенной. Совсем как

попугай... попугай не поинмает того, что ои говорит, ио ои может говорить это абсолютио правильно, с правильиым произношением. Его можно научнть чему угодно.

Все древние языки обусловлены памятью. И вся образовательная система мира обусловлеиа памятью. На экзамеиах студента спрашивают не о том, что покажет его разум, а о том, что покажет его память, сколько ои запомнил из учебников. Это одна из причии отсталости твоего ума. Ты пользуешься памятью так, как будто она является твоим разумом, – очень серьезное недоразуменне. Поскольку ты знаешь, помнишь и можешь цитировать священиые писания, ты иачинаешь думать, что ты взрослый, зрелый, знающий н мудрый.

Вот та проблема, Панкаджа, которую ты чувствуешь.

Я не человек памяти. И мое усилие здесь направлено иа создаиие в тебе вызова, чтобы ты начал двигаться к твоему разуму.

Не имеет зиачеиия, сколько ты помнишь.

Важио, сколько ты сам пережил.

А для переживания виутреинего мира тебе необходим великий разум, огромиый иителлект; память не поможет. Да, если ты хочешь стать ученым, профессором, пандитом, ты можешь заучивать священные писания и ты можешь гордиться, что так много знаешь. И другне люди тоже будут думать, что ты так миого зиаешь, но если копнуть поглубже, твоя память есть не что иное, как невежество.

Передо мной ты ие можешь скрыть свое невежество.

Всемн возможными способами я стараюсь столкнуть тебя с твоим невежеством, ибо чем раньше ты познаешь свое невежество, тем скорее ты избавишься от него И это познание оказывается таким прекрасным переживанием, что по сравнеиию с ним заимствоваиное зиание – это просто ндиотизм.

Я слышал исторню об архиепископе Японии. Ему захотелось обратнть в христианство одного учнтеля дзэн. Ничего не поиимая, не имея иикакого представления о внутреинем мире, он отправился к этому учнтелю. Он был принят с любовью и уважением.

Он открыл Библию, которую принес с собой, и иачал читать Нагориую проповедь. Ои как бы хотел сказать: «Мы следуем за этнм человеком. Что вы думаете об этих словах, об этом человеке?»

Он прочитал только два предложеиия, и учнтель дзэн сказал: «Достаточио. Вы следуете за хорошим человеком, но он тоже следовал за другими хорошнми людьми. Ни вы не знаете, нн ои не знает. Отправляйтесь-ка домой».

Архиепископ был сильно возмущен. Он сказал: «Вам следовало бы по крайней мере позволить мне закончить».

Учитель сказал: «Давайте без глупостей. Если вы что-то знаете, скажите это. Закройте книгу! Мы здесь не верим книгам. Вы несете саму истину в вашем существе, а ищете в мертвых книгах. Отправляйтесь домой и загляните внутрь себя. Если вы там что-то найдете, тогда приходите. Если вы думаете, что эти строки, которые вы повторили мне, исходят от Иисуса Христа, вы ошибаетесь».

Иисус Христос просто повторял Ветхий Завет. Всю свою жизнь он пытался убедить людей, что он – последний пророк иудеев. Он никогда не слышал слова «христианин», он никогда не слышал слова «Христос». Он был рожден иудеем, он жил иудеем, он умер иудеем. И все его усилие было направлено на то, чтобы убедить иудеев в том, что: «Я – долгожданный пророк, спаситель, которого обещал Моисей. Я пришел».

Иудеи могли бы простить ему... иудеи не злые люди. И они не склонны к насилию. Никто, кто так же разумен, как иудеи, не может быть склонным к насилию.

Сорок процентов Нобелевских премий приходится на иудеев; это просто несопоставимо с их численностью. Почти половина Нобелевских премий досталась иудеям, а другая половина – остальному миру.

Такие разумные люди не распяли бы Иисуса, если бы он говорил о чем-то, что было его собственным переживанием. Но он говорил о том, что не было его переживанием, – все заимствовано. А он выдавал это за свое.

Иудеи не могли простить такую нечестность.

В остальном же Иисус никого особо не беспокоил. Он был немного назойлив. Совсем как Свидетели Иеговы или люди из «Харе Кришна», они несколько надоедливы. Если вы им попадетесь, они совсем не будут вас слушать, они будут засыпать вас всевозможными советами, мудрыми изречениями, – а вам неинтересно, вы идете по какому-то другому делу, вы хотите, чтобы вас оставили в покое. Но они полны решимости спасти вас. Хотите вы спастись или нет, не имеет значения – вы должны быть спасены.

Случилось так, что я однажды сидел на берегу Ганга в Аллахабаде, солнце как раз садилось. Какой-то человек начал кричать из воды: «Спасите меня! Спасите меня!»

Я-то не заинтересован в спасении кого бы то ни было. Поэтому я огляделся по сторонам... если кто-то заинтересован в его спасении, пусть первым воспользуется возможностью. Но

рядом иикого ие было, поэтому в конце коицов пришлось прыгнуть мне.

И с большим трудом... он был очеиь тяжелым, толстым человеком. В Иидии самых толстых людей вы иайдете в Аллахабаде и Вараиаси – брамииы, иидуистские священиослужители, которые только и делают, что едят.

Так нли нначе, я его вытащил. А он стал гиеваться: «Зачем ты вытащил меня?»

Я сказал: «Вот это да! Ты же просил помощи, ты кричал: "Спасите меня!"»

Ои сказал: «Я кричал потому, что испугался смерти. На самом же деле я совершал самоубийство».

Я сказал: «Извини, я поиятия ие имел, что ты совершаешь самоубийство».

И я столкнул его в воду. Ои сиова иачал кричать: «Помогите!»

Я сказал: «Теперь жди, пока ие придет кто-нибудь другой. Я же буду сидеть здесь и иаблюдать, как ты совершаешь самоубийство».

Он сказал: «Что ты за человек? Я же погибаю!»

Я сказал: «Погибай! Это твое дело!»

Но есть люди, которых хлебом не корми, но дай спасти кого-нибудь.

Тот учитель дзэн сказал архиепископу: «Иисус повторял древиих пророков. Вы повторяете Иисуса. Повтореиие никому ие поможет. Вам необходимо ваше собственное переживание – это едииственное избавление, единственное освобождение».

Панкаджа, это хорошо, что ты понимаешь, что твой ум иачиииает вести себя как ребенок. Также помии о том, кто иаблюдает за этим ребенком, ~~за незрелым умом, и будь~~ с наблюдателем. Вырви все твои привязаииости из ума – ибо ум является всего лишь механизмом, – и ум иачнет отлично работать. Как только твой наблюдатель станет бдительным, твой разум впервые начиет расти.

Дело ума – думать, и ум может справляться с ним очень хорошо. Но общество навязало уму функцию разума, функцию интеллекта, а это ие его дело. Это искалечило его память. Это не сделало тебя более разумиым, это просто сделало твою память иеиадежной, подвержеиной ошибкам.

Всегда помни: твои глаза – для того, чтобы видеть, ие пытайся слушать глазами. Твои уши – для того, чтобы слушать, ие пытайся видеть ушами. В противиом случае ты окажешься в невмеияемом состояиии. В то время как с твоими глазами все в порядке, с твоими ушами все в порядке, ты

пытаешься делать нечто при помощи механизма, который для этого не предназначен.

Если твой наблюдатель ясен, тогда тело выполняет свои собственные функции, ум выполняет свои собственные функции, сердце выполняет свои собственные функции. Никто не вмешивается в чужие дела.

И жизнь становится гармонией, оркестром.

Возлюбленный Бхагаван,

почему я всегда чувствую себя такой несчастной? Впускала ли я Вас когда-либо в себя по-настоящему? Как только я сажусь перед Вами, все проходит. Что же происходит? Разве Вы не можете устранить все это?

Ответ заключен в твоем вопросе. Ты не хочешь брать на себя ответственность за свое собственное существо, кто-то другой должен сделать это.

И это единственная причина твоих страданий.

Нет никакого способа, чтобы кто-то другой мог устранить твое страдание. Нет никакого способа, чтобы кто-то другой мог сделать тебя блаженной. Но если ты осознаешь, что ты несешь ответственность за то, что ты несчастна или блаженна... Никто другой ничего не может сделать. Твое страдание – это твое творение; твое блаженство тоже будет твоим творением.

Но это трудно признать – как, страдание является моим творением?

Каждый чувствует, что в его страдании виноваты другие. Муж думает, что в его страдании виновата жена; жена думает, что в ее страдании виноват муж; дети думают, что в их страдании виноваты родители: родители думают, что в их страдании виноваты дети. Все так запуталось. А когда кто-то другой несет ответственность за ваше страдание, вы не осознаете, что, отказываясь от ответственности, вы теряете вашу свободу.

Ответственность и свобода – две стороны одной монеты.

И поскольку вы думаете, что другие ответственны за ваше страдание... Вот почему есть шарлатаны, так называемые спасители, посланники Бога, пророки, которые продолжают говорить вам: «Вам не надо ничего делать, просто следуйте за мной. Верьте в меня, и я спасу вас. Я ваш пастух, вы мои овцы».

Странно, что ни один человек не выступил против таких людей, как Иисус Христос, и не сказал: «Это крайне оскорби-

тельно – говорить, что ты пастух, а мы овцы, что ты спаситель, а мы лишь зависим от твоего сострадания, что вся наша религия сводится лишь к тому, чтобы верить в тебя». Но поскольку мы перекладываем ответственность за наше страдание на других, мы принимаем как следствие, что блаженство тоже придет от других.

Естественно, если страдание приходит от других, тогда и блаженство должно прийти от других. Но тогда что же делаете вы? Вы не несете ответственности ни за страдание, ни за блаженство – тогда какова же ваша функция? Каково ваше назначение? Просто быть объектом для того, чтобы одни люди делали вас страдающими, а другие помогали вам, спасали вас и делали вас блаженными?

Вы что, просто марионетки?

Все нити в руках других. Вы не уважаете свое человеческое достоинство, вы не уважаете себя. У вас нет никакой любви к своему собственному существу, к своей собственной свободе.

Если вы уважаете свою жизнь, вы отвергнете всех спасителей. Вы скажете всем спасителям: «Убирайтесь! Спасайте самих себя, этого достаточно. Это наша жизнь, и прожить ее должны мы. Если мы будем делать что-то не так, мы будем страдать; мы примем последствия наших неправильных действий без всяких жалоб».

Возможно, так человек и учится: упав, человек снова встает; сбившись с пути, человек снова его находит. Вы совершаете какую-то ошибку. Но каждая ошибка делает вас более разумными; вы не совершите ту же самую ошибку снова. Если же вы снова совершаете ту же самую ошибку, это означает, что вы ничему не научились. Вы не пользуетесь своим разумом, вы ведете себя как роботы.

Все мое усилие направлено на то, чтобы вернуть каждому человеческому существу то самоуважение, которое принадлежит ему – и которое он отдал первому встречному. И вся эта глупость начинается из-за того, что вы не готовы признать, что за ваше страдание ответственность лежит на вас.

Только подумайте: вы не можете найти ни единого страдания, за которое вы не были бы ответственны. Это может быть ревность, это может быть гнев, это может быть алчность, – но что-то в вас должно быть той причиной, которая творит страдание.

И видели ли вы, чтобы в этом мире кто-либо когда-либо сделал кого-то другого блаженным? Это тоже зависит от вас, от вашего безмолвия, от вашей любви, от вашего покоя, от вашего доверия. И чудо случается – никто его не совершает.

В Тибете есть одна прекрасная история о Марпе. Может быть, она не основана на фактах, но она имеет огромное значение.

Меня мало заботят факты. Я делаю основной упор на значении и на истиие, а это совершенио иное дело.

Марпа услышал об одном учителе. Он искал, он отправился к учителю, он отдался учителю, он полностью доверился ему. И он спросил учителя: «Что я теперь должен делать?»

Учитель сказал: «Раз ты отдался мне, ты ничего не должен делать. Просто верь в меня. Мое имя – вот единственная тайная мантра для тебя. Каждый раз, когда ты будешь оказываться в затруднении, просто вспомииай мое имя и все будет в порядке».

Марпа припал к его стопам. И он сразу же испробовал это – он был таким простым человеком. Он пошел по поверхиости реки. Другие ученики, которые провели с учителем годы, не могли поверить этому – ои шел по воде!

Они сообщили учителю: «Этот человек, вы ие поняли его. Он не обычиый человек, он ходит по воде!»

Учитель воскликнул: «Что?» Они все побежали к реке, а там Марпа разгуливал по воде, распевая песни, притаицовывая. Когда он подошел к берегу, учитель спросил: «В чем секрет?»

Он сказал: «Секрет? Это тот самый секрет, который вы мне сообщили, ваше имя. Я помиил о вас. Я сказал: "Учитель, позволь мне ходить по воде", – и это случилось».

Учитель не мог поверить, что его имя... Сам он не мог ходить по воде. Но, возможно... ои же иикогда не пробовал. Но было бы лучше проверить еще несколько вещей, прежде чем попробовать. Поэтому ои сказал Марпе: «А ты можешь спрыгнуть с того холма?»

Марпа сказал: «Все, что прикажете». Он подиялся на холм и прыгиул, а оии все стояли в долиие, ожидая, что Марпа разобьется вдребезги. Хорошо, если от него хоть что-иибудь останется – холм был очень высоким. Но Марпа плавно опускался, прииняв позу лотоса, улыбаясь. Ои опустился в долину и приземлился под деревом. Они все окружили его. Они осмотрели его – ии единой царапины.

Учитель сказал: «Это уже кое-что. Ты воспользовался моим именем?»

Марпа ответил: «Это было сделано твоим именем».

Учитель сказал: «Этого достаточио, теперь я сам попробую пройтись по воде», – и с первым же шагом он исчез под водой.

Марпа ие мог поверить своим глазам, когда учитель пропал под водой. Его учеиики бросились в воду и кое-как вытащилн его. Он был почтн мертв. Ему откачалн воду из легких... кое-как ои ожил.

И Марпа сказал: «Что случнлось?»

Учитель сказал: «Простн меня. Я не учитель, я просто притворщнк».

Но Марпа спросил: «Если вы притворщнк, тогда как же сработало ваше имя?»

Притворщик сказал: «Сработало не мое нмя. Это твое доверне. Не имеет значения, кому ты доверяешь, – все дело в доверии, в любви, в их тотальности. Я же не доверяю самому себе. Я никому ие доверяю. Я всех обмаиываю – как же я могу доверять? И я всегда боюсь быть обмаиутым другими, ведь я сам обманываю другнх. Для меня доверие невозможио. Ты же иевинный человек, ты доверился мне. И именно благодаря твоему доверню случнлнсь чудеса».

Было ли все так иа самом деле, не нмеет значеиия.

Несомиеино одио: причиной вашего иесчастья являются вашн ошнбки, а причиной вашего блаженства являются ваши доверие и любовь.

Ваше рабство – это ваше творенне, а ваша свобода – это ваша декларация.

Ты спрашиваешь меня: «Почему я страдаю?»

Ты страдаешь потому, что ты не призиаешь ответствеиности за это. Просто посмотри, что такое твое страдаиие, выясни его причиину – и ты найдешь причину в самой себе. Устраии причнну, и страдаиие исчезиет.

И затем ты просншь меня спастн тебя, помочь тебе.

Тебе нет нужды стаиовнться попрошайкой. Мои люди не должиы становиться попрошайками. Мон людн не овцы, мои люди – императоры.

Прнзнай свою ответственность за несчастье, и ты обиаружншь, что внутри тебя скрыты прнчииы блаженства, свободы, радости, просветлеиня, бессмертня.

Не нужио ннкакого спасителя. И инкаких спасителей ннкогда и не было; все спасители – фальсификаторы.

Им поклоияются потому, что люди всегда хотят, чтобы их кто-то спас. Оии всегда появляются потому, что на иих всегда есть спрос, а где есть спрос, там есть и предложеиие.

Раз ты зависншь от других, ты теряешь свою душу. Ты забываешь, что обладаешь сознанием такнм же уннверсальным, как созиаиие всякого другого, что ты обладаешь созианнем таким же великим, как созиание любого Гаутамы Будды,

– просто ты не осознаешь этого, ты не искала это сознание. А не искала ты его потому, что ты смотришь на других, кто-то другой должен спасти тебя, кто-то другой должен помочь тебе.

Поэтому ты продолжаешь попрошайничать, не сознавая, что все это царство принадлежит тебе.

Это должно быть понято как один из самых основных принципов санньясы – декларация собственного достоинства, свободы и ответственности.

Возлюбленный Бхагаван,

расскажите, пожалуйста, о садхане, основанной на том, чтобы придерживаться, насколько это возможно, мысли о «я» или ощущения «я есть», и на том, чтобы задавать себе вопросы «Кто я есть?» или «Откуда возникает это "я"»?

Чем этот подход к медитации отличается от наблюдения за промежутками между вдохами и выдохами? При свидетельствовании дыхания имеет ли значение, где фокусироваться: на сердечном центре или на центре в нижней части живота?

Это древний метод медитации, но полный опасностей. Если ты не будешь бдительным, то существует большая вероятность, что этот метод уведет тебя прочь от правильной цели, а не приведет к ней.

Этот метод прост – концентрироваться на концепции «я», закрыв глаза и вопрошая: «Кто я есть?»

Величайшая проблема заключается в том, что когда ты спрашиваешь: «Кто я есть?»... кто ответит тебе? Вероятнее всего, ответ придет из твоей традиции, из твоих священных писаний, из твоей обусловленности. Ты слышал, что «Я не есть тело, я не есть ум. Я есть душа, я есть предельное, *брахма*, я есть Бог» – все эти мысли ты слышал ранее.

Ты спросишь несколько раз: «Кто я есть? Кто я есть?» – а затем ты скажешь: «Я есть предельное, *брахма*». А это не открытие, это просто глупость.

Если ты хочешь правильно войти в метод, тогда этот вопрос не надо задавать словесно. «Кто я есть?» не надо повторять на словах. Ибо пока это будет оставаться словесным вопросом, ты будешь выдавать словесный ответ из головы.

Ты должен отбросить словесный вопрос. Это должно оставаться просто смутной идеей, совсем как жажда. Не «Я хочу пить» – ты видишь разницу? Когда ты хочешь пить, ты *чувствуешь* жажду.

И если ты находишься в пустыне, ты чувствуешь жажду в каждой частице своего тела. Ты не говоришь: «Я хочу пить,

я хочу пнть». Это уже не лингвнстический вопрос, а экзистенциальный.

Еслн «Кто я есть?» стаиовнтся экзнстенцнальным вопросом, если ты не задаешь его в языковой форме, а вместо этого внутри твоего центра устанавливается ощущение этого вопроса, тогда нет нужды ни в каком ответе.

Тогда уму тут иечего делать. Ум ие услышит того, что несловесно, н ум не ответит иа то, что несловесно. Все священиые писания находятся в твоем уме, все твое знание собраио там.

Теперь ты входишь в иевииное, чистое пространство.

Ты не получншь ответа. Ты получишь ощущение, ты уловишь вкус, ты уловишь запах.

По мере продвнжения вглубь ты будешь все больше иаполняться чувством бытня, бессмертня, блаженства, тишины... огромного благословения.

Но ие будет ннкакого ответа вроде «Я есть это, я есть то». Все это нз священного писаиия. А это чувство нсходит нз тебя, и в этом чувстве есть некая нстина.

Это вполне действеииый метод.

Один из велнких учителей этого столетия, Рамаиа Махарши, прнменял для своих учеников только этот метод – «Кто я есть?» Но я встречал сотни его учеников – они и близко не подошли к абсолютному переживанию. И причииа заключается в том, что они уже знают ответ.

Я спрашивал их: «Вы зиаете ответ?»

Оии говорилн: «Мы знаем ответ».

А я говорил: «Еслн вы зиаете ответ, тогда зачем вы спрашиваете? И ваше вопрошаиие не может продолжаться очеиь долго – вы два нлн три раза задаете вопрос, н приходнт ответ. Ответ уже был у вас, еще до вопроса».

Поэтому это просто игры ума. Если тебе хочется поиграть в иее, ты можешь поиграть. Но если ты действительио хочешь войти в это так, как это подразумевалось Рамаиой Махаршн н всеми древними провндцами, тогда должна быть иесловесная жажда.

Незнание себя самого причиняет боль, это – раиа. Незиаиие себя самого делает всю жизнь бессмыслениой. Ты можешь знать все, только ты не знаешь самого себя, – а это надо бы познать в первую очередь.

Итак, еслн тебе удастся не попасть в ловушку словесного вопроса, тогда все хорошо, ты можешь двнгаться вперед.

Ты также спросил о свидетельствовании, наблюденин за дыханнем, и о том, где его следует наблюдать. Где угодно – ибо

дело не в том, где ты его наблюдаешь, дело в самом наблюдении.

Упор делается иа наблюдение, на бдительность. А все эти точки – просто зацепки. Ты можешь наблюдать за дыхаиием на кончике носа, где дыхаиие входит внутрь; ты можешь наблюдать за ним, когда оно движется внутрь; ты можешь наблюдать за ним, когда оно идет обратно, – ты можешь наблюдать за иим где угодио. Ты можешь наблюдать за тем, как внутри движутся мысли. Вся суть в том, чтобы не потеряться в том, за чем ты наблюдаешь, как если бы именно это было важиым. Это не важно...

Важно то, чтобы ты был бдительным, чтобы ты не забывал наблюдать, чтобы ты иаблюдал... наблюдал... наблюдал...

И мало-помалу, по мере того как наблюдатель становится все более и более устойчивым, стабильным, непоколебимым, происходит трансформация. То, за чем ты наблюдал, исчезает.

Впервые иаблюдатель сам стаиовится наблюдаемым, созерцатель сам становится созерцаемым.

Ты пришел домой.

Возлюбленный Бхагаван,

я ничего не ожидал от Вас, и все же Вы перехитрили меня и подарили мне несколько прекрасных вещей. Есть ли нечто такое, о чем санньясин должен просить, или же все случается само по себе?

Все случается само по себе, но санньясии должеи быть бдительиым, чтобы не опоздать иа поезд.

Поезд приходит сам по себе, ио тебе надо быть бдительным. Вокруг тебя столько всего происходит; двадцать четыре часа в сутки... бодрствуя, во сне... ты должен быть внимательным к тому, что происходит. И чем более бдительным ты будешь, тем больше будет твое удивлеиие... происходят те же самые вещи, которые происходили раньше, ио смысл изменился, значение иное.

Цветок розы тот же самый, но теперь он лучистый, окружен какой-то новой энергией, которую ты раньше ие осознавал, – какой-то новой красотой. Кажется, что раньше ты видел только внешиюю сторону розы, теперь же ты способен увидеть ее внутрениий мир. Раиьше ты смотрел иа дворец со стороны, теперь ты вошел в его виутрениие покои. Ты сотии раз видел луну, но когда ты видишь ее в безмолвии, в покое,

в медитации, ты осознаешь красоту, которую раньше не осознавал, красоту, которая обычно не бывает доступной, для которой тебе необходимо некое прозрение.

И это прозрение вырастает в безмолвии, в покое.

Случилось так... весьма знаменательный случай. Один из индийских поэтов, Рабиндранат Тагор, перевел один их своих сборников стихотворений, *Гитанджали*, «Подношение песен». За эту небольшую книжку ему была присуждена Нобелевская премия.

В Индии она была доступна уже по меньшей мере пятнадцать лет. Но пока книга не соответствует международным стандартам языка и не получила международного признания, за нее трудно получить Нобелевскую премию.

Рабиндранат был немного обеспокоен, так как он сам перевел ее, а переводить поэзию – это всегда очень трудное дело. Переводить прозу легко, переводить поэзию невероятно трудно, так как в прозе есть нечто от базарной площади, а поэзия – это нечто из мира любви, из мира красоты, из мира луны и звезд. Это очень тонкое дело.

И каждый язык имеет свои собственные нюансы, которые почти непереводимы. Хотя Рабиндранат сам перевел свою собственную поэзию, у него были сомнения относительно перевода. Поэтому он показал перевод одному из христианских миссионеров, очень известному в то время, К.Ф.Эндрюсу – очень образованному, культурному, утонченному человеку. Эндрюс предложил четыре изменения. Он сказал: «Все остальное правильно, но в четырех местах есть грамматические неточности».

Итак, Рабиндранат просто принял его совет и внес изменения в тех четырех местах.

В Лондоне его друг, ирландский поэт Йитс, созвал собрание английских поэтов, чтобы послушать перевод Рабиндраната. Все его высоко оценили. Его красота была чем-то абсолютно новым для западного мира.

Но Йитс, который был самым выдающимся поэтом Англии в то время, сказал: «Все хорошо, но, кажется, кто-то, не являющийся поэтом, внес некоторые изменения в четырех местах».

Рабиндранат не мог поверить этому. Он сказал: «Где эти четыре места?»

Йитс точно указал эти четыре места.

Рабиндранат спросил: «Что здесь не так?»

Он сказал: «Грамматически здесь все правильно. Но поэтически... тот, кто предложил эти изменения, знает грамматику,

но не знает поэзии. Он человек ума, а не человек сердца. Поток прегражден, как будто река наткнулась на скалу».

Рабиндранат сказал ему: «Я спросил К.Ф.Эндрюса, это его слова. Я скажу вам те слова, которые у меня стояли там раньше».

И когда он вставил свои слова, Йитс сказал: «Они совершенно правильны, хотя грамматически и неверны. Но грамматика не имеет значения. Когда речь идет о поэзии, грамматика не имеет значения. Оставьте ваши собственные слова».

Я всегда полагал, что есть пути ума и есть пути сердца, им не надо поддерживать друг друга. И если случается, что ум не согласен с сердцем, тогда ум неправ. Его согласие или несогласие не имеет значения. Важно, чтобы твое сердце чувствовало себя легко, как дома, было спокойным, тихим, гармоничным.

Мы воспитаны для ума, поэтому наш ум весьма изощрен. И никому нет дела до сердца. Фактически, каждый отталкивает сердце в сторону, так как от него нет никакой пользы на рынке, от него нет никакой пользы в мире амбиций, никакой пользы в политике, никакой пользы в бизнесе.

Но со мной ситуация как раз противоположная – бесполезен ум. А сердце... Все случается, просто твое сердце должно быть готовым воспринимать это.

Все приходит, но если твое сердце закрыто... Тайные законы жизни таковы, что даже стука не будет в двери твоего сердца.

Существование умеет ждать, оно может ждать вечность. Все это зависит от тебя.

Все готово случиться в любое мгновение. Только открой все свои двери, все свои окна, чтобы Существование могло вливаться в тебя со всех сторон. Нет никакого другого бога, кроме Существования, и нет никакого другого рая, кроме самого твоего существа. Когда Существование вливается в твое существо, тогда в тебя входит рай или ты входишь в рай, это просто различные способы сказать одно и то же. Но запомни: от тебя ничего не ожидается.

Все религии веками говорили, что ты должен делать это, ты должен то, что ты должен быть мучителем самого себя, ты должен отказаться от удовольствий, ты должен бороться со своим телом, ты должен отречься от мира. В буддийских писаниях имеется тридцать три тысячи правил, которым должен следовать саньясин. Их почти невозможно запомнить, – а о том, чтобы следовать им, и речи быть не может.

У меня нет ни единого правила, которому ты должен следовать; только простое понимание, что это твоя жизнь, — наслаждайся ею, позволь ей петь песню в тебе, позволь ей стать танцем в тебе. Тебе ничего больше не надо делать, кроме как просто быть доступным.

И цветы посыплются на тебя.

Беседа 10

Я ОТВЕЧАЮ НА ВАШИ ВОПРОСЫ ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УБИТЬ ИХ

12 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

в чем разница между подчинением учителю и следованием его указаниям?

Вопрос сложный.

Прежде всего, учитель ожидает не повиновения, а понимания.

Он также не дает тебе руководящих указаний.

В его присутствии твое любящее сердце найдет их само.

Это означает, что те, кто отдает приказы и ожидает, что их приказам будут подчиняться, не являются подлинными учителями.

Учитель не командир. Он не выдает таких вещей, как Десять Заповедей. Конечно, он объясняет тебе свой опыт, свое понимание, и тогда дело за твоим разумом. Это не прямой приказ, это призыв к твоему разуму.

Приказ никогда не имеет никакого отношения к твоему разуму, приказ никогда не требует от тебя никакого понимания. Основная цель всех приказов заключается в том, чтобы низвести людей до состояния роботов. Во всем мире, в любой армии, миллионы людей превращают в машины – разумеется, таким образом, чтобы вы не понимали, что происходит. Методология здесь непрямая.

С какой целью тысячи людей каждое утро маршируют, исполняют приказы – «направо, налево, вперед, назад» – для чего весь этот цирк? И это продолжается годы. Все это для того, чтобы уничтожить ваш разум.

Стратегия заключается в том, что если из года в год вы продолжаете исполнять любые дурацкие, бессмысленные приказы... И вам не положено спрашивать почему. Вы должны только исполнять, и исполнять как можно лучше; вам не нужно ничего понимать. И когда человек проходит через подготовку на протяжении ряда лет, то естественным результатом будет то, что он прекращает задавать вопросы «почему». И почему? А потому, что установка на вопрошание лежит в самой основе всего разума.

Это случилось во время второй мировой войны...

Отставной военный... он участвовал в первой мировой войне и был отмечен многими наградами, он был храбрым

человеком. А теперь прошло уже почти двадцать пять лет. У него была небольшая ферма, и он жил себе потихоньку.

Однажды он возвращался с фермы домой, неся полную корзину яиц, а несколько человек в ресторане, просто забавы ради, сыграли с беднягой-отставником злую шутку. Один из людей в ресторане крикнул: «Смирно!» – и отставник выронил корзину и стал по стойке «смирно».

Двадцать пять лет минуло с тех пор, когда он прошел военную подготовку. Но эта подготовка вошла в его плоть и кровь, она стала частью бессознательного. Он полностью забыл, что он делал, – это произошло почти автономно, механически.

Он очень рассердился. Но те люди сказали: «Ты напрасно сердишься, ведь мы можем выкрикивать любое слово, какое нам хочется. Никто же не говорит, что ты должен исполнить это».

Он сказал: «Для меня уже слишком поздно решать, должен я исполнять это или не должен. Весь мой ум функционирует как машина. Эти двадцать пять лет просто исчезли. "Смирно" означает только "смирно". Из-за вас пропали мои яйца. А я бедный человек».

Но это делается во всем мире. И не только сегодня; с самого начала армии обучались не для того, чтобы пользоваться разумом, а для того, чтобы следовать приказам.

Ты должен понять одну вещь очень ясно: следовать приказу и понимать нечто – это две диаметрально противоположные вещи. Если благодаря пониманию твой разум чувствует себя удовлетворенным и ты делаешь нечто, исходя из этого, тогда ты не следуешь приказу извне, ты следуешь своему собственному разуму.

И подлинный учитель не является твоим командиром. Он любит тебя, и он хочет, чтобы ты был более понимающим, более разумным, более способным найти свой путь, более прозорливым, более интуитивным. Этого нельзя добиться приказами.

Я вспомнил еще один случай времен первой мировой войны. В Берлине один профессор логики был призван в армию. Был недостаток в солдатах, и каждому, кто был физически годен, предлагали пойти добровольцем. В противном случае людей забирали в армию силой...

Ибо все общества, все нации, все культуры принимают как само собой разумеющееся, что индивиды существуют для них, а не наоборот. Для меня же все обстоит как раз противоположным образом: общество существует для индивида, куль-

тура существует для иидивида, иация существует для нидивида. Всем можио пожертвовать, но иидивидом нельзя пожертвовать нн радн чего на свете.

Иидивидуальиость – это само цветение Существования, нет ничего выше. Но ни одиа культура, нн одно общество, ни одиа цивилнзация не готовы признать такую простую истииу.

Профессора забрали снлой. Он сказал: «Я ие тот человек, который может сражаться. Я умею спорнть, я – логик. Если вам иужеи кто-то для того, чтобы поспорить с врагами, я готов, но воевать – это ие мое дело. Это варварское занятие».

Но его иикто ие слушал, н в коице концов его отвели иа учебный плац. Началась строевая подготовка, и комаидир приказал: «Налево!» Все повериулись иалево, ио профессор остался стоять, как стоял.

Командир был слегка озадачеи: «В чем дело? Может быть, этот человек глухой». Поэтому он громко крикнул: «Еще раз налево!» Все снова повернулнсь налево, но этот человек остался стоять, как будто он ннчего не слышал.

Вперед, иазад... отдавались всевозможные приказы, и все их исполиялн. А этот человек оставался стоять на месте.

Ои был нзвестиым профессором, даже командир зиал его. С иим иельзя было обращаться, как с любым другим солдатом; ои пользовался определеииым уважеиием. В коице коицов, когда строевая подготовка закончилась и все вериулись на ту линию, с которой началн, комаидир подошел к профессору и спросил: «У вас что-то неладио с ушамн? Вы хорошо слышите?»

Тот сказал: «Я слышу хорошо».

«Но тогда, – сказал комаидир, – почему вы оставалнсь стоять иа месте? Почему вы не следовали приказам?»

Профессор сказал: «А какой в этом смысл? Когда все в коице концов вернулись в то же самое положение, после всех этих движенннй вперед н назад, иалево и иаправо, какую пользу оии извлеклн?»

Командир сказал: «Это не вопрос извлечения пользы, это подготовка!»

Но профессор сказал: «Мие не иужиа иикакая подготовка. Особенно такая дурацкая... Вы возвращаетесь на то же самое место, совершнв всевозможные дурацкие движения, в которых я не вижу никакого смысла. Можете вы объяснить мне, почему я должеи поворачиваться налево, а не направо?»

Командир сказал: «Странно, нн один солдат не задает таких вопросов».

Профессор сказал: «Я не солдат, я – профессор. Меия

прииудительио доставили сюда, ио вы ие можете заставить меия делать то, что противио моему разуму».

Комаидир отправился к высшему иачальству и сказал: «Что делать с этим человеком? Он может испортить других – так как все смеются иадо миой н говорят: "Профессор, ты великолепеи!" Я ие могу справнться с этим человеком. Он требует, чтобы ему все объясияли: "Пока я ие пойму этого, пока мой разум ие одобрит этого, я этого делать ие буду"».

Главиокомаидующий сказал: «Я зиаю этого человека. Ои – великий логик. Дело всей его жизии заключается в том, чтобы все подвергать сомиеиню. Не беспокойтесь, я сам разберусь с иим».

Ои вызвал профессора к себе н сказал: «Очеиь жаль, ио мы инчего ие можем поделать. Вас прнзвали в армию, страие нужиы солдаты. Но я дам вам такую работу, которая ие будет создавать иикаких затрудиеиий ни для вас, ии для других. Пойдем со мной иа кухию».

Он отвел профессора на кухню и показал ему большую кучу гороха. Он сказал профессору: «Вот что вы будете делать: сидеть здесь. Вы должны сортнровать горох: большие горошииы – в одиу стороиу, маленькие горошииы – в другую. И через час я приду, чтобы посмотреть, как ндут дела».

Через час ои вериулся. Профессор сидел иа том же месте, и горох тоже остался на том же месте.

Главиокомаидующий сказал: «В чем дело? Вы даже не иачали?»

Профессор сказал: «В последиий раз говорю вам, я хочу, чтобы вы все поняли, что если вы не будете объясиять мие... Почему я должен сортнровать горох? Вы оскорбляете мой разум. Разве я иднот, чтобы сортнровать горох? Какая в этом иужда? Более того, есть и другие проблемы. Сидя здесь, я подумал, что, может быть, в этом и есть какая-то нужда, но есть вопросы, которые должны быть решены: здесь есть большие горошнны и есть маленькие горошины, но есть н горошины многих другнх размеров. Как быть с ними? Вы не дали мие инкакого критерня».

Тайиая школа, духовный путь – это ие путь солдата.

Здесь приказы запрещены.

Здесь только взывают к разуму. Решение всегда остается за тобой.

Только лжеучителя дают тебе прнказы, ибо оии не могут удовлетворить твой разум. Подлинный же учитель вполне способен удовлетворить твой разум, а затем предоставнть тебе решать самому. Это твоя жизнь, н окоичательное решенне

должен принимать ты, и никто другой. Ты должен взвалить ответственность на свои собственные плечи. Поэтому, что касается подлинных учителей, то никаких приказов не бывает.

Ты также спросил о руководящих указаниях.

Столетиями людям морочили головы подобной ерундой – как будто духовность является своего рода географией, так что ты получаешь карты, тебе даются указания: следуй правильным указаниям и ты достигнешь цели.

Увы, все не так дешево. У Существования нет никаких карт и никаких единых указаний тоже, ибо каждый индивид настолько уникален, что то, что для одного может быть указанием, ведущим к цели, другого может увести прочь от нее; то, что для одного может быть лекарством, для другого может оказаться ядом.

Индивиды так различны.

И если учитель не может понять различия индивидов, их уникальные качества, таланты, способности, тогда кто же поймет?

Нельзя дать никаких общих указаний.

Учитель просто продолжает давать всевозможные намеки. Запомни мое слово «намеки» – не указания. Ты должен выбирать то, что тебе подходит, и ты должен экспериментировать, чтобы увидеть, работает это для тебя или нет. Если работает, то углубляйся в это; а если не работает, то не чувствуй себя виноватым. Ты не совершил никакого греха, просто тебе не удался некий эксперимент.

С учителем жизнь становится научным экспериментом. Это больше не вопрос рая и ада, награды и наказания. Это вопрос исследования.

И каждый индивид должен исследовать свой собственный путь.

Нет никаких золотых правил – вот единственное золотое правило, которое существует.

Нет никакой сверхскоростной автомагистрали с указателями, сообщающими тебе, сколько тебе осталось до цели. В духовном исследовании тебе надо самому прокладывать себе путь; нет никакого готового пути, по которому тебе оставалось бы только идти.

И мое чувство говорит, что это – потрясающее блаженство и экстаз. Ты же не железнодорожный поезд. Катясь по рельсам, ты не можешь заезжать в джунгли, в горы – туда, куда тебе захочется. Поезд – это узник.

А вот река не узник. Она тоже проделывает большой путь. Она может преодолеть тысячи миль, от самих Гималаев, и в

конце концов достигает океана – без карты, без указаний, без проводников, и никого на пути, у кого бы река могла спросить: «Куда мне теперь идти?» Ведь каждый шаг – это перекресток.

Но вот что странно: каждая река достигает океана с великой свободой, находя свой собственный путь.

Учитель может только давать тебе некие намеки на то, как найти свой путь. Он может давать тебе некие знаки относительно того, нашел ты его или нет; он может давать тебе некие критерии, чтобы судить, движешься ли ты к цели или прочь от нее. Но он не дает тебе руководящих указаний. Это невозможно по самой природе вещей.

Как только ты нашел учителя, ты нашел путь.

А кто является учителем? – не тот, кто исполняет ожидания твоего ума. Христианский ум имеет христианские ожидания, индуистский ум имеет индуистские ожидания, буддийский ум имеет буддийские ожидания.

Учитель – тот, кто осуществляет стремление твоего сердца.

Это не имеет никакого отношения к уму.

Это любовная связь.

Ты просто обнаруживаешь, что влюбился.

Ты просто обнаруживаешь, что твое сердце чувствует себя дома, легко, что твое сердце обрело сокровище и испытывает огромное благословение.

И когда ты приближаешься к учителю – с любовью, с доверием, – твой покой углубляется, твое безмолвие становится не чем-то мертвым, не безмолвием кладбища, а чем-то поющим и танцующим, живым.

Чем больше ты продвигаешься к исполнению твоей жизни, тем больше твоя жизнь становится ликованием, глубокой беспричинной радостью, блаженством, настолько глубоким и настолько изобильным, что ты начинаешь делиться им с другими. Фактически, ты не можешь не делиться им с другими, ибо оно переполняет тебя, ты не можешь сдержать его.

Впервые ты так мал, а твое блаженство бесконечно.

Таковы признаки того, что ты движешься по направлению к дому.

Твои экстазы становятся все глубже и выше.

А если ты удаляешься от дома, ты будешь становиться все более страдающим, все более печальным, все большим святошей, большим христианином, большим индуистом, большим джайном – все виды болезней. Более сведущим, но внутри все более и более пустым, нищим, живущим призрачной надеждой, что где-то в другой жизни, где-то в другом мире, ты

будешь возиаграждеи за всю твою печаль, за твое постиое британское лицо.

Святые ие смеются. Оии опустились иижe человеческого уровия, ибо только человеческие существа смеются. Буйволы ие смеются, ослы ие смеются – все оии относятся к категориям святых и мудрецов. Возможио, эти ребята – ослы и буйволы – были великими мудрецами в их прошлых жизиях, а сейчас оии получают возиаграждеиие. Кто зиает...

Но что касается меня, твое чувство юмора и твой смех будут стаиовиться все глубже, по мере того как ты будешь расти в своем сознаиии. Ты будешь становиться более игривым в жизни.

Поэтому иет ии приказов, ни указаиий, а только смутные намеки, зиаки и постояиное усилие заострнть твой разум, чтобы ты смог найтн свой путь. И чтобы тогда, когда ты найдешь его, тебе хватило отваги разразнться песнями, танцем, ликованнем.

Такова фуикцня учителя: сделать тебя более разумным, более отважиым, более любящим, более поиимающим. Но нет никаких приказов, иикакой дисцнплины, ннкаких руководящих указаний.

Приказы, днсциплина, указания – все это нспользуется людьми, которые хотят доминировать, людьми, которые хотят диктовать свон условия, навязывать свои идеи другим людям.

Я иазываю таких людей величайшими преступиикамн.

Навязывать кому-то свою идею, какой-то идеал, какой-то шаблои, – это иасилие, чнстое иаснлие. Это разрушительно, и учитель ие может делать этого.

Учитель всегда является созидателем.

Возлюбленный Бхагаван,

у меня все время возникают вопросы. Я записываю их, а затем перечитываю. Когда я медитирую, я часто получаю ответ, и много раз так случалось, что тот же самый вопрос задается Вам во время беседы или на видео в тот же вечер. Даже если его задает кто-то другой, я чувствую, что это – мой вопрос, и я чувствую, как будто ответ дается мне.

Возлюбленный учитель, не могли бы Вы прокомментировать это?

Это заблуждеиие, что любой вопрос – твой.

Это просто старая привычка собственничества – дом мой, жеиа моя, ребеиок мой, даже вопрос мой.

Все человеческие существа потенциально способны на любой вопрос, который любой из вас может задать, ибо все вопросы исходят из вашего помешанного ума, а вы все в равной степени помешаны.

Есть лишь несколько вещей, в которых вы равны, – помешанность является одной из них. Лишь изредка кто-то оказывается более помешанным, чем другие; тогда его вяжут.

И вся деятельность психологов, психиатров, психотерапевтов направлена не на то, чтобы ликвидировать помешательство, – этого они не могут; у них нет ни малейшего представления о том, что такое здравость. Все, что они могут, сводится к тому, что, когда кто-то поднимается над средним уровнем помешанности человечества, они могут одернуть его: «А ну-ка, будь нормальным!» «Будь нормальным» означает «Будь нормально помешанным, не пытайся быть ненормальным».

Ненормально помешанные люди считаются сумасшедшими.

С нормально же помешанными людьми – поскольку они являются единственными видом людей, который есть, – не возникает никаких вопросов, никаких проблем, хотя они полны тех же проблем, что и сумасшедшие.

Разница только количественная.

Просто сядь в своей комнате, закрой все двери, запри их изнутри и записывай в блокнот все, что происходит в твоем уме. Не производи никакой редакторской работы, просто продолжай записывать все, что приходит тебе в ум. И ты будешь удивлен – через десять минут прочти то, что ты записал, и ты будешь поражен – написано это тобой или каким-то спятившим типом? Что за бред, что за абсурд происходит в твоем уме?

Говорят, что Бог создал этот мир. Есть много людей, которые доказывают, что в этом мире так много ошибок... он не может быть создан Богом. Совершенный Бог не может создать такой несовершенный мир.

Но я нахожу у него одно слабое место: он не сделал в головах у людей маленькие окошки, через которые другие могли бы заглянуть внутрь и увидеть, что там происходит. Тогда бы это был такой совершенный мир – всего лишь маленькие окошки, чтобы по крайней мере твои друзья могли посмотреть на то, что происходит у тебя в голове. Они были бы удивлены, что снаружи ничего не проявляется, а внутри этот человек несет такой мусор. И это продолжается изо дня в день, двадцать четыре часа в сутки.

В моих медитационных лагерях у меня была одна особая медитация: эта медитация заключалась в том, что в течеиие одиого часа каждый должен был сидеть расслабившись и говорить все, что приходило ему на ум, просто стать рупором своего собственного ума, просто громкоговорителем – и делать все, что захочется, никаких запретов в течение одного часа. И это была такая радость, и люди творили нечто великолепное! Такие хорошие люди... вы бы и представить себе не могли.

Один человек... я бы никогда не подумал, что он устроит такое: сидя передо мной, он непрерывно звонил по телефону. Это был пожилой человек лет шестидесяти, богатый человек, и он непрерывно звонил по телефону: «Алло, алло!» Позже я узнал, что это и было его делом, весь его бизнес был связан с биржей.

И он обычно сидел как раз передо мной, так что время от времени он смотрел на меня и улыбался, так как он видел, что он делает что-то не то, что он несет какую-то чушь. Но что делать? – такова была медитация!

Здесь сидит Джаянтибхаи. Один из его друзей – они старые друзья, они остаются ими и поныне, между ними существует глубокая привязанность – просто встал и начал толкать машину Джаянтибхаи вниз с холма. Это была машина, в которой я приезжал в лагерь, а он собирался столкнуть ее с холма – еще немного и ей пришел бы конец! А он был его большим другом. Мне пришлось сказать людям: «Прекратите вашу медитацию. Остановите этого человека, а то машине придет конец. А ведь он знает, что это – машина его друга, и он знает, что она мне понадобится, что я должен ехать...»

Кое-как его оттащили от машины, но он так разгневался, что в своем гневе взобрался на дерево, которое росло как раз посередине того места, где сидели все медитирующие; он начал сбрасывать с себя одежду и остался голым.

Он такой серьезный, молчаливый человек – никто бы подумать не мог, что он может делать такие вещи. И было так трудно заставить его спуститься: «Медитация закончилась, спускайся вниз!» Но он не слушал, ему было так трудно выйти из медитации.

Эти вещи происходят в уме, не вы делаете их.

В конце концов я вынужден был отказаться от этой медитации, так как она была опасной. Выбросить весь мусор из головы – это прекрасно, это очищает, но это опасно – люди могут начать бить друг друга.

В одном месте так и случилось. Люди медитировали, а

одии *сардарджи* начал иаиосить удары... ие то чтобы кто-то был его врагом или что-либо в этом роде. Он делал такие большие прыжки, чтобы наиосить людям удары, что вся площадка опустела; все медитирующие оказались за пределами площадки, и сардарджи остался иа ней в одиночестве.

Я сказал: «Сардарджи, теперь сядь. Все разбежались».

Он сказал: «Что на меня нашло? Ведь я ие агрессивиый человек». И люди из его города подтвердили: «Он очень хороший человек. Что это пришло ему в голову?»

Я сказал: «Должно быть, это приходило ему в голову каждый день; просто не было удобного случая. Сегодня такой случай ему представился. Он одии разогнал всех медитирующих!» А там было по меньшей мере пятьсот человек.

Позже я спросил у него: «Ты осознал, что ты делал?»

Он сказал: «Я осознал, что я делал что-то не то, ведь эти люди не причинили мне никакого зла. Большинство из них я даже не знаю. Но с самого детства я вижу сны, что я бью людей. Даже дием, когда я закрываю глаза, это находит на меня: я один могу справиться с сотнями людей. Вы сами видели это – пятьсот человек, великие медитаторы, и все они позабыли о своей медитации».

Я сказал: «И ты думаешь, что ты здоров?»

Он ответил: «Именно этот вопрос я все время задаю себе после вашей медитации! Это гвоздем засело у меня в голове... в любое время что-то может произойти, выйти из-под моего контроля, и я окажусь помешанным. Помешанность есть, просто она подавлена».

В мире есть только два вида людей: нормально помешанные люди и ненормально помешанные люди.

Один человек сошел с ума... а сумасшедшие очень изобретательны, так как они никого не боятся; они не заботятся о своей респектабельности, им дела нет до того, что о них подумают другие. Они становятся совсем бесстрашными, и они начинают делать свое дело – то, что они всегда хотели делать, но подавляли.

У этого человека появилась навязчивая идея, что по всему его телу ползают какие-то странные склизкие твари, и весь день напролет он сбрасывал их с себя. Его родные говорили: «Что ты делаешь – ведь мы не видим никаких склизких тварей?»

Он отвечал: «Вы и не можете их видеть. Раньше я сам был в вашем положении; у меня были подозрения на этот счет, но я никогда не видел их. Теперь, кажется, у меня открылся

третий глаз. Я могу видеть их!» И он продолжал сбрасывать их с себя.

Они говорили ему: «Ты просто... ты собираешься на работу, в свою контору, или нет?»

Он говорил: «Как же я могу пойти? И это так противно – они ползают у меня по лицу, забираются в волосы... Я никуда не могу пойти».

Поэтому в конце концов они отвели его к психиатру. Психиатр сказал: «Не беспокойтесь. Я уже сталкивался с такими случаями. Проходите сюда и садитесь».

Тот сел, продолжая сбрасывать с себя тварей. Психиатр сказал: «Ничего страшного, у вас просто есть навязчивая идея, вы стали одержимым этой идеей».

Он сказал: «Одержимым? Сейчас я вам покажу».

Он пододвинул свой стул поближе к психиатру. Психиатр сказал: «Что вы делаете?»

И этот человек начал бросать своих тварей на психиатра, а психиатр закричал: «Прекратите! Не бросайте на меня этих тварей! Что вы за человек? Вы пришли сюда за лечением или для того, чтобы и меня сделать больным? Какой отвратительный тип!»

Тот сказал: «Теперь вы видите, что это не просто идея».

Психиатр сказал: «Да, я понимаю, это не просто идея. Я могу видеть их; кажется, у меня тоже открывается третий глаз! Но только не приходите больше ко мне. Обратитесь к другому психиатру, он живет как раз напротив меня. Он – мой враг, и когда я сталкиваюсь с такими пациентами, как вы, я направлю их к нему. И простите меня – вот ваши деньги, возьмите их назад. Но не разбрасывайте здесь ваших тварей! Отнесите их к тому психиатру – вон там находится его приемная, он принимает каждый день. И если вы хотите, я заплачу за вас. Сколько бы он с вас ни запросил, я заплачу. Но только откройте его третий глаз так же, как вы открыли мой. Вы великолепны – есть йоги, которые упорно пытаются открыть свой третий глаз, и ничего не открывается, а вы за несколько минут открыли мой третий глаз». И когда этот человек уходил, он оглянулся. Психиатр сбрасывал с себя этих тварей.

Все находятся в одной лодке. Только одни сидят посередине, а другие сидят у самого борта и легко могут свалиться в реку.

Это не твой вопрос. Ни один вопрос не является твоим.

Запомни, что вопросы исходят из твоей нормальной

помешанности. Поэтому, когда ты слышишь, что кто-то другой задает твой вопрос, не удивляйся.

Это те же самые склизкие твари – это не твоя монополия. У других они тоже есть.

Если ты будешь хранить молчание, ты обнаружишь, что каждый вопрос, который когда-либо беспокоил тебя, задается кем-то другим – ибо мы не острова, мы все связаны, мы суть один континент. И мы непрерывно ведём передачу наших идей, даже ничего не говоря кому-то, сидящему рядом с нами. Ни ты не пытаешься сказать что-то ему, ни он не пытается услышать тебя, а просто эти идеи излучаются.

Вот что надо понять: большинство твоих идей – это просто непрошеные гости, которые берутся откуда угодно. Они витают в воздухе, и как только они попадают к тебе в голову, ты думаешь: «Это моя идея».

И если ты слушаешь внимательно, тогда каждый ответ предназначен для тебя. Даже если вопрос не был твоим, даже если ты не мог признать никакого сходства между этим вопросом и каким-либо вопросом в твоем уме, ответ, несомненно, предназначен для тебя – как и для всякого другого.

Ибо моя работа – это не то, что можно назвать розничной торговлей: это оптовое дело.

Если бы я занимался розничным делом, это была бы слишком большая работа для слишком короткой жизни; я бы не смог помочь многим людям.

У меня оптовое дело. Мой ответ предназначен для всех вас, спрашивали вы или нет. Возможно, вы спросите завтра или послезавтра; просто ждите, – но запомните ответ. Вопрос придет. Может быть, вопрос уже приближается, уже поднимается из вашего бессознательного; он просто не пришёл вовремя. Поэтому храните ответ, а вопрос обязательно придет.

Я отвечаю на ваши вопросы, чтобы просто убить их, чтобы просто уничтожить их, тогда я смогу помочь вам выйти за пределы вопросов и ответов, в состояние безмолвия, где нет никаких вопросов и никаких ответов.

Это пространство – пространство всех чудес, всех таинств.

Это волшебное пространство я называю подлинной религией.

Войти в него – значит стать религиозным человеком.

Возлюбленный Бхагаван,

когда я сижу здесь с Вами, я пытаюсь наблюдать и быть как можно более осознающим. Мой ум продолжает болтать,

спрашивая, то ли это пространство, следует ли мне быть наблюдателем или потеряться в Вас. В то же самое время я пытаюсь расслабиться и игнорировать все это. Так или иначе, несмотря на все эту гимнастику, наступает момент, когда происходит таяние и я становлюсь таким мягким и восприимчивым, таким простым и текучим.

Возлюбленный учитель, как мне перестать мешать самому себе, чтобы не расточать попусту это драгоценное время пребывания с Вами?

Есть вещи, которые иа самом деле просты, но стаиовятся очень сложными из-за тебя самого.

Сейчас, сидя здесь, ты можешь просто расслабиться и наслаждаться, – но нет, ты делаешь из этого проблему: расслабляться ли тебе, или сливаться, или иаблюдать?

И из-за всего этого ты опаздываешь иа поезд.

Здесь не надо ничего делать.

Просто расслабься и слушай, и из этого слушания к тебе придут некие прозрения. Используй эти прозреиия в своей жизни.

Когда кто-то оскорбляет тебя, наблюдай это – как будто ты просто наблюдатель, а он оскорбляет кого-то другого. Это как раз тот случай.

Или ты сидишь на берегу океаиа – сливайся с красотой восхода солнца, ибо красота – это иечто, чем надо наслаждаться.

А гнев – это нечто, что надо отбросить.

Итак, различные методы должны использоваться в различных ситуациях. Когда ты лежишь в постели, тебе иичего ие надо делать – просто расслабься. Весь день ты был активиым, ты заиимался тысячей и одиим делом. Теперь пришло время позабыть все это и просто позволить себе расслабиться и пополнить запасы энергии.

Расслабление, слияние, наблюдение – все это различные техиики для различных ситуаций. И если ты будешь пытаться использовать все эти техиики в одной ситуации, ты просто упустишь всю суть и ты ие сможешь делать ни то, ни это.

Тем ие меиее, тебе повезло, что, заиимаясь таким глупым делом, ты в коице концов иаходишь расслабление.

Возможно, ты устаешь, хорошего понемножку – слияиие, наблюдеиие, расслабление... Ты устаешь, поэтому расслабление приходит само по себе; ты чувствуешь себя легко. Это хорошо.

В Иидии у иас есть пословица, что, если человек утром

пропадает, а вечером приходит домой, его не следует называть «пропащим». Весь день он где-то таскается и занимается всяческими дурацкими делами, – но он, по крайней мере, возвращается домой.

Но еслн ты видишь, что расслабление приходит, что тебе становится легко и все идет прекрасно, то почему бы не проделывать это с самого начала? Разве это вступление является необходимостью?

Если ты вндел драмы Джорджа Бернарда Шоу, то у него очень длинные вступления, длнннее, чем сама драма. Драма весьма непродолжнтельна, а вступленне в три раза длиннее. Все друзья, доброжелатели, говорили ему: «Это слишком утомительно. Если мы пропускаем вступление и читаем только драму, тогда возникает чувство, что, возможио, мы теряем нечто: человек написал такое большое вступленне, в нем должно быть нечто. А если мы читаем ваше вступление, то оно настолько утомительно, что к тому времени, когда мы добираемся до драмы, нам хочется зашвырнуть книгу подальше – вы так измучили иас».

Нет никакой нужды в длинных вступлениях, достаточно лишь предисловия. Поэтому все в порядке, если минуту или две ты занимаешься слиянием, расслабленнем, наблюдением: заканчивай с этнм побыстрее, чтобы почувствовать удовлетворение оттого, что вступнтельная часть выполнена. Затем переходи к настоящей драме – расслабься н наслаждайся.

Вещи просты. Но так нли иначе ум хочет делать их сложными, без всякой на то нужды, поскольку, если они не сложные, от ума нет никакой пользы.

Ум полезен только тогда, когда что-то является сложиым, – тогда ум нужен. Когда же вещь проста, ум совсем не нужен.

А жизнь настолько проста, что, если человек достаточно отважен, чтобы жить ею, от ума можно полностью отказаться. Отказаться от ума и жить естественной жизиью – это то, что я называю санньясой.

От мгновения к мгновению, а там увидим.

Зачем все время устраивать репетицнн?

Когда мгновение прндет, твое сознаиие смело встретнт его и отклнкнется на иего.

Но люди так много готовятся, что почти вся нх жизнь расходуется на подготовку.

Я слышал историю об одном немецком профессоре. Ему захотелось нметь самое большое собрание философской, религиозной и духовной лнтературы. А ои был очень богатым человеком, поэтому он стал путешествовать по всему миру,

собирая всевозможные писания. В мире есть триста религий и сотни философий, и по каждой из них написаны сотни книг на разных языках. И он нанял переводчиков, чтобы перевести все эти книги на немецкий язык. И все это было подготовкой к тому моменту, когда он начнет читать.

Но к тому времени, когда ему исполнилось девяносто лет, он все еще собирал книги.

Кто-то сказал ему: «Вам уже пора начинать читать. Подготовка продолжалась слишком долго, и вы уже имеете тысячи и тысячи книг – мы не думаем, что вы сможете прочесть их все. Ваша жизнь подходит к концу; вам осталось жить, может быть, год или два».

Он сказал: «Но мое собрание еще не полное».

Поэтому он стал собирать книги еще более интенсивно, подключил к собиранию и переводу книг еще больше людей. В конце концов он заболел, и врач сказал: «Ему осталось жить не более семи дней».

Он созвал всех специалистов, которые переводили для него книги: «Теперь прекратите переводить. Просто постарайтесь сделать для меня краткое изложение каждого писания, так как мне осталось жить только семь дней, А я хочу узнать, что написано во всех этих писаниях. Так что подготовьте краткие изложения всех писаний».

Но специалисты сказали: «Вы собрали так много писаний, что даже с краткими изложениями ничего не получится. Мы попытаемся, но за семь дней все краткие изложения не будут готовы».

Наступил последний день. Он снова спросил: «Как дела?»

Они сказали: «Мы стараемся».

Он сказал: «Забудьте об этом. Сделайте вот что: составьте один небольшой конспект, резюмирующий все писания. Ибо у меня не остается больше времени; я чувствую, что я умираю. Поэтому поторопитесь».

Они сказали: «Как тут можно поторопиться? Мы должны просмотреть писания, чтобы найти саму их суть, самое существенное во всех писаниях. Для этого потребуется некоторое время».

Прошел целый день, и к вечеру, когда они завершили работу, у них получился небольшой конспект на нескольких страницах. Они пришли к нему, он был уже при последнем издыхании. Он сказал: «Так много страниц... это не годится. Сделайте из этого полстраницы, просто краткое обобщение, которое можно напечатать на почтовой открытке. У меня нет времени на все эти страницы».

Они бросились назад и снова стали обобщать. Теперь в этом не оставалось никакого смысла, поскольку все эти писания, обобщения и обобщения... И к тому времени, когда они вернулись, профессор был мертв.

Его жена сказала: «Это очень печально. Но по крайней мере вы можете громко крикнуть ему в ухо; возможно, он еще в состоянии слышать. Он только что отошел».

Врач сказал: «Теперь это бесполезно. Но вы можете попытаться, вреда в этом не будет». И один специалист прокричал ему в ухо обобщение всех писаний. Но он был уже мертв, и врачи сказали: «Теперь он не может слышать».

Вся его жизнь ушла на подготовку.

И это история не только об одном странном, чудаковатом человеке. Это история обо всех нормальных людях: подготовка, подготовка, подготовка. Они полностью забывают... подготовка к чему?

Мы не можем быть уверены даже в следующем мгновении. Подготовка к чему? Либо живи, либо готовься.

Если ты хочешь жить, живи сейчас. Или готовься к завтрашнему дню, – но помни, что завтрашний день не приходит никогда.

Вместо завтрашнего дня приходит смерть.

Разумный человек живет своей жизнью. Он не беспокоится о подготовке, дисциплине.

Ты находишься здесь со мной.

Живи этим мгновением во всей его полноте, во всей его интенсивности. Возможно, из этой полноты и интенсивности ты уловишь вкус, который останется у тебя и в следующем мгновении.

И как только ты познаешь, что мгновение можно прожить с полнотой и интенсивностью, ты узнаешь тайну, саму тайну жизни.

Тебе всегда дается одно-единственное мгновение, никогда два мгновения сразу.

Если ты знаешь тайну, как прожить одно мгновение, ты знаешь всю тайну жизни. Ибо ты всегда будешь получать одно мгновение – и ты знаешь, как прожить его, как полностью быть в нем.

Твой вопрос напомнил мне об одной моей старой приятельнице, многоножке. У многоножки – сто ног, отсюда и название «стоножка» (англ. centipede). Это слово происходит от санскритского *шатпади*.

Однажды ранним утром, как раз на восходе солнца, стоножка отправилась на утреннюю прогулку. Некий кролик,

обладавший философским складом ума, увидев ее ноги, не мог поверить своим глазам – он сказал: «Боже мой, этой стоножке не миновать беды. Как ей упомнить, какой ногой делать первый шаг, какой – второй... целая сотня ног! Она непременно попадет в беду».

Кролик подошел поближе и сказал стоножке: «Тетушка, я – кролик-философ, скромный искатель истины».

Стоножка сказала: «Это все очень хорошо, но в чем проблема?»

Он сказал: «Проблема в следующем: как ты управляешься с целой сотней ног?»

И стоножка сказала: «Я никогда не думала об этом. И ни одна стоножка никогда не думала об этом; в наших писаниях об этом нет никаких упоминаний. Мы прекрасно управлялись со своими ногами. Но твой вопрос правомерен. Подожди немного. Я попробую». И она не смогла двинуть даже двумя ногами.

Ошеломленная, она упала.

И она очень рассердилась на кролика. Она сказала: «Негодяй, никогда больше не смей задавать стоножкам твой философский вопрос. Этот вопрос засел у меня в голове; теперь я не могу ходить, не думая о том, как это происходит – какой ногой? А ног целая сотня... Ты погубил мою жизнь. Но если у тебя есть хоть немного доброты, не задавай больше никому таких вопросов. Я попытаюсь забыть этот вопрос. Я не знаю... Если я смогу забыть его, я смогу жить; если не смогу, тогда мне конец».

Сейчас ты пытаешься быть в моем присутствии, расслабляясь, сливаясь, наблюдая... ты попадешь в беду.

Забудь всю эту ерунду, забудь все философские вопросы.

Здесь – просто будь.

Просто будь, и из этого бытия вырастает понимание, которое дает тебе прозрение в то, где сливаться, где наблюдать, где расслабляться.

Здесь ты должен просто уловить вкус бытия – бытия полностью живым, безмолвным, радостным – и из этого придет все остальное.

Беседа 11

ГАРМОНИЯ... МЕСТО РОЖДЕНИЯ ЛЮБВИ

13 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

плод падает на землю, когда он созрел. Придет день, и Вы оставите нас, и невозможно будет иметь другого учителя вместо Вас. Бхагаван, когда Вы оставите физическое тело, будут ли Ваши медитационные техники помогать нашему внутреннему росту, как они помогают сейчас?

Мой подход к вашему росту в основном сводится к тому, чтобы сделать вас независимыми от меня.

Любой вид зависимости – это рабство, а духовная зависимость – наихудшее рабство из всех.

Я прикладываю все усилия, чтобы сделать вас осознающими вашу индивидуальность, вашу свободу, вашу абсолютную способность расти без чьей-либо помощи.

Ваш рост – это нечто внутренне присущее вашему существу. Он не приходит откуда-то извне; это – не навязывание, это – развертывание.

Все медитационные техники, которые я вам дал, зависят не от меня – мое присутствие или отсутствие не будет иметь никакого значения – они зависят от вас. Чтобы они работали, необходимо не мое присутствие, а ваше присутствие.

Помогать будет не мое пребывание здесь, а ваше пребывание здесь, ваше пребывание в настоящем, ваше пребывание бдительными и осознающими.

Я могу понять твой вопрос и его уместность. Он не неуместен.

Вся история человечества – это история различных способов эксплуатации. И даже так называемые духовные люди не могли устоять перед искушением эксплуатировать. Из ста учителей девяносто девять старались навязать идею: «Без меня вы не можете расти, не может быть и речи ни о каком продвижении. Возложите всю свою ответственность на меня».

Но как только вы возлагаете на кого-то всю свою ответственность, вы, сами того не зная, отдаете и всю свою свободу.

И, естественно, все эти учителя должны были в свое время умереть, но они оставили длинные вереницы рабов: христиане, иудеи, индуисты, мусульмане. Что такое эти люди? Почему кто-то должен быть христианином? Если ты можешь быть кем-то, будь Христом, никогда не будь христианином. Разве ты

абсолютио слеп и не видишь своего уиижеиия, когда ты называешь себя христианнном, последователем кого-то, кто умер две тысячи лет назад? Все человечество следует за мертвыми.

Разве не странно, что живые должиы следовать за мертвыми, что иад живыми должиы господствовать мертвые, что живые должиы зависеть от мертвых и их обещаний: «Мы придем, чтобы спасти вас»?

Никто нз иих не пришел, чтобы спасти вас. На самом деле ннкто не может спасти кого-то другого; это идет вразрез с фундамеитальной истииой свободы и ндивидуальности.

Что же касается меня, то я просто предпринимаю все усилия, чтобы сделать вас свободными от кого бы то ни было – и от меня тоже – и чтобы вы самостоятельно шли по пути поиска.

Существование уважает такого человека, который отваживается самостоятельно искать истину. Рабов же Существование совсем не уважает. Они не заслуживают никакого уваження; они сами себя не уважают, как же они могут ожидать, что Существование будет относиться к ним почтительно.

Итак, запомните: когда я уйду, вы ничего не потеряете. Возможно, вы даже приобретете нечто такое, о чем вы абсолютно не подозреваете.

Прямо сейчас я доступен для вас только воплощенным, заключенным в определенную форму. Когда я уйду, куда я отправлюсь? Я буду здесь в ветрах, в океане; и если вы любите меня, если вы доверяете мне, вы будете чувствовать меня тысячью и одним способом. В моменты вашего безмолвия вы внезапно будете ощущать мое присутствие.

Раз я не воплощен, мое сознание универсально.

Сейчас вы должны приходить ко мне.

Тогда же вам не надо будет искать меня. Где бы вы ни были... ваша жажда, ваша любовь... и вы найдете меня в самом вашем сердце, в самом биении вашего сердца.

Возлюбленный Бхагаван,

когда я был предоставлен самому себе на рыночной площади, я чувствовал, что в своих действиях становлюсь очень механистичным и неосознающим. Сейчас, когда я пребываю в Вашем присутствии и направляюсь внутрь, скорость моего тела-ума замедляется и возникает осознавание себя. Это состояние осознавания себя дает легкость, и хочется

оставаться в нем все больше и больше. Когда я смотрю на Вас, я вижу грациозность, распространяющуюся в запредельность.

Бхагаван, не могли бы Вы рассказать об осознавании учеником самого себя и о грации учителя?

Это хорошо, что ты начинаешь осознавать очень важный феномен: что на рыночиой площадн ты стал механистичным, роботоподобным.

Придя сюда, ты стал расслабляться.

Скорость ума мало-помалу становнтся все меньше. И по мере того как твое осознаванне становнтся ясным, твоя механистичность исчезает. Ты должеи увндеть, что осознавание н механнстнчность не могут существовать вместе; не может быть ннкакого сосуществования между этими двумя факторамн.

На рыночной площадн от тебя ие требуется осознаваиие, от тебя требуется эффективиость. Эффективиость – это качество машин; машнны более эффектнвны, чем человеческие существа. Поскольку требуется эффективность, ты стаиовншься более механистичным, а когда ты становишься более механистнчным, твое осознавание нсчезает.

А твое осознавание – это твое подлнииое существо.

Благодаря эффективности и механистнчностн ты можешь преуспеть в накопленнн деиег, власти, престнжа, респектабельности, но ты потеряешь самого себя. И ты отдаешь себя по дешевке; то, что ты получаешь взамен, не нмеет никакой ценностн.

Знаешь лн ты, как много людей жило до тебя на этой земле? Осознаешь ли ты тот факт, что мнллноны нз ннх были преуспевающими людьми? Мнллноны нз ннх были зиамеииты в свое время, а сейчас люди даже не помият их имен. Оии нсчезли как сны, не оставнв после себя ннкакого следа.

Мы тоже исчезаем такнм же образом. Те иемиогие люди, которые умерлн и все же продолжают жить в любвн людей, в доверин людей, не относятся к преуспевающнм – нмператорам, завоевателям мира, богачам. Эти иемиогие люди, которые несмотря на свою смерть все еще живут в сердцах людей, прннадлежат к совсем нной категорин: оин были людьмн осозиавання, людьмн с душой. Их воздействие было иастолько глубокнм, что оно сохраннтся, пока будет жнв хоть однн человек.

Гаутама Будда, Лао-цзы, Кабир, Христос, Маисур аль-Халладж – этих людей иельзя забыть.

Оии будут продолжать жить в глубочайших тайииках твоего существа по той простой причиие, что оии иикогда ие

поступались своим осознаванием ради соблазнов рыночной площади.

Итак, прежде всего ты стал осознающим. Делай свое осознавание более острым, и в следующий раз, когда ты окажешься на рыночной площади, не будет нужды становиться роботоподобным. Возможно, ты не будешь таким эффективным, как роботы, – ну и что? Возможно, ты не будешь таким преуспевающим, как механические люди, – ну и что? Пусть они покуражатся, а затем они исчезнут как мыльные пузыри. Не завидуй им. Будь сострадательным по отношению к ним и довольствуйся своим осознаванием.

Рискуй всем ради осознавания, но никогда не рискуй осознаванием ради чего бы то ни было. Таково обязательство саньясина; он готов потерять жизнь, но не осознавание; он нашел ценность, которая выше жизни. Нет никакой другой ценности, которая была бы выше осознавания.

Осознавание – это семя божественности в тебе.

Когда оно полностью прорастает, ты приходишь к претворению своей судьбы.

Когда твое осознавание углубляется, твои действия могут и не быть эффективными, но в них будет новое качество – качество грациозности – которое гораздо более ценно. Ни одна машина не может иметь качество грациозности. Твои действия, твои слова будут обладать своей собственной красотой.

Человек осознавания живет таким образом, что каждое мгновение наполнено потрясающей грацией и красотой. Это отражается в его действиях, даже в самых незначительных действиях – просто в жесте руки или в том, как он выглядит, в глубине его глаз или во власти его слов, или в музыке его молчания. Само его присутствие – это праздник.

По сравнению с таким человеком императоры оказываются нищими; у них есть все в мире, но внутри они пусты.

Храм может быть сделан из золота, но внутри храма нет хозяина.

Ученик с каждым днем становится все более и более грациозным, все более и более бдительным – и непременным последствием всех этих качеств будет глубокая благодарность по отношению к учителю.

Это не означает, что на тебе лежит какая-то обязанность. Если это обязанность, тогда благодарность фальшива. Если же благодарность приходит сама по себе, тогда она обладает подлинностью.

И по мере того как растет твоя благодарность, ты становишься более доступным, более открытым. Учитель может

влить в тебя все свое существо, все свое блаженство, все свое благословение.

Возлюбленный Бхагаван,

я ощущаю, что нечто чудесное, нечто невероятное происходит с Вами там, в Вашем кресле. И с годами я все больше и больше ощущаю, что нечто действительно чудесное происходит здесь, внутри меня. Для меня это не просветление – я знаю это. Но это нечто вроде гармонии с Вами.

Бхагаван, не могли бы Вы сказать что-нибудь о том, как мне пройти сквозь дымовую завесу ума и вынести наружу это чудо, это прекрасное чувство одаренности, чтобы оно могло расти?

Феномен гармонии – это одно из самых таинственных переживаний.

Гармония означает, что два тела по-прежнему являются двумя телами, но в них уже не две души.

Одна душа в двух телах – вот точное значение гармонии.

Это самое утонченное переживание.

Обычно мы живем в конфликте, в дисгармонии. Муж живет в дисгармонии с женой – они называют это совместной жизнью. Но если не возникает единство, их близость есть не что иное, как скрытый конфликт, который в любое мгновение может прорваться наружу по любой пустяковой, глупой причине. Оба сидят на вулкане.

Родители чувствуют разрыв поколений между собой и собственными детьми. Кажется, что нет никакой общей основы для понимания; гармония – отдаленная цель. Они даже не понимают языка друг друга – не то чтобы они говорили на разных языках, просто у них разные взгляды, разные позиции, разные подходы к жизни – и кажется, что нет никакого способа прийти к примирению. Родители и дети больше не разговаривают друг с другом, так как любой разговор превращается в ссору.

То же самое происходит с мужьями и женами. В начале супружества, пока еще есть запал, они скандалят, жены бросаются всем, что попадает под руку, бьют тарелки, чашки и стаканы, швыряют подушки. Мужья ведут себя таким же образом – они бьют тех самых женщин, без которых раньше, как они думали, не могли жить. Муж не только бьет жену, много раз в своем воображении он даже убивает ее; или же

жена собирается убить мужа. Дело только в том, кто первый возьмет на себя инициативу; это – холодная война.

Мало-помалу все остывают: больше по дому не летают подушки, не бьется посуда. Но это не означает, что они пришли к гармонии. Это просто означает, что они поняли глупость всего этого; лучше молчать. Муж просто продолжает читать свою газету. По воскресеньям бывает немного труднее; они избегают друг друга, они не хотят оставаться наедине друг с другом.

Когда одному из моих друзей – очень богатому человеку – исполнилось пятьдесят лет, он сказал мне: «У меня достаточно денег. Обе мои дочери вышли замуж. И жить стало трудно... так как в доме остались только моя жена и я».

Но я сказал: «Ты должен быть счастлив. Я думал, что это был брак по любвн».

Он сказал: «Теперь я совсем не употребляю это слово – "любовь", именно это слово разрушило мою жизнь. Так что только из-за жены я продолжаю заниматься делами – лишь бы быть подальше от нее, а иначе в этом не было бы никакой нужды».

Я сказал: «Тогда подыщите красивый дом в горах, переезжайте туда н живите себе спокойно».

Он сказал: «Это... наедине с этой женщиной в горах? Ты предлагаешь убийство!»

Я сказал: «О чем ты говоришь? Кто кого собирается убивать?»

Он ответил: «Это зависит от того, кто первым возьмет на себя нннциатнву. Наедине с этой женщнной? Нет! Если бы ты согласился жить с намн, тогда бы я был в безопасности, я бы мог поехать в горы. Без кого-ннбудь из друзей мы даже в кино не ходим. Он должен сидеть между намн, иначе... любого пустяка достаточно, чтобы началась ссора».

Я сказал: «Я никогда не видел, чтобы вы ссорнлнсь».

Он сказал: «Это верно, на протяженин многих лет все шло подспудно. Но мы все время ссоримся. Я представляю себе, как бью ее; она представляет себе, как бьет меня; но чтобы не устраивать спектакль... что подумают люди, что подумают слуги?»

Они не спали в одной комнате. Я спроснл его жену о причине. Она сказал: «Нет, особой проблемы тут нет... просто он храпнт».

Я сказал: «Я много раз спал с ннм в одной комнате. Я ннкогда не слышал, чтобы он храпел».

Я спросил моего друга: «В чем дело? Твоя жена говорит, что ты храпишь».

Он сказал: «Да, я храплю – только для того, чтобы не спать с ней в одной комнате. Я никогда не храплю во сне! Вот почему ты никогда не слышал моего храпа. Мне приходится прикладывать усилие, чтобы храпеть, – это очень трудное искусство, ему надо учиться – только для того, чтобы дать ей предлог. Она хотела спать в другой комнате, но нужен был какой-нибудь предлог. А так мне здесь очень спокойно. Она находится там, а я запираю дверь изнутри, так как она может войти посреди ночи; ей в голову может прийти какая-нибудь идея, и начнется ссора».

Люди не живут в гармонии. Гармония – пустое слово, и для большинства людей, к сожалению, оно остается пустым. Они знают только борьбу, гнев.

Гармония означает, что ты отбрасываешь свое эго, ты говоришь: «Я хочу быть с тобой в таком глубоком единстве, чтобы в самой этой идее "я" не было больше нужды».

Мало людей живет в гармонии; и в особенности учитель и ученик не могут иметь никакой связи без гармонии. У учителя нет эго; ученику же надо отбросить свое эго, и два сознания становятся одним, звучит великая музыка – одна и та же музыка в учителе и в ученике.

Это случается и в других видах отношений тоже, но очень редко. Я вспомнил об одной странной книге, написанной на санскрите. Ее название – *Бхамити*. Это странное название, ибо эта книга является комментарием к одному из самых философских трактатов, когда-либо написанных, *Брахмасутрам* Бадарояны.

Бадараяна, возможно, является величайшим философом, которого породил мир, и он написал эти краткие максимы, *Брахмасутра*, максимы о предельном.

Во всем мире нет ни одной другой книги, к которой было бы написано столько комментариев – тысячи и тысячи комментариев, ибо эти максимы являются такими краткими, такими сжатыми, что если кто-то не возьмет на себя труд раскрыть их, объяснить, истолковать их, вы не сможете обнаружить их смысл.

Брахмасутры – странная книга. Ни у одной другой книги нет такой судьбы, как у книги *Брахмасутры* Бадараяны. Были написаны комментарии, но комментарии тоже оказались очень трудными для понимания, поэтому были написаны комментарии к комментариям. Но и они оказались не такими

уж простыми, поэтому и к этим комментариям были напнсаны комментарин...

Это единственная книга, в которой вы найдете серию комментариев; орнгинал утрачен. И тысячи лет в Индни людн писали комментарни к комментарням, чтобы доиестн до масс смысл *Брахмасутр*.

Одиим из комментариев, одним из лучших комментариев к *Брахмасутрам* является *Бхамити*, и это странио, так как *Бхамити* – это женское нмя, и назвать так комментарий...

Этот комментарнй был написан одннм великим фнлософом, Вачаспати, вот его-то жену и звали Бхамнтн. Чтобы написать этот комментарий, ему потребовалось двенадцать лет, и он решил, что в тот день, когда комментарий будет завершен, он отречется от мнра и уйдет в Гималаи.

И вот однажды ночью комментарнй был закончен. Он взял свечу, при свете которой писал свой комментарнй, н отправился в свою комнату. И по путн туда он натолкнулся на какую-то женщнну, он спроснл: «Кто ты н что ты делаешь здесь?»

Она сказал: «Мой господнн, вы былн так поглощены напнсанием комментария, что совершеиио забыли, что женилнсь на мие. Я – ваша жена».

Вачаспатн сказал: «Я помню. И я также помню, что каждый день... иу-ка покажн мне свою руку, так как я могу узиать твою руку. Ты была той, которая каждый день ставнла рядом со мной свечу, когда садилось солице. Я знаю эту руку. Но уже слишком поздно; я решил, что в тот деиь, когда комментарнй будет завершен, я оставлю дом. Тебе следовало бы напомннть мне о себе».

Бхамнтн сказала: «Тревожить вас – это было бы проявленнем нелюбвн, я ждала. И не беспокойтесь – если вы решили уйти, уходите без всякого беспокойства. Я не буду препятствовать вашему решенню. Достаточно того, что я внжу вашу заботу обо мне. Этого мне будет достаточно на всю мою жнзнь: вы проявнли определенную любовь ко мне».

Вачаспати сказал: «Ты – велнкая женщина. Очень редко можно встретнть такую женщнну. Можно легко найти миого комментаторов моего уровня, но найтн женщину твоих достоинств – такая любовь, такое доверие, такое умение ждать, такое терпение! И такое величие сердца – для тебя было достаточно заботы о том, что мне становится темно писать, – как будто не было ннкакнх ожнданнй! Я назову мой комментарнй «Бхамитн», так что каждый, кто будет читать этот комментарий, обязательно удивнтся его названию – ведь оно

не имеет никакого отношения к делу, комментарий посвящен *Брахмасутрам*... и Бхамити? Но без тебя, без твоей любви, без твоего терпения, без твоего безмолвного ожидания... Ты никогда не пыталась обратить на себя мое внимание, а ты так прекрасна, что можно с уверенностью сказать, что если бы ты обратила на себя мое внимание, это вывело бы меня из равновесия. Я мог бы позабыть о комментарии; я мог бы задержать его завершение только для того, чтобы остаться с тобой».

Но Бхамити сказала: «Я получила больше, чем заслуживаю. Вы не должны больше задерживаться в доме. Позвольте мне гордиться тем, что у меня есть муж, который выполнил свое решение... хотя сейчас я вижу, что вы колеблетесь. Отбросьте колебания. Я не позволю вам остаться в доме; вы должны уйти в Гималаи – ибо если вы останетесь дома, я не смогу относиться к вам с тем же уважением».

Это потрясающая, невероятная история.

Вачаспати ушел в Гималаи, но он не мог забыть Бхамити... такое достоинство, такая грация и такая красота... нечто за пределами человеческих качеств. Только такие люди предоставляют доказательства, что есть нечто большее, чем человеческие качества, – нечто, что можно назвать только божественным.

Вачаспати остается великим философом, но Бхамити оказывается гораздо более божественной личностью.

Так что время от времени встречаются люди, которые испытывают гармонию в других видах отношений, но это бывает чрезвычайно редко – это дело случайное и исключительное.

Но что касается отношения между учителем и учеником, то гармония является основной необходимостью; без нее такого отношения не может быть.

Музыкальное единство... такая глубокая любовь, что она уничтожает твое эго. В таком взаимоотношении нет двух человек, а только гармоническое целое, энергетическое поле.

И раз ты испытал это с учителем, ты можешь испытать это и в других твоих отношениях, так как принцип тот же самый. И если ты можешь испытывать это во всех твоих отношениях, если вокруг тебя много гармоний, твоя жизнь становится подлинно божественным даром, оркестром.

Тогда отношение учитель-ученик было просто обучением определенной уловке: ты можешь применить ее к своей жене, к своим детям, к своим родителям, к своим друзьям. Ты

можешь распространить это иа весь мир. Ты можешь ощутить это с деревьями, со звездами; тут дело только в знаиии уловки.

Секрет вот в чем: как ие быть эго, как исчезиуть в качестве эго.

Тогда все, чего ты касаешься, творит музыку, все, чего ты касаешься, становится золотом.

Возлюбленный Бхагаван,

покинув Раджнишпурам в ноябре прошлого года, я почувствовал, что для меня стало почти невозможным выяснить, что мне делать. Вначале было немного страшновато, но очень скоро я стал понимать все больше и больше, что достаточно только ждать, и тогда много прекрасных вещей стало случаться со мной.

Действительно ли так действует пребывание с Вами?

Так случаются вещи не только вокруг меня. Это путь всего Существования.

Просто жди, и в нужный момент все случится. Жди и наблюдай. Не засыпай, ибо, когда ожидаешь здесь, это так естественно – заснуть. Когда человеку нечего делать, он засыпает. Тогда вещи будут случаться, но ты не будешь знать об этом. Поэтому жди и наблюдай.

Ход жизни нарушен так называемыми доброжелателями, которые постоянно проповедуют по всему миру: «Делайте это, делайте то, служите бедиым». Деяние было вознесеио так высоко, что мы полиостью забыли искусство ожидания. И, несомнеино, есть вещи, которые могут случаться только тогда, когда ты их делаешь.

Например, нельзя просто ждать и становиться богатым.

Но есть люди, которые даже учат этому. Один американский мыслитель, Наполеон Хилл, пишет прекрасные книги, отличный писатель. Мне всегда нравилась одна из его книг «Думай и становись богатым», хотя это абсолютная чушь. Но пишет он хорошо. И есть люди, которые верят, что все, что надо делать, – это просто ждать; посейте семена мысли о том, что в вашем гараже должеи появиться кадиллак, и просто ждите. И в одии прекрасный момент у вас появится кадиллак. Есть люди, которые верят, что мышление обладает такой большой силой.

В Америке до сих пор существует одна христианская секта... полвека назад она пользовалась большим влиянием, так как очень много людей верило в ее учение. Эта секта

называется *Христианская наука.* А вся наука сводится к тому, что вам не надо ннчего делать, вы должны только думать. Деятелем является Бог. А вам иадо думать, молиться, ждать; только предоставьте Богу иемного времени. Вы что, думаете, что кадиллак – это нечто большее, чем вся вселенная? Бог может создать всю вселенную и не может создать каднллак?

Я слышал такую нсторию: один юноша шел в колледж и по путн встретил пожилую женщину. Она спросила: «Что случилось с твоим отцом? Он ие приходит на наши воскресиые собрания». Оии былн членами *Христианской науки.*

Юиоша сказал: «Ои болен».

Старуха рассмеялась. Она сказала: «Ерунда! Должно быть, он думает, что он болен. Тут все дело в думаиии. Передай своему отцу вот что: "Всю твою жизнь ты был членом *Христианской науки* и до сих пор ие понял одной простой вещи. Прекрати думать, что ты болен, и ты не будешь болеть"».

Юноша сказал: «Я передам ваши слова».

Через неделю старуха снова встретила юношу и спросила: «Что случнлось?» – так как его отец и на этой неделе ие появился на воскресном собрании *Христианской науки.*

Юноша сказал: «Мадам, теперь он думает, что он умер. И ие только он думает, что он умер; все соседи думают, что он умер, поэтому они похороннли его. Я пытался разубеднть их: "Подождите. Может быть, он думает..." Но они думают, что я сошел с ума».

Есть вещи, которые будут продолжать случаться без вмешательства с вашей стороны; вам надо просто ждать – и есть вещи, которые вам надо делать, только тогда они будут случаться. И мало-помалу вещи, которые случаются благодаря деянию, сталн более важными – этими вещами являются ваше материальное благополучие, деньги, власть, престиж, дворцы, империи. Они не случатся только благодаря ожиданию. Благодаря ожиданию вы не станете Александром Великим. Поэтому, поскольку вещи, которые случаются благодаря деянию, стали более важными, человечество полностью забыло всю область вещей, которые просто случаются.

Любовь случается, вы не можете сотворить ее – хотя во всем мире люди пытаются делать это. И очень странно, что мир до сих пор не признал свою полную неудачу в этом деле...

На протяжении веков родители устраивают браки для своих детей. Спрашивают астрологов, спрашивают хиромантов, обо всем разузнают – о семье, о богатстве, о характере, – но никто не спрашивает юношу и девушку, любят ли они друг

друга. До любви никому нет дела. Считается само собой разумеющимся, что раз их пожеиили, они будут любить.

Тысячи лет человечество делало это, и, разумеется, когда устраивают свадьбу маленького мальчика и девочки, они иачинают вестн себя как брат н сестра – дерутся, играют друг с другом, ссорятся. Онн никогда не узиают, что такое любовь; они думают, что это и есть любовь. Затем они рожают детей, мужья покупают женам украшеиия, а жены стараются сделать жизнь мужей как можно более тяжелой – всеми возможными способами они помогают друг другу.

Только в этом столетин люди стали говорить: «Пока мы не полюбим, мы не будем жениться», – н то лишь в нескольких передовых странах.

Но любовь – это вопрос, в отношенни которого вы иичего не можете поделать. Лнбо она случается, либо она не случается. Она вам неподвластна.

Появился «брак по любвн», но ему не суждено долго жить по той простой причние, что любовь приходит, случается, а затем в один прекрасный день она внезапно уходит. Не в ваших силах было вызвать ее, н не в ваших силах удержать ее.

Старый брак потерпел крах, поскольку в нем упор делался на то, что вам надо любить вашу жену, вам надо любнть вашего мужа. Это было «надо». А вы даже представить себе не могли, как вы можете любить; самое большее, вы могли притворяться, вы моглн лицедействовать.

Но любовь – это не прнтворство, не лицедейство. Вы иичего не можете с ней поделать. Что касается любвн, вы абсолютно бессильны.

Старый брак потерпел крах. Новый брак тоже терпит крах, так как новый брак – это просто реакция на старый брак. «Брак по любви» – это не от понимання, это просто реакция, бунт.

Вы не знаете, что такое любовь. Вы просто вндите какое-то красивое лицо, какое-то красивое тело, и вы думаете: «Боже мой, я люблю!» Эта любовь не продлится долго, так как дня через два вам надоест вндеть одно и то же лицо двадцать четыре часа в сутки. То же самое тело... вы уже исследовали всю его топографию, теперь больше нечего исследовать. Вновь и вновь исследуя одну и ту же географию, вы чувствуете себя ндиотом. Какой в этом смысл?

Эта любовная связь, этот брак по любвн терпит крах, он уже потерпел крах. Прнчина заключается в том, что вы не знаете, как ждать, чтобы любовь могла случнться.

Вы должны научнться медитативному состоянню ожида-

ния. Тогда любовь – это не страсть, не желание. Тогда любовь не сексуальна; тогда любовь – это чувство двух сердец, бьющихся в одном ритме. Это не вопрос прекрасных лнц или прекрасных тел. Это нечто очень глубокое, это вопрос гармонии.

Если любовь возникает из гармонии, то только тогда познаем мы успешную жизнь, жнзнь осуществления, в которой любовь продолжает углубляться, так как она не зависнт ни от чего внешнего, она завнсит от чего-то внутреннего. Она не зависит от формы и длины носа; она зависит от внутреннего чувства двух сердец, бьющихся в одном ритме. Этот ритм может продолжать нарастать, может иметь новые глубины, новые интервалы. Секс может быть частью любви, но любовь не сексуальна. Секс может появляться в ней, может исчезать. Она гораздо больше, чем секс.

Поэтому не имеет значения, молод или стар человек, которого вы любите. Время от времени каждая женщина думает... Многие женщины спрашивают своих любовников: «Ты будешь любнть меня, когда я стану старой?»

Я знаю об одном нз монх друзей – он рассказал мне, что девушка, которую он любит, все время спрашивает его: «Ты будешь любить меня, когда я буду старой?» Он спросил меня: «Что я должеи отвечать?»

Я сказал: «Зачем ты меня в это втягиваешь? Это твое дело. Отвечай что угодно. Что ты сам чувствуешь?»

Он сказал: «Если она станет такой, как ее мать, я не смогу любить ее. И, вероятнее всего, она таки станет такой, как ее мать; и это единственное, чего я боюсь».

Тогда я сказал: «Скажи ей откровенно: "Вопрос не в твоей старости, но если ты станешь такой, как твоя мать, тогда прости меня, я не смогу любить тебя"».

Он сказал: «Но тогда все будет кончено, так как ее мать разгневается, а все дело зависит от нее. Я стараюсь уговорить ее мать. Отец девушки умер, и ее матери предстоит одной принимать решение о ее замужестве. Во-вторых, девушка тоже разгневается, так как она тоже знает, что она станет такой, как ее мать. Присутствуют все симптомы».

Я сказал: «Тогда помалкивай. А когда наступят трудные времена, приходи ко мне снова».

Он сказал: «Но девушка так настаивает. Она хочет знать до свадьбы».

Я сказал: «Это просто. Начни спрашивать ее: "Когда я стану старым, ты будешь меня любить?"»

Он сказал: «Это хорошо, так как в старости я стану таким,

как мой отец, а она терпеть не может моего отца точно так же, как я терпеть не могу ее мать. Это абсолютно правильно».

Он так и сказал своей девушке, а она ответила: «Никогда! Если ты станешь таким, как твой отец, я не буду любить тебя. Я немедленно разведусь с тобой».

Он сказал ей: «Когда наступят трудные времена, мы посмотрим, что делать. Но зачем выносить эти вопросы на обсуждение с самого начала?»

Но вся ваша любовь зависит от таких пустяков – от размера носа, глаз, цвета волос, пропорций тела. Эти вещи не имеют никакого отношения к любви.

Любовь – это чувство гармонии с другим человеком, чувство согласия.

И так обстоит дело не только с отношением между учителем и учеником; во всех ваших отношениях, если вы бдительны и выжидаете момент гармонии с Существованием, вы обнаружите, что случаются вещи, которые вы никогда не смогли бы совершить.

Возможно множество цветов, возможно множество стихов и песен. Множество звезд рождается из гармонии, когда вы ждете и бдительны.

Что-то случается, но вы должны быть сознательны.

Много раз что-то случается, но вы не осознаете этого. Вы упускаете то, что принадлежит вам по праву, только из-за того, что вы сонливы.

По существу, мое учение – это учение о позволении, о всеприятии. Вещи, которые случаются только посредством деяний, являются мирскими. Я не против них, но они не являются существенной частью вашей жизни.

Если вы хотите иметь прекрасный дом, вам придется построить его, он не случится сам по себе. Даже если вы верите в *Христианскую науку* или в книгу «Думай и становись богатым», ничего не поможет. Но эти вещи не являются существенными.

Существенные вещи... любовь, радость, бодрость, чувство юмора, покой, все, что выходит за пределы понимания, внутреннее путешествие в поисках самого себя... вот существенные вещи, которые вы не можете сотворить, вам надо научиться позволять им случаться.

Итак, усвойте четкую идею: то, что надо делать, следует делать, а тому, чему надо позволять случаться, следует позволять случаться, никогда не вмешивайтесь в это.

А также запомните: существенное есть то, что случается

само по себе, а иесущественное есть то, что делается вами. Ваше деяние не может быть чем-то священным.

Вот почему я говорю, что все храмы и все церкви, все статуи Бога, сделаниые человеком, являются мирскими. Ничто из сделанного человеком не может быть выше самого человека. Это простая арифметика: то, что выше человека, всегда случается, оно за пределами вашего деяния.

Вы всегда являетесь принимающей стороной. Вы должны быть просто открытыми, восприимчивыми, благодарными Существованию.

Возлюбленный Бхагаван,

находясь у Вас на беседе, я чувствую себя таким напитанным и обретшим наконец тот покой, к которому я стремился. Находясь на Западе, я даже не чувствовал, насколько мне недостает пребывания в Вашем присутствии. Как я мог забыть красоту пребывания с Вами? Пожалуйста, прокомментируйте.

Память человека ие очень велика. Ои легко забывает. Несколько примеров помогут вам.

Вы все были детьми. Насколько хорошо вы помните ту невииность, которой вы обладали? На самом деле, психологами открыт один странный факт: если вы движетесь назад, пытаясь вспомииать свою жизнь, вы доходите только до возраста четырех или, самое большее, трех лет.

Но те три или четыре года в самом иачале были наилучшими – никакой ответствеиности, иикакого беспокойства, никакого иапряжения. Жизнь была сплошной романтикой, чистой радостью, ио люди ие помнят этого. И это очень странно, что у каждого человека память останавливается где-то иа возрасте трех или четырех лет.

Кажется, что иаилучшее в иас ие регистрируется. Возможно, в том, что вы должны забывать это, заключена иекая биологическая стратегия; если бы вы помиили это, тогда всю свою жизнь вы бы чувствовали, что вам чего-то иедостает, так как вы видели самые прекрасные моменты, а теперь все кажется тусклым, бледным, мертвым – жизнь лишена того блеска, той радости, той живости. Возможио, не регистрировать те прекрасные моменты – это стратегия биологии. Даже в последующей жизии...

Вы будете удивлеиы, узиав, что ум фуикциоиирует весьма страииым образом: ои очень быстро регистрирует все скверное.

Кто-то оскорбил вас – вы будете помнить об этом всю жизнь. Так много людей относились к вам с уважением, а вы забыли об этом. Один человек оскорбил вас – и вы не можете забыть.

Кажется, что уродливое, темное, унизительное, трагическое имеет приоритет в том, что касается запоминания. А все доброе и прекрасное просто забывается, не оставляет никаких следов в вашей памяти.

Политики пользуются этим, священнослужители пользуются этим с самых древних времен, эксплуатируя человечество.

Они говорят, что для демократии необходимы две партии. Демократия не имеет ничего общего с двумя партиями. Две партии нужны по совершенно иной причине, которая является психологической. Одна партия находится у власти в течение пяти лет; за эти пять лет все становятся настроенными против этой партии – так как она обещала рай, а вы живете в аду, она забыла все свои обещания.

Оппозиционная партия продолжает провоцировать вас: «Что случилось с обещаниями этих людей? А мы бы смогли выполнить то, что обещали вам».

На следующих выборах те, кто были у власти, теряют ее и к власти приходит другая партия. Через пять лет с ними будет покончено. Но за пять лет люди забывают о делах первой партии, и первая партия снова обещает им рай, а они слушают и верят.

Было обнаружено, что массам памяти хватает на пять лет, самое большее. Вот почему выборы должны проводиться каждые пять лет, другой причины нет. Таким образом, за пять лет массы забывают о преступлениях первой партии, о ее глупостях, о ее лжи; эта партия снова становится партией святых.

Вот почему нужны две партии. Одна партия оказалась бы в затруднительном положении, так как, если бы они находились у власти непрерывно, вы не смогли бы простить их. Народ стал бы бунтовать, убивая тех, кто находится у власти. Поэтому это психологически очень тонкий способ для того, чтобы успокаивать людей: «Не беспокойтесь, осталось всего лишь два года. Тогда эти люди уйдут и придут хорошие люди», – а все они относятся к одной категории.

За всю свою жизнь я никогда не голосовал по той простой причине, что я не мог увидеть никакой разницы между двумя идиотами, не мог понять, кто из них меньший идиот. Я никак не мог решить, поэтому я подумал, что лучше вообще не влезать в это дело. По крайней мере, никто не может обвинить

меня: «Ты же сам выбрал этого идиота». Я никогда никого не выбирал. Выберите любого, и вы выбрали не того человека.

Только посмотрите на историю Индии за последние сорок лет: кого бы ни выбирали, всегда выбирали не того человека; снова выбирали, и снова выбирали не того человека – потому что все это одни и те же люди. Это совсем как футбольный матч: две команды гоняют мяч, а мячом являетесь вы. Вы получаете удары со всех сторон. Где бы вы ни оказались, вы получите хороший удар ногой.

Ты спрашиваешь меня, почему мы склонны забывать прекрасные моменты. Это естественно, так как уму не интересно обращать внимание на цветы, ему интересно обращать внимание на шипы. Все, что причиняет боль, он сразу же берет на заметку.

Кого интересует цветок? Вы помните ваших врагов лучше, чем ваших друзей. Только понаблюдайте за своим умом, и вы будете удивлены, что вы больше помните о ваших врагах, чем о ваших друзьях. Вы можете забыть ваших друзей, но вы не можете забыть ваших врагов.

Таков ваш больной ум.

Более здравый ум будет смотреть на вещи с противоположной точки зрения: он будет принимать во внимание благословения, он будет принимать во внимание все прекрасное, он будет брать на заметку то, за что надо быть благодарным. И тогда, естественно, жизнь такого человека станет благословенной, окруженной всевозможными прекрасными переживаниями. Это лишь вопрос изменения небольшой структуры в вашем уме.

Мне всегда нравилась одна история.

Она произошла в синагоге. Эта синагога была также монастырем для иудеев, а главный раввин был очень строгим человеком. Два молодых иудея гуляли в саду монастыря. Им позволялось проводить в саду один час утром и один час вечером. Все остальное время они должны были изучать священные писания и проходить другие виды обучения. Оба они думали: «Следует ли нам попросить у главного раввина позволения курить в саду?» Оба были заядлыми курильщиками, но в монастыре, внутри синагоги, курение было запрещено. Это было бы преступлением.

Они оба страдали, поэтому они решили, что попытку предпринять следует, хотя это было все равно, что сунуть руку в пасть льву: «Этот главный раввин – опасный человек; только Бог знает, как он отреагирует!»

На следующий день один из них вышел из синагоги со

слезами на глазах, раздосадованный и опечаленный. И тогда он увидел другого парня, который сидел рядом с прекрасным розовым кустом – и курил! Он сказал: «Боже мой, ты начал курить без позволения?»

Второй юноша сказал: «Нет, я попросил позволения».

Первый юноша сказал: «Что за человек этот главный раввин? Я тоже попросил у него позволения, а он громко закричал на меня: "Негодяй! Как по-твоему, это синагога или ад? Если ты хочешь курить сигареты, отправляйся в ад!" Но как же получилось, что тебе он позволил курить?»

Второй юноша улыбнулся и сказал: «А как ты просил позволения?»

Первый юноша спросил: «Какое это имеет значение?»

Второй юноша сказал: «Все же скажи мне, как ты просил?»

Первый юноша сказал: «Я просто спросил...» – а эти два часа назывались «часами молитвы». Им позволялось выходить в сад на два часа молитвы.

Итак, он ответил: «Я просто спросил: "Можно мне курить во время молитвы?" А он стал кричать так громко, что казалось, вот-вот ударит меня!»

Второй юноша сказал: «Успокойся. Ты неправильно попросил у него позволения. Я тоже попросил у него позволения, я спросил у него: "Сэр, можно мне молиться во время курения?" И он сказал: "Это очень хорошо, ничего дурного в этом нет"».

Всего лишь небольшое изменение, но оно имеет огромное значение.

Начинайте собирать все прекрасное, что случается с вами. А это случается с каждым. Но то, что не прекрасно, не стоит помнить, не стоит собирать. Зачем обременять себя мусором, когда вы можете изобиловать цветами и ароматом?

Вы должны произвести небольшое изменение в вашем природном биологическом уме.

Медитация может сделать это очень легко.

Одна из существенных частей медитации состоит в том, чтобы смотреть на хорошую сторону вещей, смотреть на хорошую сторону людей, смотреть на хорошую сторону событий, так что вас будет окружать только хорошее.

Когда все окружающее вас прекрасно, вам легче расти.

Но люди – странные существа... Вы можете сделать для человека тысячу добрых дел и только одно недоброе дело – и он забудет тысячу добрых дел и будет помнить одно недоброе

дело, которое вы совершили. Это он будет нести с собой всю свою жизиь.

Вот так люди и живут: мстят, гневаются, приходят в отчаяиие, чувствуют себя отвергнутыми жизнью, изгоямн Существования. Но все дело в том, что вы собираете ие то, что нужно.

Жизиь полиа и тем и другим.

Вы можете увидеть, что однн деиь втиснут между двумя ночамн, н вы можете также увидеть, что два прекрасных дня обрамляют одну маленькую ночь. Выбирайте, как вы хотите себя чувствовать – быть на небесах или в аду.

Выбор за вами.

Беседа 12

ТРИ СТАДИИ ПОСВЯЩЕНИЯ: СЛУШАТЕЛЬ, УЧЕНИК, ПОСВЯЩЕННЫЙ

14 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

верно ли, что быть в общении с учителем – это и есть посвящение?

Слово «посвящение» является очень значительным и глубоким.

Есть три посвящения: первое, когда слушатель становится учеником; второе, когда ученик становится посвященным; и третье, когда посвященный исчезает в учителе.

Чтобы понять весь процесс, надо понять все три ступени.

Каждый начинает как слушатель, как человек, вопрошающий о том, что же собой представляет эта жизнь, сгорающий от любопытства узнать тайны, окружающие нас. Но это желание обрести знания и, следовательно, поверхностное. Поскольку это желание обрести знания, оно от ума. А ум – это периферия нашего существа, самая поверхностная часть нашей индивидуальности.

У слушателя имеются вопросы, но у него нет жажды поиска. На его вопросы можно легко ответить, его легко удовлетворить – для него достаточно лишь заимствованных знаний. Ему еще не нужен учитель, ему нужен всего лишь преподаватель.

Он накапливает ответы, становится интеллектуалом, но не становится разумным. Накопление ответов происходит в запоминающей части ума, а та часть, которая работает на накопление, является механической, она не имеет ничего общего с разумом.

Можно встретить очень образованных, культурных, утонченных интеллектуалов, которые в жизни ведут себя весьма неразумным образом. Они оказываются на высоте положения, когда им задается какой-то вопрос, к которому они уже подготовлены. Но если жизнь ставит новый вопрос, к которому они не подготовлены, они совершенно теряются, они оказываются такими же невежественными, как и всякий другой. И проблема в том, что жизнь продолжает ставить новые вопросы, бросать новые вызовы.

Память хороша для рыночной площади, но память не

хороша как стиль жизни. А все ваши университеты учат вас только тому, как запоминать.

Было обнаружено, что люди с очень сильной памятью обычно не бывают разумными людьми.

В биографии одного из британских вице-королей Индии, Керзона, есть упоминание об одном весьма знаменательном происшествии – и это исторический факт.

Керзон услышал, что в Раджпутане есть человек, память которого просто невероятна. Этот человек знал только свой местный диалект, раджастани, диалект языка хинди; он не знал никаких других языков. Но это не мешало ему запоминать любое высказывание на любом языке; и делал он это так блестяще, что это казалось почти сверхчеловеческим.

Он был вызван ко двору вице-короля Керзона, было устроено специальное собрание. Тридцать ученых, знавших тридцать языков, должны были проверить этого человека и его память. Среди этих тридцати ученых не было ни одного, который понимал бы родной язык этого человека, а для него все те тридцать языков были незнакомы.

И порядок проверки был весьма необычным – такой проверки никогда раньше не было, и я не думаю, что ее когда-либо снова повторят. Проверка заключалась в том, что каждый из тех тридцати ученых должен был произнести перед этим бедным крестьянином из Раджастана одно предложение на своем языке. Но предложение не должно было произноситься за один раз.

Крестьянин подходил к одному ученому, который говорил ему первое слово своего предложения. Тогда раздавался удар колокола, и крестьянин переходил к следующему ученому, который тоже говорил ему первое слово своего предложения. Таким образом он обходил всех по кругу. Обойдя тридцать человек, он снова подходил к первому ученому, который говорил ему второе слово своего предложения... и после каждого слова звонил большой колокол, чтобы сбить его с толку.

Ученые не были уверены, что смогут помнить все свое предложение на протяжении всего испытания, ведь для него требовалось очень много времени. Их предложения были записаны на листах бумаги, которые лежали перед ними, и они отмечали каждое слово, которое они сказали ему. А этот человек совершал круг за кругом, выслушивая их слова, и

накаплнвал в своей памяти предложения, которые давались ему по частям.

После того как все ученые выдалн свои предложения, он повторил тридцать предложений на тридцатн языках, о которых он не имел ни малейшего представления. Он понятия не имел, что означали эти предложения. Но он повторил их настолько правильно, что все интеллектуалы были поражены. Они сами не могли запомнить свои собственные предложения, им пришлось записать их. Они не могли запомнить, какое слово они сказали ему – пятое или шестое, – им пришлось отмечать произнесенные слова. А этот человек был необразованным – он даже писать не умел.

Керзон был изумлен. Он похвалил этого человека и наградил его.

Но при разговоре с этим крестьянином выясннлось, что он – идиот.

Что касалось только его памяти, он был просто великолепен, – но любой простой жизненный вопрос, и он не мог ответить на него; любая простая жизненная ситуация, н он не мог разрешить ее. В родной деревне он был известен как «велнкий интеллектуальный иднот».

Хорошо известен факт, что слушатель заинтересован в накопленин знанпй. На его вопросы можно легко ответить. Его ум функционирует как компьютер.

Но время от времени слушатель попадает в ловушку учителя. Он не ищет учителя, он не видит разницы между словами «учитель» и «преподаватель». В словарях оба слова означают одно и то же.

Но в действнтельности преподаватель просто передает знания от одного поколення к другому – это не его собственное переживание.

Учитель же не передает знания от одного поколения к другому; то, что он выдает, есть его собственное осознание.

Но если слушатель попадает в ловушку учителя, тогда ему очень трудно выбраться из нее, так как ему становится ясно, что знания и постиженне суть две разные вещи.

Вопросы и понск суть две разные вещн.

Вопросы – это просто проявленпя любопытства.

Понск – это риск, паломннчество, исследование.

Вопрос легко снимается любым логическнм, рациональным ответом. Поиск же нельзя удовлетворить логическими или рациональными ответами, поиск подобен жажде.

Вы можете продолжать повторять, что с научной точки зрения H_2O означает воду, но это не утолит жажду. Это – ответ, и совершенно правильный ответ. Если кто-то спрашивает, что такое вода, то, как на вопрос, ответить на это очень просто. Но если кто-то спрашивает о воде потому, что он испытывает жажду, тогда H_2O не поможет. Тогда его устроит только настоящая вода.

Поиск подразумевает жажду, голод.

Никакое заимствованное знание не может утолить его.

И учитель медленно заставляет учащегося осознать, что если он действительно человек, тогда просто быть любопытным – это ребячливость. Зрелость требует, чтобы вы отправились в поиск, чтобы вы просили не только знаний, чтобы вы просили средств и методов для постижения истины – не знаний, которые переходят от поколения к поколению. Никто не знает, не выдумал ли их кто-нибудь, не являются ли они фикцией, реализовал их кто-нибудь или нет, сколько утрачено при передаче, сколько добавлено, сколько отброшено. Постижение же означает: «Мне необходимо личное переживание».

У подлинного искателя нет никаких вопросов, но есть огромная жажда.

Это первое посвящение – когда учитель перемещает фокус слушателя от знания к постижению, от памяти к разуму, интеллекту.

И это не ординарный феномен, он случается только с очень немногими счастливчиками.

Миллионы людей всю свою жизнь просто остаются любопытными, ребячливыми, незрелыми.

Как только акцент сместился от знания к постижению, вас больше не заботит прошлое, вас заботит настоящее. Вас больше не интересуют великие философы, мудрые люди; вас интересует ваше собственное сознание.

Впервые вас интересуют не объекты, а ваша субъективность, не другие вещи, а тот, кто хочет знать: кто есть этот желающий знать?

Это первое посвящение: слушатель умирает, и рождается ученик.

Второе посвящение – это когда ученик тоже исчезает... в посвященном.

Ученик все еще заинтересован в том, чтобы овладеть методами, дисциплиной, способами постижения себя самого. Приходится использовать учителя, поэтому он благодарен. Но

он – цель, а учитель – средство; он использует учителя для своих собственных целей.

По мере того как он сближается с учителем, учитель подводит его ко второму посвящению. И второе посвящение состоит в том, что пока вы не оставите эту одержимость самим собой, вы никогда не познаете себя.

Это кажется противоречивым, но это не так. Сама ваша одержимость мешает вам, она эгоистична. Вы отбрасываете эго, отказываетесь от эго, вы забываете самого себя; и в тот самый момент, когда вы забудете самого себя, вы найдете себя.

От знания к постижению истины. Слушатель никогда не интересовался самим собой. Его интересовали вещи, объекты, весь мир. Первое посвящение привело его в новый мир интереса к самому себе.

Второе посвящение отнимает эго.

Второе посвящение учит его любви. Ибо постижение себя является побочным продуктом – если вы умеете любить, вы без труда постигнете себя.

Только в свете любви исчезает тьма внутри вас.

Любовь есть свет, и воспламенению любви надо учить.

Учитель любит, его присутствие есть любовь. Само его присутствие магнетично. Без единого слова... просто находясь рядом с ним, вы почувствуете некое притяжение, некую любовь/доверие.

И вы не знаете этого человека, вы не знаете, можно ему доверять или нет. Но вы готовы рискнуть. Присутствие учителя настолько убедительно, что не нуждается ни в каких аргументах для доказательства.

Я преподавал в университете, и каждый год на День преподавателя университетские профессора устраивали собрание, чтобы обсудить проблемы, с которыми они сталкивались.

И каждый год основной и самой неприятной проблемой было то, что студенты их не уважают. В первый год моей работы в университете, я впервые попал на их собрание. Они все осуждали студентов, они осуждали современное общество, западный мир, так как под его влиянием пропало все уважение. Один из преподавателей – старый человек, очень уважаемый профессор, он был деканом факультета гуманитарных наук – сказал: «Это такой позор, особенно для страны, где были такие студенты, как Экалавья».

Мне придется рассказать вам эту историю, чтобы вам было понятно. Это древняя индийская история.

В Индии был великий учитель стрельбы из лука, Дроначарья. Царевичи, богатые люди, индуисты высших каст, воины приходили к нему из самых далеких мест, чтобы обучаться искусству стрельбы из лука.

Индуистское общество разделено на четыре класса. Это самое отвратительное разделение, которое существует в мире, и оно существует вот уже пять тысяч лет. Одна четвертая часть индуистского общества не считается человеческими существами; их называют *шудрой*, неприкасаемыми. Они недостойны даже прикосновения. Если случайно вы коснетесь шудры, вы должны немедленно принять душ, чтобы очиститься. Не только сам шудра, даже тень шудры является неприкасаемой. Если мимо вас проходит шудра и его тень касается вас, вы должны принять ванну.

Этот юноша, Экалавья, родился шудрой. Но он хотел стать лучником, и он начал учиться стрельбе из лука самостоятельно. Он прекрасно знал – старики-шудры говорили ему: «Ни один учитель не примет тебя».

Он отвечал: «Прежде чем пойти к учителю, я научусь стрелять так, что ему будет почти невозможно отвергнуть меня». И он стал тренироваться, а когда он решил, что теперь он достаточно узнал о стрельбе из лука, он отправился к величайшему лучнику тех дней, Дроначарье.

Дроначарья был поражен, увидев, что этот юноша самостоятельно достиг огромных успехов. Но, тем не менее, Дроначарья был брамином, он принадлежал к высшей индуистской касте, и для него было невозможно принять Экалавью в ученики. Он отверг его.

Но Экалавья был сделан не из того теста, из которого делаются обыкновенные человеческие существа. Он ушел в лес и сделал статую Дроначарьи. И перед этой статуей он продолжал самостоятельно учиться стрелять из лука. Вскоре по всей стране разнеслась весть, что Экалавья, просто упражняясь перед статуей Дроначарьи, стал мастером стрельбы из лука.

У Дроначарьи был один честолюбивый замысел, и этот замысел состоял в том, что один царевич, Арджуна, который был его учеником – и он был великолепным стрелком, – должен стать величайшим стрелком из лука в истории чело-

чества. Но этот Экалавья мог нарушить все его планы, он становился более знаменитым.

Дроначарья отправился в лес...

И именно на это надо обратить внимание – вот почему декан факультета гуманитарных наук упомянул имя Экалавьи.

Экалавья был отвергнут Дроначарьей. Любой обычный человек почувствовал бы себя оскорбленным, униженным. Но не Экалавья; он сделал статую Дроначарьи – ибо он выбрал его в качестве своего учителя. Не имеет значения, принимает его Дроначарья как своего ученика или нет, – ему придется принять его. Значение имеет то, насколько глубоко *его* принятие Дроначарьи как учителя.

И когда Дроначарья пришел, он припал к его стопам. И Дроначарья увидел, чему научился Экалавья. Несомненно, он намного опередил Арджуну. Арджуне не быть величайшим стрелком из лука, а это было глубокой амбицией Дроначарьи. Этот человек отверг Экалавью, а теперь он сказал ему: «Ты учился стрельбе из лука перед моей статуей. Ты принял меня как своего учителя».

Экалавья сказал: «Я всегда считал тебя моим учителем, даже когда ты отверг меня. Я не обратил внимания на твой отказ».

Дроначарья сказал: «Я принимаю тебя как моего ученика, но тогда ты должен заплатить за обучение. Каждый ученик должен платить учителю за обучение, – а ты не заплатил даже вступительный взнос, и ты уже стал таким великим стрелком из лука».

Бедняга Экалавья сказал: «Я отдам тебе все, что ты попросишь, если у меня это есть. Я могу отдать тебе мою жизнь. Ты мой учитель, только скажи. Но я бедный человек, поэтому проси то, что у меня есть».

Дроначарья сказал: «Хорошо, я попрошу только то, что у тебя есть. Я хочу получить большой палец твоей правой руки. Отруби его и отдай мне».

Это отвратительная история. Все коварство заключалось в том, что как только большой палец его правой руки будет отрублен, с его искусством стрельбы из лука будет покончено, он больше не будет соперником для Арджуны. Дроначарья принял его в ученики только для того, чтобы заполучить его большой палец.

И Экалавья, не говоря ни слова, просто взял меч и отрубил

себе палец. Он отдал его учителю и сказал: «Если ты хочешь чего-то еще, только скажи мне».

Эту историю вам надо запомнить как подоплеку моего рассказа.

Итак, декан говорил: «Эта страна, которая породила таких учеников, как Экалавья, – который уважал такого учителя, как Дроначарья, отвергнувшего его, оскорбившего его, – пала так низко, что студенты совсем не уважают преподавателей. Что-то надо делать».

Я был новичком. Это была моя первая встреча со всеми преподавателями всех факультетов. Мне пришлось взять слово, и я сказал этому старику: «Вы подняли несколько вопросов. Первый: несомненно, это страна таких учеников, как Экалавья, но это также и страна таких преподавателей, как Дроначарья, – отвратительных, коварных, бесчеловечных. Этот человек вел себя самым бесчеловечным образом. Почему вы все время забываете об этом?

«Сперва он отвергает бедного юношу, он считает его недостойным, потому что тот – неприкасаемый. Затем, когда юноша достигает успехов самостоятельно, он соглашается принять его в ученики – в лесу, где никто не видит, что происходит. И он делает это по определенной причине: он хочет искалечить его правую руку и тем самым погубить его мастерство в стрельбе из лука, чтобы могла осуществиться его, Дроначарьи, амбиция сделать Арджуну величайшим стрелком в мире».

Я сказал: «Вам не следует забывать о том, что именно из-за таких людей, как Дроначарья, преподаватели в Индии потеряли уважение учащихся. Вы представляете Дроначарью – на каком основании вы хотите, чтобы студенты уважали вас? И вы даже не осознаете тот факт, что приводите в качестве примера Экалавью. Что касается меня, то я не вижу... У меня тоже есть студенты, и я недавно стал преподавателем. Я еще не видел ни одного студента, который относился бы ко мне неуважительно. Я люблю их, я уважаю их. Любовь порождает резонанс в виде любви в других, уважение создает уважение в других – это резонанс. Если бы я был на месте Экалавьи, я бы отрубил Дроначарье голову! Именно этого он заслуживает».

Старый профессор был в таком шоке, так потрясен, его всего трясло.

Я сказал: «Сядьте, пожалуйста, ведь вас всего трясет, и если случится сердечный припадок или что-нибудь в этом

роде, я буду нести за это ответственность. Пожалуйста, сядьте. Я не собираюсь отрубить вам голову, – хотя с вами тоже надо было бы поступить именно таким образом. Вы хотите, чтобы студенты были Экалавьями, – а как насчет преподавателей?»

Учитель – не преподаватель. Он любит; лучше будет сказать, что он есть любовь. Он уважает; лучше будет сказать, что он есть уважение.

Естественно, он создает гравитационное поле любви, уважения, благодарности. В этом гравитационном поле и случается второе посвящение.

Ученик больше не интересуется познанием самого себя. Теперь его единственный интерес в том, как раствориться в учителе, как быть в гармонии с учителем. И в тот день, когда гармония достигает своей вершины, ученик исчезает, рождается посвященный.

Посвященный оставляет ученика далеко позади. Все путешествие претерпело такие революционные изменения. Посвященный находится на краю... жизнь посвященного не продолжительна. Самая продолжительная жизнь – жизнь слушателя. Жизнь ученика средняя по продолжительности. А период жизни посвященного очень мал.

Жизнь посвященного подобна капле росы на лепестке лотоса в лучах солнца ранним утром, медленно-медленно капля скользит к солнцу, в океан. Капля росы живет лишь тот малый отрезок времени, который требуется для того, чтобы соскользнуть с листа лотоса в океан.

Жизнь посвященного не продолжительна, она очень коротка – ибо раз вы вкусили гармонии, вы не можете удержаться, чтобы не вкусить единства. Удержаться невозможно. Капля скользит все быстрее, падает в океан, становится единым целым с океаном.

Есть два способа выразить это. Кабир, один из великих мистиков Индии, – единственный, кто использовал оба способа.

Когда он впервые соскользнул в океан, он записал небольшое изречение: «Я долго искал себя, но, мой друг, вместо того, чтобы найти себя, я исчез в океане. Капля росы исчезла в океане».

Почти двадцать лет спустя, когда он находился на смертном ложе, он попросил своего сына Камаля: «Принеси записи моих изречений. Прежде чем умереть, я должен исправить одну вещь».

Он сказал: «Я как-то раз сказал, что капля росы исчезла в океане. Измени это. Запиши: "Океан исчез в капле росы"».

Его собственные слова потрясающе прекрасны. Первое изречение звучит: *Херат херат хей сакхи рахья Кабир херайи; бунда самани семунда мен со кет хери джайи.* И второе изречение звучит: *Херат херат хей сакхи рахья Кабир херайи; самунда самана бунда мен со кат хери джайи.* В первом, капля росы исчезла в океане. Во втором, океан исчез в капле росы. Возможно, две стороны одной монеты...

Это и есть третье посвящение. И только после третьего посвящения бывает общение – ибо есть слияние, нет больше разделения, есть единение.

Мистик начинает свой путь как слушатель, а завершает его как учитель... начинает как капля росы, завершает как океан.

Возлюбленный Бхагаван,

чем ближе я к Вам физически, тем больше я теряюсь в Вашем присутствии и забываю о той личности, которой, как я думаю, я являюсь. У меня такое ощущение, что от Вас исходит магнитная энергия, которая сильно притягивает меня к Вам. Что происходит?

Происходит то, что и должно происходить.

Ты приближаешься к моему присутствию. Ты не можешь сохранить свою личность в неприкосновенности.

Ты не можешь иметь сразу и мое присутствие, и свою личность. Если тебе нужна твоя личность, тебе придется лишиться моего присутствия; если тебе нужно мое присутствие, тебе придется лишиться твоей личности – они не могут сосуществовать.

Но что такое твоя личность? Задумывался ли ты когда-либо над этим? Она состоит из всех твоих несчастий, тревог, страданий, кошмаров; это – твой ад.

Задумывался ли ты когда-либо над одним простым феноменом? Почему испокон веков человеческие существа проявляют такой большой интерес к наркотическим средствам?

В *Ригведе*, самой древней книге мира... даже так называемые провидцы из *Вед* пристрастны к некому наркотику под названием *сомраса*.

Один из самых разумных людей этого столетия, Олдос

Хаксли, – который очень хорошо знаком с Востоком, особеино с восточной мнстнкой, – коичил тем, что стал эксперимеитировать с ЛСД. Он пнсал, что в следующем столетии чистейшая форма ЛСД будет иазваиа «сома» в память о *сомрасе* из *Ригведы*.

Он был абсолютно убежден, что по действню ЛСД очень блнзко к *сомрасе*. И, возможно, он прав, так как *риши*, провидцы из *Вед*, выпив *сомрасы*, сока растеиия *сома*, описывали свои переживания н то, что с иими случалось... какой покой, какая безмятежность, какая радость. И все нх переживания точно такие же, как те, которые опнсал Олдос Хакслн, когда он вернулся из своего первого ЛСД-путешествня.

Все культуры, все релнгии осуждают алкоголь, опнум, гашиш, марихуаиу, но нх осуждение, кажется, не дает никаких результатов. Человечество продолжает употреблять наркотики, и иикто ие дает себе труда спросить: если так много мудрых людей против этого, почему же люди употребляют эти наркотнки? И странно то, что очень многие из этих мудрых людей, которые против этого, самн прииимают иаркотнкн, может быть, только по-иному.

В одной стране может быть запрещеиа марихуаиа, может быть запрещен гашиш, может быть запрещено ЛСД, а алкоголь ие запрещен. А алкоголь более опасеи, чем любой из трех других наркотнков. Почему же не запрещен алкоголь? А потому, что его употреблял Инсус. Христнаиство не может запретить алкоголь; в противиом случае Иисус оказался бы преступииком – и иезаурядиым преступииком, ведь ои даже превращал воду в алкоголь.

И те страиы, которые пытались... Например, Иидия, которая не является христнанской страной, упорио пыталась запретить алкоголь, но потерпела неудачу. Запрещенне алкоголя только ухудшает положенне. Людн начннают нзготавлнвать алкогольные напнткн самостоятельно, у себя дома. И тысячн людей умнрают от отравлеиия, потому что оии ие знают, что онн пьют. Алкоголь продается иелегальио, и люди не зиают, как он нзготавливается. И в коице коицов запрет иа алкоголь приходится сиять.

Я хочу, чтобы вы поияли одиу вещь: все люди, которые идут против законов, правительств и религий и продолжают принимать иаркотики, имеют определенный довод. И ои в том, что нм хочется забыть свою личность. Их лнчность доставляет им такую боль, вызывает такое отвращенне, что оин готовы

совершить любое противозаконное действие только для того, чтобы на несколько часов забыть свою личность.

Притягательность наркотических средств доказывает только одно: человек, в своей обычной личности, живет в отчаянии. Ему хочется хотя бы на несколько часов забыть обо всех своих заботах, тревогах и проблемах, и кажется, другого способа нет.

Для чего вы хотите защищать вашу личность? Ваша личность и есть ваша проблема.

И если вы достаточно разумны, если вы можете найти некое присутствие, где ваша личность начинает таять и исчезать – без всякого алкоголя, без всяких наркотиков – тогда можете ли вы представить себе большее благословение? Пусть личность исчезает; это просто бремя, пытка, душевная боль, от которой нет лекарства.

Как по-твоему, Амрито – есть ли лекарство от душевной боли? Я никогда не слышал о нем. Я спрашивал моего врача, – а он знающий врач, он является членом Королевского научного общества Великобритании.

Пусть личность исчезнет, испарится.

Исчезновение вашей личности – это не ваше исчезновение, запомните это; наоборот, это ваше появление. Когда исчезает ваша личность, отпадает ваша персона – появляется ваша индивидуальность, ваше индивидуальное.

Иметь личность – это лицемерие.

Быть индивидуальностью – это ваше право по рождению.

И функция учителя в том, чтобы отнять у вас все, что не является вашим, и оставить только то, что является вашим по существу, что было дано вам самим Существованием.

Я понимаю, что возникает страх. Вы так долго жили с вашей личностью, вы отождествились с ней. Когда она начинает исчезать, возникает страх: «Что происходит? Неужели я исчезну?»

Но подлинное не исчезнет, а неподлинному необходимо исчезнуть. Поэтому будьте отважны.

И когда ваша личность оставляет вас, скажите ей: «Прощай навсегда... Не возвращайся. Найди себе кого-нибудь другого, вокруг так много людей». Ведь есть люди, которые не настолько бедны, чтобы иметь только одну личность. Это богатые люди, они имеют много личностей, – когда они находятся со своей женой, у них одна личность; когда они находятся со своей любовницей, у них другая личность, –

одной личностью не обойтись. Они продолжают менять свои личности постоянно. Это становится почти автономным процессом.

Георгий Гурджиев, один из великих учителей этого столетия, пользовался несколькими методами. Один из его методов заключался в том, чтобы заставить вас осознать ваши личности. А сам он был таким знатоком этого метода, что вы с вашим другом могли сидеть по правую и по левую сторону от него и одному из вас он демонстрировал бы сердитое лицо, а другому его лицо казалось бы блаженным, спокойным, очень любящим.

А потом один из вас говорил бы: «Что за человек! Я так перепугался, он все время пребывал в таком гневе!»

И другой бы возражал: «О чем ты говоришь? Он был таким любящим, он улыбался». И только впоследствии вы бы обнаружили, что он вел с вами игру. Он овладел искусством менять личности до такой степени, что мог пользовался двумя личностями одновременно. Гурджиев мог показывать половину личности жене и половину – любовнице! Но для этого требуется длительная тренировка...

В этом нет нужды. Одна у вас личность или много – все они ненужный хлам. Оставьте их, будьте просто самим собой. Вначале вы можете почувствовать себя немного неловко, как будто вы голый – в определенном смысле это и есть нагота. Но вскоре вы поймете красоту и невинность пребывания просто самим собой.

Моего дедушки давно нет в живых. Мы были большими друзьями, во всей нашей семье мы были единственными друзьями. Никто не ладил со мной, и никто не ладил с ним. Хотя он был очень стар, он был большим смутьяном. Но со мной он был совершенно счастлив.

Мы вместе ходили на реку, в храм, на различные собрания, и он говорил мне: «Устрой им встряску. Задай какой-нибудь вопрос, чтобы сбить оратора с толку».

Он был славным, приятным человеком. Он умер. И вся семья погрузилась в печаль, все плакали.

Я пошел в ближайшую кондитерскую и попросил владельца: «Дайте мне все сласти, которые вы приготовили сегодня – всю партию».

Он сказал: «Ты что, с ума сошел? Разве ты не слышал, что умер твой дедушка?»

Я сказал: «Именно поэтому! В смерти – празднование! Вы же знаете, что мы были большими друзьями».

Он сказал: «Я-то знаю, но твой отец, твой дядя и все остальные убьют меня. Они скажут: "Он – известный шельмец, но ты... почему ты дал ему сласти? Разве время праздновать?"»

Я сказал: «Вы дадите мне сласти, или мне устроить вам неприятности?»

Он сказал: «Нет, я не хочу никаких неприятностей. Ты можешь взять их, но отвечать за это будешь ты».

Я сказал: «Я всегда сам отвечаю за все, что я делаю».

К этому времени уже собралось несколько людей. Я сказал: «Все эти люди будут свидетелями: я беру эти сласти на свою ответственность. Этот человек абсолютно невиновен. Фактически он даже пытался отговорить меня, ибо он совершенно не понимает, что мой дедушка отправился на небеса и сейчас время праздновать».

И я уселся перед нашим домом и стал раздавать сласти. Собралась вся моя семья, и они сказали: «Что ты делаешь?»

Я сказал: «Просто праздную».

Они сказали: «Разве время праздновать?»

Я сказал: «Если быть откровенным, то вы все довольны, что этот старикан умер. За исключением меня, никто не печалится. Но вы все лицемеры».

Мой отец сказал им: «Не говорите так громко, а то вы соберете толпу; а когда собирается толпа, он всегда выходит победителем». Он сказал мне: «Делай что хочешь. Он был твоим дедом, и если ты хочешь праздновать – празднуй».

Но все, кому я давал сласти, говорили: «Но ведь сейчас не время».

Я сказал: «Как раз самое время, ибо вся моя семья празднует, за исключением меня, – и они все сидят печальные, проливая крокодиловы слезы. Но все это вздор. Я-то знаю их; а поскольку им приходится держаться за свое лицемерие, они не могут праздновать. Поэтому я взял это дело на себя, – хотя я единственный человек, который опечален, ведь он был моим другом. И все говорят, что он отправился на небеса, – так почему же не устроить празднование? Если бы он отправился в ад, тогда возражений не было бы: сидите себе с вытянутыми лицами, два дня не принимайте пищу и устраивайте всю эту суету. Но если он отправился на небеса,

тогда почему вы чувствуете зависть? Просто празднуйте, радуйтесь».

Поздно вечером мой отец сказал мне: «Я размышлял целый день, и, возможно, ты прав. Мы не были искренними. Мы все испытываем облегчение. Ведь он всегда доставлял нам столько неприятностей – во всем от него были одни неприятности».

В магазине они старались избавиться от него. Он заходил в магазин, а они отсылали его куда-нибудь в другое место, потому что он говорил покупателям: «Он обманывает вас, – это о своем собственном сыне, – он обманывает вас. Эта материя стоит не двенадцать рупий, а только восемь. Если вы подождете немного, я продам ее вам по восемь рупий. Но если у вас так много денег, что вы можете позволить себе швыряться ими – что ж, швыряйтесь».

Поэтому в магазине мои дяди, мой отец – все старались избавиться от него: «Идут покупатели, отправьте его куда-нибудь – пусть занимается чем угодно. Но если он останется здесь, он будет говорить правду».

И если я был там, я говорил покупателям: «Подождите немного, скоро придет мой дедушка. Тогда покупка обойдется вам на четыре или пять рупий дешевле».

Поэтому они старались отделаться не только от него, и когда я заходил в магазин, они говорили мне: «Сбегай на почту».

Я сказал: «Вы понапрасну гоняете меня. Собирайте все ваши письма вечером, а я буду каждый день относить их на почту. Но я не могу заниматься этим на протяжении всего дня. Каждый раз, когда я прихожу, вы говорите: "Вот открытка... отнеси ее на почту". И это просто хитрость, ничего больше. Я буду ходить по вашим поручениям только тогда, когда дедушка будет находиться в магазине. По крайней мере, один из нас должен быть здесь, иначе вы будете обманывать покупателей, эксплуатировать их».

Итак, мой отец сказал: «Ты был прав. Мы все почувствовали облегчение, и все наши слезы были фальшивыми. Но ты слишком уж разоткровенничался, раздавая всему городу сласти и говоря: "Вся моя семья празднует"».

Я сказал: «Если я прав, тогда вы должны сбросить эти маски. Даже в день смерти вашего собственного отца вы не можете сбросить ваши фальшивые лица. Когда же вы будете настоящими?»

Все твои личности являются личинами, скрывающими твою индивидуальность.

Итак, очень хорошо, если происходит так, что ты подходишь все ближе и чувствуешь магнитное притяжение. Не сопротивляйся ему, содействуй ему. Пусть эти личности умрут. Их смерть будет иачалом твоей новой жизни – жизни, которая будет радостью, невиниостью, свечением, постоянным танцем сердца. Лишь немного отваги...

Не спрашивай, что происходит. Позволяй этому происходить и смотри. То, что я говорю, – иичто; то, что будет происходить, будет в тысячу раз больше.

Возлюбленный Бхагаван,

я люблю Вас так сильно, и все же – как это может быть, что так много вопросов, которые приходят в мой ум, отражают мою темную сторону? Я боюсь наскучить Вам, но так или иначе эти вопросы часто воспринимаются мною как самые честные и аутентичные. Пожалуйста, прокомментируйте.

Латифа, надо постояиио помнить одну вещь: не суди, что есть светлое и что есть темиое, что есть правильиое и что есть неправильное, что есть хорошее и что есть плохое – ибо как только ты начииаешь судить, ты иачииаешь подавлять. Ты не хочешь выставлять напоказ иичего из того, что ты обсуждаешь как темное, плохое, порочное.

Тогда ты выбираешь только одну половину себя, а это все равно, что выбрать только день и отвергиуть ночь.

Но иочь обладает собствениой красотой. Ее темнота тоже прекрасна – в ией есть глубина, тишина, безмятежность – и звезды. Если у дня есть своя красота, то и у ночи есть своя собственная красота; они уиикальны – и они дополняют друг друга.

Что ты делаешь? Ты задаешь вопросы, которые кажутся хорошими, и ты подавляешь те вопросы, которые ты восприимаешь и осуждаешь как плохие. Естественно, твоя так называемая хорошая сторона мало-помалу исчерпывается, и внутри остается только та сторона, которая, по-твоему, является плохой. Тогда в тебе бурлит все темное. Дни кончились, остались только ночи, и теперь ты очень боишься раскрыть себя, ибо всякий увидит в тебе только тьму и больше ничего.

И в то же самое время ты чувствуешь, что эта тьма абсолютно подлинная, она является частью тебя.

Это не есть нечто неподлинное, но вся проблема берет начало в твоем суждении.

Суждение – это одно из преступлений.

Мы все время судим других людей, и мы поступаем таким же образом по отношению к самому себе. Мы продолжаем судить наши мысли, наши действия: что является хорошим, что является плохим, что следует делать, что не следует делать – и мы постоянно создаем конфликт и двойственииость.

Здесь со мной вы должиы создать единство, прекрасную гармонию дня и ночи, жизни и смерти. Вы должны создать целостность всех вещей, которые кажутся полярными противоположностями. И тогда, выиося что-либо наружу, вы не будете чувствовать, что это разоблачает вас: это будет просто показывать вашу целостность.

Представьте себе розовый куст. Если розовый куст начнет волноваться из-за своих шипов и начнет подавлять их, то вся энергия розового куста будет вовлечеиа в подавление шипов.

Он может оказаться не в состоянии произвести на свет розы – и даже если это ему удастся, они могут оказаться такими, что и производить их на свет ие стоило; они могут оказаться уродцами, почти умирающими с самого начала.

С самого детства я воспринимал шипы на розовом кусте как телохранителей роз. А они и есть телохранители – они защищают розы. Оии появляются из тех же корней, они являются частью того же куста, они питаются тем же соком. Шипы и розы – это братья и сестры; они живут в глубокой гармонии, нет никакого коифликта. Видели ли вы когда-иибудь розовый куст, которого беспокоило бы то, что у иего есть шипы?

Шипы обладают своей собствениой красотой.

Ум, который непрерывно продолжает судить, порождает в вас страдание.

Но нас приучили судить.

Мы продолжаем судить даже тех, до кого иам нет иикакого дела: этот человек хороший, тот человек плохой. Какое вам дело до этого, что за забота? И если бы вы зиали всю историю человека, то, возможно, вам бы пришлось признать, что этот его поступок, который вы считаете дуриым, был

абсолютно неизбежен. Без этого поступка во всей этой истории осталось бы что-то незавершенное.

Вы знаете только части – это все равно, что взять одну страницу из романа и судить обо всем романе по этой странице. Это чистая глупость. Сперва прочитайте весь роман.

А что касается человеческой жизни, то никто не может прочитать всю жизнь одного человека. Она так огромна, втиснута в такой небольшой период времени – семьдесят или восемьдесят лет, в ней столько сложностей, хитросплетений, что если бы вы смогли увидеть ее в целом, вы бы не сказали, что что-то в ней было плохим; все безупречно вписывается в узор всей жизни этого человека.

И вообще, кто мы такие? Кто назначил нас судьями?

Как только ум научился судить, он не может остановиться. Тогда вы непрерывно судите внутри себя: это хорошо, а то плохо. Тогда вы выставляете напоказ только вашу хорошую сторону, а плохую сторону оставляете при себе. Мало-помалу, поскольку вы слишком уж демонстрируете вашу хорошую сторону, она всем надоедает. Она надоедает и вам. И вы не можете показать вашу плохую сторону, ведь она плохая.

Показывайте вашу целостность.

Одна ваша хорошая сторона обязательно надоест – слишком скучно.

А вместе с вашими темными частями она становится колоритной, она становится более интересной.

Сказано, что «у хорошего человека нет жизни» – и я согласен с этим заявлением, кто бы его ни сделал. Что может быть у хорошего человека? А у плохого человека есть жизнь!

Если вы целостны, у вас будут более живые проявления... не скучные, не вялые, а всегда полные сюрпризов. Они будут удивлять не только других, но и вас самого: «Боже мой, я оказался способным и на это!»

Жизнь надо прожить с такой целостностью, какая только возможна. Это единственный способ жить, любить и хорошо посмеяться в конце. И не беспокойтесь о том, что правильно и что неправильно.

Вот, например, Бог создал мир. Конечно, если бы не было дьявола, в мире вообще ничего бы не было. Хотя вся заслуга приписывается Богу, ее следует приписать дьяволу, который убедил Адама и Еву съесть плод с древа познания.

Он – первый революционер, первый бунтарь, он первым привнес в мир какую-то живость: если бы не он, Адам и Ева

до сих пор жевали бы травку. Что еще делать в Эдемском саду? Бог сказал им не есть плодов с древа познания, не есть плодов с древа вечной жизни – что остается? Познавать запрещено, жить запрещено – остается сидеть себе тихо и жевать траву, как буйволы.

Именно по милости дьявола вы видите весь этот мир. Не Бог создал его. Бог создал мир, который состоял из Адама и Евы, – и они были совсем как животные. Все это человечество, все эти великие люди – Гаутама Будда, Иисус и Моисей, Мухаммед и Махавира – вы никогда бы не услышали о них, все они появились благодаря дьяволу.

И важно запомнить следующее: слово «дьявол» происходит от санскритского корня *дев*, который означает «божественный». Слово «божественный» (англ. *divine*) и слово «дьявол» (англ. *devil*) происходят от одного и того же корня.

Дьявол проделал такую божественную работу. Все это мироздание – результат глубокого сотрудничества между Богом и дьяволом. Бог не смог бы сотворить его в одиночку – ибо он умеет создавать только скучные вещи; и дьявол тоже не смог бы сотворить его в одиночку – ибо он умеет только бунтовать, он революционер. Сперва должно быть что-то, против чего можно взбунтоваться. Бог нужен для того, чтобы против него восстал дьявол, и тогда начинает вращаться вся динамика – колесо жизни и смерти, дня и ночи, добра и зла.

Жизнь состоит из противоположностей, запомните это. И не пытайтесь судить; просто живите целым, каким бы оно ни было.

Сам я никогда не думал, что что-то есть добро или что-то есть зло. Ни на единое мгновение у меня не появлялась мысль, что что-либо может быть добром или злом; добро и зло всегда вместе, и они могут существовать только вместе. Если вы хотите жить, переживайте их в их совместности.

Люди, которые боятся их совместности, начали проповедовать: «Отрекитесь от жизни, бегите от жизни, ибо здесь вы не можете избежать зла. Что бы вы ни делали, даже если вы делаете добро, вы не можете избежать зла».

Вы будете удивлены, узнав, что в Индии есть джайнская секта, которая называется *терапантха*. В Бомбее живет много последователей терапантхи. Это очень логичная, но и очень странная идеология.

Она говорит, что если кто-то упал в колодец, вы не должны вытаскивать его оттуда. Пусть себе кричит, – а вы

находитесь рядом с колодцем и там никого больше нет, – вы просто идете дальше как ни в чем не бывало. Это кажется странным, философия ненасилия... и человек погибает, а последователи терапаитхи говорят, что вам надо пройти мимо как ни в чем не бывало. Но их аргументация достойна внимания: они говорят, что вы можете спасти этого человека, но если на следующий день он убьет кого-нибудь, тогда вы тоже будете нести ответственность. И кто поручится, что он не натворит чего-нибудь завтра? Лучше не вмешиваться.

Во-первых, он упал в колодец. Должно быть, это следствие какого-то дурного поступка в его прошлой жизни, а иначе с какой стати ему падать в колодец? Теперь он получает наказание за свое деяние, а вы вмешиваетесь в это; вы вмешиваетесь в великий закон воздаяния. Во-вторых, если он завтра кого-нибудь убьет, тогда вы разделите с ним ответственность за его дурное деяние. Лучше идти себе дальше, не беспокоясь о том, что с ним происходит.

Вот вам люди, которые судят. В этом случае суждение дошло до крайности. Кто-то испытывает жажду: не давайте ему воды. Кто-то голоден; не давайте ему еды – ибо вы не знаете, какими будут его дальнейшие действия. Дав ему воды, вы оказываетесь вовлеченным в его жизнь; если бы не вы, он мог бы умереть. Дав ему воды, вы сохранили ему жизнь. Теперь, что бы он ни сделал, вы разделите с ним ответственность за это. Вы не совершили дурного поступка, но жизнь не так проста – в конечном счете ваша помощь может оказаться дурным поступком.

Это выглядит очень логично, но очень бесчеловечно.

Это выглядит очень рационально, но очень жестокосердно, в этом нет любви.

Но это логический конец суждения о вещах.

Я хочу, чтобы вы оставили суждение и жили жизнью без суждения, в ее целостности. И вы будете удивлены тем, что целостность не является ни хорошей, ни плохой.

Целостность трансцендентальна, она за пределами добра и зла.

Во всей истории человечества есть только один человек, Фридрих Ницше, который написал книгу под названием «По ту сторону добра и зла». И мое прозрение и понимание таковы, что он единственный человек, который проследил суждение до его логического конца.

Подлинный человек должен жить по ту сторону добра и зла.

Ему нет никакого дела до того, что есть добро, что есть зло.

Он живет с интенсивностью и тотальностью, и он делает все, что данное мгновение позволяет ему и что ему хочется делать.

Но все религии, все теологи и все святые только и делают, что размышляют над тем, является ли что-то правильным или неправильным. И если вы послушаете их, вы обнаружите, что жить невозможно: все кажется неправильным.

Я заглядывал во все священные писания мира, просто пытаясь выяснить: может быть, есть хоть одна вещь, которую никто не осуждает? Но такой вещи нет, все кем-нибудь осуждается. И есть вещи, которые кем-нибудь отстаиваются. Нет окончательного критерия для того, чтобы решить, что является правильным и что является неправильным.

Что касается меня и моих людей, то они должны жить от всего сердца – проживать день и проживать ночь тоже. Не упускайте ничего.

Сделайте вашу жизнь таким всеобъемлющим целым, чтобы все в ней сочеталось воедино и превращало ее в произведение искусства, в прекрасный феномен.

Беседа 13

ЕДИНСТВЕННЫЙ НЕПОРОЧНЫЙ ПОДХОД

15 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

когда я закрываю глаза, я ощущаю такое огромное присутствие, такую беспредельную «естьность», такое блаженство. Но это полнота, а не пустота.

Не могли бы Вы сказать что-либо о различии между этой полнотой и тем ничто или той пустотой, о которых Вы говорите?

Майтри, полнота, которую ты переживаешь, и ничто, о котором я говорю, являются просто двумя названиями одной и той же вещи, рассматриваемой из двух различных перспектив.

Если вы смотрите на нее из мира страданий, тревог, тьмы и смерти, тогда это ничто – ибо все эти вещи отсутствуют. В этом больше нет вашего так называемого мира и его переживаний.

Но если вы смотрите на то, что осталось, или на то, что открылось вследствие отсутствия страдания и тьмы, тогда вы полны блаженства, полны света, огромного присутствия, великого благословения. Это полнота.

Это пустота мира и полнота Бога, это пустота всех ваших ложных представлений и полнота вашей сущностной реальности.

Эти два слова – «пустота» и «полнота» – не противоречат друг другу; они указывают на одно и то же переживание из двух различных перспектив.

Важно понять, что есть только один человек, Гаутама Будда, который для обозначения предельного переживания использовал слова «пустота», «ничто». Все другие мистики мира для обозначения абсолютного переживания использовали слова «полнота», «целостность».

Почему же Гаутаме Будде пришлось выбрать негативный термин?

Понимание этого имеет большое значение – для вашего собственного духовного роста, а не для каких-то философских обоснований. Я говорю не ради философских обоснований. Я говорю только тогда, когда я вижу, что есть некая экзистенциальная уместность этого.

Идея полноты, идея Бога, идея совершенства, идея абсолютного, предельного – все это позитивные термины. И

Гаутама Будда был удивлен, увидев хитрость человеческого ума.

Блаженные мистики использовали позитивные термины просто потому, что таково было их переживание. К чему беспокоиться о страдании, которого больше нет? Почему бы не сказать что-то о том, что есть сейчас? Блаженные мистики говорили из своей «естьности». Но на протяжении столетий хитрые умы людей во всем мире пользуются этим в своих интересах.

Для хитрого ума идея полноты и позитивные термины, означающие ее, стали путешествием эго: «Я должен стать Богом; я должен достичь абсолюта, *брахмана*; я должен добиться окончательного освобождения». «Я» стало центром всех наших утверждений.

И беда в том, что нельзя делать предельное переживание целью для эго.

Эго – барьер, оно не может стать мостом.

Итак, все позитивные термины стали использоваться неправильно. Вместо того, чтобы уничтожить эго, они стали украшениями для эго. Бог стал целью, вы должны достичь цели. Вы становитесь больше Бога.

Запомните, цель не может быть больше вас. Достигаемое не может быть больше достигающего. Это очень простой факт, который надо понять.

И все религии потерпели неудачу из-за простодушия мистиков.

Гаутама Будда был самым культурным, самым образованным, самым утонченным человеком из всех, кто когда-либо становился мистиком. Во всей истории человечества его не с кем сравнить. Он смог увидеть, что простодушные мистики, сами того не желая, дали возможность хитрым умам обратить позитивные термины себе на пользу. Он решил не пользоваться позитивными терминами для обозначения конечной цели, чтобы уничтожить ваше эго и любую возможность для вашего эго использовать их в своих интересах.

Для обозначения предельного он пользовался словами «ничто», «пустота», *«шуньята»*, «нуль». Ну как может эго сделать нуль целью? Бога можно сделать целью, но не нуль.

Кто хочет стать нулем? Ведь это страшно. Каждый избегает всех возможностей стать нулем, а Будда сделал нуль обозначением предельного.

Нирвана – вот его слово.

Он выбрал потрясающе прекрасное слово, но он вызвал шок у всех мыслителей и философов, выбрав слово *нирвана* в

качестве самого значительного выражения для предельного переживания.

Нирвана означает задувание свечи.

Другие мистики говорили, что вас наполняет ярчайший свет, как будто внутри вас внезапно взошли тысячи солнц одновременно, как будто все небо, полное звезд, снизошло в ваше сердце.

Эти идеи привлекательны для эго.

Эго хотело бы иметь все звезды, если не внутри груди, то по крайней мере на груди, висящими на мундире. «Ярчайший свет»... эго отнюдь не против.

Чтобы подрубить самые корни, Будда говорит, что предельное переживание подобно задуванию свечи. Было маленькое пламя свечи, дававшее слабый свет, – даже оно исчезло, и вы окружены абсолютной тьмой, ужасной тьмой бездны.

Люди приходили и говорили ему: «Если ты будешь продолжать учить таким вещам, никто не последует за тобой. Кому нужна тьма, ужасная тьма? Ты сошел с ума. Ты говоришь, что предельное переживание – это окончательная смерть. Люди хотят вечной жизни, а ты говоришь об абсолютной смерти».

Но он был очень последовательным человеком, и вы можете видеть, что на протяжении сорока двух лет он колотил молотом по гению Востока и никогда не шел на компромисс с эго.

Он тоже знает, что то, что он называет тьмой, – это слишком много света; вот почему это выглядит как тьма. Если внутри вас взойдут тысячи солнц, то что вы думаете – вы будете воспринимать великолепный свет? Вы будете воспринимать кромешную тьму, настолько ослепительным будет свет. Просто посмотрите несколько секунд на одно солнце – и вы почувствуете, что ваши глаза слепнут. Если же внутри вас, внутри вашего ума, засияет тысяча солнц, то воспринимать вы будете тьму, а не свет.

Потребуется долгое время для того, чтобы вы привыкли, чтобы ваши глаза стали достаточно сильными и смогли увидеть, как мало-помалу тьма превращается в свет, смерть превращается в жизнь, пустота превращается в полноту.

Но он никогда не говорил об этих вещах. Он никогда не говорил, что когда-нибудь тьма превратится в свет.

И он никогда не говорил, что смерть в какой-то последующей точке станет воскрешением, ибо он знал, каким хитрым является ваше эго. Если сообщить об этом, то эго скажет: «Тогда нет никаких проблем. Наша цель остается той же

самой, просто нам придется пройти через небольшую темную ночь души. Но в конце концов мы познаем великий свет, тысячи солнц».

Гаутаме Будде пришлось отрицать существование Бога – не потому, что он был против Бога; такой человек, как Гаутама Будда, не может быть против Бога. И если Гаутама Будда против Бога, тогда кому бы то ни было бесполезно быть за Бога. Его решение является определяющим для всего человечества, он представляет саму нашу душу. Но он не был против Бога. Он был против вашего эго, и он постоянно внимательно следил за тем, чтобы не дать вашему эго никакой опоры. Если Бог может стать опорой для эго, тогда никакого Бога нет.

Одна вещь становится очень ясной: хотя он впервые в истории пользовался только негативными терминами, все же этот человек обладал потрясающими харизмическими качествами. Он оказал воздействие на миллионы людей.

Его философия такова, что любой, кто послушает ее, перепугается. Какой смысл во всей этой медитации и во всем этом аскетизме, зачем отрекаться от мира, принимать пищу один раз в день? Ведь в конце концов вашим достижением будет ничто, вы становитесь нулем! Нам и так хорошо – пусть мы несчастные нули, но мы по крайней мере существуем.

Разумеется, когда вы оказываетесь совершенным нулем, не может быть никаких страданий, ведь нули не страдают – но в чем выгода?

Но он убеждал людей – и не своей философией, а своей индивидуальностью, своим присутствием. Он давал людям само переживание, так что они могли понять: это пустота для мира, это пустота для эго. И это полнота для бытия.

Есть много причин исчезновения учения Будды из Индии, но это одна из самых важных. Все другие индийские мистики, философы и провидцы пользовались позитивными терминами.

И еще за столетия до Будды вся Индия привыкла к мышлению в позитивных терминах, негативный подход был чем-то неслыханным. Под влиянием Гаутамы Будды люди последовали за ним, но когда он умер, его последователей стало становиться все меньше и меньше – ибо его последователи не были интеллектуально убежденными, их убеждало его присутствие.

По глазам Гаутамы Будды они могли видеть: «Этот человек – если он живет в ничто, тогда нечего бояться, мы с удовольствием превратимся в ничто. Так вот куда приводит становление нулем; если при превращении в ничто расцветают в глазах такие лотосы и изливается такая красота, тогда мы

готовы идти с этим человеком. Этот человек обладает некой магией».

Но одна только его философия не будит вас, ибо она непривлекательная для вашего эго.

И буддизм выжил в Китае, на Цейлоне, в Бирме, в Японии, в Индокитае, в Индонезин – во всей Азни, за исключением Индии, – потому что буддисты, которые проникли туда, отказались от негативных терминов. Онн начали говорить в позитивных терминах. Тогда вернулись старые термины: «предельное», «абсолют», «совершенство». Это был компромисс.

Поэтому я считаю, что буддизм умер вместе с Гаутамой Буддой.

То, что сейчас существует как буддизм, не имеет никакого отношения к Будде, ибо онн отказались от его основного вклада, а этим вкладом был негативный подход.

Мне известны обе традиции. Я, несомненно, нахожусь в более выгодном положенни, чем Гаутама Будда. Гаутама Будда осознавал только одну вещь – что эго может использовать позитивное в своих интересах. И это его великий вклад, вклад его бесстрашия, ибо он отказался от позитивного и настаивал на негативном, делал упор на негативном, прекрасно зная, что люди не будут следовать этому, поскольку это непривлекательно для эго.

Для меня же сейчас доступны обе традиции. Я знаю, что случилось с позитивным подходом – эго стало эксплуатировать его. Я знаю, что случилось с негативным подходом. После смерти Гаутамы Будды его ученики были вынуждены пойти на компромисс с тем, против чего восстал Гаутама Будда.

Поэтому я стараюсь объяснить вам оба подхода вместе – пустоту в том, что касается мира, и полноту, целостность в том, что касается внутреннего переживания. И это – тотальный подход, он учитывает и то и другое: то, что должно быть оставлено позади, и то, что должно быть обретено.

Я называю мой подход единственным непорочным подходом.

До сих пор все другие подходы были половинчатыми. Махавира, Шанкара, Моисей, Мухаммед – все они использовали позитивный подход. Гаутама Будда использовал негативный подход. Я же использую и тот и другой, и я не вижу никакого противоречия.

Если вы ясно меня понимаете, то вы можете наслаждаться красотой обеих точек зрения, и вам нет нужды быть эксплуатируемым вашим эго или бояться смерти, тьмы и пустоты.

Майтри, это не две разные вещи. Представь себе, что я поставил перед тобой стакан с водой, наполовину полный и наполовину пустой, и спрашиваю тебя, пуст стакан или полон. Любой ответ будет неправильным, ибо стакан как наполовину полон, так и наполовину пуст. С одной стороны он пуст, а с другой – полон.

Половина вашей жизни является частью земного мира, а другая половина – частью священного мира. К сожалению, это так, по-иному и быть не может – нам приходится пользоваться одним и тем же языком как для земного, так и для священного.

Поэтому надо быть очень бдительным. Выбирая земное, вы теряете; если вы думаете о земном, вы обнаружите, что священная жизнь пуста. Если вы думаете о священном, вы обнаружите, что она изобилующе полна.

Возлюбленный Бхагаван,

когда Вы говорили о западных и индийских саньясинах, я почувствовал, что то, что Вы говорили, верно – иногда у индийцев бывает слишком много сердечности. Им трудно сказать «нет», и вместе с тем нельзя сказать «да» их ожиданиям и теориям. Они глухи. Не объясните ли Вы, почему это так?

В этом вопросе много частей.

Первая часть – то, что иногда у индийцев бывает слишком много сердечности... это утверждение ошибочно. Нельзя иметь слишком много сердечности; это экзистенциально невозможно.

Сердце и его качества таковы, что вы всегда можете иметь их еще больше. И нет никакого предела – даже небо не предел.

Но я понимаю твою проблему. Ты говоришь, что в определенные моменты тебе приходится нелегко: люди Востока слишком любящие, ты не можешь сказать им «нет» и ты не можешь сказать «да» тоже.

Я вспоминаю, что когда я впервые приехал в Бомбей, меня пригласили на ленч... Я никого не знал в Бомбее, и люди, пригласившие меня, тоже приехали в Бомбей недавно. Мы не знали друг друга.

Глава семьи был одним из самых прекрасных людей, которых мне доводилось встречать в моей жизни. Вместе со мной он пригласил еще по меньшей мере двадцать человек. Еда была прекрасной, но то, как они заставляли всех есть, было просто невообразимым.

Их было три брата; двое братьев держали гостя, а третий пичкал его: «Еще одну ладду».

А гость пытался сказать: «Я умру! Оставьте меня в покое!»

Они говорили: «Еще одну...» И конца этому не было.

Помогали даже женщины этого семейства. Люди пытались выбежать из комнаты, а женщины стояли в дверях и преграждали им путь.

Я сказал старшему брату: «Ваша любовь прекрасна, и ваши сласти хороши, но есть же и предел. Тот человек говорит, что он умрет, – а вам и дела нет до его смерти, вас заботит только то, как заставить его съесть еще что-нибудь».

Его ответ я не забыл. Он сказал: «Если мы не будем делать этого, душа нашего отца будет очень несчастна».

Я сказал: «Боже мой! Душа вашего отца тоже присутствует здесь?»

Он сказал: «Нет, дело не в этом. Это наша традиция. Когда наш отец был жив, у нас был заведен такой порядок: пока гость не начнет драться, его нельзя оставить в покое. Дело должно быть доведено именно до такого конца».

Я сказал: «Послушайте, не проделывайте этого со мной – потому что я не хочу драться».

Они сказали: «Но душа нашего отца...»

Я сказал: «Вы – идиоты! Душа вашего отца, должно быть, уже снова родилась. Когда умер ваш отец?»

Старший брат сказал: «Лет двадцать назад».

Я сказал: «Должно быть, он теперь учится где-нибудь в колледже. Забудьте о нем, он не имеет к этому никакого отношения».

Он сказал: «Если вы так говорите... Но мы будем чувствовать на себе большую вину».

Я сказал: «Если вы будете принуждать меня съесть что-нибудь, я никогда больше не приеду в Бомбей».

Со слезами на глазах он ухватился за мои ноги. Он сказал: «Хорошо. Мы не будем принуждать вас. Только одну ладду, никакой драки, но, пожалуйста, продолжайте приезжать. И пообещайте, что каждый раз, когда вы будете приезжать, вы по крайней мере один раз будете приходить на ленч в наш дом, а мы никогда не будем принуждать вас. Вот только съешьте еще одну ладду».

Я сказал: «Но вы же принуждаете меня. Это просто другая стратегия – слезы, хватание меня за ноги, а это ничем не лучше, чем держать меня за горло. Это даже хуже, потому что я чувствую, что хотя мне придется туго – вы уже заставили меня съесть так много сластей, – но глядя на ваши слезы...»

Он сказал: «Что я могу поделать? Как только я подумаю о душе нашего отца...»

Я сказал: «Оставьте душу вашего отца в покое! Вы обещаете мне, что если я съем эту ладду, вы не будете ничего больше просить?»

Он сказал: «Конечно, я обещаю».

Но я не осознавал всей стратегии. Это было обещание одного брата, – а братьев было трое, и еще три жены...

Я сказал: «Боже мой, кажется, скоро моя душа встретиться с душой вашего отца! Если у вас есть какое-то послание для него, я передам. И я никогда больше не приду».

А они все сидели на полу, держа меня за ноги: «Вы должны прийти».

Любовь – это одно... здесь же любви не было.

Любовь бы позаботилась обо мне, проследила бы за тем, чтобы мне не стало худо. Они же заботились о душе своего отца, до меня же им не было дела.

Поэтому я могу понять твой вопрос: да, иногда их любовь чрезмерна, их сердечность чрезмерна. Им нельзя сказать «нет» и нельзя сказать «да».

Но с восточными людьми вам надо вести себя очень четко. Принимайте их любовь, будьте благодарны за их любовь, но когда она противоречит здравому смыслу, почему бы не сказать «нет»? Это «нет» вовсе не обязательно против любви. Вы просто защищаете себя, и у вас есть право защищать себя. Если вы не можете сказать «да», не говорите «да».

И запомните: то, что они делают, – это не любовь, а некая формальность, некая традиция, некий обычай. Это не часть любви. Они придерживаются своих собственных традиционных, ортодоксальных взглядов.

Если бы это была любовь, тогда бы еда не навязывалась, тогда бы гостю подавали бы еду и позволяли ему есть то, что ему хочется, и столько, сколько ему хочется. Любовь предоставляет такую свободу.

Это не сердечность. Разделяющая линия очень тонка – вот почему вы не можете понять, как сказать «нет» такому человеку. Он такой любящий, что, кажется, лучше немного пострадать, но не сказать «нет». Но это не его любовь.

Любовь никогда никому ничего не навязывает.

Любовь никогда не пытается доминировать, диктовать.

Разве это можно назвать любовью? Два человека держат гостя за руки, а третий запихивает ему в рот ладду, и гость говорит: «Я умру! Что вы делаете? Если бы я знал, что здесь будет происходить, я бы никогда не пришел».

Но у них есть определенная идея. Это происходило у них в семье иа протяжеиии столетий – пока гость не начнет отбиваться от вас, вы иедостойиы называться хозяииом. Страниая идея!

Вы должиы сказать «иет». А если им иеобходимо, чтобы их побили, тогда лучше иачать их бить, прежде чем оии запихиут в вас еду. Если это едииствеииое, что остаиовит их и удовлетворит их и душу их отца, тогда бейте их, пока оии ие довели вас до приступа тошиоты.

Будьте бдительиы, и ясио поиимайте идею любви. Это иевмешательство. Это иепринуждеиие – ни в чем.

Любовь подлиииа только тогда, когда оиа предоставляет вам свободу.

Я вспомиил одну страииую восточиую историю, которая покажет вам, что такое любовь.

Некий мужчииа полюбил одну женщину. Женщиииа сказала: «Я готова выйти за тебя замуж, но есть одио условие».

Если бы этот человек осозиавал тот простой факт, что любовь никогда не ставит условий, он тут же бы сказал этой жеищиие «прощай». Но ои сходил с ума от любви, любовь сделала его слепым. Ои был готов сделать что угодио. Ои сказал: «Любое условие, я готов его выполиить».

Женщина сказала: «Мое условие трудиое».

Мужчииа сказал: «Каким бы ни было условие, ие беспокойся. Только иазови его».

Жеищиииа сказала: «Иди домой и убей свою мать. Приииеси иа блюде ее сердце и подари его мие. Только при таком условии я выйду за тебя замуж, поскольку только это даст мне доказательство того, что ты действительно любишь меня».

Ослеплеииые любовью люди могут сделать что угодио. Таких людей можно иайти во всем мире, не только в этой истории.

Ои бросился домой, убил свою мать, положил ее сердце на блюдо... и поспешил иазад. Ои так торопился встретиться с жеищииой, что споткнулся и упал. Блюдо раскололось, а сердце разлетелось по дороге мелкими осколками.

И из этих осколков раздался голос: «Сынок, ты не ушибся? Мне очень жаль, ио это ие моя вина. Попытайся собрать осколки; иди домой и возьми другое блюдо, а затем отправляйся к своей возлюблеииой».

Услышав это, он виезапио как бы пробудился ото сна. Что ои делает? Что ои иатворил? А мать даже не жалуется, даже ие сердится. Наоборот, оиа спросила: «Тебе ие больио – ведь ты

упал? Я всегда говорила тебе ходить не спеша, но ты никогда не слушал меня. Теперь собери все осколки и иди домой».

Он собрал осколки, пошел домой и выбросил эту женщину из головы.

А женщина ждала и ждала. Прошел один день, за ним другой. Она сказала себе: «Что случилось?» Она пришла к этому человеку домой и обнаружила, что он убил свою мать. Она сказала: «В чем же дело? Где сердце?»

Оно было на блюде, разбитое на осколки.

Он сказал: «Вот сердце, но по пути со мной случилось нечто, заставившее меня повернуть назад. Впервые я узнал, что такое любовь. Я благодарен тебе; если бы не ты, я бы никогда не понял, что моя мать заботилась о моем благополучии с такой любовью. И я никогда не прощу себя за то, что убил ее своими собственными руками. А ты, поставившая такое условие!..»

Любовь не ставит никаких условий.

Любовь предоставляет вам свободу быть самим собой, помогает вам быть самим собой. Даже если это идет вразрез с его собственными интересами, все же любящий человек скорее будет страдать сам, чем заставит страдать того, кого он любит.

Еще одна древняя история...

Одна женщина любила своего мужа, но муж никогда не обращал на нее никакого внимания. Он любил одну проститутку, прекрасно зная, что проститутки не любят – ведь у них так много клиентов. Он был всего лишь клиентом, проститутка не любила его. И в своей жизни он видел, что в тот день, когда у клиента кончаются деньги, двери проститутки перед ним закрываются.

Он подорвал свое здоровье, он растратил свои деньги, теперь он умирал. И когда он оказался при смерти, его жена спросила у него: «Есть ли у тебя какое-нибудь последнее желание, чтобы ты мог умереть удовлетворенным...»

Он сказал: «Да, у меня есть одно желание, но мне стыдно сказать тебе о нем».

Она сказала: «Забудь про стыд. Сейчас не время стыдиться. Я люблю тебя таким, какой ты есть, – тебе нечего стыдиться».

Он сказал: «Мое единственное желание – еще раз увидеть ту проститутку, прежде чем я умру».

Жена сказала: «Никаких проблем».

Он растратил все их деньги, в доме совсем не было денег. Ей пришлось нести умирающего мужа на своих плечах к дому проститутки. Она постучалась в дверь.

Проститутка открыла дверь и не могла поверить своим глазам. Она сказала: «Не галлюцинирую ли я? Это просто невероятно! Ты – жена этого человека...»

Жена сказала: «Да, я его жена, и при этом я люблю его».

Проститутка сказала: «Тогда почему же ты принесла его сюда? Он разрушил твою жизнь, он растратил все твои деньги, и он сходил по мне с ума. А для меня, раз деньги кончились, конец и всем отношениям. Для меня он был только клиентом. Это – рынок, и он знает это. Ты – странная женщина!»

Она сказала: «Но таково было его предсмертное желание. Он захотел увидеть тебя, а я люблю его так сильно, что не могла сказать "нет". Его счастье – мое счастье, и если он сможет умереть удовлетворенным, я буду чувствовать, что я исполнила мой долг любви».

Никакой жалобы на мужа, на все его поведение. Никакой ревности к проститутке.

Любовь не знает ревности, любовь не знает жалоб.

Любовь – это глубокое понимание.

Вы любите кого-то – это не значит, что тот, кого вы любите, тоже должен вас любить. Это не деловое соглашение.

Попытайтесь понять смысл любви.

И вы не сможете понять смысл любви, исходя из ваших так называемых любовных связей.

Как ни странно, вы сможете понять смысл любви, глубоко погружаясь в медитацию, становясь более безмолвными, более едиными, более непринужденными. Вы начнете излучать некую энергию. Вы станете любящими, и вы познаете прекрасные качества любви. Она знает, когда сказать «да»; и она знает, когда сказать «нет». Она не слепа.

Но она должна появиться из вашей медитации – только тогда у любви есть глаза, в противном случае она слепа.

А если у любви нет глаз, она никчемна. Она будет причинять вам все больше и больше неприятностей – ибо два слепых человека со слепыми ожиданиями не просто удвоят, а многократно умножат жизненные неприятности.

Поэтому будьте безмолвными и будьте бдительными. Будьте любящими.

И вы можете сказать «нет» с огромной любовью. «Нет» не означает, что вы не любите; «да» не означает, что вы любите. Иногда «да» может означать, что вы просто боитесь; вы говорите «да» от страха. Поэтому вовсе не обязательно, что любовь означает «да» и вам нельзя сказать «нет».

Любовь, имеющая глаза, знает, когда сказать «нет» и когда сказать «да».

Любовь не вмешивается в чью-либо жизнь и не позволяет кому-либо другому вмешиваться в свою собственную жизнь.

Любовь признает за другими право на индивидуальность, но не теряет своей собственной индивидуальности.

И дело здесь не в Западе или Востоке – то, что я говорю, относится ко всем. Только потому, что ты задал вопрос так, как будто проблема возникает из-за того, что ты прибыл с Запада...

Это надо хорошо понять: дело не в том, что ты прибыл с Запада; проблема заключается в том, что рассудок и сердце всегда находятся в конфликте. И Запад более рассудочен, но Запад распространился на весь мир посредством своих империй и образовательных систем. Сейчас очень трудно найти чисто восточного человека. Запад отравил всех.

Рассудок стал главенствующим.

Поэтому попытайтесь понять это в терминах рассудка и сердца, а не в терминах Запада и Востока. Ибо даже на Востоке для людей, которые живут рассудком, – а рассудком живут все культурные и образованные люди, – проблема та же.

У сердца есть свой собственный язык, у рассудка есть свой собственный язык, и они далеко не всегда бывают в согласии. Большей частью они бывают в разногласии, ибо рассудок мыслит в ином измерении.

Это напомнило мне об Альберте Эйнштейне и его жене, фрау Эйнштейн. Его жена была поэтессой. И он был для нее неподходящим мужем – математик, физик. В математике один плюс один всегда равно двум. В любви один плюс один всегда равно одному. Языки такие разные.

И фрау Эйнштейн была талантливой женщиной; естественно, ей захотелось показать несколько своих стихотворений Альберту Эйнштейну, и ей было бы приятно получить высокую оценку от самого знаменитого в мире ученого. Но на лице Альберта Эйнштейна она не могла увидеть никаких эмоций, никаких изменений в его глазах. Он слушал ее стихи с таким видом, как будто был каменной статуей.

Она написала прекрасное стихотворение, в котором говорила о своем любимом и сравнивала лицо любимого с луной.

Как раз на этом месте Эйнштейн сказал: «Достаточно! Остановись! Это уж слишком! Ты же ничего не знаешь о луне. Тебе известны ее размеры? Если бы твоему любимому на плечи вместо головы поставили луну, от него бы и мокрого места не осталось. И кто тебе сказал, что луна прекрасна? Это мертвая скала, на которой нет ни воды, ни растительности, ни цветов, ни деревьев, ни птиц. Кто сказал тебе, что луна прекрасна? Что ты имеешь в виду под красотой?»

9 Зак. 38

Его жена была потрясена, она не могла поверить, что такой великий ученый может говорить такое. Но он не шутил – именно так мыслит рассудок.

Рассудок не может понять поэзию, это не его путь.

Он – сама прозаичность.

Фрау Эйнштейн написала в своих мемуарах: «То был первый и последний раз, когда я заговорила с ним о поэзии. Лучше уж говорить о поэзии со скалой, скала и то скорее откликнется, чем этот человек».

Дело не в Востоке и Западе. Дело в отношении между сердцем и рассудком.

На Востоке доминировало сердце, но это создало проблему, которую никто не обсуждал.

Я просматривал древние писания, литературу, комментарии – задумывался кто-нибудь когда-либо над этой проблемой или нет? Ведь она настолько важна, что ее нельзя игнорировать. Поскольку Восток слишком сильно берет в сторону сердца, он не развил рациональность в полной мере, – но, тем не менее, он продолжает говорить о теориях, перевоплощении, рае и аде. Если бы говорилось, что это все мифология, то никаких проблем бы не было, но люди настаивают на том, что это рациональные гипотезы.

И твой вопрос уместен: с восточным человеком очень трудно разговаривать, так как он продолжает говорить о теориях, которые выглядят абсурдными, глупыми, нелогичными. Но ему они кажутся абсолютно обоснованными, поскольку его никогда не учили здравомыслию. Их обоснование он находит в своем сердце.

Я приведу вам несколько примеров, чтобы вы могли понять.

Джайны говорят, что однажды Махавиру ужалила в ногу змея и вместо крови из ранки выступило молоко. Если вы скажете, что это миф, притча, поэзия, то никаких проблем нет...

Когда я в первый раз публично выступал в Бомбее, передо мной выступал один джайнский монах, Читрабхану. Он упомянул этот случай и дал объяснение, почему из ранки выступило молоко; это произошло потому, что Махавира так полон любви, что даже когда его укусила змея, именно вследствие его любви и сострадания из ранки выступило молоко, просто небольшой завтрак для змеи. Никакого гнева, никакого насилия...

И на протяжении двух с половиной тысяч лет джайны писали в своих книгах, что все так и было на самом деле.

Я должен был выступать после Читрабхану.

Я сказал: «Если все так и было, тогда многое надо объяснить: это означает, что тело Махавиры было наполнено молоком, а не кровью. И змея укусила его, когда ему было около пятидесяти лет, а за пятьдесят лет... все молоко непременно превратилось бы в творог. И он всегда ходил обнаженным, всегда пешком... за пятьдесят лет творог бы превратился в масло! И в такую жару, в такой жаркой стране, масло стало бы топленым».

Следовательно, если бы из ранки на его ноге вместо крови выступило топленое масло, то в этом был бы какой-то здравый смысл – но молоко? И это такая глупость – человек, полный творога... от него бы несло сывороткой! Пятьдесят лет быть наполненным молоком, творогом и маслом – только представьте себе этого беднягу! И в жару он обливался бы не потом, а топленым маслом!

Итак, я сказал: «Это абсурд. Единственная возможность такова: молоко выделяется из тела женщины, у нее в груди есть некий механизм, превращающий кровь в молоко. Рассудительный ум мог бы допустить, что у Махавиры такой же механизм был в ногах. Его ноги представляли собой не что иное, как груди. И странно... он что, ожидал, что змея укусит его именно в ногу? Вероятнее всего, у него были груди по всему телу, так что куда бы змея ни ужалила его, появилось бы молоко».

И даже женская грудь не будет давать молока, пока женщина не родит ребенка. Поэтому я сказал: «Дело все больше и больше усложняется. Лучше просто признать, что это – поэзия. Не делайте из этого исторический факт. Не пытайтесь построить на этом теорию. Просто скажите, что это поэтический способ поведать о том, что он был таким любящим... как это выразить поэтически? Вот мы и выразили это, сказав, что из ранки выступило молоко – точно так же, как молоко выделяется из груди любящей матери».

Молоко имеет определенную связь с любовью, ибо ребенок получает молоко и любовь от одной и той же груди – это его первое переживание в этом мире. И вот почему человечество так одержимо женской грудью. Художники продолжают писать груди и груди, скульпторы продолжают ваять груди и груди.

Поэты, писатели, все категории творческих людей одержимы только одним объектом, и это – женская грудь. Причина ясна: это первое детское переживание любви, тепла, человеческого тела, другого человека, мира. Она заключает в себе так

много. Поэтому просто для того, чтобы выразить чувство любви и тепла, молоко было использовано как символ.

Но нн, один джайи не согласится со мной, ибо тогда пропадет чудо. Поэзня для ннх не чудо. Чудо в исторнчности факта.

Поэтому ты прав, спрашнвая, как вести себя с этими людьми. Они такне любящие, оии такие сердечиые, но они все время несут такую чепуху... эзотернческую, оккультную.

И каждый иа Востоке зиает так много, что кажется, что все оии реализованные души! Где останавливать этнх людей и где говорить нм «нет»?

Ты должеи выражать свон мысли ясно, с любовью, ио ие идтн ни на какие компромнссы. Как только ты видишь, что эти люди погружаются в фикцин н иачниают развивать дурацкие теорин, – а в их писаннях полио такнх теорий, – ты должеи остаиавливать нх.

Это одио из несчастнй Востока: люди совершеиио забыли, что поэзня не нсторня, что поэзня гораздо более зиачительна, чем нсторня. Их теоретические построеиня и рациоиалистическне объясиеиия бессмыслеины, а попытки представить их как научные нстнны делают из всего Востока посмешнще.

Мой собствеиный подход очень прост.

Надо быть бдительным и не позволять сердцу брать верх над рассудком; точно так же, как надо быть бднтельиым и не позволять рассудку брать верх иад сердцем. У ннх различные функцин. Рассудок должен функцноиировать в мире объектов, а сердце должио функцнонировать в мире человеческого созиания. И как только их фуикции перекрывают друг друга, иепремеино иачнлается путаница.

И всегда, когда вы чувствуете, что какой-то человек является таким любящим, что вы ие можете сказать ему «нет», сохраняйте спокойствне. Я сталкиваюсь с этой проблемой всю свою жизнь – нбо все в Индни иапичканы зианием, а все это знание – просто навоз священной коровы, и больше иичего.

Но это хорошне люди – и в этом-то н проблема. Это хорошие люди: очень щедрые, очень любящие, всегда готовые помочь. Просто их сердца перевешивают нх головы, поэтому все, что они говорят... иадо быть бдительным.

И когда вы говорите им «нет», оии обижаются; оии думают, что нх любовь отвергнута. Поэтому надо быть очень осторожиым и очеиь ясио выражать свои мыслн.

Это трудная задача – она была трудной н для меня, ибо с родителями, школьными учнтелями, уннверситетскими преподавателями... со всемн у меня бывали иеприятности. Я ие

мог поиять, как хорошо образованный преподаватель может иести такую чушь, даже не осознавая, что то, что он говорит, абсурдио. И ои – хороший человек, нет никаких сомнеиий в его искрениости. Просто его рассудок отстал в развитии. Росло только его сердце, и оно приобрело свою красоту. Но сердце ведет за собой рассудок, поэтому оии несут всякую ерунду.

Мне приходилось прерывать их: «Погодите минутку! Вы ие можете разумно обосновать это. Либо признайте, что это – поэзия, либо откажитесь от этого».

И в результате меня исключали то из одного учебиого заведения, то нз другого, – а у них не было иикаких законных основанний.

Ректор говорил: «У нас нет никаких оснований исключать тебя; ты не совершил ннчего такого, что требует подобного наказания. Но ты должен понять наши затруднения: ты доставляешь такне неприятности всем преподавателям, что они угрожают подать в отставку, если ты не покннешь этот университет. А мы не можем допустить этого, ведь они – очень уважаемые профессора».

И я говорнл: «Сперва вам иужно вызвать их н спросить, почему оии так сердятся на меня, в чем проблема».

А профессора говорнли: «Дело не в том, что мы сердимся на тебя. Просто ты задаешь такие вопросы, которые ставят иас в дурацкое положенне перед всеми студентами. Мы не можем ответнть на ннх, н над нами смеются. Ты отиимаешь у нас то уважение, которого мы добилнсь за тридцать илн сорок лет, – за полчаса ты лншаешь нас всего уважения. Студенты теряют к нам все уважение».

И я говорнл: «Я когда-либо проявлял неуважение к вам?»

Они говорнли: «Ты никогда не проявлял к нам неуважения. Но дело не в этом; дело в том, что мы уже не можем изменнться. Всю свою жизнь мы прожилн с определеиными теориямн. И мы всегда счнтали их научнымн, у нас не было ннкаких сомнений. Вдруг появляешься ты н по каждому пункту задаешь такой вопрос, что мы оказываемся в тупнке».

Однн нз профессоров соблюдал безбрачие, целибат, и он постоянно проповедовал целибат как единственную духовную ценность.

Я спросил у него: «Я бывал у вас дома и вндел там Раму с Снтой – индунстского бога Раму, стоящего рядом со своей женой Снтой. Что за целибат соблюдает этот парень? И из этого целнбата родились двое детей – вам следует выбросить этого парня из вашего дома! Но вы поклоняетесь ему, а в университете вы разглагольствуете о целнбате. Вы вндите противоречие

или нет? Все ваши провидцы из Вед были женатыми людьми, все ваши провидцы нз Упанишад были женатыми людьми. Вы каждый день читаете *Шримад Бхагаватгиту*, а у этого парня, Шри Кришны, было шестнадцать тысяч жен – что это за целибат?»

Этот человек взял меня за руку н сказал: «Пойдем к ректору. Это уж слишком. Кто-то из нас двоих должен покинуть университет».

Но я сказал: «Я же просто задал вопрос. Вы не можете дать мне удовлетворительный ответ. Или, может быть, вы скажете, что вы более великнй, чем все этн людн, так как вы соблюдаете обет безбрачня, а они нет. Но тогда почему вы поклоняетесь нм? Онн должны поклоняться вам».

По пути к кабинету ректора он сказал: «Так мы идем к ректору или нет?»

Я сказал: «Вам решать. Ведь будет обсуждаться весь вопрос, и я буду настаивать на том, чтобы ректор осмотрел ваш дом. Вы устроили у себя храм, где Рама стоит рядом сСитой, а Кришна стонт рядом с Рукмаии – что является абсолютным лицемерием; он был женат иа этой женщине, Рукмани, ио ои никогда не жнл с ней. Да и как он мог? Шестнадцать тысяч жен похищено из домов других людей... он был женат только на одной женщине; все остальные были похнщены, взяты силой. Всякий раз, когда он вндел краснвую жеищиу, его солдаты хватали ее – не обращая вннмания на мужа, детей или престарелых родителей – ннкакого вннмання. И лицемерие заключается в том, что вы поставнли бедную Рукманн рядом с Кришной. Я отведу ректора к вам домой, чтобы он мог все осмотреть и принять решение на месте».

Я сказал: «Вам нет нужды подавать в отставку. Просто откажитесь от целибата, женитесь! Проблема будет решена – не надо будет ни меня нсключать из университета, ни вам подавать в отставку. А если вы стесняетесь, я сам иайду вам хорошую жену».

Он сказал: «Прекрати! Не смей говорить такое, ты почтн убедил меня. Это обольщенне!»

Я сказал: «Тогда надо идтн к ректору».

И мы пошли; ректор выслушал все и сказал мие: «Я не могу сказать, что ты неправ, но что мы можем сделать? Что касается ннднйской логнки, то этот человек является ианлучшим специалистом во всей Индии. Мы не можем...»

Я сказал: «Вы только подумайте – этот человек абсолютно иелогичеи. Как ои может быть специалистом по иидийской

логике? Его поведение столь нелогично... человек, соблюдающий целибат, поклоняется женатым людям».

Но ректор сказал: «Тебе бы лучше подыскать какой-нибудь другой университет. Я дам тебе рекомендацию. Я не буду исключать тебя, я дам тебе самую положительную рекомендацию». Но ни один университет не был готов принять меня, ибо моя слава уже бежала впереди меня – все знали, что за тип собирается поступить в их университет.

В Индии это проблема – люди не рациональны. Даже у тех, кто претендует на рациональность, поведение весьма иррационально.

Они будут очень любящими, но не позволяйте им посягать на ваш рассудок. Сердце должно расти, рассудок должен стать острым – ибо как сердце, так и рассудок должны осуществлять свои функции в тотальности вашего роста.

Человек с великим сердцем и с великим разумом, без всякого конфликта между ними – вот подлинный гений.

И у каждого есть возможность стать им, но у всех доминируют или логика, или сердце. Все живут перекошенной жизнью.

Видели ли вы когда-нибудь цирковых зазывал? Когда цирк приезжает в какой-нибудь город – я видел это во многих городах, – они едут на велосипедах, у которых одно колесо маленькое, а другое – большое. И у большого колеса центр смещен.

Поэтому человек, едущий на таком велосипеде, то поднимается, то опускается – естественно, он привлекает всеобщее внимание: «Что происходит?» Человек все время то поднимается, то опускается... и он отпускает шутки, на нем клоунская одежда... и рекламный плакат, на котором можно прочитать название цирка, время начала представлений, цену билетов и прочее...

Один-единственный человек привлекает всеобщее внимание – простой трюк.

Но столкнувшись с такого рода рекламой, я увидел, что в такой ситуации находится почти каждый человек.

У вас есть два колеса – рассудок и сердце.

У кого-то сердце большое, а рассудок маленький, тогда он то поднимается, то опускается.

У кого-то рассудок большой, а сердце маленькое, тогда он то поднимается, то опускается.

Все то поднимаются, то опускаются – и что вы рекламируете?

И удержаться на таком велосипеде нелегко, я пробовал. Это очень трудное дело.

Но люди живут таким образом – несбалансированно.

Вам нужна сбалансированная жизнь, в которой рассудок и сердце развиваются в гармонии, поддерживая друг друга, помогая друг другу. Поэтому каждый раз, когда вы видите, что кто-то – будь он с Востока или с Запада – нарушает вашу гармонию, останавливайте его.

Останавливайте его с любовью, нет нужды быть грубым.

Но не молчите, ибо в таком случае промолчать – значит стать грубым. Если вы промолчали, вы позволили человеку двигаться по неверному пути, вам не хватило сострадания.

Беседа 14

НЕ БУДЬТЕ МИССИОНЕРОМ, БУДЬТЕ ОТКРОВЕНИЕМ

16 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

Вы услышали мою молитву и позвали меня к себе восьмого августа. Когда я вошел в Вашу комнату, я воспринял Вас как огромный океан, пустоту, которой я никогда раньше не переживал. Я увидел Ваше прекрасное существо, и я оказался погруженным в эту пустоту и красоту. Я чувствовал, что пустота океана переливается из Вас в меня. После того дня новые песни и мелодии возникают из этой Вашей пустоты, и я ничего не знаю.

Возлюбленный Бхагаван, пожалуйста, объясните, как это может так легко случаться в присутствии учителя. Разве это так просто? Мне кажется, что мне было бы невозможно существовать в этой жизни, если бы не было этой встречи. Я чувствую, что такого переживания у меня могло бы не быть на протяжении многих жизней. Пожалуйста, объясните эту встречу учителя и ученика.

Ашок Бхарти, самое очевидное в жизни кажется самым трудным, самое простое кажется самым сложным.

Это происходит потому, что ум не заинтересован в очевидном.

Ему нужен вызов невозможного, только тогда ум может насыщать свое эго. В очевидном для эго нет пространства, чтобы расти или даже существовать.

Очевидное – могила эго. Простое мы считаем само собой разумеющимся, ведь оно так просто. Только далекое, труднодостижимое привлекательно для нашего глаза, манит нас в путешествие. Именно поэтому люди обошли всю землю – такие люди, как Колумб. Люди достигли Луны, люди пытаются достичь Марса; люди думают, что когда-нибудь можно будет достичь самых далеких звезд.

Никто даже не пытается проникнуть в самого себя, чтобы увидеть самый чудесный, самый таинственный, самый фундаментальный принцип жизни, сам источник жизни, – а он близок, так очевиден, так прост.

Люди могут ничего не найти на Луне; пока они ничего там не нашли, но они стали великими историческими фигурами.

Эдмунд Хиллари ничего не нашел на Эвересте, но его имя навечно останется в анналах истории.

Меня всегда удивляло то, что вот уже почти сто лет люди из всех западных стран приезжают в Гималаи, чтобы взобраться на Эверест, самую высокую вершину Гималаев. Ни одного индийца эта вершина не волнует, ведь для индийцев она так привычна.

Чем вещь труднее, тем она привлекательнее; чем вещь недостижимее, тем больше одержимость ума.

Я слышал такую историю: один великий психолог осматривал сумасшедший дом. Управляющий сумасшедшим домом водил его повсюду, удовлетворял его любопытство, рассказывал о сумасшедших.

Психолога чрезвычайно заинтересовал один обитатель сумасшедшего дома; за решеткой, в своей камере, этот человек стоял совершенно голым. На стене висел небольшой портрет обыкновенной женщины, а он стоял перед ним как перед святыней, из его глаз лились слезы. Психолог спросил: «Что происходит с этим человеком?»

Управляющий сказал: «Не беспокойте его, он не любит, когда его беспокоят во время молитвы, а он молится почти целый день».

Психолог сказал: «Кто изображен на этом портрете?»

Управляющий начал смеяться. Он сказал: «Никто, это обыкновенная женщина. Он влюбился в нее, но поскольку они принадлежат к разным кастам, отец этой женщины отказал ему; он сошел с ума, и эта женщина стала для него богиней. Оказавшись недоступной, обыкновенная женщина стала богиней. Теперь он поклоняется ей и возносит молитвы, надеясь, что то, что не случилось в этой жизни, благодаря молитве и поклонению может случиться в следующей жизни».

Психолог сказал: «Я никогда не сталкивался с таким удивительным случаем».

Управляющий сказал: «Погодите, вы еще не такое увидите».

В следующей камере находился человек, который бился головой о стену, а два надзирателя пытались удержать его. Психолог спросил: «Что с ним? Почему он хочет разбить свою голову о стену?»

Управляющий сказал: «Он сошел с ума, он хочет покончить с собой; и это такая проблема – за ним надо все время следить, чтобы он не сделал что-нибудь с собой».

«Но в чем причина его безумия?»

Управляющий сказал: «Вот поэтому-то я и сказал, что ваше удивление впереди. Он женился, и брак был таким несчастьем для него, что он оказался в сумасшедшем доме. Он

хочет покончить с собой, так как боится, что рано или поздно его выпустят из сумасшедшего дома и он снова попадет в руки своей жены. Но это та самая женщина, которую боготворит его сосед! И чтобы избежать ее, он хочет покончить с собой».

Психолог сказал: «Боже мой! Это та самая женщина, о которой молится другой человек? Он хочет получить ее в следующей жизни – ведь в этот раз он опоздал на поезд! А этот бедняга на этот раз не опоздал – и теперь он хочет выпрыгнуть из поезда на ходу. Он даже не может потерпеть до станции».

Жизнь – это не логика. Жизнь – это любовь.

Логика – сложный феномен.

Любовь – простое, невинное приобщение.

Жизнь ближе к музыке, чем к математике, ибо математика от ума, а жизнь пульсирует в ударах вашего сердца.

Ашок Бхарти, ты любишь меня, и это открывает двери для всевозможных таинств.

Люди говорят, что любовь слепа, потому что они не знают, что такое любовь.

Я же говорю вам, что только у любви есть глаза; кроме любви, все слепо.

Как только открываются ваши глаза любви, вещи, о которых вы и не мечтали, начинают становиться реальностями: новые песни, на которые вы никогда не считали себя способным, новые стихи с такими прозрениями, что вы не можете поверить, что это вы сочинили их.

Вот почему во всех древних писаниях нет имен их авторов – ибо авторы не могли поверить, что это они написали *Упанишады, Веды*. Они не могли поверить в это. Самое большее, они были орудиями передачи, ими овладевало нечто. Некая универсальная энергия овладевала ими, и то, что они написали, не имеет к ним никакого отношения. Они не ставили своего имени под тем, что они написали.

Очень трудно выяснить, кем были скульпторы, изваявшие самые прекрасные статуи Гаутамы Будды, которые так и остались непревзойденными.

Великие создатели пещерных храмов Аджанты, Эллоры... это кажется почти сверхчеловеческой работой, а эти люди даже не оставили своих имен, ибо они никогда не верили, что это сделано ими. Они ощущали, что Существование использует их как орудия, и они были счастливы и благодарны за то, что они были выбраны в качестве орудий. Существование было сострадательным к ним, они и так получили достаточную награду.

Ашок Бхарти – бедный человек, но у него очень богатое сердце, а иметь богатое сердце – это единственное настоящее

богатство в мире. У него есть потенциал стать великим певцом, великим поэтом, великнм музыкантом, но он его не осознавал.

Он пришел только для того, чтобы увидеть меня, он – мой старый саиньясин. И зная, что для меня религия – это празднование, он принес свой *кханджхари*, чтобы просто спеть мне песню – что еще принести в качестве подношения? Он был очень застенчив, спрашивал: «Можно мне спеть песню в Вашем присутствии?»

Я сказал: «Это самый прекрасный подарок, какой кто-либо может преподнести мне. Ты можешь петь каждый день». И я наблюдал за ним почти целый месяц – проникновенность, многозначительность, смысл его песен становились все глубже. Его отвага растет, он больше не стесняется, его больше не беспокоит то, что за ним наблюдает так много людей. Он не из тех певцов, которые поют перед публикой, – он из тех певцов, которые поют в ванной комнате.

Это странно – в ванных комнатах вы найдете самых великих певцов мира, но стоит вывести их из ванной комнаты, как они становятся немыми.

Все люди большие охотники поговорить. Весь мир кишит людьми, разговаривающими друг с другом, но поставьте кого-нибудь на трибуну – он посмотрит на окружающую его толпу и у него сердце уйдет в пятки. И это те же самые люди, с которыми он запросто говорит по отдельности, в узком кругу. Но находиться под наблюдением тысяч глаз... возникает страх: «Если что-то пойдет не так, я окажусь посмешищем перед таким большим количеством людей».

Я наблюдал за Ашоком. В первый день у него был этот страх; мало-помалу страх исчез, и появилось бесстрашие, сила...

И он создает свои собственные песни, потрясающе прекрасные – не сочиненные умом, а возникающие из его любви, из его сердца. У них совершенно иная красота.

Это верно, Ашок, что если ты любишь меня, ты будешь чувствовать в моем присутствии, как будто ты исчезаешь в огромной пустоте, или в огромной полноте.

За пределами человеческого ума пустота и полнота означают одно и то же.

Любовь опустошает вас – освобождает вас от ревности, от стремления к власти, от гнева, от соперничества, от вашего эго и от всего его мусора.

Но любовь также наполняет вас вещами, которые вам были неведомы; она наполняет вас ароматом, светом, радостью.

Я расскажу вам древнюю историю. Некий царь состарился... У него было три сына, и все они были разумными. Они были тройняшками, родились вместе, и неизвестно было, кто из них старший. При других обстоятельствах не было бы никакой проблемы – старший сын был бы наследником. Но кому из трех братьев быть наследником? Все трое были одного возраста. Все трое одинаково хорошо владели искусством управления колесницей и искусством стрельбы из лука. И во всех сферах деятельности невозможно было решить, кто же из троих самый лучший.

Царь спросил у своего учителя, старого мудреца, жившего в лесу: «Я старею, и кто-то должен наследовать мне и взять на себя заботу о царстве. Я в большом затруднении: можешь ли ты подсказать мне, как выбрать наследника?» И мудрец дал ему некий совет.

Царь вернулся во дворец, он дал равное количество денег каждому из трех сыновей и сказал им: «На эти деньги вы должны полностью наполнить ваши дворцы, – а у каждого из них был свой собственный дворец, – и через семь дней я приду посмотреть: тот из вас, кто сможет наполнить свой дворец полностью, и лучше, чем двое других, будет моим наследником».

Сыновья были озадачены, так как деньги не были большими. Они перебирали в уме многие вещи, но дворцы были большими – как наполнить их полностью?

Первый царевич отправился в городской совет и потребовал: «С сегодняшнего дня все повозки, которые вывозят мусор за пределы города, должны свозить его в мой дворец – ибо на эти деньги дворец можно наполнить только мусором».

И он полностью наполнил дворец мусором. Вся округа негодовала, даже уличное движение прекратилось – ибо стояла такая вонь. Но люди не могли ничего поделать – он был царевичем, и речь шла об определенном испытании. Такова была воля самого царя. Второй царевич очень сильно беспокоился... он советовался со многими людьми. Но они говорили: «С таким небольшим количеством денег трудно что-либо сделать. То, что сделал твой брат... он наполнил свой дворец, сделай что-нибудь подобное. Просто купи дешевой травы, наполни ею дворец». Он накупил самой дешевой травы, которую даже животные отказывались есть, но все же дворец не был заполнен, он был заполнен только наполовину.

Они оба беспокоились о том, что же сделал третий брат, ибо тот выглядел совершенно беззаботным. Прошло шесть дней, а он ничего не сделал. Наступил седьмой день, и вечером,

когда солнце начало садиться, появился царь вместе с мудрым старцем.

Прнблизиться к дому первого сына было невозможно.

Царь сказал: «Вот иднот, он действительно наполнил свой дом – мусором! Это отвратительно, меня тошннт».

Но старец сказал: «Ты сам потребовал... н мы должны пойти и посмотреть. Имей немного терпення. Нам не нужно оставаться там долго, просто зайдем н посмотрим, наполнил он свой дом или нет». Они осмотрели дом.

Затем онн пошли к дому второго сына... Там дело обстояло не лучше, но и не хуже. Дом был заполнен гнилой травой, но только наполовину.

Царь был очень сильно разочарован – настолько, что подумал, что к третьему сыну вообще не стоит ндтн. Ведь этн идноты... на то, что онн сделали, и смотреть противно.

Но мудрец сказал: «Ты должен пойти, ибо решение должно быть прннято».

Онн пошлн к дому третьего царевнча. Онн вошлн в дом, и онн были удивлены – нбо дом был абсолютно пуст. Третий сын убрал из своего дома все – мебель, картины, статуи... Дом был совершенно пуст.

Они спроснли царевнча: «Что ты сделал?»

Он сказал отцу: «Ты вндишь – дом полон».

Царь осмотрелся. Он сказал: «Дом абсолютно пуст, ты дурачишь нас».

Мудрый старец сказал: «Не гневайся на него; дом полон, но он полон тем, что тебе неведомо. Он просто накупнл свечей и расставил нх по всем дому – дом полон света».

Свет не матернален, он не объектнвен. Слово «объективный» – прекрасное слово; оно означает то, что сопротнвляется вам (англ. objective означает «объективный», а object – «возражать», «протестовать»). Вы хотите пройти сквозь стену; стена будет возражать, она не позволит вам пройти сквозь нее, стена объектнвна.

Свет нематерналеи.

Это самый странный феномен на земле. В определенном смысле он находнтся вне вас, его можно назвать объектнвным, но в другом смысле он не создает никакого препятствня – вы можете проходить сквозь него, он нематериален.

На протяжении столетнй людн думалн, что у света нет веса. Только недавно было обнаружено, что у света есть вес, но он ннчтожно мал. Когда на небе нет нн облачка н солнце светнт ярко, тогда все лучи, которые падают на пять квадратных мнль земной поверхностн, будут нметь такой вес, который можно

обнаружить. Если собрать все эти лучи, они дадут вам легкое ощущение веса.

Поэтому в определенном смысле свет является частью объективного мира, а в другом смысле он является частью необъективного мира.

Старец сказал царю: «Ты не понимаешь своего сына».

И царевич вернул отцу большую часть денег. Он сказал: «Этого было слишком много. Я мог бы наполнить дом и во многих других измерениях тоже. Я мог бы привнести в дом музыку, у которой нет веса. Я мог бы зажечь в доме благовония – аромат не имеет веса, но он бы наполнил собой весь дом. Но я подумал, что это было бы уж чересчур – зачем расходовать твои деньги? Возьми свои деньги назад, малой части этих денег было достаточно».

Ашок, когда ты пребываешь в любви, то в некотором смысле ты чувствуешь, как будто ты исчезаешь в пустоту, что касается материального мира. Но, с другой стороны, ты входишь в новый вид полноты – материальной, духовной, не от мира сего.

А этот мир не единственный. Нечто трансцендентальное, нечто запредельное...

И я вижу твою любовь.

Весь этот месяц она росла, как будто к тебе пришла весна – новые зеленые листья, новые цветы, новый аромат, и твое сердце полно новых видений.

Просто продолжай растворяться в любви.

Вот в чем смысл ученичества: растворение в любви, растворение в присутствии учителя, становление одним целым с ударами его сердца. И песни прольются на тебя, и цветы неведомых ароматов произрастут в тебе.

Ты на правильном пути.

Только не оглядывайся назад – и нигде не останавливайся, ибо это путешествие, которое только начинается, но никогда не кончается.

Возлюбленный Бхагаван,

я хотел бы знать, могу ли я, как Ваш ученик, быть совершенно эгоистичным, чтобы найти мой путь к просветлению, чем бы я ни занимался, или я должен выполнять определенную функцию для Вас, чтобы распространять Ваше видение?

Должно быть совершенно ясно понято, что ни на ком нет

долга распространять мое видение, мое откровение среди людей.

Мне ненавистно само слово «миссионер». Это самые отвратительные твари на земле.

Я не хочу создавать миссионеров.

Вы должны быть совершенно эгоистичными, сконцентрированными только на одной цели: стать просветленными.

Конечно, когда вы станете просветленными, ваш свет начнет достигать и других людей. Мое откровение начнет вибрировать через вас, через вашу любовь, без всякого усилия с вашей стороны.

Никогда не говорилось: «Будьте совершенно эгоистичными». Все религии мира учили: «Будьте альтруистичными», – и все они потерпели неудачу, ибо их основа была ложной.

Вы не знаете, что такое истина, и вы начинаете распространять откровение об истине. Вы лжете.

Я спрашивал у христианских миссионеров: «Каков ваш личный опыт?» У них нет никакого личного опыта. Все, что у них есть, – это ученые степени, полученные в теологических колледжах. Кто-то является доктором богословия. Поскольку он написал диссертацию, он стал доктором богословия, – а он ничего не знает о божественности, он никогда не испытывал ничего такого, что можно назвать божественным. За всю его жизнь у него не было ни единого момента, когда он соприкасался с запредельным; у него не было на это времени – он читал книги и писал свою докторскую диссертацию. Он имел дело со словами, а не с переживаниями.

Я прожил в Джабалпуре по меньшей мере двадцать лет, а в Джабалпуре находится самый большой в Азии христианский теологический колледж. Он подготавливает миссионеров – такова его функция.

Ректор этого колледжа проявлял ко мне очень большой интерес. Я спросил у него: «Будьте откровенны: вы действительно чувствуете, что обладаете чем-то большим, чем тело и ум? Имели ли вы какое-либо переживание души?»

Он сказал: «Я читал об этом, и я верю, что те люди, которые писали об этом, не лгали».

Я сказал: «Возможно, они находились в таком же положении, как и вы, – они читали написанное другими людьми, в отношении которых они верили, что те не могут лгать, – но вы не можете быть уверенным, если у вас нет личного опыта. И как насчет ваших профессоров? А вы выпускаете три тысячи миссионеров в год; вы присуждаете им ученые степени и рассылаете по всей Азии, чтобы они обращали людей в

христианство. Вся эта игра – лицемерие. Ни один из ваших преподавателей, нн один из ваших студентов не имеет ни малейшего представления о меднтации; никто из них не встречался с Богом. И я думаю, что ин одни нз ннх не готов быть распятым, как Иисус Хрнстос».

Я спросил у него: «Вы готовы быть распятым, как Иисус Христос?»

Он сказал: «Что за вопросы вы задаете? У меия есть дети, жена, престарелые родители».

Я сказал: «У Иисуса тоже были престарелые родители. Вам уже почти шестьдесят, а ему было всего лишь тридцать трн года. Так почему же у вас на шее висит золотой крест на золотой цепн? Ведь, насколько я понимаю, вы должны висеть на кресте, – а не крест на вас, на золотой цепн».

Ои сказал: «Я думал, что когда-иибудь я попрошу вас выступнть перед студентамн нашего колледжа, – в нем училось почти пять тысяч студентов, – но теперь я отказался от этой нден. Вы можете испортить все дело».

И тот же самый вопрос ты задаешь мне.

Я *не обращаю* вас в свою веру.

Я пытаюсь объяснить вам, как трансформировать самого себя, как стать более светлым, как стать более бдительным, более сознательным.

И если это сознанне прннесет вам пережнвання, которые обычно недоступны для вас, а этн пережнвання обладают таким внутрениим качеством, что нмн надо делиться с другнмн, тогда делнтесь нмн. Но не пытайтесь ннкому навязывать какую-то идеологию.

Вы любите меня. Естественно, возникает желание, чтобы н другне тоже любнли меня.

Но еднственный правнльный путь – это прнйтн к такому состоянию, чтобы другне началн любнть вас.

Через вас я могу нметь связь с другими – не через ваши слова, а через вашу жнзнь.

Вы не должны быть миссионерами.

Вы сами должны стать откровением.

Людн должны спрашнвать вас: «Что случилось с вамн? Почему мы чувствуем такое магннтное прнтяженне к вам? Почему мы чувствуем, что вы скрываете от нас некое сокровище? Почему мы чувствуем, что вы ушлн далеко за пределы нашнх представленнй о мнре?»

Тогда делнтесь вашим переживанием: нет никакой нужды обращать кого-лнбо в свою веру.

А когда кто-то прнходнт по собственной воле, чтобы быть

трансформированным, чтобы познать всю науку жизни по-новому, тогда это совершенно иное дело. Когда вы идете к людям, чтобы как-то убедить их умы в том, что ваша идеология лучше, чем их идеология, то, возможно, вам и удастся убедить несколько людей, но это не преобразование. Они остаются такими же.

Католики, протестанты, индуисты, мусульмане, иудеи – есть ли различие в их стиле жизни?

Если вы оскорбите кого-либо из них, они все будут реагировать одинаково.

Это напомнило мне одну прекрасную историю.

Однажды Гаутама Будда проходил через одну деревню, в которой жили только брамины высшей касты. Они были очень сильно настроены против Гаутамы Будды, они все собрались на окраине деревни и стали осыпать его оскорблениями, издеваться над ним. А он стоял и слушал их оскорбления, их инсинуации. Даже Ананда – который находился рядом с ним все эти годы – почувствовал гнев. Ведь они оба родились в царской семье: они были воинами, их готовили только к одному – к битвам. Но поскольку рядом находился Гаутама Будда, Ананда овладел собой, иначе он бы убил несколько человек на месте.

Гаутама Будда сказал жителям деревни: «Вы видите, что солнце садится, а нам надо добраться до другой деревни еще до захода солнца. Если вы не высказали все, что хотели сказать мне, я на обратном пути специально сделаю остановку, чтобы послушать вас снова. И через два дня я буду возвращаться по этой же дороге – так что с вашей стороны будет очень любезно, если вы подождете всего лишь два дня».

Какой-то человек из толпы сказал: «Похоже, что наши речи совершенно не волнуют тебя. А ведь мы оскорбляем тебя, издеваемся над тобой».

Гаутама Будда сказал: «Вы немного опоздали. Если бы это происходило десять лет назад, вам бы пришлось распрощаться с жизнью. Я тоже воин. Здесь было бы кровопролитие, ни один человек в этой толпе не уцелел бы. Но вы немного опоздали».

«Как раз перед этим мы были в другой деревне, и там люди встретили нас сластями и фруктами. А мы сказали: "Мы принимаем пищу только один раз в день, и мы уже ели сегодня; поэтому с вашей стороны будет любезно, если вы оставите эти вещи себе. Мы благодарны". И что, по-вашему, они сделали с этими сластями и фруктами?»

Кто-то сказал: «Должно быть, они разделили их между собой; должно быть, они сами съели их».

Будда сказал: «Вы разумные люди. Поступите так же: все, что вы принесли, я не принимаю – оставьте это себе. Ведь если я не принимаю ваши оскорбления, вы не можете оскорбить меня; это двустороннее дело. Вы можете говорить что угодно, – но если я не принимаю этого, вы просто сотрясаете воздух. Так что идите по домам и говорите все это друг другу, наслаждайтесь. А я приду снова через два дня, будьте готовы».

Они были потрясены, и они не могли поверить – что это за человек?

Когда они продолжили свой путь, Ананда сказал Будде: «Это уж слишком. Были моменты, когда я был готов наброситься на них с кулаками! Только твое присутствие заставило меня справиться с искушением».

Будда сказал – запомните это – он сказал: «То, что говорили те люди, не причинило мне боли. Мне причиняет боль то, что говоришь ты. Ты находишься рядом со мной столько лет, и все же ты недостаточно сознателен, чтобы знать, что принимать и что не принимать. Разве ты не видишь различия?»

Я не хочу, чтобы вы стали миссионерами; я хочу, чтобы вы стали откровением.

А это возможно только в том случае, если вы совершенно эгоистичны; поэтому, прежде чем вы начнете помогать другим, вы должны помочь самим себе; прежде чем вы начнете просветлять других людей, вам самим надо стать просветленными.

Вот что в моем понимании значит быть эгоистичным.

Все, что вы хотите распространять, должно быть вашим живым опытом.

Возлюбленный Бхагаван,

эти дни здесь с Вами, несомненно, являются самыми прекрасными. Ничего не надо делать, так много времени для того, чтобы тихо сидеть в саду, в своей комнате и наблюдать: как деревья танцуют на ветру, сверкая в солнечных лучах... так много красоты.

Мой ум наконец привыкает к идее, что его надо отключить. Я так спокоен, так счастлив. Сейчас, сегодня, снова двигаясь внутрь по этому пути безмолвия, когда мысли уплывают прочь и меня окружает пустота, я осознаю внутри себя некое напряжение, как будто я держусь за что-то.

Мой возлюбленный учитель, за что я держусь и как мне отпустить это?

Нетрудно выяснить, за что ты держишься, что является тонким напряжением внутри тебя.

Ты чувствуешь себя таким спокойным, таким тихим, таким блаженным, как никогда раньше. Следовательно, где-то внутри должен таиться страх: скоро ты уедешь отсюда – останутся ли при тебе этот покой, это безмолвие, это блаженство? Или как только ты расстанешься со мной, все это исчезнет?

Этот страх сидит не только в тебе, он в уме каждого ученика, ибо когда ты находишься здесь – это одно дело, а когда ты вернешься на рыночную площадь, в мир, то он покажется тебе еще более скверным, еще более гнетущим, чем раньше, поскольку у тебя теперь есть с чем сравнивать.

Случалось ли с тобой такое? Ты стоишь на обочине дороги в темноте, а мимо проносится автомобиль с включенными фарами. На мгновение тьма исчезает. Автомобиль умчался, и вот что странно: после того как автомобиль промчался, тьма становится более густой, чем она была до появления автомобиля. Ты увидел свет. Теперь тебе есть с чем сравнивать.

Этот страх естественен.

С ним можно сделать только одно, а именно, не подавлять его, а позволить ему выйти на поверхность. Ты же подавляешь его; вот поэтому ты и не сможешь выяснить, что именно беспокоит тебя где-то внутри. Позволь ему выйти на поверхность. Изведай и этот страх тоже.

Прими этот страх и прими вызов этого страха. Скажи своему уму: «Неважно, где я нахожусь. Все, что я пережил, – это мое переживание, и я могу создать его снова».

Может быть, мое присутствие послужило толчком, но это не мое переживание, это твое переживание.

Глубоко уясни себе, что это твое переживание, оно не имеет ко мне никакого отношения. Может быть, я и был катализатором, но переживание твое.

И теперь, раз уж оно случилось, ты можешь создавать его снова где угодно в мире. Может быть, вначале тебе будет немного трудно, ведь ты привык связывать его с моим присутствием. Но оно не зависит от моего присутствия.

Это точно так же, как если ты зажигаешь одну свечу от другой – стоит свече загореться, как она уже обладает своим собственным пламенем. Да, вначале ее надо поднести достаточно близко к пламени другой свечи, но как только она загора-

ется, у нее уже есть свое собственное пламя, она больше не зависит от другой свечи.

И когда ты уедешь, ты испытаешь то, что я говорю, – только дай этому шанс. Не принимай решения: «Теперь этого не может случиться, ведь учителя нет рядом».

Учитель был нужен для того, чтобы заставить тебя осознать, что это – нечто внутри тебя. Теперь ты увидел это.

Где бы ты ни оказался, закрывай глаза, и ты сможешь воссоздавать это безмолвие, эту красоту, это блаженство. Ты даже сможешь воссоздавать присутствие учителя – это самое трудное, но не невозможное. Это зависит от того, насколько интенсивна твоя любовь, насколько глубоко твое доверие. Но не надо сразу же браться за это.

Сперва попробуй те вещи, которые ты можешь создавать в самом себе. И когда ты создашь все эти вещи, тогда ты можешь попробовать потрясающе прекрасный эксперимент по созданию присутствия учителя.

Поэтому не беспокойся; просто выведи свой страх на поверхность. И этот страх сидит не только в тебе, он сидит в каждом. Это в природе вещей. Так что не придавай ему слишком большого значения, просто прими его как естественный феномен, который исчезнет благодаря твоим небольшим экспериментам вдали от меня.

Я гарантирую, что он исчезнет; ведь я гарантировал это тысячам моих саньясинов, и страх исчез из их жизней. Нет никаких оснований для того, чтобы он не исчез из твоей жизни. Принципы те же самые, нет никаких исключений.

Возлюбленный Бхагаван,

мне кажется, что я большую часть времени такая бессознательная, так мало осознаю, я просто вовлечена в жизнь и люблю жить ею. Когда Вы говорите о тотальности и интенсивности поиска, о том, что все остальное не имеет значения, и о том, как важно ни на что не отвлекаться, я боюсь, что мне это никогда не удастся.

В моем сердце я чувствую, что все остальное действительно не имеет значения, и все же я не живу в этом осознавании все время и во всякой ситуации.

Будет ли это хорошо для меня – стараться привносить это осознавание в каждое мгновение, даже если это потребует интенсивного усилия? Если Вы чувствуете, что это хорошо для меня, тогда я буду стараться делать это, хотя я боюсь, что могу

утратить какую-то часть веселья, спонтанности и легкости жизни, и к тому же я не знаю, смогу ли я справиться с этим.

Майтри, твой вопрос важен для всех. Ведь я говорю для такого миожества людей – не только для тех, кто присутствует здесь, но н для тех, кто не присутствует здесь, но услышит мои слова или прочитает их.

Это становится очень трудным делом, так как люди во многом отличаются друг от друга. И, несомненно, нет двух одииаковых людей.

И есть опасность, что ты можешь начать делать нечто такое, что ие предназначено для тебя.

Надо запомнить один простой критерий: все, что воспринимается тобой как хорошее – блаженное, тихое, спонтанное, случающееся само собой – это и есть твой путь.

Но мне приходится говорить также и с теми людьми, для которых ничего не бывает спонтанным, для которых самое трудное – это расслабиться, для которых самое невозможное – это просто сидеть и ничего не делать. Им тоже нужна моя помощь.

Им я говорю: «Живите с полной интенсивностью, с полным усилием», – ибо это самое легкое для них. А все легкое близко к истине.

Майтри, для тебя это не было бы самым легким. Тебе бы пришлось делать усилие вопреки самой себе; это не было бы естественным, это не было бы спонтанным.

Ты бы насиловала себя, и это уничтожило бы всю красоту, покой и тишину, которые ты уже переживаешь.

Если ты переживаешь тишину, покой, некую прекрасную энергию через спонтанность, через расслабление, через позволение, тогда это и есть твой путь.

Каждый должен найти то, что близко его сердцу.

Я говорю для многих людей самых разных типов.

Ты же должна выяснить, что подходит для тебя. Если ты начнешь делать *все*, что я говорю, ты попадешь в беду.

Просто делай то, что подсказывает тебе твое сердце.

А сердце никогда не ошибается, запомни это. Ум может быть правым и может быть неправым. Сердце же всегда право; не может быть и речи о том, чтобы оно оказалось неправым.

Поэтому, когда твое сердце чувствует себя в ладу с чем-то, тогда отдавайся этому – полностью. Тогда не оглядывайся назад и не беспокойся о том, что делают другие. Пусть они занимаются *своим* делом, а ты занимайся *своим*.

Поскольку религии прошлого делали упор только на одном методе, то, естественно, каждая религия стала соответствовать только одному типу людей. Именно поэтому на земле существует триста религий.

А я хочу, чтобы была только одна религиозность.

Все эти триста религий обладают своего рода истинностью и своего рода действенностью. Но они являются специализациями определенного метода, применимого к определенным людям, – и это сделало весь мир нерелигиозным.

Например, усилие – это путь для Махавиры. Даже упомянуть слово «всеприятие» – значит способствовать лени.

«Махавира» – это не его имя; его имя было Вардхамана. Его называют Махавирой потому, что его подход заключается в том, что истина должна быть завоевана. Это не любовная история, это война. И Махавира выиграл эту войну; вот почему его называют великим воином. «Махавира» означает «великий воин».

И это создает затруднения. Его метод подходит только для определенного типа людей – для воинов. Но из-за его собственного учения его последователям, – которые все происходят из кшатриев, воинской касты в Индии, – пришлось оставить свою профессию воинов, ведь это – насилие.

И они оказались в беде – что делать? Они не могли стать браминами, ибо брамином только рождаются. Нельзя стать брамином, изучив что-либо или совершив что-либо, нет такой возможности. Брамином только рождаются, нельзя быть посвященным в брамины. Поэтому эти люди не могли быть браминами.

Эти люди не могли быть и шудрами, неприкасаемыми, ибо они принадлежали к высокой индуистской касте, стоящей на втором месте после браминов. У них была своя гордость.

Единственным выходом для них было стать бизнесменами. Поэтому все джайны в Индии – бизнесмены. Они не могли стать земледельцами, садовниками, ведь в земледелии или садоводстве приходится вырубать деревья, – а это насилие, ибо деревья обладают жизнью. Так что все другие сферы деятельности отпадают.

Эти деловые люди не получают такую подготовку, как Махавира. В юности его готовили к тому, чтобы он стал воином, бойцом, и он привнес свои бойцовские качества в свой поиск истины. А эти деловые люди не подготовлены для борьбы.

Если кто-то придет и скажет, что истину можно купить, они будут готовы! Но «истина должна быть завоевана»? – это

кажется им недостижимым. Завоевать... это за пределами их возможностей.

Все, на что они способны, – это поклоняться Махавире. Прошло две с половиной тысячи лет, а джайны так и не смогли дать миру еще одного человека такого же масштаба, как Махавира. В чем же причина?

Он представлял собой один тип, и он проповедовал для одного типа, но так случилось, что те, кто последовал за ним, не были людьми этого типа и не могут ими быть. Поэтому они остались в тупике, они не могут никуда двигаться.

Бизнесом они заниматься могут. И они создали самые прекрасные храмы в Индии, самые прекрасные статуи. Поклонением они заниматься могут. Но сражаться? Это просто невозможно.

Итак, странный феномен... учитель, за которым они последовали, был человеком иного типа. Они были поражены его уникальным качеством, он был человеком из стали. Но его последователи могут только восхвалять его: они не могут совершить то, что совершил их учитель. И так дело обстоит не только с джайнами, такова ситуация в каждой религии.

И нет никакой необходимости, чтобы ваш ребенок был того же типа, что и вы. Но по какому-то несчастью мы приняли идею о том, что религия передается по рождению. Это просто глупо. Это как если бы сын врача становился врачом потому, что он родился в семье врача. Ему не надо учиться в медицинском колледже – какая нужда? Ведь если он – сын врача, жена которого тоже врач, тогда нет никаких проблем – он прирожденный врач, это у него в крови, ему не нужен никакой диплом.

Хорошо, что мы так не поступаем.

Но в религии мы придерживаемся именно этого.

Я встречал людей, которые родились в религии, которая не допускает набожности. Такая религия не для человека набожного типа, но кто-то, родившийся в этой религии, может оказаться человеком набожного типа. Кто-то принадлежит к такому типу людей, которые могут легко принять негативный подход; а для кого-то другого негативный подход просто невозможен; если ему не дать что-нибудь позитивное, он не сможет сделать ни одного шага.

Мое собственное предложение таково: религия не должна определяться по рождению, человек сам должен выбирать религию в соответствии со своими чувствами. Где бы он ни почувствовал, что ему хорошо, что он растет, что ему радостно, где бы он ни почувствовал некое магнитное притяжение, это

и есть его путь. Неважно, та ли это религия, в которой он родился, или нет; это – религия, для которой он родился.

Но это возможно только в том случае, если все будут освобождены от религиозного рабства, если мы будем позволять нашим детям знакомиться со всеми религиями, со всеми методами. И если мы будем советовать им сопереживать и общаться с самыми разными людьми: «Посещайте разные храмы, посещайте разные школы, посещайте разных учителей – и ищите свой путь». И где бы они ни почувствовали, что они получают питание, родители должны благословить их на продолжение движения по этому пути.

Неважно, если вы чувствуете, что получаете питание в обществе мусульманского суфия; неважно, если вы чувствуете, что получаете питание в обществе буддийского монаха; весь вопрос должен решаться вашим собственным сердцем.

А сердце никогда не поведет вас по неправильному пути. Если вы будете позволять ему, оно будет давать вам ясные указания, что вы находитесь на правильном пути. Покой, тишина, блаженство, благословение – всего этого будет становиться все больше и больше, а размах будет становиться все шире и шире.

Возлюбленный Бхагаван,
кто является благословенным?

Тот, кто спит в тебе, и есть благословенный, но, к сожалению, он спит и похрапывает.

Его надо разбудить; и как только твое спящее сознание пробудится, ты начнешь испытывать блаженство.

Наивысший пик твоего блаженства даст тебе чувство, что ты выходишь за пределы человечества. Это и есть момент пребывания благословенным, ты стал частью универсального блаженства.

Но люди так крепко спят.

Я так много натерпелся от людского сна.

Мне пришлось много попутешествовать по Индии; в основном я ездил в двухместном купе с кондиционированным воздухом. Но иногда двухместных купе не было, и мне приходилось ехать в четырехместном.

Однажды я возвращался из Калькутты в четырехместном купе. Я видел много храпящих людей, но этих трех субъектов я никогда не забуду.

У них была некая гармония: сначала храпел один, а двое

других молчали, затем, когда он умолкал, второй начинал храпеть громче, чем первый, двое же других молчали. А когда второй умолкал, третий начинал храпеть громче всех, а двое других молчали.

И это продолжалось по кругу.

Я слушал это на протяжении часа, а затем сказал: «Это невыносимо. Я не хочу вмешиваться ни в чью жизнь, но эти трое вмешиваются в мою жизнь».

Поэтому, когда третий умолк, я захрапел так громко, что все трое проснулись.

И они увидели, что я храплю с открытыми глазами; они не могли ничего понять... Они посмотрели друг на друга: «Что это за человек? Он храпит с открытыми глазами!»

А я даже не моргал.

Все трое поднялись со своих мест и подошли ко мне.

Я сказал: «Послушайте, если вы хотите спать, то прекратите эту гармонию. В противном случае я не дам вам заснуть».

Один из них сказал: «Раз вы не спите, то почему вы храпите?»

Я сказал: «А что мне еще делать? Ведь я не могу заснуть, поэтому не возникает вопрос о том, чтобы сперва заснуть, а потом храпеть. Вы же не даете мне заснуть! Сперва дайте мне заснуть. Тогда, может быть, войду в гармонию с вами, что-то может случиться, но сперва дайте мне заснуть. И как вам это удается?»

Они сказали: «Мы – братья».

Я сказал: «Вы – великие братья».

Они сказали: «Что делать? Это такой трудный вопрос, даже в нашей семье. Наши жены не хотят спать вместе с нами, нам троим приходится спать в одной комнате. Поэтому мало-помалу возникла некая гармония».

Я сказал: «Все это очень хорошо, но только за одну ночь мне будет очень трудно войти в эту гармонию. Надо что-то придумать».

Итак, мы условились, что я посплю несколько часов, а они тем временем будут играть в карты, затем они снова заведут свою гармонию, а я буду сидеть и слушать.

И слушать их было просто удовольствием, ибо... как они умудрялись спать?

Каждый несет в себе благословенного, но его надо разбудить.

Быть благословенным – это не какой-то талант.

Это не то, что быть музыкантом: некоторые люди – музыканты, но все не могут быть музыкантами. Некоторые

люди – художники, но все не могут быть художниками. Некоторые люди являются поэтами, танцорами, актерами, писателями – это таланты.

Быть блаженным – это не вопрос таланта.

Это сама ваша природа, это внутренне присущее вам качество.

Вам решать, как долго вы хотите быть несчастным и спящим, – вы свободны.

Как только вы решите, что с вас этого довольно, вы будете иметь такие же переживания, как любой Гаутама Будда, или Рамакришна, или Рамана Махарши – это не талантливые люди. Кабир, или Раидаса, или Фарид – это не талантливые люди, они просто обыкновенные человеческие существа.

Но что касается их блаженства, они достигли той же вершины, что и Гаутама Будда.

Это ваше право по рождению.

Беседа 15

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК: ТАЙНА, НЕ ПОДДАЮЩАЯСЯ ОБЪЯСНЕНИЮ

17 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

каждый раз, когда люди спрашивают меня: «Кем является Бхагаван в твоей жизни?», я отвечаю, что Вы – мой учитель. Но люди не понимают, даже если я пытаюсь объяснить. В чем причина? Почему мне не удается это объяснить?

Жизнь прекрасна, ибо в ней так миого такого, что ие может быть объяснено.

Это было бы бедствием, если бы жизнь состояла только из тех вещей, которые можно объясинть.

Только представьте себе на мгновение: если бы все можио было объяснить, тогда не было бы никакой тайиы, тогда не было бы никакой поэзии, тогда не было бы иикакой загадки. Тогда все было бы совершенно неинтересиым и скучным.

Жизнь не скучна, ибо в ней есть измерения, которые вы можете продолжать исследовать и иикогда не прийти к их объяснению. Вы можете многое пережить, и тем не менее то, что вы пережилн, не может быть переведено в слова.

Вы влюбляетесь. Начииая с самого первого человека, должно быть, миллионы людей влюблялись, ио любовь до сих пор остается тайиой, вы не можете свести ее к зиаиию.

Как только вы пытаетесь свести ее к зианию, она выскальзывает из ваших рук. И это хорошо, что она иастолько чудесна, что поколение за поколеиием, миллиоиы людей проходят через это переживание: они знают, что такое любовь, и тем ие менее онн не могут сказать, что такое любовь.

Все, что можно пережить, не обязательно можно объяснить, а все, что можио объяснить, не обязательио можно пережить.

Математику можно легко объяснить, но нет соответствующего переживания. Науку можно легко объясиить, но даже самого великого ученого его знаиия не траисформируют. А какой-то аиоиимный поэт ие только дает рождение поэзии, но и сам проходит через глубокую революцию, перерождеиие. Его поэзия – это ие просто сочетаиие слов, это сок самой его жизни.

Величайшие поэты ие в состоянии объяснить свою собствеиную поэзию.

Одиажды некий профессор литературы спросил у Кольриджа... Профессор преподавал в уииверситете, и в одном из

стихотворений Кольриджа он натолкнулся на место, смысл которого вызвал у него сомнения. Он был искренним человеком. Он сказал студентам: «Вам придется подождать по крайней мере один день. Кольридж живет недалеко от моего дома; я могу спросить у него, что именно он имел в виду».

В тот же вечер он отправился к Кольриджу. Кольридж сказал: «Вы немного опоздали».

Профессор сказал: «Как это – опоздал? Вы же еще живы!»

Кольридж сказал: «Дело не в том, жив я или нет. Когда я писал эти строки, их смысл знали двое, а сейчас знает только один».

Естественно, профессор сделал вывод, что этим одним не мог быть никто, кроме Кольриджа.

Он сказал: «Стало быть, я все же не опоздал. Скажите мне, каков смысл этих строк».

Кольридж сказал: «Вы так и не уловили суть. Когда я писал эти строки, их смысл знали двое – Кольридж и Бог. Сейчас знает только Бог! Мне бы самому хотелось знать. Много раз я перечитывал эти строки и задавал себе вопрос: каков их смысл? Они великолепны, но смысл их неуловим. Пытаться уловить его – все равно что пытаться поймать ветер. Сожалею, но я ничем не могу помочь вам. Да, это я написал эти строки, и я знаю, что в них есть некий смысл, я чувствую его, но не могу объяснить его вам. Если я не могу объяснить его даже самому себе, как же я могу объяснить его вам?»

И так обстоит дело не только с поэзией. Все значительное в жизни...

Пикассо приходил в негодование всякий раз, когда кто-то спрашивал его о смысле его картин. А он не был злобным человеком. Он был прекрасным, любящим человеком. Но когда его спрашивали о смысле его картин, это задевало его больное место.

Он сразу же выходил из себя. Он говорил: «Странно! Никто не спрашивает, какой смысл имеет роза. Никто не спрашивает, какой смысл имеют звезды. Никто не спрашивает, какой смысл имеет птица на ветке. Никто не спрашивает, какой смысл имеет восход или закат. Люди просто наслаждаются красотой, до смысла никому нет дела. Чего вы хотите от меня? Я – бедный художник. Я могу сказать только то, что картина прекрасна. Но это не ее смысл, это ее воздействие на чувствительное существо».

Смысл рационален. А переживание тайны иррационально.

Твой вопрос имеет большое значение, и, должно быть, этот вопрос волнует многих других учеников.

Люди спрашивают тебя, какая связь существует между тобой и мной.

Когда ты просто говоришь, что я – твой учитель, этот ответ не удовлетворяет ни их, ни тебя.

Как он может удовлетворить их, если он не удовлетворяет даже тебя? Ведь это совсем не те отношения, которые существуют между тобой и твоим отцом, между тобой и твоей матерью, между тобой и твоим братом. Стоит тебе сказать, что кто-то является твоим отцом, и всем все ясно. Никто больше не пристает к тебе с вопросом: «Что значит "отец"»?

Связь с учителем не относится к той же категории, что и все другие связи. Она по сути своей отличается от них.

Это – любовь, но не только любовь.

Это – любовь с центром доверия.

Любовь сама по себе необъяснима, а в этом случае она сочетается с еще более великой тайной. Доверие – нечто абсолютно из иного мира.

В этом мире все полны недоверия. Даже в людях, которые любят друг друга, нет доверия. Есть друзья, которые могут, если необходимо, отдать жизнь друг за друга, – но доверия нет.

В средневековой Европе был распространен весьма странный и отвратительный обычай. Когда воин отправлялся на войну, он надевал на свою жену особое приспособление, чтобы она не могла заниматься любовью с другими, запирал его на замок и забирал ключ с собой. Весьма необычный способ... эти приспособления и сейчас можно увидеть в музеях Европы.

Вы не можете доверять даже своей жене. И если вы не доверяете своей жене, неужели вы думаете, что можно положиться на замок. Ремесленники, которые изготавливали замки, также делали и запасные ключи!

Некий принц собирался на войну. Он очень беспокоился из-за своей прекрасной жены. Он боялся, что если потеряет ключ на войне, то всю оставшуюся жизнь он не сможет заниматься любовью со своей собственной женой. Поэтому он решил, что будет лучше отдать ключ на хранение своему лучшему другу.

Они были так близки, что могли бы отдать жизнь друг за друга, поэтому о недоверии не могло быть и речи.

Он отдал ключ своему другу и сказал: «Когда я вернусь, ты мне его вернешь. А пока храни его».

Не успел принц отъехать и на полмили от города, как услышал позади себя топот лошадиных копыт. Он оглянулся и увидел, что его догоняет его друг. Друг кричал: «Подожди!»

Принц спросил: «Что случилось?» Они расстались всего лишь пять минут назад, и тогда все было в порядке.

Друг сказал: «Ты дал мне не тот ключ!»

В этом мире совсем нет доверия.

Когда любовь соединяется с доверием, становится еще труднее объяснить это. Это становится еще более таинственным.

И затем, когда любовь и доверие достигают своего оптимума, появляется нечто, что можно назвать только «самоотречение». Это не очень хорошее слово, но нет другого слова, которым его можно было бы заменить.

Самоотречение делает все это явление абсолютно потусторонним. Для него нельзя найти никаких объяснений, никаких обоснований. Единственный способ таков: кто бы ни спрашивал тебя об этом, говори ему, что это подобно тому, как жаждущий человек находит в пустыне воду. Каждая клетка его тела – сама жажда, и вода утоляет эту жажду. Нисходит великий покой.

Учитель – это не личность.

Учитель – это только присутствие.

Если жажда неизвестного у человека достаточна сильна, он может напиться из этого присутствия и утолить эту жажду.

Каждому, кто задает тебе этот вопрос, говори: «Пойдем со мной. Есть некоторые вещи, которые нельзя объяснить, но я могу отвести тебя туда, где ты, быть может, тоже сможешь пережить их. Сам твой вопрос показывает, что у тебя есть некий интерес – может быть, глубоко скрытое желание. Кто знает? Оно может разгореться в присутствии учителя. Кто знает? Когда ты будешь окружен учениками, их любовью, их доверием, их самоотречением, то, может быть, в присутствии учителя с тобой произойдет нечто. Одно можно сказать с определенностью: если с тобой нечто произойдет, ты станешь таким же немым, как и я».

Прими свою немоту, но создавай жажду поиска в человеке, который просит у тебя только словесного ответа. Используй эту ситуацию. Словесный ответ бесполезен. Просто скажи: «Я пережил нечто такое, что не может быть переведено ни на один язык, но я могу отвести тебя к реке. Ты сам сможешь напиться. Твое переживание будет единственным объяснением».

И я снова повторяю: жизнь прекрасна, потому что в ней есть так много необъяснимых измерений. В этом ее богатство. Если бы все можно было объяснить, жизнь утратила бы весь свой сок; вы бы пресытились, вам бы до смерти надоела жизнь, в которой все объяснено.

То, что происходит между учителем и учеником, является одной из вершин необъяснимых переживаний. Не разрушайте это объяснениями.

Это преступление – разрушать необъяснимое, низводя его на уровень объяснений, ибо вы совершаете убийство. Это можно сравнить с птицей, летящей в небе... она так прекрасна в своей свободе; все небо принадлежит ей, все звезды принадлежат ей... никаких границ, никаких барьеров.

Вы можете поймать птицу, вы можете сделать прекрасную золотую клетку и посадить в нее птицу. Но запомните, это уже не та птица, которая свободно летала в небесах под звездами. Внешне это та же самая птица, но не духовно – ибо где же свобода и где же звезды? Где небо? Ваша золотая клетка не может заменить то, что вы отняли у птицы. Она утратила свою душу.

То же самое происходит, когда вы пытаетесь объяснить нечто необъяснимое. Вы заключаете это в клетку языка, слов – прекрасных слов, но душа исчезает.

Не делайте этого. Я знаю, что вам становится не по себе, когда кто-то спрашивает вас, а вы не можете ответить – вы чувствуете себя неловко.

Уж лучше чувствовать себя неловко, чем совершать преступление против тайн жизни.

Говорите спрашивающим: «Я чувствую себя неловко, потому что я не могу ничего сказать. Не то, чтобы я не хотел – мне бы очень хотелось рассказать вам об этом, но я не могу, ибо рассказывать об этом – значит убивать это. Я могу отвести вас к окну, через которое вы можете увидеть открытое небо; я могу отвести вас к этому человеку. Может быть, ваше сердце начнет танцевать так же, как танцует мое сердце. И в глубокой тишине вы поймете, что это значит для меня. Но только тогда, когда это начнет значить нечто и для вас».

Люди будут задавать вам много вопросов. Используйте их вопросы для того, чтобы приглашать их к свету, к блаженству, к истине.

Не отвечайте, ибо вы не можете ответить и все, что вы будете говорить, не будет производить желаемого впечатления.

Противьтесь искушению быть знающим. Примите свою невразумительность. Но приглашайте людей.

Может быть, один из десяти и придет. И кто знает – придя сюда, он может включиться!

Возлюбленный Бхагаван,

я стар, до приезда в Пуну я был буддистом более тридцати лет. Но тем не менее я чувствую себя так, как будто нахожусь в самом начале, одолеваемый множеством сомнений.

С другой стороны, нечто внутри меня знает о Вашем безмолвии, и это нечто совсем не раздражается. Оно подобно некой мантии доверия. Но я не способен верить. Не могли бы Вы сказать что-либо о различии между доверием и верой?

Доверие и вера внешие очень похожи, но оии являются диаметральио противоположиыми сущиостями.

Вера – это фальшивая моиета. Оиа претеидует на подлинность, оиа пытается играть роль доверия. Миллиоиы людей попадают в сети веры, потому что она дешева.

Доверие же дорого, очень дорого.

Доверие стоит дорого, потому что оио связано с риском, опасностью. Оно предполагает, что вы открываетесь, становитесь уязвимым для тех, кто может причннить вам вред. Вы отбрасываете все меры предосторожности. Вы будете беззащитны – вас можно эксплуатнровать, обманывать, уничтожить.

Каждый человек возводит вокруг себя оборонительную систему, чтобы защитить себя от других.

Жизнь – это коикуренция. Все стремятся к одним и тем же целям, и вы ие можете оставаться любящим, сострадательным и добрым в мире коикуренции, ниаче вы обречеиы быть иеудачником.

В этом мире конкуренции успеха добиваются те люди, которые готовы кого угодио принести в жертву, уничтожить любого. Они карабкаются вверх по головам других людей, как по ступеням. Их заботит только одно – успех. Естествеиио, каждому человеку приходится принимать меры, чтобы не быть растоптаиным, уиичтожеиным.

Доверие означает движение против течеиия этого мира конкуреиции. В мире коикуреиции доверие просто невозможно.

Макиавелли иаписал одии из самых значительных трактатов о дипломатии – «Государь». Как это ии странно, его очень отдалеииая праправиучка прииняла санньясу – Макиавелли и представить себе ие мог, что кто-то из его рода когда-либо кому-то доверится.

В «Государе», – а это небольшой трактат, максимы, которым должен следовать каждый политик, если он хочет преуспеть, – Макиавелли пишет: «Никому не доверяйте, но

пусть все верят, что вы доверяете им. Не говорите другу того, чего вы не сказали бы врагу, – ибо никто не знает: завтра друг может превратиться в вашего врага. Не говорите против вашего врага ничего такого, чего вы не сказали бы против вашего друга, – ибо в этом мире конкуренции враг может стать другом, а друг может стать врагом. Главное, оставайтесь полностью закрытым и не выдавайте своих чувств. Если вы говорите что-то, говорите это таким образом, чтобы это можно было истолковать двояко: за или против. Не говорите ничего такого, что имеет одно-единственное значение, ибо каждый день вы будете сталкиваться с новой реальностью и вам придется менять ваше мнение».

Макиавелли – вот настоящий лидер этого мира, а вовсе не Иисус Христос или Гаутама Будда... Это странный мир. Здесь не поклоняются *настоящим* лидерам, но им следуют. Здесь поклоняются *ненастоящим* лидерам... но им не следуют.

Когда встречаются любовь и доверие, конечным продуктом их слияния будет самоотречение, самоотдача. Вы расслабляетесь в учителя, в его существо, ничего не удерживая.

Несомненно, это только для тех, кто готов пойти на риск.

Вера же очень дешева. Каждый является верующим: кто-то – индуист, кто-то – мусульманин, кто-то – христианин. Вера предлагается всех размеров, всех форм и всех цветов – вы можете выбирать. И вам не надо ничего платить за нее. Обычно вы получаете ее вместе с молоком матери, бесплатно.

Во-вторых, верят всегда в некую идею, а доверяются всегда некому присутствию.

Это очень тонкое различие.

Вера – это нечто теоретическое.

Доверие – это нечто экзистенциальное.

Вы можете без особого труда переменить вашу веру, это все равно, что переменить одежду. Из индуиста вы можете сделаться христианином, из христианина – мусульманином, из мусульманина – коммунистом. Нет никаких проблем, ибо вера – это всего лишь нечто умственное. Если что-то окажется более убедительным, более логичным, вы можете переменить веру. У нее нет корней в вашем сердце.

Вера подобна искусственным цветам, которые издалека очень похожи на настоящие. У них нет корней, о них не надо заботиться: не надо унавоживать, удобрять, поливать, ухаживать – ничего не надо. И они постоянны, они могут оставаться с вами всю вашу жизнь – ведь они никогда не рождались, поэтому они никогда и не умрут. Они были изготовлены. Если только вы не уничтожите их, они будут оставаться с вами всегда.

Доверие – это настоящая роза. У него есть корни, и эти корни уходят глубоко в ваше сердце и в ваше существо. Вера же находится только в голове.

Доверие пребывает в сердце, в глубинном мире вашего существа. Переменить доверие почти невозможно – такого никогда не случалось, за всю историю человечества не было отмечено ни одного такого случая. Если вы доверяете, вы доверяете; нет никакой возможности переменить доверие. И доверие все время растет, ибо у него есть корни. Доверие никогда не остается статичным, оно динамично; доверие – это живая сила, оно продолжает расти: появляются новые листья, новые цветы, новые ветви.

Вера – это мертвая вещь, искусственный цветок; она никогда не растет. Индуисты могут верить во что-то на протяжении десяти тысяч лет и все остается по-прежнему, никакого роста.

«Корова – наша мать». Индуисты верят в это вот уже десять тысяч лет. Их вера не выросла даже настолько, чтобы включить в себя тот факт, что их отец – бык. Их вера статична. И если вы скажете любому индуисту, что бык – это его отец, он сам станет быком и определенно докажет, что бык является его отцом, – но он ни за что не поверит в это. Он будет вести себя в точности как бык, но он не признает этого факта.

Все веры стары, все веры мертвы. Ни у одной веры не появляется ни одного свежего листочка.

Вера – это нечто идеологическое, философское, но это не сила, которая трансформирует ваше существо. Она может сделать вас великим ученым, она может сделать вас великим философом, теологом, – но она никогда не может сделать вас новым человеком, молодым и свежим; она не может дать вам никакого переживания. Она может принести вам ученые степени, академические награды и Нобелевские премии; она может все.

Но она ничего не изменит в вашем внутреннем мире, он будет оставаться пустым.

Этот вопрос тем более важен, что он поступил от человека, который тридцать лет был буддистом.

После того, как он тридцать лет был буддистом, этот человек приходит ко мне, чувствует ко мне некое доверие, влюбляется. Естественно, неизбежен конфликт. Его ум наполнен тридцатью годами буддийской идеологии, которая является вероучительной системой, – а его сердце пускает свежие ростки доверия. Этот человек непременно должен находиться

в большом затруднении. Его верования тянут его в одном направлении, а его доверие движется в другом направлении.

Верования имеют определенный вес, ведь им уже тридцать лет, но доверие – хотя оно возникло совсем недавно – обладает своей собственной силой, потому что оно живое. Верования – это трупы тридцатилетней давности. У них есть вес, но у них нет никакой силы. Этот человек просто не может не разрываться пополам.

Все это можно очень легко разрешить.

Вот о чем надо помнить в первую очередь: если бы буддизма было достаточно, не было бы никакой необходимости приходить ко мне. То, что вы тридцать лет были буддистом, ничего вам не дало. Вы можете быть буддистом на протяжении тридцати жизней, но вера никогда не изменит вашей реальности. Срок не имеет никакого значения.

Поэтому первый вопрос, который вы должны задать самому себе, таков: почему после этих тридцати лет возникла необходимость искать какой-то новый источник, какой-то новый свет, какой-то новый путь?

Если вы отважны, вам нет нужды вовлекаться в конфликт; вы можете просто осознать, что эти тридцать лет были потрачены впустую. Но что ушло, то ушло; теперь больше не тратьте на это время.

И запомните: я не говорю, что Будда неправ.

Я просто говорю, что Будда был прав только для тех людей, которые могли пить из его присутствия, для кого он был учителем.

Но для вас он лишь некое верование.

Лучше избавиться от этих тридцати лет и всей той информации, которую вы накопили в себе, ибо это – бремя и препятствие для вашего духовного роста.

Если вы можете отважиться не быть буддистом, я обещаю вам, что у вас появится возможность был буддой. Зачем останавливаться на мертвых теориях, когда доступны животворные воды?

Быть буддой – это красота.

Быть буддистом – это глупость.

Будда не был буддистом, запомните; он никогда не слышал этого слова. Никто не называл его буддистом.

Иисус никогда не был христианином. Поэтому с определенностью можно сказать одно: ни один христианин, который остается христианином, не может обрести то переживание, которое обрел Иисус. Если какой-то христианин хочет пережить то, что пережил Иисус, то первым делом он должен

избавиться от христианства – ведь Иисус не был христианином.

Ваша система верований должна быть полностью отброшена, чтобы ваши соки не разделились и вся ваша энергия направлялась в ваше доверие.

Ваше доверие растет, но под тяжелым бременем, под напряжением. Оно может расти в расслаблении, под открытым небом. Просто скажите «прощай» всем этим верованиям, которые вы несли в себе, и позвольте вашему доверию расти.

Тем, чем Будда был для своих учеников, его теории быть не могут.

Теории – это просто слова. В них нет того очарования, той красоты и той харизмы; они не обладают тем магнетизмом.

И когда вы находитесь здесь и для вас есть возможность стать пробужденным, стать буддой, я не думаю, что это – плохая сделка... отбросить буддийские теории ради того, чтобы стать самим Гаутамой Буддой.

За две с половиной тысячи лет сколько будд дали миру буддисты?

Один английский буддист – Бхикку Дхарма Ракшита, великий подвижник – в свое время отрекся от христианства, принял буддизм и стал одним из лучших знатоков буддийской литературы. У него был ашрам в Калимпонге. Время от времени он принимал участие в буддийских конференциях, и каждый раз, когда он спускался с Гималаев, он старался разыскать меня и побыть со мной день или два.

Он был всемирно известным буддийским ученым. Его книги несравненны в том, что касается точности его переводов.

Я спрашивал его: «Дхарма Ракшита, вы посвятили почти пятьдесят лет жизни изучению буддийской теологии и переводу буддийской литературы, – но вкусили ли вы буддовости?»

И на его глазах наворачивались слезы. Он говорил: «Пожалуйста, не задавайте мне этого вопроса. Вы – единственный человек, который спрашивает об этом. Кажется, никого больше это не интересует. Меня спрашивают о литературе, меня спрашивают о принципах, о философии и прочем, но никто не спрашивает: "Что дали вашему существу эти пятьдесят лет напряженных усилий? Или они принесли только дюжину книг и всемирную славу? Вы удовлетворены?"»

Однажды ночью он сказал мне: «Мы встретились слишком поздно. Я стар, я попусту растратил всю мою жизнь. И сейчас мне очень трудно отбросить весь тот мусор, который я с таким усилием накопил, и начать с азбуки, с самого начала. Но всякий раз, когда у меня появляется возможность, я

стараюсь оказаться рядом с вами. И когда я нахожусь рядом с вами... Я не знаю, как бы это было – находиться рядом с Гаутамой Буддой, но я чувствую, что это, должно быть, было нечто вроде пребывания рядом с вами – тот же вкус. Сейчас для меня уже слишком поздно переделывать себя, но по крайней мере в самом конце моей жизни я не буду умирать просто как ученый, я буду умирать как искатель. В этой жизни меня постигла неудача, но вы создали во мне жажду. Может быть, в моей следующей жизни я не заблужусь в джунглях теорий и попытаюсь проникнуть в самого себя».

Здесь вам предоставляется редкая возможность.

Ничего подобного этому никогда не существовало в этом мире. Ибо у меня нет никаких предубеждений – здесь вы можете стать Христом, вы можете стать Буддой, вы можете стать Махавирой, вы можете стать Лао-цзы. У меня нет никаких предубеждений, ибо я знаю, что это – всего лишь разные имена. За ними пребывает одно и то же универсальное сознание.

Поэтому не беспокойтесь о ваших верованиях, просто отбросьте их.

Доверия достаточно, более чем достаточно. Для вашего паломничества оно обеспечит достаточно питания.

Возлюбленный Бхагаван,

внутри меня, кажется, есть так много вопросов, но когда я пытаюсь задать Вам один из них, все они как бы исчезают и я даже не знаю, действительно ли я хотел спросить у Вас о чем-то. Но тем не менее чувство вопроса остается.

Не могли бы Вы объяснить, откуда появляется это чувство?

Это очень просто.

У тебя нет вопроса, у тебя есть духовный поиск. И ты не осознаешь различие между ними.

Твой поиск не ясен для тебя, он затуманен. Ты думаешь, что, может быть, есть некий вопрос – поэтому ты создаешь множество вопросов и они исчезают, но у тебя остается смутное чувство, что все еще есть нечто подобное вопросу. Что же это такое?

Все вопросы подобны листьям.

Духовный поиск подобен корням.

Тебе повезло, ибо сперва люди должны задавать тысячи

вопросов, тогда мало-помалу, один за другим, листья исчезают. Затем приходит очередь ветвей, затем – ствола, и в конце концов люди осознают, что настоящее – это духовный поиск.

Тебе повезло – у тебя есть только корни. Но с корнями проблема в том, что они всегда под землей, поэтому ты не видишь, где они находятся. Так или иначе ты пытаешься создавать вопросы, но они исчезают, потому что они не связаны с твоими корнями.

Поиск – это самое важное для искателя.

Поиск означает, что ты хочешь познать, пережить истину, быть самой истиной.

Вопрос требует, чтобы на него ответили.

Поиск хочет стать самим ответом.

Вопросов много, ответ же один.

И ты в состоянии... если ты будешь просто медитировать, ты не натолкнешься на вопрос, ты натолкнешься на ответ. И ответ – это не нечто отдельное от тебя. Ты и есть ответ.

Просто двигайся к своему центру. Ответ – там, ждет тебя уже тысячи жизней. Не заставляй его больше ждать. Иногда он тоже теряет терпение. И из-за нетерпения он начинает создавать вопросы.

Вопросы просто свидетельствуют о нетерпении.

Но твое положение совершенно ясно: тебе не надо ни о чем спрашивать; тебе надо просто все глубже и глубже погружаться в безмолвие, и ты найдешь ответ.

Возлюбленный Бхагаван,

до установления контакта с Вами профессор Джоши из Катманду получал духовные наставления от одного буддийского ламы.

Этот лама в юности оставил свою семью и деревню и сорок лет странствовал по Тибету, Бирме и Таиланду, предаваясь медитации и поискам истины. В возрасте шестидесяти лет лама однажды вечером тихо вернулся в свою деревню, к своей семье и старому образу жизни. Но его благость и бесстрастие привлекли много искателей, и сейчас он известен как «аватари лама».

Лама произвел очень сильное впечатление на профессора Джоши, и, движимый любовью, профессор преподнес ему Вашу книгу «Антар Янтра».

Не умея читать ни на хинди, ни по-английски, лама попросил профессора Джоши прочитать несколько отрывков и показать ему Вашу фотографию. Когда он увидел Вашу

фотографию, лама сказал: «Бхагаван приходит из той страны, куда я отправляюсь каждый день во время медитации. На этот раз он пришел в полной славе (шестнадцать кала) – что случается только при воплощении Кришны или Будды. Теперь вам не надо приходить ко мне за наставлениями, следуйте за Бхагаваном. Он – тот Учитель, который вам нужен».

Бхагаван, как могут люди видеть в Вашей фотографии так много такого, чего мы, ученики, не можем осознать даже после продолжительного общения с Вами?

Арун, здесь дело не в продолжительности общения, а в глубине прозрения.

У вас нет той медитативной перспективы. Вы можете видеть только то, что могут видеть обычные глаза.

Но когда человек становится более медитативным, его чувствительность достигает таких глубин и таких высот, что он способен видеть то, что невидимо для нас.

Жизнь – это не только то, что доступно нашим пяти чувствам.

Просто представьте себе... Например, если бы вы были совершенно лишены зрения, вы бы так и не узнали, что существует свет, – хотя свет окружает вас со всех сторон. Но самого существования света еще не достаточно; вам необходимо обладать чем-то, чтобы воспринимать его.

Ученым не дает покоя один вопрос: существует возможность, что по крайней мере на пятидесяти тысячах планет есть жизнь. С определенностью можно сказать только одно: если на этих планетах есть жизнь, она должна была развиваться поиному – ведь там должен быть иной климат, вся ситуация должна быть иной. Возможно, что на какой-то планете могут существовать животные, которые имеют больше пяти чувств. Сейчас это всего лишь гипотетический вопрос, но он важен; такая возможность существует.

Если на каких-то планетах есть животные, которые имеют семь или восемь чувств, тогда они должны быть в состоянии воспринимать некие явления, которые мы воспринимать не можем. И мы даже вообразить не можем, что это могут быть за явления, – ибо даже в воображении мы можем представлять только то, что мы уже видели. Нам это даже присниться не может, потому что наши сновидения – это всего лишь отражения. В ваших сновидениях вы не можете быть настолько изобретательным, чтобы создать нечто новое: в ваших сновидениях будет отражаться только то, что восприни-

мают ваши пять чувств. До открытия рентгеновского излучения мы понятия не имели, что существуют некие лучи, которые могут проникнуть в ваше тело и сфотографировать ваши внутренности.

Люди, которые веками занимались медитацией, познали многие явления, но поскольку они не являются учеными, они никогда не пытались подтвердить их объективными доказательствами.

Например, на Востоке уже много столетий известно, что медитативный человек может увидеть, умрет ли кто-то в течение шести месяцев или нет. И это так просто, что дело тут даже не в медитации; вы сами можете узнать, умрете вы в течение шести месяцев или нет. Как только вы перестаете видеть кончик носа, это означает, что вам осталось жить всего лишь шесть месяцев, – ибо когда человек умирает, его глаза закатываются вверх, и они начинают закатываться за шесть месяцев до смерти, очень-очень медленно. Это известно даже крестьянам, которые не занимаются медитацией и не имеют медитативного понимания.

Этот лама медитировал сорок лет. Он может видеть в моей фотографии то, чего вы увидеть не можете.

Это напомнило мне один случай из жизни Рамакришны. Некий художник написал портрет Рамакришны и принес портрет к нему, чтобы узнать, понравится он ему или нет. Ученики тоже собрались там.

Рамакришна посмотрел на портрет и поклонился ему. Его ученики – Вивекананда и другие – почувствовали себя неловко: «Ну что нам делать с нашим учителем? Ведь он делает такие вещи, что даже мы выглядим дураками. Сейчас он кланяется своему собственному изображению. Если бы мы знали, что он выкинет такое, мы бы постарались не допустить этого. И вот он кланяется, а люди смеются и переглядываются».

Там было много людей, которые не были учениками. Они говорили друг другу: «И этого человека его ученики считают реализованной душой? Похоже, он не в своем уме! Даже ненормальный человек не будет кланяться самому себе; по крайней мере он признает: «Это же мой портрет, негоже кланяться ему»».

Художник тоже был потрясен, но он не был учеником. Он набрался мужества и сказал Рамакришне: «Я не могу поверить своим глазам. Это же ваш портрет, а вы ему кланяетесь! Это выглядит несколько нелепо».

А глаза Рамакришны были полны слез радости. Он сказал: «Я знаю, что это – мое изображение, но я кланяюсь не

потому, что на картине изображен я. Я кланяюсь потому, что в этой картине вы уловили мое состояние *самадхи*. А когда я вижу изображение кого-то в состоянии *самадхи*... неважно, кто изображен на картине – я или кто-то другой. Важно, что это – олицетворение реализованного сознания, а значит, я должен поклониться ему. И я не могу понять, почему вы все выглядите такими смущенными».

Теперь они все почувствовали себя еще более неловко: «Мы такие идиоты! Мы не понимаем, так по крайней мере надо помалкивать. Если мы не понимаем, то лучше не проявлять никаких эмоций. Он поступил так, как до него никто не поступал, но у него такие веские основания!»

Арун, у этого ламы, должно быть, дела с медитацией идут хорошо.

Если он может видеть то, что он увидел в моей фотографии, то это подтверждает, что он находится на правильном пути, что его медитация приносит цветы, что он очень близок к дому.

Возлюбленный Бхагаван,

я слышал, как Вы говорили: «Я люблю». Я слышал, как Вы говорили: «Я ненавижу». Что Вы имеете в виду?

Бхагаван, скажите мне правду, ибо у меня такое чувство, что там, наверху, ничего нет – даже любви, даже сострадания.

Сказать тебе правду?

Это для меня несколько затруднительно, ибо это не в моих привычках... но если говорить правду, то нет ни любви, ни ненависти.

Там наверху абсолютное безмолвие.

Беседа 16

ВОСХОЖДЕНИЕ В ЛЮБОВЬ... ПАРТНЕРСТВО В МЕДИТАЦИИ

18 октября, 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

я все больше и больше переживаю гармонию, спокойствие, легкость, изобилие в самой себе, мгновения, в которые я чувствую себя такой огромной и богатой, как вселенная, и такой близкой к Вам. Я погружаюсь в это и исчезаю, и вижу, что это снова было лишь проходом, дверью в еще одно измерение в этом нескончаемом путешествии, в которое Вы меня уводите, мой возлюбленный Учитель. И я не могу найти слова, чтобы выразить, как много я чувствую, будучи рядом с Вами.

Но в отношении с мужчиной я так редко испытываю эти прекрасные и драгоценные мгновения; кажется, что большую часть времени мы тратим на то, что занимаемся любовью и пытаемся найти себя и друг друга. Почему мне так трудно быть в гармонии с мужчиной и взять его с собой в неизвестное? Или это – нечто такое, что может случиться только между Вами и мной?

Надо понять несколько фундаментальных вещей.

Во-первых, мужчииа и женщииа – это, с одной стороны, две половииы одного целого, но, с другой стороны, два противоположных полюса.

В силу своей противоположиости они нспытывают притяжение друг к другу. Чем дальше оии друг от друга, тем сильиее притяжеиие; чем больше оии отличаются друг от друга, тем больше очарование, красота и притяжеиие. Но в этом-то и заключается вся проблема.

Когда они сближаются, им.хочется сблизиться еще больше, им хочется слиться друг с другом, им хочется стать одиим гармоническим целым, – но все нх пригяжеине друг к другу зависит от их противоположности, а гармоиия будет зависеть от раствореиня этой противоположности.

Пока любовные отиошеиия ие станут осознаннымн, онн будут доставлять велнкне мучеиия, великие страдання.

Все влюбленные страдают.

Это страдаиие не является личиой особеиностью, оно в самой природе вещей. Их бы не тянуло друг к другу... они называют это влюблеииостью. Оии ие могут дать иикаких объяснений, почему онн нспытывают такое огромное притяжение друг к другу. Они даже не осознают причииы, лежащие

в основе этого; поэтому происходит нечто странное: самые счастливые влюбленные – это те, которые никогда не встречались друг с другом.

Стоит им встретиться, как та же самая противоположность, которая создавала притяжение, становится конфликтом. По каждому пустяковому вопросу они занимают разные позиции, у них разные подходы. Хотя они говорят на одном языке, они не могут понять друг друга.

Один из моих друзей рассказывал мне о своей жене и об их постоянном конфликте. Я сказал: «Кажется, вы не можете понять друг друга».

Он сказал: «Что говорить о понимании, когда я терпеть ее не могу!» (В оригинале игра слов: under*stand* – «понимать», *stand* – в данном случае «терпеть». – Прим. перев.) А это был брак по любви. Их родители противились этому браку; они принадлежали к двум разным религиям, их общины были против этого брака. Но они поступили наперекор всем и поженились – только для того, чтобы обнаружить, что они вступили в постоянную борьбу.

Мировосприятие мужчины отличается от мировосприятия женщины.

Например, мужчину интересуют отдаленные вещи: будущее человечества, далекие звезды, есть ли живые существа на других планетах или нет.

Женщина же просто хихикает над всей этой чепухой. Круг ее интересов весьма невелик, ограничен: соседи, семья, кто изменяет своей жене, чья жена влюбилась в шофера. Ее интересы очень локальны и очень человечны. Ее не волнует проблема перевоплощения, ее не волнует проблема жизни после смерти. Ее заботы более прагматичны. Ее заботит настоящее, здесь и сейчас.

Мужчина никогда не бывает здесь и сейчас. Он всегда находится где-то в другом месте. Он поглощен странными вещами – перевоплощение, жизнь после смерти.

Если оба партнера осознают тот факт, что это – встреча противоположностей, тогда нет никакой необходимости делать из этого конфликт, тогда это – великая возможность понять совершенно противоположную точку зрения и усвоить ее. Тогда совместная жизнь мужчины и женщины может стать прекрасной гармонией. В противном случае она будет постоянной борьбой.

Бывают и праздники. Невозможно продолжать борьбу двадцать четыре часа в сутки, необходим и небольшой отдых – отдых, чтобы подготовиться к новому сражению.

И одним нз самых странных феноменов является то, что тысячн лет мужчнны и женщины живут вместе и тем не менее онн остаются чужими друг другу. Они продолжают производить на свет детей, но остаются друг для друга незнакомцами. Женскнй подход н мужской подход иастолько противоположны друг другу, что если не будет делаться сознательиое усилне, еслн это не станет вашей меднтацией, то нет никакой иадежды на мнрную жизнь.

Одной нз моих основных забот является то, как сделать любовь и медитацию настолько вовлеченными друг в друга, что каждая любовная связь будет автоматически становнться партнерством в медитации – и медитация будет делать вас настолько сознательными, что вам не надо будет падать в любовь, вы сможете подниматься в любовь. (Английское выражение «to fall in love», означающее «влюбляться», буквально переводнтся как «падать в любовь». – Прим. перев.) Вы сможете найти себе друга созиательно, преднамеренно.

Вы чувствуете глубокую гармонию со мной, мгиовения покоя, любви н тишины, и, естественно, у вас возникает вопрос: если это возможно со мной, то почему это невозможно с тем, кого вы любите?

Разиицу надо понять.

Вы любите меня, но вы любите меня не так, как вы любите вашего мужа, вашу жену. Ваша любовь ко мне не является бнологической; по отношению ко мне ваша любовь – это совершенно иной феномен. Эта любовь духовна, а не телесна.

И, во-вторых, вы связаны со мной вследствие вашего поиска истины. Наши с вами отношения – это отношения медитации.

Медитация – это единственный мост между мной и вами.

Ваша любовь будет углубляться по мере углубления вашей меднтацни, и наоборот: по мере того как будет расцветать ваша медитация, будет расцветать и ваша любовь.

Но это происходит на совершенно ином уровне.

С вашим мужем или с вашей женой вы не связаны медитацией. Вы никогда не сидите вместе в безмолвии хотя бы в течение одного часа, чтобы почувствовать сознание друг друга.

Вы или ссоритесь, или занимаетесь любовью, но в обоих случаях вы связаны через тело, физическую часть, биологию, гормоны.

Вы не связаны через сокровенную сердцевину друг друга. Ваши душн остаются обособленными.

В храмах, в церквах и в судах сочетаются браком только ваши тела. Ваши души очень далеки друг от друга.

Когда мужчина и женщина занимаются любовью – даже в эти мгновения, – они оба отсутствуют. Он, возможно, думает о Клеопатре, Нурджахан, Мумтадж Махал. Она тоже думает о...

И, может быть, именно поэтому женщина закрывает глаза, – чтобы не видеть лица своего мужа, чтобы он не мешал. Она думает об Александре Великом, об Иване Грозном. А если смотреть на мужа, то все идет прахом. Он выглядит просто мышонком.

Однажды утром Мулла Насреддин ссорился со своей женой. Жена сказала: «Вне дома ты ходишь так, как будто ты – лев, а дома ты выглядишь просто мышонком».

Мулла Насреддин сказал: «Это абсолютно неверно. Образумься: я не мышь, я – мышеловка. Мышь – это ты. Мышеловки не гоняются за мышами, чтобы поймать их. Мыши сами приходят и попадают в мышеловку, так было и в нашем случае».

Мулле Насреддину не хватало мужества, чтобы начать ухаживать за этой женщиной. Он с самого начала испытывал страх.

Каждый мужчина испытывает этот страх, потому что он видел, что случилось с его отцом, что случилось с его дедом. Он видел, что случается со всеми соседями. Каждый мужчина боится.

Мулла боялся очень сильно, он никогда не пытался ухаживать за женщинами. Эта женщина сама завладела им. Поэтому он сказал: «Запомни: я – мышеловка, это верно, но я просто сидел на своем месте. Ты сама попалась, ответственность лежит на тебе».

Но не имеет значения, кто кого ловит, кто берет на себя инициативу.

Даже в эти прекрасные мгновения, которые должны быть священными, медитативными, преисполненными безмолвия... даже тогда вы не один с вашей возлюбленной. Вокруг – толпа. Ваш ум думает о какой-то другой женщине, ум вашей жены думает о каком-то другом мужчине. Тогда то, чем вы занимаетесь, – это всего лишь нечто роботоподобное, механическое. Некая биологическая сила порабощает вас, а вы называете это любовью.

Я слышал такую историю: однажды рано утром некий пьяница увидел на пляже человека, отжимающегося на руках. Пьяница обошел вокруг него, присмотрелся к нему со всех сторон и в конце концов сказал: «Мне не следовало бы

вмешиваться в такое нитимное дело, но я просто не могу ие сказать тебе, что твоя подружка сбежала. Не истязай себя понапрасну – встань и найди ее!»

Вот такой представляется ситуация. Когда вы занимаетесь любовью, ваша женщина действительно с вами? Ваш мужчина действительно с вами? Или вы просто совершаете некий ритуал – дело, которое должно быть сделано, долг, который должен быть исполнен?

Если вы хотите иметь гармоничные отношения с вашим мужчиной или с вашей женщиной, вам надо будет научиться быть более медитативными.

Любви самой по себе недостаточно.

Любовь сама по себе слепа, медитация дает ей глаза. Медитация дает ей понимание. И как только ваша любовь оказывается одновременно любовью и медитацией, вы становитесь спутниками. Тогда это больше не обычная связь между мужем и женой. Тогда это становится товариществом на пути к открытию тайн жизни.

Одинокому мужчине и одинокой женщине это путешествие покажется очень скучным и очень долгим... что и показал опыт прошлого. Видя этот непрерывный конфликт между мужчиной и женщиной, все религии решили, что те, кто хочет искать, должны отречься от противоположного пола – монахи должны соблюдать обет безбрачия, монахини должны соблюдать обет безбрачия. Но за пять тысяч лет человеческой истории сколько монахов и сколько монахинь стали реализованными душами? Все имена, которые вы сможете назвать, можно пересчитать по пальцам. А миллионы монахов и монахинь всех религий – буддийских, индуистских, христианских, мусульманских... Что с ними случилось?

Путь не так уж долог. Цель не так уж далека. Но даже если вы хотите сходить в гости к соседу, вам потребуются обе ваши ноги. Прыгая на одной ноге, как далеко вы можете продвинуться?

Я внедряю совершенно новое видение: мужчины и женщины, объединенные в глубокой дружбе, в любовно-медитативных отношениях, как органическое целое, могут достичь цели в любое мгновение, как только они этого пожелают. Ибо цель не находится вне вас; цель – это центр циклона, сокровенная часть вашего существа. Но найти ее вы сможете только тогда, когда вы будете целым, а вы не можете быть целым без противоположного пола.

Мужчина и женщина суть две части одного целого.

Поэтому вместо того, чтобы тратить время на ссоры,

попытайтесь понять друг друга. Попытайтесь поставить себя на место другого; попытайтесь увидеть мир так, как его видит мужчниа и как его видит женщииа. А четыре глаза всегда лучше, чем два глаза – вы имеете полиый обзор, вам открыты все четыре страиы света.

Но иадо запомнить одну вещь: без медитации любовь обречеиа иа иеудачу, иет иикакой иадежды иа успех. Вы можете притворяться и обманывать других, ио вы ие можете обмануть самого себя. Глубоко виутри вы зиаете, что все обещания, которые дала вам любовь, остались неисполненными.

Только вместе с медитацией любовь иачинает приобретать новые краски, иовую музыку, новые песни, новые таицы – ибо медитация дает вам прозреиие для понимаиия поляриой противоположиости, в самом этом поиимаиии исчезает конфликт.

Все коифликты в этом мире обусловлеиы иеправильиым поиимаиием. Вы что-то говорите, а в поиимаиии вашей жеиы это оказывается чем-то другим. Ваша жеиа что-то говорит, а в вашем поннмании это оказывается чем-то другим.

Я встречал супружеские пары, которые прожили вместе тридцать нли сорок лет, ио, тем не меиее, оии кажутся такнми же иезрелыми, какими они былн в первый деиь их совместной жизни. Те же самые жалобы: «Оиа не понимает того, что я говорю». Сорок лет совместной жизии – н вы не смогли иайти какой-нибудь способ добиться того, чтобы ваша жена могла точио поиимать то, что вы говорите, а вы могли точио поиимать то, что говорит она.

Но я думаю, что это может случиться только через медитацию, ибо медитация дает вам качества безмолвия, осозиавания, терпелнвого вслушнваиня, способиостн ставить себя на место другого.

Это возможно со миой: мне иет дела до пустяков вашей жизни. Вы здесь для того, чтобы слушать и поиимать. Вы здесь для того, чтобы расти духовно. Естествеино, и речи ие может быть о коифликте, гармоиия возникает без всякого усилия.

Вы можете любить меня со всей тотальностью, потому что ваши отиошения со миой определяет медитация. Если вы хотите жить в гармоиии с любым другим мужчииой или жеищииой, вы должиы будете воссоздать ту же самую атмосферу, в которой вы живете здесь.

В этом нет иичего невозможного, но вы не прибегаете к иадлежащнм медициискым средствам.

Я хотел бы напомнить вам, что слово «меднциив» происходнт от того же коряя, что и «медитация». Медицниа лечит

ваше тело, медитация лечит вашу душу. Меднцнна нсцеляет вашу материальиую часть, меднтация исцеляет вашу духовную часть.

Людн живут вместе, а нх души нзобнлуют раиамн, поэтому даже пустяки причнияют им такую сильную боль.

Мулла Насреддин спросил у меня: «Что делать? Что бы я ни говорил, меня иеправильно понимают, и сразу же начинаются непрнятиостн».

Я сказал: «Попробуй вот что: просто сиди себе тихо, ничего не говорн».

На следующий деиь я увидел его в еще большем отчаянии и спроснл: «Что случилось?»

Он сказал: «Не надо было мие следовать твоему совету. У нас каждый деиь были ссоры и скандалы, ио дальше слов дело не шло. Вчера же, благодаря твоему совету, я был избит!»

Я сказал: «Что случилось?»

Он сказал: «Я просто сндел себе тихо. Жеиа задавала мие много вопросов, ио я был полон решимости оставаться безмолвиым. Она сказала: "Так ты ие собираешься со миой разговаривать?" Я продолжал молчать. Тогда оиа стала бить меня тем, что попалось ей под руку. Оиа была в яростн. Она кричала: "Ты относишься ко мне все хуже и хуже. Раньше мы хотя бы разговаривалн друг с другом, а теперь ты даже знать меня не желаешь!"»

Я сказал: «Это действительио плохо».

Ои сказал: «Ты говоришь "плохо"? Сбежалнсь все соседи, и все они сталн спрашивать: "Что случилось? Почему ты молчишь?" А кто-то предположил: "Похоже, в иего вселнлся какой-то злой дух". Я подумал, что теперь оии отведут меня к какому-ннбудь идиоту, который будет истязать меня, пытаясь изгнать злого духа. Я сказал: "Погодите! Никакой злой дух в меня ие вселялся; я молчал только потому, что сказать что-либо – значит дать иачало ссоре: я говорю что-то, тогда она должна сказать что-то в ответ, а затем уже я должен сказать что-то ей в ответ, н никто ие знает, когда этому иаступит коиец". Я просто медитнровал себе тихо, никому ие прнчиняя вреда, – и виезапио все соседи ополчились против меня!»

Люди живут без всякого поиимаиия. Поэтому все, что они делают, кончается иесчастьем.

Если вы любите мужчину, медитация будет самым лучшим подарком, который вы можете ему преподнести.

Если вы любнте женщниу, тогда бриллиаит Кохииор – это пустяк, медитация будет гораздо более драгоценным даром – и она сделает вашу жизнь чистой радостью.

Мы потенцнально способны на чистую радость, но мы не знаем, как справнться с этим.

В одииочестве мы, самое большее, печальны.

Вдвоем это действнтельно стаиовится адом.

Даже такой человек, как Жаи-Поль Сартр, человек большого разума, вынужден был сказать, что другой – это ад, что лучше быть одному, нельзя примнрнться с другнм. Он впал в такой пессимизм, что сказал, что иевозможно прнмириться с другим, другой – это ад. На обычиом уровие он прав.

В медитации другой стаиовнтся вашим раем.

Но Жаи-Поль Сартр ие имел ннкакого представления о медитации.

В этом-то и несчастье западиого человека. Западному человеку недоступно цветенне жизин, нбо он ничего не знает о меднтации, а восточиый человек несостоятелен потому, что он ннчего не знает о любви.

И для меня любовь и меднтация так же, как мужчнна н женщнна, суть две половииы единого целого.

Медитация – это мужчнна, любовь – это женщнна.

Встреча медитации и любви – это встреча мужчнны н женщины. И в этой встрече мы создаем трансцеидентальное человеческое существо, – которое ие есть ни мужчина, ии женщина.

И если мы не создаднм этого трансцендентального человека, надеяться, в общем-то, не на что.

Но я чувствую, что мои люди способны совершнть то, что кажется невозможиым.

Возлюбленный Бхагаван,

даже в детстве я никогда не бунтовал, когда что-то не было подлинным. Я научился носить маску. Я научился этому так хорошо, что мне трудно увидеть, подлинен ли я или фальшив.

Завтра я собираюсь принять санньясу.

Устраивает ли Вас ученик, у которого так мало подлинности и который едва ли знает, что такое любовь?

Вопрос таков... это все равно, что больной человек приходит к врачу и спрашивает его: «Устраивает ли вас в качестве пацнеита больиой человек или вы принимаете только здоровых людей?»

Мое дело – принимать всевозможиых людей... лнцемеров со всевозможиыми масками... неискренних... поступающих вопрекн своему собствениому разуму. Но это – те люди,

которые нуждаются во мне, и это – те люди, в которых нуждаюсь я.

Несите ко мне все ваши горести.

Не беспокойтесь, я посвятил в саньясу даже нескольких мертвецов, в надежде на то, что воскресение возможно!

Возлюбленный Бхагаван,
иногда жизнь кажется таким бременем, что возникает желание умереть. Что посоветуете?

Есть много способов умереть, но вот что интересно: тот, кто действительно хочет умереть, никогда ни с кем не советуется. Жизнь может быть бременем, но смерть случается очень быстро. У вас под рукой так много способов...

Но вы не хотите умирать.

Фактически, даже те люди, которые совершают самоубийство, не хотят покончить с собой. Они совершают самоубийство потому, что они слишком много ожидали от жизни и не смогли получить этого. Неудача была так велика, что жить в позоре становится невыносимо. Их самоубийство не направлено против жизни, они совершают самоубийство потому, что они не смогли научиться искусству жизни. Они хотели, чтобы жизнь была великим благословением, а она оказалась тяжким бременем.

Кажется, что во всем мире господствует заблуждение, что поскольку вы появились на свет, то вы уже знаете, как жить.

Это неверно.

Появиться на свет – это одно дело. Полностью познать искусство жизни – это совершенно другое.

Рождение – это всего лишь благоприятная возможность, вы можете воспользоваться ею или нет. Рождение – это не эквивалент жизни. Почти каждый думает, что рождение эквивалентно жизни; поэтому жизнь непременно становится бременем – просто дышать, каждый день принимать пищу, ложиться спать, утром просыпаться, идти на работу, одни и те же бумаги и одна и та же рутина. Идиотов это вполне устраивает, но для любого человека, у которого есть немного разума, это обязательно становится бременем. Ибо он не может не задать себе вопрос – в чем смысл? В конце концов, для чего я живу? Если завтрашний день снова будет просто повторением сегодняшнего, как сегодняшний день был повторением вчерашнего, тогда зачем продолжать жить? Какой смысл

бесцельно повторять один и тот же круг, одну и ту же рутину, одни и те же события?

Но заблуждение заключается в том, что вы принимаете ложную концепцию, согласно которой рождение есть жизнь.

Рождение – это только благоприятная возможность. Вы можете либо научиться жить прекрасной жизнью, либо тащиться по направлению к кладбищу.

Вам решать. Есть люди, для которых жизнь – это бремя, и есть люди, для которых даже смерть – это танец.

Я хочу сказать вам, что если вы сделаете из вашей жизни искусство, ваша смерть будет кульминацией этого искусства – высочайшей вершиной, самой красотой.

Миллионы людей находятся в том же положении, что и тот, кто задал этот вопрос. Они не знают, зачем они живут, и они также не знают, есть ли какой-нибудь смысл в смерти. Жизнь тщетна – как же смерть может представиться значительной? Поэтому они и боятся самоубийства, ведь если жизнь так беспросветна, то смерть будет еще хуже.

Однажды я увидел Муллу Насреддина, который нес ружье, веревку и банку с керосином. Я спросил: «Куда это ты собираешься, Мулла?»

Он сказал: «Хорошего понемножку. Я как раз шел попрощаться с тобой. Я собираюсь покончить с собой».

Я сказал: «Но зачем столько приготовлений?»

Он сказал: «Ты же знаешь меня, я во всем стремлюсь к совершенству. Я хочу исключить любые случайности. Я все продумал».

Я сказал: «Можно мне пойти с тобой, чтобы проводить тебя в последний путь и махнуть тебе на прощание рукой, когда ты исчезнешь в пламени?»

Он сказал: «Можно».

Итак, я пошел с ним на берег реки, сел на камень и стал наблюдать. Со знанием дела он взялся за приготовления к самоубийству. К ветке дерева, нависшего над рекой, он привязал веревку, на которой собирался повеситься.

Я сказал: «Мулла, этого достаточно».

Он ответил: «Я так и думаю... я должен все предусмотреть... не должно остаться ни одной лазейки».

Он просунул голову в петлю и облил себя керосином.

Я сказал: «Мулла, ты действительно собираешься сделать это?»

Он сказал: «А ты как думал?»

Он зажег спичку, поджег себя и, перед тем как прыгнуть

с ветки, выстрелил из ружья – в качестве последнего средства – себе в голову.

Но тут все пошло насмарку – пуля прошла мимо, перебила веревку и он упал в реку... естественно, пламя погасло, а он поплыл!

Я сказал: «Мулла, что ты делаешь?»

Он сказал: «Что поделаешь! Я умею плавать».

Я сказал: «Это страино. Ты все так хорошо продумал, но все же осталась одна лазейка – умение плавать. Тебе не надо было начинать плыть. Тебе иадо было уйти под воду и погибнуть».

Он сказал: «В том-то и дело – погибнуть не так уж легко. Когда я увидел, что пуля прошла мимо и вода погасила пламя, мне стало ясно, что Бог хочет, чтобы я жил. И, кроме того, я умею плавать! Когда умеешь плавать, невозможно не поплыть. В следующий раз я придумаю что-иибудь другое...»

Никто не хочет умирать.

И верно, что жизнь – это тяжкое бремя.

Но причина этого не в *жизни*, а в *вас* – вы не научились искусству превращения жизии в радость, в нечто прекрасное, в произведение искусства.

Пока человек не станет заниматься творчеством, он не может обрести много радости в жизни.

Не беспокойтесь о том, станете ли вы всемирно известным художником или нет, ие это важно. Но создайте что-нибудь – прекрасную песню, немиого музыки, танец, картину, сад. И когда расцветут розы... в окружении цветущих роз вы не можете сказать, что жизнь – это бремя. Прекрасная картина... вы не можете сказать, что жизнь – это бремя, ибо эта картина создана в первый и последний раз в мире. Никто не создавал такого раньше, и иикто не создаст такой впредь; только вы оказались способным создать такое.

Выражайте вашу уникальность во всем, что вы делаете.

Выражайте вашу индивидуальность.

Пусть Существование гордится вами.

Жизнь ие будет восприииматься как бремя, оиа станет благоуханием.

Не только жизнь будет радостью и танцем – для творческого человека, для медитативиого человека, даже смерть будет трансформирована.

Мне всегда очень нравилась одна история о Бокудзю, учителе дзэн.

Когда он умер, ему было девяносто лет. За три дня до смерти он оповестил всех своих учеников: «Если вы хотите

прийти попрощаться со мной, тогда приходите. Через три дня я оставлю этот мир».

Пришли тысячи учеников, – а он был одним из самых уникальных учителей, которых дзэн дал миру. Утром третьего дня в его саду собралось множество учеников. Он лежал под своим любимым деревом.

Внезапно он спросил: «Скажите мне вот что: как мне умереть? Ибо я не хочу умереть так, как умирают все остальные люди. Девяносто девять процентов людей умирают в своих постелях. Для меня это полностью исключено. Уберите отсюда эту постель!»

Постель – это самое опасное место. Девяносто девять процентов людей умирают в постели, а вы каждую ночь ложитесь в постели, не помышляя об опасности. Попробуйте после того, как выключите свет, переносить ваш матрац с кровати на пол. Тогда у вас будет какой-то шанс выжить – может быть, смерть будет искать вас на кровати и не сможет найти.

Бокудзю сказал: «Уберите отсюда эту постель и предложите что-нибудь уникальное, достойное Бокудзю».

Ученики стали думать – что же предложить? Кто-то сказал: «Вы можете умереть, сидя в позе лотоса. Многие учителя умерли в позе лотоса».

Но Бокудзю сказал: «Не так уж это уникально, ведь многие люди умирали в этой позе».

Еще кто-то сказал: «Вы можете умереть стоя».

Бокудзю сказал: «Это уже лучше».

Но один из учеников возразил: «Это не подходит, потому что я слышал об одном учителе дзэн, который умер стоя. В этом не будет ничего уникального».

Бокудзю сказал: «Дело осложняется. Придумайте что-нибудь побыстрее, ибо время мое истекает и я не могу больше откладывать мою смерть. Вас, идиотов, собралось здесь так много, а вы не можете найти уникальный способ смерти для вашего возлюбленного учителя?»

Один ученик предложил: «Никто еще не умирал, стоя на голове. Вы можете сделать стойку на голове и умереть».

Бокудзю сказал: «Отлично!»

Он встал на голову и умер.

Тогда возникла другая проблема... Ученики стал говорить друг другу: «Что теперь делать?» – потому что они знали, что следует делать, когда человек умирает в постели. Но что делать с этим чудаком, который умер, стоя на голове?

Кто-то сказал: «Неподалеку живет его старшая сестра,

она тоже великий учитель. Лучше позвать ее, а самим ничего не предпринимать, потому что это весьма необычное дело. Если мы сделаем что-то не так, нас потом будут осуждать, поэтому лучше позвать кого-то, кто может взять ответственность на себя».

Пришла сестра, и она сказала; «Бокудзю! С самого детства ты был страшным проказником, – а сейчас не время проказничать! А ну-ка, ложись!»

И Бокудзю засмеялся и сказал: «Хорошо, сестра, – ведь я не могу ослушаться тебя. Я уже почти умер. Я только решил подождать немного, чтобы посмотреть, что эти люди придумают сделать со мной после смерти. Но эти идиоты привели сюда тебя! А ты всегда отравляла мне радость. Ты испортила все удовольствие! Теперь я умру в обычной, ортодоксальной манере». И он умер.

А его сестра ушла, даже не оглянувшись.

Люди сказали ей: «Но он же умер!»

Она сказала: «Ему пора было умереть. А он задерживал смерть. Негоже играть шутки с Существованием. По крайней мере во время смерти надо быть серьезным! Сейчас он мертв, вы можете делать все, что хотите. Даже если он еще не умер, прикончите его – его время истекло!»

Сделайте вашу жизнь...

Выясните, почему вы испытываете тоску. Измените вашу жизнь.

Эта жизнь такая короткая.

Рискуйте, будьте игроком – что вы можете потерять?

Мы приходим с пустыми руками, мы уходим с пустыми руками. Нам нечего терять.

У нас есть немного времени, чтобы поиграть, спеть прекрасную песню – и это время быстро истекает.

Каждое мгновение так драгоценно.

Если вы пребываете в безмолвии, если вы творите, если вы любите, если вы чувствительны к красоте, если вы благодарны этой огромной вселенной...

Есть миллионы звезд, которые мертвы, – а вы так малы, и все же вы обладаете самым драгоценным, что может дать Существование... жизнью.

И не только жизнью, но и возможностью стать сознанием, стать просветленным, войти в то пространство, куда никогда не вступала смерть.

Если Бокудзю ведет себя несерьезно, то причина этого заключается в том, что он знает, что нет никакой смерти: смерть – это переезд из одного дома в другой или смена одежды,

самое большее. Она возбуждает, даже смерть – это великое возбуждение и экстаз.

Все дело только в вашем неправильном подходе.

Отбросьте его, но не отбрасывайте его мало-помалу, по частям.

Отбросьте его полностью и мгновенно.

Когда вы покидаете это место, идите танцуя и распевая. Пусть весь мир думает, что вы безумны, – это гораздо лучше.

Возлюбленный Бхагаван,

в 1980 году Вы посвятили меня в саньясу. Я даже не искал учителя. С тех пор я испытал радость и удовольствие быть одним из Ваших учеников. Но сейчас я начинаю испытывать боль: Вы так огромны – где же путь? Есть ли вообще какой-то путь?

Просто быть преданным так трудно.

И это все?

Ты задал три вопроса в одном вопросе.

Во-первых, ты нашел меня, хотя ты не искал учителя.

Позволь мне разъяснить тебе, что я искал ученика, а это гораздо более важно.

Твой поиск учителя не так уж важен, потому что ты спишь и видишь сны. И каждый раз, когда я вижу, что мимо проходит какой-то лунатик и есть возможность пробудить его, я просто изменяю его направление – он же лунатик, поэтому с этим нет никаких проблем. Ему безразлично, куда он идет. Я даю ему саньясу, он принимает саньясу – ведь во сне это не имеет значения.

Я создаю для него прекрасный сон.

Я не тот учитель, который ставит тяжелые задачи. Сперва я создаю для ученика прекрасный сон, а затем мало-помалу вывожу его из него.

Сейчас ты вышел из сна, поэтому возникает вторая проблема – где же путь?

Фактически, это моих рук дело. Когда ты спал, я говорил о пути... «путь, мистический путь»... чтобы пробудить тебя. Сейчас ты пробудился, поэтому ты и спрашиваешь: «Где же путь?»

Нет никакого пути.

Это было просто уловкой, чтобы пробудить тебя.

Тебе никуда не надо идти. Ты находишься точно в том

месте, которого ты должен достичь. Ты есть точно то, чем ты должен стать.

Нет никакого пути, нет никакой цели.

Твоя «естьность» – вот твоя реализация.

И в-третьих, пробуждаясь, ты видишь, что я огромен, как океан. Когда ты спал, ты не осознавал, куда я веду тебя. Сейчас ты полностью проснулся и видишь огромный океан.

Это же я. Это – реальность, и это – твоя реальность.

И океан, который ты видишь как нечто внешнее, будет оставаться вне тебя до тех пор, пока твоя капля росы не исчезнет в нем.

И эта капля росы соскальзывает с листа лотоса. В любое мгновение она может стать частью океана, и ты узнаешь, что ни один человек не остров; мы все принадлежим к одной реальности, одному сознанию, одному континенту.

Мы обособлены только во сне.

Как только мы пробуждаемся, мы суть одно целое.

Будет немного страшно. Говорят, что даже река перед впадением в океан дрожит от страха. Она оглядывается на пройденный путь: горные вершины, густые леса, селения людей; а перед собой она видит такой безбрежный океан, что влиться в него – значит исчезнуть навсегда. Но другого пути нет.

Река не может повернуть назад.

И ты тоже не можешь повернуть назад.

В Существовании возвращение назад невозможно; двигаться можно только вперед. Река должна рискнуть и влиться в океан,

И страх исчезнет только тогда, когда она вольется в океан, ибо только тогда река узнает, что она не исчезает в океане, а становится океаном.

С одной стороны, это – исчезновение, а с другой – удивительное воскресение.

Поэтому не беспокойся. Для тебя все складывается так, как надо.

Ты не искал учителя, но что поделаешь? Учитель искал тебя.

И сейчас нет пути назад. Даже если ты попытаешься закрыть глаза, тот сон, в котором ты жил, нельзя вернуть.

И не надо бояться этой огромности. Она очень дружелюбна, она любвеобильна. Исчезнуть в ней – это все равно, что снова попасть в утробу матери и обрести ее тепло и питание.

Возлюбленный Бхагаван,
есть ли у Вас какая-нибудь проблема, которую Вы еще не решили?

У меня нет никаких проблем.

Раньше у меня были проблемы, но я никогда не решал их.

Мой подход совершенно иной. Я растворяю проблему, я никогда не решаю ее – ибо решение не помогает. (В оригинале игра слов: to solve – решать, to dissolve – растворять. – Прим. перев.). Вы решаете проблему, а затем вы обнаруживаете, что из вашего решения возникло десять новых проблем.

Я растворял проблемы, я избавлялся от них – ибо ни одна проблема ие является значительиой. Все проблемы – это барьеры между вами и Существованием.

Сейчас у меня есть только тайны – и никаких проблем, никаких вопросов.

В этом отношении я очень бедный человек.

Никаких проблем, никаких вопросов – я совершенно безмолвен. Но тишина обладает богатством, которого вам не могут дать миллионы проблем. Тишина обладает богатством, которого вам ие могут дать все философии мира и все ответы, вместе взятые.

Когда я отвечаю на вашн вопросы, дело обстоит не так, что у меия есть некий ответ и я просто даю его вам. Никаких ответов у меня нет.

Я просто слушаю ваш вопрос и позволяю моему безмолвию откликнуться на него; поэтому вы можете иайти много противоречий в моих ответах. Но в этом нет моей вины, ибо я иикогда не давал ответов.

Это безмолвие продолжает по-разному откликаться на разные вопросы, которые в разное время задают разиые люди. Точно так же, как вы слушаете ответ, я тоже слушаю его.

Здесь нет говорящего.

Здесь есть только слушатели.

Возлюбленный Бхагаван,
каков тот последний вопрос, который мы должны задать Вам?

Нет даже первого вопроса, поэтому вопрос о последнем вопросе не возникает.

Вы должиы научиться быть безмолвными, чувствовать себя со миой иепринужденно, быть в ладу со мной. В этой

тихой гармонии достигается все: все сокровища, которые Существование хранило для вас, чтобы, пробудившись, вы могли потребовать свою долю.

И доля каждого в этом сокровище бесконечна. Дело обстоит не так, что поскольку это – доля, то она будет ограничена.

Провидцы из Упанишад говорили: «Можно от целого отнять целое, и все же в остатке будет целое».

Существование – это такая тайна, что может дать каждому человеку несметное сокровище, вечную жизнь и безмерную красоту.

Так что не беспокойтесь о последнем вопросе. И первого-то вопроса нет.

Будьте невинными и безмолвными, будьте открытыми и восприимчивыми к ударам моего сердца. Как только ваше сердце затанцует в лад с ударами моего сердца, вы окажетесь дома.

На самом деле вы никуда и не уходили. Вы просто забыли, что это и есть ваш дом.

Беседа 17

ТОЧКА БЕЗ ВОЗВРАТА

19 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

Шри Ауробиндо заявил, что есть нечто за пределами того, что Будда называет просветлением. Все его усилия были направлены на то, чтобы открыть дверь для этого нового этапа в человеческой эволюции.

Возлюбленный Бхагаван, происходит ли с Вами то, что так и не случилось с Ауробиндо?

Шри Ауробиндо – это странный случай. Он знает все о просветлении, но он не просветленный.

Он – один из величайших ученых этого столетия, гений, его знания огромны. Но осознавание у него нулевое. Он сведущ в священных писаниях. Он знает их лучше, чем кто-либо другой. Его толкование очень глубоко, очень логично, но лишено сердца. Оно мертво, оно не исходит из его собственной реализации.

Это одна из самых больших проблем для всех искателей истины: можно потеряться в знаниях, так ничего и не узнав о реальности. Он знает все теории, все философии, но он просто слепец, который знает о свете, но сам его не видел. И вы можете оставаться в заблуждении всю вашу жизнь – ведь вы так много знаете, и люди начинают преклоняться перед вами, люди начинают верить вам. А вера имеет свою собственную психологию; если множество людей верит в вас, вы сами непременно поверите в себя.

Я часто рассказываю одну историю о знаменитом журналисте, который умер и оказался у врат рая.

Врата рая и врата ада расположены как раз напротив друг друга, расстояние между ними не очень велико. И, естественно, каждому хотелось бы попасть в рай. Итак, журналист постучал во врата рая. Открылось маленькое окошко, и привратник спросил: «Что вам надо?»

Журналист сказал: «Я – знаменитый журналист. Я только что умер и хочу войти в рай».

Привратник сказал: «Сожалею, но я вынужден отказать вам, потому что у нас есть квота: в раю должно находиться только двенадцать журналистов. И все места уже давно заняты – за последние несколько веков ни один новый журналист не

был допущен в рай. Да и эти двенадцать журналистов совершенно бесполезны, потому что в раю ничего не происходит. Они пытались было выпускать газету, но вышел только один номер – ведь здесь находятся только святые: никаких убийств, никаких самоубийств, никаких преступлений, никакой политики, никакой борьбы за власть... никаких перемен, вечно одно и то же. Откуда же взяться новостям?»

«А вы, – сказал привратник, – должно быть, слышали определение того, что такое новость: когда собака кусает человека – это не новость, вот когда человек кусает собаку – это новость. А здесь не случается ничего сенсационного, никаких любовных интриг... Когда людям становится скучно, они читают тот первый номер газеты, который был напечатан несколько веков назад. Вам следует отправиться в ад. Там каждое мгновение случается что-нибудь потрясающее. Там находятся все активные люди мира, все творческие люди мира – художники, музыканты, поэты, актеры, танцовщики, воры, убийцы, насильники, психоаналитики, философы – вы найдете там богатейшее разнообразие. А в раю жизнь монотонна. Только унылые, мертвые святые – скелеты. Единственное их достоинство – это то, что они ничего не делают. Поэтому отправляйтесь-ка в ад и наслаждайтесь. Там вы найдете то, чего вам недоставало на земле, – ведь там веками собирались все колоритные личности. По правде говоря, я и сам хотел бы туда попасть... но если попал в рай, то обратного пути нет. Вот я и застрял здесь. Мой вам совет – отправляйтесь в ад».

Но журналисты – упрямый народ. Он сказал: «У меня есть одно предложение, и я думаю, что у вас должно быть достаточно сострадания, чтобы согласиться на него. Впустите меня только на двадцать четыре часа. Если я смогу убедить одного из ваших журналистов отправиться в ад, тогда я займу его место и квота на двенадцать журналистов будет сохранена».

Привратник сказал: «Это нечто неслыханное, беспрецедентное. Но я не могу сказать вам ''нет''. Входите, сделайте попытку. Но помните, через двадцать четыре часа. Я рискую. Через двадцать четыре часа возвращайтесь».

И через двадцать четыре часа журналист вернулся. За эти двадцать четыре часа он распространил среди журналистов слух: «В аду предполагается начать выпуск большой газеты, там сейчас очень нужны журналисты. Платить будут очень хорошо. Чего вы ждете?»

Через двадцать четыре часа журналист подошел к райским вратам.

Привратник сказал: «Идите назад. Теперь вам нельзя уйти из рая».

Журналист спросил: «Почему?»

Привратник сказал: «Я сдержал свое слов, и вы должны сдержать свое слово. Вы были очень убедительны. Все двенадцать журналистов ушли из рая. Я пытался объяснить им, что это всего лишь слух и они напрасно отказываются от райской жизни. Но они не захотели даже слушать меня».

Журналист сам распустнл этот слух, но он начал думать, что, может быть, в этом что-то есть, ведь не сталн бы двенадцать человек просто так менять рай на ад.

Он стал кричать: «Сейчас же выпустнте меня отсюда!» Его убедила убежденность других людей.

И это случается с миллионами людей.

Когда вы видите, что семьсот мнллионов человек убеждены в том, что католическое христнанство – это едннственная религня, то трудно сказать, что этн семьсот миллнонов человек могут ошибаться. Само колнчество имеет такой вес.

Именно поэтому все религии все время стараются увеличить количество своих последователей. У них есть свои методы для увеличения колнчества последователей, потому что, чем больше у вас последователей, тем успешнее вы можете убеждать в своей правоте тех, кто не прннадлежнт к вашей пастве. Простое большинство является вашим аргументом, оно придает убедительность всему, что вы говорите.

Шри Ауробиндо был большим интеллектуалом, гениальным философом-рацноналистом, обладающим большнм даром убеждення. Он убеднл множество людей, и это множество людей убеднло его в том, что он просветленный.

Он понятня не имеет о просветленни. Это верно, что в Существовании есть нечто большее, чем то просветленне, которого достиг Гаутама Будда. Но именно сам Гаутама Будда впервые в мнре указал на возможность запредельного. Естественно, никто, если он сам не достиг предела, не может сказать, что есть нечто запредельное.

Поэтому, когда Шрн Ауробиндо говорнт, что есть нечто большее, чем просветленне Гаутамы Будды, он скрывает тот факт, что сам Гаутама Будда был тем, кто первым за всю нсторию человечества сказал: «Это не все; есть нечто запредельное».

Будда – н вы можете увндеть искренность этого человека – говорит: «Человек, который вступнл на путь, *сротапанна*, который вошел в поток, ведущнй к океану, в мнллноны раз

более достоин уважения, чем кто-либо другой, только потому, что он встал на путь в поиске истины. Он еще не нашел ее, но само стремление, само усилие, первый шаг – и он стал в миллионы раз более благородным, чем все чтимые вами полководцы, цари, императоры и завоеватели мира. Человек, который достиг той точки, из которой он уже не повернет назад, *анагамин*, в миллионы раз более благороден, чем *сротапанна*, тот, кто вошел в поток. А человек, который стал просветленным, который стал буддой, в миллионы раз более благороден, чем человек, который достиг точки, за которой нет возврата».

С этой точкой, нз которой нет возврата, нам стоит разобраться.

Многие люди начинают поиск, а затем отказываются от него. Поиск труден, поиск – это движение в неизвестное; никто не знает, есть ли вообще просветление или это всего лишь фнкция, созданная несколькими людьми вроде Гаутамы Будды. Может быть, они и не лгут; может быть, они сами обманываются – кто знает?

Нет никакой гарантии.

Поэтому многие начннают, но очень немногие продолжают. Большинство возвращается в мир. Рано или поздно, обнаружив, что онн углубляются в незнакомую территорию без карты, без проводника, они начинают чувствовать, что они сходят с ума. Ведь весь мир движется в совершенно ином направлении, а они остаются в одиночестве. Вся их сила была в толпе. В одиночестве же возннкает тысяча и одно сомнение. В одиночестве человек начинает чувствовать, что миллионы людей не могут ошибаться: «Я – один, и я думаю, что я прав, – должно быть, я схожу с ума».

Анагамин – это тот, кто достиг той точки, из которой нет возврата. Он не просветленный, но он издалека увидел возможность стать просветленным. Он не достиг вершины, он все еще находится в темной долине. Но он может видеть залитую солнцем вершину; для него это – реальность, а не фикция. Теперь в мире нет такой силы, которая могла бы заставить его повернуть назад.

Будда говорит: «Но тот, кто стал просветленным, в миллионы раз более благороден, чем человек, который достиг точки, из которой нет возврата».

И вот вам искренность этого человека – он говорит: «Человек, который превзошел буддовость, который вышел за пределы просветлення, в миллионы раз более благороден, чем

любой просветленный». Он не претендует на то, что он вышел в запредельное; он просто говорит: «С того места, где я нахожусь, я могу видеть ту далекую звезду».

И он был первым, кто увидел ту далекую звезду: за пределами просветления.

Шри Ауробиндо не искренен. Он никогда не цитирует это высказывание Гаутамы Будды, а должен был бы. Он пытается убедить своих читателей и последователей в том, что он работает над тем, чтобы открыть дверь за пределы просветления. Ему даже недостает мужества, чтобы объявить себя... сказать, что он просветленный. Он никогда не заявлял этого. Но непрямым путем... он дает вам понять, что он просветленный, – ведь он пытается открыть дверь за пределы просветления. Естественно, он должен быть просветленным, но он не говорит этого.

Для того, чтобы заявить это, требуется мужество, а не ученость.

Он намекает на то, что он просветленный и работает ради других, чтобы они тоже могли выйти за пределы просветления. А они даже просветления не достигли. Это забавно – сама идея, что он пытается открыть дверь... усилия всей его жизни.

Все его усилия были глупыми.

Это глупо, ведь другим эта дверь будет нужна только в том случае, если они станут просветленными. Сперва надо помочь людям стать просветленными! А он вместо того, чтобы помогать людям достичь просветления, направляет все свои усилия на то, чтобы открыть дверь за пределы просветления.

И он нес чепуху не только по этому вопросу, он нес чепуху по многим вопросам.

Еще одним из его страстных желаний было физическое бессмертие; он работал над тем, чтобы человек мог стать физически бессмертным. Естественно, вы подумаете, что сам он уже стал физически бессмертным – это естественное предположение. И его последователи во всем мире стали распространять великую весть, благую весть, что Шри Ауробиндо стал физически бессмертным: «Сейчас он ищет методы, с помощью которых каждый человек может стать физически бессмертным». А затем в один прекрасный день он умер.

Один из моих друзей жил тогда в ашраме Шри Ауробиндо. Я сразу же позвонил ему по телефону и спросил: «Что случилось?»

Но такова слепота... он сказал: «Здесь в ашраме все были потрясены. Но мать ашрама сказала нам, что он просто вошел

в продолжительное *самадхи*. Он не умер; это – часть его проекта обретения бессмертия. Он уже все нашел, но для получения последнего, недостающего звена ему пришлось войти в глубокое самадхи, глубоко погрузиться в океан». И он сказал мне, что все поверили в это!

Три дня они не приступали к кремации или захоронению его тела, так как они верили, что он вернется. Но через три дня тело начало попахивать. Тогда они испугались, что, если распространится весть о том, что его тело смердит...

Этот человек был мертв, он не собирался возвращаться. Через три дня они поместили его тело в мраморную гробницу.

Они так и не сожгли его тело, ведь он может вернуться в любую минуту. Действительно преданные его последователи до сих пор верят, что в один прекрасный день он вернется. И центр веры переместился на мать – она была его партнером в деле обретения бессмертия для человечества. И было похоже на то, что сама она уже обрела его, потому что она к тому времени прожила уже почти сто лет. Представлялось вполне вероятным, что она обрела бессмертие. И она говорила, что будет жить вечно.

В этом-то и прелесть духовности: я могу сказать вам, что буду жить вечно, а на следующий день могу умереть – кому вы будете предъявлять претензии?

И в один прекрасный день мать умерла. Снова повторилось то же самое: три дня они ждали, а когда тело начало пахнуть, его поместили в другую гробницу, рядом со Шри Ауробиндо. И преданные им последователи до сих пор каждый день сидят у этих гробниц, ожидая их возвращения. Мало-помалу количество преданных уменьшается. Надежда превращается в безнадежность, в отчаяние. Может быть, они еще не нашли недостающее звено в создаваемой ими цепи.

Достаточно того, что человек имеет бессмертную душу, бессмертное сознание, бессмертное жизненное начало.

Но Шри Ауробиндо был одержим идеей, что он должен внести некий оригинальный вклад в духовный прогресс человечества. То, что человеческая душа бессмертна, – это опыт такой же древний, как само человечество. Даже *Веды*, которым пять тысяч лет, провозглашают людей как *амритасья путра* – «вы есть сыны бессмертия». Что-нибудь новое, что-нибудь оригинальное... и бессмертие тела было его великой оригинальной идеей.

Уму непостижимо, как разумные люди могут клюнуть на такую абсурдную идею.

Шри Ауробиндо был ребенком, стал юношей, затем состарился. Если человеческое тело бессмертно, тогда вам придется сказать, в каком возрасте оно будет бессмертным. Будет ли бессмертное тело телом ребенка? Юноши? Старика? Или покойника? Последнее, кажется, является единственной возможностью.

«Тело покойника бессмертно» – несомненно, так оно и есть, ведь все элементы человеческого тела рассеиваются в природе. Ничего не пропадает, все сливается – земля с землей, вода с водой, воздух с воздухом... все элементы возвращаются к своим истокам. В этом смысле человеческое тело всегда было бессмертным. И не только человеческое тело: буйволы, ослы, обезьяны – *все* бессмертны. Нет никакой необходимости в том, чтобы Шри Ауробиндо провозглашал, что его тело бессмертно.

Гаутама Будда является редчайшим человеческим существом в том отношении, что он признает, что есть нечто большее и что он еще не достиг конца эволюции.

В Японии есть замечательная серия рисунков, которая называется «Десять быков Дзэн». Эта серия рисунков отображает всю историю поиска.

На первом рисунке человек оглядывается по сторонам... пропал его бык. Вокруг вы видите лес, старые деревья, а озадаченный человек стоит там и смотрит по сторонам, он не видит быка.

На втором рисунке человек выглядит повеселее, он увидел следы быка. Рисунок тот же самый, тот же лес. Но на этом рисунке человек уже нечто обнаружил: он увидел следы быка; теперь он знает, куда ушел бык.

На третьем рисунке человек пускается по следу и видит заднюю часть быка – бык стоит за деревом, а человек подходит к нему сзади, поэтому на рисунке показана только задняя часть быка.

На четвертом рисунке человек настигает быка: он видит всего быка.

На пятом рисунке человек хватает быка за рога.

На шестом рисунке человек сидит верхом на быке. Это трудно, бык пытается сбросить его.

А уже на восьмом рисунке человек возвращается домой, бык усмирен.

На девятом рисунке бык водворен в стойло, а человек играет на флейте.

На десятом рисунке быка вообще не видно. Мы видим человека на рыночной площади с бутылкой вина, пьяного.

Буддистов очень смущал этот десятый рисуиок. Он кажется совсем небуддийскнм – нет никакой связи, вполне достаточно девятн рисунков, в десятом нет нужды.

Поэтому в средние века будднсты отвергли десятый рисунок, они стали говорить о девяти рисунках. Лишь совсем недавно в древних рукописях был снова обнаружен десятый рисунок с его описанием – так как каждый рисунок имеет свое описание. Потерян бык – значит потеряна ваша душа; бык снмволизирует вашу душу, вашу энергию, ваш дух. Когда бык найден, вы становитесь реализованиой душой. Вы играете на флейте песию – это та стадия, когда вы выходнте за пределы просветлеиия; вы снова становитесь обыкновенным. Теперь нет разрыва между этим миром и тем, теперь иет разрыва между добром и злом. Теперь все противоположности соединились в единую гармонию; вот что означает бутылка вина – бутылка вина в руках будды.

Шри Ауробиндо никогда не говорил о «Десяти быках», потому что опять-таки это лишило бы его оригннальности. Рисункам серии «Десяти быков» по меньшей мере полторы тысячи лет. В средние века буддисты были трусливы, они не смогли поиять десятый рисуиок.

Но что касается меня, то я вижу естественный рост от девятого к десятому рисунку, от просветлення – за пределы просветления.

Просветление делает вас особенным. Это озиачает, что все же сохраняется нечто от эго, в очень тонкой форме. Другие – невежды, вы – знающий; другие катятся в ад, а вам гарантирован рай. Это – последние остатки умирающего эго. А когда умирает и это эго, будда становится обыкновенным человеческим существом, совершенно не знающим, что он святее других, что он выше других, что он представляет собой нечто особенное – он так обыкновенен, что приемлема даже бутылка вина. Вся жизнь приемлема: дни и ночи, цветы и шипы, святые и грешники – все приемлемы, без всякого различения. На самом деле эта обыкновенность и есть величайшее цветение человеческой реальности.

Шри Ауробнндо будут помнить как великого философа – его *следует* помнить как великого философа – как человека, который был поразнтельно прозорлив в том, что касается слов, священных писаний, и который мог очень вразумительно выявлять нх смысл и толковать нх по-новому, орнгинально... Но он не был реализованным человеком. И он не искренен, он не аутентичный человек.

У него было огромное желание самоутвердиться, доказать, что он более велик, чем Гаутама Будда.

Выйти за пределы просветления – значит стать обыкновенным человеком. Забыть все о просветлении и о великих духовных чаяниях и просто жить радостно, игриво... Эта обыкновенность – самый необыкновенный феномен в мнре.

Но вы не сможете распознать такого человека. До состояния Гаутамы Будды распознавание еще возможно, но как только человек выходит за пределы состояния Гаутамы Будды, он ускользает из ваших рук.

Те, кто признал его как просветленное существо, могут по-прежнему осознавать то, кто он есть, но те, кто сталкивается с ним впервые, никогда не смогут распознать его, потому что он будет просто очень невинным, обыкновенным человеческим существом – подобным ребенку, собирающему раковины на морском берегу, гоняющемуся за бабочками, собирающему цветы. Никакого разделения тела и души, никакого разделения материи и духа, никакого разделения этой жизни и той – все это забыто, человек полностью расслабился.

Еслн бы Шри Ауробиндо знал хотя бы смысл выхода за пределы просветления, он бы даже не стал думать об этом. А он думал, что выход за пределы просветления – это нечто более великое, чем Гаутама Будда. Его постоянно съедала внутренняя зависть; и, разумеется, завидовал он Гаутаме Будде.

И он хотел выдвинуть некие оригинальные идеи, чтобы, доказав их, проявить себя; но он ничего не доказал.

Я уважаю Шри Ауробиндо как ученого, но ученые – это всего лишь ученые, цена им – доллар за дюжину.

Возлюбленный Бхагаван,

в один из прошлых вечеров Вы говорили об учителе и мистике. Мой вопрос – о мистике и скептике.

Может ли скептик стать мистиком?

В эзотерическом и мистическом очень многое представляется процессом самовнушения, воображения и выдачи желаемого за действительное. Иногда я чувствую себя обескураженным и мне хочется отбросить все это как чепуху. И все же есть и некий внутренний голос, призывающий меня идти дальше. Мне кажется, что самым большим подспорьем для меня оказывается Ваш постоянный призыв расслабиться до всеприятия и довериться.

Возлюбленный Учитель, видите ли Вы какую-либо воз-

можность для скептика прорваться через это скопление измышлений ума?

Скептический ум – это одно из самых прекрасных явлений в мире.

Религии его всегда осуждают, потому что они не могут ответить на вопросы скептического ума; им нужны только верующие.

А скептический ум как раз противоположен верующему.

Я полностью на стороне скептического ума. Не верьте ни во что, пока вы сами не переживете это на собственном опыте. Ни во что не верьте – продолжайте задавать вопросы, сколько бы времени для этого ни потребовалось.

Истина не достается по дешевке. Она недоступна верующим, она доступна только скептикам.

Только запомните одну вещь: не будьте скептичны вполсилы. Будьте тотально скептичны.

Когда я говорю вам быть тотально скептичными, я имею в виду, что ваши скептические идеи должны подвергаться той же проверке, что и верования любого другого человека. Скептицизм, когда он тотален, сжигает сам себя, ибо вам приходится усомниться и в самом вашем скептицизме тоже.

Вы не должны ограждать свой скептицизм от сомнений, иначе это будет точкой зрения верующего.

Если вы можете усомниться в скептике, который заключен в вас, то и до мистика не очень далеко.

Кто такой мистик? Это тот, кто не знает никаких ответов, кто задавал всевозможные вопросы и обнаружил, что ни на один вопрос нельзя ответить. Обнаружив это, он прекращает задавать вопросы. Это не значит, что он нашел ответ – он просто обнаружил, что ответа нет нигде.

Жизнь – это тайна, а не вопрос. Не загадка, которую надо решить, не вопрос, на который надо ответить, а тайна, которой надо жить, тайна, которую надо любить, тайна, которую надо танцевать.

Тотально скептический ум в конце концов обязательно станет мистическим, поэтому мои двери открыты для всех. Я принимаю скептика, потому что я знаю, как превратить его в мистика. Я приглашаю атеиста, потому что я знаю, как отлучить его от атеизма. Мои двери открыты для всех, потому что я не даю вам никакой веры, я даю вам только методологию – медитацию, чтобы вы сами выяснили, в чем тут дело.

Я обнаружил, что ответа нет. Все вопросы бесполезны, а

все ответы еще более бесполезиы. Вопросы задаются глупыми людьми, и благодаря их вопросам возникли великие фнлософии. Эти философии создаиы хитрецами.

Но если вы хотите быть в гармонии с реальиостью, вам не надо быть ни дураком, ни хитрецом. Вам надо быть иевинным. Поэтому, что бы вы ни принеслн с собой – скептнцизм, атеизм, теизм, коммунизм, фашизм – сюда вы можете принести любой вид чепухи, но лекарство мое всегда будет одинм н тем же.

Не имеет значения, какнм видом чепухи забнта ваша голова, когда вы приходите сюда. Я отрублю вашу голову, не вдаваясь в разбирательства. Неважно, кто снднт у вас в голове; мое дело – рубить!

Я всего лишь дровосек.

Возлюбленный Бхагаван,

я не могу найти вопрос, но мое сердце нуждается в ответе. Что это?

Это – весьма осиовательиый вопрос.

У каждого, кто искренен, возникнет такой же вопрос.

Все вопросы – идиотизм, самое большее – глупость. Но тем не менее есть иекая экзистенцнальная иужда в ответе.

Сам вопрос иензвестен.

Я уже рассказывал вам об одной из самых прекрасных поэтесс, Гертруде Стайн. Она умирала, и вокруг нее собрался узкий круг друзей. Перед самой смертью она открыла глаза н спросила: «Ну н каков же ответ?»

Друзья былн озадачены, ведь так не годнтся... сперва должен быть задаи вопрос. А она сперва спрашивает: «Каков ответ?» Ответ на что? Но нельзя относиться слишком строго к умирающей женщнне, н к тому же это не какая-ннбудь обыкновенная женщнна, а действнтельно великая поэтесса. И даже в этом высказыванни в полной мере прнсутствует ее велнчие.

Несколько секунд ее друзья молчалн. Затем однн нз ннх набрался мужества н сказал: «Стайн, вы же не задавалн ннкакого вопроса. Странно, что вы хотнте получить ответ».

Умирающая женщина открыла глаза н сказала: «Хорошо. Тогда каков же вопрос?» И она умерла.

Это нечто поистине мистнческое.

Нет никакого вопроса, но есть некая экзнстенцнальная

жажда, которая представляется уму как поиск ответа. Но никакого ответа нет.

Есть Существование, и оно потрясающе прекрасно, психоделически красочно. Это – песня и танец, празднование повсюду.

Но, пожалуйста, не требуйте какого-нибудь вопроса или какого-нибудь ответа.

Это – тайна. Тайна означает, что нет никакой возможности разгадать ее; что бы вы ни делали, вас ожидает неудача. Быть может, через переживание вы придете к пониманию. Но это не будет ответом: это будет чем-то большим, чем ответ, это будет живым опытом. Вы станете частью самой тайны.

Даже величайшие философы ведут себя как дети. Они продолжают представлять себе жизнь как загадку, кроссворд.

Жизнь – не загадка. Жизнь – это просто феномен, на который нет ответа, но который можно пережить на собственном опыте.

Вот что я имею в виду под «мистицизмом».

Философы полностью упускают это, потому что они пытаются найти вопросы, а затем ответы.

Вопросы – продукция человека.

Розовый куст никогда не задает вопросов, облаку нет никакого дела до вопросов, гора никогда ничего не спрашивает. Это вовсе не означает, что у них есть ответ; это просто означает, что они находятся за пределами той игры в вопросы и ответы.

И когда я говорю о «выходе за пределы просветления», я другими словами говорю о том же самом – о выходе из игры в вопросы и ответы и принятии реальности такой, как она есть, какой бы она ни была.

В противно случае бедам не будет конца. Сперва вы создаете вопрос, затем вы создаете ответ. Затем ответ создает еще десять вопросов; вы создаете еще десять ответов, и тогда каждый ответ создает еще десять вопросов. Это напоминает дерево – оно продолжает расти и становится все больше и больше; и этому нет конца.

Просто живите вашей жизнью, не ставя вопросительный знак после каждого переживания. Люди могут подумать, что вы безумны, но если вы безумны, тогда безумно все Существование – что делать? Это не в наших руках.

Почему солнце поднимается на востоке каждый день? Ни одного выходного дня. Ни разу оно не поднялось на западе –

хотя бы ради разнообразия: «Мне надоело подниматься на востоке...»

Нет, все идет как по маслу – только с человеком беда.

Как только вы тоже начнете жить как розовый куст, вставать как солнце, плыть как белое облако, вы придете к глубокому пониманию таинственной, чудесной истины Существования.

Возлюбленный Бхагаван,

моя подружка часто использует по отношению ко мне слова «мужское эго», что мне кажется неверным.

С самого начала я был открыт и уязвим для женской энергии, которая каждый день учит меня, как стать учеником. Более того, я почувствовал, что когда она использует эти слова, в этом заключена некая ненависть к мужчинам.

Бхагаван, можете ли Вы объяснить, что такое «мужское эго» и что это означает, когда женщина использует это выражение по отношению к мужчине?

Эго – это просто эго, оно не бывает ни мужского, ни женского рода.

Но на протяжении веков мужчина постоянно был очень бесчеловечен по отношению к женщине. И странно в этом то, что мужчина так жесток и бесчеловечен с женщинами потому, что он чувствует глубокий комплекс неполноценности перед ними. Величайшая проблема в том, что женщина способна стать матерью, она способна дать рождение новой жизни, а мужчина неспособен. Это и было началом этого чувства неполноценности – ведь природа полагается на женщину, а не на мужчину.

Более того, мужчина обнаружил, что во многих отношениях женщина гораздо сильнее его.

Например, на каждые сто девочек рождается сто пятнадцать мальчиков, – потому что ко времени достижения половой зрелости пятнадцать мальчиков умирают, а вот девочки остаются – у них есть некая жизнестойкость. Женщины болеют меньше, чем мужчины. Женщины совершают меньше самоубийств, чем мужчины, – хотя о самоубийстве они говорят больше, но они только говорят. Самое большее, они принимают снотворное, но в таком количестве, что до смерти дело никогда не доходит. Мужчины совершают почти в два раза больше самоубийств, чем женщины. Женщины живут на пять

лет больше, чем мужчины. Женщины более терпеливы, более терпимы, чем мужчины. Мужчины очень нетерпеливы и нетерпимы. Женщины не совершают убийств – это мужчины совершают убийства, организуют крестовые походы, всегда готовятся к войне, изобретают всевозможные виды смертоносного оружия – атомные бомбы, ядерное оружие.

Женщина же находится полностью вне всей этой игры смерти.

Поэтому вовсе не случайно, что мужчина стал чувствовать себя каким-то неполноценным. А никто не хочет быть неполноценным; и единственным выходом было заставить женщину искусственным образом стать неполноценной. Например, не давать ей образования, не давать ей экономической свободы, не выпускать ее за пределы дома, превратить ее жизнь в тюремное заключение.

Кажется почти невероятным то, что мужчина проделал с женщиной, – и только для того, чтобы избавиться от своей неполноценности. Он сделал женщину искусственно неполноценной.

В Китае на протяжении пяти тысяч лет считалось, что у женщин нет души. Конечно, все писатели были мужчинами; они и выдвинули идею, что женщина – это всего лишь машина, воспроизводящая машина. И эта идея приобрела такое влияние, что даже попала в юридическую систему Китая. Если мужчина убивал свою жену, он не был преступником – ведь он просто сломал стул или стол... самое большее, разбил телевизор. Но это была его собственность, а он имеет право уничтожить ее.

Поэтому в Китае тысячи женщин были убиты своими мужьями. Но правительство или суды не могли наказать этих мужей, потому что был отвергнут основной принцип наличия души у женщин.

В Индии на протяжении десяти тысяч лет женщине внушалось, что даже мечтать о другом мужчине – грех. Мужчине этого не внушалось. Женщина должна была жить очень добродетельной жизнью, тогда как мужчина был свободен. Для обеспечения свой свободы мужчина создал проституток.

И это чувство собственности в Индии приняло почти безумные пропорции. Когда мужчина умирал, его жена должна была умереть вместе с ним. Она должна была живой прыгнуть в погребальный костер – и это продолжалось в течение десяти тысяч лет. Если какая-то женщина испытыва-

ла страх – любому было бы страшно заживо прыгнуть в погребальный костер, – то ее осуждали за безнравствеииость.

Желанием мужа было то, чтобы она умерла вместе с ним, так как он не мог положиться на нее, – когда он умрет, она может завести с кем-нибудь любовную интригу, а этого допустить нельзя.

Но вот что странно: это правило ие распространялось иа мужчин, мужчннам не иадо было прыгать в погребальиые костры своих жен. Нет, мужчииа был существом высшего сорта.

От того, как они проделывали это, слезы наворачиваются... ведь сжечь женщнну живьем – ие легкая задача. Сперва они раскладывали погребальный костер, укладывали на него умершего мужа, заставляли жеищину лечь рядом с мертвым телом. Затем они укладывали иа них еще дрова и поливали все очищеиным маслом, чтобы огонь сразу же вспыхнул – и не только сразу же вспыхнул, но и дал столько дыма, чтобы никто не мог увидеть, что там происходит, – ведь иногда женщина пыталась выпрыгнуть из погребального костра.

Вокруг погребального костра стояли жрецы с горящими факеламн в руках. Если жеищиtа пыталась выскочить, они загоняли ее горящнми факелами иазад, в погребальный костер.

Поэтому и требовалось столько дыма – чтобы никто ие мог увидеть, что делают жрецы.

Жеищина обязательио кричала и плакала. Ее крики ие должиы были быть слышиы, и это было продумаио: был еще один ряд, в котором тысячи людей играли на музыкальных инструментах, пели, танцевали, кричали что есть мочи только для того, чтобы заглушить крики женщины, долетавшие из погребального костра. И оии праздиовали – ведь еще одна женщина доказала свою любовь к мужу, совершив самоубийство.

Ее заставилн, оиа сделала это ие по доброй воле; ее заставилн снлой.

И та же ситуация сложилась во всем мире. Разиыми способами женщиие обрезали крылья, ее способиости, ее талаит, ее геиий.

И этот вопрос касается ие только тебя. Когда твоя женщина говорит, что у тебя мужское эго, она просто представляет всех жеищин, а ты – не что иное, как представитель всех мужчин. Твои праотцы иатворили столько вреда, что нет возможиости прийти к равиовесию.

Поэтому, когда твоя женщина говорит, что в тебе говорит мужское эго, попытайся понять – может быть, она права. Вероятнее всего, она таки права – ибо мужчина так долго считал себя высшим существом, что он не чувствует, что это – его эго. А женщина чувствует это.

Не отвергай ее чувство. Будь благодарен ей и спрашивай у нее, в чем она чувствует это эго, так чтобы ты мог отбросить его. Прими ее помощь.

Ты же просто отрицаешь это; ты не чувствуешь, что у тебя есть мужское эго. Но это просто традиционное иаследие.

У каждого мальчика есть мужское эго – даже у маленького мальчика. Если он иачннает плакать, ему сразу же говорят: «Почему ты плачешь, как девчонка? Девчонкам позволительно плакать, потому что они неполноценные существа. Тебе же предстоит стать большим мужским шовинистом, тебе не положеио плакать и рыдать». И маленькие мальчики иачннают остаиавливать свои слезы. Очень редко можно встретнть мужчнну, который способеи так же легко расплакаться, как женщнна.

Запомни, у тебя н у твоей женщнны слезные железы одинакового размера – зиачит, прнрода не делает иикаких различий. Прислушайся к твоей женщине. Ты так сильно подавлял и угиетал ее; пришло время прислушаться к ией и исправить положенне вещей. По крайией мере в лнчиой жизни делай все от тебя завнсящее, чтобы предоставнть ей как можно больше свободы – столько же свободы, сколько ты позволяешь себе. Помоги ей подияться, чтобы она могла сиова расцвести.

У нас будет прекрасный мир, если всем жеищииам – а женщииы составляются половнну человечества – позволнть взращивать свон таланты, свой геннй. Это вообще не вопрос… никто не выше, никто не ниже. Женщины есть женщины, мужчииы есть мужчины; у ннх есть различия, но различня никого ие делают выше илн ииже. Их различня создают взаимиое влечение.

Только представьте себе мир, в котором бы былн только одни мужчнны. Это было бы так отвратительно: повсюду одии Морарджн Десаи… Морарджи Десаи… все пьют собстъеииую мочу, ведь больше делать нечего.

Жизнь богата, потому что есть различия, различиые познции, различные миения. Никто ие выше, иикто ие инже. Людн просто разные.

Прими это н помогн своей женщнне освободнться от

десяти тысяч лет подавления. Будь ей другом. Ей причинили много вреда, у нее столько ран, что если твоя любовь принесет ей хоть какое-то исцеление, ты поможешь всему миру, всему мировому сознанию.

Не огорчайся, если твоя женщина говорит: «Это – мужское эго». Оно присутствует в тонкой форме – просто ты не можешь распознать эго, потому что оно было с тобой так долго; ты забыл, что это – эго. Прими ее помощь, чтобы ты мог распознать его и уничтожить.

Беседа 18

МЕДИТАЦИЯ – МУЖЕСТВО БЫТЬ БЕЗМОЛВНЫМ И ОДИНОКИМ

20 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

я всегда страшусь одиночества, потому что когда я остаюсь наедине с собой, я начинаю спрашивать себя, кто я такой. У меня такое чувство, что если я копну глубже, я обнаружу, что я не та личность, которой я считал себя последние двадцать шесть лет, а некое существо, присутствующее в момент рождения и, может быть, за момент до него. По какой-то причине это приводит меня в полный ужас. Это кажется каким-то безумием и заставляет меня уходить во внешние вещи, чтобы почувствовать себя более безопасно.

Бхагаван, кто я такой, и почему этот страх?

Сурабхи, это не только твой страх, это страх каждого. Ибо иикто не есть то, чем ему предиазиачнло быть Существование.

Общество, культура, религия, образование – все в заговоре против невинных детей.

У них вся власть, – а ребенок беспомощеи и зависим. Поэтому им удается сделать из него все, что им захочется.

Они ии одному ребеику ие дают расти в соответствии с его естествеиным предназиачеиием.

Все их усилня иаправлены на то, чтобы превращать человеческие существа в полезиые вещи. Кто зиает, если ребенку позволить расти самому по себе, прииесет ли ои какую-либо пользу обществу? Общество ие готово ндти на такой рнск. Оио хватает ребенка и иачииает лепить из него иечто нужное для общества.

В определениом смысле оио убивает душу ребенка и дает ему фальшивую личность, так что ои иикогда и ие вспомииает о своей душе, о своей виутреиией сути.

Фальшивая личность – это суррогат. Но этот суррогат полезен только в той самой толпе, которая дала его вам. Как только вы оказываетесь в одииочестве, фальшивое иачииает распадаться, а угиетеииая реальиость иачииает выражать себя.

Отсюда и страх одииочества.

Никто ие хочет быть в одииочестве. Каждый хочет быть частью толпы – и ие одиой толпы, а многих толп. Человек приадлежит к некой религиозиой толпе, к некой политичес-

кой партии, к некому клубу... и есть еще много небольших групп, к которым надо принадлежать.

Человек хочет получать поддержку двадцать четыре часа в сутки, потому что без поддержки фальшивое не может устоять. Как только человек оказывается в одиночестве, он начинает испытывать странное умопомешательство.

Сурабхи, именно об этом ты и спрашиваешь – ибо двадцать шесть лет ты считал себя кем-то, а затем в момент одиночества ты внезапно начинаешь чувствовать, что это не ты. Возникает страх: *кто* же тогда ты?

А двадцать шесть лет подавления... реальному потребуется некоторое время, чтобы проявить себя.

Этот промежуток между фальшивым и реальным мистики называют «темная ночь души» – очень подходящее выражение. Ты уже не фальшивое, но еще и не реальное. Ты пребываешь в забвении; ты не знаешь, кто ты такой.

На Западе, в частности, – а Сурабхи приехал с Запада – эта проблема усугубляется еще и тем, что там не было разработано никакой методологии, которая могла бы помочь как можно скорее обнаружить реальное и укоротить темную ночь души.

Запад понятия не имеет о медитации.

А медитация – это просто другое название для пребывания в одиночестве, в безмолвии, в ожидании того, когда реальное утвердит себя. Это не действие, а безмолвное расслабление – ибо все, что ты *делаешь*, исходит от твоей фальшивой личности. Все твои поступки за двадцать шесть лет исходили от нее; это – старая привычка.

Привычки умирают долго и мучительно.

В Индии был один великий мистик по имени Экнатх. Однажды он со всеми своими учениками собирался совершить святое паломничество – это путешествие должно было занять от трех до шести месяцев.

К нему пришел один человек, припал к его ногам и сказал: «Я знаю, что я презренный человек. Ты тоже это знаешь, все меня знают. Но я знаю, что твое сострадание гораздо больше моей презренности. Пожалуйста, прими меня в группу, которая отправляется в святое паломничество».

Экнатх сказал: «Ты вор – и не обыкновенный вор, а вор-мастер. Ты никогда не попадался, но все знают, что ты вор. Мне, конечно, хотелось бы взять тебя с собой, но я должен подумать и о тех, кто отправляется в паломничество вместе со мной. Тебе придется дать обещание – и я не требую многого, – что пока мы будем находиться в паломничестве, ты не будешь

воровать. После этого все будет зависеть от тебя. Как только мы вернемся домой, ты будешь свободен от этого обещания».

Этот человек сказал: «Я с радостью дам такое обещание. Я очень благодарен тебе за твое сострадание». Но другие пятьдесят участников паломничества были полны подозрений. Довериться вору...

Но они не смели возражать Экнатху. Ведь он был учителем.

Они отправились в паломничество, и с самой первой ночи начались неприятности. На следующее утро среди паломников царил хаос – у кого-то пропала верхняя одежда, у кого-то пропала рубаха, у кого-то пропали деньги.

И все кричали: «Где мои деньги?» И все говорили Экнатху: «Мы с самого начала с подозрением отнеслись к этому человеку. Привычка всей жизни...»

Но затем они стали лучше искать и обнаружили, что вещи не были украдены. Деньги, пропавшие у одного человека, были найдены в сумке другого. Одежда, пропавшая у одного человека, была найдена в багаже другого. Все было найдено, но сколько ненужного беспокойства! И так было каждое утро!

И никто не мог ничего понять – какой в этом был смысл? Ведь это явно был не вор, так как ничего не было украдено.

На третью ночь Экнатх решил не спать, чтобы увидеть, что же происходит. Посреди ночи вор – просто по привычке – проснулся и стал перекладывать вещи с одного места на другое. Экнатх остановил его и сказал: «Что ты делаешь? Разве ты забыл о своем обещании?»

Вор сказал: «Нет, я не забыл о моем обещании. Я же ничего не краду, но я не обещал, что не буду перекладывать вещи с одного места на другое. После окончания паломничества мне снова придется стать вором; а это – всего лишь практика. И ты должен понять меня – ведь это привычка всей моей жизни, я не могут просто так отбросить ее. Дай мне немного времени. Ты должен понять мою проблему. Вот уже три дня, как я ничего не украл – это все равно что поститься! Это просто подмена, должен же я чем-то заниматься. Я привык работать по ночам, поэтому мне очень трудно просто лежать в постели, когда вокруг спит так много идиотов, – и ведь я никому не причиняю вреда. Утром они находят свои вещи».

Экнатх сказал: «Ты странный человек. Ты же видишь, что каждое утро возникает такой хаос и час или два тратятся попусту на то, чтобы найти вещи, – куда ты их переложил, чьи вещи оказались в чьем багаже. Всем приходится распаковывать свой багаж и спрашивать: «Чья это вещь?»

Вор сказал: «Ну уж такую поблажку для меня можно было бы и сделать».

Сурабхи, двадцать шесть лет фальшивой личности, навязанной теми людьми, которых ты любил, которых ты уважал... и они причиняли тебе вред не преднамеренно. Их намерения были добрыми, просто осознанность у них была нулевой. Они не были сознательными людьми – твои родители, твои учителя, твои священники, твои политики – они не были сознательными людьми, они были бессознательны.

И даже доброе намерение в руках бессознательного человека превращается в пагубное.

Поэтому всякий раз, когда ты оказываешься в одиночестве, возникает глубокий страх – поскольку внезапно фальшивое начинает исчезать.

А для проявления реального потребуется немного времени. Ты утратил его двадцать шесть лет назад. Тебе придется немного поразмыслить над тем фактором, что через этот двадцатишестилетний провал надо навести мост.

От страха тебе кажется, что ты сходишь с ума: «Я теряю мое "я", мой рассудок, мой здравый смысл, мой ум», – ибо то «я», которое тебе было дано другими, состоит из всех этих вещей. Ты сразу же начинаешь что-то делать только для того, чтобы как-то занять себя. Если вокруг нет людей, то по крайней мере есть некое действие. Так что фальшивое остается задействованным и не начинает исчезать.

Поэтому-то трудней всего людям приходится в выходные дни. Пять дней они работают, надеясь, что в конце недели они расслабятся. Но конец недели – самое ужасное время; в конце недели происходит больше несчастных случаев, больше людей совершает самоубийство, больше убийств, больше ограблений, больше изнасилований. Странно... пять дней эти люди были заняты, и не было никаких проблем. Но в конце недели они вдруг получают выбор: либо заняться чем-то, либо расслабиться, – а расслабляться страшно, ведь тогда начинает исчезать фальшивая личность.

Занять себя чем-то, делать любые глупости. Люди мчатся на пляж, бампер к бамперу, вереницы машин растягиваются на многие мили. Если спросить у них, куда они направляются, они ответят, что бегут от толпы, – но вся толпа бежит вместе с ними. Они хотят найти безлюдное, тихое место – каждый из них.

На самом же деле, если бы они остались дома, там было бы больше одиночества и тишины – ведь все эти идиоты отправились на поиски безлюдного места. И они несутся в

бешеной гонке, ведь два выходных дня скоро пройдут, а им надо успеть – не спрашивайте куда!

И на пляже собирается такая толпа, какой не бывает даже на рыночной площади. Но как это ни странно, люди прекрасно себя чувствуют, загорая на пляже. На маленьком пляже десять тысяч человек нежатся на солнце, расслабляются.

Тот же самый человек, оказавшись в одиночестве на том же самом пляже, не смог бы расслабиться. Но сейчас он знает, что вокруг него расслабляются тысячи людей. Те же самые люди, которые были в конторах, на улицах, на рыночной площади, – а теперь эти же люди находятся на пляже.

Толпа необходима для существования фальшивой личности.

Оказавшись в одиночестве, человек сразу же начинает чудить.

Вот тут-то и необходимо небольшое понимание медитации.

Не надо беспокоиться, ибо то, что может исчезнуть, заслуживает исчезновения. Цепляться за него – бессмысленно, ибо оно не твое, оно не есть ты.

Ты есть то свежее, невинное, незапятнанное существо, которое возникнет на месте исчезнувшей фальшивой личности.

Никто другой не может ответить на твой вопрос: «Кто я такой?» Ты сам узнаешь это.

Все медитационные техники – это помощь для уничтожения фальшивого. Но они не дадут тебе реального – реальное не может быть дано.

То, что может быть дано, не может быть реальным.

Реальное у тебя уже есть, надо только убрать фальшивое.

По-иному можно сказать так: учитель отнимает у тебя то, чего на самом деле у тебя нет, и дает тебе то, что на самом деле у тебя есть.

Медитация – это просто мужество быть безмолвным и одиноким.

Мало-помалу ты начинаешь ощущать в себе некое новое качество, новую жизненность, новую красоту, новый разум, – который не заимствован у кого-то другого, а растет внутри тебя. Его корни в твоем Существовании.

И если ты не трус, он расцветет и принесет плоды.

Только отважные, смелые люди, имеющие сильный характер, могут быть религиозными. Но не посетители церквей, это – трусы. Не индуисты, не мусульмане, не христиане – все они против поиска. Та же самая толпа, они пытаются сделать свою фальшивую личность более консолидированной.

Ты родился. Ты пришел в этот мир с жизнью, с сознанием, с потрясающей чувствительностью. Только посмотри на маленького ребенка – посмотри ему в глаза, рассмотри его свежесть. И иа все это накладывается фальшивая личность.

Не надо бояться.

Можно потерять только то, что и должно быть потеряно. И лучше поскорей потерять его, – ибо чем дольше оно остается у тебя, тем сильиее оно становится.

А что будет завтра – никто ие знает.

Так что постарайся ие умереть прежде, чем реализуешь свою подлинную сущность.

Счастливы только те иемиогие, которые живут со своей подлинной сущиостью и умирают с подлииной сущностью, ибо они знают, что жизнь вечиа, а смерть – это фикция.

Возлюбленный Бхагаван,

действительно ли достаточно просто сидеть себе молча, ничего не делать, наблюдать, как растет трава, и, может быть, подремывать?

Однажды я слышал, как Вы сказали о Фрейде, что он, судя по всему, не смог создать себя. Еще я слышал, как Вы говорили, что мы творим наши собственные жизни, наш собственный ад и страдания и сами несем за это ответственность.

Если действительно достаточно просто молча сидеть, то где же место для слова «дисциплина» или «усилие?» Затем, если мы делаем что-то, то что мы «делаем?» Можем ли мы вообще что-то делать или мне просто снится, что я что-то делаю?

Я уже так устал от всего этого. Неужели я тоже в конце концов окажусь в состоянии летаргии и безразличия, в котором я не вижу никакой любви или красоты?

Люди, которые эксплуатируют человечество, создали великие философии, теологии, учебиые дисциплины. Без поддержки всех этих философских, теологических, религиозных структур было бы невозможно создать фальшивую личность.

Слово «дисциплина» исходит от этих людей, и слово «усилие» тоже.

Делая упор на работу, усилие, стараиие, борьбу, достижение, они создали такой мир, что почти каждого превратили в «работоголика», – что хуже, чем быть алкоголиком, так как алкоголик по крайней мере знает, что он делает что-то дурное. «Работоголик» же уверен, что ои делает то, что нужно. А те,

кто не являются «работоголиками», – это просто лентяи, никчемные люди; они даже права на существование не имеют, ибо они являются бременем.

Они испортили прекрасные слова, придали им новые значения, новые смысловые оттенки.

Например, «дисциплина». Дисциплина означает совсем не то, что обычно под ней понимают. Слово «дисциплина» (discipline) происходит от того же корня, что и слово «ученик» (disciple). Его коренное значение таково: способность учиться – быть более чувствительным, более сознательным, более искренним, более подлинным, более творческим.

Жизнь оказывается прекрасным путешествием, если она является процессом постоянного исследования, изучения. Тогда каждое мгновение становится захватывающим, ибо каждое мгновение вы открываете новую дверь, каждое мгновение вы сталкиваетесь с новой тайной.

Слово «disciple» (ученик) означает того, кто изучает, а слово «дисциплина» – процесс изучения.

Но это слово было извращено.

«Дисциплина» стала означать послушание. Весь мир был превращен в бойскаутский лагерь. Где-то наверху находится тот, кто знает, – не надо ничего изучать, надо просто повиноваться. Значение слова «дисциплина» было подменено на прямо противоположное.

Изучение автоматически предполагает сомнение, вопросы, скептический подход, любопытство, – но никак не исповедание какой-то веры, ибо верующий никогда ничего не изучает.

Но тысячи лет слово «дисциплина» использовалось именно таким образом. И это не единственное слово, которое было извращено; было извращено множество слов. В руках сильных мира сего прекрасные слова стали настолько отвратительными, что вы даже представить себе не можете их изначальный смысл... тысячи лет неправильного употребления.

Они хотят, чтобы все подчинялись дисциплине, как в армии. Вам дают приказ – вы должны выполнить его, не спрашивая зачем.

Это не путь изучения.

И с самого начала они стали забивать людям головы рассказами о том, что первым грехом был грех непослушания. Адам и Ева были изгнаны из рая, потому что они ослушались.

Я со всех сторон рассматривал эту историю, но я не вижу, чтобы они совершили какой-нибудь грех или преступление.

Они просто занимались исследованием. Вы находитесь в

саду и начинаете исследовать цветы и плоды – что съедобно, а что нет.

И ответственность лежит на Боге, ибо он запретил им пробовать плоды с двух деревьев – он указал им эти деревья: «Вы не должны приближаться к этим двум деревьям. Одно из них – это древо познания, а другое – древо вечной жизни».

Только представьте себя на месте Адама и Евы – разве не сам Бог заманил их к этим двум деревьям? А эти два дерева были деревьями мудрости и вечной жизни.

Зачем Богу запрещать пробовать их плоды? Если бы он действительно был любящим отцом, он мог бы указать на них и сказать: «Это ядовитое дерево, не ешьте его плоды». Или: «Это дерево смерти, если вы отведаете его плодов, вы умрете».

Но с этими деревьями все в порядке – их плоды можно есть сколько угодно, ибо в том, чтобы быть мудрым и иметь вечную жизнь, нет абсолютно ничего дурного.

Любой отец хотел бы, чтобы его дети обладали мудростью и вечной жизнью. Этот же отец, кажется, абсолютно лишен любви. Он не только лишен любви. Вот как дьявол сказал об этом Еве: «Он запретил вам приближаться к этим двум деревьям. Знаешь, по какой причине? Дело в том, что если вы отведаете плодов с этих деревьев, то вы станете равными ему, а ему этого не хочется. Он не хочет, чтобы вы стали божественными. Он не хочет, чтобы вы стали богами, исполненными мудрости и вечной жизни».

Я не вижу слабых мест в аргументации дьявола. Она абсолютно справедлива. Фактически, дьявол – первый благодетель человечества. Без него, может быть, и никакого человечества не было – ни Гаутамы Будды, ни Кабира, ни Христа, ни Заратустры, ни Лао-цзы... только буйволы, ослы, обезьянки – и янки – все с довольным видом пасутся и жуют. И Бог был бы очень счастлив, что его дети весьма послушны.

Но это послушание – отрава, чистая отрава.

Дьявола следует считать первым революционером в мире – и первым, кто стал мыслить в терминах эволюции, мудрости, вечной жизни.

Но Бог сказал, что это – первородный грех. Поэтому все жрецы – иудаистские раввины, христианские священники, мусульманские *маулави* и аятоллы – повторяют это на протяжении многих веков.

Вот еще одно извращение прекрасного слова.

Слово «грех» в корне своем означает забвение. Оно не имеет ничего общего с грехом в том смысле, как мы стали его понимать.

Забывать самого себя – вот едииствеиный грех.

А помнить себя самого – единственная добродетель.

Это ие имеет никакого отношения к послушаиию, дисциплиие.

Но люди, которые хотят эксплуатировать... все их усилие – это усилие паразита, высасывающего из вас кровь до последией капли. Оии говорят: «Работайте. Работайте упорно, будьте дисциплииироваиными, слушайтесь старших – иет иужды задавать вопросы, ибо приказы исходят от тех, чей разум превосходит ваш». И в своих стремлениях оии зашли так далеко, что даже ие хотят, чтобы вы спали.

В Советском Союзе сейчас разрабатывается иовая образовательиая система. Дием дети ходят в школу, – но зачем попусту тратить всю иочь? Через какое-то время онн закончат уииверситет и будут работать в этом мире. Но оии работают всего лишь пять-шесть часов, а вся ночь – это пустая трата времеии. Ночь можио использовать. Сейчас разрабатываются методы и средства для ее использования.

Например, ночь можио использовать для обучения. В уши детям вставляют специальиые устройства, которые контролируются цеитральной системой в городе, и начииается то, что оии иазывают «подсознательиым обучеиием»... оно даже не тревожит сои детей. Очень тихо – так тихо, что это даже нельзя назвать шепотом, ведь даже шепот может потревожить сон... Эти устройства работают в диапазоне ниже шепота. И вот что страино – о женщинах это давио уже было известно, но не знали, что это можно использовать и таким образом...

Издавна о женщниах было известио, что, еслн вы хотнте, чтобы они услышали то, что вы говорнте, вам иадо говорить шепотом. Если вы начииаете с кем-то шептаться, то любая женщиеа, иаходящаяся рядом, услышнт все, что вы говорите.

Если вы говорите громко, это ненитересно. Шепот же означает, что вы пытаетесь что-то скрыть – какой-то секрет. Женщииа, с ее более чувствнтельным существом, становнтся бдительиой и улавливает все, что вы говорите. Поэтому, если вы хотите что-то сказать женщиие, просто прошепчнте это кому-иибудь другому, и ваше посланне дойдет до иее абсолютио правнльио – и ннкакнх споров!

Подсознательное обучение – это шепот в более ннзком днапазоие. Было выяснено, что оно не нарушает сон, оно не иарушает даже сновидення.

Ночью можно восемь часов подряд обучать ребеика чему угодно; и самое удивительное – ребенок все будет помннть... ему ие нужно будет заучивать это, делать домашние задання.

Это просто входит в его систему памяти из глубинного источника. Теперь они овладели вами на все двадцать четыре часа в сутки.

В один прекрасный день даже свобода видеть сны будет отнята.

Вполне возможно, что правительство будет решать, что вам видеть во сне и чего не видеть. Сновидения можно будет проецировать, как проецируют на экран кинофильмы, и вы не сможете заметить разницу: снится ли вам что-то или правительственное учреждение подсовывает вам какую-то идею.

Подсознательное обучение – это действительно одно из самых опасных открытий, сделанных психологами. Оно было опробовано во многих странах, и оказалось, что оно работает исключительно хорошо.

Например, вы идете в кино...

Вы видите рекламу – она срабатывает, но для этого необходимо постоянное повторение. Определенный сорт сигарет – надо, чтобы вы читали о нем в газете, слышали по радио, видели по телевидению, на рекламных щитах на улице, в кинотеатре – необходимо постоянное повторение. Определенный сорт... вы внимания на него не обращаете. Вы просто прочитали о нем и тут же забыли, но это оставило внутри вас некую отметину. И когда вы идете покупать сигареты, внезапно вы обнаруживаете, что спрашиваете именно этот сорт.

Но это длительный процесс. До сих пор реклама была длительным процессом. Но с появлением подсознательного обучения она становится очень быстродействующей и очень опасной.

Было создано несколько экспериментальных фильмов с рекламными объявлениями между двумя кадрами. Вы смотрите фильм и не осознаете, что что-то происходит; вы продолжаете следить за сюжетом фильма. Сюжет разворачивается, и вдруг – вспышка... настолько быстрая, что ваши глаза не успевают отметить, что на экране что-то произошло; у вас появляется жажда, и вам хочется выпить кока-колы. Вы не прочитали на экране надпись «Пейте кока-колу», но все же эта идея вошла в вашу память.

И было обнаружено, что в тот вечер в том кинотеатре продажа кока-колы увеличилась на семьдесят процентов. Люди, покупающие кока-колу, не знают, почему они покупают кока-колу, – им хочется пить. На самом же деле они не испытывают жажды, им *не нужна* кока-кола, но воздействие на подсознание...

Это опасно. Это лишает вас свободы. У вас нет даже

свободы выбора, вам просто приказывают – и таким способом, что вы даже ие осозиаете, что вам приказали купить кока-колу.

Этим могут воспользоваться политические партии – «Голосуйте за Роиальда Рейгаиа». Нет иужды портить все стеиы иадписями «Голосуйте за Роиальда Рейгаиа» – можио просто подсознательио виушать по телевидеиию, в кино.

И в Советском Союзе деятели образования думают, что иочное время можно использовать для обучеиия и повышеиия квалификации.

Например, человек получает диплом врача... ио медициискаяя иаука продолжает развиваться, и врач ие успевает следить за ее последиими достижеиями. Он применяет лекарства, которые уже ие являются самыми эффектнвными; иаука ушла далеко вперед и нашла лучшие лекарства. Но у врача нет возможности читать всю медициискую литературу – для этого можио использовать иочь.

Днем врач может прииимать пациеитов, а ночью ои может получать самую последнюю иифомацию.

Но это означает, что человека надо превратить в робота, запрограммированиого иа то, чтобы двадцать четыре часа в сутки выполиять любую работу. Это не его свободиая воля.

Эти люди довели такие прекрасные слова, как днсциплииа, работа, послушаине, до такого отвратительиого состояиия, что лучше иа иекоторое время полиостью отказаться от иих.

Работа – это прекрасно, если она исходит из вашей любви, нз вашего творчества. Тогда работа имеет иекое духовиое качество.

Дисциплниа – это хорошо, если она исходит из вашего ученичества, из вашей предаиности. Тогда это – нечто, растущее в вас, как прекрасиое пламя, освещающее ваш жизиенный путь.

Если послушаиие исходит из доверия... а ие потому, что кто-то снльиее н, если вы ослушаетесь, то будете наказаны.

Даже Бог не смог простить одиого-едииствениого акта непослушания. Эти бедияги... Адам и Ева съели яблоко!

Пять лет подряд я жил иа одиих яблоках. Моя мать говорила мне: «Одумайся! Одно яблоко – и Бог изгнал Адама и Еву из рая. А ты ешь одни только яблоки». Пять лет я ие ел ничего, кроме яблок.

Я сказал: «Вот я и хочу посмотреть... куда ои меня выгонит? Сейчас самое большее, что он может сделать, это загнать меня в рай. Есть только два места: рай и этот мир. Нет другого мира, в который ои может меня изгнать».

Естественно, Бог ничего не сказал. А что ему было делать? Я с утра до вечера совершал один грех за другим, так как не ел ничего, кроме яблок.

Нет, дело не в том, что они совершилн какой-то великий грех. Дело в том, что было задето эго Бога; это – месть. Такая мстительность... Подумайте только – даже сейчас вы страдаете нз-за греха, совершенного Адамом и Евой. Мы не знаем этих людей – когда они существовалн, существовали ли они вообще – мы не нмеем ннкакого отношення к их поступку, но тем не менее мы страдаем.

Неужели каждое человеческое днтя должно страдать от этой мести? Это как-то не по-божески. Бог кажется более злым, чем дьявол. Дьявол же кажется более дружелюбным, более поннмающим.

Эти слова – днсциплииа, работа, послушание – несут вам служители этого Бога, они почнтают его. Онн уничтожилн красоту простых слов.

Послушание тоже может обладать потрясающей красотой.

Но оно должио исходить из вашей преданности, – а ие исполняться по чьему-то приказу. Оно должно исходить из вашего сердца.

Вы любите кого-то, вы уважаете его, вы преданы ему настолько глубоко, что ваше сердце всегда говорит «да», оно забыло, как говорить «иет». Даже если вам хочется сказать «иет», вы не можете вспомнить это слово.

Тогда послушание религиозно, духовио.

Возлюбленный Бхагаван,

мне кажется, что за те девять лет, которые я провел рядом с Вами, я сделал все, что под силу моему разуму. И все же сейчас я чувствую, что нахожусь в еще большем хаосе, смятении и невежестве, чем когда-либо раньше. Я даже чувствую, что вот-вот все брошу. Есть ли нечто такое, что я должен делать? Если ли какой-либо способ быть более разумным и более бдительным? Ибо я уверен, что уже тысячу раз упустил самое главное.

Будет великолепно, если ты сможешь все броснть. В этом-то и беда. С самого начала я говорил тебе, что надо все бросить – не иадо было и начинать!

Но ты не слушал меня.

Девять лет великой работы, тяжелой работы, – и тем ие менее ты спрашиваешь: «Нужио ли мне еще больше разума и еще больше работы?»

И ты думаешь, что упускаешь поезд, потому что не работаешь достаточно упорно! Все как раз наоборот.

Ты упускаешь поезд, потому что работаешь слишком упорно.

Ты так занят своей работой, что не замечаешь, что поезд приходит и уходит. И когда ты видишь, что другие пассажиры выходят на дорогу... *тогда* ты осознаешь, что поезд пришел и ушел.

Тебе надо просто все бросить и отдыхать на платформе. Чтобы как только придет поезд... Зачем нужно упускать поезд?

Но ты не можешь отдыхать, ты не можешь расслабиться, ты не можешь быть в состоянии всеприятия.

Ты сделал из этого целый проект.

Ты агрессивен, ориентирован на цель, всегда стремишься чего-то достичь.

А здесь перед тобой человек, который говорит тебе, что все, чего ты хочешь достичь, уже находится внутри тебя – просто расслабься, ибо только в расслаблении ты осознаешь то, что скрыто в тебе.

Но ты бежишь слишком быстро. Ты не останавливаешься, ты отдаешь этому все силы... девять лет!

Ты мог бы сесть в поезд в тот самый первый день, когда пришел ко мне.

И ты можешь сесть в поезд прямо сейчас – ибо поезд всегда стоит у платформы.

Он никогда не отправляется, так как ехать некуда.

Возлюбленный Бхагаван,

до того как я стал Вашим санньясином, я отчаянно искал духовную истину. Несмотря на то, что казалось мне многочисленными подлинно духовными переживаниями, я оставался недовольным и неприкаянным.

После принятия санньясы я стал жить с Вашими людьми, работать в Ваших общинах и, прежде всего, чувствовать, как Ваша красота и покой растут в моем сердце. За это время мои жгучие стремления к духовным переживаниям и к плодам этих переживаний стали потихоньку исчезать.

Сейчас я просто наслаждаюсь повседневной жизнью и всем, что связано с ней: хорошей едой, прогулкой в сельской местности, возможностью посмеяться вместе с любимым человеком и тому подобным.

Возлюбленный Учитель, не одолевает ли меня лень на

пути к просветлению? Не могли бы Вы объяснить, в чем разница между засыпанием и всеприятием?

У тебя дела идут отлично. Только позабудь все о просветлении. Наслаждайся простыми вещами с полной интенсивностью.

Простая чашка чаю может быть глубокой медитацией.

Если, выпивая чай, ты можешь наслаждаться его вкусом, его ароматом... какое тебе дело до Бога?

Ты и не знаешь, что Бог постоянно завидует тебе, когда он видит, как ты пьешь чай, – ведь бедняге чаю не достается.

Растворимый кофе... таких вещей нет в садах Эдема.

А с тех пор как оттуда ушли Адам и Ева, некому составить ему компанию – он живет среди животных, которые не умеют заваривать чай.

Бог очень завидует тебе и сильно раскаивается, что выгнал Адама и Еву из рая, – но теперь уже ничего не поделаешь. Сыновья и дочери Адама и Евы живут гораздо лучше, гораздо богаче.

Просветление случается тогда, когда о нем полностью забывают.

Даже уголком глаза не следи за тем, как бы не пропустить просветление. Полностью забудь о нем.

Просто наслаждайся простой жизнью.

Ведь все так прекрасно – зачем же без нужды мучить и терзать себя? Странные проблемы духовности... Это не те вещи, с которыми ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится.

Есть одна прекрасная история...

В штате Махараштра, в котором мы сейчас находимся, есть храм Кришны, с которым связана странная история. В том храме находится статуя Кришны – в Махараштре его называют Виттхал, – стоящая на кирпиче. Странно... так как ни в одном другом храме нет бога, стоящего на кирпиче.

История же такова: один человек, который наслаждался жизнью во всех ее проявлениях, был настолько доволен своей жизнью, что Кришна решил явиться ему.

Есть люди, которые всю свою жизнь танцуют и распевают: «Харе Кришна, Харе Рама», – но ни Рама, ни Кришна не являются им – никто не является.

Этому же человеку не было никакого дела до Кришны, Рамы или кого-то еще. Он просто жил своей жизнью, но жил ею так, как и следует жить – с любовью, с красотой, с музыкой, с поэзией. Его жизнь сама по себе была блаженством, и

Кришне пришлось принять решение: «Этот человек нуждается в моем посещении».

Вы видите – этот человек совершенно не думает о Кришне, а вот Кришна чувствует, что этот человек заслуживает посещения.

Кришна явился посреди ночи, чтобы не создать переполох в городе. Он увидел, что дверь открыта, и вошел в дом.

Мать этого человека была очень больна, и он как раз массажировал ей ноги. Кришна приблизился к нему сзади и сказал: «Я – Кришна. Я пришел, чтобы дать тебе аудиенцию, *даршан*».

Человек сказал: «Ты выбрал неподходящее время, я массажирую ноги моей матери».

А рядом с ним лежал кирпич, он отодвинул кирпич назад – он даже не оглянулся, чтобы посмотреть, кто такой этот Кришна, – и сказал Кришне, чтобы тот встал на кирпич, а когда он закончит свою работу, он поговорит с ним.

Но он был так поглощен массажем ног своей матери, – так как она почти умирала, – что прошла вся ночь, а Кришна все еще стоял на кирпиче.

Кришна подумал: «Что за нелепость! Люди всю свою жизнь распевают: «Харе Кришна, Харе Рама», – но я никогда не прихожу к ним. И вот я пришел сюда, а этот дурак даже не оглянулся, не предложил мне сесть, а сказал, чтобы я стоял на кирпиче!»

А затем наступил рассвет, стало восходить солнце, – и Кришна испугался, что его могут увидеть люди.

Рядом с домом проходила дорога, а дверь была распахнута, – если бы люди увидели его, он бы попал в неприятное положение, собралась бы огромная толпа.

Поэтому он исчез, а вместо него на кирпиче осталась стоять его каменная статуя.

Когда мать этого человека заснула, он обернулся и сказал: «Кто тот человек, который беспокоил меня ночью?»

И он обнаружил лишь статую Кришны.

Собрался весь город – все хотели узнать, как это произошло, – ведь случилось чудо!

Он рассказал о том, что произошло ночью.

Люди сказали: «Ты – странный человек. К тебе приходил сам Кришна, а ты оказался таким дураком! По крайней мере ты мог бы предложить ему сесть, накормить и напоить его. Он же был гостем».

Он сказал: «В тот момент у меня под рукой не было ничего, кроме этого кирпича. И когда я делаю что-то, я

полностью отдаюсь этому. Я не люблю, когда мне мешают. Если он так заинтересован в том, чтобы я его увидел, он может прийти еще раз, а я никуда не тороплюсь».

И та статуя до сих пор стоит на кирпиче в храме Биттхала.

Тот человек действительно был великим человеком – его не интересовали никакие награды; он настолько глубоко погружался в каждое свое действие, что само действие становилось наградой. И даже если приходит Бог, награда, исходящая из тотальности действия, больше, чем Бог.

Никто не истолковывал эту историю так, как ее толкую я, но вы же видите, что любое другое толкование абсурдно.

Поэтому просто забудь все о духовности, просветлении, Боге – они сами о себе позаботятся. Это их дело. Они сидят там без клиентов.

Тебе не надо беспокоиться; делай с жизнью самое лучшее, что ты можешь с ней сделать, – вот твое испытание, вот твое вероисповедание, вот твоя религия.

А все остальное последует само по себе.

Возлюбленный Бхагаван,

если именно учитель выбирает ученика и бросает его – хотя ученику может казаться, что это он выбрал учителя, а затем оставил его, – зачем, возлюбленный Бхагаван, Вам надо было говорить нам об этом?

Теперь у меня появился страх, что Вы в любое время можете бросить меня. Возлюбленный, не поступайте так со мной. Мне так больно думать об этом, ведь если такой человек, как Вы, не может помочь мне, то кто же может? Меня всегда покидали в беде, а это причиняет боль. И думать о том, что Вы покинете меня в беде, – это для меня уж слишком.

Возлюбленный Бхагаван, пожалуйста, пообещайте, что Вы не оставите меня, даже если Вам от меня не будет никакого толку. Я знаю, что Вы не оставите меня, но все равно этот страх не оставляет меня. Пожалуйста, будьте со мной всегда – хорошо?

Это хитрый вопрос.

Я могу пообещать, что не оставлю тебя. Единственная проблема заключается в том, что, если ты захочешь оставить меня, тогда ты обнаружишь, что это очень трудно – я не позволю тебе оставить меня!

Поэтому отныне тебе вот чего следует бояться: я исполню

мое обещание в любом случае – независимо от того, будешь ты этого хотеть или нет!

Итак, если это рассеет твой страх – очень хорошо.

Для меня это не проблема, я могу дать обещание.

Я просто не хочу стеснять чью-либо свободу. Я хочу держать дверь открытой; если ты захочешь уйти, я не хочу закрывать ее.

Но если таково твое желание, тогда дверь закрыта – и заперта! Теперь в следующий раз не говори мне, что ты боишься того, что если тебе захочется уйти, ты не сможешь этого сделать.

Обещание есть обещание!

Возлюбленный Бхагаван,

мой прекрасный учитель! Сперва мне хотелось убежать, теперь же у меня никогда не появляется желание оставить Вас. Что случилось?

Я передумал.

Беседа 19

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ТВОРЧЕСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ

21 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

будучи шестидесяти лет от роду, я – двухлетний ребенок в санньясе! Я счастлив, что оказался в лоне Вашей благодати.

Было ли это предопределено судьбой? Тогда почему это случилось так поздно в моей жизни?

Может ли ребенок во мне достичь зрелости за то время, что мне осталось жить? Как? Помогите, пожалуйста.

Ананд Йешвант, вопрос, который ты задал, заключает в себе многое. Это много вопросов в одном вопросе.

Во-первых, ты говоришь, что в шестьдесят лет ты являешься двухлетним ребенком в том, что касается санньясы. Это напоминает мне об одной древней традиции на Востоке. Раньше мы считали возраст человека с того дня, когда он был посвящен в санньясу, а не с того дня, когда он появился на свет. Ибо рождение вовсе не обязательно превращается в жизнь; гораздо чаще оно превращается просто в растительное существование.

Есть капуста и есть цветная капуста, но разница между ними невелика.

Знатоки говорят, что цветная капуста – это капуста с университетским дипломом.

Но большинство людей просто ведет растительное существование; они не живут, они не вступают в контакт с живительными водами жизни. Они дышат, они стареют, но они никогда не становятся зрелыми. Между их рождением и смертью проходит горизонтальная линия. Нет пиков восторга, нет залитых солнцем вершин экстаза. Нет глубин любви, покоя, безмолвия. Есть просто горизонтальная, плоская рутина от колыбели до могилы.

Ничего не случается. Они приходят и уходят.

Говорят, что большинство людей осознают, что они были живы, только тогда, когда умирают – ибо жизнь была такой плоской, такой бесцветной. Она не была танцем, она не была красотой, она не была благословением; в сердце не было благодарности: «Существование выбрало именно меня, а не кого-то другого. Без меня Существованию чего-то немного недоставало бы. Нет никого, кто может заменить меня; я

занимаю уникальное положение, хотя я никогда его не просил, я не заслужил его. Это – истинный дар, идущий от избыточности Существования».

Так случилось, что у Гаутамы Будды была встреча с одним из наиболее разумных императоров того времени. Во время их беседы к ним подошел некий престарелый саньясин – ему, должно быть, было лет семьдесят пять, – чтобы припасть к ногам Будды.

Он попросил императора простить его за то, что он нарушил их беседу, так как он сделал это по необходимости.

Буддийским монахам нельзя путешествовать ночью; они могут передвигаться от восхода до заката, но ночью они должны оставаться на одном месте.

Санньясин сказал: «Мне велели отправиться в соседнюю деревню, но я не могу уйти, не коснувшись ног моего учителя. С каждым мгновением солнце опускается все ниже, а ваша беседа все продолжается и продолжается – так что, пожалуйста, простите меня».

Гаутама Будда спросил у санньясина: «Сколько тебе лет?»

Император был очень удивлен: зачем это нужно знать? Можно просто благословить и отпустить его.

А престарелый санньясин сказал: «Прости меня, я пришел очень поздно. Мне всего лишь четыре года».

Император еще больше удивился, он не мог сдержаться. Он сказал: «Это уж слишком! Этому человеку, должно быть, лет восемьдесят, ну – семьдесят пять, самое меньшее – семьдесят, но никак не четыре года. Этого просто не может быть!»

Гаутама Будда сказал: «Ты, наверное, не знаешь, как мы считаем возраст. Этот человек стал санньясином четыре года назад». Поэтому настоящего брамина – того, кто познал божественное, *Брахмана*, – называют *двидж*, «дважды рожденный».

Первое рождение – это всего лишь благоприятная возможность для второго рождения. Если второго рождения не случается, то первое рождение бессмысленно.

Тому санньясину Будда сказал: «Не беспокойся. У нас есть древняя пословица: "Если человек, который утром сбился с пути, к вечеру возвращается домой, его не следует называть сбившимся с пути". Четыре года – это много. Даже одна минута осознавания равна вечности».

Итак, Ананд Йешвант, во-первых: не беспокойся о тех

пятидесяти восьми годах, которые прошли во сне. Существовали они или нет – это не имеет значения; они были подобны знакам на воде – ты продолжаешь писать их, а оии продолжают исчезать.

А вот два года твоей санньясы имеют огромное значение – ибо значительность определяется не временем, а глубиной. Можно целую вечность быть поверхностным. А за одно-единственное мгновение бездонной глубины можно прийти к осуществлению.

Поэтому вот первое, что я хочу сказать тебе: не беспокойся о тех пятидесяти восьми годах, которые ты потерял, блуждая в пустыие. Будь благодарен за эти два года пребывания в саду Бога. Теперь от тебя зависит, будет ли каждое мгновение полным удовлетворением, глубокой тишиной, радостным танцем... вечностью ликования... ароматом, который не от мира сего... который принадлежит не пространству и времени, а запредельному.

И, как я вижу, ты идешь по правильному пути с искреиним сердцем... Я слышал твои песни, в них есть сладостиая боль. Они сладостны, потому что иет ничего более сладостного, чем вступить в контакт с вечным, вневременным, бессмертным источником жизни.

Быть в контакте с учителем – значит косвеиным образом быть в контакте с божественностью Существования.

В твоих песнях есть сладость, и в них есть некая боль тоже. Боль – потому, что слова ие могут выразить все то, что тебе хочется выразить. Тебе хочется петь... твое сердце переполнено этим, но язык не в состоянии это выразить. Музыкальные инструменты, какими утонченными они бы ни были, не могут привнести музыку тишины в мир звука. Это два диаметрально противоположных измереиия.

Но твоя боль ие разрушает красоты твоих песеи, оиа делает их еще более прекрасными, придает им глубину. Она свидетельствует о твоем переживаиии и одновремеино о неспособности выразить его.

То, что можно выразить, является мирским.

То, что иельзя выразить, – священио.

И все художники – музыканты и поэты, живописцы и танцоры – миллионы лет пытались выразить иевыразимое. Даже если им удается дать непрямой намек – просто палец, указывающий на луну, – это уже достаточио большой успех.

И тебе это удается.

Пой без всяких сомнений, не беспокоясь о том, что тебя

сочтут безумцем. Если мир ие считает певца безумцем, то он вовсе не певец; если танцора не бросают в сумасшедшнй дом – значнт он не получил от мира свндетельство о таланте. Все геиин не могут не казаться мнру безумцамн: «Что-то не так с этнми беднягами!»

Виисент Ван Гог, один из голландскнх художинков, за всю свою жизнь не смог продать нн одиой своей картииы. Сейчас нз тысяч напнсанных нм картнн сохранилось лишь около двухсот, потому что к его картииам отиоснлнсь иебрежно. Ои просто раздавал их свонм знакомым, никто не хотел покупать их. Люди боялись даже повесить его картниы в своих гостииых, так как нх гости могли бы подумать, что хозяева сошли с ума: «Что за картины вы здесь повеснли?» Людн брали его картины, – чтобы не обндеть его, – благодарнлн его, а затем засовывалн нх иа чердак, чтобы их ннкто не вндел.

Сейчас любая из его картии стоит миллнон долларов. Что случилось за этн сто лет?

Самого Ван Гога засадилн в сумасшедшнй дом, когда ему был трндцать один год. И посадили его туда за его картины – он был неопасеи, он не был агресснвным, он ннкому ничего плохого ие делал. Но всякнй, кто видел его картнны, был увереи, что этот человек опасеи и иепредсказуем. Ему место в сумасшедшем доме. Еслн он мог иапнсать такие картины, ои способеи иа *что угодно...*

Напрнмер, он всегда писал звезды в виде спнралей. Даже другие художннки говорнли ему: «Ведь звезды – не спиралн!»

Он отвечал: «Я вижу, что звезды не спиралн, но как только я начниаю пнсать звезды, что-то во мне говорит, что звезды – это спирали. Расстоянне до них так огромио... вот почему глаз ие может увидеть, какая у них форма. И этот голос во мне так снлен, что я могу делать только то, что он мне говорнт».

А сейчас физикн узиали, что звезды – это действнтельио спиралн. Весь мир искусства был поражен, ведь только один художник за всю историю человечества имел некую виутреннюю связь со звездамн – н этого человека счнтали сумасшедшим. А поскольку его считали сумасшедшим, иикто не хотел оказывать ему помощь.

Его брат каждую неделю давал ему ровно столько денег, чтобы ему хватило на семь дней. Но он трн дня в неделю ничего не ел – ибо для иего это был едннствеиный способ сэкоиомить деньгн иа покупку холста, кистей и красок. Жнвопись для него была важиее жизнн.

Когда ему было тридцать три года, он покончил с собой. После того как его выпустили из сумасшедшего дома, он написал только одну картину, которую там ему не давали писать. Он хотел нарисовать солнце. На эту картину у него ушел один год. Он испортил себе глаза... он хотел написать горящее солнце, горячее солнце и целыми днями смотрел на него – с утра до вечера, с восхода до заката. Он хотел, чтобы его картина заключала в себе все о солнце, всю биографию солнца.

Его друзья говорили ему: «Это уж слишком. Достаточно понаблюдать один день, солнце всегда одинаково».

Ван Гог отвечал: «Вы не знаете. Солнце всегда разное. Вы же не смотрели на него. Я никогда не видел два одинаковых восхода или два одинаковых заката. А я хочу, чтобы моя картина была биографией солнца».

Целый год он с утра до вечера наблюдал солнце... Он испортил себе глаза, но продолжал писать свою картину.

И когда картина была завершена, он написал своему брату записку: «Я совершаю самоубийство не от отчаяния – ведь я один из самых счастливых людей на земле. Я делал то, что я хотел делать, несмотря на то, что весь мир осуждал меня. Моим последним желанием было отобразить всю биографию солнца в одной картине. Сегодня картина завершена. Я ужасно рад, и теперь мне нет нужды жить. Я жил, чтобы писать картины. Моей жизнью была живопись, а не дыхание».

И он застрелился.

Его нельзя отнести к числу обычных самоубийц. Это не самоубийство – ведь он сделал это не от отчаяния, не от тоски, не потому, что потерпел неудачу. Он сделал это потому, что достиг потрясающего успеха, тотальной реализации самого себя, и увидел, что теперь ему незачем продолжать жить и просто дожидаться смерти... он сделал ту работу, которую хотел сделать.

Каждый творческий человек должен понять, что как только люди начинают считать его слегка спятившим, он должен возрадоваться тому, что перешел границу мирского и посредственного. Теперь у него выросли крылья, которых у других нет.

И я вижу в тебе эту возможность, этот потенциал.

Медитируй, и пусть музыка станет твоей медитацией. Пой, и пусть пение станет твоей жизнью, самим твоим дыханием, биением твоего сердца.

В мире господствует весьма дурацкая идея, что религиоз-

ны только праведники. На самом деле почти 99,9 процентов праведников не религиозны.

Настоящих религиозных людей можно найти среди творцов – танцоров, поэтов, художников, певцов, музыкантов, скульпторов.

Будущее принадлежит творческому человеку.

Прошлое принадлежало праведникам, которые не были творческими людьми. Они ничего не создали, их единственным достоинством было самоистязание. На самом деле все они были мазохистами. В более разумном мире их бы лечили, а не поклонялись им. Они были не святыми, а психически больными людьми.

Но поскольку доминирующее положение занимали нетворческие люди, творцам приходилось очень много страдать. Их считали больными.

Будущее будет совершенно иным. Сейчас никто не может быть праведником только потому, что он способен истязать себя. Такому человеку место в цирке.

У Тургенева есть прекрасный рассказ.

В одном цирке работал человек, все мастерство которого заключалось в том, что он мог голодать сорок-пятьдесят дней – столько, сколько цирк оставался в одном городе. Все время, что цирк находился в каком-либо городе, он ничего не ел. Его проверяли доктора, люди следили за ним, но он не принимал пищи.

Цирк переезжал из одного города в другой и как-то раз приехал в столицу, где оставался более сорока дней. И что такого в человеке, который голодает? На него можно посмотреть один раз, – после этого он уже не вызывает никакого интереса. И через несколько дней люди забыли о нем.

Там было много палаток, и поскольку в палатку с голодающим человеком приходило мало посетителей, ее поместили в самом конце. И мало-помалу о нем совершенно забыли. Даже хозяин цирка забыл о нем. И после сорока дней он продолжал голодание – так как он не вел счет дням. Он знал только то, что, когда цирк переезжал из одного города в другой, в дороге его кормили.

Он умирал. А затем кто-то вспомнил, – а как там великий постник? Хозяин бросился к нему. Этот человек был на грани смерти, его пост продолжался девяносто дней. Девяносто дней – это предел продолжительности голодания для человека, если он здоров.

Хозяин спросил его: «Ты что, с ума сошел? После сорока

дней тебе следовало дать знать о себе, надо было кого-нибудь позвать».

Он сказал: «Есть две причины. Первая: я никогда не считаю дни. Вторая: мало-помалу я осознал, что на этот раз дело затянулось, но голодание стало привычкой. Теперь прием пищи создает для меня трудности. Поэтому, когда цирк переезжает из одного города в другой, мне приходится тяжело. Сорок дней я голодаю... а во время переезда цирка прием и переваривание пищи становятся для меня ужасной пыткой. Когда голодание затянулось, я почувствовал облегчение».

В отношении голода надо запомнить несколько вещей. Если вы голодаете, вы будете испытывать голод только первые три дня. Через три дня чувство голода начинает исчезать, так как у тела есть аварийное устройство: три дня оно ждет пищи – больше оно ждать не может. Через три дня оно начинает есть самое себя. Вот почему человек начинает терять вес.

Задавали ли вы себе вопрос: куда девается этот вес?

Пост – это своего рода каннибализм, самоедство. Наихудший вид каннибализма: съесть кого-то другого – это еще можно понять, но есть самого себя!

Но таковы были ваши святые. Все свои силы они употребляли на служение смерти, а не жизни.

Я хочу, чтобы мои саньясины были святыми с новым качеством – качеством, которое служит жизни, питает жизнь, утверждает жизнь, делает жизнь более прекрасной, приносит в жизнь больше цветов.

В прошлом медитация была жизнеотрицающей: отрекись от жизни и всего, ради чего стоит жить.

Для меня же медитация – это нечто как раз противоположное тому, чем она была до сих пор.

Медитация – это безмолвное сердце, умиротворенный ум, который может сделать жизнь более привлекательной, более богатой во всех отношениях.

Я не хочу, чтобы вы от чего-либо отрекались.

Я хочу, чтобы вы наслаждались всем, что вы делаете.

Ананд Йешвант, ты – музыкант. Пусть музыка будет твоей медитацией. Это и есть твоя религия – не ислам, не индуизм, не христианство. Твоя религия – музыка. Если кто-то танцор, тогда его религия – танец.

Возлюбленный Бхагаван,

почему каждому хочется притворяться тем, кем он не является? Что за психология скрыта за этим?

Нарендра, с самого раннего детства каждого человека осуждают.

Все, что он делает сам по себе, по своему желанию, оказывается неприемлемым. У людей, у толпы, в которой ребенку приходится расти, есть свои идеи и идеалы. Ребенку приходится приспосабливаться к этим идеям и идеалам. Ребенок беспомощен.

Задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что человеческое дитя – самый беспомощный детеныш во всем животном мире. Все животные могут выжить без поддержки родителей и стада, но человеческое дитя не может выжить, оно сразу же погибнет. Оно самое беспомощное существо в мире – такое нежное, такое беззащитное перед смертью.

Естественно, те, у кого сила, могут вылепить из ребенка все, что им угодно.

Поэтому каждый *против своей воли* становится тем, кем он является. Это и есть та психология, которая скрыта за тем фактом, что каждому хочется притворяться тем, кем он не является.

Каждый находится в шизофреническом состоянии. Ему никогда не позволяли быть самим собой, его заставляли быть кем-то другим, а его природа не дает ему примириться с этим.

Поэтому, когда ребенок вырастает и становится на собственные ноги, он начинает претендовать на то, что в действительности не является частью его существа. В этом безумном мире он сбивается с толку. Из него делают кого-то другого, а он не таков. И он знает это. Каждый знает это – его заставили стать врачом, инженером, политиком, преступником, нищим.

Вокруг полно всяких сил.

В Бомбее есть люди, которые занимаются тем, что похищают детей, делают из них калек, слепых, хромых и заставляют просить милостыню и каждый вечер отдавать все деньги, которые им удалось собрать за день. Да, им дают немного еды и место для ночлега. К ним относятся как к товару, а не как к человеческим существам. Это – крайний случай, но то же самое происходит с каждым, в большей или меньшей степени.

Никто не в ладу с самим собой.

Я слышал об одном очень известном хирурге, который решил удалиться от дел. Его ученики и коллеги устроили ему

торжественные проводы на пенсию – они все пили, танцевали и веселились, а он с печальным видом стоял в стороне.

Один из его друзей подошел к нему и спросил: «Что с тобой? Мы все веселимся, а ты стоишь здесь печальный – тебе не хочется уходить на пенсию? Тебе исполнилось семьдесят пять лет, ты должен был уйти на пенсию еще пятнадцать лет назад. Но ты такой великий хирург, что и сейчас никто не может сравниться с тобой. Теперь выходи на пенсию и отдыхай!»

Хирург сказал: «Вот над чем я задумался. Я чувствую печаль потому, что мои родители заставили меня стать хирургом. Я хотел быть певцом, мне так хотелось петь. Даже если бы я стал просто уличным певцом, я бы нашел самого себя. Теперь же я всемирно известный хирург, но я не нашел себя. Когда люди хвалят меня как хирурга, я слушаю так, как будто они хвалят кого-то другого. Я получал ученые степени, премии, но ничто не вызывало радости в моем сердце – ведь это не я. Занятие хирургией убило меня, уничтожило меня. Я хотел быть просто флейтистом, даже если бы мне пришлось собирать подаяние на улицах. Но я был бы счастлив».

В этом мире есть только одно счастье – быть самим собой.

И поскольку никто не является самим собой, каждый пытается как-то скрыть это – отсюда маски, притворство, лицемерие. Люди стыдятся того, кем они являются.

Мы сделали из мира рыночную площадь, а не прекрасный сад, в котором каждому дозволено производить на свет свои собственные цветы. Мы заставляем маргаритки производить на свет розы – откуда у маргариток возьмутся розы? Эти розы будут искусственными, и в глубине сердца маргаритки будут плакать и испытывать стыд: «Мы оказались недостаточно отважными, чтобы восстать против толпы. Она навязала нам искусственные цветы, а у нас есть наши собственные настоящие цветы, для которых и текут наши соки, – но мы не можем показать наши настоящие цветы».

Вас учат всему, но не учат быть самим собой. Это самая отвратительная форма общества, которая только возможна, ибо такое общество делает всех несчастными.

Я слышал еще об одном великом человеке, известном профессоре литературы, который решил оставить университет и уйти на покой. На торжественную церемонию собрались все университетские профессора, все его друзья – все веселились. Но внезапно они заметили: юбиляра нет среди них. Один из его

друзей, адвокат, вышел из дома и обнаружил его в саду. Что же он там делал? Он сидел под деревом.

Адвокат был его ближайшим другом, другом детства. Адвокат спросил: «Что ты здесь делаешь?» Тот ответил: «Что я делаю? Ты помнишь, как пятьдесят лет назад я сказал тебе, что хочу убить свою жену? А ты сказал: "Не делай этого, а не то получишь пятьдесят лет тюрьмы". Теперь я думаю, что если бы я не послушался тебя, то сегодня я уже вышел бы из тюрьмы и был бы свободен. Меня это так бесит, что появляется желание... почему бы мне не убить хотя бы *тебя*? Сейчас мне семьдесят пять лет. Даже если меня приговорят к пятидесяти годам тюремного заключения, они не смогут продержать меня там весь этот срок. Лет через пять-шесть я умру. А ты не был мне другом, ты оказался моим злейшим врагом!»

Быть тем, кем вы не хотите быть, жить с тем, с кем вы не хотите жить, делать то, чего вы не хотите делать, – вот основа всех ваших несчастий.

С одной стороны, обществу удалось сделать всех несчастными, а с другой – то же самое общество ожидает от вас, что вы не будете показывать свое несчастье – по крайней мере не на людях, не открыто. Ваше несчастье – это ваше личное дело.

Несчастными вас делает общество, на самом деле это – общественное, а не личное дело. Та же самая толпа, которая создала все причины вашего несчастья, в конце концов говорит вам: «Несчастье – это твое личное дело; на людях ты должен улыбаться, не показывать свое несчастье другим».

И это они называют этикетом, хорошими манерами, культурой. По сути же это – лицемерие.

И пока человек не решит: «Чего бы это ни стоило, я хочу быть просто самим собой. Пусть меня осуждают, не принимают, пусть я потеряю респектабельность, но я не могут больше притворяться кем-то другим...» Это решение и это заявление о свободе от гнета толпы дают рождение вашему естественному существу, вашей индивидуальности.

Тогда вам не нужны никакие маски. Тогда вы можете быть просто самим собой – таким, какой вы есть.

И как только вы сможете быть просто таким, какой вы есть, воцарится великий покой, который превосходит понимание.

Возлюбленный Бхагаван,

не могли бы Вы объяснить разницу между доверием к Существованию и фатализмом?

Разиица между доверием и фатализмом очеиь тоикая. На поверхиости кажется, что они озиачают одно и то же, ио в действительиости это – две диаметральио протнвоположные вещи.

Вера в судьбу – это утешеиие. Вы бедны и видите, что другие становятся все богаче и богаче, – иеобходимо как-то утешиться. Вы делаете все, что в ваших силах, и делаете это честно, без обмана, по закоиам морали. Вы ннкогда не используете иеправедные средства, но тем не менее остаетесь неудачииком. И вы видите, что другие ведут себя иечестно, хнтрят, обманывают, совершают преступлеиия, используют всевозможиые неправедиые средства – и преуспевают, стаиовятся богаче, достигают властн, престнжа. Как это объяснить?

Вопрос ие нов. С самого иачала человечество ломает над этим голову. И пришлось создать себе в утешеиие иекую идею. Судьба, рок, кисмет, предопределение, Бог – все записано в линиях на вашей руке, в линнях на вашем лбу; все предопределеио еще до вашего рождения, вы ничего не можете поделать.

Силы, которые определяют вашу судьбу, слишком велнки. Вы обречены на иеудачу; лучше уж прииять неудачу как свою судьбу. Если все свалнть на судьбу, то бывает не так больио; это дает утешение. Тогда в неудаче нет вашей вины – что вы можете сделать против звезд? Вы же не можете выбирать год, деиь и час своего рождения.

Вы приходите в мир точно так же, как актер выходит на сцеиу с готовой ролью. Он ничего не может изменнть.

Время от времени актеры все-таки могут что-то изменить, ведь спектакль есть спектакль...

Я слышал, что в одной деревне... Каждый год в это время по всей Индии, в каждой деревне, разыгрывается спектакль из жнзни Рамы, индуистского бога. И в начале... это совсем как в любом кинофильме: треугольник – одна женщина и двое влюбленных в нее мужчин. Женщина – Сита, а Рама и Равана – двое влюбленных в нее мужчин. Рама – прекрасный юноша. Раваиа обладает огромной силой.

В те времена царские дочери имели право пользоваться любыми уловками для выбора себе мужа. Сита пожелала... в ее семье хранился лук, который когда-то принадлежал богу Шиве. Это был такой большой и тяжелый лук, что даже

велнкому силачу было иелегко подиять его. Снта поставила условие: ее мужем будет тот, кто сможет подиять лук... и не только поднять, но и сломать его голыми руками. А лук был стальиой.

Сотии парией, великих силачей, лучииков... Рама тоже был среди ннх. Но никто ие воспрнннмал его всерьез, он был слншком молод.

Все боялись, что победит Раваиа – грозиый десятнголовый гигант. Все были обеспокоены – отец н родственникн Снты боялись, что она попадет в лапы этого ндиота. Ее надо было как-то спасать.

Итак, претеиденты один за другим подходили к луку – н они не могли даже сдвннуть лук с места, а о том, чтобы поднять его, не могло быть и речи; они все вызывали только насмешки...

Но как раз перед тем как подошла очередь Раваны, прибежал какой-то человек... это была уловка, чтобы заставить Равану вернуться в свое царство. Ои был царем Шрн-Ланки. И тот человек закрнчал: «Что ты здесь делаешь? Шри-Лаика горнт! Все твое царство охвачено огнем!»

Мысли о женитьбе иа Сите тут же вылетели у Раваны из головы. Он умчался, чтобы выяснить, что же пронсходит в его царстве. Это была вероломная стратегия: на самом деле на Шри-Ланке все было в полиом порядке. Но к тому времени, когда Равана вериулся, Рама уже сломал лук, жеинлся на Сите и уехал с ней.

Это был заговор, н Равана не мог этого простнть. Он отправнлся на поиски Ситы, чтобы завладеть ею. В конце концов он похитнл ее и три года держал в заточенни. Вот так разворачнвается эта история.

Каждый год эту нсторию разыгрывают во всех деревнях Индин.

В одиой деревне человек, который играл роль Раваны, был действительно влюблеи в девушку, игравшую роль Снты. Но они прииадлежали к разиым кастам, жеиитьба была иевозможна.

Это происходило каждый год: как только подходила очередь Раваиы, раздавался крик: «Шри-Лаика горит!»

И вот этот человек решился – ибо только в пьесе он мог жениться иа любимой. Оии были из разиых каст, а в Иидии нельзя жениться на девушке из другой касты. Человек, игравший Раваиу, был из иизшей касты, а девушка была из касты брамииов. На этот раз ои решил что-то предприиять.

Прибежал человек и закричал: «Шри-Ланка горит!»

Равана сказал: «Ну и пусть! На этот раз я останусь здесь!» Все засмеялись, никто не мог поверить своим ушам.

Суфлер из-за занавеса делал ему знаки: «Что ты делаешь?»

А он сказал: «В этом году я женюсь на Сите!» И он подошел к луку, – а это был обыкновенный лук, все только притворялись, что он такой тяжелый, что никто не мог поднять его; лук был из обыкновенного бамбука. Он поднял лук, показал его публике, сломал и бросил обломки на землю, затем он обратился к отцу Ситы: «Приведи свою дочь! Все, достаточно, с этой историей покончено!»

Даже те, кто заснул во время представления, проснулись: «Что случилось? Что-то новое!» Режиссер не знал, что делать. На мгновение воцарилась тишина.

И Равана закричал: «Где Сита? Выполняй обещание!»

И никто не мог сказать ему: «Ты не следуешь той роли, которая была поручена тебе», – ведь нельзя же говорить такое перед публикой.

Но царь – отец Ситы – был весьма мудрым человеком. Он сказал своим слугам: «Идиоты, это же не лук Шивы, этим луком играют мои дети. Унесите его. Принесите настоящий лук».

Слуги подобрали обломки. Опустился занавес, и все набросились на Равану: «Ты, идиот, срываешь все представление!»

Тот сказал: «На этот раз я не отступлюсь!»

Пришлось вызвать полицию, и Равану увезли в полицейский участок.

В спектакле еще можно что-то изменить. Но в жизни вы не знаете, что именно предначертано вам роком, поэтому приходится принимать все, что происходит с вами: «Должно быть, такова моя судьба!»

Вера в судьбу – это просто утешение, мы не можем признать нашу неудачу неудачей.

И мы не можем признать нашу неудачу еще по одной причине – ибо это означало бы подрыв всех наших моральных устоев: «Мы были честны, мы были моральны, мы следовали правилам – и все же мы потерпели неудачу. А другой человек лжет, обманывает, нарушает моральные нормы, совершает преступления – и он добился успеха».

Вся система морали учит нас, что побеждают непременно правда, моральность и честность. Но в жизни мы видим, что

все честные люди проигрывают, а выигрывают аморальные люди. Хитрые и коварные приходят к власти. А простых и невинных подавляют. Поставлена на карту вся наша система ценностей.

Поэтому жрецам и пророкам было необходимо найти способ, благодаря которому ваша неудача не была бы вашей неудачей: «Вы бессильны, это предначертано вам судьбой. Ваша неудача не следствие вашей моральности, искренности и честности. А успех того человека не следствие его аморальности, нечестности и хитрости – просто такова его судьба. Что же касается судьбы, то ничто не может изменить ее – ни честность, ни нечестность. Да, благодаря вашей честности, у вас будет более счастливая судьба в вашей будущей жизни, а у того человека из-за того, что он был нечестным, судьба в его будущей жизни будет более горькой.

Вот так и получилось прекрасное утешение... и прекрасная защита – рациональная – для нашей системы морали.

Но все это – надувательство.

Правда в том, что человек достигает успеха благодаря нечестности, а не благодаря судьбе. Успех достигается благодаря аморальности, успех достигается благодаря неразборчивости в средствах.

Существование дарит вам жизнь как *tabuia rasa*, чистый лист бумаги. Никакой судьбы вам не предначертано; нет никакого рока, заставляющего вас делать то, что предопределено.

Существование – это свобода. Судьба – рабство.

Свобода означает, что вам надо самому решать, что будет происходить.

Судьба – это гипотеза, придуманная мошенниками.

Но доверие – это нечто совершенно иное.

Доверие – не фатализм. Доверие просто означает: «Что бы ни случилось, я – часть Существования, и Существование не может быть намеренно враждебным ко мне. Если иногда кажется, что оно враждебно, то это, должно быть, из-за того, что я что-то недопонимаю».

Я люблю вспоминать суфийского мастера Джунайда. Он был учителем Мансура аль-Халладжа. У него была такая привычка: после каждой молитвы... а мусульмане молятся пять раз в день. После каждой молитвы он говорил, обращаясь к небу: «Велико твое сострадание! Как прекрасно ты заботишься о нас, а мы этого не заслуживаем! У меня даже нет слов, чтобы выразить мою благодарность, но я надеюсь, что ты поймешь невыразимую благодарность моего сердца».

Однажды Джунайд и его ученики совершили паломничество, и случилось так, что три дня они проходили через деревни, где ортодоксальные мусульмане не позволяли им останавливаться на ночлег, а о том, чтобы получить у них еду и воду, и речи не могло быть.

Три дня без еды, без воды, без сна – они очень устали, выбились из сил... У учеников не укладывалось в голове, что и теперь их мастер Джунайд по-прежнему продолжает говорить то же самое после каждой молитвы. Раньше это еще можно было понять, – но он и теперь продолжал говорить: «Ты велик, ты сострадателен, и у меня нет слов, чтобы выразить мою благодарность».

На третий день вечером, когда он завершил свою молитву, его ученики сказали: «Сейчас пришло время для объяснений. Три дня мы голодаем, у нас не было воды, мы не спали, нас постоянно оскорбляли, нас не пускали на ночлег. По крайней мере сегодня вам не следовало бы говорить: "Ты велик, ты сострадателен". За *что* вы благодарите?»

Джунайд рассмеялся. Он сказал: «Мое доверие к Существованию безусловно. Дело обстоит не так, что я благодарен потому, что Существование обеспечивает мне то-то и то-то. Я есть – этого достаточно. Существование принимает меня – *этого* достаточно. Я не заслужил и этого. Более того, эти три дня были потрясающе прекрасны, ибо у меня была возможность понаблюдать, возникнет ли во мне гнев, и гнев не возник... стану ли я чувствовать, что Бог оставил меня, и эта идея не возникла. В моем отношении к Существованию не произошло перемены. Моя благодарность осталась неизменной, и это наполнило меня еще большей благодарностью. Это было испытание огнем, и я вышел из него необожженным. Чего же еще вы хотите? Я буду доверять Существованию в моей жизни и буду доверять Существованию в моей смерти. Такова история моей любви. Дело не в том, что кто-то богат, а кто-то беден... кто-то преуспевает, а кого-то преследуют неудачи. Другие тут ни при чем. Это мой личный, интимный контакт с реальностью. И в этом великая гармония. Я чувствую себя дома».

Доверие – это результат глубокой медитации.

Вера в судьбу – это результат ваших неудач и утешения ума.

Они совершенно различны.

Возлюбленный Бхагаван,
почему мне так нравится критиковать людей и жаловаться на жизнь?

Это всем нравится.

Критиковать людей, жаловаться на людей – это дает тебе хорошее самочувствие. Критикуя других, ты чувствуешь, что ты выше; жалуясь на других, ты чувствуешь, что ты лучше. Это очень большое удовлетворение для эго.

И я говорю, что почти каждый делает это.

Некоторые люди делают это открыто, некоторые люди делают это про себя, но наслаждение – одно и то же.

Лишь изредка встречаются люди, которые не критикуют и не жалуются, – это люди, которые отбросили свое эго. Ведь тогда нет смысла критиковать и жаловаться – зачем вам беспокоиться об этом? Это не ваше дело, это вам больше ничего не дает. Это было поддержкой и питанием для эго.

Поэтому я делаю упор на отказе от эго. Отбросив эго, вы обнаружите, что почти весь мир исчезает. Весь мир, который был сплетен вокруг эго, полностью отпадает, и вы начинаете видеть людей в новом свете. Возможно, тот же самый человек, которого вы критиковали, в такой же ситуации вызовет у вас не критику, а чувство сострадания к нему, любовь, глубокое желание помочь. Тот же самый человек и та же самая ситуация, – но теперь у вас иное видение, вы видите вещи по-иному. Может быть, вы увидите, что на его месте в такой же ситуации вы бы действовали таким же образом и здесь не на что жаловаться.

Ваше видение станет более человеческим, более дружелюбным... глубокое приятие людей такими, какие они есть.

Вы знаете только какую-то часть их жизни, вы не знаете всю их жизнь. И нехорошо на основании маленького фрагмента судить обо всем человеке. Этот маленький фрагмент может быть абсолютно уместным и подходящим во всем контексте.

Но ситуация такова, что критиковать очень легко, для этого не надо большого ума.

Я часто пересказываю рассказ Тургенева *Дурак*.

В одной деревне жил юноша, который очень тяжело переживал то, что вся деревня считала его идиотом.

Через деревню проходил некий мудрый человек, и юноша обратился к нему за советом. Он сказал: «Помоги мне! Целый день меня ругают; что бы я ни делал, меня ругают. Если я

ничего не делаю, меня ругают. Если я говорю, меня ругают. Если я молчу, меня ругают. Я не знаю, как мне быть».

Мудрец сказал: «Не беспокойся...» Он прошептал ему на ухо некий секрет и сказал: «Через месяц я вернусь. Мы встретимся, и ты расскажешь, как идут твои дела».

Юноша отправился на рынок и стал работать по формуле, которую ему сообщил мудрец.

Кто-то сказал: «Какой прекрасный закат!»

А юноша сказал: «Что в нем прекрасного? Докажи, что закат прекрасен!»

Человек, который сказал, что закат был прекрасен, был поражен. Закат действительно был прекрасен, но как это доказать? Есть ли вообще какие-либо доказательства этому? Вы знаете, что такое красота? Каждый знает, но никто не может доказать ее.

Тот человек промолчал. Все засмеялись и стали говорить: «Странно! Мы думали, что этот парень – идиот. А он большой разумник».

Формула, которую ему дал старик, была такова: критиковать все, просто ходить по деревне и каждый раз, когда кто-то что-нибудь скажет или сделает, критиковать это. И особенно критиковать те вещи, которые воспринимаются как нечто само собой разумеющееся и не вызывают вопросов. Кто-то употребляет слово «Бог» – надо сразу же вцепиться в него: «Где Бог? Что за чушь ты несешь?» Кто-то говорит о любви – надо насесть на него: «Что такое любовь? Где она, любовь? Покажи ее всем!»

Если человек отвечал: «Любовь пребывает в сердце», юноша говорил: «Нет, в сердце ничего нет. Можешь пойти и спросить у любого хирурга – в сердце нет ничего похожего на любовь. Есть только система кровообращения, которая перекачивает кровь и очищает ее. Какое отношение это имеет к любви?»

Через месяц старик вернулся. К тому времени идиот стал мудрецом. Он поклонился старику в ноги и сказал: «Ты великий мудрец! Этот прием сработал, теперь вся деревня считает меня мудрым человеком».

Старик сказал: «Запомни только одно: ничего не утверждай со своей стороны, чтобы никто не мог критиковать тебя. Пусть другие что-то утверждают, а ты только критикуй. И всегда будь агрессивным, никогда не защищайся. Не занимай оборонительную позицию. Атакуй, будь агрессивным, критикуй всех и каждого, и они будут поклоняться тебе!»

И идиот стал мудрецом.

Чтобы критиковать или жаловаться, нет необходимости быть очень разумным. И без особых хлопот можно стать мудрецом, можно прослыть очень разумиым.

Однн из моих профессоров... Он преподавал логику. Через несколько дней я обнаружил, что если я упоминал иазванне несуществующей книги вымышленного мной автора, он сразу же начннал критнковать ее: «Я читал эту киигу, в ней ничего нет».

Я пошел к ректору и все ему рассказал. Я сказал: «Это же чистый обман. Сперва он критиковал людей, действительно напнсавших кннгн. И видя его позицию – что ои критикует всех, – я заподозрнл, что ои не читал их, а просто пытается выдавать себя за эрудированного, мудрого человека. Поэтому я подбросил ему несколько вымышленных мною названий, а он стал критиковать и их тоже. Он сказал: "В этих книгах нет ннчего нитересного. Их авторы ничего не знают". А этих авторов вообще не существует. Этих книг не существует!»

Ректор сказал: «Это странно. Я думал, что он ответственный человек».

Я сказал: «Вызовите его, а я зайду сюда как бы случайно». Я написал на листке бумагн три или четыре названия кннг, которые ннкогда ие существовали и не будут существовать.

Я отдал листок ректору и сказал: «Я зайду, когда ои будет здесь, н мы побеседуем. А вы как бы между прочнм упомяните эти назваиия и посмотрите, какой будет его реакция».

Ректор так и сделал; как только он упомянул эти назваиия, профессор сказал: «Не тратьте поиапрасну время. Это посредственные авторы, в их книгах нет ннчего оригинального».

Ректор не мог поверить своим ушам. Он сказал: «А вы знаете, что этих четырех книг вообще ие существует? И этнх четырех авторов тоже ннкогда не существовало. Зачем вы крнтнкуете их?»

В прнсутствнн ректора профессор перепугался. Он сказал: «Никогда не существовали? Как же это у меня возннкла ндея, что...»

Я сказал: «Не пытайтесь одурачить нас, ведь я спрашивал н о других несуществующих книгах. Это было всего лишь доказательством. Я хотел показать ректору, что преподаватель по крайней мере должен быть искреннмм и прнзнавать, что он не читал какой-то кннги».

Я сказал ректору: «На какое уваженне с иашей стороны

рассчитывает этот человек? Мне кажется, что он вообще ничего не читал, он просто прочитал рассказ Тургенева *Дурак*.

У меня была с собой книга Тургенева, и я прочитал этот рассказ ректору.

И я сказал: «Этот человек действует, как тот идиот из рассказа. Вам следует заставить его осознать, что если подобное случится еще раз, мы объявим ему бойкот. Или он должен будет найти книгу и доказать... Он же никогда не ходит в библиотеку!»

Прежде чем пойти к ректору, я навел справки в библиотеке. Этот профессор никогда там не был. На его имя, – а он проработал в университете около десяти лет, – не было выдано ни одной книги. И этот человек был готов критиковать кого угодно.

Я сказал: «Мудрый человек, разумный человек всегда скромен».

Твой вопрос о том, почему мы так любим критиковать и жаловаться, очень прост. Психологические причины этого заключаются в том, что это – самый простой, самый дешевый способ доказать, что ты какой-то особенный, что ты знаешь больше других. Но на самом деле ты просто доказываешь, что ты – идиот из рассказа Тургенева, и ничего больше.

В мире мудрости надо быть скромным.

Прежде чем критиковать кого-то, надо рассмотреть факт со всех сторон, под всеми углами, со всех точек зрения, и ты будешь удивлен: критиковать-то особенно нечего и жаловаться в общем-то не на что. И если ты будешь уделять должное внимание, то твою критику будут воспринимать с благодарностью, ибо критикуешь не для того, чтобы удовлетворить свое эго, а только для того, чтобы помочь другому человеку на его пути. Но для этого ты должен проделать большую работу.

Один из моих преподавателей написал докторскую диссертацию о Шанкаре и Брэдли. Я сказал ему: «Я прочитал вашу диссертацию, но прежде чем сказать что-либо о ней, я хочу изучить все, что связано с Шанкарой и Брэдли».

Он сказал: «Это странно. Я давал свою диссертацию многим профессорам, и все они высказали свое мнение о ней».

Я сказал: «Я не могу так запросто высказать вам мое мнение. Я изучу все источники, с которыми вы работали». И мне потребовалось почти полгода, чтобы изучить Шанкару и Брэдли.

Когда я высказал ему свое мнение, он сказал: «Боже мой! Хорошо, что ты не входишь в ученый совет, иначе я никогда

бы не получнл докторской степени. Я работал над диссертацней шесть лет, а ты за шесть месяцев изучнл все первонсточннкн, к которым я обращался. Ты изучнл н другне источинки, о которых я даже не слышал...»

Я сказал: «Ваша диссертацня – плод незрелого ума, она написана днлетантом. Шанкара и Брэдлн – это два очень зрелых философа Востока н Запада. Вы не воздалн должного этим двум гениям. Вы проделалн канцелярскую работу. Вы просмотрелн несколько кннг Шанкары, несколько книг Брэдли, вырвали несколько кусков отсюда и оттуда – и днссертацня готова. В вашей днссертации нет ии одной орнгннальной мысли. А еслн в диссертацни иет нн одной оригииальной мыслн, за нее нельзя присуждать докторскую степеиь; самое большее, ее можно счнтать хорошнм эссе. Вы можете опублнковать ее как книгу, но не выдвнгать на сонсканне докторской степеин».

Но он был скромным человеком, он прннял мою кртнтику. Он сказал: «Ты прав. Я сам чувствовал, что не воздаю им должное. Шести лет было недостаточно для того, чтобы охватить всю жнзнь Шаикары и всю жизнь Брэдли. Эти двое – высочайшие вершины человеческого гения, шести лет недостаточно. Но ннкто не указал мне на это, даже члены ученого совета. Онн не сделалн этого потому, что для этого иадо было бы прочитать диссертацию, глубоко изучить весь этот вопрос. А кому это надо? Может быть, члены учеиого совета сами даже не заглядывалн в мою диссертацию, а далн ее на рецензирование кому-ннбудь нз своих студентов».

Ннкто не заинтересован в том, чтобы хвалнть кого-то, находить те качества, которые есть у каждого... Никто не хочет помогать этнм качествам расти; каждый бонтся: если другне будут растн, то что же будет с ним самнм? Каждого заботит только то, чтобы его эго продолжало становнться все снльнее, н самый лучший способ – это крнтиковать всех, на все жаловаться, быть отрнцающнм, сделать отрицание своим единственным подходом ко всему. А для этого ие надо быть разумным, любой ндиот может делать это.

Чтобы критнковать по-иастоящему, иадо быть очень сострадательным, очень любящим. И надо быть готовым отдавать этому время, энергию н свои умственные силы. Тогда это не крнтнканство, в этом нет ничего враждебного, антагоннстического; это просто дружеский совет, сочувственный подход.

Здесь каждый должен научиться быть сочувствующнм.

Ваша медитация должна помогать вам оценивать людей по достоинству, а не критиковать их. И если вы достаточно разумны, вы сможете оценивать все таким образом, что все, что вы хотите подвергнуть критике, будет понято без слов.

Возлюбленный Бхагаван,
будда во мне осуждает зорбу, а зорба завидует будде. Как могут эти двое возлюбленных во мне стать друзьями?

Пусть они еще один денек повоюют. Завтра мы с этим разберемся!

Беседа 20

ВСЕПРИЯТИЕ... ЛЕКАРСТВО ОТ СТРЕМЛЕНИЯ ЧЕМ-ТО СТАТЬ

22 октября 1986 г., Бомбей

Сперва я должеи ответнть на вопрос, который получнл вчера.

Этот вопрос важеи.

Я ннкогда ие откладываю вопрос, нбо иикогда ие знаешь, что случится завтра. Может быть, я буду здесь, чтобы ответнть на него, а может – нет. Может быть, вы будете здесь, чтобы выслушать ответ, а может – иет.

Но мие пришлось отложить этот вопрос, поскольку ои был важиым, а время было уже девять трндцать.

Я ие люблю делать работу плохо, поэтому я пошел на риск. Я понадеялся на лучшее, – что мы встретимся иа следующий день, – и случайно так н получилось.

Человек, задавший этот вопрос, говорнт, что в его лнчностн будда и зорба находятся в постоянном конфликте.

Вся моя философия направлеиа иа то, чтобы установить гармоническое единство между буддой и зорбой в каждом человеческом существе. Но спрашивающнй задает свой вопрос, исходя только от ума.

На самом же деле, в действительном пережнваннн, будда и зорба ннкогда не могут быть в конфликте. Это надо подчеркиуть – ибо в действительности зорба полиостью погружеи в сои, он ничего не знает о будде, а с тем, чего не знаешь, бороться иельзя. Зорба даже не подозревает, что в жизнн есть иечто большее, чем просто есть, пнть н веселиться.

Это – вся его жизненная философня, за ней больше ннчего нет. Как ои может быть в конфликте с буддой? Чтобы быть коифликту, иеобходимо одновременное присутствие обоих. Это же простая арнфметика.

Если в тебе просиулся будда, если это пробуждеиие случилось в тебе, то зорба исчезает.

Это все равно, что раньше ты спал, а сейчас – бодрствуешь. Когда ты бодрствуешь, сна больше нет. Зорба – это нмя твоего духовиого сиа. Будда н зорба ие могут сосуществовать. Как только ты стаиовнться сознательиым, бдительным, бодрствующим, тьма бессознательного исчезает. Лнбо есть зорба, а будда спит... Когда есть зорба, будда – это всего лншь семя...

это то, чего еще нет. Когда же будда расцветает, зорба исчезает, точно так же, как исчезает тьма, когда вносят свет.

Тьма и свет не могут существовать одновременно.

Мне всегда нравилась одна древняя история.

Бог сотворил мир, и с того дня солнце стало преследовать тьму. И тьма не могла понять: она же не причинила солнцу никакого вреда, она даже никогда не разговаривала с солнцем, они даже не встречались – и тем не менее солнце постоянно преследует ее и не дает ей покоя.

Через миллионы лет постоянного беспокойства тьме в конце концов все это надоело и она обратилась к Богу: «С моей стороны было бы неблагодарностью жаловаться, но всему же есть предел. Миллионы лет солнце не дает мне покоя, а я даже представить себе не могу, что плохого я сделала. Солнце гонит меня отовсюду. Даже отдохнуть спокойно невозможно – вот-вот появится солнце, близится рассвет. Я не спала миллионы лет – тревога не дает мне заснуть. Солнце устроило мне почти непрерывную пытку, и без всяких на то оснований. Я просто хочу знать: что дурного я сделала?»

Бог сказала: «Тебе следовало бы прийти раньше. Не было нужды ждать так долго. Это очень неблагородно со стороны солнца. Позвать сюда солнце!»

Послали за солнцем. Солнце спросило у посланника: «В чем дело? Ведь я никогда не делало ничего дурного. Я просто продолжаю ходить каждый день по одному и тому же маршруту. С тех пор как Бог сотворил меня, я не делаю ничего другого».

Но посланник сказал: «Бог в великом гневе. Ты совсем замучило эту бедную женщину – тьму».

Солнце сказало: «Боже! Да я никогда не слыхало о ней. Я ее никогда не встречало. Меня женщины вообще не интересуют – я от рождения такое. Я пойду, я хочу посмотреть, кто такая эта женщина».

Но когда солнце приблизилось к дому Бога, тьма исчезла.

Бог сказал: «Куда девалась эта женщина?» Стали повсюду искать, но тьму не нашли.

Прошли еще миллионы лет, и однажды эта женщина снова появилась перед Богом и сказала: «Ты так ничего и не сделал; все продолжается по-прежнему, та же самая пытка».

Бог сказал: «Ты ведешь себя странно. Когда солнце пришло сюда, куда ты подевалась?»

Она сказала: «Ты рассуждаешь, как какой-нибудь про-

стак. Если солнце здесь, я не могу быть здесь; если я здесь, оно не может быть здесь. Мы не переносим друг друга. Тебе придется выслушать нас по отдельности, а затем принять решение».

Бог сказал: «Это не в моих правилах. Вы оба должны присутствовать здесь, чтобы я мог удостовериться, что никто из вас не лжет».

Женщина сказала: «Тогда я лучше заберу свою жалобу назад».

С тех пор эта женщина больше не появлялась. Солнце же время от времени приходило к Богу, чтобы спросить: «Что случилось с той женщиной? Я хочу, чтобы это дело прояснилось до конца. Меня беспокоит то, что я, может быть, причиняю кому-то вред, само того не зная».

И однажды Бог сказал: «Тебе не надо беспокоиться. Эта проблема не может быть решена. Я не могу принять какое-то решение, пока вы вдвоем не предстанете перед моим судом и я не выслушаю обе стороны в присутствии друг друга. Но в силу самой природы вещей вы не можете предстать передо мной одновременно. Та женщина – это твое отсутствие. Оставь свои тревоги. Ты отлично справляешься со своим делом, и эта женщина больше не будет подавать на тебя жалобу. Это дело закрыто».

Точно так же обстоит дело с зорбой и буддой.

Как только приходит будда со всем своим светом и красотой, со всей своей осознанностью, со всей своей радостью – зорба исчезает, растворяется. Конфликт невозможен.

Конфликт возможен только в твоем уме.

Ты слушал меня, поэтому ты создал себе концепцию зорбы и концепцию будды, но ты не жил зорбой и не жил буддой. Это всего лишь слова в твоем уме.

Тогда конфликт возникает очень легко, тогда ты можешь продолжать вести спор в своем уме: «Как же могут зорба и будда стать единым целым? Они же так антагонистичны, они – враги, гармония невозможна».

Да, в уме она невозможна.

Вот почему я постоянно говорю вам, что надо выйти за пределы ума – туда, где гармония возможна... и не только возможна, она уже есть.

За пределами ума зорба *есть* будда, нет никакой линии раздела. И все, что есть прекрасного у зорбы, с приходом будды становится еще более прекрасным – все становится в тысячу

раз более великолепным. А все, что в зорбе есть дурного и отвратительного, исчезает, как тьма. То, что можно усвоить, усваивается, а то, чего усваивать не стоит, растворяется.

Но не делай из этого умственную проблему.

Мой подход не от ума, мой подход от медитации. Это – экзистенциальный подход.

Зорба любит петь, играть на музыкальных инструментах, танцевать.

Будда сделает все это совершенным, абсолютным. Даже тишина станет песней, даже камни станут проповедями и все, чего ты будешь касаться, будет становиться музыкальным инструментом, ибо теперь в руках твоих будет магия всего Существования – в них будет грация, красота, поэзия...

Твоя жизнь будет не борьбой между зорбой и буддой, а любовью – настолько глубокой, что двое возлюбленных исчезнут друг в друге, чтобы никогда больше не разлучаться. Этот союз, эта гармония, это согласие будет вечным.

Но не связывайся с умом.

Ум знает только конфликт. Даже там, где нет никакого конфликта, ум его создает; даже там, где нет никакой проблемы, ум ее создает.

Ум не может существовать без проблем, проблемы – это пища для ума. Конфликт, борьба, дисгармония – и ум чувствует себя отлично. Тишина, гармония – и уму становится не по себе, ибо гармония, тишина и покой есть не что иное, как смерть для ума.

Поэтому просто выкинь из головы свою проблему. Начинай жить. А со мной это легко, ибо я не призываю тебя отречься от зорбы, я призываю тебя жить зорбой в полную силу. Нечего бояться. Только надо добавить одну вещь – медитацию.

Медитация – это мост между зорбой и буддой. Как только мост будет завершен и по нему снизойдет будда, в твоем зорбе произойдет огромная перемена – все уродливое исчезнет, а все прекрасное станет неизмеримо более прекрасным.

Зорба ничего не потеряет. Без будды зорба – это всего лишь мирское существование. Без зорбы у будды нет корней – только цветы. Но как долго могут цветы прожить без корней? Корни некрасивы, вот почему они остаются скрытыми под землей, – но они есть источник жизни. Прекрасные цветы не могут существовать без уродливых корней под землей: эти корни питают их, дают им жизнь.

И это чудо происходит повсюду. Но мы так слепы, что не видим его.

Когда ты видишь розу, ты не видишь, что в этой розе скрыта вся философия жизни – ни листья, ни шипы, ни корни не являются красными. И все же из этой зеленой листвы появляется чудесная красная роза. Она получает питание отовсюду: из корней, из листьев – так как листья постоянно дышат, иначе роза погибла бы. Стебли постоянно совершают чудо – поднимают сок и воду из глубины земли вверх, против гравитации. И нет никакой насосиой системы.

Сначала ученые были озадачены тем, как деревья высотой в сто пятьдесят футов умудряются сохранять свои листья зелеными – сочная зелеиь на высоте ста пятидесяти футов. Вода поднимается против гравитации без какого-либо видимого механизма.

Чудеса происходят повсюду, иадо только иметь чувствительное сердце, восприимчивый глаз – и ты увидишь, что материя и дух повсюду таицуют вместе.

Зорба и будда неразделимы. Есть только одна возможность: будда может спать, тогда зорбе приходится вести мирскую жизнь. Или, под дуриым влиянием прошлого, ты можешь отречься от своего тела, стать разрушителем по отношению к собствениому телу и попытаться достичь иевозможного – жить как будда, не имея ничего общего с зорбой.

Тысячи святых поступали так, но ты не найдешь в их жизни цветущих роз, ты ие найдешь в их жизни сочной зелени Существования, ты ие найдешь в их жизни танцев и песеи. Они – живые мертвецы.

Я сражаюсь против всего этого прошлого.

Я хочу, чтобы ты был зорбой и буддой одиовременно; тогда все, что есть у зорбы уродливого, исчезнет само по себе – тебе ие иадо отрекаться от иего. А все прекрасиое будет усвоено в иовом сознании, в новом пробуждении.

Но не делай из этого умственную проблему.

Возлюбленный Бхагаван,

до того как в 1980 году я встретил Вас и принял санньясу, я достигал всех целей, которые ставил перед собой. Но с тех пор я отдыхаю на платформе, ожидая свистка подходящего поезда. Расслабление и ожидание дошли до такой степени, что иногда во время Ваших бесед я вздрагиваю от звука собственного

храпа, и мне кажется, что поезд пришел, – но поезд никогда не приходит.

Возлюбленный Учитель, что дальше?

Сурадж Пракаш, научись храпеть тотально.

Это плохо, что твой собственный храп будит тебя. Храпи по-настоящему – чтобы твой храп будил всех, но не тебя.

Храп – это искусство.

А что касается платформы, то ты находишься не на платформе. Ты спишь в поезде. Так что нет нужды беспокоиться. Поезд уносит тебя, вот почему ты не слышишь свистков прибывающих поездов. Храпи в полную силу, спи крепко, поезд мчится быстро.

Это одна из проблем для тех, кто всегда достигает поставленных целей, – любая цель им по плечу.

Но просветление – это не цель.

Бог – это не достижение.

Бог – это сама твоя реальность.

Все, что тебе нужно, – это полностью расслабиться.

Вот почему я говорю, что тебе надо храпеть в полную силу. Это постоянное вскакивание и высматривание поезда – пришел он или нет – без нужды нарушает твой сон, нарушает твое расслабление.

Мои саньясины не ориентированы на какую-то цель.

Весь мой подход – это подход раскрепощения, это не подход усилия. Надо просто расслабиться и наслаждаться. Даже во время беседы не запрещено спать и храпеть.

Только храпи немного более музыкально, чтобы все могли наслаждаться твоим храпом.

Ты ничего не хочешь делать – так не спрашивай, что дальше. Тебе надо просто расслабиться настолько тотально, чтобы ты мог почувствовать свое существо в его абсолютном великолепии, блаженстве и благословении.

Я говорю тебе, что ты уже пребываешь там, где тебе хочется быть, ты уже есть то, чем ты думаешь стать.

Стремление стать чем-то – это болезнь.

Ты – существо. Тебе ничем другим становиться не надо. Но поскольку всю свою жизнь ты упорно работал, достигая всего, чего ты хотел, то по старой привычке ты и из медитации делаешь усилие, из просветления – цель, из Бога – нечто далекое.

Почему в этом огромном мире так много людей все время упускают?

И почему лншь очень немногие людн постигают истину, красоту и блаженство? Причнна проста: все думают в терминах целей. А те, кто думает в терминах целей, непременно терпят неудачу – ибо это не цель. Это уже внутри тебя. Поэтому, чем больше ты бежишь, чтобы достичь этого, тем больше ты от этого удаляешься.

Прийти к самому себе – это не путешествие, это просто отказ от всех усилий, от всех целей, от всего становления. Просто начинай наслаждаться, где бы ты ни был и что бы ты ни делал. Это самая простая вещь, но она кажется очень трудной, так как нас научнли стремиться к целям.

Тебе ничего не надо делать.

Все, что тебе нужно, – это безмолвно сндеть, нничего не делая... приходит весна, н трава растет сама по себе.

Естественно, трава нникогда не дает тебе ннкакнх свнстков – она просто растет; это – не железнодорожная станция.

И трава *действительно* растет.

Но если ты видишь ее каждый день, ты не замечаешь, что она растет.

Ты тоже растешь. Ты осознаешь это только тогда, когда рост станет таким взрывом, что ты представить себе не сможешь, что это возможно без роста. Ты растешь каждый день – нз ребенка ты становишься юношей, нз юношн ты становнпшься старнком, но ты не можешь найти ту точку, в которой ты начал становиться юношей... ту точку, в которой ты начал становнться старнком, – нбо ты так близок к своему росту и рост происходнт каждый день.

Находясь рядом со мной, ты не осознаешь того факта, что ты больше не часть того мира, в котором ты живешь.

На первый взгляд ты живешь в том же самом мире, но если вглядеться поглубже, то со мной ты вступил в иной мир – в мир без усилий, без целей, без деяний, в мнр *естьности*, в мир здесь и сейчас.

Возлюбленный Бхагаван,

почему я чувствую, что потерпел неудачу? Не потому ли, что я все еще стремлюсь быть совершенным, сверхчеловеком, чем-то особенным? Бхагаван, пожалуйста, не щадите меня!

Сурабхи, ответ, который я дал Сураджу Пракашу, является ответом и для тебя.

Муки неудачи приходится испытывать только тем людям, которые хотят куда-то попасть, кем-то стать.

Но человек, у которого никогда не бывает желания стать кем-то или оказаться где-то еще, не может испытывать мук неудачи – он всегда удачлив, совсем как я.

С самого раннего детства мои родители, мои доброжелатели, мои соседи, мои учителя – все говорили мне: «Из тебя не выйдет никакого толку, ты будешь ни на что не годным человеком!»

Я отвечал: «Если такова моя судьба, то я совершенно счастлив. Зачем мне пытаться быть кем-то другим? Бестолковый? Ну и хорошо! Ни на что не годный? Я не вижу в этом ничего плохого!»

А они говорили: «С тобой невозможно вести разумный разговор!»

Я говорил: «А по-моему, это разумно. Что бы ни случилось, я буду удачлив... Ведь я не устанавливаю для себя какой-то критерий: должно случиться то-то и то-то, только тогда я буду удачлив. Как раз наоборот: я уже удачлив. Что бы ни случилось, это не имеет никакого значения – моя удача обеспечена».

Один из моих университетских преподавателей очень беспокоился... Он так любил меня, что сказал: «Ты запросто мог бы стать первым в списке выпускников университета, но ты ведешь себя таким образом, что если тебе удастся получить диплом третьей степени, это будет чудом – ведь я никогда не видел, чтобы ты читал учебники».

Он приходил в общежитие, чтобы проверять меня. Он ни разу не нашел учебника в моей комнате. Я их никогда не покупал.

Он сказал: «Когда преподаватели читают лекции, ты спишь. А преподаватели не тревожат тебя, потому что, когда ты не спишь, ты споришь с ними. Так что лучше позволять тебе спать, чтобы не было неприятностей».

Он очень боялся, что я могу не пойти на выпускные экзамены: я мог пойти, а мог и не пойти. Вечером накануне первого выпускного экзамена он пришел ко мне и сказал: «Дай мне обещание!»

Я сказал: «Я могу дать обещание, но я обманщик. Так что от моего обещания не будет много толку».

Он сказал: «Ты обманщик?»

Я сказал: «Да, когда это мне выгодно. Вам нужно мое обещание? Я дам вам обещание. Если ко мне придет кто-то еще и попросит дать ему обещание, я и ему дам обещание».

Он сказал: «Ты превращаешь это в пытку для меня. Завтра утром будь готов к семи часам утра. Я заеду за тобой и отвезу тебя на экзамен – и так будет каждый день!»

И это действительно было для него пыткой, так как он был пьяницей и действительно хорошим человеком. Он никогда не вставал раньше полудня. А встать в шесть часов утра, собраться и... А у него был очень старый автомобиль, только тогда как-то удавалось завести мотор.

Но он заехал за мной точно в семь часов, несмотря на все трудности... И он обнаружил меня спящим, тогда он разбудил меня и сказал: «Это уже слишком. Я никогда не вставал до полудня, а сегодня я встал в шесть часов утра. И ты знаешь мою машину – она еще более ленивая, чем я. А в шесть часов утра, когда еще холодно, завести ее очень трудно – все соседи помогали мне. А ты спишь».

Я ответил: «Когда вы сказали, что заедете за мной, я доверился вам. Тогда зачем мне рано вставать? Когда вы приедете, я встану с постели и сяду в вашу машину».

Он спросил: «Ты не будешь принимать ванну и прочее?»

Я сказал: «После экзамена».

Он сказал: «А как насчет подготовки?»

Я сказал: «Да какая там подготовка!»

На пути к университету он старался внушить мне: «Послушай, тебе надо запомнить несколько вещей: вот твой номер по списку. Не забудь!» Он заставил меня записать номер на моей руке, чтобы я его не забыл. Он сказал: «Запиши свое имя, иначе ты забудешь, чей это номер».

Я сказал: «Вам следовало бы хоть немножко доверять мне».

Он сказал: «Я не могу положиться на тебя. Прежде всего ты должен сдать этот экзамен. Ты должен сдать экзамены лучше всех в университете».

Я сказал: «Что бы ни случилось, я буду счастлив».

В университете он сказал служителю: «Не выпускайте его из экзаменационного зала в течение трех часов», – так как он боялся, что, когда он уйдет, я могу отправиться домой спать. Служитель подошел ко мне и сказал: «Запомни, тебе не надо торопиться побыстрее закончить экзаменационную работу. Не

спеши. Все равно в течение трех часов ты ие сможешь выйти отсюда. Твой преподаватель дал мие такое указание, а я уважаю этого человека».

Я сказал: «Это страиио». Я закончил работу через полтора или два часа и сказал служителю: «Вы же видите, что я закончил работу. Зачем же мучить меия? Ведь я даже ванны не принял. Я должен пойти домой и умыться, почистить зубы, принять ванну, переодеться. Я попал сюда прямо из постели».

Ои сказал: «Прямо из постели? Но кто же заставил тебя?»

Я сказал: «Тот самый преподаватель, который дал вам указаиие не выпускать меня. И я ему ие расскажу, что вы отпустили меня. И никто не расскажет – все так заняты работой».

Он сказал: «Еслн дело обстоит так, то можешь идти. А ты ответил на все вопросы?»

«Вы же видите!» Он видел, что я уже ответил, но все равно посмотрел мою работу. Он сказал: «Страшно. Это – выпускной экзамен, а у тебя ответ на вопрос занимает полстраницы, самое большее – страннцу. И ты надеешься выдержать экзамен?»

Я сказал: «Я ннкогда нн на что не надеюсь. То, что я написал, мне нравится... я никогда не делаю того, от чего не получаю удовольствня».

И так случнлось, что мон экзаменационные работы, мои ответы, попалн к одному нз профессоров в отставке – к профессору Ранаде из Аллахабадского университета, он пользовался авторитетом во всем мире. Поэтому мой преподаватель совершеино сошел с ума.

Он сказал: «Сперва я думал, что ты не получишь даже диплома третьей степени – хотя ты заслуживаешь быть первым в уннверситете. Но сейчас ты попал в руки очень опасного человека: известно, что за всю свою жнзнь он нн одного студента не счел достойным диплома первой степени. Сейчас он в отставке, но ему до снх пор дают на оценку экзаменацнонные работы. И случилось же так, что твои работы попали к нему! Тебе прншел конец!»

Я сказал: «Не волнуйтесь. Меня это устраивает: я еще однн год буду с вами».

Он сказал: «Не говори чепухи!»

Я сказал: «Я говорю не чепуху. У вас будет еще одна возможность таскать меня на экзамены и мучить меня. Вы должны быть довольны».

Но вот, что я называю.... случаются странные вещи:

Ранаде дал мне оценку девяносто девять процентов и написал ректору специальную запнску: «Я хотел дать ему оценку сто процентов, ио это могло бы показаться пристрастием с моей стороны. Причнна, по которой я даю ему оценку девяносто девять процентов – что я делаю впервые за всю мою жнзнь, – заключается в том, что я всегда хотел, чтобы ответы были по сутн дела. И я никогда ие видел человека, который ответил бы на весь вопрос в одном абзаце. Мне поиравился этот пареиь! Скажнте ему – покажите ему мою записку, – что за всю мою жизнь ои – первый студент, которого я считаю достойным днплома первой степенн». Он был очень стар, ему было семьдесят пять лет.

В списке выпускников я был первым. Мой преподаватель – который так этого хотел – теперь не мог в это поверить. Когда былн опубликованы результаты, он сказал: «Что случилось? Должно быть, пронзошла какая-то ошнбка. Ты – первый? Надо пойти к ректору и узнать – в газете какая-то ошибка».

Я сказал: «Не стонт беспокоиться. Если пронзошла какая-то ошнбка – очень хорошо».

Но он так разволновался, что мие пришлось толкать его машину, пока она не завелась, и мы поехали к ректору. Пока он не увндел записку профессора Ранаде, он не мог поверить в это.

А выйдя от ректора, он осмотрел меня с ног до головы и сказал: «Это самое странное, что я вндел за всю мою жнзнь. Ты шел на экзамены без всякой подготовки, а теперь ты золотой медалист. Впервые я начал вернть в Бога – ибо сам ты не мог бы добнться этого. Должио быть, за тобой стоит Бог».

Я сказал: «Это же абсолютно ясно. Вот почему я такой расслабленный. Вам ие о чем было беспокоиться. За мной стоит Бог – точио так же, как я стою за вашей машииой, чтобы подтолкиуть ее. Ои подталкивает меня, и стоит мие завестись, как все идет хорошо».

Сурабхн, в жизнн не бывает иеудач. Все это зависит от того, как ты воспринимаешь вещи. Еслн ты желаешь слншком многого – ты тянешься, но не можешь достать, – тогда наступает разочароваине и чувство неудачн. Но еслн ты ничего не желаешь н совершенно счастлнв, где бы ты ни был, тогда жнзнь – это победа нз мгновеиия в мгиовеине.

Возлюбленный Бхагаван,

почему ум как с цепи срывается, когда сердце хочет что-то сказать?

Ум всегда боится... и боится он одной только вещи, и это – твое сердце, так как уму изначально положено быть слугой, а он ухитрился стать господином.

А сердце – которое должно было стать господином – даже не дает себе труда вмешаться и позволяет уму оставаться господином.

Но ум отдает себе отчет, что в любое мгновение, если сердце того захочет, его господству придет конец.

Поэтому всякий раз, когда сердце хочет что-то сказать, ум охватывает страх.

Ум очень боится любви.

Ум очень боится доверия.

Ум очень боится всего, что имеет отношение к сердцу. Ибо господство ума не является частью природы.

Природный господин – сердце.

Но вот в чем проблема: поскольку сердце так уверено в своем праве господина, оно никогда не занимается самоутверждением – нет нужды. У сердца есть врожденное знание, что ум в любой момент можно отодвинуть в сторону. И ум прекрасно знает, что он всего лишь слуга. Поскольку господин так благороден, он позволил слуге выдавать себя за господина.

Но слуга есть слуга.

Поэтому всякий раз, когда сердце хочет что-то сказать, ум начинает чувствовать себя ненадежно – он хочет, чтобы сердце оставалось полностью мертвым; он хочет, чтобы человек был совершенно бессердечным. И во всем мире удалось сделать людей бессердечными.

Но иногда некоторым людям удается освободиться от рабства ума и они начинают отстаивать права своего сердца. Это величайшая революция, которая только возможна, – революция сердца против ума.

Я называю ее сущностной саньясой.

Возлюбленный Бхагаван,

всегда, когда я прохожу через Ваш дом, мне хочется петь и танцевать, но затем мне на глаза наворачиваются слезы, мною овладевает сильное чувство и мне хочется крикнуть всем: «Проснитесь! Вот – Бхагаван! Он открыт для всех!» Я так

благодарна за все, что получила от Вас, и иногда бывает так трудно сдерживать все это в себе, – но я не хочу отправляться в миссионерскую поездку.

Что мне делать?

Иметь миссию и быть миссионером – это две разные вещи.

Миссионер функционирует от ума.

А иметь миссию – это переполняющее сердце переживание.

Различие уловить трудно, но не невозможно. Миссионер старается убедить людей в чем-то, в чем он сам не убежден, – ибо того, в чем он хочет убедить других, он сам никогда не переживал. Миссионер – это просто компьютер, передающий знания от одного поколения к другому.

Но иметь миссию – это совершенно иное дело.

Иисус не миссионер. Папа-поляк – миссионер.

У Иисуса есть миссия.

У Гаутамы Будды есть миссия.

Иметь миссию – значит переживать нечто такое, что не поделиться им с другими было бы противно человеческому состраданию и любви. Тут дело не в том, чтобы обратить кого-то в свою веру; тут дело в потребности делиться с другими. Так что никому от этого не хуже. Если твое переживание таково, то возвещай о нем с кровель. Если оно исходит из твоего сердца, то не противься этому – ибо чем больше ты будешь распространять его, тем глубже будут в тебе его корни. Это совсем как дерево: дерево продолжает распространять свои ветви вширь и ввысь, а под землей продолжают распространяться его корни.

Если у тебя есть переживание, которое, как ты чувствуешь, может утолить жажду многих людей, тогда иди на любой риск – провозглашай его, воспевай его, танцуй его, делай все, что можешь. Даже если весь мир будет думать, что ты сошла с ума, не беспокойся. Чем больше ты будешь делиться своим переживанием, тем глубже оно будет входить в твое собственное сердце и тем сильнее оно будет становиться; твоя индивидуальность станет огромной силой.

Но никогда не становись миссионером.

Миссионер – это слуга, бедный слуга... как любой другой слуга. Он получает определенную плату за распространение послания *Библии*. Ему нет ни малейшего дела до послания, его заботит только вознаграждение. Если кто-то другой пред-

ложит двойную плату, он будет готов говорить против *Библии*.

Я слышал, что в одной церкви... Епископ был весьма обеспокоен тем, что один из самых старых и богатых членов паствы засыпал во время церковной службы – совсем как Сурадж Пракаш, – но то место было непохоже на это, где даже храпеть дозволяется, если храп хоть немного музыкален. А тот старик храпел. Епископу это мешало, так как этот человек сидел как раз перед ним.

В конце концов епископ нашел выход... этот старик всегда приходил в церковь с маленьким мальчиком, который был его правнуком. Однажды епископ остановил этого правнука, отвел его в угол и сказал: «Можешь ты сделать для меня одну вещь? Я буду давать тебе пятьдесят центов каждое воскресенье».

Мальчик сказал: «Согласен. Чего вы хотите?»

Епископ сказал: «Тебе не надо будет делать ничего особенного. Каждый раз, когда твой прадед будет начинать храпеть, ты просто толкай его, буди его. То, что он спит, – это не проблема; проблема возникает тогда, когда он начинает храпеть, так как он будит всю паству. А у меня не так уж много проповедей – всего лишь три. Поэтому мне не хочется, чтобы людей будили, так как тогда они начинают слушать».

Мальчик сказал: «Давайте аванс!»

Епископ сказал: «Аванс? Ну ты и тип! Разве ты не веришь мне?»

Мальчик сказал: «Бизнес есть бизнес. Это не вопрос веры... это не религия. Давайте пятьдесят центов, и в следующее воскресенье вы увидите, как я справляюсь с делом».

И мальчик хорошо справился с делом. Он не давал старику спать. Как только тот начинал храпеть, мальчик начинал толкать его. Старик много раз смотрел на мальчика: «Что с тобой происходит?»

А мальчик на него не смотрел, он слушал проповедь с таким рвением, как будто все происходящее вокруг его не интересовало.

Когда они вышли из церкви, старик сказал: «Негодник, почему ты меня толкал? Всю ночь я не могу заснуть, так как от старости страдаю бессонницей. За всю неделю это единственное время, когда я могу поспать, а ты не даешь мне заснуть. В чем дело? Что на тебя нашло? И выглядел таким набожным и слушал так, как будто ты понимал, что говорил епископ».

Мальчик сказал: «Это не вопрос религии. За это дело я получаю пятьдесят центов. Епископ дал мне аванс. А сейчас я пойду к епископу, чтобы получить деньги за следующее воскресенье».

Старик сказал: «Погоди. Я буду давать тебе доллар, только не мешай мне спать».

Мальчик сказал: «Согласен. Давай аванс!»

На следующее воскресенье епископ был очень удивлен. Много раз он бросал на мальчика вопрошающие взгляды, но мальчик смотрел куда угодно, только не на епископа. Епископ подумал: «Что случилось с мальчиком? Может быть, он ничего не делает потому, что на этот раз он не получил от меня аванс?»

Он начал подавать мальчику знаки, надеясь, что никто не поймет, что происходит...

Но мальчик делал вид, что не понимает, чего от него хотят.

После службы епископ остановил мальчика и спросил: «В чем дело? Ты что, не доверяешь мне? Вот пятьдесят центов».

Мальчик сказал: «Какие там пятьдесят центов! Мой старик дает мне доллар, чтобы я его не будил. Теперь, если вы хотите... Вам решать».

Епископ сказал: «Я бедный человек. Если я буду все время увеличивать ставку, а твой прадед будет продолжать удваивать ее... Он богатый человек».

Мальчик сказал: «Бизнес есть бизнес. Если вы не можете платить мне больше доллара, тогда храпеть будет не только мой старик, я тоже буду храпеть, и тогда вы увидите настоящий хаос. Тогда вам придется платить не только за моего старика, но и за меня – отдельно: пятьдесят центов за меня и полтора доллара за моего старика. Всего – два доллара. Но цена будет меняться каждое воскресенье, все будет зависеть от того, как пойдет дело».

Миссионер – это бедный слуга. Христианская церковь платит ему – он проповедует христианство. Если кто-то будет платить ему больше, он будет проповедовать что-то другое.

Но человек с миссией – это нечто совершенно иное, его нельзя изменить.

Его можно распять, но изменить его нельзя.

Возлюбленный Бхагаван,

Ваше первое безмолвное послание ко мне было таким: «Не будь таким серьезным, наслаждайся, празднуй!»

Через три года оно наконец дошло до меня! Почему мне потребовалось так много времени, чтобы пробудиться? Действительно ли я пробуждаюсь?

Ты думаешь, что три года – это так долго? Каков твой критерий? Время вечно.

Три года – это все равно, что три секунды.

Если человек сможет понять послание о радости и праздновании даже за три жизни, это не будет слишком рано.

Тебе повезло, что оно дошло до тебя за три года.

От тебя зависит, когда оно дойдет. Послание могло бы дойти до тебя в то же самое мгновение, когда я тебе его направил. Но тебе потребовалось три года... Ты все откладывал, ведь тебе так много надо было сделать. Ты откладывал и по другим причинам. Ведь если ликовать, когда весь мир в беде, люди сочтут тебя безумцем: «Что ты делаешь? Миру грозит ядерная катастрофа, а ты празднуешь?»

Если спросить у меня, то я отвечу, что ты пришел домой очень рано. Это не большой срок.

Фактически, когда бы ты ни понял послание, это всегда будет рано – ибо ты тысячи раз, на протяжении тысяч жизней, слышал его и оно до тебя не доходило. Ты все откладывал, ты все забывал.

В одной беседе я упоминал об одной прекрасной книге – «В ожидании Годо». Несомненно, автор имел в виду ожидании Бога (Godot – Годо – созвучно с английским God – Бог), но чтобы не задевать ничьих чувств, он придумал имя «Годо».

Это небольшая пьеса...

Два человека сидят под деревом, и они говорят: «Он еще не пришел, а уже пора бы; он должен бы уже прийти». Они беспокоятся и разговаривают друг с другом... и никто не говорит, кто такой этот Годо... или когда этот Годо обещал прийти, или встречал ли его кто-либо... никто не касается этих важных моментов. Считается само собой разумеющимся, что Годо должен прийти. По крайней мере, когда нечего делать, ждать тоже неплохо – что-то должно случиться!

Сперва я подумал, что «Годо» – это по-немецки «Бог», поэтому я спросил у Харидаса, моего старейшего немецкого санньясина: «Харидас, ''Годо'' – это по немецки ''Бог''?»

Харидас сказал: «Нет».

Я спросил: «А как по-немецки ''Бог''?»

Он сказал: «По-немецки это будет ''Gott''!»

И я сказал: «Неужели? ''Gott''?!» (Немецкое Gott созвучно с английским got it – постиг это).

С тем, чтобы постичь это, никаких проблем нет. Ты постиг за три года!

Беседа 21

АРБУЗ И НОЖ

23 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

я так рада и счастлива быть вместе с Вами. Мой возлюбленный Учитель, я так благодарна Вам за то, что Вы попрежнему доступны для всех нас, для тех, кто хочет пить из Вашего неисчерпаемого источника. Быть омываемой Вашей любовью и состраданием – это такое блаженство, что мне никогда не найти слов, чтобы сказать Вам «спасибо» за все, что Вы даете нам.

Скоро я вернусь в тот безумный мир, где Вы будете присутствовать только в моем сердце. Иногда у меня возникает вопрос, а стоит ли продолжать работу по распространению Вашего учения в мире; мне хотелось бы знать, есть ли у Вас попрежнему какой-то замысел, надежда сделать что-то с этим безумным миром, или Вы просто хотите оставаться с Вашими санньясинами. Не могли бы Вы сказать что-либо об этом?

В этом вопросе заключено много вопросов.

Во-первых, настоящая благодарность никогда не находит слов, чтобы выразить себя.

Та благодарность, которая может найти слова, чтобы выразить себя, – это формальность, ибо все, что переживается сердцем, сразу же выходит за пределы слов, понятий, языка.

Ты можешь жить благодарностью, она может сиять в твоих глазах, она может распространяться как аромат всего твоего существа. Она может быть музыкой твоего безмолвия, но выразить ее словами ты не можешь.

Как только ты пытаешься выразить ее словами, сразу же умирает нечто существенное. Слова могут доносить только трупы, но не живые переживания.

Поэтому вполне можно понять, что тебе трудно выразить свою благодарность. Это не твоя трудность, это трудность самого переживания благодарности.

И блаженны те, кто имеют такие переживания, выходящие за пределы слов. Горе тем, кто не знает ничего, кроме слов и языка.

Во-вторых, ты говоришь, что скоро ты уйдешь от меня и я буду только в твоем сердце.

Если я в твоем сердце, то нет способа уйти от меня. Ты можешь уйти от моего физического присутствия; но мое физическое присутствие не имеет больше никакого значения, если ты уже чувствуешь мое присутствие в твоем сердце.

Ты осознала мое духовное присутствие. Физическое присутствие – это всего лишь отправная точка; если оно смогло привести тебя к моему духовному присутствию, то его работа сделана. Теперь я буду пульсировать в твоем сердце, где бы ты ни была – не имеет значения, находишься ли ты здесь или на далекой планете.

Любовь – это единственный феномен, который уничтожает пространство, расстояние, время. Химия любви еще не понята. Пространство и время не дают физикам покоя, они еще не поняли, что существует нечто большее, в чем пространство и время исчезают.

Любовь – зто феномен, который не знает времени, пространства, расстояния. Может быть, наука никогда не сможет понять любовь. Может быть, зто за пределами возможностей науки. Но не за пределами возможностей поэзии и религии. Не за пределами возможностей медитации.

Это не за пределами возможностей каждого индивида, который готов раствориться в любви. Тогда наука остается далеким эхом, а любовь становится единствeиной реальностью.

Такие люди, как Шанкара, Бозанкет, Брэдли, вовсе не несли ахинею, когда говорили, что мир – иллюзия. Мир состоит из пространства и времени, но эти люди пытались доказать, что мир – иллюзия. Оии создали философскую систему, отстаивающую иллюзорность мира. Само их усилие опровергает их – если мир иллюзореи, тогда что за нужда доказывать, что он иллюзорен? Если чего-то нет, то его нет.

Но если бы Шаикаре иадо было выйти из этой комнаты, ои вышел бы через дверь. Если бы Брздли надо было поесть, он не стал бы есть камии. Но ведь если хлеб иллюзорен и камень иллюзорен, тогда какая разница?

Эти люди пытались показать то, чего они сами не переживали в своем собствениом существе. Это не было переживанием любви, зто была чистая логика. Сотни философов пытались убедить людей в том, что мир иллюзореи, но так никого и не убедили. Даже они сами не убеждены в зтом.

Я вспомнил одну историю...

Одиого буддийского философа привели к царю. Люди говорили, что он – один из величайших философов. Он

отстаивал теорию, что все иллюзорно, все сделано из того же материала, из которого сделаны сновидения.

Но царь был очень прагматичным, практическим человеком. Он сказал: «Объявите всем, что они должны укрыться в своих домах и запереть двери, лавки должны быть закрыты, потому что сейчас на дорогу будет выпущен наш бешеный слон».

А этого буддийского философа оставили стоять на дороге. Он стал рыдать и кричать: «Спасите меня! Нет ничего иллюзорного – по крайней мере этот слон не иллюзорен». А слон был действительно бешеный.

Видя его состояние... слону не дали напасть на него. Философа снова привели к царю, и царь спросил: «Ну что ты теперь скажешь о своей философии?»

Тот ответил: «Все иллюзорно».

Царь сказал: «И слон?»

Философ сказал: «Слон иллюзорен... философ, который плакал и рыдал, иллюзорен... и царь, который его спас, иллюзорен – все иллюзорно. Но, пожалуйста, не выпускай снова на меня слона... ведь это все философия. Я готов вести философский спор, но с бешеным слоном не поспоришь. Если при твоем дворе есть философы, пошли за ними, и я докажу, что все иллюзорно».

Эти философы говорили нечто такое, в чем была частица истины. Но они пытались доказать это. И вот тут они сбивались с пути.

Любовь нельзя доказать.

Ее можно только испытывать.

И в любви все, что состоит из пространства и времени, представляется сделанным из того же материала, что и сновидения. Это не аргумент, не философия.

И вы можете быть на расстоянии сотен миль друг от друга, и все же любовь может свести вас настолько близко, что вы растворитесь друг в друге.

Так что запомни: если ты чувствуешь меня в своем сердце, тогда я всегда с тобой. Куда бы ты ни отправилась, я отправлюсь вместе с тобой – и без билета, так как еще не нашли способ определять, не путешествует ли человек с кем-то, скрытый в его сердце.

В-третьих, этот мир несомненно безумен. И безумным он стал не вдруг – он всегда был таким.

Я не пессимист, но я и не оптимист. Я просто реалист. Я

знаю, что невозможно изменить весь этот безумный мир. Даже если я смогу изменить моих людей, моих саньясинов, – даже это будет сверх всякого ожидания.

Поэтому я не хочу, чтобы ты стала миссионером, старающимся изменить безумных людей.

Измени саму себя и помогай своим спутникам – саньясинам, которые находятся на том же пути, в том же поиске – ободряй их, помогай им всеми возможными способами. Бывают моменты тьмы, бывают моменты отчаяния, бывают моменты, когда человеку кажется, что ему не следовало выбирать этот путь, ибо он ведет против всего этого безумного мира.

Быть разумным в этом безумном мире – значит непременно быть против него. Поэтому помогай тем немногим людям, которые движутся к благоразумию, и никогда не требуй невозможного. А вот изменить несколько тысяч саньясинов во всем мире – это возможно. И, может быть, если несколько тысяч саньясинов изменятся, это может создать некий магнетизм, некую гравитацию, так что в это будут втянуты еще многие миллионы людей.

Но тебе надо начать с самой себя. Если тебе удастся изменить саму себя, это уже много; а если ты сможешь помочь тем, кто находится на пути, этого будет достаточно для твоего сострадания и твоей любви.

В этом безумном мире есть много людей, которые не хотят жить так, как они живут, они хотят трансформироваться. И если ты встретишь человека, у которого есть глубокое желание трансформироваться, помоги ему.

Но никогда никому себя не навязывай, ибо если кому-то хочется оставаться безумным, то это его право по рождению. Не мешай ему, он и так уже слишком помешанный. Оставь его в покое, и пусть он живет своим безумием.

Благослови его и скажи: «Живи этим тотально!» Быть может, если он будет жить своим безумием тотально, он сможет выйти из него.

С безумными людьми проблема в том, что они живут своим безумием частично, они всегда его подавляют, они всегда делают не то, что им хочется. Если им предоставить полную свободу, то, быть может, они смогут выйти из своего безумия.

По крайней мере мои люди должны предоставлять каждому свободу быть самим собой, без всякого осуждения, без

всякой оценки, ие иазывая его грешником, ие отправляя его в ад. Надо просто прииимать его таким, каков он есть.

Любящий человек прииимает другого таким, каков он есть, не требуя, чтобы тот изменился.

Возлюбленный Бхагаван,

однажды я пребывала в счастливом ожидании, чтобы приветствовать Вас на пути к роще Санаи. Я радостно пела и танцевала. Когда Вы приблизились, мое тело стало двигаться в такт с движением Ваших рук; такая невесомость и радость взрываются, уходя в беспредельность, а затем падают в глубокую безмолвную пропасть внутри меня.

Потом я почувствовала благодарность и такое облегчение; я искала это переживание в отношениях с мужчинами, а оно случилось благодаря пребыванию с Вами.

Такое великое блаженство, или экстаз, или оргазм – я не знаю, как это назвать, – можно испытать только с учителем или с мужчиной тоже?

Переживаиие абсолютного блажеиства, экстаза или оргазма не имеет иикакого отношения к другому человеку. Оно случается в тебе, а другой – это только повод.

Это может быть учитель, это может быть кто-то другой.

Но с учителем это легче, потому что с учителем у тебя нет иикаких ожиданий.

С любым другим мужчиной у тебя есть ожидания.

С любым другим мужчиной ты хочешь доминировать, твои отиошеиия с любым другим мужчиной – это не явление расслабления.

Это не имеет никакого отиошения к твоему мужчине – все решает твоя поэзия, твой подход.

Если твои отношения с учителем полны ожиданий, тогда это переживание ие может случиться.

Это переживаиие может случиться даже в отношениях с деревом, со звездами, или когда ты просто сидишь одна в своей комиате. Оно иикак не связано с кем-то другим. Ты должна ясио поиять: это – взрыв радости внутри тебя.

Но сидеть в одиночестве в своей комиате – это самое трудное, так как у тебя нет никакого повода. Ты даже улыбиуться не можешь, потому что ты подумаешь: «Не схожу ли я с ума? Никого нет, а я улыбаюсь».

Однажды я ожидал поезда на платформе железнодорожного вокзала. Поезд должен был прийти поздно ночью, и на платформе были еще другие люди. Один человек, развалившийся в кресле, привлекал всеобщее внимание, так как иногда он делал такие жесты, как будто что-то отбрасывал, иногда он улыбался, а иногда начинал смеяться – и смеялся так, что хватался за живот, смеялось все его тело. Я сидел недалеко от него.

Я не люблю беспокоить других людей, – а он так наслаждался, – но было очень трудно устоять перед искушением узнать, что же происходит с этим человеком.

Я обратился к нему: «Извините за беспокойство, но я не могу больше терпеть, а нам предстоит сидеть здесь еще несколько часов. Что происходит? Время от времени вы делаете рукой такой жест, как будто что-то отбрасываете. У вас так меняется выражение лица; иногда вы улыбаетесь, а иногда взрываетесь таким утробным смехом, что хватаетесь за живот, – а ведь вы сидите в одиночестве».

Этот человек сказал: «Вообще-то я никому не открываю свой секрет. Но вы просидели рядом со мной три часа, и мне понятно, как вам, должно быть, было трудно сопротивляться искушению задать мне вопрос. Я открою вам свой секрет. Пододвиньтесь поближе».

Я пододвинул к нему свое кресло. И он сказал: «В этом нет ничего особенного. Я просто сам себе рассказываю анекдоты».

Я спросил: «Анекдоты?»

Он сказал: «Да, я рассказываю самому себе анекдоты, но иногда в памяти всплывают старые анекдоты, которые я уже рассказывал много раз, поэтому я отбрасываю их. А иногда анекдоты оказываются такими содержательными, что я не могу удержаться от громкого смеха, – но вокруг спят люди, здесь так много людей, поэтому мне приходится хвататься за живот и сдерживать смех. А некоторые анекдоты вызывают не смех, а просто легкую улыбку».

Я сказал: «Вы – великий человек. Вы овладели великим секретом».

Он спросил: «Что вы имеете в виду под обретением ''великого секрета''?»

Я сказал: «Если бы каждый знал этот секрет, мир был бы гораздо приятнее, менее несчастным, было бы больше смеха, больше радости. Нет нужды ждать, пока кто-то другой расскажет тебе анекдот. Это же просто отлично, – ты сам себе

рассказываешь анекдот, н еслн он тебе не нравнтся, ты можешь просто отбросить его. Когда же анекдот тебе рассказывает кто-то другой, то даже еслн он тебе не нравится, тебе все-таки приходнтся улыбаться, тебе прнходнтся быть лицемером. Глубоко внутри ты говоришь, "Дерьмо!" – но на поверхности ты улыбаешься и говоришь: "Какой прекрасный анекдот!" Вы же обрели огромную свободу. Вы можете выбирать свои собственные анекдоты, н вы можете наслаждаться любым понравнвшнмся вам анекдотом столько раз, сколько вам захочется – вы можете вновь н вновь пересказывать его».

Ученые обнаружнли, что все, что происходит с вами, происходнт в центрах вашего мозга. Поводы могут находнться вне вас, но на самом деле все пронсходнт в семнстах центрах мозга.

Однным нз самых влнятельных людей этого столетня был Дельгадо. Всю свою жнзнь он нзучал, как функционнрует мозг животных. И он был уднвлен, когда обнаружнл, что то, что называют сексуальным оргазмом н что обычный человек счнтает пределом удовольствня, можно вызывать нскусственным образом. Просто небольшое устройство днстанционного управлення... так как в мозгу есть центр, контролнрующнй сексуальное удовольствне.

Дельгадо работал с белымн мышамн. Он вскрыл у мышн мозг и ввел электрод в сексуальный центр. По данным его нсследованнй, секс не нмеет ннкакого отношення к половым органам. Секс сосредоточен в голове – половые органы являются лншь ответвленнямн, связаннымн с центром.

Он соеднннл электрод с устройством днстанцнонного управлення, и, когда он нажнмал на кнопку, белая мышка нспытывала потрясающее пережнванне, экстаз, оргазм. Сперва Дельгадо не мог повернть в это – это не нмело ннкакого отношения к половым органам, это шло напрямую.

Затем он сделал небольшое прнспособленне с кнопками н научнл мышь, какую кнопку надо нажать, чтобы нспытать слабый оргазм, какую – чтобы нспытать оргазм поснльнее, и какую – чтобы нспытать самый снльный оргазм.

И вы будете уднвлены: даже мышн не так глупы – когда есть выбор, кто удовлетворнтся слабым оргазмом? Мыши надо было только нажать на кнопку, н все ее тело охватывал трепет. Рядом поставнлн воду, еду – все, что ей нравнлось, но она нн к чему не проявляла ннтерес. За однн час она устронла себе шестьсот снльнейшнх оргазмов – н, конечно, она умерла, нбо

столько оргазмов выдержать нельзя, всему есть предел. Шестьсот оргазмов за один час, десять оргазмов в минуту... и она забыла о воде и еде.

Дельгадо говорит, что всякий раз, когда мы думаем, что наше удовольствие, наша боль, наше страдаиие, наша радость зависят от кого-то постороннего, мы ошибаемся.

Вне нас находятся только поводы.

И таково учение всех древних мистиков: ваше блаженство – внутри вас, царство божье – внутри вас.

Можно по-разному выразить это. Дельгадо пользуется иаучиой термииологией. Иисус говорит иа языке религии.

Ты говоришь, что здесь со мной ты испытываешь экстатические, оргазмические переживания. Я хочу, чтобы ты запомнила вот что: я могу быть поводом, но все дело в тебе. Ты абсолютно независима.

И лучше помнить об этом; тогда такое переживание может случиться у тебя с любым мужчиной, с любым деревом, с любым прекрасным закатом, с любой звездной ночью – или просто когда ты будешь сидеть, ничего не делая, в темноте твоей комнаты. Тебе надо только выяснить, что происходит в тебе.

Ты сфокусирована на внешнем, вот почему ты все время упускаешь то, что происходит внутри. Ты думаешь, что это происходит благодаря учителю, поэтому ты фокусируешься на учителе. Тогда ты привязываешься к учителю – это становится твоим рабством.

Когда будет случаться нечто в таком роде, закрывай глаза и следи за тем, что происходит внутри тебя, и вскоре ты иайдешь некие намеки на то, как это происходит, в каких ситуациях. Ты была тихой, ты была расслабленной, ты не думала. Твой ум был пуст, и это пришло как наводнение.

Затем попробуй это в одиночестве.

Этого не случается у тебя с любым другим мужчиной потому, что с любым другим мужчиной ты не бываешь тихой. С любым мужчиной ты постоянно ссоришься, скандалишь, воюешь.

Очень трудно найти женщину, которая не бывает стервой. Неужели ты думаешь, что когда ты стервенеешь, у тебя будет экстаз? Стервенеешь-то ты, а мишенью будет мужчина. Ты думаешь, что он тому причиной – почему он пришел так поздно? Где он шлялся?

Однажды жена Муллы Насреддина плакала. Когда я

зашел к ним в дом, она стала плакать еще громче. Я спросил: «В чем дело?» Она сказала: «Дело зашло слишком далеко. Этот человек, – и она указала на своего мужа, Муллу Насреддина, – таскается по женщинам. В этом нет никакого сомнения, так как я много раз находила на его пиджаке волосы, и это были не его волосы – он же лысый. И цвет другой».

Я спросил: «А сегодня ты нашла волосы на его пиджаке?»

Она сказала: «Нет, сегодня не нашла – вот поэтому-то я и плачу, ведь сегодня я тщательно осмотрела его пиджак и не нашла ни волоска. Это означает, что он начал путаться с лысыми женщинами. А это уж слишком, я этого не потерплю. Пускай еще женщины, у которых есть волосы, но лысые женщины...»

Ты сама находишь то, что может сделать тебя радостной, и то, что может сделать тебя несчастной.

Переживания блаженства не случалось у тебя с твоим мужчиной по простой причине: ты всегда ссорилась с ним, всегда что-то от него требовала.

А это переживание не такое, что его можно вызвать по требованию: «Подать сюда один экстаз!» Никто не может сделать этого... кроме Дельгадо. Но для этого над тобой надо произвести небольшую операцию. В твоем черепе надо будет просверлить маленькое отверстие и ввести туда электрод. А затем дать тебе устройство дистанционного управления – маленькую коробочку, которую можно носить в кармане. И не будет никакой нужды просить кого-то другого; ты сможешь устраивать себе столько оргазмов, сколько тебе будет угодно.

Но опасность та же: то, что случилось с той бедной белой мышью, случится и с тобой, ибо это переживание так прекрасно, что тебе не захочется терять ни одного мгновения на что-то другое. Мышь – маленькое существо, она умерла через час, а тебя может хватить на двадцать четыре часа. На большее надеяться не следует.

В несчастье человек может прожить семьдесят пять лет.

Но в экстазе... семьдесят пять лет в экстазе? Невозможно!

Твой организм сделан не из стали. Ты надорвешься.

Я могу создать для тебя атмосферу, в которой легче двигаться в эти пространства. Если ты разумна, ты начнешь искать внутри себя, каким образом случаются эти переживания. И ты начнешь делать это в одиночку, чтобы ты могла иметь эти переживания без меня.

Если ты неразумна, ты станешь цепляться за меня – и вот

так в этом мире эксплуатируют множество людей. Если ты идешь к кому-то и говоришь: «Это благодаря вам, учитель. Вы – господин моего сердца», – ты даешь этому человеку возможность эксплуатировать тебя и других.

Из всех так называемых духовных учителей, мастеров, пророков и спасителей девяносто девять процентов являются просто жуликами.

Я не хочу, чтобы кто-либо цеплялся за меня, привязывался ко мне каким-либо образом.

Все мое усилие направлено на то, чтобы дать тебе полную свободу и такие методы, при помощи которых ты сможешь создавать в себе все, что угодно. Даже Бога не нужно, ничего не нужно – ты самодостаточна.

Это – великое благо, дарованное Существованием каждому человеческому существу. Ты сотворена с таким совершенством, – но ты никогда не исследуешь его, оно остается спящим.

Стань исследовательницей своего собственного внутреннего пространства, своей собственной субъективности – и ты обретешь тысячи экстазов и огромное, невообразимое блаженство.

Ты есть рай, но ты забыла саму себя.

Ты смотришь куда угодно, но только не внутрь себя, а это – единственное место, где ты найдешь сокровище, истину, красоту.

Возлюбленный Бхагаван,

на этой фазе Вашей работы вы наносите последний мазок на картину всей Вашей жизни ради трансформации нового человеческого существа?

Моя работа не похожа на работу художника.

Она не такова, что я могу завершить картину, это – непрерывная живопись. И я буду наносить мазки на картину даже тогда, когда я буду находиться на смертном одре – и все-таки картина будет незавершенной.

В жизни только безумцы стремятся к совершенству. Тот, кто стремится к совершенству, уже находится на пути к безумию.

Однажды я был гостем во дворце одного магараджи, и магараджа показывал мне свои владения – это был прекрас-

ный дворец. В одном месте он остановился и спросил: «Вы видите?» Там была недостроенная стена.

Я спросил: «Почему вы оставили ее недостроенной?»

Он сказал: «Дворец был построен моим дедом. И в нашей семье есть традиция: ничто не должно доводиться до совершенства. Должно оставаться какое-то несовершенство, чтобы следующее поколение помнило о том, что жизнь не допускает совершенства».

Несовершенство – это не нечто плохое. Несовершенство – это корень всего роста; совершенство же может быть только смертью.

Как только нечто становится совершенным, оно умирает.

Картина, которую я начал писать, останется несовершенной – хотя я буду продолжать пытаться сделать ее совершенной, но по самой природе Существования она не может быть совершенной.

И это не моя картина.

Те, кто со мной... это в такой же мере и их картина. Когда меня не будет, вам придется продолжить ее, на картине должны появляться новые цветы, новая листва. Не дайте ей умереть.

Другими словами, не дайте ей стать совершенной.

Прикладывайте все усилия для того, чтобы сделать ее совершенной, но не позволяйте ей стать совершенной.

Тогда в ней будет потрясающая красота, всегда цветение и рост, и этому не будет конца.

В жизни мы всегда находимся посередине.

Вы не знаете начала жизни, вы не знаете конца жизни. Мы всегда посередине, и каждый всегда был посередине. Это процесс, непрерывный процесс – река, течение которой никогда не останавливается. В этом-то и вся красота, все великолепие. И так во всем, запомните это.

Примите тот факт, что несовершенство – это правило: нечто становится совершенным только тогда, когда приходит его смерть.

Стремиться к совершенству – значит стремиться к смерти. Смерть – это точка. В жизни вы можете ставить запятые, но точку – никогда.

В одном из стихотворений Рабиндраната Тагора... критики во всем мире критиковали его, так как это стихотворение внезапно начинается и внезапно заканчивается, у него нет

начала и нет конца. Оно кажется средней частью – чего-то недостает в иачале и чего-то недостает в коице.

И Рабиндраната спросили: «Вас критикуют, но почему вы молчите?»

Он ответил: «Этн люди не понимают жизни. Жизнь всегда посередиие, а моя поэзия отображает жизиь. Она иачниается из ниоткуда н виезапно испаряется и исчезает, не оставляя вам чувства завершенности».

Но ум всегда и во всем стремится к совершеиству.

Поэтому уму всегда не по себе, когда он сталкивается с сердцем, с любовью, с жизиью, с медитацией. Со всем, что растет, уму всегда ие по себе.

Он чувствует себя легко с машинами.

Машины совершеины.

Для меня несовершеиство – это не иечто достойное осуждения, это нечто, чему надо радоваться и что надо высоко ценить – ибо это принцип самой жизнн.

Возлюбленный Бхагаван,

когда я в последний раз видела Вас во время беседы, случилось нечто странное: глядя на Вас, я почувствовала, как будто не могу видеть Вас; мне пришлось закрыть глаза, чтобы снова сосредоточиться. И я не могу сказать, что даже тогда я обнаружила Вас.

И днем, когда я остаюсь наедине с собой, внутри меня так много любви и нежности. Это похоже на то, что там, где раньше я находила Вас, есть только огромное пространство любви и мне кажется, что это – я. Вы же как-то далеки и холодны. Это озадачивает меня. Со мной что-то не так? – хотя я чувствую себя богатой, а Вы – мой возлюбленный учитель.

Нет нужды озадачиваться.

Все идет, как надо.

Чем больше ты любишь меня, чем больше ты приближаешься ко мне, тем больше я буду казаться тебе исчезающим. И в иекой точке ты обиаружишь, что там, где раиьше был я, есть только любовь, аромат, присутствие.

И самое странное... ты будешь чувствовать, как будто это – твой центр, это – ты.

Это один путь приближения к учителю.

Люди бывают разиые.

У кого-то другого все может быть как раз наоборот: когда он приближается ко мне, он начинает исчезать. И когда он подходит ко мне совсем близко, он обнаруживает, что его больше нет.

Вот самый существенный факт: двое не могут войти в дверь рая.

Двое должны стать одним.

А кто исчезнет и кто останется – это просто вопрос языка, который абсолютно несуществен.

И ты чувствуешь любовь, ты чувствуешь себя блаженной, ты чувствуешь себя богатой, так что, несомненно, все идет правильно. Когда все идет правильно, человек получает определенные подтверждения. Когда что-то идет не так, человек несчастен, пребывает в отчаянии и тоске.

Нет нужды спрашивать об этом; ты можешь просто посмотреть на свое собственное состояние и узнать, идет ли все как надо, или нет.

Если ты чувствуешь себя любящей, более богатой, более полной, более довольной, тогда все идет как надо.

Ты блаженна.

И учитель ли исчезает в ученике или ученик исчезает в учителе – это зависит от того, откуда смотреть.

Мой дедушка говаривал... Он не был образованным человеком, он не был мыслителем. Он был очень практичным человеком. Но время от времени он, просто исходя из своего практического жизненного опыта, говорил такие вещи, которые обладали огромной вескостью.

Он был торговцем тканями.

Я часто сидел рядом с ним, когда он обслуживал покупателей, – его подход к покупателям был весьма странным.

Но покупателям он нравился; если его не было в лавке, они спрашивали: «Где же он? Когда он придет? Мы подождем его».

Первым делом он спрашивал посетителя: «Ты хочешь, чтобы тебя обманули? Тебе решать. Ты хочешь заплатить справедливую цену или ты хочешь заплатить больше? Решай и скажи мне. Если ты хочешь заплатить больше, тогда будем торговаться. И запомни вот что...».

В нашем городе была река, а на берегу реки росли очень сладкие арбузы. За все мои странствования по всему миру мне никогда не попадались такие сладкие арбузы. Арбузы были

такими сладкими, что река получила название *Саккар* – сахарная.

И мой дед говорил покупателю: «Послушай, арбуз ли падает на нож или нож падает на арбуз – в любом случае разрезан будет арбуз. Ты – арбуз, а я – нож! Ну, каково твое решение? Будем торговаться или нет? Если мы будем торговаться, ты заплатишь больше. Я знаю точную цену. Я не могу согласиться на более низкую цену, но на более высокую цену я готов согласиться в любое мгновение. Если ты не хочешь быть обманутым, я назову тебе справедливую цену. Только помни о ноже и арбузе!»

Так что, ученик ли исчезает в учителе или учитель исчезает в ученике – это не имеет значения... арбузу все равно конец!

И ты – арбуз, а я – нож. Так что наслаждайся и чувствуй себя богатой.

Все идет, как надо.

Возлюбленный Бхагаван,

когда я сижу на Вашей беседе, я чувствую Ваше безмолвие и чувствую, что становлюсь его частью. Это бессловесный процесс все большего и большего растворения в безмолвии. В то же самое время есть и Ваши слова. Я слышу их, и внезапно между безмолвием и словами возникает связь, и я чувствую благодарность за Ваши чудесные слова.

Не могли бы Вы сказать что-нибудь об этом процессе – действительно ли можно словами выразить бессловесное?

Да, слово может выразить бессловесное, но только для немногих избранных, только для тех, кто абсолютно безмолвен.

Слово, исходящее из безмолвия, несет вокруг себя бессловесное безмолвие. Все дело в воспринимающем – если ум воспринимающего полон слов и болтовни, тогда безмолвие и бессловесность уничтожаются и он слышит только слово.

Но если ты безмолвна, ты слышишь слово и слышишь также бессловесное, ты слышишь звук и переживаешь также беззвучное.

О жизни Махавиры рассказывают нечто странное. Трудно сказать, действительно ли все так и было. Особенно во внешнем мире это выглядит абсурдным и иррациональным. Но

здесь я могу сказать, что вполне возможио, что все так и было, – ведь если это происходит здесь, то почему это не могло происходить во времена Махавиры. Время не имеет значения, но это можно рассказывать только тем иемногим избраиным, которые сами переживают иечто подобное.

Рассказывают, что Махавира никогда не говорил. Хотя есть священные писания, – но Махавира никогда не говорил, он просто оставался безмолвным.

У него было одиннадцать учеников, которые пребывали в глубоком безмолвии, – и в этом безмолвии нечто передавалось от Махавиры к ученикам. И эти одиннадцать учеников написали священные писания. Они рассказали людям то, что сообщил им Махавира. Поэтому всякий раз, когда вам говорят, что Махавира сказал то-то и то-то, помните, что это не было прямым утверждением. Махавира никогда ие разговаривал, он хранил молчание.

Но нечто происходило между ним и избранной группой учеников, – и эти ученики стали говорить от его нмени. Они разошлись по стране, распространяя его откровеиие.

Какова гарантия, что они правильно его поняли? Какова гарантия, что они все это не вообразили? Какова гарантия, что они не иесли отсебятину?

Гарантия есть, и эта гарантия в том, что все одиннадцать учеников услышали одно и то же. Все одиннадцать учеииков должиы были сразу же записывать все, что оии слышали, и поскольку все одиннадцать не могли вообразить одно и то же, то это становится абсолютной гарантией: оии *слышали*, безмолвие говорило с ними. Между его безмолвием и их безмолвием была иекая связь.

Последователи Махавиры не могут доказать это.

Я спрашивал многих джайнских монахов: «Вы можете доказать это?»

И они говорили: «То были дни истины, а это – век тьмы. Сейчас это нельзя доказать и нельзя пережить».

Для них это просто верование, и большей частью оии предпочитают не говорить об этом, так как это ставит их в неловкое положение. Если кто-то подиимает этот вопрос, они ие находят правильного ответа.

Но в нашей мистической школе это происходит, поэтому нет оснований считать эту историю о Махавире выдумкой.

По мере того, как мои саньясины будут расти в безмолвии – по мере того, как будут отпадать их маски и их иевинная

связь со мной будет становиться все более тесной – сперва будет получаться так, что они будут слышать мои слова, а вместе с моими словами и бессловесное послание.

А на втором этапе мне даже не надо будет пользоваться словами; я могу просто сидеть здесь, а вы можете слышать бессловесное послание.

Прежде чем я оставлю это тело, я хочу, чтобы это стало экзистенциальным переживанием не только для одиннадцати человек, а для тысяч людей.

Только это может придать достоверность истории о Махавире. За две с половиной тысячи лет ученики Махавиры потерпели неудачу, они не смогли привнести в это никакой рациональности – ибо дело здесь не в разуме, а в медитации. Вы удивитесь, узнав, что вся жизнь Махавиры была жизнью медитации, а в джайнизме о медитации просто забыли. Вся эта традиция стала ритуалом.

Так что это правда: вместе с моими словами ты можешь слышать и бессловесное. И скоро ты сможешь слышать бессловесное даже без слов.

Этот день будет днем великого ликования – когда я смогу говорить с тобой без слов.

Безмолвная встреча, общение без шума, музыка без звуков... ничего не говорится, но все услышано, понято и сразу же пережито.

Возлюбленный Бхагаван,

кажется, немецкая молодежь противоречит Ницше! Я видел такую надпись: «Бог не умер, просто он не может найти место, чтобы припарковать свою машину». Что Вы об этом думаете?

Нельзя сказать, что немецкая молодежь неправа, но нельзя и сказать, что она права; она просто не знает всего дела.

Фридрих Ницше находится в том же положении – ни прав, ни неправ – ибо он тоже не знает всего дела. Он говорит: «Бог умер».

В каком-то смысле это верно, но на самом деле Бог совершил самоубийство. Почему он совершил самоубийство? А потому, что он не смог найти место, чтобы припарковать свой старый форд.

Так что и немецкая молодежь права, и Ницше прав.

Это тот самый старенький форд – он описан в *Библии*, – который Бог использовал, когда он гнал Адама и Еву из садов Эдема. Гнал? На чем? Да на стареньком форде модели Т. И, должно быть, это было где-то в Бомбее, так как я объехал весь мир и нигде не видел таких древних моделей машин, как в Бомбее.

И индийское правительство стоит на защите древних моделей: оно не позволяет ввозить в страну новые машины и не позволяет вывозить старые.

Бомбей – великий музей старых автомобилей. Если поискать, то можно найти самый первый автомобиль, на котором Бог гнал Адама и Еву из райского сада. А куда он их гнал? На вокзал Виктория!

Беседа 22

ЗАБЫТЫЙ ЯЗЫК СЕРДЦА

24 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

я боюсь встречи с Вами. Трепещущий, потрясенный, одинокий... это означает смерть.

Встреча с учителем – это всегда своего рода смерть... смерть всего, чем ты был, смерть твоего эго, смерть твоей личности.

Но это не только смерть, но и воскрешение: рождение нового, рождение свежего и невинного – новый рассвет на горизонте, новое цветение твоего существа. Но, естественно, сперва ты должен встретиться со смертью, ты должен пройти через нее.

Только после этого может быть воскрешение.

Смерть – это плата за твое воскрешение; так что твой вопрос важен.

Ты боишься приблизиться ко мне. Это не ново. Это не имеет никакого отношения к тебе или ко мне. Это старо, как мир.

Самыми древними писаниями в мире являются Веды. Они описывают учителя как смерть, – но такую смерть, которая случается только с блаженными.

Это не обычная смерть, это не смерть твоего тела; это смерть, которая трансформирует тебя.

Все остается прежним – тело, мир – и вместе с тем ничто не остается прежним, ибо твое видение, твоя перспектива, твой взгляд на вещи претерпевает такую глубокую мутацию, что, хотя внешне все остается прежним, в глубине все меняется.

Ты входишь в новое измерение жизни – в измерение вечности, измерение экстаза, измерение вне времени и пространства.

Но необходимо определенное мужество.

Тебе надо будет приблизиться к учителю, тебе надо будет пройти через этот огонь, который сжигает в тебе только фальшивое. Из него ты выйдешь как золото высочайшей пробы.

Назначение мистической школы в том, чтобы придать тебе мужества: «Не волнуйся. Мы прошли через это испытание; этот огонь холодный, а смерть – благословение».

Но если у тебя недостаточно мужества, тогда, наверное,

время твое еще не пришло; может быть, эта смерть случится в какой-то другой жизни рядом с каким-то другим учителем.

Но зачем откладывать?

То, что возможно прямо сейчас, не следует откладывать на завтра.

Зачем оставаться в несчастье даже еще на один день, даже еще на одну минуту, даже еще на одну секунду?

Смерть эго – смерть твоей личности, смерть всего, чем, как ты думал, ты был, сразу же открывает дверь.

В твоем сердце начинают распускаться новые цветы, начинают возникать новые песни, новые танцы.

Ты больше не ходишь, а просто танцуешь, летаешь.

И это такой экстаз, такое блаженство... надо только немножко мужества.

Возлюбленный Бхагаван,

Вы всегда говорили нам, что мы должны радоваться тому, что мы живы, но глубоко в себе я обнаружил очень сильное стремление к смерти – не то, чтоб мне хотелось совершить самоубийство, просто я хочу умереть естественной смертью.

Каким-то образом я знаю, что, умерев, я могу обрести то, чем я действительно наслаждаюсь, – безмолвие. Я могу сказать, что я сыт по горло этим отвратительным миром, он мне смертельно надоел. Кроме того, чтобы быть с Вами, нет ничего, к чему бы меня тянуло.

Возлюбленный Бхагаван, что со мной не так?

С тобой все в порядке.

Все не так с этим миром.

Только отсталые люди не испытывают скуки.

Ты разумен. Ты видишь, что нет ничего значительного. Жизнь – это тоска, повторение. Кажется, что в ней нет никаких приключений, никакого вызова; кажется, что нет никакой надежды. Завтрашний день будет таким же, каким был день вчерашний.

Скука – это прерогатива человеческих существ, ни одно другое животное в мире не скучает.

Видел ли ты когда-нибудь скучающее животное?

Скука – это высокое качество разума. Это значит, что ты проницателен, ты видишь, что в конечном счете нет ничего, кроме смерти. С пустыми руками ты пришел в этот мир, и с пустыми руками в один прекрасный день ты уйдешь из него,

а все, что происходит между рождением и смертью, ужасно скучно.

Поэтому я не могу сказать, что с тобой что-то не так.

Каждый разумный человек задумывается над тем, что, может быть, то, что недоступно в жизни, будет доступным в смерти. Психологи выяснили, что почти каждому разумному человеку по крайней мере один раз в жизни приходит в голову мысль о самоубийстве – он может и не совершить его, но такая идея у него возникает.

Особенно в этом столетии – такие величайшие философы, как Жан-Поль Сартр, Мартин Хайдеггер, Сёрен Кьеркегор, Марсель... почти все выдающиеся мыслители современного мира согласны в одном – они во многом расходятся, но в одном все они абсолютно согласны, – а именно в том, что жизнь не имеет смысла. А если это так, тогда естественным образом возникает вопрос: зачем продолжать жить? Если в жизни нет никакого смысла, тогда что за нужда тащиться от колыбели к могиле без всякого толку?

Есть только одна современная философия – экзистенциализм.

В разные века возникло много философий, но в этом веке есть только одна философия – и это экзистенциализм. А его основное положение настолько странно, что все эти философы кажутся безумцами. Если они не сумасшедшие, тогда сумасшедшие мы – другой альтернативы нет.

Все это философское движение, называемое экзистенциализмом, говорит, что жизнь бессмысленна, случайна, бесцельна, она полна тревоги и тоски, жизнь – это кошмар.

И какой контраст...

Гаутама Будда, Лао-цзы, Нагарджуна, Бодхидхарма... они говорят о блаженстве, о потрясающих возможностях экстаза, о прорастании в новые измерения бытия.

В чем же дело? Откуда эта диаметральная противоположность?

И Жан-Поль Сартр, или Ясперс, или Мартин Хайдеггер – это не глупые люди, они столь же разумны, как любой Гаутама Будда. Им недостает только одного... они полагаются только на рассудок. Они очень рациональные люди, они полностью забыли сердце. Они живут в уме, а ум – это пустыня. Там ничего не растет – там нет цветов, там даже нет ни одного оазиса.

Современный человек мало-помалу забыл язык сердца. Возможности, которые открываются только через сердце, полностью забыты. Осталось только одно – рассудок, рациональность.

И беда в том, что все прекрасное принадлежит сердцу, все существенное принадлежит сердцу, все значительное – это аромат сердца.

Рассудок очень хорош, когда речь идет об объектах, о мертвых предметах; для научных исследований рассудок – наилучший инструмент. Что касается вещей, то рассудок – лучший метод исследования. Но как только речь заходит о чем-то живом, рассудок оказывается бессильным. И если задать рассудку вопрос, касающийся жизни, любви, покоя, радости, блаженства, он будет все это просто отрицать, как будто этого вообще не существует.

Рассудок подобен слепцу. Если заговорить со слепцом о свете, он скажет, что никакого света нет. Ибо чтобы увидеть свет... ни слух, ни осязание, ни обоняние, ни вкус ничем здесь не помогут. Все органы чувств совершенны, но только глаза обладают способностью видеть свет, цвета, радугу.

У рассудка есть ограничение. Он является совершенным инструментом для изучения мертвых вещей.

И вот одна из ошибок всего этого века: мы спрашиваем у слепых о свете, мы спрашиваем у глухих о музыке.

Бесполезно спрашивать рассудок о любви, смысле, значительности, экстазе. Рассудок будет просто говорить, что этих вещей не существует, – ибо рассудок никогда не вступал в контакт с ними. Рассудок не намеренно отрицает их, просто они вне его досягаемости.

Хорошо, что в твоей жизни по крайней мере одна вещь все еще имеет значение: твоя любовь ко мне.

Но ты не можешь дать ей какое-то объяснение. Или можешь? Это что-то рациональное? В этом есть какая-то арифметика? Какая-то научная оценка? Твой ум может показать это?

Ты связан со мной не через ум; просто часть твоего сердца все еще живет со мной, все еще танцует, все еще поет. И в этом великая надежда: твое сердце не мертво, ты еще не отверг его полностью.

Этой маленькой лазейки достаточно. Если я смогу проникнуть через нее, я смогу принести тебе весь скрытый во мне рай – не беспокойся.

И ты такой молодец, что не думаешь о самоубийстве. Поэтому время еще есть, ты ждешь естественной смерти. Не беспокойся.

До прихода естественной смерти я дам тебе отведать естественной жизни.

И как только естественная жизнь опьянит тебя, ты

станешь частью вечного потока жизни, который не знает конца. Каждое мгновение тебе будет казаться, что ничего большего уже быть не может, но в следующее мгновение нечто большее будет становиться возможным.

Это бесконечный процесс. Только впусти меня. А помочь мне войти ты сможешь, если будешь медитировать.

Сиди тихо...

Жизнь скучна – так что хуже не будет, если ты будешь сидеть с закрытыми глазами, ведь смотреть-то не на что. Сиди себе тихо, спокойно.

Ты вглядывался во внешний мир и не нашел ничего, кроме бессмысленности. Теперь, попытай счастья с внутренним миром, смотри внутрь.

И я обещаю тебе, что те же самые глаза, которые ничего не нашли во внешнем мире, во внутреннем мире найдут все – это будет непрерывная аллилуйя!

Возлюбленный Бхагаван,

что со мной происходит? Я все больше и больше открываюсь, и у меня такое чувство, что тени в моем теле постепенно исчезают. Когда я закрываю глаза, я вижу в теле больше света. Это так прекрасно, и меня переполняют чувства к Вам – как никогда раньше.

Возлюбленный Бхагаван, возможно ли это? Я ли это? Почему все еще возникают эти сомнения? Не могли бы Вы объяснить это?

Все, что происходит с тобой, – это то, к чему в глубине души стремится каждый искатель.

Ты здесь именно для этого. Это только начало.

Вначале это вполне естественно: ум будет порождать сомнения. Но не надо сердиться на ум; ум не может понять это, это за пределами возможностей ума. И, естественно, ум хочет, чтобы ты оставался рациональным, рассудительным, нормальным.

Ум порождает сомнения по той простой причине, что он хочет защитить тебя. Он не против тебя, он пытается защитить тебя, чтобы ты не попал в некое безумное пространство.

Но ум порождает сомнения только вначале. И это как раз то время, когда учитель и его школа помогают тебе не придавать значения тому, что говорит твой ум, и исследовать то новое, что возникает в тебе.

Ты воспринимаешь свет. Все тени исчезают, и в тебе

возникает светящееся тело – тело света. Ум может признать существование скелета, но он не может признать существование светового тела.

Ум очень примитивен, он все еще верит в материю.

Физики пришли к выводу, что материи вообще нет, существует только энергия. Но частицы энергии движутся так быстро, что создают иллюзию материальности. Это совсем как быстро вращающийся вентилятор: ты не видишь три его лопасти по отдельности, они становятся кругом.

Если бы они двигались со скоростью света, как движутся электроны, ты бы мог сесть на вентилятор и не почувствовать, что под тобой что-то меняется. Ты бы не заметил, что между лопастями есть промежутки, так как прежде чем ты успевал бы заметить промежуток, одна лопасть вентилятора сменяла бы другую; скорость вращения превратила бы вентилятор в сплошной круг.

Все материальное только *кажется* материальным.

Но ум очень примитивен.

Сердце же ни примитивно, ни современно.

Сердце вечно, оно не знает делений времени.

Поэтому сердце может видеть тело из света без всяких сомнений. На самом деле тело из света более подлинно, чем то материальное тело, которое ты видишь, ибо тело из света – это тело из электронов, чистое электричество.

После второй мировой войны случилась такая история: один солдат возвращался домой. Он не был дома пять лет, и ему не терпелось обнять свою жену. Когда же он наконец обнял ее, его ударило – такой электрический удар, что он упал на землю. Он сказал: «Боже мой, что случилось?» Пять лет его жена ждала и ждала его, в ней накапливались электрические силы.

Позвали врачей. А они не могли даже взять ее за руку, чтобы пощупать у нее пульс, – их сразу же било током. Тогда позвали электрика в надежде на то, что у нее что-то не в порядке не по медицинской, а по электрической части.

Электрик очень испугался. Он сказал: «Пусть она сперва возьмет в руку электрическую лампочку».

Он дал этой женщине лампочку мощностью в сорок ватт, и, когда она взяла лампочку в руку, лампочка зажглась.

Это был первый случай такого рода. Эта женщина была насыщена электричеством. Благодаря этому случаю начались исследования в области электричества человеческого тела; и сейчас считается установленным фактом, что каждое человеческое тело обладает электричеством.

Если у тебя очень восприимчивые глаза, ты можешь

увидеть вокруг тела электрическую ауру. Ка́к на нзображениях Нанака, Кабира, Кришны, Рамы, Будды... эти круги над их головами не фикция, не плод воображения художников; эти ауры видели нх ученики и другие меднтирующие люди.

И сейчас в Советском Союзе есть один фотограф, который даже фотографирует этн ауры... Он разработал очень чувствительные фотопластнннкн. Его фамилия Кнрлиан, потому такая фотография получила названне «кирлнанова фотография». Он стал известен во всем мире. Еслн он сфотографирует тебя, то на фотографии ты увидишь не только свое физическое тело, но и окружающую его световую ауру.

И вот что странно: если кто-то потеряет руку в результате несчастного случая и Кирлнан его сфотографнрует, то на фотографни руки не будет, но аура рукн останется. Электрическое тело останется нетронутым – ннчто не повреждено, отпала только физическая часть. Еслн в результате несчастного случая ты потеряешь один палец, то на фотографии будет темное изображение четырех физических пальцев, окруженное более светлым контуром, а на месте пятого пальца будет только его более светлое изображение.

И так не только с человеческим телом. Если у розы оторвать один лепесток, то кнрлнанова фотографня покажет электрическую ауру недостающего лепестка.

Итак, с тобой происходнт вот что: по мере того как ты становншься тнхим, ты начннаешь осознавать свое внутреннее существо, которое окружено светом.

Древние называлн его астральным телом, световым телом, телом нз звездного света – нменно это н означает слово «астральный».

Только запомни, что это не из области ума, и скажи уму: «Это тебя не касается. Заннмайся своим делом».

Существование не ограничено умом, оно гораздо больше, оно гораздо таннственнее.

У тебя есть все возможностн, которые когда-либо были у любого мистика в мнре, но тебе надо утихомирить свой ум, а не то этн сомнення будут продолжать беспокоить тебя.

Вот почему я настанваю на том, что, прежде чем вступнть в таннственный мнр, надо сперва утихомнрить ум. Приучай ум молчать, не думать, чтобы когда ты войдешь в таинственный мнр, ум не становился у тебя на путн, не задавал тебе каверзные вопросы, на которые ты не можешь ответить, – и даже если ты сможешь дать ответ, ум не сможет понять его.

Возможности ума ограничены. Ум – это биокомпьютер. Это не все твое существо.

Сердце гораздо больше. А за пределами сердца есть еще твое существо, которое больше сердца. А за пределамн твоего существа есть универсальное бытие, которое бесконечно.

Чтобы проникнуть в эти тайны, тебе необходим безмолвиый ум, который не будет мешать тебе.

Возлюбленный Бхагаван,

Лао-цзы описывал природу будды скорее как женскую, чем мужскую – что делает весьма подозрительной историю о том, что если встретишь на своем пути Будду, то его надо убить.

Иначе говоря, предположим, что я встречу ее на пути. Бхагаван, это определенно сулит беду. Что Вы посоветуете?

Мнларепа, что касается *тебя*, то если тебе на путн встретится будда – как жеищииа, – для тебя это ие составит труда. Ты – великий губитель жеищин. Так что убей ее с любовью – какая в этом проблема?

Лао-цзы сильно облегчил тебе дело.

Это верно, что все великие качества являются женскнми: любовь, сострадание, сочувствие, доброта. Все этн качества обладают женским ароматом.

Есть и мужскне качества – качества воиа, мужество. Это жесткие качества – надо быть твердым, как сталь. Ибо мужскне качества развивалнсь на войне, а женские качества развнвались у домашнего очага, в саду любвн, в заботе о муже н детях – женщнна жнвет в совершенно другом мнре. Мужчина жнвет в непрерывной борьбе. За три тысячи лет на земле было пять тысяч войн – похоже, что убнйство является едииствеииой профессией мужчииы.

На днях Нирваио показал мие фотографию, на которой Рейгаи целует свою жеиу. У него такой вид, как будто он собнрается убнть эту женщину! Эту фотографню надо бы размиожить н распространить по всему миру – нбо ои выглядит совсем как шнмпаизе.

Даже в поцелуе есть какое-то наснлие – может быть, это ядерный поцелуй.

Мнр живет разделенным на две части. Мужчина создал свой собственный мир, а женщина живет в тени – она создала свой собственный мнр в тени. Это большое несчастье, нбо человек – мужчина это или женщииа, – чтобы быть полиым, цельным, должен обладать сразу всеми качествами. И мужчииы, и женщины должиы быть нежиыми, как лепесток розы,

и одновременно твердыми, как меч. Так что, какой бы ни была ситуация... Если ситуация требует от вас быть твердым, как меч, вы готовы; если ситуация требует от вас быть нежиым, как лепесток розы, вы готовы. Эта гибкость сделает вашу жизнь более богатой.

И вы должны сочетать в себе не только эти два качества – качества лепестка розы и меча, – ио и все другие качества.

Мужчина и женщииа – это две части одного целого; их мир тоже должен быть одиим целым, и оии должны обладать всеми качествами – ни одно качество ие должио считаться сугубо мужским или женским.

Когда кто-то обладает только мужскими качествами, этот человек многое теряет в своей жизни. Он стаиовится сухим, черствым, жестким, почти мертвым.

А женщина, которая полностью забыла, как быть твердой, как бунтовать, обречена на то, чтобы быть рабой, ибо у иее остаются только мягкие качества. Роза ие может противостоять мечу, она будет уничтожена.

Тотальное человеческое существо еще ие появилось иа свет. Есть мужчины и есть женщииы, ио нет человеческих существ.

Миларепа, все мое усилие иаправлеио иа то, чтобы привести в мир цельиого человека – со всеми прекрасными качествами женщины и со всеми бунтарскими качествами мужчины. И все эти качества должиы составлять единое целое.

Но с самого иачала мы говорим детям... Если маленькому мальчику хочется играть с куклами, мы говорим ему: «Как тебе не стыдно! Ты же мальчик, мужчина, а ведешь себя как девчонка!»

А если девочка пытается взобраться на дерево, мы сразу же останавливаем ее: «Так девочки не поступают! Это заиятие для грубых мальчишек. Сейчас же слезь вииз!»

С самого начала мы разделяем мужчииу и жеищину.

И дети страдают... ведь в том, чтобы взобраться на дерево, есть своя радость, и ии одна жеищииа ие должиа быть лишена ее. Быть на верхушке дерева, когда дует ветер, сияет солнце, поют птицы... если вы там ие бывали, то Вы нечто упустили. И только потому, что вы – женщииа... Страиио... Никому ие следует запрещать пускаться на поиски приключеиий – лазать по горам, плавать в океане – ибо в этом возбуждеиии есть иечто духовное.

Мужчине не следует мешать, когда ему хочется плакать. Но ему мешают, ему не позволяют дать выход слезам... ведь слезы – это только для женщии: «Ты же мужчина, и ты должен вести себя по-мужски». А слезы – это такое прекрасиое переживание.

В глубокой печали или в великой радости, когда человека что-то переполняет, слезы дают этому выход. А когда слезы подавляются, одновременно подавляется и то, чему они могли бы дать выход, – глубокая печаль или великая радость.

И хорошенько запомните, что природа здесь не установила различий. Она дала мужчине и женщине одинаковые слезные железы, одного размера.

Но если вы – мужчина и плачете, то все осуждают вас: «Ты ведешь себя как женщина!»

Вам следует ответить: «Что я могу поделать? Сама природа дала мне слезные железы. Природа ведет себя как женщина. В этом нет моей вины, я просто наслаждаюсь своей природой. Я имею право на слезы».

Все качества должны быть доступны каждому.

Есть мужчины, которые не способны на любовь, ибо в них воспитывались совсем другие качества: «Ты должен быть твердым. Ты должен драться за место под солнцем. Ты не должен проявлять эмоции. Ты не должен быть чувствительным».

Ну как можно ожидать от мужчины, который неэмоционален, нечувствителен, которого приучили не проявлять чувства... как можно ожидать от него любви? А когда ему недостает любви, жизнь его становится жалкой. И с женщинами делают то же самое.

Я бы хотел, чтобы все различия исчезли. Каждому следует позволять все, что является естественно возможным для человека – независимо от того, мужчина это или женщина.

И у нас был бы более богатый мир, состоящий из более богатых людей.

Возлюбленный Бхагаван,

можно мне задать Вам тибетский вопрос? Сейчас третье тело Господа Будды растворилось в Вас. Не называется ли оно ментальным телом? Означает ли это, что все ментальное наследие Будды, все его учение о медитации и посвящении – вся его система – растворилось в Вас. Означает ли это также, что Вы освобождаете земной шар от всех систем, поглощая их Вашей любовью и дружелюбием?

Пожалуйста, расскажите анекдот. Джайеш сходит с ума!

Во-первых, Джайеш, третье тело – это не ментальное тело.

Первое тело – это физическое тело. Второе тело – ментальное тело. Третье тело – астральное тело.

Человек становится просветленным, когда он превосходит ментальное тело.

Астральное тело состоит из чистого света – только пламя без дыма вокруг него.

Во-вторых, ты прав: я готов взять всю отраву в мире, которая сводит людей с ума, и выпить ее – ибо отрава эта не может сделать из меня безумца.

Я могу освободить людей от всех их ядов: теологий, религий, политических идеологий.

Это все яды, и с самого начала они постоянно сводят человечество с ума. Христиаие убивают мусульмаи, мусульмане убивают индуистов, индуисты убивают буддистов, и это продолжается и продолжается... атеисты убивают теистов, теисты убивают атеистов. Кажется, мы ие хотим, чтобы кто-нибудь в этом мире обладал свободой – по крайней мере свободой мысли.

В Советском Союзе преследуют моих санньясинов, правительство не оставляет их в покое. А они ие делают ничего дурного.

Только того, что оии связаны с чем-то, что не является коммунистическим, достаточно, чтобы привести коммуиистов в бешенство. Коммунизм должен быть едииственной религией в Советском Союзе.

Коммунисты ничего ие понимают из того, что я говорю; они не понимают, что мой атеизм является гораздо более утонченным, чем атеизм их Карла Маркса, их Эигельса, их Ленина.

Они не понимают, что я за подлинный коммуиизм в мире.

А в Советском Союзе никакого коммуиизма нет. Да, там больше нет капиталистов и теперь иищета разделеиа поровиу.

Я против нищеты. Я хочу, чтобы поровиу делилась не нищета, а богатство.

И осиовной идеей в коммунизме было создание бесклассового общества, – а этого не получилось. Там больше нет капиталистов, но люди, иаходящиеся там у власти, стали новым классом, новой элитой. Нигде в мире капиталисты ие обладают такой властью, какой обладает новая элита в Советском Союзе.

И после революции прошло уже семьдесят лет. Страиой правит одна и та же группа людей, в иее нет притока свежей крови. И они хотят установить свое господство иад всем миром.

И у Америки такое же иамерение: уничтожить свободу, уничтожить индивидуальность, создать во всем мире иепрямой империализм. Это ей почти удалось.

Я хотел бы разрушить все эти идеологии, освободить людей из их клеток, вернуть им крылья, вернуть им небо.

Так что ты прав. Это дело всей моей жизни.

И до последнего дыхания я буду продолжать делать то же самое – освобождать людей от индуизма, от ислама, от христианства, от иудаизма, от коммунизма, от фашизма, от национальностей, от деления на мужчин и женщин, черных и белых.

Сколько бредовых идей мы несем на своих плечах? Из-за этого бремени мы не можем расти.

Я хочу, чтобы все полностью освободились от этого бремени.

Я понимаю Джайеша. Он говорит, что сходит с ума... ведь почти три месяца он был в разлуке со мной.

История его жизни необычна.

Он был преуспевающим бизнесменом, а затем это ему надоело. Он услышал обо мне, почитал обо мне и приехал из Канады, чтобы быть со мной в моей американской общине. Он приехал с большими ожиданиями: «Теперь я буду сидеть и медитировать».

А на следующий день его арестовали вместе со мной и нас бросили за решетку.

Он сказал мне: «Бхагаван, это уж слишком. Я же приехал медитировать... Но в некотором смысле мне повезло, что я с самого начала нахожусь с Вами. Неважно, что в тюрьме...»

А затем он сопровождал меня по всему миру, нас депортировали из одной страны в другую.

Его не было здесь три месяца – он работал на меня. Определенно, он должен сходить с ума, ведь он пытается найти для меня штаб-квартиру. Он делает все возможное – но в последний момент вмешивается Америка. Ведь он постоянно окружен американскими шпионами. Американской посол непрерывно следит за каждым его шагом.

Когда правительство какой-нибудь страны уже готово подписать соглашение о предоставлении мне права создать общину в этой стране, в последний момент раздается телефонный звонок и сам американский президент начинает шантаж. Он угрожает: «Если вы позволите Бхагавану оставаться в вашей стране более тридцати шести часов, тогда вам придется вернуть нам все займы, которые вы получили от нас в прошлом, – а речь идет о миллиардах долларов. А если вы не можете вернуть их, тогда процентная ставка будет удвоена. Во-вторых, немедленно будут аннулированы все соглашения о займах на будущее, – а это опять миллиарды долларов. Вы

можете выбнрать, вы свободны; вы можете выбирать между Бхагаваном и амернканскими займами».

Естественно, ин одна страна не может позволнть себе... Им прнходнтся давать мне отказ.

Джайеш работал, работал н работал... почти целый год. На переговоры с полнтнкамн уходит одии или два месяца, а когда окончательное решенне вот-вот должио быть прннято, Америка начниает оказывать давлеиие. И это ие давлеиие, это просто шантаж. Амернка угрожает другим странам: «Мы задушим вас».

И, несомненно, страна будет задушеиа – она не может вернуть займы, а все ее будущие программы осиоваиы на займах, которые должна предоставить Америка. Все эти программы... останутся недостроеныимн мосты, больинцы, и безработица возрастет настолько, что вся экономика страны просто лопнет. Это экоиомнческий нмпериализм: внешне вы обладаете политнческой свободой, ио глубоко внутри вы не свободны, ннкто не свободеи.

Естественно, после трех таких месяцев ему иужеи анекдот, чтобы просто посмеяться.

Джайеш, я слышал, что некнй человек по имени Рейги – ннкакого отношення к Роиальду Рейгаиу – работал в цирке дресснровщиком слонов.

Он выдресснровал слона по прнказу поднимать одну иогу. Затем он выдресснровал его поднимать две ноги, затем – три. Рейгн во всем стремился к совершеиству, поэтому ои предпринял попытку выдрессировать беднягу-слона подннмать все четыре ноги одновремеино. В конце концов он пришел к выводу, что это иевозможио.

Но ему в голову пришла великолепная идея – он дал в газетах объявленне: «Любой, кто сможет заставить моего слона поднять все четыре ноги одновремеино, получнт от меня десять тысяч долларов. Плата за попытку – сто долларов».

Многне люди пыталнсь сделать это, но все оии потеряли по сотне долларов. Как может слон подиять... Они прибегалн к убежденню, гнпиозу, медитации, – ио ничего не получалось.

И Рейги был счастлнв, он собирал денежки.

Но в один прекрасный день к цирку подъехал голубой автомобнль с откндывающнмся верхом и из иего вышел человек очень маленького роста. Ои спросил у Рейги: «Ты – тот человек, который заплатит мие десять тысяч долларов, еслн я заставлю слона поднять все четыре иоги одновремеиио?»

Рейгн сказал: «Да. Но за право попытки ты должеи дать мне сто долларов».

Коротышка дал Рейги сто долларов и вериулся к своему автомобилю. Он достал из багажиика стальной прут.

Рейги представить себе ие мог, что собирается делать этот коротышка. Приходили люди, которые прибегали к помощи йоги... пробовали всевозможные приемы. «Что он будет делать?» – Рейги затаил дыхание.

Сперва коротышка подошел к слону спереди и посмотрел ему в глаза. Затем он подошел к слоиу сзади и изо всех сил ударил его стальным прутом по яйцам. Слои как подпрыгнул – и все его четыре иоги оказались в воздухе!

Рейги было обидно до слез. Он успел заработать на этом только восемь тысяч долларов. И этот коротышка его облапошил! Рейги пришлось отдать ему еще и две тысячи долларов из своего кармана. И этот коротышка уехал, увозя с собой десять тысяч долларов.

Но затем Рейги придумал, как ему вериуть эти десять тысяч долларов.

Известно, что слоиы кивают головой вверх и вииз, ио никто еще ие видел слона, качающего головой из стороны в стороиу.

И Рейги дал в газетах еще одно объявление: «Любой, кто заставит моего слоиа покачать головой из стороиы в сторону, получит от меня десять тысячи долларов. Плата за попытку – сто долларов».

Снова стали приходить люди и делать попытки. А Рейги собирал с них по сто долларов, он снова был доволен: приходило миого людей – йоги, даосы, дзэиские мастера, всевозможные колдуиы.

Но все оии терпели неудачу – слои только кивал головой вверх и вниз.

Но в один прекрасный деиь к цирку сиова подъехал голубой автомобиль с откидывающимся верхом и из иего вышел тот же коротышка. Рейги бросило в дрожь: «Этот тип... что ои выкииет на этот раз?»

Коротышка спросил: «Ты – тот человек, который даст мие десять тысяч долларов, если я заставлю слоиа покачать головой из стороны в сторону?»

Рейги сказал: «Да, но сперва ты должен дать мне сто долларов».

Коротышка дал ему сто долларов. Затем он подошел к своему автомобилю и достал из багажиика стальиой прут.

Рейги подумал: «Этот идиот... снова этот прут? Как же ои заставит слона покачать головой из стороны в сторону?»

А коротышка подошел к слону, посмотрел ему в глаза и сказал: «Ты узнаешь меня?»

Слон закивал головой: «Да».

Коротышка сказал: «А хочешь еще раз получить по яйцам?»

Слон закачал головой: «Нет!»

И коротышка потребовал еще десять тысяч долларов!

Беседа 23

ДЕСЯТЬ НЕ-ЗАПОВЕДЕЙ

25 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

сегодня после годичного перерыва, я снова вижу Вас, я снова с Вами. С самого утра я чувствую, что мое сердце бьется сильнее и быстрее, чем обычно, и я испытываю в животе какое-то пугающее чувство пустоты, как актер перед выходом на сцену. Слезы застилают мои глаза, хотя я не испытываю никакой печали. С одной стороны, я воспринимаю это как страх, нервозность. С другой стороны, это возбуждение, предвкушение; а с еще одной стороны, это энергия, чистая и простая – жизнь, пульсация.

Возлюбленный друг, мне определенно это не кажется проблемой, но не могли бы Вы рассказать о феномене приближения ученика к физическому телу учителя?

В жизни человека бывает очень мало моментов более магических, чем чувство любви и доверия, которое ученик испытывает к учителю.

Эта связь не от мира сего, ибо она – лестница к запредельному.

Приближение к учителю определенно придает новую пульсацию твоей жизненной энергии, твоей восприимчивости, твоей открытости. Это заставляет тебя танцевать, твое сердце начинает петь песню. Это момент ликования.

Это такой же момент, как тот, когда река, танцуя, впадает в океан, чтобы исчезнуть в нем, – но это исчезновение только для тех, кто стоит на берегу. Для самой же реки исчезнуть в океане – значит стать больше, стать самим океаном.

Приблизиться к учителю – значит в каком-то смысле стать учителем... а что может быть более радостным, более захватывающим?

Есть много видов любви, но та любовь, которая существует между учителем и учеником, является самой чистой: она не загрязнена ожиданиями, требованиями, условиями. Учитель принимает тебя таким, каков ты есть, без всякого желания сделать из тебя что-то другое. А ты любишь учителя потому, что он впервые за всю твою жизнь дает тебе свободу быть самим собой – без страха, без чувства вины.

Твое переживание естественно.

Оно случается с каждым учеником, это – космическое переживание.

Но оно не может случиться, если ты просто студент. Если ты пришел сюда только для того, чтобы о чем-то узнать, накопить знаний, тогда такое чудо невозможно.

Если же ты пришел сюда для того, чтобы расширить свое сознание, сделать свое существо более цельным, тогда ты пришел не для увеличения знаний, а для перерождения. Ты пришел, чтобы снова стать ребенком: ты пришел, чтобы вернуть себе чистоту, аромат, красоту твоей невинности.

Я не преподаватель, а это не то место, где знания имеют значение. Я просто присутствие, которое должно пробудить то, что спит в тебе, и позволить тебе познать самого себя.

Я здесь не для того, чтобы навязать тебе какую-то религию. Я здесь для того, чтобы сделать тебя совершенно невесомым: никакой религии, никакой идеологии... только проникновенная тишина, безмятежность, глубина, звездная высь.

Это – место, где обитает учитель... и функция этого места – магия... но не обычная магия, а магия, которая творит Гаутам Будд.

И, естественно, когда ты выходишь из твоей тьмы к свету становления Гаутамой Буддой, невозможно не быть в восторге, не быть в экстазе, не быть захваченным танцем.

Если ты жив, то из тебя будут рождаться звезды, в тебе будут распускаться цветы. Но если ты мертв, как большинство людей на земле, тогда с тобой ничего не случится – с мертвыми ничего не случается.

В жизни Махавиры случилась одна прекрасная история.

Однажды Махавира пришел в Васали, один из великих городов того времени. В Васали жил великий вор. У вора был единственный сын, которого он обучал своему искусству. Он сказал ему: «Ты свободен делать все, что угодно, но не приближайся к этому человеку, не подходи близко к Махавире. Я вор-мастер, но я тоже избегаю его, ибо этот человек опасен. Его окружает нечто магическое – и если ты попадешься, то выбраться будет невозможно. Так что запомни: ты можешь ходить повсюду, но избегай того места, где остановился Махавира».

Сын был послушным юношей. Много дней он избегал Махавиры, но искушение было таким сильным: «Вот человек,

которого отец так боится, что даже приближение к нему считает опасным... На него стоит посмотреть».

И однажды он приблнзился к роще, в которой остановился Махавнра с десятью тысячами учеников – он даже не вошел в рощу, а остановился на краю. И он услышал только одну фразу. Махавира говорил, что в раю ангелы н иебесные девы потрясающе прекрасны, но у них есть однн иедостаток: их ноги обращены носками назад. Ангелы хотят идти в одну сторону, а их ноги в противоположиую стороиу.

Боясь, как бы отец ие узнал, что он нарушил его запрет, юноша убежал. Но он подумал: «Там нет никакой опасностн, а Махавира просто рассказывает какие-то небылицы».

Но в ту же ночь его вместе с отцом поймали на месте преступлеиия. Получить какне-либо сведения от отца было невозможно, поэтому царь сказал: «Не тратьте время на отца, сосредоточьтесь на сыне. Может быть, от него мы сможем получить все иеобходимые сведения».

И вот что они придумали: юноше дали наркотик, и он проспал иесколько часов в полном беспамятстве. Его перенесли в самую краснвую комиату дворца и приставили к нему прекрасных девушек, которые должны были прислуживать ему. Когда к нему вернулось сознание, он подумал: «Боже мой, я умер. Я в раю. Это рай, который описывал Махавира. А девы действительно прекрасны. Все просто великолепно!»

Но затем он посмотрел им на ноги и сразу же понял, что что-то тут ие так: «Это не рай, ведь у девушек ноги такие же, как и у обычиых людей».

Девушки всеми способами пытались убедить его, что он умер и находится в раю. Они говорили: «Это только приемный покой. Прежде чем войти в настоящий рай, ты должеи рассказать все о своей жизни – таково правило. Все будет записаио, зарегнстрироваио, и только тогда ты войдешь в настоящий рай».

Они хотели, чтобы он сознался во всех преступлениях, которые он совершил вместе с отцом, – во всех кражах и убийствах, в которых их не смогли уличить. Но он только улыбался.

Он сказал: «Прекратите это. Я слышал слова самого Махавиры. Ваши иоги выдали вас. Это не рай, а царский дворец. Это все обман. Передайте вашему царю, чтобы он попробовал одурачить кого-нибудь другого. Я – ученик Махавиры».

Они сказали: «Странно. Когда же ты стал учеником Махавиры?»

Юноша сказал: «Проходя мимо рощи, в которой остановился Махавира, я услышал одну фразу, и сегодня эта фраза спасла меня».

И поскольку никаких доказательств не было, их в конце концов отпустили.

Юноша сказал своему отцу: «Я больше не буду слушать тебя. Если бы я не ослушался тебя и не услышал слов Махавиры, нас бы обоих повесили. Нас спасла одна-единственная его фраза. Я иду к этому человеку. Я попал в сети его магии».

И он стал великим учеником Махавиры.

Он сказал Махавире: «Ты спас меня. Теперь дай мне новую жизнь, ибо я не хочу быть спасенным для того, чтобы продолжать быть вором и убийцей. Хорошо, что меня поймали: случился разрыв. Начни мою жизнь сызнова, прими меня как дитя».

К учителю приходят в поисках утраченной невинности, утраченного детства, самобытности... в поисках индивидуальности, в поисках свободы.

Возлюбленный Бхагаван,

однажды – в пятницу, когда правоверные иудеи готовятся к субботе, – одному человеку, который не любил евреев, попался на улице ортодоксальный раввин. Желая поиздеваться над ним, он потребовал от раввина, чтобы тот, стоя на одной ноге, изложил всю философию иудаизма.

Раввин стал на одну ногу и сказал: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой. Таков закон, а все остальное – комментарии».

Если бы меня поймал такой мучитель и потребовал, чтобы я, стоя на одной ноге, объяснил в одной фразе Ваше учение, то было бы правильным сказать, что это свобода от подавления?

Это будет не так-то легко.

Во-первых, ты не знаешь имени того раввина. Его звали Хиллель. Он – самый знаменитый иудейский философ, и он, несомненно, сконденсировал всю философию иудаизма в одной сентенции.

Все так и было в действительности. От него потребовали, чтобы он, стоя на одной ноге, изложил суть иудаизма. И то, что

он сказал, прекрасно, но не без изъяна. Он сказал: «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой. Это суть иудаизма, а все остальное – комментарии». Все священные писания иудеев: *Тора*, *Талмуд*... – все это лишь комментарии к одному небольшому утверждению, которое подобно семени... «Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы другие поступали с тобой».

Что касается иудаизма, то ни один иудейский философ не усомнился в этом. И ни один неиудейский философ не поставил это под сомнение.

Но меня больше интересует человеческая реальность, а не философские аргументы.

А если посмотреть на человеческую реальность, то это утверждение неправильно – ибо то, что нравится мне, может не понравиться тебе.

Это утверждение может быть правильным только в том случае, если всем нравится одно и то же. А это не так.

Например, кто-то – мазохист, ему нравится, когда его бьют, ему нравится, когда его мучают. Ну и как он должен поступать с тобой – мучить? В соответствии с этим принципом, он должен бить тебя, он должен истязать тебя, ведь это – то, что он хочет, чтобы ты делал с ним.

Может быть, Хиллель и другие иудейские философы не осознавали, что есть люди, которые любят, чтобы их мучили, и есть люди, которые любят мучить других.

Последнее открытие современной психологии заключается в том, что есть садисты, которые любят мучить других, и есть мазохисты, которые любят, чтобы их мучили, и поэтому наилучшая супружеская пара получится, если садист женится на мазохистке. Они будут жить в раю, ибо ему нравится мучить, а ей нравится, чтобы ее мучили. Оба будут наслаждаться.

Но это очень трудно. Астрологи не думают об этом, родители не думают об этом. На самом деле, когда люди думают о браке, совершенно не принимается во внимание вопрос о том, является ли кто-то садистом или мазохистом. Прежде чем влюбиться, не забудь выяснить основной вопрос: если ты садист, ищи себе мазохистку, а если ты мазохист, тогда ищи себе садистку.

Лучшее место для поиска таких людей – приемная психоаналитика. Надо просто посидеть там, и ты найдешь всевозможные типы людей.

Но принцип, о котором говорит Хиллель, не применим во всех случаях.

И ты хочешь знать, что ты должен сказать, если кто-то потребует от тебя изложить мою философскую точку зрения... Это будет не так уж легко, ибо я вижу человека как многомерное существо. Ты сможешь изложить это, стоя на одной ноге, – но нет необходимости в каких-то сентенциях, тебе надо будет просто изложить десять не-заповедей.

Первая: свобода.

Вторая: уникальность индивидуальности.

Третья: любовь.

Четвертая: медитация.

Пятая: несерьезность.

Шестая: игривость.

Седьмая: творчество.

Восьмая: чувствительность.

Девятая: благодарность.

Десятая: чувство таинственного.

Эти десять не-заповедей выражают мое основное отношение к реальности, к свободе человека от всех видов духовного рабства.

Возлюбленный Бхагаван,

в 1983 году в Раджнишпураме нечто от запредельного вошло в меня. С тех пор я уже не тот человек, каким был раньше. Мои прежние цели и желания растаяли. Вещи, которые раньше для меня были полны смысла, утратили свое значение.

Но когда я говорю с людьми о медитации, о безмолвии и о том, что не дает нам погрузиться в него, во мне начинает возникать огромная новая энергия и ясность. Оживает каждая клетка моего тела. Я сам становлюсь слушателем того, что говорится через меня, и испытываю благодарность и любовь к людям, с которыми я могу разделить это.

Возлюбленный Учитель, стал ли я флейтой, инструментом для запредельного? Или это мое эго играет со мной злую шутку? Пожалуйста, объясните.

Это определенно изменило твою жизнь. Ты стал флейтой для божественного – ибо, если бы это было проекцией эго, то эго не позволило бы тебе задать этот вопрос.

И эго никогда не становится проводииком, посреднником, флейтой. Эго – не полый бамбук.

Эго очень плотное, оно ие позволяет высшим снлам нспользовать себя. Оно может существовать только в очень приземленном мире.

Отдаться высшим силам – значит войтн в священное, выйти за пределы мирского. Эго не может выйти за пределы мнрского. И в самой структуре эго заключена необходнмость восхвалять себя, хвастаться даже тогда, когда для этого нет ннкаких оснований.

Например, на тебя иисходит вдохиовение в поэзии, но эго хватается за него и заявляет на весь мир: «Это написано мной».

Ни одно великое поэтическое творение не было иаписаио эго, из него не может выйти ничего великого. Великое появляется только тогда, когда эго уходит с пути, когда оно не мешает, когда оио отсутствует, когда оио в отпуске.

О Рабиндраиате рассказывают, что когда ои писал стихи, он запирал дверь и приказывал домашиим ни в коем случае ие беспоконть его, пока ои сам ие выйдет из комиаты.

Это была большая семья. Дед Рабиндраната получил от британского правительства титул раджи, хотя ои был не царского рода, – ио ои владел таким количеством земли и был таким богатым, что мог бы купить иескольких магараджей. Семья была очень большая, во дворце жило около ста человек.

И это была весьма иеобычиая семья.

В своих мемуарах Рабиндраиат пишет: «К нам являлись в гости какие-то иезиакомые люди и оставались навсегда. А мой дед был таким человеком, что говорил: «Ладно. Должно быть, он нам какой-то дальиий родствеииик. Может быть, мы забыли об этом родстве, ои забыл, но судьба свела иас вместе. Пусть живет здесь».

Так что семья росла. Кто угодио мог прийти и сказать: «Я ваш родственннк, дальиий, очень дальиий». И его прииимали не просто как гостя... раз уж он попал в дом, то было бы иекультурио спрашивать его: «Когда ты уйдешь?» Его и ие спрашивали.

Но ие такова культура в Бомбее. В Бомбее люди первым делом спрашивают: «Когда вы собираетесь уезжать?» Вы еще даже в кресле не успели усесться, ваш багаж еще в такси, а у вас уже спрашивают, когда вы собираетесь уезжать, – ведь надо заранее заказать билеты.

То были другие времеиа, другие люди. И иикто ии у кого

не спрашивал, когда он собирается уйти. Зачем вообще уходить? Ведь можно жить в царском дворце, где ни в чем нет нужды.

Итак, по всему дворцу ходил слуга и звонил в колокольчик, предупреждая, что никто не должен беспокоить Рабиндраната. И все его братья, его отец и мать, его дед и все остальные домочадцы очень беспокоились, пока он находился в своей комнате, – а иногда он запирался на три-четыре дня, даже не принимая пищи.

Они спрашивали его: «В чем дело? Ты же можешь выйти и поесть, а потом вернуться в свою комнату. Никто не будет тебе мешать, никто не будет задавать тебе вопросы».

Он отвечал: «Выйти из комнаты для меня не проблема. Но дело в том, что когда на меня нечто находит, то стоит мне выйти из комнаты, чтобы принять душ или просто выпить чашку чаю, как тут же этот процесс останавливается. И не в моих силах вновь его начать. Тогда я не знаю, когда он начнется снова... нечто нисходит на меня, проходит через меня. Я просто проход. Я хочу, чтобы мне никто не мешал, потому что я не хочу мешать этому процессу».

Каждый великий поэт, художник, певец, танцор осознает тот факт, что он бывает великим только тогда, когда *его нет*. Это не противоречие.

Величайшим танцором этого века был Нижинский. Он сошел с ума, потому что родился на Западе; на Востоке он стал бы Гаутамой Буддой. На Западе не было соответствующей подготовки, чтобы объяснить ему, что с ним происходит, а у него бывали необычные переживания.

Когда он танцевал... он временами полностью забывал о себе, его так захватывал танец, что был только танец и не было танцора, – он совершал такие высокие прыжки, что это противоречило закону всемирного тяготения.

Ни один ученый не мог найти этому объяснение. Человек не может прыгать так высоко, это просто невозможно! И это еще не все.

Когда он опускался... любое тело в падении испытывает сильное притяжение земли. Но когда опускался Нижинский, он опускался так плавно... как сухой лист, падающий с дерева, или как перо. Это было еще труднее объяснить.

И когда люди спрашивали его: «Как вы это делаете?», он отвечал: «Когда я пытаюсь делать это, у меня ничего не получается. В конце концов я прекращаю попытки, и тогда в

один прекрасный день это внезапно случается, – но это случается только тогда, когда меня нет, когда я не деятель. Это нечто из запредельного».

Так что не беспокойся.

Если ты чувствуешь тишину, покой, любовь... это не пути для эго. Эго не может чувствовать тишину, эго не может чувствовать покой, эго не может чувствовать любовь.

Твоя медитация достигла зрелости.

Ты созрел.

Радуйся и будь благодарен.

Существование очень сострадательно. Если мы готовы открыть наши сердца, ничего не утаивая, тогда нам становятся доступными огромные сокровища.

Вначале могут возникнуть сомнения: «Может быть, это проделки эго?» Не оставляй места таким сомнениям.

Запомни: эго может порождать страдание, эго может порождать тоску, эго может порождать зависть. Но эго никогда не может стать проводником божественного, эго никогда не может стать проходом для запредельного.

Возлюбленный Бхагаван,
почему я всегда иду на компромисс?

Человек идет на компромисс, потому что он не уверен в своей правоте, он не уверен в своем собственном опыте.

Стоит тебе действительно пережить нечто, как идти на компромисс уже невозможно. Такой возможности нет. Ты идешь на компромисс только потому, что твоя идея – это всего лишь нечто умственное, нечто заимствованное. Ты не знаешь, правильная она или неправильная, поэтому если она окажется наполовину правильной, то это не такая уж плохая сделка.

В Египте есть одна древняя история. К царю на суд пришли две женщины, обе претендовали на одного ребенка. Каждая из них утверждала: «Ребенок мой».

Царю надо было принять решение, но это было очень трудно – как тут решить? У обеих женщин мужья погибли на войне, служа царю.

В конце концов он позвал на помощь своего учителя, старого мудреца. Учитель сказал: «Это очень просто. Дайте мне ребенка». Ему дали ребенка, и он сказал царю: «Ребенка надо разрубить пополам и отдать каждой женщине по полови-

не. В чем проблема? Обе заявляют о своем праве на ребенка, и поскольку нет никаких доказательств, никаких свидетелей, то справедливость требует разделить этого ребенка между ними, разрубив его пополам».

Царь был потрясен. Он сказал: «Что ты такое говоришь?»

Но прежде чем царь успел сказал что-то еще, учитель выхватил у царя меч из ножен. И одна из женщин выбежала вперед и закричала: «Нет! Отдайте ребенка той женщине, он не мой».

И учитель отдал ребенка этой женщине. Царь сказал: «Что происходит? Я не понимаю! Она же говорит, что ребенок не ее».

Учитель сказал: «Мать не может допустить, чтобы ее ребенка разрубили пополам. А другая женщина спокойно отнеслась к моему решению: разрубит так разрубит – ничего страшного, ведь это же не ее ребенок. Она готова пойти на компромисс, даже если ей достанется половина мертвого ребенка. А эта женщина не согласна идти на компромисс – ей нужен целый ребенок или не нужно никакого ребенка».

Когда ты обладаешь некой истиной, ты подобен матери – у тебя родилось некое переживание. Ты хочешь иметь его полностью или вообще его не иметь. Но ты не согласишься разрубить его пополам, ибо любое живое переживание, когда его рассекают пополам, становится мертвым.

Все компромиссы мертвы.

За всю историю человечества ни один человек, познавший истину, не шел на компромисс, а скорее был готов умереть за нее.

Так случилось с Мансуром аль-Халладжем. Его учитель, Джунайд, очень сильно любил его – а он был достоин любви – и многие годы пытался его убедить: «У себя в комнате ты можешь кричать: «*Анал хак*, я – Бог!» – но не делай этого на улицах. Ты же знаешь, что эти люди – фанатики. И мне тоже известен тот факт, что я – Бог».

Но аль-Халладж говорил: «Ты только знаешь этот факт, а я переживаю его. Ты пошел на компромисс с обществом. Ты – уважаемый учитель. А мне не нужно уважения. Я не буду скрывать мою истину. Истина подобна огню, ее нельзя спрятать. Я просто не могу не возвещать о ней с кровель!»

В мусульманской стране, где фанатизм является правилом, а не исключением, его, конечно же, схватили и привели к халифу, и тот сказал: «Это против нашей религии. Есть

только один Бог, и он пребывает на небесах. Ты же простой смертный. Даже сам Мухаммед не говорил: "Я – Бог!" Он просто говорил: "Я – посланец Бога". Ты что, с ума сошел? Либо прекрати это, либо единственным наказанием будет смерть».

Аль-Халладж сказал: «Я готов умереть, но я не могу пойти на компромисс в этом вопросе. Таково мое переживание: я *есть* бог. И я говорю, что ты тоже бог, – но твой бог спит, а мой проснулся».

Джунайд пришел в тюрьму, чтобы его переубедить: «Это же глупо. Ты такой одаренный молодой человек, перед тобой открыто великое будущее. Ты можешь стать великим учителем. Я знаю, что то, что ты говоришь, верно, но неужели ты не можешь пойти на компромисс?»

Аль-Халладж сказал: «Со всем уважением я хочу сказать тебе, что ты *не знаешь*. Вот поэтому ты и пошел на компромисс. Ты слышал – я вижу. Ты читал – я есть. Смерть не имеет значения, но о компромиссе не может быть и речи».

И в тот день, когда его распяли, тысячи людей пришли, чтобы бросать в него камни, оскорблять его. Джунайд тоже пришел, он любил его, он был его учителем и знал, что у него есть огромные возможности для роста. И он прекрасно понимал, что сам он только знал о истине, а аль-Халладж *переживал* ее.

Но именно так работает компромисс.

Все бросали камни в аль-Халладжа... не бросить в него камень было опасно, ведь люди могли бы подумать: «Этот человек – сторонник аль-Халлджа». И Джунайд принес с собой розу, чтобы посреди толпы, бросающей камни в аль-Халладжа, бросить ее в него – ведь люди увидят, что он что-то бросил, а что именно никто не разберет. Таков ум человека, идущего на компромисс... никто не должен заподозрить его в том, что он не бросил камень.

И он идет на компромисс по двум причинам: с одной стороны, он уступает толпе, делая вид, что бросает камень, а с другой – идет на компромисс и с аль-Халлдажем. Ведь аль-Халлдаж, несомненно, высматривает Джунайда в толпе, чтобы увидеть, хватило ему мужества прийти или нет, и не прийти было бы большой трусостью.

Аль-Халладж улыбался, когда камни градом сыпались на него, наносили ему раны и кровь струилась по всему его телу.

Но когда в него попала роза, брошенная Джунайдом, он заплакал. В его глазах появились слезы.

Кто-то спросил: «Что случилось? В тебя попало так много камней, но ты продолжал улыбаться; а когда кто-то бросил в тебя розой, у тебя в глазах появились слезы».

Аль-Халладж сказал: «Да потому, что люди, которые бросают в меня камни, не знают меня. А человек, который бросил в меня розу, знает меня, знает мою истину. Но он – трус, и мне стыдно, что я был учеником этого человека. Камни – ерунда. А вот цветок розы нанес мне тяжелый удар!»

Когда ты идешь на компромисс, это означает, что у тебя нет твердой почвы под ногами.

Вместо того, чтобы идти на компромисс, лучше найди эту почву, корни, индивидуальность. Обрети искренность чувства, поддержку своего сердца. Тогда не имеет значения, какими будут последствия.

Человек, который познал истину, прекрасно знает, что ему невозможно причинить вред. Его можно убить, но ему нельзя причинить вред.

А человек, который не познал истину, всегда дрожит, всегда беспокоится. В этом беспокойстве и трепете, в этой тревоге, он продолжает идти на компромисс с кем угодно – лишь бы быть в безопасности, лишь бы ему не причинили вреда.

Но что ты пытаешься спасти? Тебе нечего спасать. Те, кому есть что спасать, не идут на компромисс.

Сократу судьи предоставили возможность... если бы он согласился покинуть Афины, он мог бы жить где-то в другом месте и избежать смертного приговора. Любой бы посоветовал ему: «Ведь это простой компромисс: ты можешь жить прямо за городской чертой», – так как в то время в Греции были только города-государства, каждый город был государством. Выйдя из городских ворот, человек уже находился за пределами государства. Он мог бы жить почти в пригороде.

Но люди, подобные Сократу, просто невыносимы.

Он сказал: «Я скорее умру, чем уйду в изгнание. И кроме того, я стар. Сколько мне осталось жить? И если самый культурный город нашего времени не может терпеть меня, то кто же будет меня терпеть? Лучше умереть в Афинах, чем где-то еще – по крайней мере у меня будет утешение, что меня убил самый культурный город».

Судьи действительно изо всех сил старались спасти его,

ведь он не совершил ннкакого преступления. Просто толпа хотела его смертн – он развращал молодежь.

Любого, кто прнносит в мир новые мыслн, можно обвннить в том, что он развращает молодежь, – ведь он обязательно выступает протнв старых идей, он обязательно борется со старым. Это можно назвать развращеннем молодежи: «Он подрывает нашн устои, нашу религню, нашу культуру».

Судьи сказалн: «У нас есть еще одно предложенне: ты можешь жить в Афннах, но прекратн разговоры об нстине».

Сократ сказал: «Вы требуете от меня невозможного. До самого последнего вздоха я буду говорнть об нстнне – н только об нстине. Вы что, хотите, чтобы я начал лгать? Вы что, хотите, чтобы я вообще молчал? Но это тоже будет ложью, ведь знать истнну н не говорить о ней – значнт лгать, н ложь будет распространяться в людских умах. Нет, я останусь здесь и буду провозглашать истину. Вам решать – вы можете убить меня. Но никаких компромнссов!»

Попытайся обрестн свою индивидуальность, свою цельность и старайся не ндти на компромнсс. Ибо чем больше ты ндешь на компромнсс, тем меньше ты нндивндуальность. Ты всего лишь спица в колесе, просто часть большого механизма, просто небольшая часть толпы, – а не нндивид в своей собственной красоте, в своем собственном праве.

Я абсолютно против компромиссов. Уж лучше смерть, чем жизнь полная компромиссов.

Возлюбленный Бхагаван,

вот шутка для моего любимого учителя:

Много веков людей очень интересует вопрос, был ли Иисус евреем. Недавно ученые сделали значительный шаг на пути к ответу на этот вопрос. Результаты их исследований были опубликованы несколько месяцев назад.

Иисус был евреем по трем веским причинам:

1. Он жил с матерью всю свою жизнь.

2. Его мать всегда называла его «самым лучшим».

3. Получив в подарок всего лишь два деревянных бруса, он умудрился основать международную корпорацию...

Евреи так и не смоглн простнть себе то, что они распялн Иисуса, по той простой прнчнне, что он оказался у нbackslash самым лучшнм мальчнком.

Они представить себе не могли, что он создаст самую большую и самую богатую международную корпорацию. Почти половину населения мира составляют христиане.

И он действительно основал все это большое шоу из двух кусков дерева – именно из этих двух кусков дерева был сделан крест. Я никогда не называю христианство «христианством» – я называю его «крестианством», ибо оно на самом деле основано на кресте. Результаты исследований, о которых ты говоришь, совершенно верны. И он основал такую корпорацию, которая продержалась две тысячи лет и все еще растет.

А товар, который она производит, невидим.

Что касается умения торговать, то Иисус – самый лучший торговец. Его товар не представляет собой ничего особенного. Христианство отнюдь не великая религия, оно весьма примитивно, третий сорт. Но он ухитрился продать свой товар почти половине мира. А поскольку товар невидим, то очень трудно определить его качество.

Я слышал, что в одном из магазинов Нью-Йорка продавались заколки-невидимки для женщин и женщины просто сошли с ума – заколки-невидимки! И цена была очень высокая. Одна женщина открыла коробку... а заколку-невидимку, конечно же, нельзя увидеть – и она спросила у продавца: «Вы уверены, что в коробке есть заколка-невидимка?»

Продавец сказал: «Не беспокойтесь. Мы распродали весь их запас еще три месяца назад, но люди продолжают покупать коробки – и мы перестали заказывать их на фабрике, ведь в этом нет смысла. Это же невидимки – мы не можем видеть их, вы не можете видеть их, никто не может видеть их. А люди продолжают покупать их, выстаивая в очереди».

Бог – это невидимый товар, который нельзя увидеть. И запасы этого товара истощились не несколько месяцев, а целую вечность тому назад. Рай и ад – это все невидимые вещи... И Иисус ухитрился построить жульническую религию на таких вещах, как бог, рай и ад.

В этом нет никакой религии.

Можно спорить с Гаутамой Буддой. В его учении по крайней мере что-то есть – с ним можно соглашаться, можно не соглашаться.

Но в христианстве ничего нет – тут даже спорить не с чем, оно просто лишено всякого основания. Это сплошное лицемерие. Папа римский, архиепископы, епископы, кардиналы и священники – ни у одного из них не было никаких религиоз-

иых переживаний, оии даже не говорят, что переживают иечто. И их миллионы, и оии обращают других в свою веру.

Оии иичего ие зиают о том, что такое религия.

Может быть, поэтому оии и обладают такой привлекательиостью для всех идиотов. Посредствеииый ум ие хочет никаких переживаний, он даже не хочет никакнх разумиых доводов. Ои просто хочет вернть... а вера – самая дешевая вещь в мире.

Хрнстианство дает веру. Уверуйте, и вы спасеиы. А кто же эти спасители?

На диях Нилам рассказала мие об одиом монастыре в Европе. Это старый монастырь, а сейчас ои разделился иа две частн. Половина монахов заявила о том, что оии гомосексуалисты, – поэтому они отделились и заняли половииу монастырских помещеиий и половииу церкви.

И ие надо думать, что другая половина придерживается целибата, обета безбрачия; вероятиее всего, им просто иедостает мужества признаться в том, в чем призиались другие братья.

Когда я был в Америке, власти штата Техас приияли закон против гомосексуалнзма. Теперь Техас – самый отсталый штат в Америке: гомосексуализм запрещен, ои стал преступлеиием... и миллионы человек выступили с протестом протнв этого закоиа. Еслн в Техасе один миллион гомосексуалистов, то что же говорить о Калифорнии?

В парламенте Нидерландов обсуждался вопрос, почему мие был запрещен въезд в эту страиу. И мииистр, в ведеиии которого иаходятся такие дела, говорил странные вещи... но иикто из парламеитариев ие спросил у иего: «Что за чушь вы иесете?»

Можно поиять... Ои сказал, что мне было отказано в праве на въезд потому, что я высказываюсь против папы римского. Высказываться против папы римского – это ие преступлеиие... ни в одиой страие констнтуция не запрещает высказываться против папы римского. Но это еще можио поиять.

Во-вторых, ои сказал, что я высказываюсь против Матери Терезы.

Но разве это преступление?

И в-третьих, – самое важиое – я высказываюсь против гомосексуализма. Неужели вся Голлаидия стала гомосексуальной? Тогда иадо изменить название страны с Голлаидия на «Гомосексолаидия» – и ведь никто в парламеите ие возмутил-

ся: «Это бред, ведь мы же не гомосексуалисты!» Они могут быть католиками, они могут верить в папу римского...

Христианство проповедует целибат, а целибат – это нечто противоестественное. Он порождает гомосексуалистов, лесбиянок.

И в конечном итоге он привел к СПИДу, что означает смерть – ибо от СПИДа нет лекарства, медицина бессильна.

Предыдущий папа римский был всемирно известным гомосексуалистом. Прежде чем стать папой, он был архиепископом Милана, и весь Милан смеялся, потому что он повсюду появлялся со своим дружком. Когда он стал папой, он взял своего дружка с собой в Ватикан и сделал его своим секретарем. И все знали – весь Милан знал, весь Ватикан знал, но никто ие поднимал шума.

Похоже, что христиаиство породило самых невежественных людей в мире.

Я слышал такую историю: мужчиид и женщииа занимались в постели любовью – и вдруг раздался шум подъезжающей машины. Жеищина сказала мужчине: «Вставай! Мой муж вернулся, это его машина. Прячься в шкаф!» Мужчина спрятался в шкафу.

Вошел муж, ои заехал домой только на полчаса, так как у него были еще другие дела в городе.

И вдруг человек, спрятавшийся в шкафу, услышал тихий голос... кто-то сказал: «Как здесь темио!»

Человек сказал: «Боже мой, кто здесь? Пожалуйста, молчи!»

Голос сказал: «Дай мне что-нибудь». И человек дал ему пятнадцать долларов.

Голос сказал: «Мне хочется кричать от страха!»

Человек сказал: «Ты очень страииый тип», – и дал ему еще пятиадцать долларов.

Голос сказал: «Нет! Здесь так темно!» И человек отдал ему все, что у него было, – пятьдесят долларов. Он сказал: «Это все, что у меня есть. А теперь делай что хочешь – темно здесь или нет, будешь ты кричать или нет, у меия больше нет денег».

На следующий день к женщиие обратился ее маленький сын: «Я хочу купить себе велосипед».

Она сказала: «Велосипед? Но велосипед стоит ие меньше пятидесяти долларов».

Мальчик сказал: «Не беспокойся, у меня есть деньги».

Мать спросила: «Откуда у тебя эти деньги?»

Но об этом мальчик не захотел рассказать.

Мать сказала: «Ты должен сказать мне, где ты взял эти деньги. Ты украл их?»

Он сказал: «Нет, я их не украл. И я не скажу, от кого я их получил. Но можешь быть уверена в том, что я их не украл; я получил их абсолютно моральным способом».

Мать сказала: «Тогда иди в церковь и исповедуйся перед священником. Если ты не можешь сказать мне, скажи священнику, где ты взял деньги».

Итак, мальчик пошел в церковь и зашел в исповедальню, а затем в нее вошел священник. Мальчик сказал: «Как здесь темно!»

И священник сказал: «Ах ты, сукин сын! Опять ты за свое!»

Беседа 24

ВОСТОЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: НАУКА О ДУШЕ

26 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

почему современные психологи могут не думать и не писать о просветлении, или даже не представлять себе его? Разве просветление – новый феномен, выше их понимания? Поймут ли они когда-нибудь явление пребывания «за пределами просветления?

Пожалуйста, объясните.

Нарендра, современная психология еще не вышла из детского возраста. Ей всего лишь сто лет.

Концепция просветления принадлежит восточной психологии, которой почти десять тысяч лет.

Современная психология только начинает свой путь, она находится еще в начале алфавита, символизирующего ее развитие.

Просветление и то, что за пределами просветления, находятся в самом конце алфавита поведения человека.

«Современная психология» – это неправильное название, потому что слово «психология» происходит от слова «психе». «Психе» значит «душа». Точное значение слова «психология» – наука о душе. Но это весьма потустороннее слово.

Психология отрицает существование души и тем не менее продолжает называть себя «наукой о душе». Она признает только физическое тело и его побочный продукт – ум. Когда умирает физическое тело, ум тоже умирает; нет никакого возрождения, нет никакой реинкарнации. Жизнь – это не вечный принцип, а просто побочный продукт соединения определенных материальных веществ.

Надо разобраться, что такое «побочный продукт». Даже идея «побочного продукта» не оригинальна.

Пять тысяч лет назад в Индии была школа материалистов, которых называли чарваками. Они описывают ум как побочный продукт тела. И они приводят соответствующий пример. Надо помнить, что этому примеру пять тысяч лет. Мы можем найти ему современные параллели.

В Индии вы, должно быть, видели людей, жующих «пан» – листья бетеля. «Пан» состоит из четырех или пяти ингредиентов: листья бетеля и еще три-четыре вещества. Их можно

жевать по отдельности, и они не окрасят ваши губы в красный цвет; но если жевать их вместе, они создадут красный цвет как побочный продукт. Красный цвет сам по себе не существует, это – побочный продукт.

А вот современный пример: посмотрите, как работают часы.

Я слышал, что когда Мулла Насреддин удалился от дел, его друзья подарили ему золотые карманные часы. Часы были с автоматическим заводом – и Мулла был очень удивлен, он считал чудом, что часы продолжают работать без остановки.

Но дня через три-четыре часы остановились. Он был очень удивлен: что случилось?

Он открыл часы и обнаружил внутри мертвого муравья. Он сказал: «Теперь я знаю секрет! Этот муравей и приводил часы в действие, а теперь он умер и часы остановились. Эти идиоты должны были сказать мне, что часы приводятся в действие муравьем. Его же нужно кормить и поить. А иногда приходится даже менять муравья».

Когда часы работают, и если это часы с автоматическим заводом, что заставляет их тикать? Есть ли в часах некая нематериальная сущность, что-то вроде души? Откройте часы и разберите их на части, и вы не найдете никакой души. Именно это и утверждали чарваки еще пять тысяч лет назад: если душа есть, тогда разрежьте человека и вы должны найти ее. Или когда на войне воины рубят друг друга мечами, множество душ должны вылетать из разрубленных тел. Или когда в вашем доме случается естественная смерть, душа должна оставлять тело.

Чарваки были очень упрямыми материалистами. За пять тысяч лет материализм ни на шаг не продвинулся дальше, чем чарваки. Они взвешивали умирающего человека, а когда он умирал, они снова взвешивали его – вес был тот же самый: это доказывает, что от тела ничего не отделилось. Тогда что же тикало в теле? Это было нечто, являющееся побочным продуктом составных частей тела.

И материалисты всех веков – Эпикур в Греции, Карл Маркс и Энгельс в Германии и Англии – продолжали повторять ту же идею: сознание – побочный продукт. И современная психология приняла эту идею в качестве своей основы: у человека нет души, человек – это только тело.

В России после революции Иосиф Сталин оказался способным убить почти миллион человек. Каждого, кто не желал отказаться от права на собственность, безжалостно убивали.

Была уничтожена вся царская семья, которая сотни лет правила страной – одной из самых старых и больших империй в мире, – в этой семье безжалостно убили девятнадцать человек, даже шестимесячного ребенка не пощадили. Убивать было легко: ведь по их философии никакого убийства не было – это все равно что сломать стул.

В противном случае любому человеку было бы трудно убить миллион человек и не почувствовать никаких укоров совести. Но их философия оправдывала все эти убийства: ведь уничтожается всего лишь физическое тело. Отдельно от тела нет никакого сознания.

Современная психология все еще ведет себя глупо, поскольку она по-прежнему цепляется за примитивную идею чарваков, что сознание – это побочный продукт. Поэтому современная психология способна только на механическую работу.

У вас сломалась машина. Вы обращаетесь в ремонтную мастерскую, и механик приводит машину в порядок.

Психолог – это механик, он ничем не отличается от водопроводчика. Он просто подкручивает винты и гайки в вашем уме, которые время от времени дают слабину; он подтягивает их здесь и там... где-то они затянуты слишком сильно, где-то они дали слабину. Но все дело в винтах и гайках.

Вопрос о просветлении не возникает для современного психолога потому, что просветление основано на переживании, потому, что ум – это не вся ваша реальность.

За пределами ума есть ваше сознание, а просветление – это выход за пределы ума.

Как только вы пересекаете границу ума, вы входите в просветление – в мир потрясающего света, осознавания, самореализации, ликования.

Но есть возможность идти еще дальше – ибо это только ваше индивидуальное сознание. Если вы сможете выйти за его пределы, вы войдете в космическое сознание.

Мы живем в океане космического сознания, совсем как рыбы живут в океане и не подозревают о его существовании. Поскольку рыбы рождаются в океане, живут в океане и умирают в океане, они не осознают его. Если рыбак вытаскивает рыбу из океана и бросает ее на песчаный берег, тогда впервые рыба осознает, что нечто окружало ее, питало ее, давало ей жизнь – и что без этого она не может оставаться живой.

Очень легко дать рыбе возможность пережить состояние

вне океана. И очень трудно дать человеку возможность пережить состояние вне космического сознания. Ибо космическое сознание есть повсюду – у него нет никаких берегов, никаких границ. Так что, где бы вы ни были, вы всегда пребываете в невидимом океане сознания,

Современная психология не идет дальше ума.

Ум – это всего лишь инструмент, инструмент физического тела... поэтому они не ошибаются, когда говорят, что ум – это побочный продукт. Но ум – это не все. Ум – это всего лишь биокомпьютер, и не очень далек тот день, когда все функции ума перейдут к компьютеру. У вас появится возможность носить в кармане маленький компьютер, в котором будет содержаться вся Британская энциклопедия. Вы сможете немедленно получать любую информацию по любому вопросу – не будет нужды запоминать ее, не будет необходимости читать, учиться.

Очень скоро ум останется без работы.

Но психологов интересует только ум. И есть люди, так называемые «бихевиористы», которые говорят, что и ума нет, а человек – это только физический организм.

В Советском Союзе ум не признается. Советская психология еще более примитивна, она признает только поведение тела. Нет ничего такого, что можно было бы назвать умом; поэтому в Советском Союзе нет ничего напоминающего психоанализ. Им все ясно: если кто-то ведет себя ненормально, то он нуждается не в психоанализе, а в лекарствах. Его надо госпитализировать, у него просто болезнь – такая же, как всякая другая болезнь.

На Западе по крайней мере сделан первый шаг за пределы тела – не очень большой шаг, очень маленький, но все же они признают, что есть нечто вроде ума, который, хотя и является побочным продуктом, функционирует сам по себе, пока живо тело.

И сейчас это стало очень важной профессией: психологи, психоаналитики, психотерапевты – все они ковыряются в людских умах, так как у каждого ум не в порядке.

В этом мире есть только два типа людей: нормально помешанные и ненормально помешанные. Быть нормально помешанным – значит быть помешанным, но в допустимых пределах. Это значит быть таким же помешанным, как все.

Посмотрите, как эти нормально помешанные люди наблюдают за футбольным матчем. Может ли здравый человек наблюдать за футбольным матчем?

У них что-то не в порядке с винтами и гайками... Из-за того, что несколько человек с одной стороны и несколько человек с другой стороны перебрасываются мячом, миллионы идиотов на стадионе и перед телевизорами приходят в такое возбуждение, что на шесть часов оказываются приклеенными к своему месту... как будто нечто необыкновенно важное происходит, когда мяч перелетает с одной половины поля на другую. А миллионы других людей, которым не повезло, прижимают к уху транзистор, чтобы по крайней мере послушать комментарий.

И вы называете этот мир здравым?

А еще проводятся встречи по боксу: двое бьют друг друга, а миллионы людей приходят в страшное возбуждение.

Калифорнийский университет провел исследования... каждый раз, когда в Калифорнии проводится встреча по боксу, преступность сразу же увеличивается на тринадцать процентов и остается на этом уровне еще несколько дней: изнасилования, убийства, самоубийства. А другие исследования подтвердили, что бокс – это просто наше животное наследие.

Тот, кто возбуждается в вас, – это зверь, это не вы. Вам хочется кого-то убить – много раз вам в голову приходила мысль кого-то убить, – но вы не готовы отвечать за последствия.

В боксерском поединке есть психологическое утешение, вы отождествляетесь. У каждого боксера есть свои болельщики. Эти болельщики отождествляют себя с ним. Если он наносит сопернику удар и у того из носа начинает литься кровь, они ликуют. То, что они не могут сделать сами, за них делает кто-то другой.

В любом здоровом мире бокс считался бы преступлением.

Это игра, но все ваши игры кажутся примитивными... ничего разумного, ничего человеческого.

Эти нормально помешанные люди всегда балансируют на кромке. В любое мгновение они могут соскользнуть. Небольшое происшествие – жена умирает или уходит к другому, – и вы забываете о границе нормального, вы переходите через нее. Тогда вас объявляют сумасшедшим и тут же везут к психиатру или психоаналитику.

И какова его функция? Его профессия – самая высокооплачиваемая профессия в мире. Естественно, он делает людей снова нормальными, он тащит их назад, он не дает им уходить еще дальше от границы нормального. Все его знания направлены на то, чтобы вернуть их назад и сделать их нормально помешанными.

Естественно, люди, которые работают психиатрами, психоаналитиками и психотерапевтами, подвергают себя опасности, ведь они постоянно имеют дело с сумасшедшими. Естественно, среди психологов с ума сходит больше людей, чем среди лиц любой другой профессии – почти в два раза больше. И время от времени каждый психолог посещает другого психолога, чтобы тот снова вернул его в нормальный мир, из которого он выпадает.

Можно было бы ожидать, что по крайней мере психолог должен быть здоровым человеком, ведь он помогает свихнувшимся людям. Но это не так. Они ведут себя более безумно, чем кто-либо другой, и по той простой причине, что они с утра до вечера находятся в контакте со всевозможными психами, странными людьми, имеющими всевозможные бредовые идеи.

Одного человека привели к психоаналитику... Этот человек был убежден, что он мертв. Все ему говорили: «Не глупи. Ты же прекрасно ешь, спишь, разговариваешь, ходишь гулять – и ты говоришь, что ты мертв?»

Он отвечал: «Кто сказал, что мертвые не ходят гулять? Каждый день я встречаю много мертвецов, совершающих утреннюю прогулку».

Его семья не знала, что с ним делать.

Когда они поняли, что переубедить его невозможно... а он отказывался работать в принадлежавшем семье магазине. У него был ясный аргумент: «Мертвые не занимаются бизнесом. Среди бизнесменов я не видел ни одного мертвеца. Если вы покажете мне мертвеца, у которого есть свой бизнес, я пойду работать в магазин. Я делаю только то, что полагается делать мертвым – и ничего другого».

Они рассказали всю эту историю психоаналитику: «Бедняга находится в очень плохом состоянии!»

Психоаналитик сказал: «Не волнуйтесь. Я приведу его в порядок». Он взял иглу и спросил у этого безумца: «Что вы думаете о поговорке "Мертвому кровь не пустишь"?»

Тот сказал: «Она абсолютно верна. Я слышал ее, когда был жив. Да, мертвому кровь не пустишь».

Психолог был доволен. Семья тоже была довольна; они подумали, что психолог действительно великолепен: он поймал его на первом же вопросе.

Психолог уколол его иглой в руку – и выступила кровь. Он посмотрел на этого мертвеца и сказал: «Ну, а что вы теперь скажете?»

Тот сказал: «Это означает, что поговорка неверна. Мер-

твому можно пустить кровь. Поговорку я только слышал, а теперь я на собственном опыте убедился в том, что она иеверна».

Еслн вы целый день имеете дело с такими людьми, то и ночью вам будут сниться эти же самые людн. Естественно, пснхологн не живут здоровой жнзнью.

И они не смогут жить здоровой жизнью, пока не призиают, что есть нечто за пределамн ума.

Это запредельное – покой, убежище. Ум – это непрерывная болтовня, болтовня двадцать четыре часа в сутки. Только за пределами ума есть покой и тишина. В этом покое и тишине рождается нормальная психика.

Просветлеиие – это абсолютная вершнна нормальной психики... когда человек обладает совершеиным здравомыслием, доходнт до такой точкн, где тншииа, безмятежность, сознание присутствуют двадцать четыре часа в сутки – бодрствует он нлн спит. Там течет поток безмятежиости, блаженства, благословеиия – это питаиие, пища от запредельного.

Восточиая психология рассматривает ум как самую иизкую часть человеческого созиаиия – темную и мрачную.

Вам надо выйти за пределы ума.

И просветление – это не коиец, ибо это только иидивидуальное созиание. Иидивидуальиость подобиа двум берегам реки. Как только река впадает в океан, берега исчезают, все граннцы уинчтожаются. Вы выходнте за пределы просветления.

Современная пснхологня может многому научиться у восточной пснхологии. Она ничего не знает. Современная психология только аиализирует сиовидения, приводнт людей в порядок, чтобы они кое-как продолжали вести себя иормальио н подавляли свон ненормальностн.

Но оиа не прииосит иикакой траисформации.

Даже осиователн современной пснхологин – Фрейд, Юнг, Адлер, Ассаджноли – не те людн, которых можио отиести к одной категории с Гаутамой Буддой, Лао-цзы, Чжуан-цзы. Их нельзя отнести к одиой категорин с провидцами *Упанишад*, с Кабиром, с Нанаком н Фаридом. Это категория самых здравых людей, которых человечество произвело на свет, н им не было дела до сновнденнй, онн не проходнлн курс психоаналнза на протяжении миогих лет.

Это такой странный феномен: во всем мнре нет ин одиого человека, который бы прошел полный курс пснхоаналнза – ибо ои продолжается и продолжается, десять лет, двеиадцать

лет... Есть люди, которые проходят курс психоаиализа на протяжении двадцати лет, затрачивая на это миллионы долларов.

Тогда как во всем мире светские дамы говорят о бриллнаитах, рубинах и изумрудах, в Америке дамы говорят: «Как долго вы проходите курс психоанализа? Я хожу к психоаналитику уже триадцать лет!»

Это критерий богатства: это показывает, что вы можете. позволить себе платить миллионы долларов.

И бедняги-психоаиалитики должны выслушивать весь этот бред. Неудивительно, что они начинают сходить с ума, совершать самоубийства, выпрыгивать из окна тридцатиэтажного или стоэтажиого небоскреба! Попробуйте хотя бы двадцать мннут послушать, как женщина рассказывает о своих сновидениях... Это огромное облегчение для мужа, он совершенно счастлив, что она выплескивает весь этот бред на психоаналитика – и это не слишком дорого, ои может позволить себе заплатить за это. Но для бедняги-психоаналитика... Двадцать лет выслушивать женские рассказы о их дурацких сновидениях? И если в один прекрасиый день он выпрыгивает из окна, его нельзя строго судить – он достоин всеобщего сочувствия.

Но это большой бизнес.

На днях я говорил вам, что Иисус основал большой бизнес – христианство.

Другой еврей, Знгмунд Фрейд, основал другой большой бизнес – психоанализ. Еще один еврей, Карл Маркс, основал еще один большой бнзнес – коммуннзм.

Евреи – странные людн. Чем бы онн нн заннмались, ннкто не может соперничать с нимн. Сейчас одна половина мира является коммунистнческой, она в руках одного еврея, а другая половнна мира является хрнстианской, она в руках другого еврея. И кто знает – может быть, онн компаньоны?

Евреи всегда думают о бизнесе; нм нет дела до хрнстианства, нм нет дела до коммунизма. Зигмунд Фрейд умер, Карл Маркс умер. Где бы они ни были – в раю или в аду, – они могут радоваться тому, что их бнзнес идет хорошо; онн даже могли бы объедннться с Иисусом. Это была бы настоящая тронца: три еврея заправляют всем мнром.

Современная пснхологня не хочет признавать меднтацню, нбо меднтацня разрушит весь этот бнзнес.

Медитнрующему человеку не нужен ннкакой психоанализ. Чем глубже его медитацня, тем более здравомыслящнм он

становится и тем дальше за пределы ума продолжается его полет.

Медитация – величайшая опасность для психоанализа, для психологов. Оии должиы иастаивать на том, что за пределамн ума ничего нет, нбо, еслн за пределами ума есть нечто, тогда весь их бнзнес может лопиуть.

Восток должен утверднть себя... показать, что западная психология занимается глупостями.

Пснхнческое расстройство, которое на Западе ие вылечивается и за двенадцать лет, в любом дзэнском монастыре Японии вылечивается за трн неделн. И в дзэнском монастыре не прнбегают к пснхоаналнзу. Вы будете удивлены: там вообще ннчего ие делается... человека просто оставляют в уединенном месте – прекрасный сад, пруд. В положенное время ему прнносят еду, в положенное время ему подают чай, ио никто с ним не разговаривает, он должеи оставаться в безмолвин. Разинца в подходах бросается в глаза.

При пснхоаналнзе человек должен все время рассказывать о своих сиовнденнях, на протяженин многнх лет, два или три раза в неделю по часу илн два – столько, сколько человек может себе позволить заплатить.

А в дзэнском монастыре человека просто оставляют наедине с самим собой в краснвом, уютном месте. Ему дают музыкальные ннструменты, кистн и краски н прочее... он может что-то делать, но не разговарнвать. Три недели с ним никто не разговаривает.

Эти три недели людн занимаются живописью, нграют иа музыкальиых инструментах, работают в саду... и через три иедели они становятся совершенио нормальиыми, оии могут отправляться домой. Что же происходит?

Еслн спроснть у учителя дзэи, он скажет: «Ничего. Эти людн слншком много работали, нх умы слишком взвннчеиы. Им иадо расслабнться. Им надо заниматься фнзической работой, чтобы вся их энергня направлялась в тело, а ие в ум». И у этнх людей определенно появляется ннтерес... н без всякого вмешательства со стороны у инх исчезают все странные и бредовые идеи. Это очень простой способ, позволяющий больным людям разрядить свон перегруженные умы.

А медитацня – путь для здоровых людей, ие для больиых. Для разиых типов людей – разиые методы.

И тысячн людей достигли такой светозариости, такого великолепия, такой божествеиности, что всем психоаиалитикам мнра должно быть стыдио. Оии не смогли дать миру нн

одного такого человека. Даже основатели психоанализа – весьма ординарные люди... хуже, чем ординарные.

Зигмунд Фрейд так боялся смерти, что даже слово «смерть» было для него запретным. В его присутствии никто не смел произнести слово «смерть», потому что, услышав слово «смерть», он падал в обморок, он терял сознание. Таковы основатели современной психологии, и они собираются дать человечеству нормальную психику!

А с другой стороны... Один дзэнский монах перед смертью сказал своим ученикам: «Послушайте, я всегда жил по-своему. Я независимый человек. Я и умереть хочу по-своему. Когда я умру, меня здесь не будет, поэтому я даю вам указания, которые вы должны исполнить».

Совсем как в Индии, в Японии тоже перед погребальной церемонией покойника раздевают, моют и облачают его в новую одежду.

Он сказал: «Я сам помылся и переменил одежду, как вы видите. Поэтому, когда я умру, мое тело не надо будет мыть и переодевать. И это наказ вашего учителя, так что запомните: умирающему не следует отказывать в последнем желании, – а я не прошу многого».

Ученики сказали: «Мы сделаем, как вы приказали. В этом нет ничего трудного».

Он умер, и при этом присутствовали тысячи учеников. Когда его тело положили на погребальный костер, все они начали смеяться и хихикать – в своей одежде он спрятал шутихи! Он превратил свой погребальный обряд в *дивали*, чтобы все смеялись – ибо таково было его учение: жизнь должна быть танцем, радостью, а смерть должна быть праздником.

И говорят, что даже после смерти он устроил так, что люди не стояли вокруг него с печальными лицами, а смеялись. И каждый, кто приближался к тому месту, тоже начинал смеяться – такой сцены еще никто не видел.

Есть люди, которые постигли жизнь и смерть. Они могут превратить смерть в шутку.

Но не Зигмунд Фрейд, который падал в обморок от слова «смерть».

И так же обстоит дело с другими великими психологами. Юнг хотел поехать в Египет, чтобы увидеть древние мумии царей и цариц, – мертвые тела, которые хранились тысячи лет. Но он очень боялся смерти и мертвых тел. Он был учеником Зигмунда Фрейда. Двенадцать раз он заказывал билеты в

Египет, и каждый раз он находил повод, чтобы отменить поездку: «У меня лихорадка» или: «У меня срочная работа».

И он знал. Он написал в дневнике: «Я знаю, что все это лишь предлоги. Я уклоняюсь от поездки в Египет, но чем больше я уклоняюсь, тем больше меня туда тянет – я должен туда поехать, это вызов моему мужеству. Неужели я такой трус? И я снова заказываю билеты, я снова набираюсь мужества, я снова стараюсь убедить себя, что бояться нечего... это просто мертвые тела, которые не могут причинить мне никакого вреда. Многие люди отправляются посмотреть их. Они выставлены в музее. Каждый день их видят тысячи людей. Почему я так боюсь?» Но все его аргументы не срабатывали.

В конце концов, когда он в двенадцатый раз заказал билет, он смог найти в себе силы, чтобы добраться до аэропорта... но когда на взлетную полосу был подан самолет, все его мужество и все его аргументы исчезли. Он сказал: «Я чувствую себя очень плохо, меня тошнит. Я хочу домой, я отменяю поездку». И после этого он никогда больше не отваживался заказывать себе билет в Египет, двенадцати раз было достаточно. Он так и не попал в Египет, до которого было всего лишь несколько часов полета.

Он поехал в Индию и посетил все индийские университеты. Но он не захотел посетить одного человека, которого он просто обязан был посетить. Он не захотел посетить Шри Раману Махариши.

И в каждом университете ему говорили, что он понапрасну теряет время. Ему предлагали: «Вы приехали, чтобы понять восточный подход, но мы все получили западное образование на факультетах психологии индийских или западных университетов. Вы просто теряете время. У нас западное образование. Мы ничего не знаем о Востоке. Но, к счастью, есть один человек – он ничего не знает о психологии, он абсолютно необразован, но он представляет собой Восток. Этот человек переживает предельные полеты медитации. Отправляйтесь к нему и посидите рядом с ним».

Юнг доехал до Мадраса, но не захотел отправиться к нему, хотя до него можно было добраться за двадцать четыре часа. И этот человек приехал в Индию, чтобы понять восточный подход к психологии!

Западная психология – это и есть современная психология – находится в детском возрасте.

Восток исследовал человеческое сознание на протяжении десяти тысяч лет. Он проник во все закоулки человеческого

существа – он постиг внешнее и внутреннее, индивидуальное и универсальное.

Но, к сожалению, даже восточные психологи и профессора психологии не имеют представления о восточном подходе. Они – попугаи, повторяющие слова западных психологов. У них нет ничего оригинального. Иногда даже попугаи бывают более разумными.

Я был преподавателем в университете, и я находился в постоянном конфликте с другими преподавателями. Я говорил им: «Вы – попугаи. Вы являетесь агентами Запада, сами того не зная. Вы развращаете восточный ум, ибо вы не знаете, что творите. Вы даже не осознали то, что уже открыто Востоком. Вы – просто ксерокопии дипломов западных университетов».

Когда я был университетским преподавателем, я часто рассказывал одну историю.

Один епископ искал себе попугая. Его старый попугай умер. То был очень религиозный попугай – религиозный в том смысле, что он мог точно повторить Нагорную проповедь, слово в слово. И каждый, кто слышал его, приходил в изумление. Этот попугай умер, и епископу стало его недоставать.

Поэтому он пошел в большой зоомагазин и стал присматриваться. Там было много попугаев, обладавших самыми разными достоинствами. Но он сказал: «Нет, мой попугай был почти святым. Мне нужен очень религиозный попугай».

Владелец зоомагазина сказал: «У меня есть один особый попугай, – но цена может показаться вам слишком высокой. Он не обыкновенный святой, а весьма особенный святой. Пойдемте со мной. Я держу особых попугаев не в магазине, а в моем доме, который находится за магазином».

Там в золотой клетке сидел прекрасный попугай.

Владелец зоомагазина сказал: «Вот религиозный попугай. Вы так расхваливали своего попугая, но этот попугай уникален – вы забудете о вашем старом попугае. Подойдите поближе и посмотрите: к его правой ноге привязана нитка – если вы потянете за нее, он повторит Нагорную проповедь. И к его левой ноге привязана нитка – если вы потянете за нее, он повторит Песнь Соломона. Так что, если к вам в гости придет иудей, вы можете заставить попугая повторить Песнь Соломона из Ветхого Завета; а если к вам в гости придет христианин, тогда – Нагорная проповедь из Нового Завета».

Епископ сказал: «Великолепно! Это действительно заме-

чательный попугай. А что будет, если потянуть за обе нитки сразу?

Но прежде чем владелец зоомагазина успел что-либо сказать, попугай крикнул: «Никогда ие делай этого, идиот. А то я упаду на задницу!»

Даже у попугаев есть иемного разума.

Рано или поздно психологии придется исследовать те состояния, которые создает медитация, – пространства за пределами ума.

И пока она ие отважится проникнуть в сокровенную сердцевииу человеческого существа, она не станет наукой.

Пока она еще не заслуживает своего имеии; она должна доказать, что оиа действительно «психология» – наука о душе.

Возлюбленный Бхагаван,

во время глубокого расслабления я испытываю такие странные переживания. Во-первых, я чувствую, что отрываюсь от земли; и, во-вторых, я чувствую прикосновение рук, пытающихся помочь мне. Каждый раз, когда это случается, я испытываю ужасный страх, не смею открыть глаза и делаю все, чтобы приземлиться.

Бхагаван, могу ли я довериться и отдаться этому, или в этом есть какая-то опасность? «Я» не заставляю себя летать. Я не знаю, как далеко это может зайти и смогу ли я вернуться.

Пожалуйста, объясните.

Во-первых, неужели ты ие узиаешь мои руки? Открой глаза и присмотрись хорошенько! Ты же видишь мои руки каждый деиь.

Если в медитации ты чувствуешь появлеиие двух рук, не закрывай глаза. И ты сможешь узиать мои руки.

Тут иечего бояться. На самом деле чувство отрыва от земли обладает огромиой ценностью. Тебя в действительиости не подиимает, ты остаешься на земле; твое тело в действительности ие отрывается от земли.

Но у тебя есть три тела.

Твое физическое тело будет оставаться на земле.

А благодаря медитации твое меитальное тело будет успокаиваться, расслабляться.

Только астральное тело способно подниматься вверх. Оно неподвластио гравитации.

Свет иеподвластеи гравитации. Вот почему пламя свечи устремляется вверх. Даже если перевериуть свечу вниз фитилем,

пламя сразу же повериется вверх. Пламя не может устремляться винз, потому что гравитация не действует иа свет.

Твое астральиое тело сотворено только из света, нз электронов.

Это весьма показательио, что ты чувствуешь, что твое тело поднимается вверх. Естествеиио, вначале тебя будет охватывать ужас: что происходит?

Но открой глаза.

Это те мгиовения, когда я действительно с тобой – в случае, если ты нуждаешься во мне. Поэтому-то ты и чувствуешь прикосновение двух рук – ибо это очеиь деликатный момент. Может случиться что угодио.

Открой глаза и смотри. Ты будешь удивлен, ибо тебе покажется, что ты воспаряешь над своим телом, а оно лежит на полу. Но ты увидишь тонкую ннть, сияющую нить, как бы сотканиую из серебра, которая соедиияет тебя с лежащим на полу телом. Эта серебряная нить соединеиа с твоим пупком – и она очень гибкая.

Ты можешь улететь выше, и оиа легко потяиется за тобой. Ты можешь опуститься ниже.

Но не бойся. Не иачииай думать: «А как мие вериуться в мое тело?»

Ты выходишь из тела ие собствеиным усилием. Двигаться иаружу твоему астральному телу помогает твое безмолвие, твой покой. Как только тебе захочется вернуться в физическое тело, ты иемедленно обнаружишь себя в нем. И те две рукн, прикосновеиие которых ты ощущал, исчезнут, как только ты сиова окажешься в физическом теле.

И присмотрись внимательиее к моим рукам, потому что это будут те же самые руки: и, естественно, тебе не стоит бояться моих рук. Мои руки иикогда ннкому не причиняли вреда.

На самом деле я ничего ие могу сделать моими руками – это, должно быть, самые леиивые руки во всем мире.

Но твое переживание имеет огромное значение, оно обладает безупречиой красотой.

А страх, что если ты будешь двигаться все дальше и дальше, то куда это может завести... Не беспокойся. Куда бы это ии завело, ты попадешь в нужное место, в нужное пространство.

Расслабься н оставайся в состояиии раскрепощення. Ты не должеи пытаться контролировать движение, нбо ты гораздо меньше той энергии, которую пытаешься контролировать. Лучше всего – просто отдаться Существованию и позволнть

ему нести тебя туда, куда ему будет угодно; оно еще никогда никого не доставляло в плохое место.

Оно всегда доставляет человека домой.

Возлюбленный Бхагаван,

на сияющих морях одиночества таинственный ветер наполняет мои паруса, задавая направление моему путешествию и маня меня дальше в неизвестные воды.

Мой возлюбленный капитан, когда неизвестное становится непознаваемым?

Миларепа, твой вопрос очень прост.

Ум можно разделить на две части: известное и неизвестное.

Все ваши университеты и образовательные системы пытаются сделать только одно: перевести ваши умы полностью в область известного, рассеять неизвестное, рассеять невежество.

За пределами известного и неизвестного есть то, что я называю «непознаваемым». Оно за пределами ума. Это мир таинственного, мир чудесного.

Как только вы выходите за пределы ума, неизвестное остается позади и вы входите в непознаваемое. А непознаваемое – это область подлинной религии. Вы переживаете ее, вы живете ею, вы чувствуете ее, она становится биением вашего сердца, но вы не можете сказать, что познали ее. Знание кажется гораздо более низкой категорией.

Непознаваемое принадлежит к категории бытия, а не к категории познания.

Мистики всех веков и всех стран прикладывают все усилия, чтобы вытолкнуть вас из известного и неизвестного в непознаваемое – вытолкнуть вас из ума в океан таинственного. Там вы будете переживать многое – вообразимое и невообразимое, – но ничего из этого вы не сможете перенести в мир знания, вы не сможете выразить это словами, языком, символами.

Это напомнило мне историю об одном ребенке... А мистик почти как дитя... Этот ребенок сидел перед чистым листом бумаги, под рукой у него были разложены кисти и краски, а рядом его отец читал газету. Снова и снова отец поглядывал на ребенка... тот ничего не делал, а просто сидел. Отец спросил: «Что ты делаешь?»

Ребенок сказал: «Я рисую».

Через полчаса отец сказал: «Но я не вижу, чтобы у тебя на листке что-нибудь появилось. Ты еще не решил, что именно будешь рисовать?»

Мальчик сказал: «Нет, дело не в этом. Я уже все нарисовал».

Отец подошел поближе. Он сказал: «Уже нарисовал? Я никогда не думал, что ты будешь дурачить меня! Чистый лист – ты даже не прикоснулся к нему!»

Мальчик сказал: «Нет, отец, я уже нарисовал мою картину: корова ест траву».

Отец сказал: «Корова ест траву? Где же корова?»

Мальчик сказал: «Съев траву, она ушла. Что ей теперь здесь делать?»

Отец сказал: «Хорошо. А где же трава?»

Мальчик сказал: «Ты странный... Корова же съела траву и ушла».

Отец сказал: «Как тебе такое вообще пришло к голову? Ты что, дурака из меня делаешь?»

Мальчик сказал, «Нет, я не дурачу тебя. Я видел траву. Я видел корову. Я видел, как корова съела траву и ушла».

Ребенок невинен. Может быть, его воображение... А воображение у ребенка действительно могучее – дети не могут различать реальность и мечту. Наверное, он видел корову и видел траву, и пока он их видел, он ничего не рисовал. Какой смысл рисовать это на бумаге, когда корова и трава уже есть? Но затем корова съела траву и ушла...

Отец сказал: «С сегодняшнего дня я запрещаю тебе рисовать. И прекрати воображать всякие глупости, а не то ты сойдешь с ума!»

Именно это мы и делаем с каждым ребенком. Мы не позволяем воображению ребенка развиваться до такой точки, когда воображаемое становится почти реальным; в противном случае каждый человек заключал бы в себе поэта, художника, певца, танцора.

И в конечном итоге, кульминация всего – это мистик!

Когда вы спели самые лучшие свои песни, тогда ваша песня – безмолвие.

Когда вы танцуете самый лучший ваш танец, танцор исчезает. А без танцора какой может быть танец?

Когда ваша поэзия совершенна, поэта нет. Поэзия имеет огромное значение, но никакого смысла.

Древняя даосская пословица говорит: «Когда лучник

совершенен, он выбрасывает лук и стрелы. Когда музыкант совершенен, он забывает о своих инструментах».

Есть такой таинственный мир – нелогичный для ума, но сверхлогичный для тех, кто понимает мир мистика. Он окружает нас, нам только необходимо иметь правильное восприятие, нам нужны ясные глаза, необремененные знаниями – невинные, невесомые.

Нам нужны крылья – крылья любви, а не логики.

Логика тянет вас вниз. Она подчиняется гравитации.

Любовь уносит вас к звездам.

Освободите в себе мистика, и вы найдете все, что стоит найти.

Беседа 25

ТЫ ЕСТЬ ТО, ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ

28 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

время от времени мне на ум приходит одна прекрасная история, которую Вы рассказали нам более года назад.

Это история о юноше, который отправился на поиски истины и после нескольких неудач получил задание пасти коров. Его отправили с несколькими коровами в горы и приказали не возвращаться, пока ему не удастся увеличить их число до одной тысячи. Прошли годы, и в один прекрасный день он услышал, что коровы говорят: «Нас уже тысяча!» Он, в конце концов, вернулся в долину, где люди с трудом могли отличить его от животных.

Часто, только от воспоминания об этой истории, мои глаза наполняются слезами. В конце этой истории столько красоты и свежести, что на несколько мгновений все мое существо замирает.

Бхагаван, мне бы хотелось, чтобы Вы рассказывали эту историю снова и снова: «Нас уже тысяча! Нас уже тысяча!»

Возлюбленный Бхагаван, какой смысл несет эта история? Почему этот маленький рассказ наполняет меня благоговением и слезами? Пожалуйста, объясните.

Это одна из самый древних историй сердца, это история о мире за пределами слов – о познанни, а не о знаниях, о полной невинности, которая есть дверь к божественному.

Эта нсторня заключает в себе саму суть медитатнвностн. У нее много измеренй, много скрытого смысла, и неуднвнтельно, что она наполняет тебя слезамн радостн.

Эти слезы показывают, что эта история задела твое сердце, само твое существо. Оии показывают, что ты уловил ее вкус, хотя и не понимаешь, о чем эта история. Ты почувствовал ее красоту, ее благость, ее глубнну, – но тебе трудно объяснить самому себе, что имеино ты иашел.

Ты нашел мир магии, тайиы и чудес.

Я с удовольствием расскажу тебе всю историю еще раз.

Но надо рассказывать тысячи и тысячи раз, ибо каждый раз ты будешь находить какой-то новый аромат, какую-то новую прелесть, какое-то новое небо с новыми звездами.

И за этим небом есть новые небеса.

Когда-то я жил в одном месте... Я жил там двадцать лет

– в Джабалпуре. В старину он назывался *Джабалипур*, он получил свое название в честь Сатьякама Джабала – великого мистика и провидца из *Упанишад*.

Эта история о Сатьякаме Джабале.

Сатьякам был очень любознательным ребенком. Он ни во что не верил, пока не переживал это на собственном опыте.

Когда он подрос, ему тогда, должно быть, было лет двенадцать, – он сказал своей матери: «Вот и пришло мое время. Сын нашего царя ушел в лес, чтобы присоединиться к семье провидца. А ему столько же лет, сколько и мне. Я тоже хочу уйти к провидцу. Я тоже хочу узнать смысл жизни».

Мать сказала: «Это очень трудно, Сатьякам, но я знаю, что ты родился искателем. Я боялась, что в один прекрасный день ты попросишь меня отправить тебя к учителю. Я бедная женщина, но трудность не в этом. Трудность в том, что когда я была молодой, я служила во многих домах – я была бедной, но я была красивой. Я не знаю, кто твой отец. И если я пошлю тебя к учителю, у тебя обязательно спросят имя твоего отца. И я боюсь, что ты можешь получить отказ. Но от попытки худа не будет. Иди и расскажи всю правду, как я ее рассказала тебе. Многие мужчины пользовались моим телом, так как я была бедной. Просто скажи, что ты не знаешь, кто твой отец. Скажи учителю, что тебя зовут Сатьякам, а имя твоей матери – Джабала, так что они могут называть тебя Сатьякам Джабал. А что касается поиска истины, то не имеет значения, кто твой отец».

Сатьякам пошел в лес к провидцу... и, конечно же, первым делом его спросили: «Как тебя зовут? Кто твой отец?»

И он в точности повторил то, что сказала ему мать.

Там было много учеников – царевичи, дети богатых людей. Все они стали смеяться.

Но старый учитель сказал: «Я принимаю тебя. Неважно, кто твой отец. Важно, что ты правдив, искренен и смел – ты оказался способным рассказать правду, не смущаясь. Твоя мать дала тебе правильное имя. «Сатьякам» означает «тот, чье единственное желание – истина». У тебя прекрасная мать, и тебя будут звать Сатьякам Джабал. По традиции в ученики можно принимать только браминов. Я объявляю тебя брамином – ибо только брамин может найти в себе мужество, чтобы рассказать такую правду».

То были прекрасные времена. Старого провидца звали Уддалак.

Сатьякам стал самым любимым его учеником. И он заслуживал этого, он был так чист и так невинен.

Но Уддалак имел ограниченные возможности.

Хотя он был человеком больших знаний, он не был просветленным учителем. И он обучил Сатьякама всем писаниям, он передал ему все, что знал сам, но он не мог обмануть Сатьякама, как обманывал всех других.

Не то чтоб у Сатьякама возникли какие-то сомнения; просто его невинность обладала такой силой, что старику пришлось признаться: «Все, что я тебе говорил, – это знания, почерпнутые из священных писаний. Это не мое собственное знание. Я не пережил его на собственном опыте, я не жил им. Я думаю, что тебе надо пойти дальше в глубь леса. Я знаю человека, который достиг, стал воплощением истины, любви и сострадания. Иди к нему».

Уддалак слышал об этом человеке, но не был знаком с ним лично. Уддалак был гораздо более знаменит, он был великим учителем...

Сатьякам пошел к тому человеку.

Этот человек обучил его еще многим другим писаниям и всем Ведам, самым древним священным писаниям в мире. И через несколько лет он сказал: «Теперь ты знаешь все, большего знать нельзя. Иди домой».

Сперва Сатьякам пошел повидать Уддалака. Уддалак увидел Сатьякама, приближающегося по лесной тропинке. Он был поражен.

Сатьякам утратил свою невинность, вместо невинности появилась гордыня – ведь теперь он знал все, что стоило знать в этом мире.

Сама эта идея была такой питательной для эго.

Он вошел в дом.

Когда он начал склоняться к ногам Уддалака, Уддалак сказал: «Не припадай к моим ногам! Сперва я хочу узнать, куда подевалась твоя невиность. Кажется, я послал тебя не к тому человеку».

Сатьякам сказал: «Как это не к тому человеку? Он обучил меня всему, что стоит знать».

Уддалак сказал: «Прежде чем ты коснешься моих ног, я хочу спросить у тебя, пережил ли ты что-нибудь или это просто сведения? Случилась ли трансформация? Можешь ли ты сказать, что все, что ты знаешь, есть твое собственное знание?»

Сатьякам сказал: «Я не могу сказать этого. Я знаю то, что написано в священных писаниях, я ничего не пережил на собственном опыте».

Уддалак сказал: «Тогда снова отправляйся в путь, но теперь к другому человеку, о котором я узнал в твое отсутст-

вие. И пока ты не переживешь нечто, не возвращайся. Ты вернулся не приобретшим, а утратившим. Ты утратил нечто очень ценное. А то, что ты называешь знанием, заимствовано и лишь прикрывает твое невежество, оно не делает тебя знающим. Иди к этому человеку и скажи ему, что ты пришел не за новыми сведениями об истине, о Боге, о любви. Скажи ему, что ты пришел, чтобы познать истину, познать Бога, познать любовь. Скажи ему: «Если ты пообещаешь мне это, тогда я останусь, а если нет – то я пойду искать другого учителя».

Сатьякам все так и сделал.

Тот учитель сидел под деревом в окружении нескольких учеников. Выслушав Сатьякама, он сказал: «Это возможно, но то, о чем ты просишь, очень трудно. Здесь много учеников – все они хотят получить побольше знаний. Они хотят узнать о том и об этом. Но если ты утверждаешь, что тебя не интересуют только сведения, что ты готов на все, что твоя преданность истине тотальна, тогда я укажу тебе путь».

Сатьякам сказал: «Я готов пожертвовать жизнью, но я не могу уйти, не познав истину. Я не могу вернуться к моему первому учителю, и я не могу вернуться к моей матери, которая дала мне имя «Сатьякам». А мой первый учитель принял меня, не зная брамин я или нет, а просто по той простой причине, что я был правдив. Скажи мне, что я должен делать».

Мастер сказал: «Возьми этих коров и уведи их подальше в лес, где ты не сможешь встретить ни одного человеческого существа. Цель в том, чтобы ты забыл язык, слова. Живи с коровами, заботься о коровах, играй на флейте, танцуй, – но забудь слова. И когда число коров возрастет до одной тысячи, возвращайся назад».

Другие ученики не могли поверить в происходящее – ведь коров было всего лишь дюжина или две. Сколько потребуется времени, чтобы их число увеличилось до одной тысячи?

Но Сатьякам взял коров и ушел в глубину леса, где не было возможностей для контактов с людьми, для общения с людьми.

Несколько дней ему было очень трудно, но мало-помалу он привык, коровы стали его единственной компанией. А коровы – весьма молчаливый народ. Он играл на флейте, танцевал один в лесу, отдыхал под деревьями.

Несколько лет он вел подсчет коров. Но потом бросил это, ибо ему казалось невозможным, что их число возрастет до одной тысячи. И к тому же он стал забывать, как вести счет,

он стал забывать язык, слова исчезали, считать становилось невозможно.

И эта история так потрясающе прекрасна... коровы стали беспокоиться, когда их число достигло одной тысячи, так как им хотелось вернуться домой, а этот человек разучился считать!

В конце концов коровы решили: «Мы должны поговорить с ним, а не то этот дикий лес станет нашей могилой».

И однажды коровы окружили его и сказали: «Послушай, Сатьякам, нас уже одна тысяча, и пора возвращаться домой».

Он сказал: «Я очень благодарен вам. Если бы вы мне не сказали... Я даже забыл о доме и о возвращении. Каждое мгновение было так потрясающе прекрасно... такая благодать. В тишине распускалось столько цветов! Я забыл обо всем. У меня не было ни малейшего представления о том, зачем я пришел сюда, кто я такой. Все стало целью в самом себе – мне было достаточно играть на флейте, отдыхать под деревом, видеть вокруг себя красивых коров – все было так прекрасно! Но если вы настаиваете, мы должны вернуться.»

Ученики великого учителя увидели его, возвращающимся с тысячью коров.

Они побежали сообщить учителю: «Мы никогда не верили, что он вернется. Но он возвращается, и мы насчитали ровно тысячу коров. Он возвращается!»

И когда он пришел, он остановился и остался стоять посреди стада коров.

Учитель сказал другим ученикам: «Вы ошиблись в подсчете. Здесь тысяча и одна корова, вы забыли посчитать Сатьякама. Он вышел за пределы вашего мира и вошел в мир невинности, безмолвия и тайны. Он ничего не говорит, а просто стоит, как стоят все эти коровы».

Учитель сказал: «Сатьякам, подойди сюда. Теперь ты должен пойти к своему первому учителю, который послал тебя сюда. Он старый человек, и, должно быть, он ждет тебя».

И когда Сатьякам пришел к Уддалаку – к своему первому учителю, который в прошлый раз не позволил ему припасть к своим ногам, потому что Сатьякам утратил свою невинность и больше не был брамином, стал просто ученым попугаем...

Когда Уддалак снова увидел его из окна своего дома, он выбежал через заднюю дверь – ибо теперь не Сатьякам должен был припасть к ногам Уддалака, а Уддалак – к ногам Сатьякама. Ведь Уддалак по-прежнему был всего лишь ученым, а Сатьякам возвращался не как ученый, а как пробужденный.

Уддалак бежал из своего дома, он сказал своей жене: «Я не могу посмотреть ему в глаза. Мне стыдно за себя. Скажи

ему, что Уддалак умер и что он может возвращаться к своей матери. Скажи ему, что я умер, вспоминая о нем». То были люди другой закалки.

Сатьякам вернулся домой.

Его мать совсем состарилась, но она все еще ждала его.

И она сказал: «Ты доказал, Сатьякам, что истина всегда побеждает. И ты доказал, что брамином не рождаются, брамин – это качество, которое должно быть достигнуто. По рождению каждый является шудрой – ибо рождение у всех одинаково. Очищая себя, кристаллизуя себя, становясь центрированным и просветленным, человек должен доказать, что он – брамин. Рождение в семье браминов не делает человека брамином».

Если вы будете медитировать над этой историей, вы увидите: сама суть медитации – это быть таким безмолвным, чтобы слова не становились между вами и реальностью – тогда вся паутина слов отпадает и вы остаетесь в одиночестве.

Это одиночество, эта чистота, это безоблачное небо вашего бытия и есть медитация.

И медитация – это золотой ключ ко всем тайнам жизни.

Возлюбленный Бхагаван,

у меня самый прекрасный учитель из всех возможных – с тех пор как я с Вами, жизнь дала мне так много, – но, тем не менее, за исключением моментов блаженства с Вами и в моей медитации, во мне всегда есть глубоко укоренившаяся печаль и стремление в какое-то пространство, которое я едва могу вспомнить. Не могли бы Вы растолковать мне это?

Медитация всегда открывает двери, разным людям – разные двери.

Печаль – это вовсе не обязательно нечто плохое. Не считай ее плохим или отрицательным качеством.

Когда человек, который никогда не был безмолвным, впервые становится безмолвным, то само безмолвие кажется печальным, ибо нет никакого возбуждения, никаких фейерверков.

Ты можешь неправильно истолковать свое первое знакомство с безмолвием как печаль, но это не печаль. Просто у тебя на уме всегда была тысяча и одна вещь, а теперь все они исчезли. Ты чувствуешь себя немного растерянным.

Прежде чем безмолвие станет песней, абсолютно необходим небольшой переходный период.

Тебе известна печаль. И в печали есть нечто от безмолвия

– всякий раз, когда ты печален, ты становишься безмолвным. Поэтому есть некая связь между печалью и безмолвием. Когда ты впервые становишься безмолвным, то единственное, что ты можешь почувствовать из своего прошлого опыта, – это печаль.

Позволяй ей углубляться. Не суди о ней отрицательно, ибо само это суждение может стать препятствием. Судить о ней отрицательно – значит пытаться избавиться от нее. Не суди о ней отрицательно.

Просто прими ее как мост между безмолвием и песней.

Подожди немного, и ты начнешь чувствовать, что это безмолвие не мертво, это не кладбищенское безмолвие.

Это очень живое безмолвие... безмолвие, которое не пусто, а даже слишком полно, переполнено... Переполнено чем?

И снова тебя ждет новое переживание. Ты знал только песни со словами. Ты никогда не знал чистой песни без слов, музыки без звуков.

Подожди совсем немного, и печаль начнет превращаться в песню без слов, в музыку без звуков, в танец без движений.

Все идет совершенно правильно, тебе нужно лишь немного терпения.

Когда ты болен, в больнице тебя называют «пациентом» (английское «patient» буквально означает «терпящий»). Задумывался ли ты когда-нибудь почему? А потому, что для исцеления необходимо время и ты должен быть терпеливым. А это – внутреннее исцеление, и тебе необходимо более глубокое терпение.

Но если есть безмолвие и случается медитация, тогда вообще никаких проблем нет.

Скоро придет весна со всеми своими цветами, со всей своей красотой.

Только подожди немного.

Возлюбленный Бхагаван,

я родился в горах, и все мое детство и юность меня тянуло исследовать, лазать по скалам или просто сидеть на вершинах, на крутых обрывах или на берегу горного потока. Я жил в горах, и они, как мать, питали меня чем-то очень ценным. Где-то я прочел, что горы, высокие, покрытые снегом вершины – это сама суть Будды.

Бхагаван, окружающая Вас красота, веющий вокруг Вас прохладный ветер... как на самой высокой и недоступной вершине мира.

Я с Вами вот уже семь лет, и в последнее время я чувствовал, что прохожу через те самые пастбища, те самые долины, которые, как я помню, оставил ради вершин семь лет назад. Теперь я вижу отправную точку совершенно по-иному: она прекрасна и свежа, самодостаточна, и больше не вызывает ужаса и отвращения.

Возлюбленный Бхагаван, я так ничего и не узнал, тысячи солнц не засияли в моей голове. Все, что у меня есть сейчас, – это я сам, довольный, в той же самой точке, из которой я начал мое путешествие семь лет назад. Не приснились ли мне все эти годы далеких странствий, тогда как мои ноги не покидали базового лагеря? Или все это было для того, чтобы я осознал, что мое место там, откуда я начал путь?

Бхагаван, пожалуйста, скажите мне: иногда эта греза кажется реальной, но сейчас мое существо не чувствует, чтобы его куда-нибудь тянуло. Не обманываю ли я себя? Или это то, куда мне позволено дойти в этой жизни? Вы скажете мне правду? Сейчас я устал; будьте беспощадны, но, пожалуйста, скажите, что на самом деле происходит со мной.

Это происходит не только с тобой, но и со всеми, точно то же самое. Ты есть то, что ты ищешь.

Ты стоишь точно на том самом месте, к которому ты направлял свой путь – семь лет назад, или семьдесят лет, или семьсот лет...

Твоя реальность – внутри тебя, она не где-то еще. Но иногда требуются годы, чтобы понять это. Ты стучишься во многие двери, прежде чем постучать в свою собственную дверь... и тогда ты удивлен: ведь это же тот дом, который ты оставил, и это тот дом, который ты искал. Но поиски не были бесполезными, они открыли тебе глаза.

Я часто рассказываю одну суфийскую историю. Некий человек отрекся от мира, жены, дома. Он был еще молод, и он отправился на поиски учителя.

И только он вышел из своей деревни, как увидел старика, сидевшего под деревом. Солнце опускалось за горизонт, приближалась ночь.

Молодой человек обратился к старику: «Ты похож на странника, и ты определенно не из моей деревни. Я молод и я ищу учителя. Ты стар; может быть, в твоих странствиях тебе встречался учитель. С твоей стороны будет великодушно, если ты поможешь мне какими-либо указаниями – ибо я не знаю, куда идти».

Старик сказал: «Я все подробно опишу тебе. Учитель

выглядит так...» – и он описал лицо учителя, его глаза, нос, бороду, одежду. «И он всегда сидит под определенным деревом», – и он дал описание дерева.

И старик сказал: «Ты найдешь его, только запомни эти отличительные черты. Когда ты найдешь человека, соответствующего этим критериям, знай, что ты нашел своего учителя».

Прошло тридцать лет. Молодой человек состарился, устал.

Ему так и не встретился человек, соответствующий описанию, которое дал старик. В конце концов он отбросил саму идею найти учителя: «Наверное, никакого учителя вообще нет». И он отправился домой. На подходе к родной деревне, под тем же самым деревом... Это было на рассвете, было больше света.

Старик еще больше состарился. При первой встрече ему было лет шестьдесят, а теперь уже все девяносто. И поскольку тридцать лет этот человек искал определенные глаза, определенный нос, определенную бороду, определенную одежду, определенное дерево...

Когда он увидел дерево и старика, он воскликнул: «Боже мой! Так ты описал самого себя? Почему же ты сразу мне не сказал? Зачем ты заставил меня странствовать по миру в поисках тебя, тогда как ты сидел здесь?»

Старик сказал: «Прежде всего, успокой свой гнев, и я все тебе расскажу. Тридцать лет назад ты был слишком молод. И время было не то: был закат, сгущалась тьма. И ты так спешил отправиться на поиски, что если бы я сказал тебе, что я – учитель, ты бы рассмеялся и сказал: «Это странно, что ты сидишь на окраине моей деревни!» И ты не можешь обвинять меня, ведь я все подробно описал, но твои глаза были устремлены вдаль. Ты выслушал меня, но не удосужился рассмотреть меня и увидеть, что я описывал свои глаза, нос, бороду, одежду и дерево, под которым сидел. Тогда ты еще не созрел. Эти тридцать лет не пропали даром, они привели тебя к зрелости. Теперь ты можешь распознать меня. Смотри... восходит солнце – время подходящее. И это не начало твоих странствий, ты уже отказался от самой идеи найти учителя. Ты встретил меня снова после тридцати лет напряженных усилий. То, что достается даром, трудно распознать. Тебе пришлось заплатить тридцатью годами испытаний за достижение зрелости, достаточной для того, чтобы распознать меня. Я мог бы сказать тебе и в тот день нашей первой встречи, – но это было бы бесполезно, ты бы не поверил мне.

И ты считаешь, что эти тридцать лет были для тебя трудиыми? А ты подумал обо мие – каково мне было тридцать лет сидеть под этим деревом? Ведь я описал тебе имеиио это дерево. И я ни на один деиь ие уходил отсюда, так как я зиал, что ты можешь прийти в любое время, и если бы ты ие иашел меия здесь, то я оказался бы лжецом. Я сидел здесь тридцать лет – деиь за днем, зимой и летом, в дождь и в жару. И ты видишь: я стар. Меия беспоконла мысль, что еслн я умру до твоего прихода, это будет трагедией. Поэтому я старался как-то цепляться за жизнь – ибо, что касается меня, то я уже реализовал себя. Жизнь дала мне все, что могла, ничего не осталось. Я сидел здесь только ради тебя».

Это странная историня, но весьма многозначнтельная.

Требуется время, чтобы осознать, кто ты есть.

По сутн же, такой нужды нет: ты можешь осознать прямо сейчас, в этот самый миг. Но чтобы осознать это, тебе нужна определеиная зрелость, определеиное центрирование, определеииая бднтельность, определенное безмолвие...

Семь лет – это не долго. И не стоит беспокоиться о том, что ты ие видел в себе восхода тысячи солнц; это иеобязательно.

Каждый переживает свое сокровенное существо по-своему. Кто-то воспринимает его как свет, но таков его тип. Есть людн, которые осознали его как полную тьму.

Ты слышишь, как повсюду взрывается фейерверк. Это празднуют фестиваль огней две индийские релнгии – индуисты н джайны. Но поводы у них разные; это просто совпадение, что в нсторин обеих религнй что-то случилось в одни и тот же день.

Иидуисты празднуют потому, что Рама, одно из индуистских воплощений Бога, победил Равану. После четырнадцати лет скитанні по лесам и горам он вернулся в свою столицу – Айодхью. И вся столица праздновала его возвращение: повсюду зажигались огнн, устранвались фейерверки, люди веселилнсь. Таков повод у индуистов.

А у джайнов повод другой.

В этот день Махавнра стал просветленным, а Махавира – самая важная фигура в истории джайнизма. Джайны празднуют потому, что Махавира достиг освобождения. И он достнг освобожденя уннкальным образом...

Гаутама Будда стал просветленным в ночь полнолуния. И за нсключением Махавиры, каждый, кто становился просветленным, становнлся просветленным в ночь полнолуния или в одну из ближайших к полнолунню ночей. Махавира уникален в том, что он стал просветленным в ночь *амавас*, в безлунную

иочь, в полиой темиоте. Он такой один, иикто больше ие становился просветлеиным в ночь *амавас*.

Индивндуальиые типы...

Гаутама Будда родился в ночь полиолуния. Он стал просветлеииым в иочь полиолуиня. Ои умер в иочь полиолуния. Это ие может быть просто совпадеиием. В его типе заложеиа некая сннхронность с полнолунием.

Бывают такие святые, мнстики... когда они стаиовятся просветлениымн, оии иачииают чувствовать запах некого благовоиня, которое не от мнра сего. Поэтому средн суфийских мнстиков благовоиия прнобрели большое зиачеиие, и суфийские мистики разных школ нспользуют разиые благовоиия. Поскольку их учитель воспринимал некий аромат, они используют нечто подобное. Это не может быть тот же аромат, ио иечто подобное – нечто, находящееся на иижней ступеиьке лестиицы, на верхней ступеньке которой находится то, что чувствовал нх учнтель. Они нспользуют это благовоиие в память о своем учнтеле.

Некоторые слышат неземную музыку, *анахат над*.

Поскольку людн бывают разных тнпов, у каждого предельное переживание происходнт по-своему, на нем будет *своя* подпись.

Так что не беспокойся, если ты не вндншь в себе восхода тысячи солнц.

Кабир вндел их. Гаутама Будда не видел нх. Махавира ие видел нх. Но есть несколько другнх мистиков, которые видели их.

Точно так же, как ты уннкален в своей обычной жизин... Ты знаешь людей, у которых есть музыкальный дар, а есть н другие людн, которым слон на ухо иаступил.

Жена Муллы Насреддина купнла два билета иа коицерт классической музыки. Мулла пытался отвертеться, но это ему не удалось, ему пришлось пойти на концерт. Это был концерт иидийской классической музыки. И когда музыкант начал *аалап*, настройку своего ннструмента, глаза Муллы Насреддиа иаполиилнсь слезамн. Его жена сказала: «Я никогда не думала, что ты так любншь классическую музыку».

Мулла сказал: «Дело не в классической музыке. Я плачу потому, что этот человек скоро умрет!»

Жена спросила: «Откуда ты взял, что он скоро умрет?»

Он сказал: «Однажды ночью одна нз моих коз стала издавать такие же звукн. Я не мог понять, что с ней случнлось. Я пытался успокоить ее, но не смог, а к утру она умерла. Я могу

поручиться, что к утру этот человек умрет. Это не музыка. Это начало болезни».

Он никогда не слышал классической музыки. Бедняге довелось слышать нечто подобное... и естественный вывод.

Есть люди, которые восприимчивы к определенным вещам, например к живописи, и есть другие люди, которые совсем не воспринимают живопись.

В жизни Микельанджело был один случай...

Может быть, вы несколько лет назад читали в газетах, что какой-то маньяк разбил одну из самых прекрасных скульптур в Ватикане.

Это скульптура Иисуса Христа, лежащего на коленях у своей матери, после того, как его сняли с креста. Эта скульптура считалась самой лучшей во всем мире, она была почти как живая. Микельанджело вложил в нее все свое искусство, это был его шедевр. А этот маньяк просто разбил ее молотком, потому что он хотел прославиться на весь мир. Он и прославился на весь мир.

Случай из жизни Микельанджело, который я хочу рассказать, тоже связан с этой скульптурой.

Микельанджело пошел на рынок, в лавку, торговавшую мрамором. Как раз перед входом в лавку лежал большой камень – огромная глыба мрамора, которая лежала там многие годы. Он спросил у хозяина лавки: «Сколько ты хочешь за эту глыбу?»

Хозяин сказал: «Ничего. Эта глыба лежит здесь уже почти десять лет. И ты – первый человек, который спросил о ее цене. Если ты заберешь ее отсюда – она твоя. С меня достаточно того, что это место освободится и я смогу выставить здесь для обозрения другие камни. Эта глыба занимает слишком много места. Ни один из приходивших сюда скульпторов не увидел, для чего могла бы пригодиться эта глыба».

И из этой глыбы Микельанджело изваял ту скульптуру, которая была разбита несколько лет назад.

Когда скульптура была готова, он пригласил хозяина лавки посмотреть на нее. Тот не мог поверить своим глазам. Он сказал: «Где ты достал такой прекрасный мрамор?»

Микельанджело сказал: «Это та самая глыба, которую ты отдал мне бесплатно».

Хозяин лавки сказал: «Боже мой, ты же создал самую прекрасную скульптуру из всех, которые мне довелось видеть. Как ты умудрился сделать из той неприглядной глыбы такую красоту?»

Микельанджело сказал: «Я ничего не делал. Просто

Иисус воззвал ко мне из этой глыбы: "Микельанджело, я заключен в этой глыбе. Освободи меня"».

Это и есть гений.

В той глыбе был заключен Иисус, была заключена Мария. Но чтобы увидеть их в той неприглядной глыбе, необходимо было некое прозрение.

И если бы Микельанджело стал просветленным, его переживание имело бы некое отношение к его гению. Если Иегуди Менухин станет просветленным, его просветление будет иметь некое отношение к его музыкальному гению.

Каждый индивид уникален в своей обыденной жизни. Уникальность становится еще более четкой и ясной, кристально ясной, когда человек становится просветленным – ибо только тогда открывается его чистый гений, его чистая индивидуальность... незапятнанная, незагрязненная.

Поэтому не надо беспокоиться из-за того, что то, что случается с другими, не случается с тобой.

Иногда это *может* случиться, ибо в этом огромном мире уже жили миллионы людей и тысячи из них стали просветленными; у тебя может быть нечто подобное. И у тебя может быть нечто такое, что покажется необычным для других.

Ашок Бхарти задал вопрос, который уникален, – ибо такое раньше случалось только один раз.

С тех пор как он здесь, те, кто слышал его песни, видят, что в них все больше и больше красоты, радости, ликования, – но происходит еще нечто, чего вы не видите.

В своем вопросе он написал: «Бхагаван, у меня растут груди, как у женщины. И женские качества, о которых я раньше не подозревал, проявляются у меня все больше и больше».

Если он скажет об этом кому-нибудь еще, люди подумают, что он свихнулся: «Тебе надо обратиться к врачу. У тебя что-то не в порядке с гормонами».

Но такое случилось и в жизни Рамакришны, и еще нечто гораздо большее... ибо после своего просветления Рамакришна испробовал все доступные ему методы. Он хотел узнать, сможет ли он достичь того же переживания при помощи других методов, поскольку он хотел, чтобы в мире была только одна религия. У каждого религиозного человека должно быть такое желание.

Отвратительно видеть, что в мире есть триста религий, которые постоянно воюют друг с другом, они говорят о любви и убивают друг друга.

В Бенгалии есть небольшая религия, последователи кото-

рой верят, что единственный мужчина – это Кришна, а все остальные – женщины. Это весьма странная идея, и все смеются над ней, и особенно над поведением этих людей, потому что они спят со статуей Кришны, прижавшись к его груди, – совсем как женщина спит со своим мужем или любовником.

Рамакришна испробовал и их идеологию тоже, и за шесть месяцев у него появились груди, как у женщины. Но еще более странным было то, что у него появились и менструации.

Искренность этого человека, цельность этого человека... чему бы он ни следовал, что бы он ни делал, он делал это с полной самоотдачей.

Так что это возможно: распевая песни любви... ваш ум – это творец вашего тела, он воздействует на ваше тело.

Вы можете видеть, как на Западе это происходит с женщинами, которые участвуют в движении за освобождение женщин. У них постепенно исчезают груди, потому что они не хотят быть женщинами, они хотят быть мужчинами. Они хотят во всем походить на мужчин – в одежде, в поведении, в манере говорить.

Например, нигде на Востоке ни одна женщина не употребит бранного слова, это же просто некрасиво.

На Западе же это входит составной частью в образ освобожденной женщины – курить сигареты, употреблять бранные слова...

Недалек тот день, когда они начнут мочиться стоя. К тому идет! Равенство – так равенство. Предела глупости нет.

На Западе женским грудям пришлось выстрадать многое. А на Востоке женщины по-прежнему богаты в том, что касается грудей.

Ваш ум обладает огромной властью над вашим телом.

Если ваш ум ухватится за некую идею, то рано или поздно ваше тело последует за ним. Тело медлительно, но оно последует за умом.

Но даже за пределами ума ваша индивидуальность остается нетронутой.

Никогда два индивида не могут переживать в точности одно и то же.

Это является причиной великой трагедии, ибо Мухаммед переживает нечто такое, чего не переживает Махавира, а затем последователи начинают устанавливать критерии: если они следуют за Махавирой, тогда переживание Махавиры становится критерием; и если кто-то не переживает то же самое, его

переживание не годится. То же самое можно сказать о последователях Мухаммеда, или Моисея, или Заратустры.

Но истина в том – хотя никто не отстаивает ее, – что все люди уникальны, у всех распускаются разные цветы.

Подобие – в цветении, а не в окраске или аромате цветов.

Цвет и аромат будут уникальны – и это хорошо, ибо это делает духовную жизнь богатой, в противном случае она была бы монотонной.

Так что пусть тебя не беспокоят переживания других людей.

И если тебе надоело странствовать, то, может быть, ты уже приближаешься к родной деревне, а я сижу там под деревом.

Только узнай меня! Всеми возможными способами я сообщал тебе, кто твой учитель.

Возлюбленный Бхагаван,

в «Горчичном зерне» Вы рассказывали о том, что Рамакришна предавался чревоугодию и люди не могли поверить, что освобожденный человек может быть чревоугодником. Перед смертью он сказал, что цеплялся за нечто несовершенное в себе только для того, чтобы оставаться здесь и служить людям.

Вы говорите, что многие учителя поступали таким же образом. Как только они начинали чувствовать, что нечто в них вот-вот станет совершенным, они цеплялись за какое-нибудь несовершенство, чтобы оставаться здесь.

А за что цепляетесь или собираетесь уцепиться Вы, Бхагаван?

Я цепляюсь за тебя!

Беседа 26

АЛХИМИЯ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

29 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

с самого детства я вижу Вас как будду, даже еще до Вашего просветления я видел Вас как будду – та же безмятежность; то же естественное тепло, та же спонтанность, та же любовь, то же сострадание, та же беззаботность, то же блаженство, что и сегодня. Я видел многие из Ваших фаз, и я говорю снова и снова, что Вы были буддой еще до Вашего просветления. История о Вашем просветлении – это прекрасный прием, чтобы придать нам уверенность. Я безмерно благодарен.

Мне так повезло, что Вы проливали Вашу любовь и сострадание на меня с самого начала. Вы помогали мне на каждом шагу, в каждой поворотной точке моей жизни. Вы изменили мою жизнь, Вы наполнили мою жизнь любовью и радостью, Вы дали мне потрясающую ясность. Вы сделали меня свободным. Я склоняюсь перед Вами.

Буддам Шаранам Гаччхами, Буддам Шаранам Гаччхами, Буддам Шаранам Гаччхами.

Нарендра, ты почти прав. Но запомни мой акцент на слове *почти.*

И это верно не только относительно меня, но и относительно каждого другого: каждый по природе есть божественное существо, пробужденная душа, Гаутама Будда, который просто на время заснул, просто на мгновение забыл самого себя и заблудился в грезах, прекрасных грезах, полных амбиции, желания, стремления к успеху... быть кем-то особенным, оставить после себя след.

Как только ваш сон прервется и сновидения исчезнут, вас ожидает большой сюрприз, может быть, величайший сюрприз: то сокровище, которое вы искали, находится внутри вас; тот рай, который вы искали, находится внутри вас; и нет никакого Бога, который может изгнать вас из рая, ибо сады Эдема – это само ваше существо. Самое большее, вы можете забыть его, но утратить его вы не можете.

И как только вы распознаете его, жизнь станет действительно веселой, вы сможете посмеяться над вашими собственными усилиями и стараниями, над всем вашим прошлым, которое вы провели в поисках.

И цель ваших поисков ие была далеко от вас, оиа даже не была близко от вас. Вы были целью, искатель был искомым.

Все, что вы делали до просветлеиия, все, чем вы были до осознания вашей потрясающей красоты, вашей вечиой жизии, приобретет для вас иное зиачение после вашего просветления.

Для вас и для тех, кто близок вам, просветление все совершенно изменит.

Нарендра знает меия еще с тех пор, когда мы были детьми. Но если бы я не стал просветленным, ои бы не задал мне этот вопрос, такой вопрос у него просто бы не возиик. Сама идея «буддовости» могла бы вообще не прийти ему в голову; он знал меня как друга, он зиал бы меня как любящего товарища.

Имеиио мое просветление изменило все его переживаиия, придало им новый оттеиок, иовый свет, иовую яркость. Те же самые события стали приобретать совершенно иовый смысл.

Я могу понять твой вопрос, Нарендра.

Сейчас ты смотришь в прошлое, но поскольку ты теперь знаешь о моем просветлении, ты легко можешь прийти к выводу, что я всегда был просветлениым, что я родился просветлеииым; если бы не мое просветление, те эпизоды любви, заботы и понимания ие приобрели бы такого красочиого и яркого значения. Вот почему я говорю, что ты почти прав.

Я и сам могу смотреть в прошлое... тогда все приобретает новое значение. Если бы не просветление, все воспринималось бы по-другому.

Благодаря алхимии просветлеиия все становится чистым золотом, маленькие и иезначительные вещи приобретают крылья и становятся великими.

Я приведу иесколько примеров, которые при других обстоятельствах не могли бы быть пояиты так, как понимаются сейчас.

Одии из моих учителей был очень педантичным человеком, приверженцем дисциплины... очеиь милый человек.

Каждый год он начинал свой первый урок одиими и теми же словами; поскольку ученики были новыми, ои всегда представлялся им следующим образом: «Будет лучше, если я сразу объясню вам, что я за человек, чтобы вы не блуждали во тьме без всякого представлеиия о иатуре вашего учителя. Прежде всего, я ие верю в головиую боль и боль в животе. То, что вы ие можете доказать, а я не могу проверить, не будет приниматься миой как повод для того, чтобы отпустить вас с занятий. Если у кого-то повысится температура, я могу это проверить. Итак, запомните: я просто ие верю в головиую боль

и боль в животе, потому что их невозможно доказать. Даже врачу приходится полагаться на слова пациента, когда тот говорит, что у него болит голова, – может быть, он просто лжет или у него такая иллюзия. Где доказательства? Как узнать, что вы не лжете?»

Я сказал себе: «Это странно. С этим типом придется повозиться», – так как головная боль и боль в животе были обычными предлогами для того, чтобы улизнуть из школы.

Этот учитель каждый день ходил на прогулку. Недалеко от школы была красивая аллея, по обеим сторонам которой росли большие манговые деревья.

Я сказал себе: «Это надо уладить с самого начала». Я залез на дерево и стал поджидать этого учителя – он был мусульманином, его звали Рахимуддин. Он появился точно в положенное время. Он был точен во всем, каждый день он проходил под этим деревом в одно и то же время.

Я бросил ему на голову большой плод манго. Он вскрикнул: «Ах!» – и посмотрел вверх. И он увидел меня на дереве.

Какое-то время он молчал, а затем сказал: «Спускайся!»

Я спустился.

Он сказал: «Ты доказал, что голова может болеть, но никому об этом не рассказывай. Если у тебя заболит голова, просто подними один палец – и я отпущу тебя домой. Если у тебя заболит живот, подними два пальца – тебе не надо доказывать мне, что живот может болеть, ибо ты мне кажешься опасным типом!»

Он был старым холостяком, он никогда не был женат. Он жил прекрасной жизнью, у него был маленький домик с садом. И он был известен в городе благодаря одной своей странности – у него было достаточно денег, ведь у него не было ни жены, ни детей... У него было триста шестьдесят пять комплектов одежды – один комплект на каждый день в году. Естественно, все мужья ревновали к нему своих жен.

Он сказал: «Я живу один. Я сплю в саду и я не хочу никаких доказательств существования болей в животе! С меня достаточно. Ты доказал мне, на что ты способен. Поэтому, если у тебя заболит живот, подними два пальца – я пойму. Но пусть это будет соглашением между мной и тобой. Никому об этом не рассказывай».

Я сказал: «Мне нет дела до других. Моя проблема решена, ибо, как и вы, я хочу, чтобы все было ясно с самого начала».

Он сказал: «Ты сделал все предельно ясным – голова у меня все еще болит! Я учительствую вот уже тридцать лет, но

ннкто еще до такого не додумывался. Я буду помнить тебя всю мою жизнь».

Это было незиачнтельиое происшествие, и оно бы забылось, – но когда миого лет спустя обо мне заговорили, он стал говорить людям: «Я еще тогда знал, что из этого мальчнка выйдет нечто необыкновенное».

Люди спрашивали у него: «Как же ты это узнал? Ведь ты никогда не говорнл об этом раньше».

Он отвечал: «Я почтн забыл об этом, но сейчас, когда его имя стало известиым во всем мире, я вспомнил. И теперь тот случай приобретает совершеиио ниой смысл. Ведь всю мою жизнь я начинал занятия таким образом, но никто никогда не пытался что-лнбо предпринять. И ои был едииственным учеником, который доказал мне, что головиая боль существует. Тогда-то я и понял, кто он такой».

В 1970 году я в последиий раз посетнл тот городок. Тот учитель совсем уже состарился. Услышав, что я прнехал, ои пришел повидаться со мной. Я сказал: «Я сам собирался прнйтн к вам. Вам уже много лет, вам не стонло идтн сюда почти две мили».

Он сказал: «Я чувствую себя счастлнвым. Твой внд все еще причнняет мие головную боль, но теперь я испытываю определеииую гордость: ты был моим учеником».

Теперь все это дело принимает другой оттенок, он мною горднтся. А если бы из меия получился вор и убийца, тогда этот же самый случай был бы доказательством совершенио иного: «Я с самого начала зиал, что этот мальчишка станет преступником и рано или поздио кого-нибудь убьет».

Ретроспективно вы всегда смотрите на вещи таким образом, как ннкогда бы ие смотрелн иа них, еслн бы жнзнь пошла в другом иаправлеиии. Те же самые вещн выглядели бы поиному.

Кстати, мне хотелось бы напоминть вам, что все автобиографин фальшивы, ибо все они иаписаиы ретроспективно. Человек стаиовится Махатмой Гаидн, а затем пишет автобиографию в свете того, кем он стал. Ои начинает смотреть на прошлые события, когда он еще не был Махатмой Гаиди, и теперь все иадо подогиать к образу Махатмы Гаиди. Должиа быть некая логическая связь, последовательиость. Поэтому это все равно, что читать ромаи с конца – все будет совершеино по-иному.

Все автобиографии – вымысел. В библиотеках их не следует выделять в особую категорию. Библиотечная иаука

должна понять простой факт: все автобиографии – это художественная литература.

Например, перед смертью своего отца Махатма Ганди сидел у его постели и массажировал ему ноги, а врачи сказали, что его отец не доживет до утра, не было никакой надежды, что он увидит рассвет, до восхода солнца он должен был умереть. Ночью Махатма Ганди массажировал отцу ноги, но думал он о своей жене. Отец умирал. Не было никаких сомнений в том, что то была его последняя ночь. В какой-то момент отец заснул.

Видя, что отец спит, Махатма Ганди потихоньку проскользнул в комнату своей жены, и, пока он занимался с ней любовью, его отец умер. И внезапно весь дом пробудился. Махатма Ганди услышал шум... «Что случилось?» И он не мог простить себе, что даже в ту ночь, когда его отец должен был умереть, он не смог обойтись без своей жены.

Если бы он не стал известным человеком, всемирно известным человеком, этот случай не приобрел бы такого значения; может быть, он и сам бы забыл о нем, простил бы себя – просто обыкновенный случай.

В автобиографии он соединяет этот случай с тем великим махатмой, которым он стал. И это все вымысел – он говорит, что из-за этого случая он задумался над целибатом. Он стал думать о *брахмачарье,* о целибате, безбрачии. Это неправда, но он должен был подогнать этот случай к жизни махатмы.

И все прекрасно увязывается; любой, кто прочитает его автобиографию, почувствует, что там есть определенная связь. Но это неправда, ибо все его четыре сына родились после этого случая. Так что меня ему не обмануть. Он обманывает самого себя, Он обманывает своих последователей, он обманывает историков. Но если бы это было причиной принятия им целибата, то он остался бы без детей. Все четверо сыновей родились после этого случая, так что этот случай не имеет никакого отношения к его целибату.

Но для его ума – и для ума любого человека, прочитавшего автобиографию Махатмы Ганди, – это кажется убедительным... наверное, потрясение было слишком сильным: «Я виновен в смерти моего отца. Я бы мог остаться у его постели, но мое вожделение, моя похоть оказались сильнее моей любви и почтения к отцу. Моя жена никуда бы не делась, а вот отец должен был в ту самую ночь уйти во тьму, в неизвестное».

Я прочел много автобиографий, и я вижу, как люди, когда они смотрят в прошлое, смотрят на него теми глазами, которые

оии имеют сейчас, со всем тем опытом, который они накопили за это время. Из-за всего этого опыта, из-за этих иовых глаз, смысл всех прошлых событий иачииает меияться.

Нарендра, ты зиаком со мной с самого детства. Если бы я не стал тем, кем я стал, ты бы помиил меня как любящего товарища, ио никогда бы ие подумал, что я родился буддой, – эта идея возникает сейчас. Это мое просветлеиие дает тебе такое чувство: «Боже мой, он же всегда был любящим!» – но это ие одна и та же любовь.

В определенном смысле, н капли росы, н океан – это вода. Но капля росы есть капля росы, а океан есть океан.

То, что ты тогда видел во мне, было всего лишь каплей росы. И теперь та капля росы кажется тебе океаном, ибо сейчас ты видишь океан. Это все равно что... если посмотреть иа Ганг в Гималаях, в Ганготри – это всего лишь малеиький ручеек. И подумать нельзя, что он когда-нибудь доберется до океана, он слишком мал. Индуисты установили там мраморную голову коровы, и Ганг выливается изо рта коровы – такой малеинькнй ручеек. В Гималаях есть миллионы ручьев, которые гораздо больше.

Но еслн посмотреть иа тот же Гаиг у Калькутты, в Гангасагаре – *Гангасагар* означает «океаи Ганга» – ои стал таким большнм, таким полноводиым, что просто трудно подумать, что это – река, он выглядит как океан. Очеиь трудно связать в своем представлеинн этн два места. Ганг в Ганготрн можно было бы прннять за один нз тех мнллнонов ручьев, которые бесследно исчезают в лесах н пустынях.

Но поскольку этот ручей стал Гангом, то, зная об этом, даже у его истока человек испытывает чувство чего-то потенциальио огромного. Он не кажется просто маленьким ручейком – это ручей, который станет Гангасагаром.

Каждая автобиографня фиктивна; незначнтельные случаи, которые сами по себе не нмеют никакого смысла, внезапно начииают приобретать смысл в контексте того, чем стал человек.

По сути, это верно: каждый человек есть будда – н, естественно, я не исключение. Пожалуйста, не исключайте меня из числа будд. Но эта буддовость – всего лишь семя, и из миллиоиов семян, может быть, одно семя приходит к цветению. Оно показывает, что каждое семя может прийти к цветению. Его пример является огромным воодушевленнем для каждого человеческого существа.

В этом смысле ты правильно видишь меня прнрожденным

буддой, но не забывай о своей ответственности. Это означает, что и тебе надо доказать, что ты тоже прирожденный будда. Может быть, ты начал расти немного поздно.

Но в вечности времени что такое «поздно»?

Есть только семь дней недели. Выбирай любой, но начинай.

Я не заинтересован в том, чтобы обратить кого-то в свою идеологию – у меня нет никакой идеологии.

Во-вторых, я считаю, что любое усилие, направленное на обращение кого-то в свою веру, является насилием; это посягательство на его индивидуальность, на его уникальность, на его свободу.

Поэтому моя функция – это не функция преподавателя, не функция пророка, не функция спасителя, не функция посланника.

Моя функция в том, чтобы быть напоминанием. Я хочу быть для вас просто зеркалом, чтобы вы могли увидеть свое изначальное лицо. И если вы можете увидеть во мне будду, тогда вы без особого труда сможете увидеть будду и в самом себе – может быть, немного ленивого, немного сонного, немного сбившегося с пути.

Но будда есть будда.

Не имеет значения, если у него винты и гайки дали небольшую слабину, мы их подтянем.

Буддовость – это сущностная природа человека.

Я не хочу, чтобы вы поклонялись буддам; я хочу, чтобы вы стали буддами.

Это единственное правильное поклонение.

Если вы любите, станьте им.

Возлюбленный Бхагаван,

Гаутама Будда, Махавира, Кришнамурти всю свою жизнь странствовали с места на место.

О Кришнамурти рассказывают, что когда он в последний раз уезжал из Индии в Калифорнию, он сказал кому-то, что, если в Калифорнии врачи запретят ему путешествовать и проводить беседы, тогда все будет кончено, через четыре недели он умрет – именно так и случилось на самом деле.

Бхагаван, что это за проницательность у всех великих учителей, которые все время странствовали, а не оставались на одном месте, как Рамана Махариши?

Рамана Махариши – мистик, но не учитель.

Мистики никогда не странствуют, ибо они не предпринимают никаких усилий для того, чтобы передать свой опыт другим. Они считают, что то, что они переживают, нельзя передать другим.

Поэтому во все века мистики оставались на одном месте.

Какой смысл странствовать из одного города в другой, из одной страны в другую – ради чего?

Опыт мистиков выражен в древнем афоризме: «Колодец остается на своем месте. Жаждущие должны идти к колодцу, а не колодец – к жаждущим».

Будда, Махавира, Бодхидхарма, Шанкара, Нагарджуна, Мухаммед, Иисус, Кришнамурти – все они странствовали, все время в пути...

Мухаммед переиначил поговорку о колодце и жаждущих, и он переиначил ее таким прекрасным образом. Он говорил: «Если гора не идет к Мухаммеду, тогда Мухаммед идет к горе».

Таковы учителя... Не то, чтоб они были против мистиков: по сути они согласны, что очень трудно, почти невозможно, сообщить, сказать что-либо об истине, о самореализации. Это за пределами возможностей языка – с этим они согласны.

Но все же учителя говорят, что всегда можно попробовать какие-нибудь непрямые способы, вреда от этого не будет. Нет прямого способа перевести внутреннее переживание на внешние языки, но можно найти такие способы, такие приемы, при которых нечто может быть сказано, может быть не сказано, но может быть услышано.

Да, истина не может быть выражена словами. В этом мистики и учителя согласны: истину нельзя выразить словами. Но учителя не согласны с мистиками в одном пункте: истина не может быть выражена словами, но она может быть услышана – через глаза учителя, через присутствие учителя, через его любовь, через его сострадание, через его безмолвие.

Ничего не говорится, но у кого-то сердце может начать танцевать, может возникнуть песня.

В присутствии учителя ученик может осознать, что обычная человеческая жизнь – это еще не все, есть нечто большее. Если дать ученикам понять, что есть нечто большее – более великий покой, более глубокое безмолвие, льющийся через край экстаз – они могут начать искать это, они могут стать искателями. И что в этом плохого? Даже если никто не слушает, все равно стоит предпринимать усилия.

Мистик и учитель переживают одно и то же, но у них

разные взгляды на возможность передачи своего опыта другим – и, кажется, оба правы.

Мое собственное поимаиие таково: мистики – это более обычный вид людей. Оии происходят из той категории людей, которые не обладают даром красноречия, среди которых нет поэтов, художников, музыкантов, таицоров. Они выходят из народных масс.

А учнтель более красноречив, более талантлив. Еслн он не может выразнть нечто словами, он выразит это в живопнси, скульптуре, танце, пении – и живопись, таиец, пенне илн любое другое творческое искусство может стать средством передачи того, что ие может выразить язык.

И есть людн, которые обладают даром красноречия; они могут говорить таким образом, что через слова вам передается некое бессловесное послание. Слова будут лишь оболочкой, а содержимым будет бессловесное. Но для этого иужеи очеиь красиоречивый человек, который может пользоваться языком так, что язык становнтся музыкой, поэзией, безмолвием... он становнтся не только тем, что говорится, но и тем, что не высказывается. Язык может стать средством передачи, – но это будет зависеть от слушающих. Миогое будет зависеть от слушающнх.

Итак, основная функция учителя – это, во-первых, создавать учеников, которые могут поимать в словах бессловесное... которые могут сидеть в безмолвии и при этом иаполняться потрясающей безмятежиостью.

В присутствии учителя в них может иачать открываться нечто – как будто восходит солице и иачиииют петь птицы, а ведь птицам иикто ие сообщает, что иаступил рассвет. У бедиых птиц нет будильииков, но сам свет... тьма уходит, иочь прошла, и вся природа ликует. Начинают открываться цветы, повсюду распространяется их аромат.

Мнстнк достнг, он исполнился, он завершил свое путешествие. Но он не очеиь одарениый гений.

Мастер работает сверхурочио. Его работа завершеиа, ио его геннй, его талант, требует выражения.

Крншнамурти сказал: «Если мие придется последовать совету врачей и прекратить мои страиствия и беседы, тогда я не проживу больше четырех недель». И через четыре недели ои умер. Его работа была уже завершеиа, теперь ои жнл только для того, чтобы помогать другим. И если даже этого делать иельзя, тогда какой смысл попусту оставаться здесь? Его лодка давио уже пришла за иим. Ои просто откладывал отплытие –

кто-то может прислушаться к его словам, кто-то может услышать, кого-то они могут затронуть. Но если ему нельзя странствовать и беседовать с людьми, тогда у него нет причины продолжать дышать. Он же не идиот. Почему он назвал срок в четыре недели? – да просто из-за инерции прошлого. Чтобы дыхание и сердцебиение замедлились и исчезли, требуется приблизительно три-четыре недели. И чем старше человек, тем больше требуется времени. Если бы он был помоложе, то потребовалась бы всего одна неделя.

Это очень странный феномен – он объясняется тем, что у молодого человека сердце работает быстрее, оно может быстрее исчерпать инерцию движения. Старый человек и так замедлен, его сердце привыкло к медленному ритму, поэтому требуется три-четыре недели.

Быть мистиком – редкость, но быть учителем – еще большая редкость.

А быть удачным учителем... для этого надо прийти ко мне!

Возлюбленный Бхагаван,

всякий раз, когда я пребываю в безмолвном пространстве, я слышу некий звук – что-то вроде «ом» или гудения. Мне нравится этот ритмичный, мелодичный бесконечный звук. Мне случается слышать его и тогда, когда я полностью отдаюсь какой-либо деятельности.

Можно ли слушать этот звук и наслаждаться им, или это – проекция ума, греза наяву? Пожалуйста, дайте мне наставление.

Вот что надо запомнить прежде всего: не надо повторять какой-либо звук как мантру, ибо когда ты повторяешь, ты творишь нечто – тогда это проекция твоего ума.

Если же ты просто молчишь или слышишь некое гудение, тогда это – звук Существования.

Медитирующие испокон веков слышат это гудение. На Востоке это гудение получило особое название – *ом*. Это не точно *ом*, но нечто подобное.

Следует помнить, что в санскрите, который является са́мым древним языком в мире, материнским языком всех цивилизованных языков, *ом* не пишется буквами. Для него был принят особый символ, чтобы специально выделить его, показать, что он не имеет никакого отношения к языку, что он

за пределами языка и не является частью санскритского алфавита.

По написанию это – символ, а символ может быть использован в любом языке. Санскрит не обладает монопольным правом на него, ибо он не является частью санскритского алфавита. Его слышат...

Джайны, буддисты, индуисты – их теологии отличаются по всем пунктам, но все они слышат звук *ом*.

Нет никакого различия, это не гипотеза, это не отстаиваемая кем-то теория.

Любой, кто становится предельно безмолвным... это поет само безмолвие, это песня тишины.

Поэтому относительно звука *ом* согласны все – индуисты, буддисты, джайны. Их священные писания начинаются с *ом* и в конце их священных писаний стоит *ом*, ибо это – универсальный звук.

Это породило проблему – и есть много проблем такого рода, – ибо все мистики в этой стране и на Дальнем Востоке слышали звук *ом*. Люди, читающие священные писания, начинают думать: «Если *ом* – это звук природы самого Существования, тогда при постоянном повторении *ом*, его можно будет вскоре услышать». Это логично, но не реалистично.

Если вы будете повторять *ом*, вы никогда не услышите настоящий звук; вы будете продолжать повторять, и, может быть, вы начнете слышать ваше собственное повторение.

В Тибете, где была проведена самая большая работа над этим «беззвучным звуком», как его там называют, был создан специальный инструмент.

Это своего рода металлический котел, отлитый из сплава нескольких металлов в определенных пропорциях, и небольшой стержень, тоже отлитый из сплава нескольких металлов в определенных пропорциях. Надо прижать стержень к краю котла и совершать им быстрые круговые движения – и возникает некое гудение. Это нечто более близкое к экзистенциальному звуку, чем звучание слова *ом*.

В каждом ламаистском монастыре Тибета вы услышите этот звук – специально назначенный лама непрерывно извлекает его. Когда он устает, ему на смену приходит другой... этот звук извлекается двадцать четыре часа в сутки, но это – звук, извлекаемый человеком. Это похоже, но это не то же самое.

В Индии индуисты впали в то же заблуждение. Они сделали звук *ом* своей самой важной мантрой: надо просто непрерывно повторять *ом* про себя, чтобы все ваше существо

наполнилось им: «Ом, ом, ом». Вы обманываете себя, это – ваш звук.

Так что, если ты не создаешь этот звук, тогда нет нужды беспокоиться.

Если в тот момент, когда ты становишься безмолвным, ты слышишь его, тогда это – великое благословение. Это означает, что ты проник очень глубоко в экзистенциальный мир безмятежности.

Но не пытайся обмануть Существование. Можно всю свою жизнь распевать звук *ом*, но это бессмысленно, это не имеет никакого отношения к Существованию.

По отношению к Существованию надо быть слушателем, абсолютно пассивным, расслабленным, в состоянии раскрепощения. Не навязывай себя Существованию. Ты – единственный барьер, а навязывание себя – единственный грех.

Просто оставайся совершенно пассивным, в состоянии свидетельствующего недеяния, вслушиваясь во все, что происходит, позволяя этому происходить.

Это очень хорошо, и имеет огромное значение.

На пути, если ты начинаешь слышать звук *ом*, это означает, что ты принят, Существование приветствует тебя. Тебе не надо больше искать, ты нашел дверь.

Просто расслабься еще больше и предоставь все Существованию... полное доверие и полная пассивность.

Твое отсутствие – это присутствие божественности.

Как только тебя больше нет, случается чудо.

Возлюбленный Бхагаван,

в один из недавних вечеров Вы сказали, что Иисус, Маркс и Фрейд были, пожалуй, самыми великими бизнесменами мира.

Однажды я слышал, как Вы назвали себя старым евреем.

Бхагаван, каков Ваш бизнес?

Миларепа, я – компаньон, который предпочитает помалкивать.

Возлюбленный Бхагаван,

с тех пор, как я в 1981 году принял санньясу, люди постоянно видят во мне Иисуса Христа! Что у меня общего с этим парнем?

Сатсанга, это опасно. Состриги бороду! А не то тебе состригут голову!

Иисус! Они видят в тебе Иисуса Христа?

Тогда и до распятия не очень далеко. Первое, что тебе надо будет сделать, когда ты выйдешь из этого зала, – это сбрить бороду. А если и тогда люди будут узнавать тебя, повесь себе на шею табличку «Я не Иисус Христос».

Ты должен дать им ясно понять это, иначе твоя жизнь будет в опасности.

Беседа 27

ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ В БЕЗМОЛВИИ – ЭТО ВАШ ДРУГ

30 октября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

тринадцать лет назад я, смертельно раненная, оставила мир и пришла к Вам. Вы исцелили меня и вернули мне больше, чем жизнь. Затем, год назад, я вернулась в тот мир, из которого я бежала, и почувствовала себя ребенком из детского сада, который еще азбуку толком не знает. Естественно, были темные моменты. В эти моменты некий внутренний голос – не Ваш ли это был голос, Бхагаван? – продолжал втолковывать мне: «Не предавайся эмоциям – наблюдай!»

На многие месяцы этот голос стал моим постоянным спутником, пока внезапно я не осознала: тьму и конфликт создавали мои собственные страхи, желания и суждения. Этот проблеск был окружен спокойным, расслабленным чувством свободы и приятия. Сейчас, снова переживая потрясающую красоту сидения у Ваших ног, я вижу, что, как бы долго я ни наблюдала, это желание быть в Вашем присутствии не оставляет меня.

Возлюбленный Бхагаван, разве можно не стремиться к тому, что так уникально и прекрасно?

Лалита, на духовном пути есть много перекрестков. На каждом перекрестке человеку кажется, что он прибыл на место.

И в определенном смысле, это верно.

Это некое благословенне, неведомое ранее, абсолютно новый покой, невообразнмое безмолвне... и любовь, аромата которой человек жаждал многие жнзнн н ннкогда не находнл. Естественно, человеку кажется, что он оказался дома.

Это одна из самых трудных задач учителя – толкать вас дальше, говорить вам: «Это всего лишь начало, вас ожндает гораздо большее». И хотя для вас непостижимо, как может быть нечто большее... любовь, доверие н преданность, которые вы испытываете к учителю, помогают вам двигаться дальше.

Эти моменты прнходят снова н снова. Каждый раз двигаться дальше становится в некотором смысле труднее и в некотором смысле легче. Труднее в том смысле, что каждая новая реалнзация, каждое новое достиженне, каждое новое

откровение так огромно, так захватывающе, что все, что вы знали раньше, просто меркнет – так что двигаться дальше становится труднее.

Но, с другой стороны, двигаться дальше становится легче, потому что каждый раз учитель говорит вам: «Двигайтесь дальше», – и вы всегда приобретаете больше, вы ничего не теряете. Это всегда иовая дверь к новой тайне, одно новое небо за другим.

Поэтому доверие тоже возрастает. И теперь легче слушаться учителя и двигаться дальше.

Вот одна древняя история… она мне всегда нравилась.

Жил одии старый дровосек, бедиый и одинокий, который зарабатывал себе иа жизнь тем, что рубил дрова и продавал их. Каждый раз, когда он шел в лес, он проходил мимо дерева бодхи, которое росло на краю леса, – под таким же деревом Гаутама Будда стал просветленным, поэтому это дерево и получило название «дерево бодхи». *Бодхи* означает просветление.

Кстати, вам будет иитересио узнать, что учеиые обнаружили в дереве бодхи некое вещество, которого нет ни в одном другом дереве, и это вещество абсолютно необходимо для развития разума. Может быть, это очеиь разумное, чувствительиое дерево. Это не может быть простым совпадением…

Каждый раз дровосек видел под деревом бодхи старика, который тихо сидел там всегда – летом, зимой, в сезои дождей. Прежде чем войти в лес, дровосек всегда припадал к его ногам, и каждый раз старик улыбался и говорил: «Ну и идиот же ты!»

Дровосек никак не мог поиять: «Почему? Я припадаю к его ногам, а он вместе того, чтобы благословить меня, улыбается и говорит: "Ну и идиот же ты!"» Одиажды ои иабрался мужества и спросил: «Что ты имеешь в виду?»

Старик сказал: «Я имею в виду вот что: ты всю свою жизиь рубишь деревья, а если ты немиого углубишься в лес, ты иайдешь медную шахту. Только идиот может не заметить ее! А ты всю свою жизнь ходишь по этому лесу… За один день ты можешь набрать столько меди, что, продав ее, обеспечишь себя на неделю, тебе ие надо будет рубить дрова каждый день, ведь ты уже стар».

Дровосек не мог поверить в это, ведь он хорошо зиал весь лес: «Он, должно быть, дурачит меия. А, может, и нет… от меия ие убудет, если я отправлюсь поглубже в лес и поищу эту медиую шахту». Ои углубился в лес и иашел медиую шахту.

Он сказал себе: «Теперь я знаю, почему он постоянно называл меня идиотом, работающим каждый день в таком преклонном возрасте».

И он стал ходить в лес только один раз в неделю. Но старая традиция продолжалась: он подходил к старику, сидевшему под деревом, припадал к его ногам, а тот улыбался и говорил: «Ну и идиот же ты!»

И однажды дровосек спросил: «Почему ты продолжаешь называть меня идиотом? Ведь я же нашел медную шахту».

Старик сказал: «Ты не знаешь всего. Если ты пойдешь еще дальше в лес, ты найдешь серебряную шахту».

Дровосек сказал: «Но почему же ты не сказал мне об этом раньше?»

Старик сказал: «Ты сперва не поверил даже в медную шахту – разве ты поверил бы в серебряную? Просто пойти немного дальше!»

И на этот раз у дровосека тоже были сомнения, но не очень большие, у него стало появляться доверие к старику.

И он нашел серебряную шахту.

Он вернулся к старику и сказал: «Теперь, когда я нашел серебряную шахту, я буду приходить один раз в месяц. Мне будет недоставать тебя. Мне будет недоставать твоих благословений. Мне стало нравиться слышать от тебя: «Ну и идиот же ты!»

Но старик сказал: «Ты *все еще* идиот, ничего не изменилось».

Дровосек сказал: «Даже теперь, когда я нашел серебряную шахту?»

Старик сказал: «Да, даже теперь. Ты просто идиот, и больше ничего – ведь если ты пойдешь еще дальше в лес, ты найдешь золото. Не надо ждать целый месяц, приходи завтра».

Дровосек подумал: «Должно быть, он дурачит меня. Если там есть золото, почему же он сидит под этим деревом в лохмотьях, в дождь и в зной, завися от людей, которые приносят ему еду... иногда они приносят еду, иногда нет... И если он знает, где находится золото... Я думаю, что на этот раз он, наверное, дурачит меня! Но все же... он всегда оказывался прав. Кто знает? Этот старик какой-то таинственный».

Он пошел в лес и нашел большую золотую шахту. Он не мог поверить своим глазам, ведь он всю свою жизнь работал в этом лесу...

Он набрал много золота, вернулся к старику и сказал: «Я думаю, ты больше не будешь говорить, что я – идиот!»

Старик сказал: « Нет, я буду продолжать говорить это. Приходи завтра, ибо это еще не конец, это только начало».

Дровосек сказал: «Что? Золото – только начало?»

Старик сказал: «Приходи завтра. Еще дальше в лесу ты найдешь алмазы, – но и это не конец. Но я не скажу тебе всего, а не то ты не заснешь ночью. Иди домой. Завтра утром сперва найди алмазы, а затем приходи ко мне».

Дровосек действительно не мог заснуть всю ночь. Бедный дровосек... он представить себе не мог, что станет владельцем всех этих шахт – медной, серебряной, золотой... а теперь алмазы!

И старик говорил, что это только начало. Дровосек все думал и думал... что же может быть ценнее алмазов? Утром он вышел из дому очень рано – старик еще спал. Он припал к его ногам.

Старик открыл глаза и сказал: «Ты пришел? Я знал, что ты придешь рано, ты не мог заснуть. Сперва иди и найти алмазы».

Дровосек сказал: «А ты не скажешь мне, что может быть ценнее алмазов?»

Старик сказал: «Сперва найди алмазы – всему свое время, иначе ты сойдешь с ума».

Дровосек нашел алмазы и, пританцовывая, пришел к старику. Он сказал: «Теперь ты не можешь сказать, что я – идиот. Я нашел алмазы!»

Но старик сказал: «Все равно ты – идиот».

Дровосек сказал: «Тогда я не отстану от тебя, пока ты не объяснишь мне, почему я – идиот».

Старик сказал: «Ты же видишь, что я знаю об этих шахтах – о серебре, золоте, алмазах – и меня они не волнуют. Ибо есть нечто большее, но не в лесу, а в тебе самом – не снаружи, а внутри. И поскольку я нашел это, мне нет дела до всех этих алмазов. Теперь тебе решать: ты можешь остановиться на алмазах, но запомни, что останешься идиотом. И я сам тому доказательство – ведь я знаю об этих шахтах, но не стал возиться с ними. Это может помочь тебе понять, что есть нечто большее, но найти его можно только внутри самого себя».

Дровосек выбросил алмазы.

Он сказал: «Я буду сидеть рядом с тобой. Пока ты не скажешь, что я больше не идиот, я не уйду отсюда!»

Он был простым, невинным дровосеком.

Образованным людям очень трудно двигаться внутрь себя.

Для дровосека это было не очень трудно. Вскоре он вошел в глубокое безмолвие – радость, блаженство, благословение.

И старик тронул его за плечо и сказал: «Вот ты и добрался до нужного места. Теперь тебе не надо ходить в лес. И ты больше не идиот, ты стал мудрецом. Ты можешь открыть глаза, и ты увидишь тот же мир, но уже в ином свете... те же краски, но теперь они стали психоделическими... те же люди, но теперь они не просто скелеты, обтянутые кожей, а светящиеся духовные существа... тот же космос, но впервые он стал океаном сознания».

Дровосек открыл глаза.

Он сказал: «Ты странный человек. Почему ты ждал так долго? Я приходил сюда почти всю мою жизнь и всегда видел тебя, сидящим под этим деревом. Ты мог бы сказать мне об этом раньше».

Старик сказал: «Я ждал подходящего момента, когда ты созреешь, когда ты сможешь не только услышать, но и понять. Путешествие не длинное, но не надо останавливаться при каждом достижении. Ибо каждое достижение наполняет тебя таким удовлетворением, что ты даже вообразить не можешь, что может быть нечто большее».

Лалита, ты спрашиваешь меня, что может быть более прекрасным, чем пребывание в присутствии учителя. А почему бы не раствориться в этом присутствии? Быть в присутствии учителя – это все еще разделение. Зачем быть в присутствии? Почему бы не стать самим присутствием?

И только тогда ты узнаешь, что быть в присутствии – это только начало путешествия, которое завершается тем, что ты *становишься* самим присутствием.

Я знаю тебя, и я знаю твое сердце. Я рассказывал эту историю о дровосеке, помня о том, что у тебя такое невинное сердце.

Только нигде не останавливайся.

Это возможно... реализуй это.

Стань сама светом, и тогда все, что ты будешь переживать, будет невыразимым.

В твои темные моменты, когда тебя целый год не было со мной, ты слышала слово «наблюдай».

При твоем невинном уме для меня очень просто говорить

с тобой на любом расстоянии... это общеиие сердца с сердцем. Те слова были моимн, и ты узиала нх. Тебе не надо беспокоиться обо всех этих вещах, тебе надо просто наблюдать, и они исчезнут – гиев, алчиость, зависть. Все компонеиты тьмы имеют одно общее свойство: если ты будешь наблюдать их, они начнут рассеиваться. Достаточно наблюдения, с ними не надо ничего делать.

В жнзнн одного из великих мистиков, Баал Шема, был такой случай. Посреди ночи он имел обыкновенне ходнть к реке просто для того, чтобы побыть в одиночестве, в абсолютной тишине, насладиться покоем и красотой ночн. На берегу реки стоял особняк одного богача, и охранявший его сторож не знал, что и думать об этом человеке. Каждую иочь, когда башенные часы били полиочь, Балл Шем появлялся из темиоты.

Однажды бедняга-сторож не выдержал и спросил: «Почему ты каждую ночь приходишь на берег реки и сидишь в темноте? С какой целью?»

Вместо ответа Баал Шем спросил: «Каково твое занятне?»

Тот сказал: «Я – сторож».

Балл Шем сказал: «Это и мое занятие. Я тоже сторож».

Сторож сказал: «Это странно. Если ты сторож, тогда что же ты делаешь здесь? Тебе следовало бы сторожить тот дом, в котором ты служишь».

Баал Шем сказал: «Тебе иадо кое-что объяснить. Ты сторожишь дом какого-то другого человека. Я же сторожу мой собственный дом. Это и есть мой дом. Куда бы я ни пошел, мой дом всегда со мной – и я непрерывно наблюдаю за ним».

Я люблю эту историю.

Будь постояино настороже – следи за всеми темными моментами. И они исчезнут.

Вот вам определение: если вы наблюдаете нечто и оно исчезает, то это означает, что это не то, что нужно; а если при наблюдении оно становится более ясным, близким, тогда это означает, что это то, что нужно впитать в себя.

Нет другого определения добра и зла.

Решает наблюдение – единственный критерий. Что есть грех и что есть добродетель? То, что при наблюдении исчезает, есть грех, а то, что приближается, стаиовится более ясиым, стремится стать частью вас, есть добродетель.

Наблюдеиие – это, несомненно, золотой ключ духовной жизни.

Возлюбленный Бхагаван,

на днях Вы так прекрасно говорили о печали, которая наступает после первого переживания нашего внутреннего безмолвия. Обязательно ли бывает так, что когда я впервые переживаю это безмолвие, я также всем моим существом чувствую, что я абсолютно одинок в моем путешествии?

Одиночество – это тоже одно из основных переживаний, когда вы входите в безмолвие.

В безмолвии, кроме вас, больше никого нет.

В глубоком безмолвии исчезают мысли, исчезают эмоции, исчезают чувства – только чистое существо, одиноко горящее пламя!

Можно испугаться, ведь мы так привыкли жить среди людей – в толпе, на рыночной площади, во всевозможных человеческих отношениях.

Вы можете не осознавать, что во всех этих отношениях – с друзьями, с мужем или женой, с вашими детьми, с вашими родителями – вы, по сути, пытаетесь убежать от чувства одиночества. Это все уловки для того, чтобы не быть в одиночестве.

Это хорошо известный факт, подтвержденный психологами, что если человека изолировать от других людей, то через семь дней он начинает разговаривать – невнятно бормотать что-то. Семь дней он все время говорит про себя, сдерживает себя в пределах ума, но затем это становится невыносимым – слова начинают покидать его ум через рот, и он начинает бормотать.

Через четырнадцать дней можно уже отчетливо слышать, что именно он говорит. Через двадцать один день ему уже ни до кого нет дела, он становится безрассудным, он разговаривает со стенами, с колоннами: «Привет, дружище, как дела?» Он разговаривает с колонной, он обнимает колонну!

И так обстоит дело не только с какими-то отдельными типами, а со всеми людьми. Человек пытается установить какие-то отношения. Если он не может установить их в реальности, он создает галлюцинацию.

Вы можете увидеть сами: просто постойте на улице и понаблюдайте за людьми, возвращающимися с работы. Хотя вокруг толпа, каждый идет в одиночестве и разговаривает сам

с собой. Люди делают какие-то жесты, они что-то бормочут... ибо они не связаны с окружающей их толпой. Они одиноки в толпе, поэтому они пытаются создавать свои собственные иллюзии. Может быть, они разговаривают со своими женами или со своими начальниками – есть много вещей, которые они не могут высказать им в лицо, но сейчас они могут высказать все, что у них накипело в душе. Человек не может высказать это в лицо жене, но в этой толпе, где каждый занят своими проблемами, он может высказать жене все. Никто же не слушает, и по крайней мере можно быть уверенным в одном – жены-то здесь нет! Но жена ему нужна, ему нужен кто-то, с кем можно поговорить.

После тридцати дней изоляции происходит резкое изменение: разговор перестает быть односторонним, теперь не только человек говорит с колонной, но и колонна тоже начинает говорить с человеком. Человек говорит и за себя, и за колонну. Сперва он говорит колонне: «Привет, как дела?» – а затем отвечает: «Спасибо, у меня все в порядке». Он говорит от имени колонны – и другим голосом. Теперь он создал свой собственный мир, он больше не одинок. Ни один сумасшедший не бывает одиноким.

Либо вы безумны, либо нет. Если вы не знаете одиночества, то у вас есть какое-то безумие.

Только чистое одиночество дает вам ясную здравость. Никто другой вам не нужен, больше нет зависимости от других людей, вы самодостаточны. Язык теряет всякий смысл, ибо язык – это средство для общения с другими.

Как только вы прекращаете зависеть от других, язык теряет всякий смысл, слова теряют всякий смысл.

В вашей тишине – когда нет слов, нет языка, нет других людей – вы входите в лад с Существованием. Эта безмятежность, эта тишина, это одиночество принесет вам огромные награды.

Тишина позволит вам расти в полную меру ваших потенциальных возможностей.

Впервые вы будете индивидуальностью, впервые вы познаете вкус свободы, и впервые беспредельность Существования будет вашей со всем его блаженством.

Поэтому, что бы ни случилось в безмолвии – печаль или одиночество, – помните, что в безмолвии не может случиться ничего плохого. Все, что будет случаться в безмолвии, будет увеличивать его красоту, углублять его очарование, будет

приносить все больше и больше цветов, все больше и больше аромата.

Радуйтесь! Что бы ни случилось в безмолвии – это ваш друг, ваш близкий друг. Это унесет вас на высочайшую вершину экстаза.

Возлюбленный Бхагаван,

у меня на самом-то деле нет вопроса к Вам – все очень хорошо. Только одно немного смущает меня. Вы часто говорите о «немногих избранных». А кто же выбирает?

Это очень трудный вопрос.

Вначале это делал Бог!

Но есть много гипотез о том, что случилось с Богом: некоторые говорят, что он умер естественной смертью; некоторые говорят, что он совершил самоубийство; некоторые говорят, что он пал жертвой несчастного случая. Некоторые говорят, что его убил человек – ибо, не убив его, человек не мог бы быть действительио свободным.

Я не хочу углубляться в вопрос о том, что же случилось с Богом.

Ясно одно: его нет.

Вначале он выбрал евреев – они стали «немногими избранными», «народом Бога». Но с тех пор у него больше не было такой возможности. Хотя во всех синагогах мира евреи молятся: «Тебе пора бы выбрать кого-иибудь еще, мы уже достаточно настрадались!»

И это верно. Если бы Бог ие выбрал их, они бы жили так же, как все остальиые. Но поскольку он выбрал их, он сделал всех остальных их врагами – великая зависть и конкуренция.

Мие помнится, что одиажды у пандита Джавахарлала Неру, первого премьер-министра Иидии, спросили: «Кого вы выберете своим преемником?»

Он сказал: «Я никого не будут выбирать, потому что, кого бы я ни выбрал, этому человеку придется столкнуться с огромными трудностями. Все остальные претенденты на пост премьер-министра объединят свои усилия против него, и у выбранного мною человека не будет никаких шансов стать премьер-министром. Поэтому я буду держать рот на замке».

И ты спрашиваешь, кто выбирает здесь?

Здесь происходит совершенно иной процесс.

Здесь, как только вы стали санньясином, вы выбрали самого себя.

Каждый санньясин принадлежит к немногим избранным, и никто не производит отбор – выбор делаете вы, поэтому здесь есть свобода. Если вы чувствуете, что вам трудно, вы можете выйти из игры.

Никто не мешает вам стать санньясином, никто не мешает вам отказаться от санньясы.

Ваша свобода неприкосновенна.

Итак, запомните: здесь никто не выбирает. Становясь санньясином, каждый совершает выбор. Поэтому нет нужды убивать меня, случай с Богом послужил мне уроком – я никогда никого не буду выбирать, так как это опасно! И выбрать кого-то – значит обречь его на неприятности.

Четыре тысячи лет евреи так много страдали по той единственной причине, что они были немногими избранными. На всей земле никто так не страдал, как они. Это породило в них комплекс превосходства, чувство, что они лучше других, – и, естественно, никому не нравятся люди, которые считают, что они лучше других.

Поэтому во всех странах их унижали, чтобы доказать им, что они не лучше всех.

Только в Германии один Адольф Гитлер убил шесть миллионов евреев. Ответственность лежит на Боге, поскольку причина, по которой евреи были не по нутру Адольфу Гитлеру, заключалась в том, что он объявлял нордических немцев высшей расой. Евреев надо было стереть с лица земли, ведь пока существуют евреи, нельзя объявлять нордических немцев высшей расой.

Евреи – древняя раса с четырехтысячелетней историей, и они всеми возможными способами доказали, что они умнее других. Среди евреев нет нищих, они все богатые, они знают, как делать деньги. Все они культурные и хорошо образованные люди. Сорок процентов Нобелевских лауреатов приходится на долю евреев, а шестьдесят процентов – на долю всех других народов мира; это просто невообразимо.

В присутствии евреев Адольфу Гитлеру приходилось очень трудно, ведь они обладали таким интеллектуальным потенциалом, такими богатствами – все доказывало, что они умнее других.

Чтобы сделать нордических немцев высшей расой, евреев надо было полностью стереть с лица земли.

И виноват Бог, ему не следовало выбирать бедиых евреев. А если уж он выбрал их, то надо было шепнуть на ухо Моисею: «Пожалуйста, никому не говорите об этом. Просто держите про себя, что вы – немногие избраниые. Это секрет, который нельзя разглашать».

Но если это секрет, то в этом нет никакой радости. Радость в том, чтобы провозглашать это.

Здесь я никого не объявляю избранным, но я даю вам благоприятную возможность.

Если вы хотите быть избранными, тогда будут неприятности. Во всем мире мои саииьясины сталкиваются со всевозможными неприятностями.

За все надо платить. Вы хотите быть немногими избранными задаром? Не выйдет. За это вам придется платить.

Возлюбленный Бхагаван,

в прошлом Вы часто говорили о сомнении и о ценности сомнения во всем.

На том уровне, где Вы – мой учитель, а я, благодаря Вашей милости, стал Вашим учеником, у меня никогда не бывает сомнений. Забывчивость с моей стороны – да, бессознательность с моей стороны – да, но никогда никаких мук сомнения.

Возлюбленный Учитель, не могли бы Вы рассказать о сомнении в отношениях между учеником и учителем?

Такое невозможно.

Ученик становится учеником только тогда, когда он отбрасывает все сомнения. Поэтому по самой природе вещей ученик не может сомневаться.

Если он сомневается, он не ученик.

Как слушатель, он может сомневаться сколько ему угодно. Когда же все его сомнения исчерпаны и возиикает доверие, не знающее сомнеиий, тогда ои входит в мир учеиичества.

Теперь иет возможности для возникиовеиия сомиения. Если сомнение возникает, то ученик снова попадает в категорию слушателей.

Что касается учителя и его учеииков, то сомиение – это нечто невозможное.

Возлюбленный Бхагаван,

почему Вы всегда смотрите на Вашу руку, прежде чем начать отвечать на первый вопрос?

Вы находите там ответ, или я ошибаюсь?

Мои руки пусты.

У меня нет никакого ответа.

У вас есть вопросы; я не отвечаю вам, я просто уничтожаю ваши вопросы. И прежде чем уничтожить ваши вопросы, я должен посмотреть на мою руку, потому что я уничтожаю ваши вопросы не только с помощью моих слов, но и с помощью моих рук.

Поэтому я должен подготовить их, спросить у них: «Вы готовы?»

Когда они говорят: «Да, хозяин, давай!» – я начинаю!

Без помощи моих рук я не могу отвечать вам. Они выполняют большую часть работы.

Мои слова просто отвлекают ваше внимание, а руки продолжают делать настоящую работу.

Так что ты абсолютно правильно подметил это.

Я смотрю на мои руки, – но не для того, чтобы найти ответы, а для того, чтобы узнать, готовы они или нет.

Возлюбленный Бхагаван,

впервые я нахожусь так близко к Вам. Когда я сижу здесь с Вами, я чувствую, что мое сердце бьется в лад с Вашим сердцем, я чувствую глубокую любовь к Вам. Но я также чувствую мою внешнюю серьезность. Почему смех так труден для меня?

Смех – это одно из наиболее подавляемых обществом явлений... во всем мире, во все века.

Общество хочет, чтобы вы были серьезными. Родители хотят, чтобы их дети были серьезными; школьные учителя хотят, чтобы их ученики были серьезными; начальники хотят, чтобы их подчиненные были серьезными; командиры хотят, чтобы их солдаты были серьезными. Серьезность требуется от каждого.

Смех непокорен и опасен.

Учитель ведет урок, а вы начинаете смеяться – он воспринимает это как оскорбление. Ваши родители говорят вам что-то, а вы начинаете смеяться – это будет воспринято ими как оскорбление.

Считается, что когда вы серьезны, вы проявляете уважение, почтение.

Естественно, смех так сильно подавляют, что никто по-настоящему не смеется, хотя жизнь вокруг нас – сплошное веселье. Если вы освободите ваш смех от цепей, от рабства, вы будете удивлены: на каждом шагу случается что-то смешное.

Жизнь несерьезна.

Серьезны только кладбища, серьезна смерть.

Жизнь – это любовь, жизнь – это смех, жизнь – это танец, песня.

И мы должны дать жизни новое направление. Прошлое очень сильно искалечило жизнь, оно сделало вас невосприимчивыми к смеху... наподобие тех людей, которые не воспринимают цвета.

Десять процентов людей являются дальтониками. Это довольно много, и они не осознают того, что они дальтоники.

Джордж Бернард Шоу был дальтоником, и он узнал об этом, когда ему исполнилось шестьдесят лет. На день рождения кто-то прислал ему в подарок красивый костюм, но этот человек забыл прислать галстук. Поэтому Бернард Шоу пошел со своей секретаршей в магазин, чтобы подобрать к костюму галстук. Костюм ему очень понравился. Он посмотрел галстуки и выбрал себе один, и его секретарша была удивлена, она просто не могла поверить своим глазам – ведь костюм был желтый, а он выбрал зеленый галстук.

Она сказала: «Что вы делаете? Это же будет выглядеть нелепо!»

Он сказал: «Почему нелепо? Ведь они же одного цвета».

Владелец магазина, продавцы... все обступили его и стали выяснять, в чем тут дело. Оказалось, что он не различает желтый и зеленый цвета, ему они казались одним цветом.

Он был дальтоником, но шестьдесят лет от даже не подозревал об этом. В мире десять процентов людей являются дальтониками. Они не воспринимают какой-то цвет или путают один цвет с другим.

Постоянное подавление смеха сделало вас невосприимчивыми к смеху.

Повсюду случаются всевозможные смешные ситуации, но вы не видите в них ничего смешного. Если освободить ваш смех из рабства, то весь мир наполнится смехом. Он нуждается в этом, это изменит почти все в человеческой жизни.

Вы не будете такими несчастными, как сейчас. На самом

деле вы не такие несчастные, как кажетесь, – это несчастье плюс серьезность придают вам такой печальный вид. А несчастье плюс смех – и вы не будете выглядеть такими несчастными!

В одном многоквартирном доме... В современных квартирах такие тонкие стены, что, хотите вы или нет, вы просто не можете не слышать то, что происходит за стеной. В некотором смысле, это очень по-человечески...

Все жильцы дома были озадачены одним обстоятельством...

Каждая супружеская пара в доме ссорилась: они бросали друг в друга подушками и другими вещами, били посуду, кричали друг на друга, мужья были жен, жены визжали... и не надо было никаких громкоговорителей, весь дом и так все слышал и получал свое удовольствие.

Только с одним чиновником что-то было не так. Из его квартиры никогда не доносился шум скандала. Наоборот, соседи всегда слышали, как оттуда раздается смех. Все соседи были в недоумении: «В чем дело? Они никогда не ссорятся. У них всегда звучит смех – они оба так громко смеются, что их смех слышен во всем доме!»

Однажды соседи решили все-таки разобраться с этим: «Мы чего-то не знаем, а они получают такое удовольствие! В чем их секрет?»

Поэтому они остановили чиновника, когда тот возвращался с рынка, нагруженный овощами и другой снедью. Они остановили его и спросили: «Ты должен открыть нам свой секрет – почему вы с женой смеетесь, тогда как все другие супружеские пары ссорятся?»

Чиновник сказал: «А может, не надо. Если я открою секрет, мне будет очень неловко...»

Соседи сказали: «Неловко? А мы думали, что у тебя дела идут отлично. Мы всегда слышим смех – то ты смеешься, то твоя жена... никаких скандалов».

Чиновник сказал: «Происходит вот что: она тоже бросает в меня вещи. Если она промахивается, смеюсь я; если она попадает, смеется она. У нас происходит то же самое, что у всех, но только мы заключили соглашение – какой смысл? И я научился, как уклоняться от попаданий, а она учится, как...»

Через двадцать лет этот чиновник подал на развод. Судья слышал о них, что они – единственная супружеская пара во

всем городе, за которой не было замечеио никаких скандалов. Они просто смеялись – весь город знал нх как смеющихся супругов.

Судья спросил: «Что случилось? О вас говорят как о самой счастливой паре».

Чиновник сказал: «Забудьте об этом – дайте нам развод».

Но судья сказал: «Я должен зиать прнчину».

Чиновник сказал: «А прнчииа очень простая: она бросает в меня вещи и попадает. Это стало невыносимым, вот уже годы я получаю удар за ударом».

Судья спросил: «Сколько лет вы женаты?»

Чниовник ответил: «Около трндцати лет».

Судья сказал: «Если ты мог терпеть эту женщину трндцать лет, то еще десять илн двадцать лет...»

Чиновник ответил: «Дело ие в этом. Первое время мне удавалось уклоияться от попаданий, но теперь она прнобрела такую сноровку. Я просто не могу уклонняться! Поэтому смеется только оиа, а я уже десять лет не смеялся. Вначале все было хорошо, почтн пятьдесят на пятьдесят, проблем не было. Я смеялся, и оиа смеялась тоже. Но теперь в ста случаях из ста смеется она, а я стою как дурак. Нет, мие этого больше не вынести».

Смотрите на окружающую вас жнзнь и старайтесь видеть смешную сторону вещей. В каждом событнн есть своя смешная стороиа, вам необходимо только чувство юмора.

Но ни одна религня ие призиает чувство юмора достоинством.

Я же хочу, чтобы чувство юмора было одним из основных достоинств хорошего человека, моральиого человека, религиозного человека. И смешное не надо долго нскать, только всмотритесь и повсюду...

Однажды, когда я был студентом, я ехал в междугородном автобусе. Коидуктор автобуоа оказался в затруднении: ои иасчнтал в автобусе трндцать одного пассажнра, а билетов продал только трндцать. Поэтому он спроснл: «Кто не купнл бнлет?»

Никто ничего не сказал.

Он сказал: «Это страиио, ио я найду безбилетника».

Я сказал ему: «Сделайте вот что: скажите водителю, чтобы ои остановнл автобус, н объявнте пассажнрам, что пока тот человек, который не купил билет, не признается, автобус не тронется с места».

Он сказал: «Хорошо».

Автобус остановился. Все стали смотреть друг на друга – что теперь делать? Никто не знал, кто был без билета...

В конце концов один человек встал и сказал: «Простите меня. Я – тот человек, который не купил билет. Вот деньги».

Кондуктор спросил: «Как тебя зовут?»

Тот сказал: «Меня зовут Аччелал». *Аччелал* означает «хороший человек».

И меня удивило то, что из тридцати человек никто не засмеялся! Когда он сказал «Аччелал», я просто не мог поверить своим ушам: «хороший человек» ведет себя таким образом... и никто не увидел в этом ничего смешного.

Серьезность просто вошла нам в плоть и кровь.

Вам придется постараться, чтобы избавиться от серьезности, и вам надо будет быть настороже – где бы вы ни увидели что-то смешное, не упускайте возможности посмеяться.

Повсюду встречаются люди, которые наступают на банановую кожуру и падают. Но на них никто не смотрит, так как считается, что смеяться над ними неблагородно. Это не так, ведь только полный «банан» может поскользнуться на банановой кожуре.

Смеху надо упорно учиться, и смех – это великое лекарство.

Он может излечить многие ваши напряжения, тревоги, беспокойства; вся энергия может быть направлена в смех. И нет необходимости, чтобы для смеха обязательно была какая-то причина, какой-то повод.

В моих медитационных лагерях я устраивал медитацию смеха: люди сидели и смеялись без всякой причины. Сперва они чувствовали себя немного неловко из-за отсутствия причины, – но если все вокруг смеются... они тоже начинали смеяться. И вскоре всех сотрясал такой великолепный смех, что люди катались по земле. Они смеялись над самим фактом, что такое множество людей смеется без всякой причины – ведь ничего не было, даже анекдотов никто не рассказывал. А смех накатывался волнами.

И в этом нет никакого вреда – вы можете даже смеяться у себя в комнате, закройте дверь и устройте себе один час простого смеха. Смейтесь над собой. Но научитесь смеяться.

Серьезность – это грех, это болезнь.

Смех обладает потрясающей красотой, легкостью. Он придает вам легкость, и он дает вам крылья для полета.

И жизнь так полна благоприятными возможностями для смеха. Вам только нужна чувствительность. И создавайте возможности для того, чтобы смеялись и другие люди. Смех должен быть одним из самых важных, самых драгоценных качеств человеческих существ – ведь только человек может смеяться, животные не могут смеяться.

Поскольку смех свойственен только человеку, он должен быть высшего порядка. Подавлять смех – значит уничтожать драгоценное человеческое качество.

Беседа 28

ПОКА ВСЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ НЕ...

31 октября 1986 г., Бомбей

17 Зак. 38

Возлюбленный Бхагаван,

недавно Вы сказали, что большая часть человечества не живет, а прозябает. Пожалуйста, объясните нам искусство жизни, чтобы и смерть могла стать праздником.

Сурадж Пракаш, человек рождается, чтобы обрестн жнзнь, но все зависит от него самого.

Он может упустнть жнзнь. Он может продолжать дышать, он может продолжать приннмать пищу, он может продолжать стареть, он может продолжать двигаться к могиле, – но это не жизнь. Это постепенная смерть, растянутая на семьдесят пять лет, от колыбели к могиле.

И поскольку миллионы людей вокруг вас умирают этой постепенной, медленной смертью, вы тоже начинаете подражать им. Дети учатся всему у окружающих, а нас окружают мертвецы.

Поэтому мы сперва должны понять, что я нмею в виду под «жизнью».

Это не должно быть просто старение.

Это должно быть возрастание.

А это две разные вещи.

На старение способно любое животное. Возрастанне – это прерогатнва человеческих существ.

Только немногие заявляют на нее свои права.

Возрастать – значит каждое мгновенне проникать все глубже в принцип жизни, двнгаться все дальше от смертн, а не к смерти. Чем больше вы углубляетесь в жизнь, тем больше вы понимаете бессмертне внутрн вас. Вы удаляетесь от смерти; н наступает момент, когда вы можете увндеть, что смерть есть не что нное, как перемена одежды нлн переезд нз одного дома в другой, нзменение формы – ннчто не умирает, ннчто н не может умереть.

Смерть – это велнчайшая из всех иллюзнй.

Посмотрнте, как растет дерево. По мере того как дерево растет вверх, его корни растут вниз, все глубже. Есть некий баланс: чем выше вырастает дерево, тем глубже в землю уходят его корнн. Не может быть дерева высотой в сто пятьдесят футов и с маленькнми корнямн, онн не моглн бы поддержнвать такое большое дерево.

В человеческой жизни возрастать – значит расти в глубь себя самого, именно там ваши корни.

Для меня первый принцип жизни – это медитация.

Все остальное имеет второстепенное значение.

И детство – самое лучшее время. Чем вы старше, тем ближе к смерти и медитировать становится все труднее и труднее.

Медитировать – значит двигаться в ваше бессмертие, в вашу вечность, в вашу божественность.

И ребенок – самый подходящий для медитации человек, ибо он пока еще не обременен знаниями, не обременен религией, не обременен образованием, не обременен всевозможным мусором. Он невинен.

Но, к сожалению, его невинность считают невежеством. Между невинностью и невежеством есть некое сходство, но они не одно и то же. Невежество – это тоже состояние неведения, как и невинность. Но между ними есть и большое различие, которое человечество до сих пор не замечало. Невинность не знает, – но она и не стремится знать. Она полностью довольна, удовлетворена.

У маленького ребенка нет никаких амбиций, у него нет никаких желаний. Он так поглощен настоящим мгновением... птичка на ветке полностью завладевает его вниманием, простая бабочка очаровывает его, радуга на небе... и он представить себе не может, что может быть нечто более значительное, чем эта радуга. А ночь, полная звезд...

Невинность богата, она полна, она чиста.

Невежество бедно, оно – нищий, оно хочет того, оно хочет этого, оно хочет быть знающим, оно хочет быть уважаемым, оно хочет быть богатым, оно хочет быть могущественным.

Невежество движется по пути желаний.

Невинность – это состояние отсутствия желаний.

Но поскольку как в невинности, так и в невежестве отсутствует знание, мы остаемся в замешательстве относительно их природы. Мы считаем само собой разумеющимся, что невинность и невежество суть одно и то же.

Первый шаг в искусстве жизни – это проведение демаркационной линии между невинностью и невежеством. Невинность надо поддерживать, защищать – ибо ребенок приносит с собой величайшее сокровище... сокровище, которое мудрецы находят после напряженных усилий. Мудрецы говорят, что они снова становятся детьми, что они рождаются заново.

В Индии настоящий брамин – тот, кто действительно познал, – называет себя *двидж*, «дважды рожденный». Почему

«дважды рожденный»? Что же случилось с первым рождением? Что за нужда во втором рождении? И что он получит во втором рождении? Во втором рождении он получает то, что мог получить в первом рождении, но общество, родители, окружающие его люди растоптали это, уничтожили это.

Каждого ребенка пичкают знаниями.

От его простоты надо тем или иным образом избавиться, ибо простота не поможет ему в этом мире соперничества. Из-за его простоты мир будет смотреть на него как на дурачка, его невинность будут эксплуатировать всеми возможными способами. В страхе перед обществом, в страхе перед миром мы создаем самих себя, мы пытаемся сделать каждого ребенка умным, хитрым, знающим, – чтобы принадлежать к категории власть имущих, а не к категории угнетаемых. И, начав расти в неправильном направлении, ребенок продолжает идти по этому пути – вся его жизнь идет в этом направлении.

Когда бы вы ни поняли, что упускаете жизнь, первый принцип, который надо вернуть себе, – это невинность. Отбросьте ваши знания, забудьте ваши священные писания, забудьте ваши религии, ваши теологии, ваши философии. Родитесь заново, станьте невинными – и это в ваших руках. Очистите ваш ум от всего, что не познано вами самими, от всего, что заимствовано, от всего, что исходит из традиции, обычая, от всего, что дано вам другими – родителями, учителями, университетами. Просто избавьтесь от всего этого.

Снова будьте просты, снова будьте ребенком.

И это чудо возможно благодаря медитации.

Медитация – это просто необычный хирургический метод, который отсекает все, что не ваше, и сохраняет только ваше подлинное существо.

Медитация сжигает все остальное и оставляет вас обнаженным, одиноко стоящим под солнцем, на ветру... как будто вы – первый человек на земле, который ничего не знает, который должен все открыть, который должен быть искателем, который должен отправиться в паломничество.

Второй принцип – это паломничество.

Жизнь должна быть поиском – не желанием, а поиском, не амбицией стать кем-то, президентом страны или премьер-министром, а поиском, чтобы ответить на вопрос: «Кто я такой?»

Это очень странно, что люди, которые не знают, кто они такие, пытаются стать кем-то. Они же даже не знают, кто они такие прямо сейчас!

Им не знакомо их собственное существо, – но у них есть цель стать кем-то.

Стремление стать кем-то – это болезнь души.

Сутью всего являетесь вы, ваше существо.

И открытие своего существа – это начало жизни. Тогда каждое мгновение – новое открытие, каждое мгновение приносит новую радость, новая тайна открывает свои двери, новая любовь начинает расти в вас, новое сострадание, которого вы никогда раньше не испытывали, новая чувствительность к красоте, к доброте.

Вы становитесь таким чувствительным, что даже маленькая травинка приобретает для вас огромное значение. Ваша чувствительность дает вам ясно понять, что эта маленькая травинка так же важна для Существования, как и самая большая звезда; без этой травинки Существование было бы меньшим, чем оно есть. И эта травинка уникальна, она незаменима, она обладает своей собственной индивидуальностью.

И эта чувствительность создаст для вас новую дружбу – дружбу с деревьями, с птицами и зверями, с горами и реками, с океанами и звездами. Жизнь становится богаче по мере роста любви, по мере роста дружелюбия.

В жизни святого Франциска был такой замечательный случай. Он умирал, а всю свою жизнь он переезжал на своем осле с одного места на другое, делясь с людьми своим опытом. Все его ученики собрались, чтобы выслушать его последние слова.

Последние слова человека всегда являются самыми значительными из всех произнесенных им слов, ибо они содержат в себе весь опыт его жизни.

Но то, что услышали ученики... они не могли поверить в это. Святой Франциск обратился не к ученикам, он обратился к своему ослу.

Он сказал: «Брат мой, я очень многим обязан тебе. Ты нес меня на своей спине с одного места на другое и никогда не жаловался, никогда не ворчал. Прежде чем я оставлю этот мир, единственное, что я хотел бы получить, – это прощение от тебя. Я относился к тебе не по-человечески».

Это были последние слова святого Франциска. Какой чувствительностью надо обладать, чтобы сказать ослу: «Брат мой, осел», – и попросить прощения!

По мере того как вы становитесь чувствительнее, жизнь становится богаче. Это уже не маленький пруд, это – океан. Она больше не ограничивается вами, вашей женой и вашими

детьми – у нее вообще нет никаких ограничений. Все это Существование становится вашей семьей, и пока все Существование не станет вашей семьей, вы не познаете, что такое жизнь, – ибо человек не остров, мы все связаны.

Мы – огромный континент, мы соединены между собой миллионами способов.

И если наши сердца не полны любовью к целому, то соответственно сокращается наша жизнь.

Медитация принесет вам чувствительность, великое чувство принадлежности к этому миру. Это наш мир... звезды – наши, мы здесь не чужие. Мы по природе своей принадлежим Существованию. Мы часть его, мы его сердце.

Во-вторых, медитация принесет вам великое безмолвие – ибо все никчемные знания исчезают. Мысли, которые являются частью знания, тоже исчезают... потрясающее безмолвие, и вы будете удивлены: это безмолвие – единственная музыка, которая есть.

Провидцы древнего Востока настойчиво подчеркивали, что все великие искусства – музыка, поэзия, танец, живопись, скульптура – рождаются из медитации. Они представляют собой попытку неким образом привнести непознаваемое в мир известного – для тех, кто не готов к паломничеству; это просто подарки для тех, кто не готов отправиться в паломничество.

Может быть, песня пробудит в вас желание отправиться на поиски истока... а, может быть, статуя.

В следующий раз, когда вы попадете в храм Гаутамы Будды или Махавиры, просто сядьте и сидите тихо, глядя на статую. Ибо статуя сделана таким образом, ей приданы такие пропорции, что, если вы будете смотреть на нее, на вас снизойдет безмолвие. Это статуя медитации, она не имеет отношения к Гаутаме Будде или Махавире.

Вот почему все статуи похожи друг на друга – Махавира, Гаутама Будда, Неминатха, Адинатха... Двадцать четыре *тиртханкары* у джайнов... в одном храме вы найдете двадцать четыре одинаковые статуи, совершенно одинаковые.

В детстве я спрашивал у отца: «Можешь ли ты объяснить мне, как получается, что двадцать четыре человека выглядят совершенно одинаково? Один и тот же рост, один и тот же нос, одно и то же лицо, одно и то же тело...»

А он отвечал: «Я не знаю. Я сам всегда удивлялся, почему между ними нет никакого различия. Это же невозможно – в мире нет даже двух абсолютно одинаковых человек... Что уже говорить о двадцати четырех?»

Но когда моя медитация расцвела, я нашел ответ – я не

узнал его у кого-то другого, я сам нашел ответ: эти статуи не имеют никакого отношения к внешности этих людей. Эти статуи имеют отношение к тому, что происходило внутри этих двадцати четырех человек, а внутри у них происходило одно и то же.

И нам нет дела до внешнего, мы настаиваем на том, что внимание надо уделять только внутреннему. Внешнее не имеет значения. Кто-то молод, кто-то стар, кто-то белый, кто-то черный, кто-то мужчина, кто-то женщина – это не имеет значения. Значение имеет то, что внутри есть океан безмолвия. В этом океаническом состоянии тело принимает определенную позу.

Вы сами могли бы заметить это, если бы были бдительны. Не замечали ли вы, что когда вы гневаетесь, ваше тело принимает определенную позу. В гневе вы не можете не сжимать руки в кулаки. В гневе вы не можете улыбаться – или можете?

При определенной эмоции тело вынуждено принимать определенную позу. Незначительные на первый взгляд вещи глубоко связаны между собой внутри.

И эти статуи сделаны таким образом, что если вы будете просто тихо сидеть и смотреть на них, а затем закроете глаза, то негативный силуэт статуи войдет в ваше тело и вы почувствуете нечто такое, чего никогда раньше не чувствовали.

Эти статуи и храмы были созданы не для поклонения, они были созданы для переживания. Это научные лаборатории. Они не имеют никакого отношения к религии. На протяжении веков применялась некая тайная наука, чтобы грядущие поколения могли вступать в контакт с переживаниями предшествовавших поколений – не через книги, не через слова, а через нечто, проникающее гораздо глубже... через безмолвие, через медитацию, через покой.

По мере того, как растет ваше безмолвие, растут и ваша любовь, ваше дружелюбие; ваша жизнь становится непрерывным танцем, радостью, праздником.

Вы слышите, как снаружи взрывается фейерверк? Задумывались ли вы когда-нибудь, почему во всем мире, в каждой культуре, в каждом обществе, несколько дней в году отведены для празднования? Эти несколько праздничных дней являются просто компенсацией – ибо общество лишает вашу жизнь всего празднования, и, если ничего не дать вам в качестве компенсации, вы можете стать опасны для общества.

Каждая культура вынуждена давать людям некую ком-

пенсацию, чтобы они не чувствовали себя безнадежно несчастными. Но все эти компенсации фальшивы.

Этот фейерверк на улице не может привести вас в ликование. Это для детей, а для вас это просто нечто досаждающее.

Но в вашем внутреннем мире может быть непрерывность огней, песен, радостей.

Всегда помните, что общество дает вам компенсацию, когда оно чувствует, что в противном случае подавление может создать опасную ситуацию. Общество находит некие способы, позволяющие вам давать выход подавляемому. Но это не подлинный праздник, это не может быть подлинным.

Подлинный праздник берет начало в вашей жизни. И подлинный праздник не может быть приурочен к какой-то календарной дате – скажем, к первому ноября. Странно, целый год вы несчастны, а первого ноября вы внезапно выходите из несчастья, танцуя. Либо фальшиво ваше несчастье, либо фальшиво первое ноября – оба подлинными быть не могут. И как только первое ноября проходит, вы снова возвращаетесь в вашу темную дыру, все несчастны, все в тоске.

Жизнь должна быть непрерывным праздником, фестивалем огней круглый год. Только тогда вы можете расти, только тогда вы можете расцвести.

Превращайте незначительные события в праздник.

Например, у японцев есть чайная церемония. В каждом дзэнском монастыре и в каждой семье, которая может это себе позволить, есть небольшой храм для чаепития. И у японцев чаепитие не обычное, заурядное дело, они превратили его в праздник.

Храм для чаепития устраивается определенным образом – в красивом саду, на берегу красивого пруда, в котором плавают лебеди, вокруг растут цветы... приходят гости, и они должны снять обувь перед входом. Это же храм. Когда вы входите в храм, вы не должны разговаривать, вы должны оставить ваши мысли снаружи, вместе с обувью.

Вы садитесь и принимаете медитативную позу. А хозяйка – дама, которая готовит для вас чай, – ее движения так грациозны, как будто она танцует... она ставит перед вами чашки так, как будто вы – боги. С таким почтением... она кланяется вам, и вы оказываете ей такое же почтение.

Чай готовится в особом самоваре, который издает прекрасные звуки, своеобразную музыку. Сперва все слушают эту музыку самовара – это часть чайной церемонии. Поэтому все сидят тихо, вслушиваясь... чай создает свою собственную песню... Нисходит покой...

Когда чай готов и разлит по чашкам, вы не просто выпиваете его, как это делается повсюду. Сперва вы вдыхаете его тонкий запах. Вы прихлебываете чай так, как будто он пришел к вам из запредельного, вы ие торопитесь – спешить-то некуда. Кто-то может начать играть иа флейте или на ситаре. Обыкновениое событие – простое чаепитие, – но японцы сделали из него прекрасный религиозный праздник, после которого каждый чувствует себя более свежим, более молодым, полным энергии.

И то, что можно делать с чаем, можно делать со всем – и с вашей одеждой, с вашей пищей. Люди живут почти во сне: ведь каждая ткаиь, каждый кусок материи имеет свою собственную красоту, дает свое собственное ощущение. Если вы чувствительны, тогда одежда – это не нечто служащее для того, чтобы прикрыть тело, а нечто выражающее вашу индивидуальность, ваш художественный вкус, вашу культуру, ваше существо.

Все, что вы делаете, должно говорить о вас, иметь на себе вашу подпись. Тогда жизнь становится непрерывным праздником.

Даже если вы заболеете и будете лежать в постели, вы будете превращать эти моменты лежания в постели в моменты красоты и радости, в моменты размышлений и отдыха, в моменты медитации, в моменты слушания музыки или поэзии.

Нет нужды печалиться из-за болезни. Вы должиы быть довольны, что все находятся на работе, а вы лежите в постели расслабленный, как царь... кто-то готовит вам чай, самовар поет свою песню, друг предложил прийти и поиграть для вас на флейте... Эти вещи важнее, чем лекарства.

Если вы заболели, надо вызвать врача. Но еще важнее позвать тех, кого вы любите, ибо нет лучше лекарства, чем любовь. Зовите тех, кто умеет создавать вокруг вас красоту, музыку, поэзию, ибо иичто не бывает таким целительным, как праздничное настроеиие.

Медицина – это самый низкий вид лечения.

Но, кажется, мы все позабыли, поэтому нам приходится полагаться иа медицину и быть мрачными и капризными – как будто быть на работе такая великая радость! Вы же были иесчастны на работе – всего лишь один выходной, а вы цепляетесь и за иесчастье, вы не хотите ни на день отпускать его.

Превращайте все в творчество, превращайте наихудшее в наилучшее – вот что я называю «искусством». И если человек

прожил всю свою жизнь, превращая каждое ее мгновеиие в красоту, любовь, радость, то, естественио, смерть будет абсолютной вершиной дела всей его жизнн.

Последние мазки... его смерть не будет отвратительной, какой она обычно бывает у людей. Еслн смерть отвратительна – значит, вся жизнь прошла впустую.

Смерть должна быть умиротворенным приятием, радостиым вхождением в неизвестное, нежным прощанием со старымн друзьями, со старым миром. В этом не должно быть никакой трагедии.

Умирал один учнтель дзэи, Линь-цзи. Тысячн его ученнков собралнсь, чтобы выслушать его последиюю проповедь, ио Линь-цзи просто лежал себе – радостный, улыбающийся – н не произноснл ии единого слова.

Видя, что он собирается умереть, так ничего и не сказав, кто-то напомнил ему... какой-то старый друг, сам по себе тоже учитель...

Он не был учеником Лннь-цзи. Именно поэтому он мог сказать ему: «Лиин-цзн, ты что, забыл, что ты должен сказать свое последнее слово? Я всегда говорил, что у тебя память не в порядке. Ты что, забыл, что ты умираешь?»

Линь-цзи сказал: «Прнслушайтесь...» А по крыше с верещаинем бегали две белки. Ои сказал: «Как прекрасно!» – и умер.

На мгновение, когда он сказал: «Прнслушайтесь...», воцарнлась абсолютная тншина.

Все думали, что ои скажет нечто значительное... но только две белки ссорились на крыше, бегали и верещали... А он улыбнулся и умер.

Но он дал им свое последнее посланне: не делайте вещи ничтожнымн и великимн, трнвиальными и зиачительными. Все зиачительно. В это мгновение смерть Линь-цзн так же важна, как верещание двух белок на крыше, никакой разницы. В Существовании это все одно. Это была вся его философня, учение всей его жизни: нет ничего велнкого и нет ничего иичтожного – все завнсит от вас... от вас зависит, во что вы превращаете жизнь.

Начннайте с медитации, и внутрн вас будет расти тишина, безмятежность, блаженство, чувствительность. И все, что возникает из медитации, старайтесь переносить в жизнь. Делитесь этнм с другими, нбо все, чем вы делитесь, растет быстро.

И когда вы достнгнете точки смерти, вы увидите, что смертн иет. Вы можете попрощаться, но нет нужды проливать слезы печалн – может быть, слезы радости, но не печали.

Но вам начинать надо с невинности.

Поэтому сперва выбросьте весь мусор, который вы несете в себе. А каждый несет так много мусора – и спрашивается, ради чего? Только потому, что люди сказали вам, что это – великие идеи, принципы...

Вы вели себя неразумно.

Начните вести себя разумно.

Жизнь очень проста, она – радостный танец. И вся земля может наполниться радостью и танцем, но есть люди, которые имеют серьезную материальную заинтересованность в том, чтобы никто не улыбался, чтобы никто не смеялся, чтобы жизнь была грехом, наказанием.

Как вы можете наслаждаться жизнью, если вы живете в такой атмосфере, где вам все время говорят, что жизнь – это наказание, что вы страдаете из-за того, что делали дурные вещи, а жизнь – это своего рода тюрьма, куда вас бросили в наказание.

Я же говорю вам, что жизнь – не тюрьма, не наказание. Жизнь – это награда, и она дается только тем, кто ее заслужил. И наслаждаться – это ваше право: а не наслаждаться – это грех.

Это будет против Существования, если вы не украсите вашу жизнь, если вы оставите ее такой же, какой обрели.

Нет, оставьте ее немного более счастливой, немного более красивой, немного более благоухающей.

Возлюбленный Бхагаван,

как ученик Вашей мистической школы, я хочу задать Вам следующий вопрос: когда я услышал, как Вы сказали, что теперь Вы за пределами просветления, я почувствовал как бы облегчение в сердце. В то же самое мгновение во мне возникла картина, показывающая мне, что теперь Вы еще ближе к нам, и у меня такое чувство, как будто я могу понять это состояние «за пределами просветления» лучше, чем само просветление. Не могли бы Вы сказать что-нибудь об этом?

Адима, это затрагивает несколько фундаментальных вопросов.

Во-первых, если ты не можешь понять просветление, то как же ты можешь понять то, что за его пределами?

Ты понимаешь неправильно.

Ты ошибочно полагаешь, что, может быть, «за пределами просветления» означает «ниже просветления».

И ты доволен, но я не доволен твоим довольством. Мне

жаль, что ты доволен. Ты доволен тем, что я приблизился к тебе. А ты должен быть доволен, когда ты приближаешься ко мне.

Только подумай: если я скажу, что отбросил даже «за пределами просветления», что все это вымысел – просветление. за пределами просветления... я просто один из вас, только у меня возникло несколько причудливых, фантастических идей – ты почувствуешь себя еще более довольным. Теперь тебе больше незачем беспокоиться, никуда не надо идти, ничего не надо достигать, с тобой уже все в порядке.

Твой вопрос дает мне понять, почему Гаутама Будда остался в пределах просветления – хотя он видел запредельное, звезды запредельного звали его.

Он был первым человеком, заглянувшим за пределы просветления, но он не вышел за пределы просветления, он остался на стадии просветления.

Вероятно, именно ради таких людей, как ты. Ибо ты не сможешь понять человека, который вышел за пределы просветления; в некотором смысле он становится почти обыкновенным человеком – и в этом-то и опасность.

Твоя обыкновенность и его обыкновенность – это полярные противоположности, но они похожи, и опасность в том, что ты их спутаешь.

Он вернулся домой. А ты еще даже не отправился в путешествие.

Это все равно, что встретиться с кем-то на лестнице – вы оба стоите на одной и той же ступеньке, но один из вас уходит, а другой приходит. Вы оба находитесь на одной ступеньке – в некотором смысле вы равны, – но один из вас поднимается, а другой спускается. Поэтому вы не равны, ваше равенство иллюзорно.

Я думал, что, может быть, через две с половиной тысячи лет после Гаутамы Будды человек может стать немного более разумным – и в один прекрасный день кто-то может попытаться выйти за пределы просветления и посмотреть, что случится, как люди воспримут это.

Ты понял абсолютно неправильно.

Я не приблизился к тебе, я удалился от тебя.

И нельзя избежать просветления; если ты будешь избегать его, ты не сможешь выйти за его пределы. Это же простая арифметика. Тебя делает довольным та мысль, что, может быть, просветления можно избежать: если человек должен выйти за пределы просветления, тогда зачем вообще входить в него, а затем выходить? Мы же и так за его пределами!

Нет, ты не за пределами просветления.

Ты ниже его.

И в любом случае просветления нельзя избежать. Человек должен пройти через этот огонь, через это великое переживание.

Так что отбрось идею, что я приблизился к тебе.

Моя близость к тебе не имеет значения. Значение имеет твоя близость ко мне.

Ты говоришь: «Теперь вы нам друг».

Я всегда был вам другом. Но вопрос надо поставить по-другому: а ты – друг мне? И мое дружелюбие обогатит мою жизнь, а не твою. Твою жизнь обогатит только твое дружелюбие.

И если ты можешь быть другом просветленному, ты совершил большой скачок, ты простер свои руки к далекой звезде, ты расширил свое существо в полную меру. Это даст тебе возможность эволюционировать.

И только после достижения точки просветления ты можешь увидеть, что за этим небом есть другое небо, что просветление – это не конец.

Существование еще не исчерпано, многое еще впереди.

Путешествие продолжается.

Возлюбленный Бхагаван,

теперь, когда я мало-помалу обращаюсь внутрь, я обнаруживаю, что во мне часто возникает некое стремление, смешанное с печалью. Мне кажется, что оно связано с теми чувствами, которые возникают у меня, когда я вижу Вас или когда Вы мне снитесь.

Что это – осознание того, что в моей жизни мало любви и блаженства, или стремление домой?

Не могли бы Вы объяснить мне это?

Это очень хорошо и удачно, что ничто не удовлетворяет тебя целиком и полностью. Это означает, что ты не застрял на месте, что ты продолжаешь двигаться.

Мало-помалу ты поймешь, что нет никакого дома, что само движение – это и есть дом, что нет конца паломничеству, а само паломничество и есть цель.

Это очень трудно понять, так как мы привыкли к определенной логике: если мы хотим куда-то попасть, то движение – это всегда средство, а достижение – всегда цель.

Но что касается универсальной жизни, то в ней нет такого места, где ты можешь сказать: «Я пришел, дальше ничего нет».

Просто представить себе иельзя, что ты иайдешь такое место, которое будет коицом, и там будет забор и табличка с иадписью «Здесь коичается мир».

И даже если ты сможешь иайти такое место, то я бы посоветовал тебе перелезть через этот забор – ведь за этим забором должно же что-то быть. Забор же не может просто стоять сам по себе, за ним должно что-то быть. Должио быть, кто-то пошутил, устаиовив там забор и повесив табличку «Здесь коичается мир». Не поддавайся иа обман.

Ты посетишь миого мест, где тебе захочется устроить свой дом – ибо там будет так хорошо, так покойно, ты будешь чувствовать такое удовлетворение, ты не будешь видеть иикакого смысла в продолжении путешествия.

Но я говорю, что если ты ие будешь продолжать путешествие, ты никогда не узнаешь, что есть нечто гораздо большее. А если ты остановишься, тут уж иичего не поделаешь...

Тебе иужеи учитель, который будет побуждать тебя двигаться дальше, который будет разрушать каждый устраиваемый тобой дом, так что в конце коицов ты решишь вообще не устраивать себе иикакого дома – лучше быть бездомным, жить под открытым иебом и продолжать путешествие.

Рассказывают, что в жизни Маисура аль-Халладжа был замечательиый случай. Он был бедным человеком. Он собирал у людей деиьги, потому что хотел пойти к Каабе, в священное место паломничества мусульман. А каждый, кто помогает деньгами человеку, отправляющемуся к Каабе, получает свою долю благодати, которую тот обретет, добравшись туда. Эта доля будет зависеть от количества пожертвованиых денег. Поэтому люди давали ему деньги – кто сколько мог. Некоторые даже брали деиьги в долг и отдавали их ему.

Он отправился в паломничество, а на следующий день вернулся. Люди сказали: «Так быстро?» А в те времеиа, чтобы добраться из их города до Каабы и вериуться, требовалось от трех до шести месяцев. Люди спросили: «Что случилось? И где иаши деньги?»

Ои сказал: «Как только я вышел из нашего города, мне повстречался иекий странный человек. Он спросил: «Послушай, куда ты идешь?» Я ответил: «Я иду к Каабе». Он сказал: «Нет нужды идти туда». Я сказал: «Но священное писание говорит, что такая иужда есть». Он сказал: «Я – живой учитель, и я говорю тебе, что такой иеобходимости нет. Просто обойди вокруг меия семь раз и положи передо миой деньги. Я – Джуиайд, великий учитель. Давай сюда деиьги». Ну я и сказал: «Если ты – Джуиайд, тогда...»

Имя Джунайда было известно по всей стране.

И аль-Халладж сказал: «Если Джунайд что-то говорит, он не может ошибаться. Я отдал деньги Джунайду, обошел вокруг него семь раз, и он сказал мне возвращаться домой».

Люди сказали: «Ты – идиот. Сперва надо было узнать, действительно ли то был Джунайд. Похоже, что какой-то мошенник обманул тебя. Давайте пойдем туда и все выясним. Если то был Джунайд, он будет сидеть там».

Они отправились на то место, и Джунайд сидел там. Джунайд сказал: «Итак, вы все пришли. Положите сюда все деньги, которые у вас есть. Я – живая Кааба. Обойдите вокруг меня семь раз и отправляйтесь домой. И когда у вас снова появятся деньги, можете приходить еще».

И эти бедняги выложили перед ним все свои деньги и обошли вокруг него семь раз, недоумевая: «Это странно. Мы никогда не думали, что Кааба может прийти на окраину нашего города».

Но новость распространилась. Туда стали приходить люди из других городов. Они говорили: «Если это говорит Джунайд, то так оно и есть. Там в Каабе лежит мертвый камень, а здесь – живой учитель».

Какой-то человек сказал ему: «Мы пришли к тебе. Мы услышали, что ты находишься здесь, поэтому мы пришли, чтобы совершить паломничество».

Он сказал: «Давайте деньги и совершайте паломничество».

Но тот человек сказал: «У меня есть вопрос: если я обойду вокруг тебя семь раз, путешествие будет завершено? Паломничество будет совершено?»

Он сказал: «Нет, когда у тебя снова появятся деньги, приходи еще. Это паломничество никогда не закончится. И если ты не найдешь меня здесь, ты найдешь кого-нибудь другого, ты можешь совершать это паломничество вокруг кого угодно – надо только быть чувствительным, чтобы увидеть настоящего, живого бога внутри; он не только во мне, он и в тебе тоже. Если ты будешь бдительным, ты сможешь совершать семь кругов паломничества вокруг себя самого – не надо будет тратить деньги, не надо будет никуда идти. Запомни, никакого дома нет. Или, дом – повсюду. И то и другое верно».

Я не буду говорить вам, что дом – повсюду, хотя это и верно.

Я буду говорить, что никакого дома нет.

Если вы сможете продолжать путешествие, искренне полагая, что никакого дома нет и нет никакого места, к

которому вы движетесь, что само движение и есть красота, радость, блаженство... тогда и второе тоже будет верно: где бы вы ни были, вы – дома. Но это второе может быть обманчивым – ибо люди очень хитры, хитры даже по отношению к самим себе. Они злоупотребляют всеми истинами, они ухитряются придавать им такой смысл, который поддерживает их собственные идеи. Если я скажу: «Дом – повсюду», они расслабятся там, где они находятся, ведь тогда нет нужды никуда идти.

Поэтому я говорю: никакого дома нет и путешествие надо продолжать. Оно должно быть танцем. Возьмите с собой ваши гитары и никогда нигде не останавливайтесь.

Это отнюдь не означает, что вы не можете время от времени располагаться на отдых. На пути есть караван-сараи, но нет никакого дома – можно остановиться на ночь, но утром вы снова должны отправиться в путь.

Этот непрерывный процесс и есть жизнь.

В тот момент, когда он останавливается, это смерть, – но никакой смерти нет.

И почему люди стремятся к дому? Ради безопасности, ради защиты. Но во имя безопасности они устраивают себе не дом, а тюрьму, в которой они оказываются одновременно заключенными и тюремщиками, но поскольку ключи находятся в их собственных руках, они считают себя свободными.

Они не свободны. Только непрерывно движущаяся река... иногда она течет быстро, иногда – медленно, иногда она обрушивается с гор водопадом, иногда плавным потоком течет по равнине... но она все время движется.

Движение – это жизнь, изменение – это жизнь.

Если вы устали, вы можете остановиться на отдых, но останавливайтесь лишь на такой срок, чтобы накопить достаточно энергии для того, чтобы на следующий день вы снова могли двинуться в путь.

Дом повсюду, но этот дом – всего лишь караван-сарай.

Никогда не допускайте, чтобы в жизни что-то становилось стабильным. Именно так все умирает, именно так все начинает испускать зловоние.

Не препятствуйте движению – оно сохраняет все свежим, оно сохраняет все живым. Оно сохраняет живым приключение – восхищение, экстаз, открытия неизвестного и в конце концов непознаваемого.

Возлюбленный Бхагаван,

с тех пор как я с Вами, я все слушаю, слушаю, но я никогда не могу что-либо вспомнить из того, что Вы говорили. Как часто бывало и раньше, Вы сейчас говорите прямо от моего сердца, но как только я слышу Ваши слова, я сразу же их забываю.

Не могли бы Вы сказать что-нибудь по этому поводу? Я что, на самом деле не слушаю?

Все в порядке. Все так, как и должно быть, ибо это не детский сад, где вы должны запоминать каждое сказанное мной слово.

Здесь упор делается не на запоминание, а на слушание. Если ты слушаешь в тишине, тогда все значительное будет впитываться твоим сердцем. Ты можешь забывать слова...

Слова – это всего лишь пакеты, а не содержимое. Содержимое будет поглощаться сердцем, а пакеты надо выбрасывать.

Ты не можешь всегда нести с собой все эти пакеты.

Полностью превратись в слух. Никогда не беспокойся о запоминании – ибо это помеха. Делая две вещи одновременно, человек начинает делать заметки – если не в письменной форме, то у себя в уме.

Нет, не создавай помех, просто слушай. Если нечто окажется истинным, твое сердце просто впитает это.

А у сердца нет системы памяти.

Но все, что впитывается сердцем, будет изменять твои действия, будет изменять твое поведение, будет изменять тебя. Это принесет преобразование.

Это не принесет тебе знаний, это принесет тебе преобразование. Это сделает тебя новым человеком.

Так что вообще не беспокойся о запоминании.

Возлюбленный Бхагаван,

есть ли какой-то способ превзойти то, что я – немец?

Латифа, есть только один способ. И ты уже воспользовался им – ты стал санньясином.

Санньясин не является ни немцем, ни индийцем, ни китайцем, ни японцем. Санньясин объявляет себя просто человеческим существом. Он отбрасывает все границы, все ограничения наций, религий, идеологий. И ты сделал это, так что не беспокойся.

Сейчас вся Германия боится санньясинов.

Тебе не надо беспокоиться из-за того, что ты – немец. Просто будь санньясином и способствуй появлению все новых и новых санньясинов – и Германия исчезнет!

Мы превратим Германию в первую страну санньясинов.

Беседа 29

Я БЕЗУМЕН, НО ВЫ ЕЩЕ БЕЗУМНЕЕ!

1 ноября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

исследования, проведенные в последние годы, позволяют предполагать, что определенные состояния сознания, вызываемые определенными медитационными методами, порождают в мозгу специфические волновые структуры. Теперь эти состояния создаются посредством электронной и звуковой стимуляции мозга, и им можно обучиться при помощи биологической обратной связи.

Традиционное «медитативное состояние» – сидение в безмолвии – или по крайней мере в состоянии спокойной бдительности – обусловлено двунаправленными синхронными альфа-волнами. Более глубокая медитация тоже имеет двунаправленные тета-волны. А состояние, называемое «ясным сознанием», имеет двунаправленные, синхронные альфа– и тета-волны плюс бета-волны обычного мыслительного процесса. «Ясному сознанию» можно обучиться посредством биологической обратной связи, используя са́мое современное оборудование.

Являются ли эти виды стимуляции и биологической обратной связи полезными инструментами для медитирующего? Какова связь этих технологических методов с медитацией за пределами методов? Является ли это примером соединения науки и медитации?

Мне бы хотелось поэкспериментировать с этими новыми технологиями – как лично в моей собственной медитации, так и профессионально в моей работе врача.

Даете Вы мне Ваше благословение?

Это очень сложный вопрос.

Тебе надо будет понять одно из фундаментальных свойств медитации: ни одна техника не ведет к медитации.

В том, что касается медитации, так называемые старые техники и новые научные техники на основе биологической обратной связи не отличаются друг от друга.

Медитация – это не побочный продукт какой-то техники.

Медитация случается за пределами ума. Ни одна техника не может выйти за пределы ума.

Но в научных кругах не миновать великого недоразумения, и на то есть свое основание. Основание всех недоразумений таково: когда существо человека пребывает в состоянии медитации, оно порождает в мозгу определенные волны. Эти волны можно создавать извне при помощи технических средств. Но эти волны не создадут медитацию – в этом-то и недоразумение.

Медитация создает эти волны; это ум отражает внутренний мир.

Ты не можешь видеть, что происходит внутри. Но ты можешь видеть, что происходит в уме. Сейчас есть чувствительные приборы... мы можем судить о том, какой вид волн появляется, когда человек находится в глубоком сне, какой вид волн появляется, когда человек видит сны, какой вид волн появляется, когда человек пребывает в медитации.

Но, создавая эти волны, нельзя создать медитацию, ибо эти волны – всего лишь симптомы, признаки.

Все это очень хорошо, ты можешь изучать их.

Но запомни, что короткого пути к медитации нет и никакие механические приспособления ничем помочь не могут. Фактически, для медитации не нужны никакие методы – научные или ненаучные.

Медитация – это просто понимание.

Дело не в том, что надо тихо сидеть; дело не в том, что надо распевать какую-то мантру. Все дело в понимании тонкой работы ума. Когда вы понимаете эту работу ума, у вас возникает великое осознавание, которое не от ума. Это осознавание возникает в вашем существе, в вашей душе, в вашем сознании.

Ум – это всего лишь механизм, но когда возникает это осознавание, оно обязательно создает вокруг него некую энергетическую структуру. Эта энергетическая структура и воспринимается умом. Ум – очень тонкий механизм.

А исследования проводятся извне, поэтому, самое большее, что вы можете, это изучать ум. Видя, что всякий раз, когда человек безмолвен, безмятежен, спокоен, в уме неизбежно возникает определенная волновая структура, научное мышление скажет: «Если при помощи некой технологии, основанной на биологической связи, мы сможем создать в уме эту волновую структуру, тогда внутреннее существо достигнет вершины осознавания».

Этого не получится.

Это не вопрос причины и следствия.

Эти волны в уме не являются причиной медитации; наоборот, они являются следствием. Но от следствия нельзя двигаться к причине. Вполне возможно, что при помощи биологической обратной связи можно создавать в уме человека определенные волновые структуры и они дадут человеку чувство покоя, тишины, безмятежности. Поскольку этот человек сам не знает, что такое медитация, и не может сравнивать, его можно убедить в том, что это и есть медитация, – но это не так. Ведь как только механизм биологической обратной связи будет остановлен, эти волны исчезнут, а вместе с ними исчезнут и безмолвие, покой, безмятежность.

И можно целые годы экспериментировать с этими научными приборами, но это не изменит ваш характер, это не изменит ваши моральные качества, это не изменит вашу индивидуальность. Вы остаиетесь таким же.

Медитация же трансформирует. Она уносит вас на более высокие уровни сознания и изменяет весь ваш образ жизни. Она в такой мере превращает ваши реакции типа противодействия в отклики типа ответиого чувства, что вы просто поверить не можете, что тот человек, реакцией которого на некую ситуацию был гнев, теперь откликается на такую же ситуацию состраданием и любовью.

Медитация – это такое состояние бытия, к которому приходят через понимаиие.

Для этого нужен разум, а не какие-то методы. В противном случае мы бы превратили всех идиотов в Альбертов Эйнштейнов, Бертраиов Расселов и Жан-Полей Сартров, все посредственные люди стали бы гениями. Нет способа изменить ваш разум извне, сделать его более острым, более проницательным, более прозорливым.

Это просто вопрос понимания, и никто не сделает это за вас – никакая машина, никакой другой человек.

Веками так называемые гуру обманывали человечество. Теперь в будущем вместо этих гуру человечество будут обманывать эти машины-гуру.

Гуру обманывали людей, говоря: «Мы дадим вам мантру. Повторяйте мантру». Действительно, повторяя мантру, можно создать эиергетическое поле с определеиной длииой волны, но человек остается таким же, ибо все это происходит лишь иа поверхности.

Это все равно, что бросить камешек в тихое озеро, – на

поверхности озера появляются круги, расходящиеся к берегам, но это совершеино ие затрагивает глубины озера. Глубины совершенно не замечают, что происходит на поверхности.

И то, что вы видите на поверхности, тоже иллюзорно. Вы думаете, что круги движутся по воде, – это не так. Ничего не движется.

Когда вы бросаете камешек в озеро, вам только кажется, что по его поверхности расходятся круги. Вы можете проверить это, если положите на поверхность воды маленький цветок. Вы будете удивлеиы: цветок будет оставаться на одиом и том же месте. Если бы волиы двигались к берегам, они захватили бы с собой и цветок. Но цветок остается иа месте. Волны не движутся, просто вода подиимается и опускается иа одном месте, создавая иллюзию движения. Глубины озера ничего об этом не зиают. И создание этих волн ничего не меняет в характере, в красоте озера.

Ум находится между вами и миром.

Все, что происходит в мире, воздействует на ум, и через посредство ума вы можете понимать, что происходит во внешнем мире.

Например, вы видите меня – вы ие можете видеть меня; это ваш ум, на который воздействуют определеиные лучи, создает иекую картинку. Вы пребываете виутри, и изнутри вы видите эту картинку. Вы ие видите меия, вы не можете видеть меия.

Ум – это посредиик. Когда внешний мир воздействует на него, внутреннее созиание может читать в ием то, что происходит снаружи, – и ученые пытаются делать то же самое: они изучают медитирующих и регистрируют длины волн их энергетических полей, создаваемых медитацией.

И, естественно, научный подход сводится к следующему: если у человека, пребывающего в медитации, иепремеиио возникают определенные волновые структуры, тогда мы получили в свои руки ключ – если мы сможем создать в уме человека эти волиовые структуры, тогда виутри этого человека обязательно возникнет медитация.

Вот в чем заблуждеиие.

Вы можете создавать волновые структуры в уме человека...

И если человек ничего не знает о медитации, он может почувствовать покой, безмятежность – на какое-то время, пока будет поддерживаться эта волновая структура.

Но медитирующего вам не обмануть, ибо медитирующий увидит, что эти структуры возникают в уме...

Ум – это более низкая реальность, а более низкая реальность не может изменить более высокую реальность. Ум – слуга, он не может изменить господина.

Но поэкспериментировать можно.

Только надо осознавать, что чем бы это ни было – машиной с биологической обратной связью или распеванием звука *ом* – это создает лишь умственный покой, а умственный покой – это не медитация.

Медитация – это полет за пределы ума.

Она не имеет ничего общего с умственным покоем.

Один из великих мыслителей Америки, Джошуа Либман, написал очень известную книгу «Покой ума». Много лет назад, когда мне попалась эта книга, я написал ему письмо: «Если вы известный и искренний человек, вы должны изъять эту книгу из продажи, поскольку покоя ума не существует. Ум и есть проблема. Когда нет ума, есть покой, поэтому как же может быть покой ума? Любой покой ума – это всего лишь заблуждение: это просто означает, что шум понизился до такой точки, что кажется вам тишиной. А вам не с чем сравнить его».

Человека, который знает, что такое медитация, нельзя обмануть какими-то методами, ибо ни один метод не может дать вам понимания работы ума.

Например, вы чувствуете гнев, вы чувствуете зависть, вы чувствуете ненависть, вы чувствуете вожделение. Есть ли какой-нибудь метод, который может помочь вам избавиться от гнева? От зависти? От ненависти? От вожделения? И если эти чувства не оставят вас, ваш образ жизни не изменится.

Есть только один путь – и второго никогда не было. Есть только один-единственный путь: понять, что гневаться – глупо. Наблюдайте гнев во всех его фазах, будьте начеку, чтобы он не застал вас врасплох, оставайтесь бдительными, наблюдая каждый этап гнева. И вы будете удивлены: по мере того, как будет расти осознавание повадок гнева, гнев будет исчезать.

И когда гнев исчезнет, тогда будет покой. Покой – это не позитивное достижение. Когда исчезнет ненависть, тогда будет любовь. Любовь – это не позитивное достижение. Когда исчезнет зависть, тогда будет глубокое дружелюбие ко всем. Попытайтесь понять...

Но все религии развращают ваши умы, ибо они не учат вас, как наблюдать, как понимать; вместо этого они дают вам готовые выводы: гнев – это плохо. И как только вы признаете нечто плохим, вы уже заняли определенную позицию суждения. Вы уже осудили. Теперь вы не можете осознавать.

Для осознавания требуется состояние не-суждения.

А все религии учат людей суждениям: это хорошо, это плохо, это грех, это добродетель – веками всем этим хламом набивали человеческий ум. И так со всем – как только вы видите нечто, у вас сразу же возникает суждение о нем. Вы не можете просто видеть это, вы не можете быть просто зеркалом, ничего не говорящим.

Понимание возникает тогда, когда вы становитесь зеркалом, – зеркалом всего, что происходит в уме.

Есть одна прекрасная история – не просто история, а действительный исторический факт.

Один из учеников Гаутамы Будды собирался в странствие, чтобы распространять его послание. Он пришел к Гаутаме Будде, чтобы проститься и получить благословение и последние наставления.

И Гаутама Будда сказал: «Запомни только одно: когда будешь идти, все время смотри только на четыре фута перед собой».

С того дня, вот уже две с половиной тысячи лет буддийские монахи ходят именно таким образом. Это уловка для того, чтобы не смотреть на женщин. Ученики Гаутамы Будды были монахами. Они приняли обет безбрачия.

Ананда, другой ученик Гаутамы Будды, не мог понять, в чем дело, почему монах должен всегда смотреть только на четыре фута перед собой. Он спросил: «Для чего это нужно?»

Будда сказал: «Таким образом он сможет не смотреть на женщин, по крайней мере на лицо женщины – самое большее, он будет видеть ноги».

Но Ананда сказал: «Могут возникнуть ситуации, когда какая-нибудь женщина окажется в опасности. Например, женщина упала в колодец и взывает о помощи. Как должен поступить твой ученик? Если он придет к ней на помощь, он не может не увидеть ее лицо, ее тело».

Будда сказал: «В особых ситуациях ученику позволительно смотреть на женщину. Но это не правило, а только исключение».

Ананда сказал: «А как насчет прикосновения? Ведь могут

быть ситуации, когда женщина, например, падает на дороге. Как должен поступить твой ученик? Должен он помочь ей подняться или нет? Или старая женщина хочет перейти через дорогу – как должен поступить твой ученик?»

Будда сказал: «Как исключение, – но надо помнить, что это не правило, – ученик может прикоснуться к женщине... но при одном условии; а если он не может выполнить это условие, тогда не допускается никаких исключений. А условие таково: он должен оставаться просто зеркалом, он не должен выносить никаких суждений, он не должен занимать никакой позиции. "Эта женщина красивая", – это суждение. "Эта женщина прелестная", – это суждение. Он должен оставаться зеркалом, тогда допустимы исключения. В противном случае пусть женщина утонет в колодце – или кто-то другой спасет ее. Ты же спасай самого себя!»

Будда имеет в виду вот что: в любой ситуации, когда в уме возникает любой вид желания, алчности, вожделения, амбиции, собственнического чувства, медитирующий должен быть просто зеркалом. И что это значит? Быть просто зеркалом – значит быть просто осознающим.

В чистом осознавании ум не может низвергнуть вас в грязь, в сточную канаву. В гневе, в ненависти, в зависти ум абсолютно бессилен перед лицом осознавания. И поскольку ум абсолютно бессилен, то все ваше существо пребывает в глубочайшей тишине – в покое, который выше всякого понимания.

Естественно, этот покой, эта тишина, эта радость, это блаженство будет оказывать воздействие на ум. Это будет создавать в уме некую пульсацию, это изменит длину волн в уме, и ученый, исследуя эти волновые структуры, будет думать: «Если эти волновые структуры удастся создать в человеческом уме при помощи механических устройств, тогда мы сможем создавать совершенство Гаутамы Будды».

Не будьте глупцами.

Все ваши механические устройства – это хорошо, они могут быть полезны. Они не принесут никакого вреда, они могут позволить вам узнать вкус покоя, безмолвия – хотя и очень поверхностно, но тем не менее это уже кое-что для тех, кто никогда не знал покоя.

Для жаждущих даже грязная вода не кажется грязной.

Для жаждущих даже грязная вода – великое блаженство.

Так что ты можешь начать свои эксперименты с моего

полного благословения, но помни, что ты будешь давать людям не медитацию – ты и сам не знаешь, что такое медитация. Может быть, ты сможешь дать им немного покоя, немного расслабления – в этом нет ничего плохого.

Но если ты внушишь им представление, что это и есть медитация, тогда ты определенно причинишь им вред, – так как эти люди остановятся на технических вещах, на поверхностном безмолвии, думая, что они уже всего достигли.

Ты можешь помочь людям. Говори им: «Это всего лишь механический способ, который может привести ум в покой, но покой ума – это не настоящий покой. Настоящий покой – это отсутствие ума. И достичь его можно не извне, а только изнутри. И внутри вы обладаете разумом, а понимание творит чудеса!»

Это хорошо для тех людей, которые не могут расслабиться, которые не могут обрести покой даже на несколько мгновений, умы которых непрерывно болтают – для них полезны эти технические устройства и механизмы с биологической обратной связью. Но объясняй им, что это не медитация, а просто механическое устройство, которое позволяет расслабиться, получить поверхностное чувство тишины. Если эта тишина создает в них стремление найти внутренний источник настоящего покоя, тогда эти технические устройства – друзья, а специалисты, которые применяют их, не барьеры, а мосты.

Стань мостом.

При помощи машин давай людям почувствовать немного вкус того, что возможно, но не давай им ложных представлений, что это и есть медитация. Говори им, что это всего лишь далекое эхо настоящего, и если они хотят получить настоящее, они должны пройти через глубокий внутренний поиск, через глубокое понимание своего ума, через осознание всех хитростей ума, чтобы ум можно было отставить в сторону. Тогда ум больше не будет находиться между человеком и Существованием, и двери будут открыты.

Медитация – это абсолютное переживание блаженства. Его нельзя вызвать при помощи наркотиков, его нельзя вызвать при помощи машин, его нельзя вызвать воздействием извне.

Возлюбленный Бхагаван,

общины Махавиры и Будды пережили их самих, а Ваши общины не выживают даже при Вашей жизни, хотя они имеют автономное жизнеобеспечение.

Зависит ли выживание общин от социальной структуры и изобилия общества, господствующих религий или внутренней и внешней политики?

Пожалуйста, объясните.

Вот первое, что надо понять: у Гаутамы Будды и Махавиры не было общин.

Их ученики были странствующимн монахамн, они не жили общннной жнзнью на одном месте; они всегда были в пути – за исключеиием сезоиа дождей. И даже в сезон дождей онн останавливалнсь в разных местах.

Моя же община была альтернативным обществом.

Гаутама Будда и Махавира не устранвали альтернативного общества, поэтому они не были в конфликте с существовавшим тогда обществом. Наоборот, они зависели от общества в еде, одежде, крове – их ученики во всем зависели от общества.

Они не могли быть бунтарями. Как можно восставать протнв того общества, которое дает вам пищу, которое дает вам одежду, которое дает вам кров, которое дает вам все, что вам необходимо? Вы не можете восставать против его морали – пусть даже она гнилая, вы выиуждеиы поддерживать ее. Вы не можете ндти против традиций общества.

Моя общииа была совершенно новым экспериментом. Такого ннкогда не было раньше.

В прошлом нет ннчего, с чем можно было бы сравнить мою общнну, так как мои люди ни от кого не зависелн и они былн протнв общества, культуры, цивнлнзацин, релнгии, политикн, образоваиия – всего, что составляет этот мир.

Мы вели битву, в которой победнть было невозможно – маленькая группа пыталась жнть совершеиио ие так, как все остальное человечество.

Махавира не был против брака, а я – против.

Махавира ие отиосился к жеищииам с уважеиием, а я отиошусь.

Будда был таким же мужским шовииистом, как и всякий другой. Двадцать лет он упорно отказывался посвящать женщин в буддням. Он так и не прнням ндею, что жеищины равны

мужчинам. Я же говорю, что они не только равны мужчинам, но и превосходят их в некоторых отношениях.

Моя община была бунтом.

Их религии – религии Махавиры и Гаутамы Будды – были просто отростками той же цивилизации, того же общества, той же морали, тех же предрассудков. Да, они спорили о невидимых вещах, до которых никому нет дела – никого не интересует, имеет Бог семь или шесть футов роста. Три лица у Бога или только одно – это проблема самого Бога, другим нет до этого дела. Если у Бога три лица, то, может быть, проблемы будут у портного, у которого Бог заказывает себе одежду!

Они расходились по многим вопросам, но все эти вопросы были несущественными, они не имели никакого отношения к той жизни, которой человек живет здесь и сейчас, – относительно этого все они были абсолютно согласны.

Так что были абсолютно все основания ожидать, что моя община будет уничтожена. Она была против церкви, она была против государства, она была против всей вашей так называемой цивилизации – ибо я не верю, что человек уже стал цивилизованным.

Если человек уже стал цивилизованным, тогда почему ведутся войны; если человек уже стал цивилизованным, тогда почему существует дискриминация между белыми и черными, мужчинами и женщинами; если человек уже стал цивилизованным, тогда почему люди умирают от голода? И есть люди, которые умирают от переедания. В Америке тридцать миллионов человек умирают от переедания и тридцать миллионов человек умирают от недоедания.

И вы называете этот мир цивилизованным? Это даже не разумный мир. И это не может быть простым совпадением: тридцать миллионов человек обжираются, прекрасно зная, что тем самым приближают свою смерть, тогда как тридцать миллионов человек на улицах умирают от голода. Странно... шестьдесят миллионов человек можно было бы спасти за одну секунду, но эти шестьдесят миллионов умрут.

Я слышал... Один человек очень беспокоился из-за того, что его жена все толстела и толстела.

А женщины больше склонны к полноте, чем мужчины – это биологическая привилегия, ибо женщина должна быть в состоянии забеременеть, стать матерью, тогда девять месяцев она не сможет нормально питаться, ее будет тошнить, ведь в своем животе она будет нести такой груз. И ребенку каждый

день иадо все больше и больше питания. Это очень странная ситуация: женщина не может есть, а ребенок требует все больше и больше питаиия, так как он растет. Поэтому природа сделала женское тело способным накапливать больше жира для экстремальных случаев. Так что, даже если женщина не принимает пищу, ребенок может получать необходимое питаиие из запасов жира, которыми обладает женщина, и женщина тоже может продолжать питаться собствеиным жиром, а девять месяцев – большой срок. Так что женщина обладает огромными возможностями. Если оиа будет использовать свои возможности в полную меру, тогда мужчиna ей не соперник.

До замужества женщины сохраняют стройность. Но как только женщина выходит замуж, она начииает толстеть – ибо теперь никаких проблем нет. Она заполучила себе мужа, который не может убежать от нее, поэтому ее больше не волнуют пропорции ее тела, ей больше не интересен конкурс красоты.

Тот человек обратился к врачу: «Что делать?»

Врач сказал: «Сделайте вот что: возьмите фотографию обнаженной красавицы и приклейте ее внутри холодильника, чтобы каждый раз, когда ваша жена будет открывать дверцу холодильника, она думала: «Какое красивое тело!» И, может быть, она стаиет следить за своим телом и ограничит себя в еде».

Человек сказал: «Эта идея мне нравится!»

Через два месяца врач снова встретился с этим человеком и не мог поверить своим глазам. Он сказал: «Что случилось? Я не видел вас всего лишь два месяца, и за это время вы так растолстели!»

Тот сказал: «Это все благодаря вашему идиотскому совету! Я приклеил внутри холодильиика фотографию обнаженной красавицы. С тех пор моя жена не открывает холодильник, а вот я и пятнадцати минут не могу выдержать, чтобы не посмотреть на эту фотографию. А когда открываешь холодильник, видишь не только фотографию, но и всякие вкусные вещи... Вы поломали мне жизнь. Моя жена похудела, похорошела, а я стал отвратительно толстым. И всем этим я обязан вам! Вы мой врач или мой враг?»

Это общество, этот мир основан на идиотских предрассудках.

Моя община была бунтом.

Она продержалась пять лет – и это было чудо, так как все фашнстское и империалистнческое правительство Америки нспробовало все для того, чтобы уничтожить ее. Они ие смогли добнться этого закоиными средствами, потому что у нас в общнне было четыреста юристов – общиш имела самую большую юрндическую фирму в мире. Четыреста санньяснюв были юрнстами, а другие были недавнимн выпускнвками университетов – четыреста юристов вели иепрерывную борьбу с амернканским правительством по всем юрндическим вопросам. В конце концов правительство поняло, что законными средствами оно не может уничтожить нас, и тогда оио обратилось к незаконным методам.

А когда мнровая держава – крупнейшая мнровая держава – начнивает вести преступиые и иезакоиные действия, что могут сделать четыреста человек?

Мы были готовы вести борьбу законными средствами, сообразуясь с разумом и логикой. Но незакониыми средствами вести борьбу было иевозможно.

Я был незаконно арестован, без ордера на арест – они не могли найти никакого основання для моего ареста, так какой же может быть ордер на арест?

Я был арестован посреди ночи под дулами двеиадцати пистолетов. И я спросил: «А где ордер иа мой арест?»

Они сказали: «Ордера иет».

Я сказал: «Вы по крайией мере могли бы на словах объяснить мие, иа каком осиованин меия арестовывают».

Оин сказали: «Мы не зиаем».

Я сказал: «Тогда позвольте мне связаться с моим адвокатом».

Они отказали мие в этом.

Во всем мире каждый граждаиии имеет право связаться со своим адвокатом, еслн правительство совершает такой иезаконный акт. Но оин боялись, что если появнтся мой адвокат, то ои первым делом спросит: «А где ордер на арест?»

Они уничтожили общиму такнм способом, чтобы весь мир думал, что они не совершили иичего кримиальиого, ио все их действня былн кримииальиыми...

В суде они выдвииули против меия обвинеиия в совершении ста тридцати шести преступлеиий. Три с половииой года я храиил молчаиие и иикуда ие выходил из моей комнаты. И еслн человек храиит молчание – нн с кем ие встречается, ин с кем не разговаривает, не выходит нз своей комнаты н

умудряется совершить сто тридцать шесть преступлений, тогда я, должно быть, творил чудеса! И у них не было никаких доказательств.

Они предложили начать переговоры. Представитель правительства дал понять моим адвокатам, что для правительства поражение неприемлемо. Они сами по глупости своей назвали это дело «Соедииенные Штаты Америки против Бхагавана Шри Раджниша» – они сами дали этому делу такое название, без всякой на то необходимости.

Теперь они оказались в затруднении: если я выиграю дело, это будет означать, что Соединенные Штаты Америки потерпели поражение в своем собствеином суде, в соответствии со своими собственными законами, в соответствии со своей собственной конституцией.

Поэтому они сказали: «Мы ие можем – правительство не может – признать свое поражение. Вы зиаете и мы знаем, что у нас иет никаких доказательств, поэтому лучше всего будет не доводить дело до судебного разбирательства. Мы готовы пойти на компромисс. Наше условие таково: Бхагаван должен признать любые два обвинения, он должен сознаться в том, что совершил два преступления –, чтобы показать миру, что, арестовав его, мы не совершили ничего незаконного, – и заплатить символический штраф. Тогда внешне все будет выглядеть закоино».

Мой главный адвокат сказал: «Будет очень трудио убедить его принять ваши условия».

Они сказали: «Мы хотим, чтобы вы осознали, что если он не согласится и дело дойдет до судебиого разбирательства, то суд можно будет растяиуть на десять-двадцать лет. Здесь затронуты интересы правительства, и вы должны понять, что правительство ие может позволить себе проиграть это дело. Поэтому мы будем всячески затягивать суд, Бхагавану будет отказано в праве на времеииое освобождение под залог, и ои все время будет оставаться в тюрьме. Все его движение будет уничтожено, во всем мире у всех его саньясиив будут огромные неприятности».

И представитель правительства шепнул на ухо моему главному адвокату: «Вы же поиимаете, что его можио и убить. Если мы увидим, что проигрываем дело...»

Мои адвокаты пришли ко мие в слезах, – а они были лучшими адвокатами Америки.

Я спросил у них: «Почему вы плачете? В чем дело? Ведь

все эти сто тридцать шесть обвинений ни на чем не основаны. Мы выиграем дело».

Они сказали: «Мы-то выиграем, но ваша жизнь в опасности, а мы не хотим подвергать опасности вашу жизнь».

И они были правы.

Ведь под мое сидение уже была помещена бомба, так что, если бы что-то пошло не так, они могли бы покончить со мной в тот же самый день.

Просто по случайности меня привезли в тюрьму раньше, чем они ожидали, – а бомба была с часовым механизмом, так что она не взорвалась.

После того, как я уехал из Америки, генеральный прокурор заявил представителям печати: «Нашей первоочередной задачей было уничтожение общины».

Почему? Ведь община не нанесла Америке никакого ущерба.

Но глубоко внутри она уязвила эго Америки, ее гордость – ведь мы показали им, что мечту можно осуществить, что пять тысяч человек могут жить без всяких законоохранительных органов, без судов, без насилия, без наркотиков, без убийств, без самоубийств, без умопомешательств. И люди жили так радостно и красиво, что вся Америка начала завидовать.

Само существование общины представляло опасность для американских политиков, так как оно доказывало, что у них нет разума – ведь если бы у них был разум, они бы очень легко могли сделать то, что сделали мы... у них же вся власть, все деньги.

В этой маленькой общине из пяти тысяч человек было все, что нужно человеку – и вся свобода, вся любовь.

Все работали семь дней в неделю, двенадцать-четырнадцать часов в день, и никто не уставал, – ибо это не было принуждением, это было то, что они хотели делать, – они хотели творить. Это было таким творческим актом, что, проработав четырнадцать часов, они танцевали на улицах, поздно вечером они играли на гитарах, пели, танцевали.

Община была обречена на уничтожение. Она была слишком хороша, чтобы не быть уничтоженной. Она была альтернативным обществом.

Махавира и Будда не создавали альтернативного общества. Они были частью этого общества, они оставались зависящими от этого общества.

Их революция была интеллектуальной, словесной.

Мой буит был реальным и экзистенциальным.

И уничтожеине общнны в Америке ие означает, что идея общины исчезнет. Во миогих страиах общнны процветают. И будет появляться все больше и больше общнн во всем мире.

Америка еще пожалеет, что упустила такую благоприятиую возможность. Она могла бы поддержать общину и показать всему миру, что община снмволнзнрует свободу, нового человека, будущее человечество.

Америка упустнла велнкую возможность.

Уничтожив общину, она уннчтожнла доверне к себе, оиа уинчтожнла свою собственную демократию. Она показала себя не чем иным, как просто лицемерным обществом.

Возлюбленный Бхагаван,

самое сильное переживание в моей жизни – это любовь, которую я чувствую к Вам. Она подобна ливню, который очищает мою душу и наполняет мое сердце благодарностью.

Но я по-прежнему продолжаю искать что-то еще, как будто есть еще некий секрет, которым Вы еще не поделились со мной. Действительно ли в этой безумной любовной истории между нами есть все, что нужно? Почему это переживание не удовлетворяет меня?

Любовь никогда не может быть удовлетворена.

Если она удовлетворена, то это будет не такая уж н любовь. Чем больше и глубже она, тем больше будет неудовлетвореиности.

Это не противоречит любвн, это просто показывает, что твое сердце хочет любить бесконечио, что оно ннкогда не будет удовлетворено. И это хорошо, что оно не удовлетвореио. Как только оно удовлетворено, оно мертво.

Любовь между учителем и учеником никогда не может быть удовлетворена. Она всегда будет оставаться трепетиым ожнданием, новым восторгом, новым экстазом. Она всегда будет открывать все новые и новые двери – ученнчество станет преданностью, а в один прекрасный день преданность станет слияннем – подобно тому, как река вливается в океан. Но и это не принесет удовлетворения.

Удовлетворенность – это не великое качество. Оио свойствеино ничтожным умам, ннчтожным сердцам, которые удовлетворяются иичтожными вещами.

Есть люди, которые удовлетворяются небольшой суммой денег; есть люди, которые удовлетворяются домом; есть люди, которые удовлетворяются небольшой известностью, небольшой славой, – это пигмеи.

Гиганты никогда не бывают удовлетворены. С каждым новым шагом они обнаруживают, что путешествие становится все глубже, все чудеснее, все таинственнее, – и жажда усиливается, сердце полно сладостной боли.

Быть в любовной связи с учителем – значит быть в любовной связи с самим Существованием; учитель – всего лишь стрела, указывающая в непознаваемое, чудесное, таинственное.

Учитель – это не конец, учитель – только начало.

Все назначение учителя в том, чтобы подталкивать тебя... как птица-мать выталкивает из гнезда птенца, новую птицу, которая еще никогда не расправляла крылья в небе. Естественно, птенец боится – такое огромное небо. Он жил в маленьком уютном гнезде, надежном и безопасном, мать заботилась о нем, – а теперь она хочет, чтобы он совершил прыжок и полетел. И в один прекрасный день она выталкивает его из гнезда. И когда она выталкивает его, то на мгновение ему кажется, что он упадет на землю, но прежде чем он достигает земли, его крылья раскрываются и все небо оказывается в его распоряжении.

А за этим небом есть еще другие небеса.

И назначение учителя в том, чтобы толкать тебя во все более и более глубокую неудовлетворенность.

Возлюбленный Бхагаван,

Вы действительно нечто особенное – говорите о выходе за пределы просветления, когда большинство из нас еще даже не за пределами мелочности, тщеславия и откладывания! Вы что, верите в чудеса или нечто подобное? (Может быть, в любовь?)

Верно, я – нечто особенное.

Я знаю, что вы не за пределами мелочности, зависти, алчности, гнева.

Но я не говорю о выходе за их пределы по той простой причине, что если вы начнете бороться со своей мелочностью, вы останетесь мелочными; если вы начнете бороться с завистью, вы останетесь завистливыми.

Древняя пословица говорит: «Всегда очеиь тщательно выбнрай себе врага». Друга можно выбирать не особенно внимательно, ио врага иадо выбирать очеиь тщательно, ведь вам прндется бороться с ним, – а в борьбе вы уподобляетесь вашему врагу, так как вам придется пользоваться такими же методамн, такнми же средствами.

Враги драгоцениы.

Я не хочу, чтобы вы боролись с мелочами. Я не хочу, чтобы вы смотрелн себе под иоги, где вас со всех сторон окружают мелочиость, зависть, гиев. Все мои уснлия направлены иа то, чтобы показать вам звезды и помочь вам узнать, что у вас есть крылья. И когда вы иачнете двигаться к звездам, эти мелочи исчезнут сами по себе.

Лучше смотреть иа звезду и стремиться достичь ее, ибо это путешествие прекрасио, сердце трепещет от восторга.

Вместо того, чтобы бороться с мелочами...

Борясь с иичтожиыми вещами, вы сами остаиетесь ничтожиыми.

Все ваши религии учат вас бороться с мелочами, и именно поэтому все человечество остается мелочиым – оно борется с мелочами.

Я иастаиваю: ие боритесь с мелочами.

Боритесь за иечто великое; и по мере движения к великому мелкое будет исчезать.

Я безумен, но вы еще безумнее!

И это едииственная связь между нами – я безумен, вы же еще безумнее. Это единственное обязательство. Мы достигнем звезд – мы ие будем беспокоиться из-за пустяков. Оставим их здесь для других людей, пусть оии борются с иими.

Возлюбленный Бхагаван,
что нужно для того, чтобы не упустить Вас?

•

Прасад, для того, чтобы ие упустить меия, иужно только одио: всегда иадо помиить о том, что в каждом уме, в каждом человеке, который пускается иа поиски истины, эго играет очень хитрую игру.

Я расскажу вам одиу историю.

Рассказывают, что Бокудзю, один из великих учителей дзэиа, имел обыкновеиие спрашивать у каждого вновь прибывшего: «Осознал ли ты, что путь учеиичества очеиь труден? Прежде чем ты вступишь на этот путь, мой долг – предупре-

дить тебя, что это очень трудно. Готов ли ты к трудностям или ты пришел сюда просто из любопытства?»

И один человек сказал: «Нет, я пришел сюда, чтобы обрести истину, но если быть учеником так трудно, то как насчет того, чтобы сделать из меня учителя?»

Это очень странная история.

Но это единственное, что может помешать вам приблизиться ко мне – желание стать учителем, скрытое где-то в глубине вашего эго. Вы хотите непременно стать чем-то большим, чем-то великим.

Учитель – это просто палец, указывающий на луну. Не стремитесь к тому, чтобы стать учителем. Зачем становиться пальцем, когда можно стать луной?

Ты спрашиваешь у меня, из-за чего ты продолжаешь упускать меня.

Только из-за одного: из-за желания стать учителем.

Это одна из тайн жизни: только те, кто не хочет стать учителем, становятся учителями, а те, у кого есть желание стать учителем, утрачивают даже статус ученика – ибо желание стать учителем есть не что иное, как тонкое эго.

Поэтому просто наблюдай свой ум.

Из ученика стань преданным, а из состояния преданности соверши квантовый скачок – слейся с Существованием.

Ни мгновения не думай о том, чтобы стать учителем. Оставь это Существованию: если Существование захочет, чтобы ты стал учителем, то есть если Существование захочет использовать тебя в качестве учителя, оно использует тебя. Если Существование сочтет, что ты сделал достаточно, и захочет, чтобы ты расслабился, растворился в вечности... предоставь это Существованию.

Не надо ничего желать.

Как только ты придешь к состоянию отсутствия желаний, Существование начнет использовать тебя именно так, как это нужно: в качестве мистика, учителя, певца, танцора, флейтиста – или в качестве никого, но все будет благословением.

То, что приходит к тебе от Существования, без всякого желания с твоей стороны, всегда оказывается самым великим экстазом из всех возможных.

Беседа 30

ВЫ – НАБЛЮДАТЕЛЬ, А НЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО

2 ноября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

последний месяц я слышу, как Вы говорите о состоянии «за пределами просветления», – и я не понимаю этого. Последние двенадцать лет я слышу, как Вы говорите о просветлении – и я не понимаю этого.

Я знаю только то, что когда я сижу перед Вами, Вы кажетесь мне кровью моего тела, Ваш голос более знаком мне, чем мое собственное сердцебиение.

Бхагаван, я разочаровываю Вас?

Маниша, есть вещи, которые выше понимания.

Просветление выше понимания, и, конечно, состояние за пределами просветления будет еще более чудесным, еще более таинственным.

Само понимание – это не сердце человека, не сама его суть. Оно полезно лишь в том, что касается внешнего мира. Как только вы начинаете двигаться внутрь, вам надо научиться по-новому чувствовать, любить, познавать и, наконец, жить.

Понимание хорошо для ума, для интеллекта, для объективного мира, но жизнь состоит не только из тех вещей, которые можно понять. На самом деле те вещи, которые можно понять, не делают жизнь праздником, они не придают ей значительности, они не позволяют жизни стать любовью.

Понимание – это демаркационная линия между мирским и духовным.

Мирское может быть понято и должно быть понято. А духовное не может быть понято и не должно быть понято.

Духовное, по самой своей сути, есть тайна, которую вы переживаете – точно так же, как вы чувствуете биение своего сердца, как вы чувствуете свое дыхание.

Духовное придает красочность Существованию, придает мирскому музыкальное звучание. Оно превращает всю прозу в поэзию и делает все само по себе тайной, так что все Существование становится постоянным вызовом для свершения все новых и новых открытий. Вы продолжаете открывать, но открытие никогда не кончается, поэтому вы никогда не можете сказать, что вы поняли. Наоборот, чем больше вы углубляетесь в духовное измерение жизни, тем больше вы чувствуете, что вы не понимаете, что вы не знаете.

Когда Сократ совсем состарился, незадолго до того, как его отравили, оракул Дельфийского храма провозгласил его самым мудрым человеком во всем мире. Несколько человек, которые знали Сократа, ужасно обрадовались и поспешили в Афины, чтобы сообщить ему об этом: «Такого никогда не случалось раньше, никогда еще Дельфийский оракул не провозглашал кого-то самым мудрым человеком в мире. Ты первый».

Сократ сказал: «Вам надо вернуться в Дельфийский храм и сказать оракулу, что, хотя он всегда оказывался прав, на этот раз он ошибся, – ибо я ничего не знаю».

Люди, которые принесли эту новость, были поражены. Они вернулись в Дельфийский храм и сказали оракулу: «Сократ отказывается. И он не только отказывается быть признанным самым мудрым человеком в мире, но и говорит, что он вообще ничего не знает».

И вот в чем вся красота этого случая. Оракул сказал: «Именно поэтому он и есть самый мудрый человек в мире, в этом нет никакого противоречия».

Маниша, если бы ты поняла то, что я двенадцать лет говорил о просветлении, ты бы упустила. Но поскольку ты осознаешь, что не смогла ничего понять, ты не упустила.

И твое чувство, что, когда ты сидишь рядом со мной, я становлюсь биением твоего сердца, твоим дыханием, твоим кровообращением, и есть подлинное понимание. Это не знание, это понимание того же рода, как и то, когда Сократ говорит: «Я ничего не знаю».

Это ближе к любви, это ближе к музыке, это ближе к чувству прекрасного.

Ты же не понимаешь красоту, ты же не понимаешь музыку, ты же не понимаешь танец – ты наслаждаешься, ты радуешься, ты чувствуешь. Это входит в твое существо. Это становится частью тебя, но ты не можешь сказать, что это – знание.

Слушая музыку ветра в соснах, что ты можешь понять? Слушая журчание ручья, что ты можешь понять? Или, глядя на прекрасный закат, окрасивший горизонт, что ты можешь понять? Что ты понимаешь?

Но случается нечто гораздо более ценное, чем понимание.

Ты влюбляешься, ты чувствуешь это, ты становишься этим.

Так и должно быть – *Аес дхаммо санантано.*

Такой всегда и была религия, это и есть та вечная тайна, которую я называю «религия» – не религия ума, а религия сердца, внутреннего существа, не религия знания, а религия невинности.

Все, что происходнт с тобой, – это как раз то, что должно происходить с каждым, Те, кто уходит отсюда, что-то поняв, что-то узнав, став более знающим, могли бы вообще не приходить сюда, так им было бы лучше – ибо я не помог им, я обременил их, я не смог облегчить их.

И все мои усилия направлены на то, чтобы избавить вас от груза знаний и сделать вас снова невинными детьми – снова собирающими цветы в саду, бегающими за бабочками, собирающими ракушки, строящими домики из песка на пляже... полностью поглощенными всем, что вы делаете, полностью блаженными – так что все Существование вокруг вас становится сказочной страной, ибо все таинственно.

Если мне удастся избавить вас от ваших знаний и вернуть вам чувство тайны, то я сделал мою работу, я исполнил мое предназначение.

Возлюбленный Бхагаван,

когда я читал один научный отчет о манипулировании мозгом, у меня возникли вопросы. Например, если любое чувство – счастье, печаль, половое влечение, агрессивность и так далее – можно стимулировать посредством электродов или непрямым путем при помощи химии, если ими можно манипулировать извне, тогда эти чувства не мои, они подобны марионеткам в чьих-то руках. Они манипулируются либо извне, либо изнутри, как автоматические реакции на ситуации; они – это не я. Это о чувствах.

Возможно, когда-нибудь и мышлением можно будет манипулировать так же легко. Тогда что же действительно мое? Тогда что же остается? Тогда кто я такой?

Задавая себе такие вопросы и размышляя в этом направлении, я осознал, что я часто таким образом думаю о себе, о жизни, об истине. И тогда возник вопрос: не таким ли образом ум пытается познать что-то? Способен ли он вообще достичь какой-либо истины? Если нет, то не является ли этот способ мышления и задавания вопросов просто тщетным усилием, пустой тратой времени? Или это не ум, не интеллект, а некий более глубокий разум, более глубокий инструмент, способен прийти к некой истине? Не могли бы Вы объяснить это?

Это абсолютно верно.

Ваши эмоции, ваши ощущения, ваши мысли – все атрибуты ума – приходят извне и манипулируются внешним миром.

С научной точки зрения это стало более ясным. Но даже

без научных исследований мистики уже тысячи лет говорят то же самое: все эти вещи, которыми наполнен ваш ум, не ваши, вы пребываете за их пределами. Вы отождествляетесь с ним, и это – единственный грех.

Например, кто-то оскорбляет вас и вы испытываете гнев. Вы думаете, что вы гневаетесь, – но с научной точки зрения это оскорбление является всего лишь средством дистанционного управления. Человек, который оскорбил вас, управляет вашим поведением. Ваш гнев – в его руках, вы ведете себя как марионетка.

Сейчас ученые умеют вводить электроды в определенные центры мозга – в мозгу имеется семьсот центров. И это почти невероятно: мистики говорят об этих семистах мозговых центрах вот уже почти семь-восемь тысяч лет.

Наука же только сейчас открыла, что в мозгу есть именно семьсот центров, контролирующих ваше поведение.

Электрод можно ввести в определенный центр – например, в центр гнева, – и при помощи устройства дистанционного управления вызывать у вас гнев, и вы даже не будете видеть, что кто-то с вами что-то делает. Никто вас не оскорбляет, никто вас не унижает, никто ничего вам не говорит; вы сидите себе – спокойный, счастливый, – но кто-то нажимает на кнопку устройства дистанционного управления, и вы начинаете гневаться.

Это очень странное чувство, ведь вы не видите никакой причины для гнева. Может быть, вы придумаете какое-то рациональное объяснение: вы видите проходящего по улице человека, вспоминаете, что он когда-то оскорбил вас, – вы найдете какое-нибудь рациональное объяснение только для того, чтобы убедить себя в том, что вы не сходите с ума. Вы спокойно сидите... и вдруг без всякого повода такой гнев?

И при помощи того же устройства дистанционного управления вас можно сделать счастливым. Вы сидите в кресле и вдруг начинаете хихикать... вы оглядываетесь по сторонам – если кто-то увидит вас, он подумает, что вы спятили! Никто не сказал вам ничего смешного, ничего забавного не случилось, никто не поскользнулся на банановой кожуре – так почему же вы хихикаете?

Но и этому вы найдете какое-то рациональное объяснение. И вот что самое странное: когда в следующий раз будет нажата эта кнопка и вы начнете хихикать, у вас снова будет то же самое рациональное объяснение, – оно тоже не ваше. Это почти как грамофонная пластинка.

И ученые открыли одну чрезвычайно важную вещь; как

только устройство дистанционного управления перестает воздействовать на мозговой центр, он сразу же начинает работать в режиме обратной перемотки. Например, ваш центр речи… с помощью устройства дистанционного управления вас можно заставить говорить. Рядом с вами никого нет, вас никто не слушает, вы будете чувствовать себя неловко – но вы ничего не сможете поделать, вы вынуждены говорить. Это подобно режиму воспроизведения записи. Когда кнопку отпускают и воздействие на электрод прекращается, вы замолкаете. Когда на кнопку снова нажимают, то, как это ни странно, вы начинаете вашу речь с самого начала!

Когда я читал об этих исследованиях мозговых центров, это напомнило мне мои университетские дни. Я участвовал в межуниверситетских дебатах, в этих дебатах участвовали студенты из всех университетов страны.

Санскритский университет, находящийся в Варанаси, тоже прислал своих представителей. И, естественно, студенты из Санскритского университета чувствовали себя немного неполноценными по сравнению со студентами других университетов. Они знали древние тексты, они знали санскритскую поэзию и драму, но они не были знакомы с современным миром искусства, литературы, философии и логики.

И комплекс неполноценности работает весьма странным образом.

Сразу после моего выступления была очередь представителя Санскритского университета. И чтобы произвести впечатление на аудиторию и скрыть свой комплекс неполноценности, он начал свою речь с цитаты из Бертрана Рассела – он вызубрил ее, а никто не умеет так зубрить, как студенты Санскритского университета. Но его страх перед аудиторией…

Он ничего не знал о Бертране Расселе, он ничего не знал о том, что он цитировал. Ему было бы лучше процитировать что-нибудь из санскритских текстов, тогда бы ему было полегче.

Посередине цитаты он запнулся… как раз посередине предложения. А я сидел недалеко от него, так как я только что закончил свое выступление. Воцарилась тишина, а он покрылся потом. И чтобы помочь ему, я сказал: «Начни снова», – а что еще было делать? У него же просто заело. А если вы не можете двигаться дальше, вы начинаете сначала – может быть, на этот раз вам удастся вспомнить.

Итак, он начал снова: «Братья и сестры…» – и точно на том же самом месте он опять застрял. Теперь это уже вызвало смех. Весь зал кричал: «Давай снова!» – и он оказался в таком

трудном положении. Он не мог ни продолжать цитату, ни стоять молча – это выглядело бы по-идиотски. Поэтому ему пришлось начать снова: «Братья и сестры...»

Целых пятнадцать минут мы слышали только эту часть: «Братья и сестры...» – и до того места, где он застревал снова и снова.

Когда отведенное ему время истекло, он сел рядом со мной. Он сказал: «Ты погубил всю мою речь!»

Я сказал: «Я пытался помочь тебе».

Он сказал: «И это ты называешь помощью?»

Я сказал: «Ты все равно оказался бы в затруднении. А так по крайней мере все получили удовольствие – понятно, за исключением тебя; но ты должен радоваться, что доставил удовольствие такому множеству людей. И зачем ты выбрал эту цитату? Когда я сказал тебе: «Начни снова», – не было нужды повторять все с самого начала, ты мог бы отбросить эту цитату».

Но, прочитав о результатах научных исследований, я узнал, что центр речи подобен грамофонной пластинке, но с одним весьма странным отличием: сняв иголку с пластинки, уже нельзя поставить ее на то же самое место, воспроизведение должно начинаться с самого начала. Центр речи мгновенно возвращается к самому началу. И если происходит такое, то можете ли вы сказать, что вы господин того, что вы говорите? Вы господин того, что вы чувствуете? Разумеется, у Вас в мозгу нет электродов, вживленных научным способом, но биологически происходит та же самая работа.

Вы видите женщину, и мгновенно ваш ум реагирует: «Какая красавица!» Это не что иное, как дистанционное управление. Эта женщина сработала как устройство дистанционного управления, а ваш центр речи просто воспроизвел запись: «Какая красавица!»

Ум – это механизм. Это не вы.

Он записывает информацию, поступающую из внешнего мира, а затем реагирует на внешние ситуации в соответствии с этими записями. И единственная разница между индуистом, мусульманином, христианином и иудеем заключается в том, что у них просто разные грамофонные пластинки. Внутри же у них одна человеческая природа.

Ведь когда вы проигрываете грамофонную пластинку... она может быть на санскрите, она может быть на иврите, она может быть на персидском, она может быть на арабском, но запись воспроизводит одна и та же машина. Для машины не имеет значения, на каком языке она воспроизводит запись... на иврите или на санскрите.

Все ваши религии, все ваши политические идеи, все ваши культурные традиции есть не что иное, как записи. И в определенных ситуациях воспроизводятся определенные записи.

В жизни раджи Дходжа, одного из самых мудрых царей Индии, был один замечательный случай. Он был очень благосклонен к мудрецам. Вся его казна была открыта только для одной цели – собрать всех мудрецов страны, чего бы это ни стоило. Его столицей была Уджайна, и при его дворе находились тридцать самых известных мудрецов страны. Это было самое драгоценное собрание мудрецов во всей Индии. При дворе раджи Дходжа находился и Калидаса, один из величайших поэтов мира.

Однажды во дворец пришел некий человек, который заявил, что может говорить на тридцати языках с такой же беглостью, с такой же точностью и с таким же произношением, как люди, для которых эти языки являются родными. И он сказал, что пришел, чтобы бросить вызов: «Я слышал, что при этом дворе находятся самые мудрые люди страны. Вот тысяча золотых монет...»

В те времена рупии были золотыми. Нам пора бы прекратить называть наши деньги рупиями, так как «рупия» означает «золото». Рупия продолжала падать от золота к серебру, от серебра к чему-то еще, пока не стала просто бумажкой, а ее продолжают называть «рупия». Само это слово означает «золото».

И тот человек сказал: «Тот, кто сможет узнать, какой язык является моим родным языком, получит от меня тысячу золотых монет».

Там были великие ученые, и каждый знает, что как бы вы ни старались, вы не сможете говорить на чужом языке так же, как на родном, потому что на изучение любого другого языка приходится затрачивать усилия. Только родной язык спонтанен – вы даже не учитесь ему, просто сама ситуация такова, что вы начинаете говорить на нем. В нем есть спонтанность.

Вот почему даже немцы, которые называют свою страну «отцовской землей» (нем. «Vaterland» в буквальном переводе означает «отцовская земля» и соответствует русскому «отечество», «отчизна»)... Это единственный народ, который называет свою страну «отцовская земля». Все другие народы называют свою страну «материнская земля» (англ. «motherland» – русское «родина»). Но даже немцы называют свой язык «материнским языком» (нем. «Muttersprache», англ. «mother tongue», русск. «родной язык»). Все народы называют свой язык «материнским языком», потому что ребенок начинает

узнавать язык от матери; и вообще у отца не так уж много возможностей поговорить в доме. Говорит всегда мать, а отец слушает.

Многие приняли вызов. И он начал говорить на тридцати языках – несколько фраз на одном языке, несколько фраз на другом – и было действительно трудно распознать его родной язык, он действительно мастерски владел этими языками. На каждом языке он говорил так, как на нем может говорить только человек, для которого этот язык родной. Это состязание продолжалось тридцать дней. Каждый день кто-то принимал вызов и проигрывал. Тот человек говорил: «Нет, это не мой родной язык». Все тридцать великих ученых мужей проиграли.

На тридцать первый день... Царь Дходж все время говорил Калидасе: «Почему ты не принимаешь вызов? Ведь поэт знает язык лучше, чем кто-либо другой, он знает все его тонкости, все нюансы».

Но Калидаса отмалчивался.

Тридцать дней он наблюдал, пытаясь выяснить, на каком языке этот человек говорит с большей легкостью, с большей спонтанностью, с большей радостью. Но ему не удалось заметить никакой разницы, тот говорил на всех языках одинаково.

На тридцать первый день Калидаса попросил царя Дходжа и всех мудрецов встретить того человека у входа во дворец. Ко дворцу вела длинная лестница; и когда тот человек поднялся по ней, Калидаса столкнул его вниз. Тот покатился вниз по ступенькам, его охватил гнев – и он закричал.

И Калидаса сказал: «Это и есть твой родной язык!» Ибо в гневе вы теряете контроль над собой, а тот человек не ожидал такого подвоха.

И это действительно был его родной язык. В его уме самой глубокой была запись родного языка.

Один из моих университетских профессоров говорил, – а он объездил весь мир, преподавал в университетах разных стран, – что языковые трудности у него были только в двух ситуациях – в драке и в любви. В такие моменты человек вспоминает свой родной язык. Как бы красиво вы ни говорили о своей любви на чужом языке, это что-то не то, это кажется поверхностным. И когда вы деретесь с кем-то и в гневе кричите на него, чужой язык не может дать вам такого удовлетворения, как родной...

Он говорил: «Это две очень важные ситуации – драка и любовь. И большей частью они случаются у вас с одним и тем

же человеком. Кого вы любите, с тем вам приходится и драться».

И он был прав: на чужом языке все остается поверхностным – вы не можете ни спеть прекрасную песню, ни выругаться от души. В обоих случаях нет того накала.

Несомненно, ум является механизмом для записи впечатлений от внешнего мира и реагирования соответствующим образом. Ум – это не вы.

Но, к сожалению, психологи думают, что ум – это все, что за пределами ума ничего нет. Это означает, что вы есть не что иное, как впечатления от внешнего мира. У вас нет никакой собственной души. Само представление о душе тоже дается вам из внешнего мира.

И вот с этим мистики не согласны. Они абсолютно согласны с тем, что современная наука говорит об уме, но не с тем, что она говорит о всей индивидуальности человека.

За пределами ума есть сознание, которое не дается человеку из внешнего мира и которое не является просто какой-то идеей; и до сих пор никакие эксперименты не позволили обнаружить в мозгу центр, соответствующий сознанию.

Вся работа религии, медитации, направлена на то, чтобы помочь вам осознать, что представляет собой ум, и перестать отождествлять себя с ним.

Когда ум гневается, вы должны думать: «Это просто грамофонная пластинка». Когда ум печалится, вы должны просто вспомнить: «Это всего лишь грамофонная пластинка». Определенная ситуация включает устройство дистанционного управления – и вы чувствуете печаль, вы чувствуете гнев, вы чувствуете разочарование, вы чувствуете беспокойство, вы чувствуете напряжение – все это приходит извне, и ум реагирует на это.

Но вы – наблюдатель.

Вы – не действующее лицо. Это не *ваша* реакция.

Поэтому все искусство медитации заключается в том, чтобы научиться быть сознательным, бдительным, осознающим.

Когда вы чувствуете гнев, не подавляйте его, пусть он будет. Смотрите на него как на некий объект вне вас.

Мало-помалу разрушайте вашу отождествленность с умом. Тогда вы обретете вашу подлинную индивидуальность, ваше существо, вашу душу.

Обретение этого осознавания и есть просветление – вы становитесь светящимся существом. Вы больше не находитесь во тьме, и вы больше не марионетка в руках ума.

ВЫ – НАБЛЮДАТЕЛЬ, А НЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО

Вы – господин, а не слуга. Теперь ум не может реагировать автоматически, автономно – как это было прежде. Ему необходимо ваше позволение.

Кто-то оскорбляет вас, а вы не хотите гневаться...

Гаутама Будда говорил своим ученикам: «Гневаться так глупо, что просто непостижимо, как разумные человеческие существа могут продолжать гневаться. Кто-то другой что-то делает, а вы впадаете в гнев. Он может делать что-то плохое, он может говорить что-то плохое, он может пытаться оскорбить вас, унизить вас – он свободен делать это. Но если вы реагируете на это, вы – рабы».

А если вы говорите оскорбляющему вас человеку: «Тебе нравится оскорблять меня, а мне нравится не гневаться на это», – вы ведете себя как господин.

И пока этот господин не кристаллизуется в вас, у вас нет никакой души. Вы просто грамофонная пластинка.

По мере того, как вы стареете, записей в вашем уме становится все больше и больше. Вы становитесь более осведомленным. Люди думают, что вы становитесь мудрее, – но вы просто становитесь ослом, нагруженным священными писаниями.

Мудрость состоит в одной вещи; это не знание многих вещей, а знание только одной вещи: ваше сознание существует отдельно от вашего ума.

Просто наблюдайте незначительные вещи, и вы будете удивлены. Люди продолжают делать одни и те же вещи каждый день. Они продолжают принимать решения делать что-то другое, и они продолжают сожалеть, что не делают этого; это становится рутиной.

Все, что вы делаете, не ново. Те вещи, которые приносят вам несчастье, страдание, печаль, тревогу... вы их не хотите, но так или иначе вы механически продолжаете делать эти вещи снова и снова, как будто вы беспомощны перед этим. И вы будете оставаться беспомощными до тех пор, пока вы не отделите сознание от ума.

Само это отделение – величайшая революция, которая может случиться с человеком.

И с этого момента ваша жизнь – это жизнь непрерывного ликования, ибо вам больше не надо делать то, что причиняет вам вред, вам больше не надо делать то, что приносит вам несчастье.

Теперь вы можете делать только то, что приносит вам радость и удовольствие, превращает вашу жизнь в произведение искусства, придает ей красоту.

Но это возможно только в том случае, если господин внутри вас пробужден. Сейчас этот господин крепко спит, а слуга играет роль господина.

И этот слуга – не *ваш* слуга; этот слуга создан внешним миром, он принадлежит внешнему миру, он следует законам внешнего мира.

В этом вся трагедия человеческой жизни: вы спите, а внешний мир господствует над вами, создает ваш ум в соответствии со своими собственными нуждами, и ум – это марионетка.

Как только ваше осознавание становится пламенем, оно сжигает все рабство, созданное умом.

И нет более драгоценного блаженства, чем быть свободным, быть господином своей собственной судьбы.

Ум – не друг вам.

Либо ум претендует на роль господина, либо вы его ставите на надлежащее ему место слуги, – но ум не ваш друг.

И борьба за свободу, за блаженство, за истину, ведется не с миром, а с этим марионеточным умом. Это очень просто.

У Халиля Джебрана есть прекрасная история.

Чтобы защитить свои возделанные поля, крестьяне делают пугало: просто шест с перекладиной... похоже на крест. А вместо головы на шест надевают *курта*, глиняный горшок. Этого достаточно для того, чтобы отпугивать бедных животных: им кажется, что в поле кто-то стоит. Белый глиняный горшок и две руки... ночью кажется, что поле кто-то охраняет. Этого достаточно, чтобы отпугивать животных от поля.

Джибран рассказывает: «Однажды я спросил у такого пугала: «Я могу понять крестьянина, который сделал тебя, – ты ему нужен. Я могу понять бедных животных, они не обладают большим разумом, чтобы увидеть, что ты – фальшивка. Но ты... ради чего ты торчишь посреди поля и в дождь, и в зной?» И пугало ответило: «Ты не понимаешь моей радости. Пугать этих животных – это такая радость, что стоит терпеть и дождь, и зной. Я вселяю страх в тысячи животных! Я знаю, что я – фальшивка, внутри меня ничего нет, – но мне это безразлично. Моя радость в том, чтобы пугать других».

Я хочу спросить у вас: хотите вы быть похожими на такое пугало – не иметь ничего внутри, пугать других, делать других счастливыми, унижать других, делать других уважаемыми?

Вы живете только для других?

Вы когда-нибудь заглядывали внутрь себя?

Есть ли кто-нибудь в этом доме или нет?

Те, кто со мной, направляют свой поиск на то, чтобы найти господина этого дома.

И я говорю вам, что господин там, – может быть, он спнт, но его можно разбуднть. И как только господин внутрн вас пробуждается, вся ваша жизнь наполняется новыми красками, новымн радугами, новыми цветамн, новой музыкой, новымн танцами.

Впервые вы начинаете жить. До этого вы просто прозябали.

Возлюбленный Бхагаван,

мне очень нравится быть здесь. Я чувствовал потребность побыть с Вами хотя бы пару дней. В 1981 году на Ваш день рождения мы встретились впервые. Причиной было то, что тогда я только что прочитал книгу о Гурджиеве и о феномене «бараки». Это так потрясло меня, что я решил отправиться на Ваше ранчо.

Сейчас я работаю с менеджерами, обучая их технике медитации. Я также подготавливаю всемирный медитационный проект. И снова я чувствую, что мне нужна «барака»!

Не могли бы Вы рассказать что-нибудь о «бараке»?

«Барака» – это суфийский термин, означающий благодать.

Георгий Гурджиев прошел подготовку в суфийских школах.

Ои прииес миогие идеи суфиев на Запад.

Суфийский учитель – как и любой другой учитель в мире – полон благодати. Если вы восприимчивы, если вы открыты, то прн приближении к учителю в вас начинает проникать нечто невидимое, иекая вибрация божественного, некие лучи непозиаваемого.

Этот термин имеет также значение «благословеиие». Люди приходят к учителю за благословением.

В аиглийском языке нет слова для точного перевода слова «барака», ио в санскрите, в хинди, у иас есть слово *прасад*. Слово «благословение» несет в себе его далекое эхо.

Если вы восприимчивы... А если человек невооприимчив, он никогда не идет к учителю.

Такова восточная традиция. Зачем попусту тратить свое время и время учителя?

Вы идете к учителю только тогда, когда видите, что ваше сердце открывается, ему нужен луч света – ваше существо подобно пересохшей земле, жаждущей дождя. Только в такие моменты люди идут к учителю, они припадают к иогам учителя, оии сидят рядом с учителем.

Ничего не сказано, но все услышано; ни о чем не прошено, но все дано.

Барака – это мистический принцип отношений, который устанавливается между восприимчивым учеником и переполненным учителем.

Если вы не открыты, вы можете пройти мимо учителя, даже не заметив его.

Суфии очень осторожны. Найти суфийского учителя очень трудно, для этого могут потребоваться месяцы, а иногда и годы, – а учитель может жить в соседнем доме. Суфии ждут подходящего момента.

У суфийского учителя есть ученики, которые, узнав, что какой-то человек ищет суфийского учителя, начинают подготавливать его. Он спрашивает: «Есть ли в этом городе суфийский учитель?» А они говорят ему: «Да, здесь есть суфийский учитель, но тебя позовут только тогда, когда ты будешь готов – ибо все дело в твоей открытости. Учитель готов всегда, но что ты будешь делать? Даже если мы отведем тебя к учителю, ты не сможешь узнать его».

Поэтому ученики водят этого человека вокруг да около, дают ему время созреть, разжигая в нем жажду: «В следующем месяце мы попробуем». Когда они видят, что им овладела настоящая жажда, что это больше не просто любопытство увидеть суфийского учителя, а глубокая жажда, вопрос жизни и смерти, что если он не встретится с учителем, то умрет, только тогда его вводят в общество учителя.

И он будет удивлен: учитель оказывается тем человеком, которого он часто встречал на улицах города, он торгует овощами – потому что суфии скрываются за фасадом самой обыкновенной жизни. Кто-то сапожник, кто-то ткач, кто-то торгует овощами – обыкновенные занятия, ничего особенного. И они встречаются посреди ночи. Тогда тот же самый человек восседает с достоинством императора. Это называется «двором учителя».

Тот же самый человек, который целый день торговал овощами на рынке... а теперь даже император приходит, чтобы прикоснуться к его ногам.

Но никто не может прийти к суфийскому учителю, пока кто-нибудь из учеников не представит его учителю, пока кто-нибудь не поручится за него: «Этот человек готов. Он нуждается в твоей благодати».

Когда Гурджиев был впервые допущен в круг суфиев – для этого ему потребовалось три года... Когда его привели на место встречи, там сидело около дюжины человек, они тихо

сндели с закрытымн глазамн. Его подвелн к учителю. Друг, который прнвел его, сказал: «Сядь н снди. От тебя требуется только тнхая открытость – н дождь прольется. Впнтывай в себя учнтеля, сколько сможешь, не закрывайся... это его благословение, оно будет придавать тебе достаточно мужества, чтобы пройти через все темные ночн, оно будет придавать тебе уверенность, что наступит утро. Лицо учителя, глаза учнтеля, жесты учителя, тншнна учителя – все должно быть впнтано и стать частью тебя».

Когда учнтель уже не только вне вас, но н внутри вас тоже – это н есть настоящая благодать. Тогда ученнк забеременел, учитель вошел в его матку, н это будет помогать ему в периоды опасностн, в периоды отчаяння, в периоды тьмы.

Это всегда будет держать его собранным, помнящим, что если нстнна может озарить одного человека, если Бог может озарнть одного человека, то и любой другой человек нмеет на это право по рождению.

Он будет помннть: «Может быть, мне потребуется какоето время. Я встал на путь немного поздно. Но до рассвета уже не очень далеко».

Возлюбленный Бхагаван,

Раджнишпурам был редчайшим экспериментом в истории человеческого сознания, когда впервые искатели истины со всего мира собрались вокруг учителя. Это была международная община, целью которой был самый интенсивный и быстрый рост человеческого сознания.

Община Раджнишпурама не смогла выжить из-за противодействия ортодоксальных религий и международных политических кругов. Есть ли какая-нибудь надежда, что такой редчайший эксперимент снова случится вокруг Вас? Или в нынешней ситуации возможен какой-то альтернативный эксперимент в индивидуальном масштабе?

Или такой редкой возможности для полного расцвета человеческого сознания суждено быть упущенной? Пожалуйста, объясните.

Общнна в Амернке была только началом – началом многнх общин во всем мире.

Они будут продолжать распространяться – ведь дело тут не только в ортодоксальных релнгиях и грязных политнканах, это вопрос будущего человечества.

А будущее всегда важнее, чем прошлое. Прошлое было тяжелым и долгим.

Будущее же легко и иензвестио.

Но прошлое мертво, и жнзиь приналлежит будущему – н смерть ие может победить жнзнь.

Одну общину можио уиичтожить.

Возиикнут тысячи других общии.

Коиечно, мой способ работы будет нным, потому что общииа в Раджиишпураме иуждалась в моем прнсутствии, это была первая общниа... Каждый шаг надо было делать осторожно. И за пять лет было сделано столько, сколько иевозможио сделать и за пятьдесят лет. Но теперь основиые правила ясиы.

И мое присутствне в любой общиие будет для нее опасным.

Мое присутствие было абсолютио необходнмо для первой общииы. Я пошел на рнск, и общниа удалась. Теперь общииы есть во всем мире. И будут возиикать иовые общииы. Я как раз поджндаю подходящий момеит, чтобы дать иачало новому процессу.

Я не буду входить ии в одиу общину, так как мое присутствие будет для общины опасным. Поэтому теперь я буду просто страиствовать из одиой общииы в другую.

Прежде чем мое присутствие в одной общиие станет для иее опасным, я буду перебираться в другую – и община будет спасеиа; и все, что я могу дать, что может дать мое прнсутствие, будет даваться в гораздо большем масштабе по всему миру. Людям ие иадо будет прнезжать ко мие. Я могу переезжать из общииы в общину. Таким образом, могут расцвести еще много общин.

Я просто жду подходящего момента.

Делаются прнготовления, н вскоре я иачну работать над серией общии – нбо движение должно стать всемирным... оно уже стало всемнриым.

Общиа – это образ жизни будущего.

С семьей покоичено, ее место займет общниа.

Многое зависит от успеха общииной жнзни, и мы должиы сделать общиииую жизиь таким праздинком, что оиа иачнет распростраияться как лесиой пожар, и другие иачиут создавать свои собствеиные общнны. Каждое поселеиие стаиет общиной, иет иужды оргаиизовывать иовые поселеиня.

Нам только иадо доказать, что жизнь в общине гораздо богаче, гораздо приятнее, гораздо более медитатнвна, что есть возможность жить по-ииому, не так, как человечество жило до снх пор.

В Раджнишпураме мы это доказали.

Именно наш успех заставил Америку уиичтожить нашу общииу. Если бы мы потерпели неудачу, иикому не было бы до иас дела. Запомиите: они уничтожили нашу общину ие цотому, что она оказалась неудачиой, для иих был невыносим наш успех.

И если это нам удалось в одиом месте... Сейчас у иас дела идут успешно в Германии, Италии, Голландии, Японии, Австралии и в других страиах. Поскольку меня там нет, политики ие беспокоятся, теологи не боятся.

Я хочу, чтобы общины укрепились, прежде чем я начну мои кругосветные путешествня, ибо на этот раз это будет не одно кругосветное путешествие, это будет иачалом цикла кругосветиых путешествий. Я буду, как спутник, вращаться вокруг земли, создавая как можно больше беспокойства.

Только тогда может быть уиичтожеиа эта традициоиная власть финаисовой олигархии.

Но если за нами нстина, то и победа будет за нами.

Возлюбленный Бхагаван,

имеют ли клетки, которые необходимы для живого и растущего интеллекта, лишь «ограниченный» жизненный срок, так что есть некая точка, за которой человек либо становится маразматиком, либо просто останавливается? Или, получив необходимый стимул, интеллект может продолжать расти до самой смерти человека?

У обычиого человеческого существа развитие интеллекта прекращается в возрасте четырнадцатн лет, ибо биологическая цель достигнута.

В четырнадцать лет человек уже достаточно зрел для того, чтобы дать потомство, размножаться. Дальнейшее биологию не интересует.

Именно по этой причине среднее человеческое существо в своем умственном развитии останавливается на уровне четырнадцатнлетнего возраста. Физически люди продолжают расти до семидесяти, восьмидесяти, девяноста, ста лет – в некоторых местах, таких как Кавказ, до ста пятидесяти и даже до ста восьмидесяти лет. Но их умственное развитие остается на уровне четырнадцати лет. Так было до сих пор.

Это можно изменить. И это надо изменить, ибо есть бесконечный потенциал для роста, но изменение произойдет только в том случае, если у вас будут некие цели за пределами

биологии. Если вашими жизненными ннтересами будут попрежнему только секс, дети, семья, пропитание, дом, тогда нет нужды расти, с вас достаточно и такого иителлекта. Но если вас интересует то, что интересовало Альберта Эйнштейна, тогда развитие вашего интеллекта иногда даже опережает развитие вашего фнзического тела.

Рассказывают, что когда какой-то журналнст спросил у Эмерсона, сколько ему лет, тот ответил: «Триста шестьдесят», – и он был прав.

Журиалнст сказал: «Триста шестьдесят? Но вы выглядите не старше шестидесяти!»

Эмерсон сказал: «Это так. С одной точкн зрения мне шестьдесят лет. Но что касается моего интеллекта, то я проделал такую работу, что ее хватило бы иа шестерых. Так что можно считать, что мне триста шестьдесят лет. Мой нителлект далеко опередил мое физнческое тело».

Интеллект завнсит от того, что вы делаете с ннм.

Медитирующий человек имеет велнчайшую возможность достичь наивысшей вершины разумностн, потому что в медитации он совершает самую великую работу, на которую способеи человек, а именно: осознавание самого себя, познание «кто я такой». Проникновение в глубины собственной субъективностн – величайшая работа для интеллекта. Тогда вы не можете даже оценить, вы не можете оценить интеллект Гаутамы Будды, он за пределами оценок и вычнслений.

И если вы медитнруете, то по мере того, как ваша медитация стаиовится все более и более ясиой, ваш интеллект будет расти до вашего последнего вздоха, ваш иителлект будет продолжать растн – ибо *вы* не умрете, умрет только ваше тело. А тело не имеет ннкакого отношения к ннтеллекту, ум не имеет никакого отношеиия к ннтеллекту.

Иителлект – это свойство вашего сознания; больше созиання – больше ннтеллекта.

И еслн вы полностью созиательны, вы так же разумны, как все это Существование.

Беседа 31

ОТБРАСЫВАНИЕ СОДЕРЖАЩЕГО, ОБНАРУЖЕНИЕ СОДЕРЖИМОГО

3 ноября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

я боюсь прыгнуть с трехметровой вышки в плавательный бассейн. Смогу ли я прыгнуть в просветление?

Вот что надо поиять в первую очередь: тебе и не надо прыгать в просветление. Тебе надо подияться к нему – оно выше тебя, а не ниже.

Так что по крайней мере один страх ты можешь отбросить!

А подъем к просветлеиию – это простой процесс. Это ие иечто мучительное, трудное. Это нечто вроде очистки лука, за одним слоем есть другой слой – более свежий, молодой, сочный, а за этим слоем есть еще более сочные слои. И если ты будешь продолжать чистить луковнцу, то в коице концов в руках у тебя ничего не останется, – потому что луковица есть не что иное, как наложеиие одиого слоя на другой.

Просветление – это своего рода очистка эго.

Эго можно уподобить луковице, ибо у иего нет внутренней субстанции, одни лишь слои. И иногда этн слои отваливаются самн по себе – иногда онн увядают в результате случайиого стечения обстоятельств. Еслн ты вннмательио присмотришься к своей жизни, ты можешь увндеть, как это происходит. Это не теоретизнрование.

Иногда ты можешь увндеть, что носишь маску, которая не подходит для данного случая. Когда от тебя ожндают улыбкн, ты не улыбаешься; когда от тебя ожидают слез, ты не плачешь.

Когда-то я жил в семье одного дальнего родственника. Его жена умерла. На самом деле очень трудно найти мужа, которому ннкогда не приходнла в голову мысль, что было бы неплохо, еслн бы его жена умерла... счастлнвое избавление. А жена моего дяди была поистнне кошмарной женщиной. На самом деле все были счастлнвы, что она умерла, и все знали, что ее муж счастлив, – но обычай, традиция...

Я нмел обыкновение сидеть в саду. Он сказал мне: «Я не могу сохранять скорбное выражение лнца целый день, ибо на самом деле я счастлнв. И ты это знаешь. Я не могу скрыть это от тебя – ты же находишься в доме круглые сутки, – но приходят родственники, н я должен показывать нм, что я очень несчастен». И чтобы родственники не застали его

врасплох н не увнделн, что он счастлнв н доволен, ои попроснл меня: «Ты большую часть временн сндншь в саду и чнтаешь. Ты бы мог давать мне сигнал, когда кто-то прнходнт». И я стал подавать ему сигиалы.

И самым чудесным образом, как только я подавал сигнал, он *сразу же* становнлся несчастным. Иногда я разыгрывал его: подавал сигнал, а никого не было.

Он очень сердился н говорил: «Ты ие должеи делать этого, ведь это опасная шутка. Я могу подумать, что ты шутишь, когда кто-нибудь действительно придет. Ты должеи поиять, что я не могу допустнть, чтобы кто-то заметнл, что я наслаждаюсь жнзнью. Я нннкогда не наслаждался жнзнью – н все нз-за этой женщнны! Она была такой занозой. И даже сейчас, хотя она уже умерла, она мучает меня через посредство этнх родственников... родственников, которых я даже не знаю. Онн приходят, н я вынужден быть несчастным – настоящие это родственннкн или нет, я все равно должеи пускать слезу. Я сам удивлен, что оказался способным на это – скорбное лицо, слезы льются... И я умоляю тебя, чтобы, когда я веду себя такнм образом, ты находнлся где-нибудь в стороне. Оставайся в саду, тебе не надо присутствовать при подобных сцеиах, так как прн тебе мне труднее устраивать это представление».

Однажды пришел человек, которого я знал; ои был кннготорговцем. И я сказал ему: «Не моглн бы вы на пару мннут прнтвориться далеким родственником умершей жены моего дяди?»

Он спросил: «Что?»

Я сказал: «Я все вам объясню потом, когда прнду в ваш магазин. Но запомннте, это надо сделать определениым образом. Сперва я представлю вас как владельца лучшего кннжиого магазина в городе, н ие просто как владельца киижного магазина, а как человека, который любит книги и имеет собрание редких кииг. Я скажу, что кннгн для вас не просто бнзнес, а подлинная страсть. Сперва я представлю вас моему дяде нменно таким образом. А затем неожиданно скажу ему, что вы родственннк его покойной жеиы. Я просто хочу посмотреть, как ои меняет своп маски».

Я представнл дяде этого человека. Дядя был совершенно счастлив. Он сказал: «Очень хорошо, как-нибудь я зайду в ваш магазин. У меня иет много времени для чтення, но если вы можете предложить мне какне-то редкие кннги, я постараюсь найти время».

И тогда я сказал: «Я забыл сказать одиу вещь. Ои пришел сюда ие для того, чтобы продавать кннгн; он – родственннк

твоей покойной жены». И сразу же мой дядя начал плакать, из его глаз полились слезы, он стал таким несчастным...

Книготорговец тоже был удивлен тем, как быстро дядя переменился. Ведь только что он смеялся и не было никаких признаков скорби и прочего...

И тогда я сказал: «Не усердствуй понапрасну. Он не родственник твоей жены. Это недоразумение».

Дядя сказал: «Как это недоразумение?»

Я сказал: «По соседству умерла еще одна женщина. Он – родственник той женщины».

И сразу же все слезы исчезли, и он начал смеяться. Он сказал: «Вот так история! Почему же вы сразу мне не сказали?»

Книготорговец сказал: «Я никогда не бывал в этом районе, а он сбил меня с толку. Он сказал, что моя покойная родственница жила здесь. Я пришел сюда из-за моей умершей родственницы, – но я никогда не бывал в этом районе и никогда не видел мужа моей родственницы, так что простите меня. Но это было великолепное зрелище! Вы могли бы стать великим актером – за считанные секунды вы переходите от смеха к слезам, от слез к смеху».

Я сказал: «Это ничего. Если я скажу ему правду, он снова зальется слезами».

Дядя сказал: «Какую правду?»

Я сказал: «Никакая другая женщина по соседству не умирала. Он – родственник твоей жены».

Он сказал: «Послушай, я же говорил тебе, что это – серьезное дело!» И снова слезы, и снова скорбь.

И книготорговец почувствовал сострадание к этому несчастному созданию... он сказал мне: «Не надо больше мучить его».

Я сказал: «Я не мучаю его. Он сам себя мучает! Какая в этом необходимость? Жена умерла, она уже не вернется. Ему не нужно бояться ее, по крайней мере сейчас. Пока она была жива, тогда все было по-другому. Я знал его жену, у него были все основания бояться ее. Но теперь-то ему нечего бояться, она не вернется».

Я сказал дяде: «Будь просто самим собой. Если ты чувствуешь себя хорошо, зачем менять маски? Зачем превращать свою жизнь в театральное представление?»

Но мы все в той или иной мере занимаемся этим.

Ваша личность состоит из многих культивированных слоев. Вокруг вас висит много масок, и вы надеваете ту из них, которая кажется вам подходящей для данной ситуации. Фактически, человечество постепенно выработало почти автомати-

ческую систему – вам даже делать ничего не надо, все происходит само собой. Как только вы видите вашего начальника, ваше лицо меняется – не то, чтоб вы сами меняли его. Это происходит подсознательно – вы начинаете улыбаться, вы похожи на собаку, виляющую хвостом.

Даже собаки довольно умны. Если у них нет уверенности относительно незнакомца, подходящего к дому их хозяина, – он может быть другом, он может не быть другом – они делают две вещи одновременно: они лают и они виляют хвостом. Они просто выжидают, чтобы увидеть, какой оборот примут события. Если хозяин принимает незнакомца как друга, лай прекращается, а виляние хвостом продолжается. Если же хозяин не признает его другом, тогда прекращается виляние хвостом, а лай продолжается.

Бедные собаки развращены общением с человеческими существами, они научились вашим трюкам.

Человек, встретив своего начальника, имеет одно лицо. Тот же самый человек, встретив своего слугу, имеет другое лицо. Со слугой он ведет себя так, как будто слуга вообще не имеет никакого значения, как будто слуга вообще не человеческое существо. Мимо него можно пройти, даже не заметив его, ведь он всего лишь слуга.

Но что касается начальника, то вы всем своим видом выказываете радость, у вас появляется улыбка до ушей – как у Джимми Картера. И вы делаете это не преднамеренно... это ваше автономное, подсознательное функционирование.

Просветление – это просто процесс осознавания подсознательных слоев вашей личности и отбрасывание этих слоев. Эти слои – не вы, это – фальшивые лица. И из-за этих фальшивых лиц вы не можете открыть ваше подлинное лицо.

Просветление есть не что иное, как открытие подлинного лица – сокровенной реальности, которую вы приносите с собой в этот мир и которую вы заберете с собой, когда умрете. А все эти слои, накопленные между рождением и смертью, вы оставите здесь.

Просветленный человек делает то же самое, что смерть делает со всеми другими людьми, но он проделывает это над самим собой. В определенном смысле он умирает и возрождается, умирает и воскресает. И его подлинность сияет светом, потому что она – часть вечной жизни.

Это простой процесс открытия самого себя.

Вы не содержащее, а содержимое.

Отбрасывание содержащего и обнаружение содержимого – это и есть весь процесс просветления.

Возлюбленный Бхагаван,

повсюду вокруг себя я чувствую Ваше присутствие, Вашу любовь и Ваше сострадание, но я чувствую себя недостойной этого. Кто я такая, чтобы быть достойной Вас? И именно поэтому я закрыла дверь перед Вами. Мое сердце страдает, но я забыла, где находится эта дверь. Пожалуйста, объясните.

Это одно из преступлений, которые совершаются против каждого повсюду в человеческом обществе: вас постоянно обусловливают и говорят вам, что вы недостойны.

Из-за этой обусловленности большая часть человечества даже надеяться перестала на какое-то приключение, на какое-то паломничество к звездам – так они убеждены в своей недостойности. Их родители говорили им: «Вы недостойны». Их школьные учителя говорили им: «Вы недостойны». Их священники говорили им: «Вы недостойны». Все навязывали им идею, что они недостойны.

Естественно, они приняли эту идею.

А как только вы принимаете эту идею, вы, естественно, закрываетесь. Вы не можете поверить, что у вас есть крылья, что все это небо – ваше, что вам надо только расправить ваши крылья и все небо будет вашим, со всеми его звездами.

И дело не в том, что вы где-то забыли открыть дверь. У вас нет никаких дверей, у вас нет никаких стен.

То, что вы недостойны, – это всего лишь идея, представление.

Эта идея загипнотизировала вас.

С самого начала все культуры, все общества использовали гипноз для уничтожения индивидов – их свободы, их уникальности, их гения, – ибо власть имущим не нужны гении, не нужны уникальные индивиды, не нужны свободные люди. Им нужны рабы. А единственный психологический способ создавать рабов – это внушать вашему уму, что вы недостойны, что вы не заслужили лучшей судьбы, что вы не заслужили даже того, что имеете, что вы не должны ничего больше требовать. Вам и так уже дано слишком много, вы и этого не заслужили.

И гипноз – это простой процесс непрерывного повторения. Просто продолжайте повторять некую идею, и она начинает укореняться внутри вас, она становится толстой стеной, невидимой – нет ни окон, ни дверей.

Георгий Гурджиев вспоминает о своем детстве... Его родиной был Кавказ, одно из самых первобытных мест в мире. Кавказ все еще находится на той стадии развития, на которой

находилось человечество, когда оно жило охотой, даже земледелие еще не начало развиваться. На Кавказе живут великие охотники.

И любое общество, которое живет охотой, обязательно является кочевым обществом. Такое общество не строит дома, не устраивает поселения, так как на диких животных нельзя положиться – сегодня здесь есть животные, а завтра они отсюда ушли. И поскольку люди убивают животных, животные от них бегут – перед ними выбор: либо быть убитыми, либо бежать.

Поселения возможны только в земледельческом обществе, потому что растения не могут убежать и люди должны находиться рядом с ними, чтобы защищать их, поливать их, ухаживать за ними, – так что люди должны жить в деревнях рядом со своими полями.

На Кавказе люди до сих пор кочуют. Верхом на своих лошадях они перемещаются с одного места на другое, занимаясь охотой.

Гурджиев был воспитан кочевым обществом, так что он был почти существом с другой планеты. Он знал некоторые вещи, которые мы забыли.

Он вспоминает, что, когда он был ребенком, кочевники гипнотизировали своих детей, – потому что они не могли носить их с собой во время охоты, им приходилось оставлять детей где-нибудь под деревом, в безопасном месте. Но где гарантия, что дети будут оставаться на этом месте? Поэтому детей гипнотизировали.

Кочевники применяли простой прием – они пользовались им на протяжении многих веков.

С самого начала, когда ребенок был еще очень маленьким, они заставляли его сидеть под деревом. Они очерчивали палкой на земле круг вокруг ребенка и говорили ему: «Ты не должен выходить из этого круга. Если ты выйдешь из него, ты умрешь».

И маленькие дети верили, совсем как вы. Почему вы христиане? Потому что вам это сказали ваши родители. Почему вы индуисты? Почему вы джайны? Почему вы мусульмане? Потому что вам это сказали ваши родители.

Эти дети верят, что если они выйдут из круга, они умрут. Они росли под этим внушением. Вы можете попытаться выманить их из круга: «Выйдите из круга. Я угощу вас конфетами». Они не могут, ведь смерть...

Даже если иногда они пытаются, то им кажется, что перед ними встает невидимая стена, которая не позволяет им выйти

из круга. А эта стена существует только в их умах – на самом деле никакой стены нет.

Пока человек, который заключил ребенка в этот круг, не придет и не сотрет круг, ребенок будет оставаться внутри круга.

И ребенок продолжает расти, ио эта идея остается в бессознательном. Так что даже тогда, когда ои становится взрослым, – если его отец проведет вокруг него круг, ои не сможет выйти из него.

И так поступают не с одним ребенком. Вся группа кочевннков заключает в круги своих детей, и дети целый день сидят под соседними деревьями. И ко времени возвращения родителей это становится такой обусловленностью, что ребенок ии за что ие выйдет из круга.

В точио такие же круги вас заключает ваше общество. Конечно, оно действует более изощреино. Ваша религия есть не что нное, как такой круг, но проведенный весьма изощренным образом; ваша церковь, ваш храм, ваша священная киига – это просто-напросто гипнотический круг.

Вы должны понять, что живете заключеииыми во многне круги, которые существуют только в ваших умах. У них иет реального существования, но они действуют так, как будто оии реальиы.

Однажды ночью – было около полуночи – в мою дверь постучал какой-то молодой человек. Я еще не ложился спать, пнсал какие-то письма. Он упал на колени, обхватил мои ноги и сказал: «Дайте мие своими руками стакаи воды!»

Я спросил: «Зачем?»

Он сказал: «Меня прислал доктор Барат. Я его пациент. Миого лет я страдаю от болей в животе. Он давал мне всевозможиые лекарства, но они ие помогают. А сегодня он сказал: «Медицина бессильиа помочь тебе; помочь тебе может только чудо». Я спросил у иего, где я могу иайти чудесиое исцеление, и он направил меня к вам. И ои сказал: «Валяйся у иего в ногах, пока ои не даст тебе своими руками стакан воды – только эта вода исцелит тебя».

Доктор Барат был моим другом. Он предупредил меня, что собирается прислать ко мне этого молодого человека. Он сказал: «Он ипохондрик. С желудком у иего все в порядке, ннкакого заболевания нет – просто ои богат, у него слишком много денег и ему иечем заняться. Поэтому ои занимается болезнями – боли в животе, головные боли... он обнаруживает у себя всевозможные болезни. Я же иикаких болезней у него не нахожу, он совершенно здоров. Но каждый деиь он по

несколько часов мучает меня. Я знаю, что ни одно лекарство ему не поможет, потому что он не болен. На самом деле, давать ему какие-либо лекарства – опасно. Поэтому я даю ему подкрашенную воду, которую готовлю специально для него. У меня весь кабинет заставлен пузырьками с подкрашенной водой. Я смешиваю воду из этих пузырьков и даю ему. И он говорит: «Да, стало немного легче, но боль остается». А если боль исчезает в одном месте, то сразу же появляется в другом. Мне это надоело. И из-за него я теряю других пациентов. Поэтому ты должен спасти меня от этого богатого молодого человека. Его отец умер, оставив ему большое наследство, он может выбрасывать деньги на что угодно. Но он подрывает мой бизнес».

Я сказал: «Я не понимаю, как он подрывает твой бизнес?»

Он сказал: «Очень просто – ведь другие пациенты видят, что он ходит ко мне вот уже десять лет, а я ничем не могу ему помочь. Это производит плохое впечатление. Поэтому я собираюсь направить его к тебе, а ты должен сотворить чудо».

Я сказал: «Я не творю чудес, чудес не бывает. Но если ты так хочешь, я попробую».

И когда этот молодой человек пришел ко мне, я стал отпираться: «Вода, поданная моими руками, не поможет. Тебе надо обратиться к другому врачу – что ты так привязался к этому доктору Барату? Если один врач не помог тебе, надо обратиться к другому врачу. Если не помогает аллопатия, надо обратиться к гомеопатии; если не поможет гомеопатия, надо обратиться к аюрведе; если не поможет аюрведа, надо обратиться к натуропатии. И к этому времени ты уже умрешь, так что и беспокоиться будет не о чем. Уйдет болезнь или нет, тебя-то уже не будет!»

Он сказал: «Но я хочу жить! Я слишком молод, чтобы умереть». А ему было не больше двадцати шести лет. Он сказал: «Я еще даже не женат. Так как мой отец умер, у меня теперь много денег – и многие люди хотят выдать за меня своих дочерей, но я не хочу связывать себя. Сперва я хочу позаботиться о моем здоровье. Жениться – значит впустить еще больше болезней в свой дом. Вы должны дать мне стакан воды!»

Я гостил тогда в доме одного из моих друзей. Его жена слышала весь этот разговор, который продолжался и продолжался, молодой человек начал плакать... В конце концов она вышла к нам и сказала мне: «Я не думала, что вы такой жестокий. Поможет это или нет, – но дайте ему стакан воды. Уже за полночь, а вы сами не ложитесь спать и никому в доме

не даете заснуть – мы все так возбуждеиы, мы хотим увидеть, что пронзойдет... случится чудо или нет».

Я сказал: «Ну, раз вы так считаете... Я ие хочу мучить вашу семью. Принесите стакан воды!»

И я сказал молодому человеку: «Запомни, ты никому не должеи об этом рассказывать, так как я не хочу, чтобы завтра перед этим домом выстроилась очередь больиых людей. У меия нет времени на это. Так что пообещай, что будешь хранить молчанне».

Ои сказал: «Я обещаю, что буду молчать об этом. Но и вы должны пообещать мие одну вещь».

Я спроснл: «Что именно?»

Он сказал: «Вы должны пообещать мне, что время от времени мне будет позволено приходить к вам с бутылью воды, а вы будете прикасаться к ней».

Я сказал: «А что ты будешь с ней делать?»

Он сказал: «Я никому ннчего не скажу. Но если случнтся чудо и у меня нсчезнут боли в животе, я смогу помогать другим страждущим людям. Я буду давать нм эту воду. Но я обещаю, что не буду рассказывать о вас».

Я сказал: «Хорошо, договорились. Но никого не приводи с собой!»

Я дал ему стакаи воды, н ои выпил ее – когда ои пил эту воду, было вндио, как меняется его лицо. И он сказал: «Бог мой, боль исчезла!» Жена моего друга стояла за моей спиной. Оиа сказала: «Вы совершилн это!»

Я сказал: «Я ннчего не совершал, – и запомни, ты не должна ннкому об этом рассказывать».

Она сказала: «Я-то могу н помолчать, но все в доме уже все знают, все все слышалн, даже детн... Но раз это должно было случиться, зачем вы тянули целый час?»

Я сказал: «Если бы я не упнрался целый час, эта вода ему бы не помогла. Дело не в воде, а в моем нежеланин дать ее ему. Он все больше и больше убеждался в том, что вода ему поможет. А когда я сказал ему, что он не должен никому об этом рассказывать, он окончательно убеднлся, что чудо непременно случится».

И он стал давать эту воду другим людям.

Люди рассказывали мне... и даже доктор Барат сказал мне: «Это странно. Ты излечнл моего пациента, а теперь он сам лечит других моих пацнентов. Я думал, что избавлюсь от него, – но теперь он приходит в мою приемную с бутылью воды и сидит там. Он говорит монм пациентам: «Выбросьте это лекарство, оно вам не поможет. Вот вам чудесная вода».

Похоже, что этот молодой человек – мой враг из прошлой жизии! Ои вылечил несколько моих пациентов».

Семьдесят процеитов больиых людей больны только в своих умах, у иих нет иастоящих заболеваний.

И было устаиовлеио, что все «патии» – аллопатия, гомеопатия, иатуропатия, аюрведа, юиани – добиваются успеха в семидесяти процентов случаев. В семидесяти процентов случаев любой может творить чудеса, надо только устроить так, чтобы ум больного был убежден в том, что чудо непремеиио случится.

И вам просто внушают, что вы иедостойны.

Недостойных нет.

Существование не производит иедостойных людей.

Существоваиие ие иеразумно. Если Существоваиие производит так много недостойных людей, тогда вся ответственность ложится на Существование. Тогда определенно можио сделать вывод, что Существование иеразумно, что в нем нет разума, что оио – неразумный, случайный материалистический феномен, в котором нет никакого сознаиия.

И вся наша борьба направлеиа иа то, чтобы доказать, что Существование разумно, что Существование чрезвычайио сознательно.

Это то самое Существование, которое творит Гаутам Будд.

Оно не может творить недостойных людей.

Вы ие иедостойны.

Поэтому ие надо искать какую-то дверь, иадо только поиять, что идея о том, что вы иедостойны, – ложиая идея, навязанная вам теми, кто хочет, чтобы вы были рабами.

Вы можете отбросить эту идею прямо сейчас.

Существование дает вам такое же солнце, как и Гаутаме Будде, такую же луну, как и Заратустре, такой же ветер, как и Махавире, такой же дождь, как и Иисусу, – оио ие проводит различий, у иего нет идеи дискримииации. Для Существования все равны: Гаутама Будда, Заратустра, Лао-цзы, Бодхидхарма, Кабир, Нанак или вы.

Единственное различие в том, что Гаутама Будда не принял идею о своей иедостойиости, он отверг эту идею. Ему было легко отвергнуть ее – он был царевичем, иаследником великого царства, единственным сыиом царя, а царь считался почти богом. Так что у него не было идеи о своей недостойности.

Ну, а как иасчет Кабира? Как иасчет Раидаса, башмачника? Как иасчет Горы, горшечиика? Этих бедиых людей общество обременило идеей, что они недостойиы, ио они отвергли эту идею.

В жизни Кабира есть ясные примеры. Всю свою жизнь Кабир прожил в Каши. Веками индуисты верили, что умереть в Каши – это величайшее благо, которого можно достичь в жизни, ибо тому, кто умирает в Каши, рай гарантирован. Неважно, каким человеком он был, – был ли он убийцей, вором, святым или грешником – эти вещи не имеют значения. Смерть в Каши стирает все это, и человек становится достойным рая.

Поэтому в Каши вы увидите множество стариков, которые пришли туда только для того, чтобы там умереть. За всю свою жизнь они ничего не сделали, но они не хотят упустить возможность попасть в рай.

А Кабир всю свою жизнь прожил в Каши, но пришло его время умирать, и он сказал: «Унесите меня из Каши, в маленькую деревню на том берегу». На другом берегу Ганга была маленькая деревня.

Его ученики сказали: «Ты что, с ума сошел? Люди стремятся попасть в Каши, весь город полон людей, которые пришли сюда умирать. А ты всю свою жизнь прожил в Каши. Что это за бред? А деревня, о которой ты говоришь, проклята; люди говорят, что тот, кто умирает там, в следующей жизни рождается ослом».

Но Кабир сказал: «Я хочу умереть в той деревне. Я хочу войти в рай благодаря моим собственным достоинствам, а не благодаря Каши. И я знаю свои достоинства».

И его ученикам пришлось переправить его на другой берег. И он умер в той деревне.

Этот человек был так уверен в своей достойности.

Он был ткачом. Нельзя сказать с уверенностью, был он индуистом или мусульманином, ведь его имя, Кабир, является мусульманским, это одно из имен Бога. Его нашли на берегу Ганга – маленький ребенок, всего несколько дней от роду, брошенный своими родителями.

Один великий индуистский ученый, Рамананда, пошел на берег Ганга для совершения утреннего омовения и нашел там ребенка. Он не был таким бесчувственным, чтобы оставить его там, поэтому он отнес его в свой ашрам – у него был ашрам и сотни учеников. Так что этот ребенок был воспитан среди браминов.

Но на руке у него было написано имя «Кабир». Рамананда не стал менять его имя.

Так что до сих пор неясно, был он мусульманином или индуистом. Ему самому было все равно.

Однажды в Каши было великое собрание; такие собрания

проводились каждые двенадцать лет для решения некоторых религиозных вопросов, которые могли возникнуть в толковании священных писаний.

Естественно, Кабир не был приглашен, ведь было неясно, был ли он индуистом, а в собрании могли принимать участие только брамины.

Но это собрание никак не могло прийти к соглашению относительно одного места в священном писании. И один человек сказал: «Нам надо забыть о том, мусульманин Кабир или индуист, это не имеет значения. Он единственный живой человек в Каши, который может сразу же прозреть смысл этого отрывка священного писания».

Я рассказываю вам об этом случае по особой причине.

В то самое время в Каши находилась и Мира, она только что прибыла туда. Она странствовала по всей Индии.

С неохотой ученые обратились к Кабиру: «Тебя приглашают на собрание, потому что мы застряли на одном вопросе и никто из нас не переживал этого на собственном опыте. Но многие участники собрания говорят: "Кабир пережил это". Это место в священном писании должно быть истолковано только тем, кто сам познал это, – поэтому, хотя мы не уверены, индуист ты или мусульманин, мы все же приглашаем тебя, вопреки всем правилам».

Кабир сказал: «У меня есть одно условие: я пойду на собрание только в том случае, если туда будет приглашена и Мира».

А это было еще более трудным для шовинистического мужского ума – женщина! Какое отношение к этому может иметь женщина? Когда мудрые ученые обсуждают важные вопросы, женщина должна заниматься домашними делами.

Кабир сказал: «Тогда Кабир не пойдет. Кабир может пойти только в том случае, если позволят прийти Мире. Если вы готовы допустить Кабира, каста которого неизвестна, религия которого неизвестна, то почему бы не пригласить и Миру? Ведь она тоже может сказать свое слово. У нее было то же переживание, что и у меня».

И ученым пришлось согласиться.

Такое случилось только один раз: женщина и не-брамин присоединились к высшей иерархии индуизма для толкования священных писаний. И их толкование было принято.

Ученики Кабира спросили у него: «Откуда у тебя такой авторитет?»

Он сказал: «Если Существование принимает меня, если Существование дает мне жизнь, этого достаточно для того,

чтобы доказать, что я нужен, что Существованне не может обойтись без меня».

Поэтому отбросьте идею недостойности, это всего лишь идея. И, отбросив ее, вы окажетесь под открытым небом – никаких дверей, все открыто, все страны света открыты для вас. Того, что вы есть, достаточно для доказательства того, что Существование нуждается в вас, любит вас, питает вас, почитает вас.

Идея недостойностн создана социальнымн паразнтамн.

Отбросьте эту идею.

И будьте благодарны Существованию, – ибо оно создает только людей, которые достойны, оно никогда не создает ничего бесполезного. Оно создает только людей, которые нужны.

Я настаиваю на том, что каждый санньясин должен уважать самого себя и испытывать благодарность к Существованию за то, что он оказался нужным на этом стыке пространства и времени.

Возлюбленный Бхагаван,

есть такой суфийский афоризм: «Ни один человек не может избежать своей судьбы. Этот мир – мир ограничений, и блаженны те, кто, несмотря на это, познал вкус беспредельного».

Известный астролог и композитор Дейн Радхьяр, который был другом Георгия Гурджиева, сказал: «Старая идея астрологии – что переживания выпадают на долю человеческим существам – неверна. Наоборот, человеческие существа выпадают на долю своим переживаниям». Мое наблюдение таково: каждый астролог, у которого достаточно мужества, признает, что Гурджиев прав, когда говорит: «Человек – это машина».

С другой стороны, то, что я пережил с Вами, Христом и буддийскими учителями, открыло мне существование беспредельного посреди ограничения.

Тогда как религиозность открывает двери в беспредельное, астрология изучает мир форм и ограничений. Без первой вторая могла бы стать невыносимой для меня. Сейчас, мало-помалу, бесформенное и форма, кажется, встречаются внутри меня и заключают брачный союз.

Не могли бы Вы сказать что-либо по этому поводу?

Георгий Гурджиев прав, когда он говорит, что человек – это машина, но под «человеком» он имеет в виду всех тех, кто

живет несознательно, кто не осознает, кто не пробужден, кто не откликается на реальность, а просто реагирует.

Девяносто девять и девять десятых процента человеческих существ попадают в категорию машин. По отношению к этим машинам астрология возможна.

На самом деле предсказания можно делать, гарантии можно выдавать только машинам. Часам можно дать гарантию на пять лет, автомобилю можно дать гарантию на какой-то срок – ибо мы знаем возможности машины, знаем, как долго она может работать. Ее возможности ограничены. И она ничего не может сделать по своей собственной воле, она может только реагировать на ситуации, – которые почти предсказуемы.

Например, на определенной стадии мальчик и девочка достигнут половой зрелости, их гормоны и вся их биология начнут притягивать их друг к другу. Они назовут это любовью, ибо никто не хочет, чтобы его отнесли к категории машин.

Но две машины не могут любить друг друга, они могут только находиться рядом друг с другом, могут противодействовать друг другу, могут сталкиваться друг с другом.

И это вовсе не случайно, что в каждом языке есть выражение, соответствующее английскому *to fall in love* (буквально «упасть в любовь» – русск. «влюбиться»). Это бессознательный процесс, падение. Вы не можете ответить, почему вы любите определенного человека.

И сейчас наука о биологии человека, генетика, стала гораздо более зрелой. Вам можно сделать инъекцию гормонов, которые могут заставить вашу любовь исчезнуть или сделать из вас великого любовника. Но это гормоны, это – химический процесс. Вы не участвуете в нем сознательно.

Это случилось в Бомбее около двадцати лет назад – ко мне пришел один астролог. Я сказал ему: «Вы будете разочарованы. Со мной астрология не работает».

Он сказал: «Тут дело не в вас или ком-либо другом. В астрологии не бывает исключений».

Я сказал: «Тогда сделайте одну вещь: составьте список двенадцати вещей, которые мне предстоит совершить за один год, – в двух экземплярах. На обоих экземплярах я напишу, что обязуюсь не совершать этого. Один экземпляр останется у вас, а другой – у меня. Это единственный способ выяснить, работает ваша астрология или нет».

Он немного испугался, так как он никогда не думал о такой возможности.

Я сказал: «Даже если вы скажете, что я переживу этот

год, я умру – только для того, чтобы показать, что со миой астрология ие работает».

Ои сказал: «Мие нужно провести более глубокие исследоваиия. Я приду через трн дня».

Прошло двадцать лет, а ои так н не пришел.

И каждый раз, когда я оказываюсь в Бомбее, я говорю: «Позвоиите тому астрологу и спросите, когда ои закоичит свои углубленные исследования – ведь прошло уже двадцать лет. Или ои отказался от этой идеи?»

Если вы достигли просветлеиия, тогда астрология с вами не работает. Тогда вы можете любнть, тогда вы можете творить, тогда вы можете действовать, тогда вы обладаете определеииой властью над своим собственным существом. Но когда вы бессознательны, вас просто носит туда и сюда по воле ветра.

И каждый, кто глубоко изучнл человеческую природу... Есть миого астрологических школ, которые веками изучали то, как работает механический человек. Онн пришли к определеииым выводам, и их предсказания почтн всегда верны. Если же предсказаиия неверны, то это значнт, что астролог плохо подготовлен, его исследоваиня человеческой природы и бессозиательиого поведення не были достаточно глубоки.

Но как только вы начинаете становнться сознательным, вы начннаете становиться настоящнм человеком – не машнной.

Когда Гурджиев впервые сказал, что человек – машина, это шокировало многих людей. Но он говорнл истнну. Только это является истиной для девяноста девяти н девяти десятых процента людей – к одной десятой процента людей она не относится.

Гаутама Будда роднлся...

А на Востоке то былн времена самых большнх возможностей для человеческого гения. Во всех направленнях, в которых работал Восток, он достнг высочайшей вершины, кульмннацин... до такой степенн, что сейчас вы не можете найти новую позу йогн, Патанджалн исчерпал все возможностн, эта наука завершена. Прошло пять тысяч лет, и этн пять тысяч лет тысячн людей пытались найти новую позу, но так н не смоглн.

Вы не сможете найтн новую сексуальную позу, Ватсьяяна опнсал все возможные позы – н несколько поз, которые даже могут показаться невозможными!

Шива довел до совершенства все медитационные технnки – сто двенадцать. Вы можете играть с их комбинациямн, но найтн что-то новое невозможно.

Астрология достигла своей вершины...

И когда родился Гаутама Будда, сын великого царя, царь немедленно созвал самых лучших астрологов. Они изучили гороскоп ребенка и ничего не сказали. Только один, самый молодой астролог сказал царю: «Эти люди молчат потому, что это необычный мальчик и мы не можем вынести окончательного решения о его судьбе. Есть две возможности». А астрология никогда не говорит таким образом. Астрология подразумевает, что вы должны предсказать то, что должно случиться; от вас не ожидают предсказания всех возможностей – это вообще не будет предсказанием.

Но молодой астролог сказал: «Эти старые мудрые люди не скажут даже этого. Я молод и могу поставить себя под удар, поскольку я еще не завоевал себе репутации. Есть две возможности: либо этот мальчик станет властелином мира, *чакравартином,* либо он станет просветленным, пробужденным, освобожденной душой, – но тогда он будет нищим. Либо он будет властелином мира, либо он будет нищим с чашей для подаяния в руке. И не в наших силах сказать, как все сложится».

И все старые астрологи согласились: «Этот молодой человек прав. Мы молчали потому, что астрология так не работает. Мы говорим: "Это непременно случится". Но об этом мальчике мы не можем дать определенный ответ. И возможности так противоположны – либо властелин мира, либо нищий».

И вот что случилось.

Царь спросил у этих мудрых астрологов: «Тогда скажите мне, что надо сделать для того, чтобы он стал не нищим, а властелином мира. Это было желанием всей моей жизни. Я не смог осуществить его, – но у него есть такая возможность. Так скажите мне, как не дать ему стать нищим».

Они дали ему совет, но их совет привел как раз к противоположному результату. Они предложили: «Окружи его всей возможной роскошью. Не позволяй ему узнать о старости и смерти. Не позволяй ему узнать о саньясинах. Не давай ему возможности задуматься над смыслом жизни. Пусть он все время будет занят пением, танцами, вином и женщинами, пусть он будет полностью погружен в это».

И именно это принесло неприятности, – ибо двадцать девять лет он находился в полной изоляции от мира, он понятия не имел об обыкновенной действительности мира, где люди страдают от болезней, где люди стареют, где люди умирают, где есть саньясины, искатели истины... Если бы ему с самого начала позволили видеть мир, он бы приобрел

иммунитет – с самого иачала ои бы видел, что люди болеют, стареют и умирают, что иекоторые из них стаиовятся саииьясииами. Но двадцать девять лет его держалн в полной изоляции от мира.

И когда в возрасте двадцати девяти лет ои вступил в коитакт с миром – каждому человеку в одии прекрасиый деиь приходится вступать в коитакт с миром, – это было для иего великим потрясением.

Если бы не изоляция от мнра, особого потрясеиия ие было бы. Ведь другие не испытывают такого потрясения – с самого детства каждый все видит и мало-помалу прнвыкает. Но для него это было ужасиым потрясением.

В ту же ночь он ушел из дворца и стал саииьясииом, ищущим истииу. Отец пытался спасти его от чашн для подаяиия, а в ту ночь ои взял ее в руки.

Если бы его не держали во тьме, он бы мог стать Александром Великим. В определеииом смысле это хорошо, ибо Александр Велнкий н ему подобные ие способствовали развитию человеческого сознания.

Одии этот человек, со своей чашей для подаяиия, больше, чем кто-либо другой, приблизил человечество к звездам, к бессмертию, к истине.

К такому человеку астрология неприменима.

Это хорошо, если вы призиаете, что функционируете как машиив. Не чувствуйте себя оскорблениым, – ибо, если вы чувствуете себя оскорбленным, вы будете защищать себя и останетесь тем, чем вы былн раньше. Попытайтесь понять свое поведение – механическое оно нли нет?

Кто-то оскорбляет вас – как вы реагнруете? Эта реакция механическая нлн сознательная? Вы думаете перед тем, как разгневаться? Вы погружаетесь на мгновение в медитацию перед тем, как ответить? Может быть, то, что сказал этот человек, справедливо; и если вы не впадаете в гнев сразу же, мгновенно, а оставите маленькнй промежуток для медитацнн, то, может быть, вы почувствуете благодарность к этому человеку и скажете: «Ты прав».

На самом деле, правда задевает вас сильнее всего.

Ложь вообще не задевает вас.

На днях Ннрвано принес мне вырезку нз газеты. Один западный путешественник, вернувшись нз Тнбета, дал пресс-конференцню, н на ней он сказал: «Самым снльным впечатленнем, которое я получил в Тнбете, была встреча с Бхагаваном».

Сейчас люди могут сказать любую ложь, и те, кто

прочитает это, поверят. Печатиое слово оказывает определениое воздействие иа людей.

Несколько дией иазад было еще одно газетиое сообщеиие – без всякнх оговорок, иесомиенный факт: «Очеиь скоро Бхагаваи появится в Израиле. Он решнл принять иудаизм, а после принятия иудаизма ои объявнт себя реиикарнацией Моисея».

Ну, что можно поделать с этими людьми? Можно посмеяться, ио гиеваться иельзя. Можно получить удовольствие, можно поблагодарить их за их воображеиие. На этих людях держится мир!

Просто следите за своими действиямн и старайтесь не вести себя механически. Старайтесь делать то, что вы никогда раньше не делали в такой же ситуации.

Имеино это нмеет в виду Иисус, когда говорит: «Если кто-то ударил тебя по щеке, подставь ему другую щеку». Подлииный смысл таков: просто ие действуйте механически – ведь механическим действием будет такое: кто-то бьет вас по щеке, а вы бьете по щеке его. Или, если вы не можете ударить его прямо сейчас, вы подождете подходящего момента. Но подставить ему другую щеку – это ие механическое поведеиие, это очень сознательиое поведение.

Но люди что угодно могут сделать механическим.

Я слышал об одиом христиаиском святом, который постояино цитировал: «Возлюби врага своего, и еслн кто-то ударит тебя по щеке, подставь ему другую щеку».

Одиажды какой-то человек, который был против христнаиства, подстерег этого святого в уедииенном месте, нанес ему сильный удар по щеке н стал смотреть ему в глаза... Святой чуть было ие ответил ему ударом, но, будучи святым, вспомнил о своем учеиии... он также вспомннл, что этот человек всегда сидит в церкви в первом ряду... и святой подставил ему другую щеку, думая, что тот больше не ударнт его. Но тот человек ударил его по другой щеке еще снльнее! И в то же мгновенне святой бросился на него н нанес ему сильный удар в нос. Тот закричал: «Что ты делаешь? Ты же христианин, ты должен любить врага своего».

Святой сказал: «Забудь об этом. Иисус говорнл только о двух щеках – дальше я свободен. У меня нет третьей щеки, чтобы подставить ее тебе. И он не говорил, что еслн кто-то ударнт тебя н по другой щеке, то ему надо подставить нос».

Поскольку Иисус не сказал, почему бы...

Гаутама Будда в одиой нз своих проповедей сказал: «Изо всех сил старайтесь не вестн себя механнческн. Еслн кто-то

бьет вас, оскорбляет вас, унижает вас, прощайте ему семь раз. Будьте сознательны».

Иисус говорил прощать только один раз – ведь у вас только две щеки, а по одной уже ударили. Остается еще только одна щека, а это не много... Будда говорит, что прощать надо семь раз.

Один из учеников встал и сказал: «А как насчет восьмого раза? Семь раз мы простили, а что делать на восьмой раз?»

Даже Будда на мгновение умолк. Столько глубока механичность человека... Он сказал: «Тогда изменим это. Пусть будет семьдесят семь раз».

Ученик сказал: «Ты можешь назвать любое число, но вопрос останется тем же – как насчет семьдесят восьмого раза? Мы можем стерпеть семьдесят семь раз...»

Вы можете вести себя праведно, но если это механическое поведение, оно ничего не изменит.

Будьте бдительны и старайтесь увидеть, что вчера вы делали то же самое. Сегодня попытайтесь внести небольшое изменение – вы же не машина.

Вы говорили вашей жене то же самое, внесите небольшое изменение – вы же не машина.

И если на протяжении двадцати четырех часов вы непрерывно будете меняться, то мало-помалу вы выскользнете из механического поведения и у вас начнет возникать сознание.

Это сознание делает вас настоящим человеком. Раньше вы только казались человеком, но на самом деле не были им.

Беседа 32

ИСТИНЕ ПРИХОДИТСЯ ЖДАТЬ... НО ЖДАТЬ НЕ ВЕЧНО

4 ноября 1986 г., Бомбей

Возлюбленный Бхагаван,

за последние четырнадцать месяцев в Вашем мире случилось много такого, что было весьма противоречивым и выглядело странно для духовной группы. Само чтение фактов и цифр, приведенных в 156-страничной статье в двух номерах журнала «Нью-Йоркер», могло вызвать гнев у большинства людей.

Хотя некоторые санньясины оставили Вас, я вижу, что многие из нас, в том числе и я, остались непотревоженными в нашем внутреннем существе. Без всяких сожалений многие из нас стали на новый путь, прыгнули в новое приключение.

Наши семьи, друзья и просто незнакомые люди либо удивляются этому, либо подозревают, что мы марионетки с промытыми мозгами или безответственные типы. Есть ли способ объяснить это внутреннее доверие к учителю, которое возникает у ученика? Может ли кто-то из нас объяснить что-то, выходящее за пределы этих фактов и цифр, – любовь, веселье, тайну духовной трансформации, которые мы, на наше счастье, разделяем с Вами? И стоит ли мне вообще беспокоиться об этом или мне надо просто сконцентрироваться на Вас и на внутреннем путешествии, игнорируя любопытных и скептиков?

Жизнь была бы очень легкой, если бы она состояла только из фактов и цифр, – легкой, но скучной... легкой, но плоской... жить было бы легко, но жить не стоило бы.

А ум озабочен только фактами и цифрами.

Великим благословением Существования является то, что ум – это не все, что в жизни есть нечто гораздо большее, которое не может быть втиснуто в факты, объяснения, теории. Нечто таинственное всегда остается необъясненным, и это – самая ценная, самая важная часть жизни.

Невозможно объяснить любовь, доверие, красоту, милосердие, благодарность, безмолвие. Похоже, что все многозначительное недоступно для ума, а все незначительное находится в пределах его досягаемости.

Я вспомнил о Джунайде, великом суфийском учителе. Однажды один из его учеников – который каким-то образом заставил себя довериться Джунайду, с огромным трудом сумел отказаться от скептицизма – отправился в лес на охоту. И там

он увидел Джунайда, сидящего на берегу прекрасного озера в обществе красивой женщины. Он увидел их издалека, а издалека все кажется красивым – особенно мусульманские женщины.

Среди мусульманских женщин нет некрасивых – их лица закрыты чадрой. Это великий заговор некрасивых женщин против красивых, и таким образом красивые проигрывают.

Все его подавленные сомнения и подозрения вышли на поверхность, – а Джунайд не просто сидел рядом с красивой женщиной: эта женщина наливала из бутыли вино в чашу для Джунайда.

Все его доверие к Джунайду было разбито, со всей его любовью к нему было покончено: «Всему есть предел. Это зашло слишком уж далеко. Этот человек – обманщик!» И если бы он ушел, не поговорив с Джунайдом, он так и остался бы с убеждением, что тот – обманщик. У него были все факты, он все видел собственными глазами, он был свидетелем. Он не нуждался в других доказательствах, в других свидетельствах. Никакой аргумент не убедил бы его в том, что он мог ошибиться.

Но Джунайд громко крикнул: «Не уходи! Подойди поближе, ведь когда подходишь ближе, многие факты оказываются фикциями. И чем ближе подходишь, тем более фиктивными они оказываются. Так подойди поближе!»

Немного испуганный, он все же подошел.

Джунайд поднял чадру с лица женщины, и она оказалась старухой, матерью Джунайда. И он сказал: «Ну, как насчет той красавицы, которую ты видел? Ведь ты видел ее своими собственными глазами. Мог ты себе представить, что это – старая женщина, моя собственная мать? Твоему воображению это было не под силу. И присмотрись к этой бутыли, попробуй ее содержимое. Это чистая вода, а не вино. Просто в таких бутылях обычно хранят вино. А ты собирался уйти в абсолютной уверенности, что я – обманщик, который тайком в лесу наслаждается вином и женщинами, а на людях носит маску великого учителя».

Ученик припал к его ногам и сказал: «Пожалуйста, прости меня!»

Джунайд сказал: «Дело тут не в прощении, а в понимании. Твое доверие было вынужденным, а вынужденное доверие рано или поздно будет разрушено. Твоя любовь – усилие, а любовь не может быть усилием: либо ты любишь, либо нет, вопрос об усилии не возникает. Ты пытался подражать другим ученикам, а путь истины не для подражателей. Я пришел на

это место только ради тебя, зная, что ты собираешься иа охоту и обязательио придешь к этому месту. Тебе надо иачать все с самого начала, и на этот раз твоя любовь не должна быть усилием, а твое доверие не должно быть выиужденным. Любовь и доверие прекрасны, когда они растут естественно, – и когда они растут естествеино, тогда иикакие факты и иикакие цифры не могут уничтожить их. Они обладают такой огромиой собственной энергией, что все факты и цифры просто испаряются».

Факт – это не истина, он подобен мыльному пузырю. Да, мыльный пузырь существует – ио его существование почти равио иесуществованию.

Истииа же обладает вечностью: она была истинной, она истинна, она будет истинной. Истина не может быть никакой другой.

Факты продолжают меняться. Факты зависят от толкований. Один и тот же факт можно истолковать тысячью и одним способом. И именно этим мы и заиимаемся, иначе не было бы так миого религий, так миого философий, так много идеологий.

Истииа же одна.

У мистика нет никакой философии, у мистика нет никакой идеологии – ибо у него есть сама истина.

Просто возьмите иесколько фактов и посмотрите, как их можно истолковывать не только разными, но и диаметрально противоположными способами. Махавира, самый великий джайнский учитель, всю свою жизнь ходил обнаженным. Он отрекся от мира, от своего царства, он отрекся от всего – от одежды, от обуви. Он жил как новорожденный ребеиок, обнаженный, с пустыми руками. У него не было даже чаши для подаяния. Он принимал подаяние прямо в свои руки. Он ни от чего ие хотел зависеть.

Его конечной целью была полная свобода.

И он был настолько последовательным, что даже отказывался пользоваться ножницами или бритвой для того, чтобы стричь волосы и бороду. Ведь это было бы зависимостью от ножниц или бритвы, поэтому он просто вырывал волосы собствеиной рукой. Это было больно, но он терпел. Он прожил восемьдесят два года... и ему приходилось вырывать волосы, так как он не мылся.

Согласно его подходу, мыться – значит укрощать тело... А тело есть не что иное, как кости, плоть и кровь – всякая гниль, просто покрытая кожей. Какой смысл принимать ванну? Вы же не тело. А сознание не нуждается в чистоте, ибо оно не может быть нечистым.

В Индии джайны вот уже две с половиной тысячи лет почитают его как одного из самых великих мистиков мира. И даже те, кто не принадлежит к его последователям, относятся к нему с великим уважением.

Но я призываю Зигмунда Фрейда проанализировать поведение и характер Махавиры... те же самые факты.

Это странно, но во всем мире в сумасшедших домах сидят тысячи людей, сумасшествие которых проявляется в том, что они ходят голыми и рвут на себе волосы. Это определенный вид сумасшествия, при котором люди ходят голыми и вырывают у себя волосы – они не позволяют, чтобы им стригли волосы или брили бороду. И те же самые сумасшедшие отказываются принимать душ или ванну. Странно...

Не относится ли и Махавира к этой категории сумасшедших?

Или эти сумасшедшие – Махавиры, великие учителя, не понятые этим безумным миром?

Здесь надо разобраться.

Как это ни странно, эти сумасшедшие – которые ходят голыми, рвут на себе волосы, отказываются купаться – абсолютно неагрессивны. Они совсем не опасны, они ни на кого не нападают, они никого не убивают. Они очень безобидные люди.

А в этом и заключается вся философия Махавиры – в ненасилии. Может быть, он был гениальным безумцем, обладавшим таким богатым интеллектом, что из своего безумия он создал философскую систему.

Ну, кто тут может разобраться?

Факт сам по себе не имеет никакого суждения, сам по себе факт ничего не говорит, факт есть просто факт.

Как только вы задумываетесь над ним, вы начинаете создавать толкования, и эти толкования будут зависеть от вашей позиции. Они не имеют ничего общего с фактом.

Поскольку я призвал Зигмунда Фрейда, я не могу так легко его отпустить. Он был основателем психоанализа, и при этом он всю свою жизнь оставался практичным иудеем, подписывавшимся под всеми предрассудками иудеев.

Например, обрезание: каждому еврейскому мальчику сразу же после рождения делают обрезание. Мусульманам тоже делают обрезание, но не сразу же после рождения, а через два или три года.

И евреи верят, что благодаря обрезанию они являются самым умным народом в мире. Пожалуй, верно, что они являются самой умной группой людей в мире. Во всем совре-

менном мире доминируют евреи: Зигмунд Фрейд, Карл Маркс, Альберт Эйнштейн – эти три фигуры выделяются среди миллиардов людей. Их вклад в благополучие человечества огромен.

Я уже говорил вам, что сорок процентов Нобелевских лауреатов приходится на долю евреев. Это просто нарушение всяких пропорций – сорок процентов на небольшую группу евреев, шестьдесят процентов на весь остальной мир. Естественно, они более разумны, тут не придерешься, это – факт. И у них есть идея, что они такие умные благодаря обрезанию, и этому они приводят философские, логические, научные доказательства.

И кто знает? Может быть, они правы. Ведь сейчас многие правительства мира готовятся принять постановления о том, что каждый ребенок, родившийся в больнице, должен подвергаться обрезанию. Неважно, кто ребенок по происхождению: иудей, христианин или мусульманин – дело не в этом, это вопрос гигиены.

Это, несомненно, гигиенично. Но у евреев за этим стоит притянутая за уши философская идея; они говорят, что когда рождается ребенок... а половые органы – самая чувствительная часть тела. Это признается наукой, психология утверждает, что половые органы связаны с определенным мозговым центром. Как это ни странно, этот центр, который связан с половыми органами, расположен в мозгу в непосредственной близости к центру интеллекта, они – соседи. И они просто не могут не находиться рядом друг с другом, ведь в мозгу имеется семьсот центров, так что они очень тесно связаны.

Евреи говорят, что когда маленькому ребенку делают обрезание, болевой шок достигает сексуального центра. Но этот шок так силен, а ребенок так нежен, что шок выходит из сексуального центра и затрагивает соседний центр – центр интеллекта. И интеллектуальный центр получает сильное стимулирование, которое другие дети не получают: поэтому такой ребенок далеко опережает в умственном развитии других детей.

А весь остальной мир смотрел на обрезание как на предрассудок.

Факт тот же самый, но теперь они подыскивают ему научные подтверждения. И это тоже не абсолютные доказательства, поэтому-то я и говорю, что эта идея притянута за уши. Но Зигмунд Фрейд тоже верил в это, хотя у него не было всех этих фактов, которые есть у меня, потому что в то время не было известно, что сексуальный и интеллектуальный

центры расположены рядом. Не было известно и то, что вся сексуальность обитает в уме, а половые органы – это просто приставка к сексуальному центру. Их можно обойти, вы можете наслаждаться сексуальным переживанием, не задействуя половые органы.

Зигмунд Фрейд никогда не исследовал, никогда не ставил под сомнение иудейскую идею обрезания, – а ему-то следовало бы сделать это, ведь он был евреем и вся его работа была связана с сексуальностью. Вся его жизнь была посвящена изучению сексуальности, но он обошел вопрос об обрезании, он не говорил о нем. Другие народы веками смеялись над обрезанием.

Я слышал, что в одном городе епископ и раввин жили напротив друг друга, и, естественно, они во всем соперничали друг с другом. Однажды епископ купил себе «шевроле». Раввин вышел на улицу и сказал: «Отличная машина... чья она?» Тут вышел епископ с ведром воды, вылил воду на машину и сказал: «Это моя новая машина».

Раввин спросил: «А зачем вы вылили на нее ведро воды?»

Епископ сказал: «Это крещение. Теперь это христианская машина – она крещеная».

Для раввина это было уж чересчур.

На следующий день епископ увидел в гараже раввина «кадиллак». Он был поражен... ведь в Америке «шевроле» – машина бедных людей. Бедные районы называются «районами шевроле». В других странах «шевроле» – машина богачей, но в Америке это машина для бедняков.

Епископ подошел к раввину и спросил: «Как вам удалось заполучить такую машину?»

Раввин сказал: «Бог заботится о своих избранниках. Пойдемте со мной – сейчас будет обряд».

Епископ спросил: «Какой обряд?»

Раввин сказал: «Зайдите в гараж и увидите».

Епископ зашел в гараж, а раввин пошел в дом и вернулся с парой больших садовых ножниц. Епископ ничего не мог понять – что происходит? Что за обряд? Раввин стал распевать какие-то мантры на иврите, а затем подрезал ножницами выхлопную трубу.

Епископ спросил: «Что вы делаете?»

Раввин сказал: «Я совершил обряд обрезания – теперь это абсолютно иудейская машина. Если вы можете крестить вашу машину, то неужели вы думаете, что я ничего не могу предпринять для того, чтобы сделать мою машину иудейской?»

Все смеялись над обрезанием.

Но Зигмунд Фрейд никогда даже не поднимал вопрос об

обрезаиии. Ои иикогда не подиимал ин единого вопроса, который бы противоречнл иудейской траднции. Всю свою логику, весь свой разум он использовал для того, чтобы критиковать все другие традицин.

Я спросил у одиого джайнского святого: «Зигмуид Фрейд сказал бы о Махавире то-то и то-то, хотя он и не говорил этого, так как ннчего ие знал о Махавире. Но я абсолютно увереи, что он сказал бы нмеино это. А что вы скажете о Зигмунде Фрейде, о иудеях?»

И вот что ои сказал: «Еслн бы кожа на конце мужского полового члеиа была иенужиой, Существоваиие ие иаделило бы ею ребенка. Существованне дает только то, что нужно. Обрезание этой кожн – это эгоизм. Это попытка доказать, что вы более мудры, чем само Существованне. И глупа сама идея, что человек более мудр, чем Существоваиие».

Я спросил его об Иисусе, так как на встречу с этим джайнским святым я взял с собой хрнстианского миссиоиера по имеии Стенли Джонс. Я сказал: «Вот – Стенли Джонс. Он упрекает джайнских святых, буддийских святых и индуистскнх святых за то, что они не служат человечеству. Наоборот, они требуют, чтобы люди служилн нм, поклонялись нм – мол, это нх неотъемлемое право. Людн могут умнрать от голода – нх это ие заботит. Будда и Махавира не открыли нн одной больнницы, ии одной школы для детей бедняков, ни одного прнюта, как Мать Тереза. Но считается, что эти люди очень сострадательны. Где же здесь состраданне? Что вы думаете об Иисусе?»

Ои сказал: «Об Иисусе? Согласно нашим представленням, все в жизни является соедииительным звеном прнчнны и следствня – это теория деяния».

Говорят, что еслн Махавира идет по дороге, а на ней лежит колючка, то колючка отлетнт с дороги, – ибо Махавира покончил со всемн дурными деяниями. Теперь Существование не может причинить ему никакой боли. Это выглядит логично: если Существование определяет награды и наказания, то, конечно, колючка должна отлететь с дороги.

Мусульмане говорят... ведь Мухаммед жил в Аравин: жаркое солнце, всегда безоблачное небо, никаких деревьев, никакой тени. Но над Мухаммедом, куда бы он ни пошел, всегда двигалось чудесное облако, – поскольку он покончил со всеми дурными деяниями. Именно поэтому он был выбран Богом в качестве посланника, он стал таким чистым, что мог быть средством передачи его откровения. Следовательно, Бог должен защищать его. При палящем солнце его овевает прохладный ветерок, а большое облако бросает на него тень.

Тот джайнский святой сказал: «Распятие Иисуса доказывает, что в своей предыдущей жизни он совершил какие-то очень дурные деяния. Распятие было наказанием».

Это не имеет никакого отношения к иудеям и римлянам, распявшим его. Это лишь видимые факты, а невидимая истина заключена в том, что он, должно быть, совершил что-то действительно гнусное – убийство, изнасилование, – и результатом было распятие. Поэтому распятию не следует поклоняться, это – осуждение.

А для христиан тот же самый факт – распятие Иисуса – делает его величайшим человеком на земле, ибо он пострадал за человечество, он пошел на крест ради вас, для вашего спасения он пожертвовал своей собственной жизнью. Таково их толкование.

Но джайны, индуисты и буддисты будут объяснять этот факт так: «Он пострадал за многочисленные преступления в прошлых жизнях. Он не пожертвовал своей жизнью ради кого-то – ведь мы не видим, чтобы кто-нибудь был спасен. Кто спасен? Он не смог спасти даже самого себя».

Одну вещь надо помнить всегда: пусть вас не беспокоят факты. Их можно очень убедительно интерпретировать тем или иным образом, но факты относятся к внешнему миру.

Истина – вот на чем вам следует концентрироваться.

Ты упоминаешь статью обо мне и общине в журнале «Нью-Йоркер». Наверное, они никогда раньше не публиковали такой большой статьи – 156 страниц. А то, что они называют фактами, было просто предоставлено им правительством. Они не спросили у меня, а ведь на каждый факт есть контрфакт. Но гораздо проще выслушать только одну сторону.

Я слышал, что Мулла Насреддин в старости стал почетным судьей. Подошло его первое дело. Он выслушал одну сторону и стал писать приговор.

Секретарь суда не мог поверить в происходящее. Он шепнул ему на ухо: «Что вы делаете, уважаемый судья? Вы же еще не выслушали другую сторону. Они ждут».

Мулла Насреддин сказал: «Я больше никого не собираюсь выслушивать, сейчас ситуация мне абсолютно ясна; а если я выслушаю другую сторону, я запутаюсь. Тогда будет трудно вынести приговор».

«Нью-Йоркер» просто представляет одну сторону.

Я приведу вам несколько фактов, которые есть у другой стороны, чтобы вы могли увидеть, что фактам не следует придавать решающее значение. Землю, которую мы приобрели для общины, почти полвека никто не хотел покупать, так как

это была пустыня. Там не росло ни единого цветка, эту землю никогда не возделывали – просто бесполезная пустошь. И это был большой участок – сто двадцать шесть квадратных миль, восемьдесят четыре тысячи акров.

Мы купили эту землю. Ее бывший владелец был очень счастлив, так как он уже утратил надежду продать ее.

А правительство предлагало за нее три миллиона долларов. Это была почти маленькая страна – сто двадцать шесть квадратных миль, в три раза больше, чем Манхеттен. И тот человек уже был готов согласиться, когда на сцену вышли мы.

Мы сразу же предложили ему шесть миллионов долларов. Он не мог поверить в это – не три миллиона, а целых шесть! Все тут же было улажено.

И это было началом конфликта с правительством. Но если правительство действительно было заинтересовано в этой земле, оно могло бы предложить больше. Им нечего было обижаться, это была простая коммерческая сделка. И вообще это не их земля.

Весь мир совершенно забыл, что настоящие американцы – это краснокожие американцы, которые сейчас живут в резервациях, в лесах. Их заставляют жить почти в концлагерях, в американском варианте немецких концлагерей – это получше, ведь в немецких концлагерях была колючая проволока, повсюду пулеметы, много жестокости.

Американский концлагерь более изощренный – никакой колючей проволоки, никаких охранников, вы и не скажете, что это концлагерь. Но это концлагерь – высшего порядка, более тонкого и изощренного качества.

И правительство выплачивает каждому индейцу пособие – ведь Америка принадлежит им, это их страна. У индейцев нет работы, но они получают достаточное пособие. И все, что им остается делать, – это плодить детей, так как чем больше у них детей, тем больше денег они получают. Каждому члену индейской семьи положено пособие.

Когда люди не имеют работы и имеют достаточно денег, что им остается делать? Отсюда азартные игры, пьянство, употребление наркотиков, проституция... ведь у них нет никаких забот, каждый месяц они получают пособие. Деньги ни за что – деньги за то, что они молчат о том, что Америка принадлежит им, а люди, которых называют американцами, не американцы. Кто-то из Англии, кто-то из Италии, кто-то из Франции, кто-то из Голландии, кто-то из Германии, кто-то из Швейцарии – из всех европейских стран, но они не американцы. Они все иностранцы.

И мой первый конфликт с правительством возник из-за того, что я сказал именно то, что говорю сейчас вам: американский президент такой же иностранец, как и я. Единственная разница в том, что он здесь два или три поколения, он иностранец двухсотлетней давности, а я свежий.

А свежее всегда лучше, чем старое и гнилое.

Я сказал им: «Эта земля не принадлежит ни вам, ни нам. Мы купили эту землю, мы заплатили деньги, а вы захватывали земли, убивали людей. Вы – преступники.

Если кто-то и должен получить разрешение на проживание в Америке, так это вы – от американского президента до последнего американского нищего. И если вы действительно верны вашей конституции, если вы за демократию, за свободу, если вы искренни и честны, тогда верните эту страну индейцам. Она принадлежит им. А вы подайте заявление о предоставлении вам вида на жительство. Если вы им здесь нужны, тогда можете оставаться, а если нет – тогда отправляйтесь домой.

И вы убивали, вы захватывали землю, вы – преступники.

Мы же просто купили землю.

Вы иногда тоже покупали землю, но это было лишь прикрытием захвата. Например, Нью-Йорк – земля, на которой расположен Нью-Йорк, – был куплен за тридцать серебряных монет. Хороша сделка! Как вы думаете, индейцы пошли на нее по доброй воле или под дулами ружей?»

Конфликт начался потому, что я сказал: «Все вы находитесь в том же положении, что и люди моей общины. Мы приехали недавно, вы приехали немного раньше. Вы совершали всевозможные преступления, а мы просто купили землю. И вы могли бы купить эту землю, если бы предложили за нее больше денег, – это обычный бизнес».

Но американское правительство молчит об этом.

И Америка, должно быть, останется единственной страной в мире, где люди, такие как бедные индейцы, не могут восставать. Это такая хитрая стратегия – давать им деньги. Они думают: «Восставать? Ради чего? Мы получаем деньги, достаточно денег, не надо работать... можно наслаждаться жизнью, петь, танцевать, принимать наркотики. Никаких проблем – зачем нам революция?» Сама идея неприемлема для них. И все они – пьяницы, наркоманы. Они не в состоянии устроить революцию. Деньги убили их революцию, убили их дух.

Потому что я сказал это ясно...

И потому что земля, которую мы купили, когда-то принадлежала древнему индейскому племени, которое сейчас живет неподалеку в лесах... И еще в старые времена этому

племеии было дано пророчество, что придет человек с Востока со своими последователями, одетыми в красные одежды, и освободит их от рабства, иавязаииого им захватчиками.

Случайио мон людн иосили красные одежды; случайио я прибыл с Востока. И индейцы стали прнходить к нам и говорить: «Мы так долго ждали – мы слышали это пророчество из поколения в поколение». И правительство испугалось этого, но оно никогда ие скажет о своих страхах.

Я мог бы поднять индейцев иа восстание против американского правительства. Я мог бы вызвать революцию – этого они боялись. Они хотели как можно быстрее уничтожить меия и мою общииу.

Эта земля ннкогда ничего не производила, но они объявили ее пахотиой землей: поэтому иам разрешалось построить на ней не больше двадцати фермерских домов. И мы иачали борьбу, мы заявили: «Вы должны доказать это. Что было выращено на этой земле за последние полвека? Если это пахотная земля, тогда на ией должио было что-то выращнваться. И только потому, что вы написали это в ваших бумагах... н мы не знаем, когда вы написали это. Может быть, вы написали это совсем недавно только для того, чтобы чнннть нам препятствия. Вы должны доказать, что на этой земле велись сельскохозяйственные работы. Еслн это пахотная земля, мы будем возделывать ее, но такой большой участок невозможно обрабатывать силамн небольшой группы людей, живущих в двадцатн фермерских домах. Чтобы сделать эту землю цветущей, потребуется по крайней мере пять тысяч человек. Надо создать водохранилнща, резервуары для сбора дождевой воды, так как без нее не обойтнсь. Нужны силы для стронтельства дорог, домов».

Но они не соглашалнсь нзменить районирование – что было просто глупо, так как мы не собиралнсь уничтожать нх пахотную землю. Мы создавалн пахотную землю из пустыни, мы превращали пустыню в оазнс.

Когда они увндели, что не могут победить, действуя в рамках закона, тогда они начали незаконные действня. А когда само правнтельство начннает действовать незаконно, противостоять ему очень трудно. Против небольшой группы в пять тысяч человек вело борьбу правительство, вела борьбу христианская церковь, но никто не мог сказать, что мы сделалн плохого.

Ближайший амернканский город находился в двадцатн милях от нас. Мы жнли самн по себе н заннмались своимн деламн. Но онн так снльно перепугались...

У этого страха были подсознательные причины.

Америка приналежит не им, а оии говорят о демократии, оии говорят о свободе, они говорят о правах человека. И оии отияли все земли у бедных индейцев, они уничтожают их таким изощрениым способом, который нигде еще ие примеиялся.

Положение индейцев безнадежно по двум причииам: во-первых, они не в своем уме, они постоянно пьяны, постояино бессознательиы – оии все время устраивают драки, убивают друг друга. Во-вторых, их рабство выгодно им – ие работая, оии получают пособие. Бороться с правительством – значит потерять пособие, тогда возникнут всевозможные проблемы – так зачем беспокоиться?

И поскольку я говорил об этом открыто... я пригласил президента Америки, губернатора штата, генерального прокурора приехать и увидеть своими глазами, какой эта земля была раньше и во что мы ее превратили.

Но вместо того, чтобы похвалить нас за нашу работу, они решили уничтожить общину н заставить нас покинуть Америку.

Похоже, они так сильно любили ту пустыню, что теперь оии снова превращают эту землю в пустыню.

Может быть, им нужна третья мировая война, чтобы превратить в пустыню всю Америку. Еслн оии так снльио любят пустыию, нх желания должны осуществиться.

Но эти факты, которые онн представнли через год... Где был этот «Нью-Йоркер», когда я был там и мог ответить? Теперь они приводят факты и цнфры.

И они ни разу не обратнлись к другой стороне с вопросами: «А каковы ваши факты и цифры? Каковы ваши претензии к правнтельству? Не счнтаете ли вы, что правнтельство вело себя по-фашистски, агрессивно, грубо, примитивно, недемократично?..»

Им следовало бы спросить у нас – ведь мы пострадали.

Но пресса лнбо в руках церквн; лнбо в руках полнтических партий, лнбо в руках правнтельства, либо в руках богачей.

Первым, кто выступнл протнв нас, был бывший вице-президент Рокфеллер, – так как он планировал сделать весь Орегон федеральным штатом. Федеральное правнтельство владеет половиной земли в Орегоне, н они хотелн завладеть всей землей в Орегоне, чтобы создать там убежнща на случай ядериой войны. И Орегон – самое подходящее место: там мало иаселения, его легко можно было бы превратить в огромное убежище на случай ядерной войны.

Когда мы появилнсь в этом штате, первым человеком, у которого это вызвало раздражение, был Рокфеллер – ведь

теперь эти сто двадцать шесть квадратных миль не могли стать федеральной собственностью.

Именно он сказал на пресс-конференции: «Эта община – независимая страна внутри нашей страны, этого допустить нельзя!»

Если бы они попросили нас... Ведь это было так просто. Они могли бы предоставить нам землю где-то в другом месте, мы бы перенесли общину. Или с самого начала они могли бы сказать нам: «Мы готовы предоставить вам другой участок земли». Не было бы никаких проблем, нам было все равно.

Но эти люди говорят одно, а делают другое. А думают еще о чем-то. Никогда точно не знаешь, что у них на уме, что они делают и какова их цель.

Они признали наше право быть городом – и это было признано судом, в составе трех судей.

Один судья был против нас, он был фанатичным христианином. Но видя, что двое других судей были готовы признать наше право и его мнение ничего не изменит, он тоже поставил свою подпись, и мы стали городом.

И это им было труднее всего проглотить: вопреки президенту, вопреки всему американскому правительству мы выиграли это дело и стали городом...

Вы будете удивлены, в двадцатом веке... Один судья, который был за нас, был мормоном. Мормоны – очень хорошие люди, христианская секта, но очень честные и искренние люди.

И в Америке они претерпели очень много страданий от других христиан из-за особенностей своего вероучения...

Например, они верят, что их глава находится в прямом контакте с Богом, без всякого папы римского, без всякого посредника. У главы мормонов есть прямая линия связи с Богом. Для христиан это неприемлемо – они обходят папу римского.

Они убили основателя мормонской секты, и тем самым они сплотили мормонов... и им пришлось дать мормонам право основать город. Повторялась та же история, и они испугались. Сейчас у мормонов есть свой город – Солт-Лейк-Сити, один из самых красивых городов в Америке.

Один судья был мормоном. И был разыгран такой трюк: глава мормонов сообщил этому судье, что Бог избрал его для того, чтобы он подал в отставку и отправился в Нигерию служить человечеству.

Я сказал этому судье: «Это простая политика. Они хотят убрать вас с этого поста, так как когда вас здесь не будет... один судья против нас, другой колеблется и готов присоединиться

к любому, кто на него нажмет. Мы стали городом только благодаря вам, вашей нскренностн, вашей справедливости. Теперь вы оставляете иас в очень трудном положеннн».

И что за дурацкая ндея. В мнре жнвут мнллнарды людей, а Бог выбрал именно этого бедолагу – н ему надо уйтн в отставку н отправнться на целый год в Нигерню. Но мормоны такне простые людн, что онн повернлн, что это было повеленнем Бога, н онн не моглн ослушаться.

Так что он ушел в отставку, н сразу же на его место был назначен фанатичный хрнстнанин. Тот же самый суд, который прнзнал за намн право быть городом, через полгода отказал нам в праве быть городом. И весь фокус был в том, что они убралн одного человека, который не мог поступать не по совестн, н заменнлн его абсолютно фанатичным христнаннном. Онн полностью забыли о своих собственных законах, н они делали все в нарушение своей собственной констнтуции.

Два года непрерывно ходнл слух, что онн собнраются арестовать меня; но онн не осмеливалнсь проникнуть на террнторню общнны по той простой причнне, что онн зналн, что пока онн не убьют пять тысяч санньяснннов, онн не смогут меня арестовать. А онн не были готовы идти на такой риск – убнйство пяти тысяч человек, большннство нз которых были амернканцами, навсегда скомпрометнровало бы нх демократию.

Онн хотели каким-нибудь образом выманить меня нз общиины, чтобы где-ннбудь захватить меня одного, вот почему они выжндали два года. До нас постоянно доходнлн слухн об этом, н постепенно все решнли, что это всего лишь слухн н у них не хватнт на это смелости.

В соседнем амернканском городке, в двадцатн милях от иас, онн разместнли частн Нацнональной гварднн, н с каждым днем накаплнвалн там все больше н больше снл, чтобы прн необходимости онн легко моглн убить пять тысяч человек.

Но когда им удалось выманнть меня нз общнны, дела у них пошлн легче.

Без ордера на арест онн арестовалн меня н пять санньясинов, которые были со мной. Это было абсолютно незаконно. Они не смоглн даже подыскать убеднтельное основание для ареста, целых трн дня в суде онн не могли доказать необходнмость моего ареста.

Тем не менее меня не отпустили под залог.

Таковы факты и цифры. Правительство оказало давленне на мирового судью: «Если вы хотите стать федеральным судьей, не отпускайте его под залог». Так что всех пятерых санньясинов отпустили под залог, только я остался под арестом.

И в суде прокурор, представлявший интересы правительства, сказал: «Мы не можем доказать выдвинутые протнв него обвннения, но правительство требует, чтобы его не отпускали под залог, так как этот человек очень умен, – впервые я услышал, что быть умным преступно, – н у него много друзей».

Я никогда не думал, что этого достаточно, чтобы быть преступником; если этого достаточио, чтобы быть преступнником, тогда Иисус Христос – самый большой преступиик в мире, ведь половина людей иа земле христиане.

И в-третьнх, прокурор сказал, что у меия столько денег, что я могу пожертвовать залогом – даже еслн это будет залог в десять миллнонов долларов, я могу позволить себе потерять их.

И это показывает всю их ничтожность и слабость... Великая держава – со всей своей армией, со всем своим ядериым оружием, со всей своей полицией – не может воспрепятствовать человеку пересечь страиу... Тогда вся нх власть бессильна.

Но все дело было в том, что мирового судью, а это была женщнна, заботило только то, как бы ей стать федеральным судьей.

Даже начальинк тюрьмы не думал, что я вернусь в тюрьму. Он считал, что для этого иет никаких оснований: «У них нет ордера на арест, у них нет ннкаких доказательств, вас освободят».

Он привез в суд мои вещи н сказал: «Я могу освободить вас прямо у здання суда, нет необходимости возвращаться в тюрьму».

Когда ему пришлось везтн меня назад в тюрьму, он был очень раздражен. Ои сказал: «За всю мою жизнь я не видел такой несправедливостн. За три дия судебиого разбирательства прокурор ничего ие смог доказать – и он прнзнает, что иичего не может доказать. Тем ие менее правнтельство хочет...»

А что такое правительство? В этом деле правнтельство было всего лишь одной нз сторои. И, действуя против одного человека, правительство оказывает давление на судью – подкупает, шантажирует...

Начальиик тюрьмы сказал мие: «Дело в том, что этой женщнне сказалн, что если оиа освободнт вас под залог, – а вы на это имеете право, – ее не назначат федеральиым судьей. А оиа хочет стать федеральным судьей».

И через три дия оиа стала федеральным судьей.

Этнм журналистам следует думать не только о тех, у кого

есть власть, но н о тех, у кого властн нет, они должны защнщать людей от несправедлнвостн.

Против меия были выдвинуты обвннення в совершенни ста тридцати шести преступлеиий – против человека, который ие выходил из дома. Я три месяца ие выходил нз дома, даже в сад; как я мог умудриться совершить сто тридцать шесть преступленний?

Но представителн правнтельства сказали моим адвокатам: «Еслн вы не призиаете хотя бы два преступлеиия, тогда жизиь Бхагавана будет в опасиости».

Это был последиий шантаж. «Если хотите подвергиуть его жнзиь опасиостн, вы можете иачииать процесс», – это было сказаио за пять минут до начала судебного заседания. «Лучше согласнтесь н убедите Бхагавана согласиться на это», – только для того, чтобы показать миру, что оии были правы; раз я признал себя виновным, зиачит, я совершил эти преступления. И они угрожали: «Если вы ие согласитесь, тогда ему будет отказано в праве освобождення под залог, а процесс можно растяиуть иа десять-двадцать лет – правительство в снлах это сделать. А в тюрьме с Бхагаваном может случиться все, что угодно. Так что если вы хотнте спасти его, то попытайтесь убедить его признать себя виновиым».

Мои адвокаты пришлн ко мне со слезами на глазах, оии сказали: «Мы никогда не сталкивались с таким шантажом – и шантажом заннмается правительство, оио недвусмысленно угрожает! Поэтому вам надо призиать два обвниеиия. И оин не хотят, чтобы вы оставались в Америке и пятнадцати минут. Прнзнайте себя внновным по двум обвнненням – и ваш самолет уже ждет в аэропорту, вы сразу же улетите из Амернки, н вам иельзя будет пять лет возвращаться сюда».

Сперва я хотел отказаться.

Но я посмотрел иа моих адвокатов, я вспомннл о монх саниьясинах во всем мире. А я уже слышал, что некоторые саниьясины отказались принимать пищу. Те двадцать диеи, когда я был в тюрьме, некоторые саиньясиины отказывалнсь от еды, оии голодали.

Я ие жесткий человек, я также и ие серьезиый человек. Поэтому я сказал: «Никаких проблем. Не беспокойтесь – я согласеи. Но как только я выйду из здания суда, я заявлю журналнстам, что это – шаитаж».

И это правда, что они были готовы убить меия, так как, когда я вернулся в тюрьму, чтобы забрать мои вещи, под моим креслом уже была установлена бомба. Она ие взорвалась, потому что это была бомба с часовым механизмом.

А я приехал в тюрьму рано – так как я сразу же признал обвинения. Я сказал: «Нет смысла продолжать. Я признаю себя виновным в любых двух преступлениях по вашему выбору. Я даже знать не хочу, что это за преступления». Так что за пять минут дело было закрыто.

Они думали, что я приеду в тюрьму к пяти часам, а я приехал к часу дня. Бомба была установлена не на то время. И когда я уехал из тюрьмы, им пришлось обезвредить бомбу. И они вынуждены признать сейчас, что в тюрьме никто не может установить бомбу, кроме самого правительства, больше туда никто не может проникнуть.

Американская тюрьма... сперва вы должны пройти через трое ворот, все они автоматические. Вы не сможете открыть ворота, они открываются только при нажатии кнопки дистанционного управления. Когда первые ворота открываются, двое других ворот остаются закрытыми. И вторые ворота открываются только тогда, когда первые снова закрыты. А после ворот надо пройти еще три специальных помещения.

И комната, в которой я должен был получить мои вещи, находилась во внутренней части здания. Никто извне не мог бы проникнуть туда и установить там бомбу.

Бомбу установило правительство. Должно быть, они решили, что если я откажусь признать обвинения, то будет лучше сразу же прикончить меня, а не растягивать на долгие годы судебный процесс, в котором они непременно проиграли бы – ведь у них не было никаких свидетельств, никаких доказательств.

Все эти сто тридцать шесть преступлений – это просто их воображение, и ничего больше. И совсем недавно, несколько дней назад, это было признано генеральным прокурором.

На пресс-конференции его спросили: «Почему Бхагавана не посадили в тюрьму?»

И он сказал: «Потому что он не совершил никакого преступления и у нас не было никаких доказательств».

И этот же самый человек стоял в суде со списком, в котором были перечислены сто тридцать шесть преступлений.

А этот человек – правая рука Рональда Рейгана, они друзья детства, они оба были актерами в Голливуде. И когда Рейган стал президентом, он сделал его генеральным прокурором Америки; сейчас он является высшей юридической властью в Америке. Поэтому быть того не может, чтобы он действовал без ведома Рональда Рейгана.

Это заговор Белого дома.

Журналистам надо бы набраться немного мужества; и

когда они начинают писать статьи о фактах и цифрах, им надо излагать точку зрения другой стороны тоже – просто представить точки зрения обеих сторон и не выносить собственных суждений. Пусть люди сами решают.

А истина обладает одним качеством: если вам представлены точки зрения обеих сторон без всякого предубеждения, вы сможете разобраться, что правда и что ложь.

И это помогло всему нашему движению во всем мире. Те, чье доверие было вынужденным, чья любовь была деланной, должны, естественно, выпасть из моего мира, из моих людей.

Но это было испытанием огнем для тех, кто действительно любит меня и доверяет мне. Их доверие стало еще сильнее, их любовь стала еще глубже. И тысячи новых людей присоединились к движению. Видя, что против одного человека ополчились правительства всего мира... невозможно, чтобы этот человек был неправ.

Ведь в противном случае всем этим правительствам не было бы необходимости преследовать меня. Они бы могли просто опровергнуть меня, их теологи могли бы опровергнуть меня, их юридические системы могли бы доказать, что я неправ. Но поскольку они ничего не могут доказать, они теперь опустились до нижнего предела. Рональд Рейган и люди, которые заодно с ним, скатились до уровня террористов.

Ведь подложить бомбу человеку, который находится под их защитой в тюрьме, – это же чистая бесчеловечность. И Существование не потерпит этого, Существование не простит этого, Существование не забудет этого. И вы увидите, как каждый день эти люди будут исчезать со сцены.

Истине приходится ждать, но ждать не вечно.

Она терпелива; она терпелива, ибо знает, что ее победа неизбежна.

Бхагаван Шри Раджниш

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОСВЕТЛЕНИЯ

Редакторы
К. Кравчук, А. Липатов

ЛР № 070867 от 08.02.93. Подписано в печать 10.03.94.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Школьная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,0. Уч.-изд. л. 30,68.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 38 . С30.

Издательство "Либрис". 125871 Москва, ГСП, Волоколамское ш., 4
Отпечатано с готового оригинал-макета в тип. ИПО "Полигран"
125438 Москва, Пакгаузное ш., 1